НЕУНЫВАЮЩИЕ ЛЕГЕНДЫ ФЭНТЕЗИ

Лайон
СПРЭГ ДЕ КАМП
Флетчер
ПРЭТТ

Дипломированный чародей

ГАРОЛЬД ШИ, ЧАРОДЕЙ С ДИПЛОМОМ, ИЗВОЛЬТЕ ЛЮБИТЬ И ЖАЛОВАТЬ!

Эксмо

Лайон
СПРЭГ ДЕ КАМП
Флетчер
ПРЭТТ

Дипломированный чародей

Лайон
СПРЭГ ДЕ КАМП
Флетчер
ПРЭТТ

Дипломированный чародей

Лайонел
СТРЭЧ
ДЕ КАМЕН
Флетчер
ПРЭТТ

Ревущая труба

•

Математика волшебства

•

Железный замок

•

Стена змей

•

Волшебник Зеленых Холмов

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Лайон
СПРЭГ ДЕ КАМП
Флетчер
ПРЭТТ

Дипломированный чародей

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 74

L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt

THE COMPLEAT ENCHANTER

The Roaring Trumpet © by 1941 L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt
The Mathematics of Magic © by 1941 L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt
The Castle of Iron © by 1950 L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt
The Wall of Serpents © by 1960 L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt
The Green Magician © 1960 by L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Спрэг де Камп Л., Прэтт Ф.
С 74 Дипломированный чародей: Фантастические произведения / Лайон Спрэг де Камп, Флетчер Прэтт; [пер. с англ. А. Лисочкина, Ю. Вейсберга]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 592 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-24537-6

Фэнтезийная сага о приключениях несравненного мастера чародейства Гарольда Ши, выходящего сухим из воды любых фантастических океанов, принесла ее авторам, Л. Спрэгу де Кампу и Флетчеру Прэтту, всемирную славу. Сметливый симпатичный герой, вдобавок ко всему и с дипломом, кочует из мира в мир, попадая то в царство Фей, то в древнюю холодную Скандинавию, то встречается на своем пути с неистовым, хоть и благородным Роландом. Главное при подобных встречах — держать наготове меч и не забывать о навыках чародея.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. А. Лисочкин, Ю. Вейсберг, 2007
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

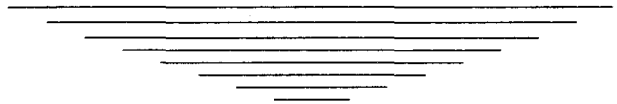
ISBN 978-5-699-24537-6

Пишу я о том, чего ни сам я не видел, ни от других не слышал, о том, чего нет, да и быть никогда не могло, а посему у читателей моих нет никаких оснований написанному верить.

Лукиан Самосатский

Ревущая труба

1

В комнате их было четверо — трое мужчин и женщина. Лица мужчин ничем особенным не отличались, да и одежда — правда, только у двоих — тоже ничем особенным не отличалась. Третий же был облачен в бриджи для верховой езды, громоздкие бутсы и замшевый пиджак в шотландскую клеточку. Невероятной лохматости полупальто из тех, в коих принято играть в поло, и щегольская рыжая шляпа с зеленым пером, брошенные рядом на кресло, тоже принадлежали ему.

Обладатель сего балаганного наряда не относился ни к киноактерам, ни к так называемой золотой молодежи. Был он психоаналитиком, и звали его Гарольд Ши. Темноволосый, чуть повыше и похудощавей, чем принято по средним меркам, он вполне мог показаться даже красивым, будь нос у него чуток покороче, а глаза поставлены малость пошире.

Женщина — точнее, девушка — рыжеватая блондинка, служила в Гарейденской клинике старшей медсестрой и прозывалась (хоть это и не доставляло ей особой радости) Гертрудой Маглер.

Двое других мужчин, как и Ши, тоже были психологами, коллегами по одной научной группе. Тот, что здорово постарше, с густой взлохмаченной шевелюрой,— руководитель группы по имени Рид Чалмерс как раз пытался выяснить у Ши, какого дьявола тот вырядился таким попугаем на работу.

Ши изо всех сил защищался:

— Захотелось после окончания трудового дня покататься верхом. Честное слово.

© Перевод А. Лисочкина.

— Ты на лошади-то хоть когда-нибудь сидел? — поинтересовался третий — крупный, сонного вида молодой человек по имени Уолтер Байярд.

— Нет,— честно признался Ши.— Но надо же когда-нибудь учиться!

Уолтер Байярд фыркнул:

— Все выделываешься, аристократа великого корчишь. Надеешься, что теперь прогулки верхом помогут? Сначала у него этот кошмарный, якобы чисто английский прононс — слава богу, ненадолго. Потом фехтование. А прошлой зимой? Кто тут все перепачкал этой патентованной норвежской лыжной мазью, а? А катался, между прочим, всего два раза.

— И что с того? — огрызнулся Ши.

Тут вмешалась Гертруда Маглер:

— Гарольд, не позволяй им издеваться над своей одеждой.

— Спасибо, Герт.

— Мне лично кажется, что ты очень мило выглядишь.

— Гм...— Физиономия Ши выражала уже не столь горячую благодарность.

— А вот лошади — это зря. Не вижу особого смысла. Когда есть автомобили...

Ши протестующе поднял руку.

— На то у меня свои причины, Герт.

Гертруда бросила взгляд на наручные часики и поднялась.

— Мне пора на дежурство. Не глупил бы ты, Гарольд. И не забудь, что пригласил меня сегодня на ужин.

— Угу.

— Расходы пополам.

Ши поморщился:

— Герт!

— Всем пока! — сказала Гертруда и удалилась, шурша накрахмаленным халатом.

Уолтер Байярд хихикнул:

— Пополам — и точка. Хорош мужик, ничего не скажешь.

Ши постарался обратить все в шутку:

— Сколько ни отучаешь ее обсуждать такие проблемы публично, все без толку. Ладно, заколачивает-то она побольше меня, так что пусть на здоровье ходит в ресторан хоть четыре раза в неделю — всяк лучше, чем всего два за счет моего скромного бюджета. Что, не так? Вообще-то она ничего девчонка.

— А она-то размечталась, что ты идеалист, Гарольд,— хитро заметил Байярд.— Она даже как-то говорила за обедом, что...

— Что, правда? Черт бы ее побрал!

Вмешался Чалмерс:

— Не пойму, Гарольд, почему вы продолжаете... гм... встречаться с девушкой, если она вас так раздражает?

Ши пожал плечами:

— Наверное, просто из тех, с кем у меня явно дело далеко не зайдет, ее еще хоть как-то можно вынести.

— А сам тем временем ждешь девушку своей мечты? — подколол Байярд.

Ши снова попросту пожал плечами.

— Ладно, рассказывай,— усмехнулся Байярд.— Видите ли, доктор, а дело-то все в том, что стоило ему к ней раз подкатиться, как сразу же последовала хорошо рассчитанная психологическая атака. И теперь ему просто боязно завязывать.

— При чем тут боязно? — огрызнулся Ши. Он встал, и голос его прозвучал неожиданно громко: — И вообще, Уолтер, что-то я не пойму, какое твое собачье дело...

— Ну-ну, Гарольд, лично я не вижу оснований для подобного взрыва,— сказал Чалмерс и обеспокоенно добавил: — Может, вы в чем-то не удовлетворены своей работой?

Ши перевел дух.

— Да нет, почему же? Делаем мы тут все, что вздумается, никто над душой не стоит, да и старику спасибо, что про институт не забыл, когда завещал свои денежки клинике. Средств сейчас я могу тратить куда больше — да, в общем-то, как и любой из наших...

— Я не о том,— перебил Чалмерс.— Все эти ваши позы, взрывы, срывы — все это свидетельствует о некоем внутреннем конфликте, о некоем разладе с окружающим...

Ши ухмыльнулся:

— Назовите это «подавленной романтичностью». Между прочим, сам придумал, и уже давно. Вот смотрите: Уолт целыми днями тщится стать чемпионом Среднего Запада по теннису. Зачем? Герт пропадает в салонах красоты, хочет быть похожей на падшую русскую княгиню, чего ей бог не дал. А это все та же романтичность, ничто иное. А *мне* вот нравится наряжаться. Ну и что?

— Все это верно,— согласился Чалмерс,— если вы только не начинаете относиться к плодам своего воображения чересчур серьезно.

— Например, к девушкам своей мечты,— вставил Байярд.

Ши искоса поглядел на него. Чалмерс продолжал:

— В общем, если вы, не дай бог, начнете всерьез страдать от... гм... приступов депрессии — обязательно поставьте меня в известность. А теперь — за дело.

— Опять эксперимент с наркоманами? — спросил Ши.

— Нет,— ответил Чалмерс.— Надо обсудить новую гипотезу. Я даже надеюсь, что она станет основой новой науки — парафизики. Попробуем выяснить, можно ли на данной стадии получить экспериментальное подтверждение. Я уже рассказывал вам о своем исходном тезисе: мир, в котором мы живем, складывается из впечатлений, полученных через ощущения. Но возможно существование и бесконечного множества других миров. И вот если наши ощущения определенным образом настроить на получение некой иной серии впечатлений, мы неизбежно обнаружим себя живущими в совершенно другом мире. Именно здесь, в клинике, я получил лишнее подтверждение данному тезису, занимаясь изучением... гм... психически больных. В основном параноиков. Именно вы,— кивнул он на Байярда,— навели меня на эту мысль своим докладом о пациенте с психозом Корсакова. Следующий шаг, который необходимо осуществить,— это перевести теоретические выкладки в положения прикладного характера, то есть выяснить, каким именно образом можно перемещать объекты и людей из одного мира в другой. То частичное и неосознанное перемещение, которое наблюдается у душевнобольных, как правило, приводит к результатам, катастрофическим для психики...

— Минуточку,— прервал его Ши.— Вы что, хотите сказать, что полный сдвиг и в самом деле перенесет человеческое тело из одного мира в другой?

— Очень может быть,— сказал Чалмерс.— Ведь тело фиксирует любые ощущения независимо от сознания. Хотя для полной уверенности обязательно необходим натурный эксперимент. Правда, пока я далеко не убежден, стоит ли пускаться на такой риск. Вероятно, в другом мире и законы будут другие, а тогда и возвращение, скорее всего, окажется невозможным.

— Значит, вы считаете, что в мире, скажем, античных мифов будут действовать законы волшебства, а не современной физики?

— Именно. Вот только...

— Стойте! — воскликнул Ши.— Получается, что эта новоиспеченная парафизика будет охватывать основные законы всех возможных миров, а то, что мы называем физикой, превратится в отдельный случай парафизики?

— Не спешите, молодой человек,— остановил его Чалмерс.— Сейчас разумней будет определить понятие «парафизика» как отрасль знания, исследующую взаимосвязь различных миров на основе предположения, что миры эти и в самом деле существуют. Как вы помните, вольная трактовка термина «метафизика» в свое время привела к тому, что он практически превратился в синоним понятия «философия».

— Которую,— подхватил Ши,— одни понимают как разновидность научного знания, другие — как разновидность знания ненаучного, а для третьих — это не наука и не знание вообще.

— Великолепная формулировка,— пробормотал Чалмерс, выуживая из кармана черный блокнотик.— Сам Э. Т. Белл не выразился бы столь емко и афористично. Я обязательно включу ваши слова о статусе философии в свою следующую книгу.

— Вот как? — Ши аж подпрыгнул на стуле.— И что, даже доходами не поделитесь?

Чалмерс мягко улыбнулся:

— Гарольд, голубчик вы мой, кто же мешает вам написать собственную книгу? Я искреннейшим образом вам это рекомендую.

Байярд усмехнулся:

— Гарольд у нас широкая душа, прямо ковбой в кино. Вот я, например, своими словесными перлами не разбрасываюсь. Я их берегу до той поры, пока не смогу использовать с толком и получить за это денежки. Но вернемся к нашим баранам. Как вы собираетесь перемещать людей из одного мира в другой?

Чалмерс нахмурился:

— До этого мы дойдем, только всему свое время. Насколько я представляю, основой метода должно стать усвоение нашим сознанием неких фундаментальных положений, лежащих в основе того или иного мира, который мы намереваемся достичь. Что это могут быть за положения? Я склоняюсь к мысли, что в первую очередь положения формальной логики.

— Например? — перебил Ши.

— О, ну тот же, скажем, принцип зависимости: любое обстоятельство, в котором и только в котором наличие известного феномена отлично от его отсутствия, связано с данным феноменом.

— Ф-фух! Звучит почти столь же отвратно, как определение количества Фрейга.

Байярд тут же забубнил:

— Количество объектов в данном классе...

— Уолтер, помолчи, у меня нервы не железные!

— ...является классом всех классов, тождественных данному классу.

Чалмерс хмыкнул:

— Вы закончили шутить, джентльмены? Тогда я продолжу. Допустим, что среди бесконечного множества миров существует и такой, который управляется магией. В таком случае может оказаться, что принцип зависимости будет там недействителен, вместе с ему подобными, а вот магические — например, закон подобия — действительны.

— Что это за закон подобия? — поинтересовался Байярд.

— Сформулировать его можно примерно так: эффект подобен изображению эффекта. У нас такой закон не действует, хотя первобытные люди в него твердо верили. Они, например, воображали, что стоит опрыскать землю водой, да еще произнести при этом что-нибудь вроде «мамбу-ямбу», как пойдет и настоящий дождь.

— Я и не подозревал, что вы способны формулировать принципы магии,— заметил Ши.

— А как же,— с достоинством отозвался Чалмерс.— Возьмем наших врачей — фокусниками они себя не считают. Они уверены, что работают на основании законов природы. В мире, где все твердо верят в эти законы, так оно и есть. А там, где общественное сознание настроено на восприятие неких иных впечатлений, могут, очевидно, действовать и законы магии. Слышали, должно быть, об африканских колдунах-врачевателях? Фрезер и Сибрук сформулировали несколько магических законов, на которые опираются эти дикари. Закон распространения, например: объекты, когда-либо находившиеся в контакте, продолжают взаимодействовать на расстоянии. Как вы...

Ши нетерпеливо щелкнул пальцами.

— Секундочку, доктор. В мире вроде того, о котором вы говорите, как получается: законы магии действуют, поскольку в них верят, или люди в них верят, потому что они действуют?

Чалмерс вкрадчиво улыбнулся — верный признак того, что он собирается раздавить оппонента интеллектом.

— Подобный вопрос, Гарольд, по бессмертному выражению Расселла, лишь бессмысленный шум.

— Не надо, доктор,— отрезал Ши.— Слыхали. Это любимая увертка всех наших эпистемологов. Как задашь им вопрос, на который они не могут ответить, так они только улыбаются и твердят про бессмысленный шум. А я уверен, что мой вопрос вполне разумен и, следовательно, заслуживает разумного ответа.

— Он лишен смысла,— повторил Чалмерс,— и я с легкостью докажу это на основе вашей же попытки... гм... построить концептуальную структуру на базисе скорее абсолютистском, нежели релятивистском. Я вам докажу это. Чуть позже. А сейчас позвольте мне продолжить изложение проблемы. Да, как вам известно, последовательную логическую цепочку можно построить из любого набора посылок...

Байярд вдруг широко раскрыл полуприкрытые доселе глаза и встрял с очередным резким замечанием:

— Послушайте, доктор, а не трещит ли ваша гипотеза по всем швам? По-моему, она не исключает и возможности перемещения в будущее. И что же? Мы познакомимся с не открытыми еще законами, не сделанными еще изобретениями. Но в будущем наверняка уже в курсе нашего метода, так что мы сможем вернуться в настоящее с полным чемоданом всяких новинок. Перенесенные знания будут предвосхищать будущее, а значит, изменят его.

— Гениально, Уолтер,— остановил его Чалмерс.— Только, боюсь, вы кое-что упустили. В будущее *вообще* мы действительно сможем попасть, только вовсе не обязательно это должно оказаться именно *наше* будущее — то самое, что предстоит нашему эмпирико-позитивистскому миру. Для подобного перемещения в другой мир необходимо иметь мысленную модель структуры отношений в нем. Для этого вам потребуется полный набор понятий определенного физического мира, тех самых понятий, кои обусловливают воспринимаемые сознанием впечатления. А понятия будущего — продукты взаимодействия различных неизвестных нам факторов, в чем и...

— Ясно,— поддакнул Ши,— структура отношений действительного будущего еще не сформировалась, в то время как такие структуры для всех прошлых миров уже упорядочены.

— Совершенно верно. Скажу вам больше: проникнуть можно в те и только в те миры, которые представлены готовой упорядоченной моделью отношений. Можно, например, попасть в любое

будущее из произведений Герберта Уэллса, надо только выбрать ряд основных исходных посылок. В случае же с реальным будущим нам такие посылки неизвестны. Но не могу не заметить, что умозрительная экстраполяция на основе наших скудных данных уже унесла нас... гм... в заоблачные дали. Поэтому давайте-ка вернемся в наше родное время и пространство и посвятим себя разработке конкретной технологии эксперимента, с помощью которой мы пойдем на штурм парафизических проблем. Итак, чтобы получить некое транспортное средство, способное перенести нас из одного мира в другой, нам придется решить достаточно непростую задачу по извлечению из картины некоего мира — скажем, мира «Илиады» — исходных посылок и...

— Другими словами, понадобится эдакий силлогизмобиль? — перебил его Ши.

На какой-то миг показалось, что Чалмерс раздосадован, но он тут же рассмеялся:

— Умеете вы, Гарольд, выражаться образно. Не устаю вам повторять: напрасно вы не печатаетесь, растрачиваете таланты впустую. Хотя должен заметить, что термин «силлогизмобиль» годится разве что для внутреннего использования, среди сотрудников Гарейденского института. Когда придет время огорошить коллег-психологов парафизикой, потребуется определение подостойней.

Гарольд Ши лежал на кровати, курил и размышлял. Курил он дорогие английские сигареты — не столько потому, что особо их любил, сколько по той причине, что согласно его показушному имиджу и курить полагалось что-нибудь эдакое. А размышлял он о докладе Чалмерса.

Да, эксперимент может быть связан с опасностями — доктор прав, но, с другой стороны, и жизнь такая наскучила Ши необыкновенно. Чалмерс — способный ученый, но страшный зануда. Если и могут мирно сосуществовать талант и занудство, то Рид Чалмерс — образчик подобного союза. По идее, исследователями считаются все трое, но на деле двое из них просто сборщики фактов, поставщики данных для доктора-эрудита, который оставляет за собой право наслаждаться анализом и обобщением.

«Положим, кое-какие развлечения у меня есть,— думал Ши,— но, в сущности, это лишь жалкая замена настоящей интересной жизни». Сами по себе бриджи с нелепыми бутсами хороши, но первый же опыт верховой езды обернулся горьким разочарованием. Он-то думал, что, скача на лошади, испытает упоительный азарт кавалерийской атаки,— где там! Единственно, чего добился он своими чудачествами, было то, что все знакомые сочли его малость чокнутым. Ну и ладно, наплевать.

Впрочем, Ши был неплохим психологом и обманывать себя долго не мог. Ну конечно не наплевать. При столь неукротимом желании произвести впечатление посильнее далеко не весело то и дело оказываться в положении обыкновенного неудачника, против которого оборачивается все, что бы он ни затевал.

К черту, думал он, хандри не хандри, толку не будет. Чалмерс считает, что перемещения возможны. Только огня не хватает у старого борова, вдохновения, полета. Однажды он вздумал подвергнуть институтскую уборщицу сеансу психоанализа, так она, бедняжка, решила, что он предлагает ей руку и сердце. Хотя, конечно, промахнулся он тогда в технике, а не в общей теории. В теории-то Чалмерс силен, он уже сейчас видит все возможные опасности.

Да. Коли он говорит, что при помощи некой формулы можно переместиться в иное время и пространство, значит, так оно и есть. Но это же... это же полная свобода от... Вот именно — от собственной постылой незначительности, признался он себе. Что там Колумб со своей Америкой!

Возбужденный собственными мыслями, Ши вскочил и принялся мерить шагами комнату. Вот бы исследовать... ну, скажем, мир «Илиады». Опасно — можно и не вернуться. Особенно, мрачно подумал Ши, если окажешься одним из рабов, которые тысячами гибли под стенами блистательной Трои.

Бог с ней, с «Илиадой». Может, заглянуть в сумрачный мир древних славян? Не пойдет. Слишком много колдунов-людоедов и волков-оборотней. Вот оно — Ирландия! Точно — Ирландия Кухулина и королевы Медб. Правда, там тоже море крови, да какого черта! Какие приключения без опасностей? Во всяком случае, любая опасность — это нечто осязаемое, с чем можно справиться. А девушки там какие! Прехорошенькие, если судить по описаниям!

Коллеги Ши наверняка даже и не заметили перемен в его весьма беспорядочной системе работы. Едва бы они заподозрили, что он давно забросил Хавелока Эллиса и теперь штудирует цикл саг в обработке Альстера и Фениана — и все ради задуманного

«путешествия». Коллеги... Если бы кто-то из них внезапно вошел в комнату, то при виде лежащего на столе списка, включающего помимо всего прочего фонарик, пистолет и марганцовку, наверняка решил бы, что Ши попросту собрался на природу, обставив это дело со свойственными ему заскоками.

Но все же Ши тщательно скрывал свои приготовления и приобретенного снаряжения никому не показывал. А среди него были револьвер «кольт» тридцать восьмого калибра с большим запасом патронов, охотничий нож из нержавеющей стали — они от такого металла просто обалдеют, решил он про себя,— фонарик, коробка спичек, дабы сойти при случае за великого колдуна, записная книжка, гэльский словарь и, наконец, «Настольная книга бойскаута» 1926 года издания, наиболее доступный источник кучи полезных советов для туристов, забравшихся в далекие от цивилизации края.

После утомительного дня, наполненного бесконечными опросами несчастных невротиков, Ши отправился домой и плотно пообедал. Затем он облачился в практически не ношенный еще костюм для верховой езды, взгромоздил на плечи поверх пальто для поло рюкзак со всем снаряжением, нахлобучил шляпу с зеленым пером и в таком виде уселся за стол. Там, на разложенных перед ним листках бумаги, красовались логические уравнения, испещренные значками в виде подков, перевернутой буквы «Т» и знаками тождества.

От одного взгляда на эту писанину Ши стало дурно. Ладно, какого черта! Формулы — это порог, а за порогом — мир приключений и романтики. Он склонился над столом и погрузился в чтение, стараясь не вникать в мелочи, а сразу охватить все в целом.

— Если *P* равен не-*Q*, а *Q* включает не-*P*, что равносильно высказыванию или *P*, или *Q*, или ни *P*, ни *Q*, но не обоим одновременно. Но если не-*P* не является частью не-*Q*, то контримпликативная форма данного суждения...

На столе не было ничего, кроме шести листков бумаги. Всего шести листков, аккуратно разложенных в два ряда в полудюйме друг от друга. Между ними должна была проглядывать поверхность стола, но ее не было. Ничего не было.

— Полный довод, таким образом, содержится в эпихейрематическом силлогизме, главная посылка которого не является выводом антимемы, хотя меньшая посылка, которая либо может, либо не может быть выводом неаристотелевского сорита...

Листы бумаги все еще оставались на месте, но под шестью белыми прямоугольниками раскручивался водоворот бледных разноцветных бликов. Тут были все цвета радуги, машинально отметил он, но фиолетового явно больше. Кружились и кружились они, кружились и кружились...

— Если либо *P*, либо *Q* верно, или (*Q* или *R)* верно, тогда либо *Q* верно, либо (*P* или *R)* ложно...

Кружились и кружились... А он ничего уже не слышал, ничего не чувствовал — ни тепла, ни холода, ни кресла под собой, ничего не видел, кроме миллионов кружащихся разноцветных точек.

Так, ощущения вроде стали возвращаться — температурные по крайней мере. Холодно. И что-то слышно. Какой-то отдаленный свист, вроде как ветер воет в трубе. Блики слились в единую серую массу. Ступни, похоже, во что-то уперлись. Он выпрямил ноги — точно, он на чем-то стоит. Вокруг все серо... и жуткая холодина, ветер заворачивает полы пальто чуть ли не на голову.

Он глянул вниз. Ноги, кажется, на месте. Ау, ноги, привет! Рад вас видеть. Правда, они плотно влипли в какую-то желтобурую жижу, почти утопившую ботинки. Грязь, видимо, обозначала дорогу, а скорее тропу шириной в каких-то два фута. По краям ее начиналась чахлая серо-зеленая травка. В траве, словно перхоть в волосах, белели снежные хлопья. Шел снег. Темные точки неслись на фоне клубящегося тумана чуть ли не параллельно земле и секли грязную дорогу с едва слышным «тсс...» То и дело Ши чувствовал на лице их холодные уколы.

Вот так. Он своего добился. Формула, выходит, подействовала.

2

— Добро пожаловать в Ирландию,— пробормотал про себя Гарольд Ши и возблагодарил небо за то, что «силлогизмобиль» перенес его сюда одетым и со всем снаряжением. Хорош бы он был, окажись среди этого промороженного ландшафта голым. Все вокруг скрывала серая пелена, но не только из-за снега. Холодный промозглый туман позволял видеть не далее чем ярдов на сто. Дорога перед ним поворачивала влево, огибая небольшой круг-

лый холмик, на склоне которого меланхолически раскачивалось под порывами ветра одинокое дерево. Все его ветви вытянулись в одном направлении, словно ветер уже тысячу лет дул только в одну сторону. Несколько серых листочков, серых и унылых, как и весь окрестный пейзаж, трепетали на ветвях.

Ши направился к этому дереву, ибо оно было единственным достойным внимания объектом среди всей этой грязи, травы и тумана. Судя по изрезанной формы листьям, то был карликовый северный дубок.

Странно, подумал Ши, ведь тот встречается лишь за Полярным кругом. Он наклонился было, чтобы получше рассмотреть листья, как вдруг услыхал у себя за спиной шлепанье конских копыт по жидкой грязи.

Он обернулся. Лошадка была крошечная, чуть больше пони, косматая, с роскошной гривой, развевающейся вокруг холки. На спине ее, горбясь под порывами ледяного ветра, восседал какой-то человек, очевидно, довольно высокого роста, поскольку ноги его почти волочились по земле. Фигуру его скрывал бледно-голубой плащ, а из-под глубоко нахлобученной бесформенной широкополой шляпы торчала лишь длинная седая борода.

Ши торопливо сбежал со склона ему навстречу и обратился к путнику фразой, заранее заготовленной на случай первого контакта с представителями мира ирландских легенд:

— Верхушка утра тебе, добрый человек! Где бы сыскать мне ближайший трактир или что-нибудь в этом роде?

Не успел он вымолвить и половины того, что хотел, как всадник приподнял край шляпы, и слова застряли у Ши в горле. Он увидел гордое, неулыбчивое лицо и жутковатый провал, зиявший на месте левого глаза. Ши растянул в улыбке непослушные губы, собрался с духом и продолжил:

— У вас в Ирландии, поди, не часто декабрь столь лютый?

Незнакомец поглядел на него с какой-то нездоровой отстраненностью, которую Ши по профессиональной привычке отнес к некой любопытной форме проявления шизофрении, и глубоким басом, растягивая слова, молвил:

— «Трактир», «Ирландия» — неведомы слова мне эти. Ныне же не декабрь, но май, и время приспело зиме Фимбул.

Ужас охватил Гарольда Ши при этих словах, тем более что последнего он вообще не разобрал. Откуда-то издалека донесся

слабый, едва различимый звук, похожий на вой собаки... или волка. Покуда он соображал, что бы еще сказать незнакомцу, рядом что-то мелькнуло, послышался шорох крыльев. Две большие птицы, похожие на огромных ворон, плавно скользнули по воздуху, присели в сухую траву, глянули на него осмысленными человеческими глазами и вновь бесшумно взлетели.

— Ладно, тогда куда же я это угодил?

— На крылья мира, к границам Мидгарда!

— А это что еще за хреновина?

В глубоком голосе собеседника послышались нотки раздражения.

— Всему в мире определены свои место, время и личность. Всему, но не глупым вопросам и шуткам нелепым!

Он отвернулся от Ши, перед глазами которого оказалось обтянутое голубой тканью плечо, тронул поводья и медленно двинулся вперед.

— Эй! Постойте! — закричал Ши с обидой в голосе. Пальцы его уже ныли от холода, челюсти сводило. Он оставался один, совсем один в этой арктической пустыне, а старый козел решил ускакать и бросить его на произвол судьбы! Ши вырвался вперед и твердо перегородил пони дорогу.

— Да что же это такое, в самом деле? По-моему, я вполне учтиво поинтересовался...

Пони остановился, ткнувшись мордой в пальто Ши. Всадник внезапно расправил плечи, и Ши вдруг понял, что он и в самом деле очень высок, настоящий великан. Больше он ничего не успел подметить, поскольку буквально физически, всем телом, ощутил, как приковал его к месту сверлящий взгляд единственного глаза. Холодная волна пробежала по коже, а мозг словно проткнула ледяная игла. Незнакомец заговорил, и он скорее почувствовал, чем услышал его слова:

— Уж не *меня ли* задержать ты желаешь, презренный?

Ши обнаружил, что при всем желании не может шевелить ничем, кроме губ.

— Н-нет, конечно...— пролепетал он.— То есть... Я просто хотел... Не скажете ли, как мне попасть в какой-нибудь... Куда-нибудь, где тепло...

Всадник молча сверлил его немигающим взглядом. Казалось, единственный глаз незнакомца читает все его сокровенные мыс-

ли. Затем он слегка ссутулился, поля шляпы обвисли и закрыли лицо, а голос зазвучал приглушенно:

— Нынче вечером остановлюсь я у Посредника Сверра, дом коего являет собой Распутье Мира. Да будет тебе дозволено следовать за мною!

Ветер приподнял край его голубого плаща, и оттуда, кружа, посыпались какие-то листья. Один из них на мгновение задержался на груди у Ши. Он подхватил листок онемевшими пальцами и увидел, что это лист ясеня — живой, мягкий и по-весеннему зеленый. И это здесь, посреди пронизанной ледяными ветрами равнины, где если и растет что, то только карликовые полярные дубы!

Ши пропустил пони вперед и поплелся сзади, спрятав голову в плечи, подняв воротник и глубоко засунув руки в карманы. Глаза слепили колючие снежинки; способность соображать была почти утрачена, но он не оставлял героических попыток хоть как-то оценить обстановку. Итак, логические формулы забросили его в какой-то иной мир. Вряд ли стоило требовать от неприветливого бородача дополнительных объяснений, чтобы убедиться, что это все-таки далеко не Ирландия. Где-то он здорово просчитался. Может, попробовать вернуться, проверить расчеты? Куда там — Ши обнаружил, что у него нет и малейшего представления о том, что содержали те клочки бумаги. Оставалось одно: попытаться справиться с возникшей ситуацией на месте.

Что же это за мир, в который он загремел столь неожиданным образом,— холодный, унылый мир, населенный маленькими лохматыми пони и угрюмыми одноглазыми стариканами в голубых плащах? Уж не мир ли это скандинавских мифов? В этой области Ши разбирался весьма слабо. Ему удалось лишь припомнить, что боссом номер один был там некто то ли Один, то ли Воден, то ли Вотан и что жил там еще один бог по имени Тор, а примечателен он был тем, что имел привычку швыряться кувалдой во всех, кто был ему несимпатичен.

Поначалу Ши, как научный работник и вообще человек без предрассудков, решительно засомневался в реальности встречи как с богами, совершающими невероятные чудеса, так и со всякими чудовищами и страшилищами. Но странная леденящая игла, пронзившая мозг, и пригоршня ясеневых листьев настойчиво требовали объяснений. Конечно, головная боль могла свидетельствовать о начинающейся пневмонии, а старые бородачи просто

имеют привычку таскать листья в карманах, но все же... Огромные черные птицы — они-то летят следом, не отстают, не боятся людей и этой кошмарной погоды...

Смеркалось, но из-за серой промозглой пелены Ши так и не мог определить, село солнце или нет. Порывы ледяного ветра заставляли его зябко горбиться, грязь на дороге начинала застывать, но была еще достаточно жидкой и целыми кусками прилипала к ботинкам. Он готов был поклясться, что теперь они весили по триста фунтов каждый, а промокшие липкие носки только усугубляли чувство дискомфорта. Он давно уже слышал странный звук, похожий на щелканье кастаньет, прежде чем до него дошло, что это стучат его собственные зубы.

Казалось, что они шли уже как минимум неделю, хотя, разумеется, говорить можно было разве что о часах. Не без труда он вытащил руку из кармана и взглянул на свои часы. Без четырех минут десять. Наверняка врут. Он поднес их к отмороженному уху. Остановились. Он попробовал потрясти их, завести, но тщетно.

Не спросить ли у спутника, который час, подумал Ши, но тут же понял, что у одноглазого такие же представления о времени, как у него самого. Тогда, может, попытаться выяснить, долго ли еще идти, но для этого надо перекричать ветер... Да и манеры у старика не слишком любезные, лучше не трогать его лишний раз. И Ши молча побрел дальше.

Сумерки сгущались, метель усиливалась. Ши едва различал фигуру всадника, маячившую впереди. Дорога, покрытая снегом, стала такой же серой, как и все остальное, и почти слилась с окружающей равниной. Мороз крепчал, а снежинки, сухие и тяжелые, отскакивали от щек, словно градины. Порывы ветра то и дело швыряли ему в лицо целые пригоршни снега, он зажмуривался и, когда в очередной раз открыл глаза, понял, что чуть не сбился с дороги и вынужден в темпе догонять проводника.

Свет! Переместив рюкзак на живот, он долго шарил в нем на ходу, пока не нащупал ледяной металл фонарика. С трудом вытащив его из-под остального барахла, он нажал кнопку. Ничего не произошло. Он потряс фонарик, пощелкал пальцами по стеклу, ударил кулаком по корпусу — безрезультатно.

Через несколько минут должно окончательно стемнеть, и старик вместе с пони скроются в этом мраке навсегда. Понравится

это старикашке или нет, но придется все-таки просить у него позволения подержаться за полу его плаща.

Ши уже почти решился обратиться к нему, как вдруг что-то в аллюре пони навело его на мысль, что цель близка. Еще мгновение, и лошадка уже не плелась шагом, а перешла на рысь. Ши пришлось догонять ее бегом, спотыкаясь и оскальзываясь в снежной слякоти из опасений сбиться с пути. Рюкзак его, конечно, весил теперь никак не меньше тонны. Ши задыхался, словно шел не по ровной дороге, а карабкался на крутую гору.

Посреди серого-пресерого мира возникло темное пятно. Старик остановил пони и соскользнул с седла. Сквозь снежную пелену неясно вырисовывалась грубо сколоченная дверь. Одноглазый стукнул в нее огромным кулаком. Дверь приоткрылась. Наружу пробилась полоска желтого света, и плащ старика, вынырнув из темноты, вновь стал небесно-голубым.

Дверь уже закрывалась, когда приковылял Ши.

— Эй, погоди! — проквакал он, едва успевая просунуть ногу в проем. Из дома выглянул какой-то тип в мешковатой домотканой рубахе. Физиономию его обрамляли свисающие бакенбарды.

— Чего надо?

— П-позвольте мне т-тоже войти...

— Уф-ф,— заколебался было тип.— Ладно, заходи уж. Да не стой, холоду напустишь!

3

Ши стоял в сенях, млея от разливающегося тепла. Следующий дверной проем был футах в шести от входа. Занавешивающие его шкуры раздвинулись, пропуская одноглазого внутрь. Посредник Сверр — видимо, это он и был — раздернул их еще шире.

— Будь здесь как дома, владыка мой, и ныне, и присно, и во веки веков,— торопливо пробормотал он, явно не придавая этой формуле вежливости слишком большого значения.

Исследователь чужих миров нырнул под шкуры и очутился в длинной комнате, облицованной черным деревом. Где-то горел огонь — очевидно, в самом центре пола, где виднелся выложенный из камней очаг высотой по колено. Вокруг него стояли несколько столов и скамеек. Ши мельком углядел стену, сплошь увешанную оружием, в центре которой в окружении каких-то то ли копий, то ли дротиков красовался огромный меч чуть ли

не с самого Ши вышиной. На тонких наконечниках пылали красные отблески огня от укрепленных по стенам факелов, тускло блестел похожий на бумажного змея щит, испещренный затейливым узором.

Впрочем, все это Ши рассматривал не дольше секунды, поскольку Сверр ухватил его под руку и потащил дальше, выкликая:

— Од! Хальгерда! Путник совсем замерз! Приготовьте парилку! А ты, незнакомец, следуй за мною.

Они прошли по коридору в комнату поменьше, и обладатель бакенбард приказал гостю:

— Снимай эту мокрую одежу! И странно же ты вырядился, однако! В жизни не видал столько застежек. Если из сынов ты Муспелльсхейма, то могу приютить тебя на ночь. Но знай: не далее как завтра нагрянут сюда те, что пожелают встретить тебя не дружеской рукой, но мечом острым! — И он уставился на Ши, ожидая ответа.— Так ты не из сынов Муспелльсхейма?

— С чего вы взяли? — огрызнулся Ши.

— В столь легкой одежде и так далеко на севере... Те, кто «охотится на красного медведя»,— тут Сверр сделал некое движение рукой, словно очерчивая в воздухе контуры рогатины,— нуждаются в укрытии теплом, равно как и в сердце отважном!

Он снова вперил взгляд в гостя, словно пытаясь выудить у него какой-то секрет.

— Ведь сейчас май,— сказал Ши.— Хоть вы, насколько я понимаю, довольно прилично на севере, эта холодина и у вас должна скоро кончиться.

Сверр озадаченно пожал плечами:

— Так-то оно так, только люди говорят, настает зима Фимбул, а значит, тепла не жди. Теперь холода не уйдут, покуда не прозвучит Ревущая труба, покуда не прискачут с востока Сыновья Волка, покуда Время...

Ши хотел задать еще парочку вопросов, но Сверр с кислой миной отвернулся. Ши стащил с себя промокшие, липнущие к ногам брюки и вдруг заметил, что хозяин подбирает с пола его наручные часы.

— Это часы,— дружелюбно пояснил Ши.

— Знак власти? — Над окладистой бородой Сверра расплылась понимающая улыбка. Он хлопнул себя по колену: — Ну конечно, конечно! Следовало бы мне сразу уразуметь. Ты же пришел

со Странником, а я-то что подумал! Выходит, из южан ты ворлоков...

Он вытащил откуда-то одеяло и набросил его на голого, дрожащего Ши.

— А теперь сюда! — скомандовал он.

Через несколько дверей они прошли в какую-то крошечную комнатушку, настолько задымленную, что Ши первым делом закашлялся. Он начал было тереть глаза и вдруг испуганно ухватился за край одеяла. У дверей стояли две девушки, ни одна из которых ни в коей мере не была похожа на тех ирландских красавиц, что воображал себе Ши. Обе они до крайности напомнили разочарованному путешественнику Гертруду Маглер — такие же блондинистые, румяные, аж светящиеся.

Сверр представил их:

— Это моя дочка — Од. Воительница наша. Пещерного медведя одолеет — глазом не моргнет.

Ши посмотрел на мускулы юной мисс и молча согласился с хозяином.

— А это — Хальгерда. Ну давай иди, вода уже готова.

Посреди комнатушки жарко пылал низенький очаг. Сверху на него были грудой накиданы камни величиной с картофелину. Рядом стояли две огромные деревянные бадьи, наполненные водой.

Девушки вышли и прикрыли за собой дверь. Ши со странным чувством, будто раньше уже не раз это проделывал («Видимо, это часть автоматической настройки сознания на структурную модель иного мира»,— подумал он про себя), уверенно поднял одну из бадей. Воду он торопливо выплеснул на камни и то же самое проделал с другой бадьей. Раздалось шипение, и комнатка окуталась клубами горячего пара.

Ши постоял в этом пару столько, сколько смог вытерпеть,— где-то около минуты, а затем ощупью добрался до двери и, глотая воздух, вывалился наружу. Тотчас на него обрушился поток ледяной воды. Покуда он шатался, хватаясь руками за что попало и судорожно всхлипывая, содержимое еще одной бадьи опять окатило его с головы до ног. Тщетно пытаясь прикрыться, он завопил:

— Буль... Стой, перестань!.. Хватит!

Откуда-то из водянистой мглы донеслось хихиканье обеих девиц. Глаза его были еще полны воды, когда до него дошло, что

душ этот устроили именно они, а спасительное одеяло осталось в парилке.

Первым его побуждением было поскорей рвануть назад, но одна из них протягивала полотенце, которое надо было принять хотя бы из вежливости. Появился Сверр, с безучастным видом держа в руках кувшин с какой-то жидкостью.

«Ну что ж,— решил Ши,— если им наплевать, что я неглиже, то мне тем более».

И в самом деле, после этой небольшой встряски стыд сам собой испарился. Ши спокойно вытирался, пока Сверр совал ему свой кувшин. Патологическим равнодушием к первозданному облику Ши девушки переплюнули даже Гертруду.

— Испей-ка горяченькой медовухи! У вас на юге, поди, такой не делают. Од, подай-ка путнику полотенце! Не хватало нам, чтоб он подхватил насморк!

Ши отхлебнул из кувшина и нашел, что медовуха чем-то напоминает пиво, а чем-то и настоящий мед. Тягучая приторная жидкость поначалу пошла не в то горло, но он куда больше был озабочен тем, чтобы удержать фасон перед хозяевами, нежели собственным самочувствием. Наконец первый глоток покатился в желудок, и дальше дело пошло веселей. Он снова начал чувствовать себя человеком.

— Назови же имя свое, незнакомец,— потребовал Сверр.

Ши ненадолго задумался. Придя к заключению, что фамилии у этой публики, скорее всего, не приняты, в конце концов он ответил попросту:

— Гарольд.

— Как-как?

Ши повторил по возможности более внятно.

— А-а,— обрадовался Сверр.— Харальд.

Из-за перестановки ударения это прозвучало почти как слово «харя».

Вскоре Ши, полностью одетый, но все еще босой, восседал на скамье, на том месте, что указал ему Сверр. В ожидании ужина он оглядывал зал и своих соседей, сидевших за тем же столом. Напротив него расположился рыжеволосый, с рыжей же бородой гигант средних лет, наружность которого сразу напомнила Ши странную фразу Сверра о красном медведе. Пола его багряного плаща откинулась, открывая шитый золотом пояс. За ним

сидел еще один рыжий, только чуть посветлее, тонкий в кости, с лисьей физиономией и живыми, подвижными глазками. Затем — юный блондин с золотистым пушком на щеках, примерно тех же габаритов и комплекции, что и сам Ши.

В середине скамьи от пола до потолка вздымались две толстые, богато украшенные резьбой колонны из черного дерева, поставленные так близко к столу, что образовывали нечто вроде трона. Восседал на нем не кто иной, как провожатый Ши, одноглазый седобородый старик. Бесформенная шляпа лежала перед ним на столе, а сам он, облокотясь на одну из колонн, вел беседу с одним из гостей — крупным молодым блондином, эдаким крепким орешком, добродушное лицо которого в этот момент было омрачено тревогой. Рядом с этим последним к столу были прислонены огромные ножны, как раз под стать тому мечу, который видел Ши на стене.

Исследователь чужих миров скользнул взглядом по лицам собравшихся и остановился на стройном юноше. Тот кивнул ему и, обогнув стол, подошел ближе.

— Не возражаешь, если я присяду? — застенчиво улыбнулся он.— Ведь еще Хавамал говорил:

Горе сердце снедает, Коли добрым друзьям
Не поведаешь мысли свои.

Эти строки он произнес нараспев, своеобразно выделяя аллитерацию, что придавало старинному нерифмованному стиху удивительное обаяние.

— Наступает *Время*... У меня есть еще минута, чтобы поболтать с простым человеческим существом. Знаешь, мне страшно, и я этого не стыжусь. Кстати, меня зовут Тьяльви.

— А меня — Харальд,— ответил Ши, произнеся свое имя на манер Сверра.

— Тебя ведь Странник сюда привел? Ты, случайно, не из заморских ворлоков?

Ши уже второй раз слышал это странное слово.

— Да я и понятия не имею, что такое «ворлок», честное слово! — воскликнул он — И Странника вашего знать не знаю. Я просто заблудился, а он показал мне дорогу сюда. Кто бы мне объяснил в конце концов, куда это я попал?

Тьяльви расхохотался и основательно отхлебнул медовухи.

— Не понимаю, чего тут смешного? — буркнул Ши.

— Не обижайся, друг Харальд! Но знаешь, когда человек говорит, что заблудился на Распутье Мира... Ха-ха-ха! В жизни ничего смешней не слышал!

— Где-где? На каком, говоришь, распутье?

— На Распутье Мира, конечно! Ты что, с луны свалился? Очнись! Да еще и времечко не лучшее выбрал — *Они* же все в сборе... Вон сидят.— Тьяльви мотнул головой в сторону четырех бородачей.— Знаешь, на твоем месте я бы помалкивал. Пусть никто не знает, что ты не наделен силой. Хавамал знаешь как говорил?

Мудрецу молчаливому ль Лиха страшиться,
Когда гостем вступает он в дом?

Боюсь, плохо тебе придется, когда начнется заваруха: тебя же ни один из *Них* не взял под крыло... Но, впрочем, покуда они воображают, что ты ворлок, все в порядке. Дядюшка Лис,— указал он на одного из бородачей, маленького человечка с острыми чертами лица,— Дядюшка Лис тогда тебе поможет. Слушай, а может, ты герой? Героя я мог бы устроить на службу рыжебородому, когда настанет *Время*.

— Какое время? О чем ты? Я ничего не...

Но тут появилась Од в компании с другой девушкой, неся нагруженные едой деревянные блюда.

— Привет, сестрицы мои! — жизнерадостно завопил Тьяльви, пытаясь ухватить с блюда ломоть потолще. Вторая девушка — Ши ее до этого не видел — отвесила юноше легкого пинка и поставила еду перед тем, кто явился последним.

На блюде лежали куски мяса и большая хлебная лепешка, похожая на стеганое одеяло. Ни ножей, ни вилок, ни овощного гарнира здесь явно не предусматривалось. «Да, до столового серебра они еще не доросли»,— вздохнул про себя Ши, отломил кусок хлеба и вгрызся в него. На вкус тот оказался куда лучше, чем с виду, и он решился попробовать мясо — что-то вроде вареной свинины, довольно неплохо приготовленной и богато приправленной. Разохотившийся Ши нацелился уже на следующий кусок, когда заметил, что воительница Од все еще стоит рядом.

Увидев, что гость уставился на нее, девушка вежливо шаркнула ножкой и затараторила:

— Господин мой, и яства эти, и все, что есть в доме,— все к услугам твоим, желания твои — закон для нас! Не угодно ли тебе еще чего-нибудь?

Ши следовало понять, что слова эти всего лишь дань вежливости и ему полагалось бы в свою очередь похвалить хозяйскую стряпню, но крепкая медовуха, выпитая на голодный желудок, сделала свое черное дело. В нем неожиданно проснулись амбиции здорового американского едока.

— Гм... Не будет ли особым нахальством с моей стороны попросить у вас немножко овощей?

Всеобщее молчание продолжалось несколько секунд. Од с Тьяльви, разинув рты, воззрились на Ши. Затем они внезапно разразились хохотом, причем девушке пришлось прислониться даже к стене, а молодой человек, упав грудью на стол, катался по нему в полном изнеможении. Ши смущенно моргал глазами, зардевшись и бессмысленно вертя в руке недоеденный кусок мяса. Он даже не заметил, как грозно нахмурились те четверо, что сидели с другой стороны стола. Рыжеволосый гигант слегка повернул голову в их сторону и буркнул:

— Та-ак! Человечьи отпрыски уж позволяют себе смеяться в присутствии асов! Тьяльви, мальчик мой, а ну-ка поведай нам, что наполнило твое сердце таким весельем?

Несмотря на грозный тон рыжебородого, Тьяльви даже не попытался сдержать хохот и между взрывами смеха смог только выдохнуть:

— Этот... этот ворлок Харальд решил скушать... репку!

И тут же смех его потонул в громоподобном хохоте великана, который откинулся на спинку стула и ухватился за бока.

— Хо-хо-хо-хо! Харальд-Репка! Ха-ха-ха!

Его подобное урагану веселье постепенно заразило всех его троих соседей, даже затянутого в голубой плащ угрюмого Странника. Когда они немного успокоились, Ши повернулся к Тьяльви.

— А что я такого сказал? — пробормотал он.— В конце концов...

— Послушай! Во-первых, ты заработал себе прозвище — Харальд-Репка, отныне и навсегда. А во-вторых, боюсь, под знамена рыжебородого тебе уже не стать. Вряд ли ему нужен герой, поедающий репу вместо мяса. Между прочим, мы в Асгарде откармливаем репой свиней.

— Но позволь...

— Лучшего ты ничего не придумал? Теперь молись на Дядюшку Лиса — он твой единственный шанс — и благодари меня,

ведь это я ему сказал, что ты ворлок. Да и хорошую шутку он тоже любит, из всей компании у него единственного с чувством юмора все в порядке. Но репа... Есть репу! В жизни не слыхал ничего забавнее с тех пор, как великанша сваталась к Метателю Молота!

Совершенно сбитый с толку и понемногу начинающий злиться, Ши повернулся к четырем бородачам за объяснениями, но не успел он облечь свои мысли в слова, как в дверь громко забарабанили. Сверр отпер засов и впустил высокого светловолосого человека с бледным безбородым лицом, исполненным гордости и достоинства. За спиной пришельца висел громадный золотой рог.

— Ну вот, еще один из *Них,*— прошептал Тьяльви.— Это сам Хеймдалль. Неужто все двенадцать заявятся сегодня сюда?

— Черт возьми, что значит «Они»?

— Ш-ш!

Бородачи приветливо кивнули вошедшему. Тот изящно присел на скамью рядом со Странником и тут же принялся ему что-то рассказывать. Старик слушал весьма внимательно, то и дело кивая в знак одобрения. Ши сумел уловить всего несколько последних слов.

— ...огненных лошадей. Да что об этом толковать, тут же Вестник Неудач сидит,— презрительно кивнул гость в сторону Дядюшки Лиса.

Тот покосился на беседующих и проговорил, слегка повысив голос и обращаясь почему-то к рыжебородому, словно в продолжение начатого разговора:

— Да, вот ведь как бывает: приходит какой-нибудь лжец и врет да врет и думает, что его и уличить некому...

— А еще бывает,— сказал Хеймдалль, глядя Дядюшке Лису прямо в глаза,— сядет среди друзей твоих какой-нибудь Спутник Беды, а потом возьмет и передаст врагам их беседы...

Дядюшка Лис и глазом не моргнул, но поспешил сообщить все тому же рыжебородому:

— Или еще: бывают люди такие, что сами гроша ломаного не стоят, а туда же — поносят достойных мужей на чем свет стоит...

Тут Хеймдалль взвился и грохнул кулаком по столу:

— Лжец! Ты — лжец и вор!

От ярости он даже оскалился, и Ши с удивлением заметил, что зубы у него золотые.

— Тише, тише,— благодушно пророкотал рыжебородый,— асы, умерьте свой гнев, на вас же взирают смертные!

— Ладно, пусть только,— огрызнулся Дядюшка Лис,— поумерится поток брани, струящийся из глотки...

— При чем тут брань? — быстро откликнулся Хеймдалль.— Я истину глаголю, и не брань то, а факт.

— Истина? Факты?! Да чтоб из болтливого рта этого исходила истина — в жизни не поверю! Слыхали мы твои факты: сказку о том, что у тебя, мол, девять матерей, или треп о твоем дурацком роге — он-де так затрубить может, что и мертвый услышит. Да в нем давно мыши гнезда свили! Он сам пищит по-мышиному!

— Ты услышишь трубу мою, когда придет *Время,* Отец Лжи! Смотри не обделайся со страху.

— По-моему, тут кто-то напрашивается, чтобы я встал и взялся за меч...

— Давай-давай! Видал клинок? Сейчас он мигом порубит твою вонючую тушу на котлеты!

— Слушай, ты...

Лис с Хеймдаллем вскочили и заорали друг на друга, а трое бородачей в это же время орали на них, а две черные птицы — спутницы Странника — кружили у них над головами и орали просто так, от возбуждения. Шум стоял такой, что Ши зажмурился.

Настал момент, когда разошедшиеся диспутанты были уже окончательно готовы вцепиться друг другу в глотки, но тут рыжий гигант ухватил маленького Лиса за плечи и силой усадил на скамью.

— Посиди-ка! — громыхнул он.

Гневный, но полный достоинства Странник гаркнул зычным голосом:

— Совсем распустились! Ужель совсем уваженья в нас к себе не осталось! Умолкните немедля! Это обоих касается.

— Но как же!..— завопил было Хеймдалль.

Движением руки Странник заставил его замолчать.

— Далеко не все, что сказать ты желаешь, выслушать следует. Если кто-нибудь из вас до ночи хотя бы пикнет — буду я очень разгневан.

Хеймдалль притих, уселся на дальнем конце стола и оттуда принялся молча буравить взглядом Лиса, которому ничего не оставалось, как платить ему той же монетой.

Тьяльви прошептал ошеломленному Ши:

— И так всякий раз. Чуть соберутся втроем-вчетвером — и пошло, и пошло... Ведь именно *Они* должны подавать нам пример благородства! А посмотришь — ну просто шайка пьяных берсерков.

— А все-таки: кто такие *Они?*

— Ты что, правда ничего не знаешь? — Глаза Тьяльви были полны откровенного деревенского недоумения.— Просто с ума сойти. Знаешь, если бы ты не попросил репы, я бы тебе ни за что не поверил. Ну вот, смотри: тот, что сцепился с Хеймдаллем,— это Локи. Рядом с ним, здоровый такой, рыжебородый,— Тор. Старик, Странник — Один. А толстый — Фрейр. Ну что, узнал наконец?

Ши пристально посмотрел на Тьяльви, но не увидел в его лице ничего, кроме абсолютной серьезности. Может, формула вызвала у него продолжительный сон, граничащий с бредом? Или его просто разыгрывают? А может, эти пятеро действительно какие-то скандинавские вожди, зачем-то называющие себя именами, позаимствованными в замшелом северном пантеоне? Единственная оставшаяся версия — что перед ним и в самом деле боги — по-прежнему выглядела слишком уж дико. Хотя эти птицы... И взгляд Странника, который он испытал на себе... А Одина всегда изображали одноглазым...

Меж тем рыжий гигант — тот, которого звали Тор,— встал и пошел к двоим, которых Тьяльви окрестил Одином и Фрейром. Они пошептались, собравшись в кружок и заговорщицки сблизив головы. По окончании конференции Один поднялся, нахлобучил свою бесформенную шляпу, завернулся в голубой плащ, глотнул на посошок медовухи и широким шагом вышел за дверь.

Как только та захлопнулась, Локи с Хеймдаллем повскакали было со своих мест, но Тор с Фрейром тут же их остановили:

— Хватит! Сыны Асгарда, поберегите себя до *Времени!*

Тор усмехнулся:

— А если вам так хочется подраться, давайте со мной! — и поднял кулак величиной с окорок.

Противники притихли.

— Спать пора. Пойдем, Локи. И ты, Тьяльви.

Тьяльви с недовольной миной поднялся.

— Утром я замолвлю за тебя словечко перед Дядюшкой Лисом,— шепнул он на прощание.— Хотя знаешь, работать на асов — это тебе не орешки щелкать. Народ они горячий. Но все же лучше быть с ними, чем без них, когда наступит Время. Знаешь, как Ульф-поэт говорит:

Когда грохот дружин, И дрожит вся земля,
Знамя даже важнее оружья!

Спокойной ночи.

Трудно сказать, так ли уж хотелось Ши работать каким-то там «ворлоком» у Локи. Да и сам Локи чем-то ему не приглянулся — было в нем что-то скользкое, неприятное. Вот Хеймдалль — дело другое, думал он, честный, благородный воин, хоть и с чувством юмора туговато.

За дверьми что-то загромыхало, потом оттуда высунулась голова Сверра. Он обвел глазами комнату и снова исчез. Исчезли и дородные скандинавские красотки — ушли, прихватив с собой деревянные блюда. Обитатели дома определенно укладывались спать, а вот у Ши сна ни в одном глазу не было. Времени-то от силы девять. Впрочем, здесь и ложатся, и встают по солнцу — с факелами не особо-то рассидишься ночью.

«Неужели и у меня,— размышлял Ши,— появится эта дикая привычка? Не исключено — особенно если не получится вернуться обратно».

Мысль эта была не из веселых. Но, черт возьми, на риск он шел совершенно сознательно! Пусть этот мир не совсем то, что он ожидал увидеть, но ведь он — человек двадцатого века, и у него имеются кое-какие преимущества перед этими дикарями! Сейчас психовать нечего, вот когда...

— Эй, как там тебя?.. Репка! — неожиданно рявкнул из своего угла Хеймдалль.— Наполни-ка пару кувшинов да тащи их сюда поживей!

Ши затрясся от негодования. Кто он такой, этот Хеймдалль, чего он тут раскомандовался?! Впрочем, с ним здесь считаются. И вообще-то, несмотря на повелительный тон, в голосе его явственно ощущалось добродушие. И Ши подчинился.

— Садись.— Хеймдалль ткнул пальцем в скамью.— Э-э... как, бишь, тебя? Харальд?

— Да. А тебя зовут Хеймдалль, как мне сказали?

— Истинно так. А еще известен я как Страж, и как Сын Девяти Матерей, и как Дитя Гнева, и как Златорогий. Предпочитаю именно эти титулы.

— Слушай, Хеймдалль, а что это все...

— Когда ко мне обращаются отпрыски человечьи, они сии титулы употребляют. Или по крайней мере говорят «сэр»,— строго объявил Хеймдалль, слегка надувшись от важности.

— Простите, сэр.

Хеймдалль опустил свой длинный нос и соизволил улыбнуться, сверкнув золотыми зубами.

— Ладно, не против я некоторой фамильярности. Есть у меня еще одно имя — Друг Людей. Правда, владыка Асгарда не одобряет этого...

— Это вы про Одина говорите?

— Про него и никого другого.

— Это тот старикан... Пардон, то есть пожилой джентльмен с одним глазом?

— Ты просто кладезь мудрости!

— Вчера я столкнулся с ним на болоте, и он привел меня сюда.

— Сие не сокрыто от меня. Я видел тебя.

— Вот как? Где же вы были?

— Далеко на востоке. Слыхал я, что ты ему лепетал... Ты знаешь хоть, как повезло тебе? Вот упал бы замертво...

Ши едва не ляпнул: «Ну да, заливай больше!» — но, вспомнив леденящий взгляд Одина, вовремя прикусил язык. Поменьше болтать, побольше слушать, узнать, как управляется этот мир,— вот что было важнее всего. Ухмыляющийся Хеймдалль разглядывал его с любопытством.

— Я слышал даже, как ты признался Тьяльви, что не имеешь отношения к ворлокам. И даже якобы не знаешь, что это такое. Издалека ты — это точно. Однако,— улыбнулся он при виде испуганной физиономии Ши,— не думаю, чтобы кого-то это чересчур огорчало. Ладно, я тебя не выдам. Разыграем слегка Властителя Прохвостов, ха-ха-ха! — Он выпил.— А сейчас, о дитя невежественной матери, давай-ка поиграем. В загадки. Вижу я, что ведомо тебе неведомое. Тогда зададим друг дружке по семь во-

просов, и кто будет отвечать лучше — тот и победил. По рукам? Тогда спрашивай, смертный!

Семь вопросов. Надо извлечь из них наибольшую информацию. Ши на минуту задумался.

— Куда ушел Один? — спросил он наконец.

— Раз,— отметил Хеймдалль.— Он отправился ко вратам Ада, дабы вызвать из могилы одну женщину, почившую много веков тому назад.

— Ко вратам Ада? Да неужели? — переспросил Ши.

— Слова мои не подлежат сомнению.

— Ну ладно, ладно.— Ши старался скрыть смущение, смешанное с недоверием. Этот человек... бог... эта личность еще почище тех психопатов, которых ему приходилось опрашивать. Он собрался с мыслями для следующей попытки.

— А зачем Один туда пошел?

— Два,— ответил Хеймдалль.— Близится *Время*. Бальдру грозит смерть. Асам нужен совет. Странник считает, что провидица, похороненная у врат Ада, расскажет нам, что делать.

Ши уже порядком взбесили намеки о наступлении какого-то *Времени*.

— Что значит «близится *Время*»?

— Три. Я отвечу тебе. Рагнарёк! Это известно всем. Всем, кроме тебя, человеческий отпрыск с глазами невинными, как роса!

— Что еще за Рагнарёк?

— Четыре. Конец света, дитя в обличье взрослого мужа.

Ши начал нервничать. Ему надоела эта дурацкая игра в загадки, а засчитывать как вопрос просьбу пояснить незнакомое слово — со стороны Хеймдалля просто свинство. Впрочем, в Гарейдене он уже привык к скупым, но полным тайного смысла репликам сумасшедших и потому сумел совладать с собой.

— Когда это произойдет?

— Пять. Ни людям, ни богам, ни ванам, ни даже гномам не ведомо сие. Но будет это скоро. Наступила Фимбулветер — зима посреди лета, а уж за ней-то и воспоследует сам Рагнарёк.

— Говорят, готовится большая битва. Кто победит?

Ши задал этот вопрос и мысленно потер руки — ответ предполагал информацию и об участниках, и о результатах.

— Шесть. И боги, и люди много бы заплатили за ответ на этот вопрос, ведь они плечом к плечу будут биться с племенем великанов. Но сейчас могу сказать я только одно — ничего хорошего

нам не светит. Есть у нас оружье огромной силы — копье Одина Гунгнир, это раз. Молот Тора — Мьёлльнир, это два. Меч Фрейра, волшебный клинок Хундингсбана,— три. Ну и, конечно, мой собственный добрый меч, Головой именуемый,— вот тебе и четыре,— похлопал он по рукояти меча, висевшего у него на поясе.— Но вот какая беда приключилась: кто-то из великанов — не знаем мы в точности кто — украл и великий Молот, и волшебный меч Фрейра. И если не найдутся они, придется и людям, и богам вместе пить из чаши смерти.

Ши охватила легкая паника. До него дошло, что он и сам живет — физически существует! — в этом мире, в мире, который вот-вот рухнет, о чем столь безмятежно повествует Хеймдалль. И он, Гарольд Ши, отдан на милость страшной последовательности событий, и избежать этого невозможно!

— Что мне делать, чтобы во все это не влипнуть?

Кажется, его собеседник удивился. Ши пояснил:

— Ну то есть если мир взорвется — как мне спастись?

Брови Хеймдалля слегка приподнялись.

— Близится Рагнарёк — слышишь? — близится Рагнарёк, и даже боги — боги! — не знают, как избежать его! А ты, человечий отпрыск, гадаешь, как спасти свою шкуру? Нет для тебя ответа. Все. Ты свои семь вопросов задал, теперь моя очередь спрашивать.

— Но...

— Сын земли, не утомляй меня...— Он посмотрел Ши прямо в глаза, и у того вновь появилось ощущение, будто в мозг проникает ледяная игла. Впрочем, голос Хеймдалля был довольно мягок: — В каком из девяти миров родился ты, о незнакомец из незнакомцев? Одеяний, подобных твоим, видывать мне не приходилось.

Ши задумался. Дурацкий вопрос. Почти такой же дурацкий, как «Перестал ли ты драться с женой?»,— попробуй ответь однозначно. И Ши осторожно переспросил:

— Девять миров, говорите?

Хеймдалль хохотнул:

— Ха! Я-то решил, что моя очередь задавать вопросы. Впрочем, слушай. Есть обитель богов — Асгард. Это раз. Есть земли великанов — Ётунхейм, Муспелльсхейм, Нифльхель, потом Ад — всего выходит пять. Есть еще Альфхейм — там гномы живут. Свартальфхейм, Ванахейм — мы их не слишком хорошо знаем, хотя,

говорят, ваны на нашей будут стороне, когда настанет *Время*. И наконец, есть Мидгард, где черви живут, подобные тебе.

Ши зевнул. Медовуха и тепло начинали делать свое дело.

— Сказать по правде, я не принадлежу ни к одному из этих миров. Я вообще не из вашей системы.

— Странный ответ, хотя и не столь странный, поскольку может быть правдой,— задумался Хеймдалль.— Не сходя с этого места, могу видеть я все девять миров, но ни в одном из них нет существ, подобных тебе. Вот что: держи перед асами язык за зубами и, главное, Страннику ничего не рассказывай. Если узнает он, что есть мир, где не властна его Сила,— плохо будет. А сейчас время приспело для второго вопроса. Кто правит миром твоим — боги или люди?

Ши не сумел подавить очередной зевок. Поскольку у него не было уже сил давать развернутые объяснения, он решил уйти от прямого ответа.

— Ну, одни говорят, что правит один класс, другие — другой, а по мне, так настоящие диктаторы — это полицейские-регулировщики. Чуть что не так — как вцепятся...

— Они вроде крабов?

— Да нет, не совсем. Эти хватают тебя, когда двигаешься слишком быстро, а крабы — когда слишком медленно.

— Кажется, понимаю. Они — боги моря, как мой брат Эгир. Какова их сила?

Ши продолжал сражение с зевотой, но в этой битве он явно терпел поражение.

— Простите, я, кажется, засыпаю,— пробормотал он.— Не хотите ли вздремнуть, а, Златорогий?

— Я-то? Ха-ха! Редко встретишь такого невежду на Распутье Мира! Я — Страж Богов, я не сплю никогда! Э-э, малыш, да ты совсем сломался. Ладно, иди спать, все равно я выиграл.

Вот как? Он так спокойно говорит о своей победе? Ши хотел было возразить, но тут снова вспомнил про ледяной пронизывающий взгляд, и желание возмущаться пропало. Однако Хеймдалль, похоже, оказался неплохим телепатом.

— Ты что это, спорить со мною вздумал?! А ну-ка брысь! *Спать!* Да и помни о нашем маленьком заговоре против Сеятеля Раздоров. Ты, Харальд-Репка,— отважный и могучий ворлок, смотри не забудь!

Ши рискнул задать еще один вопрос:

— Не могли бы вы все же объяснить мне, сэр, что такое «ворлок»?

— Ох! Ну, дитя иных миров! Невежество твое превыше гор и глубже самых глубоких колодцев! Ворлок, да будет тебе известно,— это колдун, чародей, что плетет заклинания и вызывает духов. Спокойной ночи, Харальд-Репка.

Через дверь, оказавшуюся сдвижной, Ши проник в спальню — каморку не просторней пульмановского купе, к тому же совершенно лишенную вентиляции. Солома, торчащая из матраса, нещадно колола бока, и Ши никак не мог устроиться. Проворочавшись почти час, он обнаружил — что было, в общем-то, ничуть не удивительно после столь насыщенного впечатлениями дня,— что сна ни в одном глазу.

Поначалу мысли его беспорядочно разбегались в разные стороны. Ладно, решил он в конце концов, раз уж идет эксперимент, бессонные часы лучше потратить на анализ его результатов. Итак, что мы имеем?

Либо в сами уравнения, либо в способ их применения вкралась ошибка, в результате чего он угодил в мир скандинавских мифов... или скандинавской истории. Причем первое куда более вероятно.

Вся эта публика столь убежденно толковала про свой Рагнарёк, что Ши, будучи неплохим психоаналитиком, нисколько не сомневался в искренности рассказов. Потом — ледяной взгляд, сначала у Одина, потом у Хеймдалля. Подобные штучки — явно за пределами человеческих возможностей. Это мог быть и просто гипноз, но он очень сомневался в том, что не только техника, но и сама идея гипнотического внушения могла быть доступна вождям древних викингов. Нет, они явно обладают куда большей силой, чем обычные люди.

И в то же самое время ничто человеческое этим ребятам не чуждо, так что хорошему психологу-практику вполне под силу подвергнуть их анализу и воспользоваться его результатами. Итак — Один? С этого взять нечего, ушел ко вратам Ада, и бог с ним. Не бежать же следом. У него из всех чувств только чувство власти и осталось.

А как насчет Локи? К этому на язычок лучше не попадаться, а острый язык — признак острого ума. И плюс изрядной доли коварства. Дядюшка Лис — называет его Тьяльви. Любитель шуток. Да, мысленно согласился Ши, только остальным от его шуточек

радости мало. Работать на него будет трудновато, хотя Ши даже улыбнулся про себя, представив себе физиономию бога при виде столь примитивного предмета, как спичка. На Фрейра он почти не обратил внимания, Тор — нечто вроде простодушного борца-профессионала, а Тьяльви... Тьяльви — тот простой деревенский малый, в любой глухомани таких пруд пруди, только там они цитируют Библию, а не эддические баллады.

Вот Хеймдалль — орешек явно покрепче. Ему, правда, здорово недостает юмора Локи, зато честолюбия хоть отбавляй: смотрит на всю остальную толпу свысока — пристрастие к титулам убедительно это доказывает. Но это у него явно не напускное — он в лепешку расшибется, все на карту поставит ради успеха, не улизнет при случае в кусты, чего о Локи не скажешь. Наверное, потому-то он так и ненавидит Локи. А Хеймдалль только с виду такой неприступный. Под скорлупой заносчивости скрываются у него ростки истинной доброты. На такого можно положиться — и, умиротворенный мыслью, что Хеймдалль ему нравится больше всех, Ши повернулся на бок и заснул.

4

Проснулся Ши от страшной головной боли. В затылке, видимо, расположился небольшой кузнечный цех, а во рту вообще черт-те что творилось. Он не был готов с уверенностью сказать, медовуха ли то сработала или взгляды Одина с Хеймдаллем, но на всякий случай с похмельной торжественностью дал себе зарок избегать в будущем и того и другого.

Сдвинув дверь спальни вбок, он услышал голоса, доносящиеся из зала. Когда он вошел, Тор, Локи и Тьяльви уже завтракали, пальцами и ножами разрывая на части куски мяса размером с академические словари. Лис-Локи радостно осклабился:

— Привет герою овощных полей! Не побрезгуй, о великий ворлок, откушай вместе с нами!

Он подтолкнул к Ши деревянное блюдо с мясом и один из многочисленных кувшинов. Ощущая нестерпимую сухость во рту, тот жадно отхлебнул и чуть не подавился. В кувшине было пиво, да еще и кислющее.

Локи захохотал:

— Вот так-то! У нас другие обычаи, человеческий отпрыск, и вижу я, что не очень-то пришлись они тебе по нраву. Впрочем,

ближе к делу. Дошло до меня, о Харальд Репчатый, что ты — могущественный ворлок. Так?

Ши тоскливо уставился в свою тарелку.

— Да знавал я, в общем-то, парочку фокусов...

— У большого героя — большая скромность, это всем известно. Только вот что скажу я тебе. Если не нашел человек своего места — плохо придется ему в час Рагнарёка. А коли так, не соблаговолишь ли ты примкнуть к войску моему, когда настанет *Время?*

Ши поперхнулся. Господи, этого еще не хватало. Битвы, великаны, конец света, он сам — в воинстве Локи... Впрочем, где наша не пропадала! Придется плыть по течению, пока не удастся за что-нибудь зацепиться.

— Благодарю вас, сэр, я согласен.

— Ну что ж. Червячок наш милостиво согласился полетать на спине у орла. Спасибо тебе, о великодушный червячок, не знаю уж, что бы я без тебя делал. А теперь послушай-ка, что я тебе скажу. Поедешь с нами в Ётунхейм. И путешествие это, заметь, будет не из легких.

Ши вспомнил вчерашний разговор с Хеймдаллем.

— Не то ли это место, где живут великаны?

— А точнее — инеистые великаны. Вечно Бодрствующий както сбрехнул, будто слышал из какого-то тамошнего замка странные звуки — словно колотили там молотом, принадлежащим Тору. Лучше этого оружия нам не сыскать. А потому следует собрать нам все наши силы, все наши способности к волшебству и добыть этот молот. Хотя уважаемый Пожиратель Репы, очевидно, столь силен и могуществен, что справится с задачей этой и без нашей помощи?

Ши опять поперхнулся. Неужели надо принять это предложение? Он, конечно, искал приключений — но в разумных же пределах. «Что такое приключение? — пришло ему в голову некогда читанное.— Приключение — это когда кто-то забирается к черту на рога и там вляпывается в какую-нибудь веселенькую историю». Только...

Тьяльви меж тем поднялся со своего места, обогнул стол, подошел к Ши и потихоньку сказал:

— Слышь, составь мне компанию, а? Неохота быть одним-единственным человеком среди этих асов. И сестра моя Рёсква остается на Распутье. Поражающий Великанов считает, что в

Ётунхейме женщине делать нечего — кругом колдуны, великаны-убийцы и прочая гадость... Поедем вместе, век буду благодарен!

— Ладно,— сказал Ши и тут же понял, что импульсивность не доведет его до добра. Если уж Локи с Тором не могут в одиночку добыть тот молоток и зовут его в помощники, ясно, что работенка предстоит не из легких. Зато у него есть спички и револьвер — таких чудес асы не ведают, за колдовство для начала сойдет. Он прикроет богов в бою.

— Слушай,— продолжал шептать Тьяльви,— с Владыкой Козлиной Колесницы я уже переговорил. Он с радостью тебя возьмет. Только ты это... не ешь в дороге репы. Не надо. Он очень просил, чтобы ты его не позорил. И одежу свою как-то... утепли, что ли... Оделся ты явно не по погоде. Вон хоть у Сверра-Посредника попроси, он одолжит чего потеплее.

Сверр с готовностью принял в залог пальто и бриджи для верховой езды и выдал взамен довольно мешковатый скандинавский наряд. Ши, облаченный уже в полном соответствии с окружающей обстановкой, вышел на улицу. Чистый белый снег был освещен тусклым унылым солнцем, и когда мороз начал покусывать длинный нос Ши, он возблагодарил те ярды грубой шерсти, в которые был укутан.

Козлиная колесница уже поджидала их — огромная, как фургон покорителей Дикого Запада, правда только на двух колесах. На позолоченных ободах чернели выпуклые рунические литеры, а сама колымага была довольно решительной рукой размалевана красной и золотой краской. Но в первую очередь в глаза бросались козлы — один черный, другой белый, огромные, как лошади.

— Вот Скрежещущий Зубами,— пояснил Тьяльви, тыча пальцем в ближайшего козла,— а этот — Скрипящий Зубами,— указал он на черного.— Слышь, Харальд, будь другом, помоги погрузить их шмотки!

Не догадываясь о значении слова «шмотки», Ши проследовал за Тьяльви в дом Посредника, где тот указал на огромный дубовый сундук.

— Вот,— объявил он,— тут асово барахлишко и лежит.

Тьяльви приподнял свой край за медную ручку. Ожидая, что сундук окажется легким, Ши взялся за него с другой стороны. Но сундук остался на месте. Ши взглянул на Тьяльви, но тот преспокойно стоял, держа свой край без всяких видимых усилий.

Изо всех сил, обеими руками он дернул за ручку и чуть-чуть приподнял проклятый сундук, набитый не иначе свинцовыми чушками. Тьяльви двинулся вперед, а Ши, кряхтя, хромая и спотыкаясь, заковылял следом. Он едва удержался от побуждения заорать на Тьяльви, чтоб тот пошевеливался, и чуть не выпустил впившуюся в пальцы ручку, но лишь желание окончательно не ударить в грязь лицом заставило его стиснуть зубы и терпеть. Когда они добрались до колесницы, Ши бросил сундук в снег и чуть было сам на него не свалился. Ледяной ветер резко обжигал легкие, покуда он жадно хватал ртом воздух.

— Порядок,— заметил Тьяльви.— Теперь придержи-ка вот тут, ща мы его закинем.

Ши заставил свое непослушное тело подчиниться. Вдвоем они подняли край сундука на платформу колымаги, и каким-то чудом вся эта неподъемная кладь оказалась внутри. Ши не без смущения осознал, что Тьяльви сделал три четверти работы, хотя тот, похоже, даже этого не заметил.

Когда погрузка закончилась, Ши оперся на оглоблю, с удовольствием ощущая, как замедляются удары сердца, восстанавливается дыхание и утихает боль в руках.

— Эге, наш добрый Тьяльви уже припахал еще одного смертного! Ну-ну. Молодец, Тьяльви, действуй в том же духе.

Это был Локи, Лис-Локи, и голос его звучал, как всегда, ехидно. Ши снова почувствовал, как в нем закипает гнев. При чем тут Тьяльви? Хотя и в самом деле выглядело все так, будто Тьяльви уговорил его ехать только затем, чтобы было на кого спихнуть часть грязной работы. Если... Стоп! Ши внезапно вспомнил один из титулов Локи — Сеятель Раздоров — и предостережение Тьяльви насчет его шуточек. Конечно, Дядюшке Лису лестно поссорить двух смертных. Ши решил, что потеряет к себе последнее уважение, если позволит коварному богу добиться своего.

В этот момент кто-то рванул его за плащ. Ши обернулся. То был Скрипящий Зубами — он ухватил его за фалду и тянул к себе.

— Эй-эй-эй! — заорал Ши, пытаясь вырваться. Но огромный козел, тряся головой, все тянул и тянул, а Локи стоял руки в боки и заливался хохотом. Разумеется, он и пальцем не пошевелил, чтобы помочь. Подбежал Тьяльви и покрепче ухватился за Ши. Ткань треснула, и двое смертных повалились в снег. Скрипящий Зубами меланхолично прожевал оторванный кусок плаща, проглотил и успокоился.

Ши поднялся, извергая проклятия, и повернулся к красному от смеха Локи.

— Послушай-ка, ты,— воинственно начал Ши.— Что-то я, блин, не понял, чего тут смешного?

Тут Тьяльви встряхнул его за плечо.

— Помолчи ты, олух! — яростно зашипел он ему в ухо.— Он же тебя одним взглядом испепелит!

— Но...

— Какие еще «но»? Они же *боги!* Что бы они ни вытворяли, даже пикнуть не смей, иначе они свернут тебе шею. Тут же ничего не поделаешь!

— О'кей,— проворчал Ши и про себя отметил, что деревенщине всех веков и народов всегда крайне импонировала формула «Тут уж ничего не поделаешь». Ничего, придет время, и он с этим Локи по-своему поговорит.

— И с козлами поосторожней,— посоветовал Тьяльви.— Они, заразы, жрут что ни попадя. Помню, недели две назад такая тут хохма вышла... Смехота! Нашли мы, значит, на болоте несколько трупов — замерзли люди, ясно дело. Я говорю, возьмем с собой, пущай родные похоронят по обычаю. Тор говорит, ладно, говорит, бери, мне-то что. Ладно, взяли, добрались до Распутья. А Сверр-Посредник уперся — и ни в какую. Нет, говорит, внутрь не пущу и не просите! Растают еще, провоняют весь дом, не-не-не! Ладно, сложили их во дворе штабелем. На следующее утро просыпаемся... Слушай, ха-ха-ха, не поверишь... Ой, не могу! Козлы эти залезли... и всех сожрали! Одни пряжечки медные на снегу и лежат!

Тьяльви одиноко покатывался со смеху, пока Ши с позеленевшим лицом пытался переварить этот образчик северного юмора. Вдруг все заглушил зычный крик:

— Эй, смертные!

Тор уже забрался на колесницу, цыкнул на козлов, колеса скрипнули, и сооружение медленно тронулось с места.

— Скорей! — суматошно заорал Тьяльви.

Прежде чем Ши успел сделать первый шаг, он уже догнал колесницу и запрыгнул на нее одним махом. Пришлось Ши, подпрыгивая, мчаться следом, безуспешно пытаясь залезть на ходу. Один раз у него чуть было не получилось, но козлы припустили, онемевшие пальцы сорвались с борта, и он повалился лицом

в снег. Послышался отвратительный смех Локи, и, поднимаясь, он с горечью подумал, что пустился-то в это, с позволения сказать, путешествие, дабы избавиться от комплекса неполноценности и плохой приспособленности к жизни...

Но делать было нечего, пришлось опять догонять колесницу. Наконец Тьяльви ухватил его за шиворот, втащил наверх и отряхнул снег с одежды.

— В другой раз,— посоветовал он,— хватайся покрепче, а то так и будешь скакать. Знаешь, как Хавамал говорит:

Куда лучше жить, Чем лежать мертвецом —
Проворный пробьется наверх!

Тор, восседавший впереди, что-то гаркнул козлам, и они перешли с рыси на галоп. Ши ухватился за борта и понял, что рессор здесь никаких не предусмотрено. Впрочем, скоро он обнаружил, что тряска переносится значительно легче, если слегка согнуть ноги и амортизировать ими толчки.

Локи, ухмыляясь, склонился к нему:

— Ну что, Харальд-Репка? Нам ли быть в печали?

Ши нерешительно улыбнулся. Кажется, Дядюшка не держал зла, что, впрочем, вовсе не означало, что он не способен на очередную пакость. Лис между тем беззаботно продолжал:

— Веселись, брат, лови момент. У великанов с чувством юмора ох как туго! Помню, был такой ворлок — звали его Биргер. В общем, этот Биргер наложил заклятие на одного великана, и тот, бедняга, вместо девушки женился на козе. Представляешь? Так этот великан что сделал? Распорол Биргеру брюхо, привязал кишки к сучку и заставил его бегать вокруг дерева. Такие вот у них шуточки, хи-хи!

Анекдот аппетита не возбуждал, а колесница яростно подбрасывала пассажиров на каждой кочке. Вверх-вниз-бум, вверх-вниз-бум. Ши начал сожалеть о съеденном завтраке.

Тьяльви участливо заметил:

— Харальд, друг, ты неважно выглядишь. Зеленый, как крыжовник. Может, проголодался?

Ши отчаянно сражался с желудком, боясь окончательно растерять остатки престижа, но напоминание о еде завершило битву не в его пользу. Он перегнулся за борт колесницы.

Локи захихикал. Тор обернулся и заглушил его смех громовым «хо-хо-хо!».

— Учти, Харальд-Репка, испачкаешь мою колесницу — сам же ее и вычистишь! — В голосе Тора сквозила нотка добродушного презрения, и колола эта нотка куда сильнее, чем все ядовитые смешки Локи.

Но, к счастью, судорожные конвульсии желудка вскоре прекратились, и Ши тяжело опустился на сундук, мечтая о скорой смерти. Сидеть было неудобно, поэтому он снова встал и заставил себя улыбнуться:

— Сейчас... сейчас мне станет получше. Просто я не привык к такой скачке.

Тор вновь повернул к нему голову и громыхнул:

— Думаешь, это быстро, попрыгунчик? Не знаешь ты, что такое скорость. Смотри!

Он свистнул козлам. Проклятые твари вытянули шеи и понеслись. Казалось, колесница не столько едет по дороге, сколько летит над ней. Время от времени она с громовым треском ударялась о землю и тут же снова взлетала. Ши прикидывал, с какой же скоростью она несется, судорожно вцепившись в борта, дабы сохранить свою драгоценную жизнь. Делали они примерно шестьдесят—семьдесят миль в час. Для современного автомобиля на бетонной автостраде не так уж и много, но для двухколесной повозки без рессор, скачущей по ухабам...

— Вау-вау-вау! — вопил Тор, упиваясь бешеной ездой.— Держись! Впереди поворот!

Вместо того чтобы немного замедлить бег, козлы еще больше наддали, и колесницу занесло наружу. Ши закрыл глаза, вцепившись в борт.

— Йо-о-и-и! — визжал Тор.

Этот кошмар продолжался еще минут десять, пока Тьяльви не предложил перекусить. Ши с удивлением обнаружил, что и в самом деле проголодался. Однако при виде неаппетитных пластин, имевших отдаленное сходство с обожженной кожей, энтузиазм его резко пошел на спад.

— Уп!.. Что это?

— Копченый лосось,— пояснил Тьяльви.— Знаешь, как его едят? Суют в рот, вот так, а потом откусывают. Затем глотают. Хватит ума глотнуть-то? Вот и ладушки.

Ши попробовал. Никогда он не подозревал, что рыба может быть такой жесткой. Но когда он распробовал лосося, то обнаружил, что на вкус рыбешка попросту восхитительна. «Когда буду возвращаться,— подумал он,— обязательно прихвачу с собой немного. Вернее, если *получится* вернуться...»

Становилось теплее, и к вечеру из-под колес веером полетела жидкая грязь. «Тпр-ру!» — прогремел наконец Тор, и козлы остановились. Путешественники оказались в ложбине среди низких холмов. Все вокруг было серым, и только там, где растаял снег, проглядывали темные клочья травы. В самой ложбине росло несколько унылых елок, казавшихся в сумерках почти черными.

— Привал,— распорядился Тор.— Эх, будь у нас огонь, отведали бы сейчас жаркого из козлятины!

— Что он имеет в виду? — прошептал Ши на ухо Тьяльви.

— О, это коронный номер Громовержца! Он убивает Скрипящего Зубами или Скрежещущего Зубами, и вот готово отменное жаркое. Лопай все подряд, только шкуру и кости не трогай. А наутро он р-раз! — и возвращает козла к жизни.

Тем временем Локи говорил, обращаясь к Тору:

— Сомнительно мне, о Враг Червя, что подействует здесь мое вызывание огня. Земля эта принадлежит холмовым великанам, и заклятие здесь лепится на заклятие. Погасят они мой огонек. А как насчет доброй вспышки молнии?

— О, могу я вызвать трепет, могу и убить, но не в силах добыть я огня в подобной сырости,— пророкотал Тор.— Но с нами новый ворлок. Почему бы не заставить его поработать?

Ши нащупал в кармане спички. Они были на месте. Сухие. Настал его час!

— Ну, это пара пустяков,— небрежно бросил он.— Я могу извлечь огонь, всего лишь щелкнув пальцами. Хотите верьте, хотите нет.

Тор посмотрел на него с подозрением.

— Слабаки вы, и немногие из вас на что-либо способны,— внушительно проговорил он.— Что до меня, то всегда считал я лишь мужество да силу единственными достоинствами человека. Не стану отрицать, братья мои порой думают иначе. Возможно, ты и сделаешь то, чем хвастаешь.

— Мужество и сила? Повелитель Мьёлльнира, забываешь ты еще и такие штуки, как ум и хитрость,— возразил Локи.— Даже удары твоего молота будут бесполезны, коли не знать, куда бить. Быть может, чужестранец этот и впрямь покажет нам что-нибудь новенькое. Предлагаю турнир! Мы двое и ворлок Репка. Первый,

кому удастся запалить огонь, получит право треснуть любого из двух оставшихся.

— Ну уж нет,— забеспокоился Ши.— Если Тор мне врежет, придется вам искать нового ворлока.

— Ну, вашего брата как грязи,— ухмыльнулся Локи, потирая ладони.

Хотя Ши знал, что хитрюга бог сумеет обнаружить забавные стороны даже в похоронах собственной матери, на сей раз он поддался на провокацию. Он осклабился в ответ, и при этом ему показалось, что в глазках Дядюшки Лиса мелькнула искорка одобрения.

Ши с Тьяльви, утопая в грязи, добрались до деревьев. Вытащив нож, Ши с ужасом обнаружил на якобы нержавеющем лезвии пятна ржавчины. Тем не менее он мужественно срубил несколько веток и свалил их на очищенную от снега, хотя и по-прежнему влажную землю.

— Ну, кто первый? — поинтересовался Ши.

— Ты что, совсем, что ли? — прошептал Тьяльви.— Конечно рыжебородый.

Тор приблизился к куче веток и вытянул руки. Вспыхнуло какое-то голубоватое свечение, послышался сильный треск, с кончиков пальцев бога на хворост посыпались яркие электрические искры. Ветки защелкали, поднялось несколько клубков пара. Тор напряженно нахмурился. Снова затрещали искры, но на том дело и кончилось.

— Слишком сыро дерево сие,— прорычал Тор.— Теперь твой черед испытать силу, Хитроумный.

Локи тоже вытянул руки и что-то прошептал так тихо, что Ши ничего не расслышал. В ладонях его вспыхнул розовато-фиолетовый свет, который затанцевал над ветками. Эти странные сиреневые отблески пугающе выхватили из сумерек соломенно-рыжую бородку Локи, высокие скулы и брови вразлет. Лис почти беззвучно шевелил губами. Ветви шипели, испуская пар, но не загорались.

Локи отступил. Волшебное сияние тихо угасло.

— Целая ночь понадобится,— буркнул он.— Лучше поглядим, на что способен наш ворлок.

Ши собрал несколько прутиков, насухо вытер их об одежду и составил шалашиком наподобие индейского типи. Конечно, растопка была сыровата, но Ши полагал, что еловые ветки содержат достаточно смолы, чтобы загореться сразу.

— Сейчас! — изрек он, напустив на себя важный вид.— Смотрите и учитесь все! Это вельми крутое волшебство.

С этими словами он извлек коробок обычных кухонных спичек. Три его спутника, затаив дыхание, наблюдали, как он вынимает спичку и чиркает ею о коробок.

Ничего не произошло.

Он попробовал снова. Никакого результата. Ши выбросил спичку и попытался зажечь новую — опять безуспешно. Он вытащил еще одну, потом еще и еще. Пробовал чиркать две спички сразу. Выбросив кухонные, достал коробок непромокаемых. Результат был ничуть не лучше. Самое обидное, что тому не было никакой видимой причины. Спички просто не зажигались — и все тут.

Ши поднялся.

— Мне очень жаль,— объявил он,— но что-то испортилось. Подождите минутку, я загляну в свою магическую книгу.

Еще было достаточно светло, чтобы разобрать написанное. Ши достал «Настольную книгу бойскаута». Наверняка там сказано, что в таких случаях делается — если уж не с отказавшими спичками, то по крайней мере с палочками для добывания огня трением. Он открыл ее наугад — и вытаращил глаза. Моргнул, потряс головой, снова взглянул на страницу. Было достаточно светло. Но черные пятна на листах бумаги — предположительно фразы, набранные типографским способом,— складывались в совершенно бессмысленный орнамент. Некоторые буквы выглядели отдаленно знакомыми, но сложить их в слова он не мог. Ши лихорадочно перелистал всю книгу. Везде одно и то же — будто курица прошлась по снежку. Имелись, правда, какие-то схемы, но без текста они представляли собой полнейшую бессмыслицу.

Гарольд Ши стоял с открытым ртом и не имел ни малейшего представления о том, что делать дальше.

— Ну?! — загремел Тор.— Где огонь нашего хваленого ворлока?

Откуда-то сзади захихикал Локи:

— Не исключено, что репу предпочтительнее кушать сырой.

— Я... я весьма сожалею, сэр,— промямлил Ши,— но боюсь, что у меня ничего не выходит.

Тор воздел массивный кулак.

— Вот и настало время,— провозгласил он,— положить конец этому лживому и немощному отпрыску человечьему, что посмел вознести чаяния наши до небес, а после низвергнуть их, обрекая нас на холодного лосося...

— О нет, Сокрушитель Великанов,— торопливо вмешался Локи,— придержи свою могучую длань! Он все-таки веселит нас иногда, а это всегда кстати в меланхолических сих краях. Как знать — может, там, куда мы держим путь, я сыщу ему применение.

Тор медленно опустил руку.

— Отвечать за него будешь теперь ты. Дружелюбен я к роду человеческому, но к лжецам и хвастунам нет состраданья во мне. Коли говорю я, что могу что-то сделать, я это делаю.

— Дозволено ли вмешаться, сэр, но там,— встрял Тьяльви, тыча пальцем в сторону входа в ложбину,— там что-то темнеется. Может, мы найдем какое укрытие.

Тор согласно буркнул. Они опять взобрались на колесницу и двинулись в сторону темного силуэта. Ши молчал, погруженный в самые черные мысли. Он оставил пост исследователя в Гарейденском институте ради Путешествия с большой буквы. Бежал оттуда, где чувствовал себя от всего зависимым, зажатым в тесные рамки. Ну вот, сказал он себе с горечью, вот и вылез из рамок, вот и обрел независимость. По сравнению с его нынешним положением тогда были еще цветочки... Ну почему, почему усилия его завершаются столь сокрушительным провалом? Почему не зажигались спички? Откуда в книге эта жуткая тарабарщина? С какого перепугу сломался фонарик прошлой ночью?

Тьяльви зашептал ему:

— Клянусь бородой Одина, я просто со стыдухи сгораю, дружище Харальд! Зачем было обещать огонь, если ты все равно не мог его зажечь?

— Да честное слово, я думал, что сумею,— угрюмо отозвался Ши.

— Может быть. Но ты разгневал Громовержца. Благодари Дядюшку Лиса — он спас тебе жизнь. Я всегда говорил, он не так плох, как о нем думают. Когда и впрямь туго, всегда поможет — этого у него не отнимешь.

Темное пятно постепенно приобрело очертания домика чрезвычайно странной формы. Крыша у него была закругленная, а

фасад вообще отсутствовал. Когда они зашли внутрь, Ши с удивлением обнаружил, что вогнутые стены, пол, низкий потолок — весь дом слеплен из чего-то, очень похожего на обычный линолеум. Комната, похоже, была здесь только одна — большая, но под очень низким сводом, без окон и мебели. В дальнем ее конце в полутьме едва различались пять круглых лазов, невесть куда ведущих. Никто и не потрудился это выяснить.

Ши с Тьяльви стащили с колесницы тяжеленный сундук и выудили из него одеяла. На ужин все четверо мрачно жевали копченого лосося. Тор при этом так выразительно двигал бровями, что и последнему тупице было бы ясно: Громовержец едва сдерживает праведный гнев. Наконец подал голос Локи:

— О, кстати, пришло мне на ум, сын славный Ёрд, что огнеупорный наш ворлок не слыхал еще историю о твоей рыбалке.

— История сия небезызвестна,— оживился Тор.— Человеку полезно выслушать ее, дабы извлечь себе урок на будущее.

— Один нас сохрани! — пробормотал Тьяльви на ухо Ши.— Лично я уже миллион раз ее слышал!

Тор загремел:

— Гостил я однажды у великана Хрюмира. Вышли мы с ним раз в синее море. На крючок насадил я цельную голову бычью — на ту рыбу в расчете, что человека силою превосходит. При первой же поклевке уразумел я, что попалась мне величайшая рыбина из возможных, а именно сам Мидгардский Змей, что столь могучею силою обладает. Три кита сразу не смогли бы тянуть с такой мощью. Девять часов играл я со змеем, то отпуская леску, то удерживая, покуда к лодке не подтащил его близко. Когда же голова его показалась над бортом, стал брызгать он ядом в гневе бессильном, и яд тот в одеждах моих проел преобширные дыры. Глаза его были что щиты боевые, а зубы *вот такие...*— Тор раскинул руки в темноте, дабы наглядно показать, какой длины были зубы.— Тащил я, и Змей тащил тоже. Пояс силы на мне был, и ноги мои чуть дно не сломали у лодки. И втащил я почти это чудище в лодку, когда... Чтоб мне лопнуть, если вру,— этот кретин Хрюмир струсил и перерезал леску! Это ж надо? Попалась самая крупная добыча, которая выпадала когда-либо рыбаку,— и она ушла! — Завершил Громовержец на трагической ноте: — Устроил Хрюмиру я добрую взбучку! Вовек не забудет гнев Тора он. Но никакое возмездие не вернет уж мне трофей, украсить способный стены Трудхейма!

Тьяльви наклонился к Ши и потихоньку пробормотал:

Не хвались, человек, Зверем, что убежал,
Или рыбой, сошедшей с крючка.

Хоть они и крупней Несравненно, чем те,
Чьи шкуры на стенах висят!

Так, по крайней мере, считает Драпар из Атли.

Локи закудахтал — слух у него оказался неплохой:

— Истинно, малыш, истинно! Если бы кто другой, а не наш друг и великий защитник рассказывал эту историю, я бы ни за что не поверил.

— Ты сомневаться смеешь? — зарычал Тор.— Испытать захотел мою руку?

Он взметнул кулак. Локи увернулся. Тор рассмеялся — раскатисто, добродушно:

— И боги, и смертные в одном солидарны. Две вещи сомненью они подвергают: байки рыбацкие да женскую добродетель.

Он завернулся в одеяло, пару раз глубоко вздохнул и моментально захрапел. Локи и Тьяльви тоже притихли.

Страдая от бессонницы, Ши мысленно перебирал события дня. На новом поприще он выступил отвратительно. Это его очень расстраивало, поскольку он начинал испытывать к своим спутникам нечто вроде симпатии, даже к буйному и неприступному Тору. Этот здоровяк — отличный парень, из тех, на кого всегда можно положиться, особенно в кризисных ситуациях, когда требуется безоглядное мужество. Добро и зло для него наверняка разделены четкой прямой чертой: по одну сторону — белизна мела, по другую — чернота угля. Конечно, его раздражает, когда выясняется, что окружающие лишены этой силы и простоты.

А вот в Локи Ши далеко не был уверен. Конечно, Дядюшка Лис сохранил ему жизнь, но Ши подозревал, что хитрец руководствовался при этом какими-то своими соображениями. Локи собрался его как-то использовать, причем не только в качестве объекта для насмешек. Острый ум Лиса явно засек незнакомые приспособления, которые Ши притащил с собой из двадцатого столетия, и уже наверняка искал им применение.

Но почему же все эти чудеса науки и техники так его подвели? Почему он оказался не в состоянии прочесть простой английский текст?

А был ли он английским? Ши постарался представить свое собственное имя в письменной форме. Это удалось ему довольно легко. Стало быть, переместившись в пространстве и времени, он не стал неучем. Хотя минуточку, что же это такое? Он старательно сосредоточился на веренице букв, представшей перед его мысленным взором, и увидел следующее:

ᛇᛁᚱᚼᛚᛏ BRAᛁᚴ ᛋᛇᚠᛁ

«Гарольд Брайан Ши»,— прочитал он. В то же самое время он сознавал, что перед ним отнюдь не буквы латинского алфавита. Он попытался мысленно написать другое слово — «человек». Оно обрело такую форму:

ᚠᛅᚾᛋ

Что-то было не так. Слово «человек», как он смутно помнил, явно не должно состоять всего из четырех букв.

Постепенно до него дошло, что же приключилось. Чалмерс был прав, и даже более чем прав. Когда Ши перенесся из своего уютного института, расположенного на уютном Среднем Западе, в мир этой вопиющей дикости, автоматически произошла смена языков. Если бы этого не случилось, если бы сдвиг был только частичным, он сошел бы с ума, превратился в идиота. Но сдвиг оказался совершенно полным. Он говорил на древнескандинавском языке, прикасался к древнескандинавским богам и вкушал древнескандинавскую стряпню. Неудивительно, что все вокруг запросто его понимают!

Но, как неизбежное следствие, он утратил владение английским. Напрочь. И когда пытался представить, как пишется слово «человек», в сознании услужливо всплывали четыре рунические литеры:

ᚠᛅᚾᛋ

Теперь он и представить не мог, как написать это слово по-другому. Потому-то и не удалось ему ознакомиться с «Настольной книгой бойскаута».

Вполне естественно, что и все приспособления его здесь не сработали. Ши угодил в мир, для которого не существовали за-

коны физики или химии двадцатого века. Здешняя структурная модель не предусматривала ни спичек, ни фонариков, ни нержавейки. Для любого из окружающих эти вещи были непостижимы, выходили за рамки обычных представлений. Следовательно, они и не существовали — превратились в забавные безделушки, не имеющие никакой практической ценности.

«Ну что ж,— сонно подумал Ши,— по крайней мере, теперь можно не выделываться перед этой публикой. Я пал уже так низко, что теперь могу вытворять что угодно — глупее выглядеть уже не буду. И какого только дьявола...»

5

Ши проснулся затемно, дрожа от холода. Было по-прежнему выше нуля, но дул сильный ветер, а серые холмы затянуло пеленой дождя. Он зевнул и сел, закутавшись в одеяло, как индеец. Все еще спали. Некоторое время Ши сидел неподвижно, уставившись в одну точку и пытаясь восстановить ход мыслей, посетивших его прошедшей ночью.

Итак, мир, в который он попал — не исключено, что и навеки,— управляется своими собственными законами. Какими же? Единственное, что осталось при нем после перемещения,— это его сознание, сознание современного человека, привычное к изучению и анализу, способное из частного вывести общее. Так что ему должно быть вполне под силу выявить законы, властвующие над этим миром, и использовать их — что никогда не пришло бы в голову тому же простаку Тьяльви. Но пока ему удалось вывести только один закон: боги наделены сверхъестественной силой. Но должны ведь существовать и какие-то более частные закономерности, регулирующие даже такие...

Храп Тора, затихая, превратился в сопение, после чего рыжебородый протер глаза, сел и сплюнул.

— Подъем, асово воинство! — гаркнул он.— Харальд Репчатый, гляжу, уж пробудился? Опять ждет нас гнусный хладный лосось, ибо огненное волшебство твое провалилось! — Заметив, как напрягся Ши, Тор добавил: — Да ладно, не бери в голову. Мы, асы, смертным зла не желаем. Видал я куда более пропащих особей, чем ты, вставших в конце концов на путь истинный. Мы еще сделаем из тебя человека, малыш. Просто во всем бери пример с меня.

Он оглушительно зевнул и колко ухмыльнулся. Зашевелились и остальные. Тьяльви вытащил копченого лосося. Лосось, конечно, штука хорошая, но третий раз подряд — это, пожалуй, перебор.

Только они начали безрадостно жевать, как неподалеку послышались тяжеленные шаги. Сквозь пелену дождя проглянула какая-то серая фигура, от одного вида которой волосы у Ши встали дыбом. Фигура напоминала человеческую, но росту в ней было по меньшей мере десять футов, а массивные ножищи напоминали колонны.

Великан остановился и заглянул внутрь убежища, где укрылись путешественники. С бешено застучавшим сердцем Ши прижался к вогнутой стене, нащупывая охотничий нож. На них глядела огромных размеров физиономия с налитыми кровью серыми глазами и тощей бороденкой серо-стального цвета, выражение которой бодрости отнюдь не внушало.

— Ого! — всхрапнул великан, показывая желтые пеньки гнилых зубов.— Прошу пардону. Перчаточку потерял, так вот хожу ищу. Не почавкать ли вместе, а?

Ши, Тьяльви, Локи — все посмотрели на Тора. Рыжий бог стоял, широко расставив ноги, и несколько секунд изучающе разглядывал великана, после чего произнес:

— Доброму попутчику всегда рады мы. Можем предложить немного копченого лосося. А у тебя что есть?

— Скрюмир звать меня, приятель. По-моему, завалялось маленько хлебца да сушеная драконятина. Слушай-ка, а ты, часом, не Тор ли Одинссон — метатель молота?

— Ты близок к истине.

— Ну вааще! Это что-то! — Великан скорчил ужасную рожу, долженствующую, очевидно, изображать улыбку.

Изогнувшись, он снял со спины мешок и плюхнулся у входа. Ши рассмотрел его теперь получше и нашел, что и вблизи великан отнюдь не производил более отрадного впечатления. Длинные патлы монстра были забраны в пучок, из которого вместо шпилек торчали обглоданные косточки. С ног до головы он был облачен в меха, и хотя на плащ, очевидно, пошла шкура прародителя всех медведей, велик он ему не был. Скрюмир извлек из мешка ломоть местного хлеба размером с матрас и несколько кусков жесткого серого мяса. Все это хозяйство он раскидал перед путешественниками.

— Налетай, братва! — прогремел он.— А где лосось?

Тьяльви молча протянул ему кусок рыбы, и великан шумно взялся за дело. Время от времени он вытирал физиономию тыльной стороной огромной лапы, истек слюной и весь перемазался жиром.

Ши никак не мог оторвать от древнескандинавского матраса кусочек, пока не сообразил пустить в ход нож — таким жестким оказался хлеб. Мясо дракона оказалось помягче, но тоже задало хорошую работу челюстям, которые у Ши и без того болели — нажевался он за последние сутки что надо. Драконятина резко отдавала чесноком, но Ши было уже все равно.

Жуя, он вдруг увидел вошь с доброго таракана размером, выползающую из черного меха одной из гамаш Скрюмира. Она немного поплутала в джунглях шерсти чуть ниже великаньего колена и снова заползла в свое укрытие. Ши чуть не стошнило. Но после всего, что он пережил, одной вши оказалось недостаточно, чтобы уничтожить его интерес к еде слишком надолго. Ну и фиг с ней, чего тут такого.

Локи вдруг хитро ухмыльнулся:

— Нет ли в мешке твоем репки, о Волосатый?

Скрюмир насупил брови:

— Чаво? Репы? Не. А на кой вам репа?

— Наш ворлок,— Локи ткнул пальцем в Ши,— имеет привычку ее кушать.

— Чаво-о? Хватит заливать-то! — прорычал гигант.— Слыхивал я про всяких козлов, что жрут жуков и хлещут коровье молоко, но в жизни не слышал, чтоб кто-то хавал репу.

— Так я получаю волшебную силу,— объяснил Ши с довольно кислой улыбкой и почувствовал, что на сей раз выкрутился неплохо.

Скрюмир рыгнул. О, то была не просто отрыжка, идущая из глубины души, а скорее нечто сродни природному катаклизму. Ши старался не дышать, пока воздух не стал чище.

— Слышьте, мужики,— поинтересовался великан, устраиваясь поудобнее,— с чего это вас занесло в Ётунхейм?

— Крылатый Тор путешествует, где пожелает,— заметил Локи величественно, но глаза все же отвел.

— Ну-ну, не наезжай, я просто подумал, что Тор приперся из-за Хрунгнира с Гейррёдом. Ух они бы порадовались! Кому не охота отыграться? Он здорово отколошматил тогда этих великанов.

— Немногие возликовали бы больше меня, повстречав...— загромыхал было Тор, но Локи бесцеремонно оборвал его:

— Спасибо за предупреждение, любезнейший Скрюмир. Коль хозяева дружелюбны, так и гостевать в радость. Э-э, лосося еще не хочешь?

— Не-а, я уж слопал, сколько хотел.

Шелковым голоском Дядюшка Лис продолжал:

— Не будет ли слишком большим нахальством с нашей стороны поинтересоваться, куда держит путь ваше великанство?

— А-а... В Утгард, куда ж еще. Утгард-Локи устраивает большую жрачку для нашего брата.

— Богатым и блистательным, должно быть, будет пир сей.

— Верно подмечено, блин. Ух и почавкаем! Все холмовые великаны придут, и инеистые, и огненные,— все. Да, енто будет что-то!

— С великим удовольствием поглядели бы на зрелище такое. Будь мы на том пиру гостями столь могучего великана, как ты, никто из дружков Хрунгнира или Гейррёда не посмел бы нам напакостить, верно?

Скрюмир довольно обнажил гнилые пеньки.

— Эти сопляки-то? Ха! И пикнуть бы не посмели.— Он задумчиво поковырялся большим пальцем в зубах.— Ладно, так и быть, топайте со мной. Босс Утгард-Локи — отличный парень, мой друг, так что никаких заморочек не будет. Вытряхивайтесь из моей перчатки и пошли.

— Что?! — разом воскликнули все четверо.

— Блин, да вы в ней ухо давили, в моей перчатке!

Заявление это содержало в себе столь тревожный смысл, что четверо путешественников, включая могущественного Тора, подхватили свои пожитки и немедленно выкарабкались из укрытия, проявив при этом необычайное проворство.

Дождь прекратился. Меж холмов змеились рваные полосы тумана, жемчужные на фоне темно-серых туч. Путешественники осмотрели свое убежище снаружи. Вне всяких сомнений», то действительно была огромная перчатка.

Скрюмир ухватился за верхний край «входа» левой рукой и сунул туда правую. Со своего места Ши не удалось разглядеть, что произошло — то ли перчатка сжалась до подходящего размера, то ли она исчезла и великан подменил ее другой, поменьше.

И в этот же самый момент он внезапно почувствовал, что промок насквозь.

Обдумывать случившееся времени уже не было — ход размышлений был прерван рычанием Тора. Громовержец распорядился загружать колесницу.

Когда Ши уже сидел, согнувшись, на сундуке и раскачивался в такт движениям повозки, Тьяльви шепнул:

— Я так и знал, что Локи ухватится за Волосатого. Всегда говорю — как приспела нужда в смекалке, так без Дядюшки Лиса просто никуда.

Ши молча кивнул и чихнул. Ему страшно повезет, если он не свалится с первоклассной простудой, расхаживая в этих мокрых одеяниях. Окружающий пейзаж становился даже еще более диким и блеклым, чем в предыдущий день их путешествия. Впереди шагал Скрюмир, за спиной которого раскачивался мешок. До колесницы то и дело доносился кислый запах пота.

Одежда промокла. Почему? Дождь ведь уже перестал, когда они выбрались из чудовищной перчатки. Нет, с этой перчаткой явно что-то неладно. Остальные, включая обоих богов, ничуть не колеблясь приняли ее гигантские размеры за несомненный признак того, что Скрюмир куда больше и могущественней, чем кажется на первый взгляд. Ладно, великан-то он великан, но вряд ли настолько уж он велик. И пусть мир этот не подвластен тем законам природы, которые действительны у него дома, все же не было достаточных оснований полагать, что изменились и законы иллюзии. Ши достаточно долго занимался психологией, чтобы немного разбираться в приемах, которые в ходу у эстрадных магов. Остальные же, не знакомые ни с этими трюками, ни с техникой современного мышления, даже и не подумали критически, с позиций хотя бы элементарной логики, подойти к этой ситуации. Им и в голову не пришло подвергать сомнению очевидное.

— Знаешь,— внезапно прошептал он, обращаясь к Тьяльви,— а Локи-то не такой ловкач, как ему кажется,— Скрюмир только изображает из себя крутого.

Прислужник богов посмотрел на него явно озадаченно:

— Странные ты вещи говоришь. С чего ты взял?

— Ну ты же сам говорил, что, когда начнется эта грандиозная свалка, великаны передерутся с богами?

— Правдиво говорил я тебе.

И затрубит Хеймдалль, вздев рог;
И ясень содрогнется. Мороза чудища
Поскачут в Ад —

так, по крайней мере, говорит вёльва. Это слова пророчицы.

— Не слишком ли дружелюбен Скрюмир к своим будущим врагам?

Тьяльви отрывисто хохотнул:

— Плохо ты знаешь Ёку-Тора, потому так и говоришь. Пусть Скрюмир и велик, но на Рыжебородом его пояс силы. Он этого великана может на месте свернуть: круть, верть, и готово.

Ши вздохнул и попытался снова:

— Послушай, разве ты не заметил, что, когда Скрюмир натянул перчатку, мы тотчас же промокли до нитки?

— Ну вообще-то припоминаю.

— Я считаю, что никакой гигантской перчатки не было. Это была иллюзия, волшебство. Нас хотели запугать. На самом деле мы спали под открытым небом и промокли, насквозь промокли. Здорово же нас околдовали. Мы совершенно не ощущали сырости, пока заклятие не сняли и перчатка не исчезла.

— Возможно. И что же сие знаменует?

— Сие знаменует, что Скрюмир столкнулся с нами отнюдь неспроста. Все это было подстроено.

Простак озадаченно поскреб в голове.

— Сдается мне, друг мой Харальд, что волю ты дал беспочвенным фантазиям.— Он огляделся.— Эх, хотелось бы мне, чтоб Хеймдалль был сейчас с нами! Вот уж кто видит на сотни миль в темноте и слышит, как шерсть растет на спине у барана! Но только не могут они вместе — Златорогий и Дядюшка Лис. Из всех асов один Тор и может вытерпеть Локи.

Ши зябко передернул плечами.

— Слушай, дружище Харальд,— предложил Тьяльви,— как тебе, не слабо пробежаться — согреемся, а?

Вскоре Ши выяснил, что идея Тьяльви оказалась несколько шире, чем намерение пассивно трусить за колесницей.

— Дунем вон до того валуна, а потом обратно к повозке,— сказал он.— Готов? Приготовились... пошел!

И прежде чем Ши, путаясь в мехах, успел сделать первые неловкие скачки, Тьяльви был уже на полпути к валуну. Из-под

ног его летели мелкие камешки, плащ реял за спиной, точно стяг. Ши не покрыл еще и половины дистанции, когда Тьяльви уже пронесся мимо него обратно, ухмыляясь на бегу. Ши всегда считал себя неплохим бегуном, но разве потягаешься с эдаким лосем? Господи, да было ли хоть *что-нибудь,* в чем он мог сравниться со здешней публикой?

Тьяльви помог ему взобраться на колесницу.

— Получается у тебя получше, чем у большинства бегунов, друг Харальд,— бодрым голосом, в котором сквозило превосходство, заметил он.— Я-то думал, что смогу немного удивить тебя. Возможно, не слыхал ты, как бегает Тьяльви. Но,— понизил он голос,— ни в какие состязания с Дядюшкой Лисом не ввязывайся ни в коем случае. Он сначала заключает пари, а потом последнюю шкуру с тебя сдирает. Увидишь еще, погоди.

— Что он вообще из себя представляет? — спросил Ши.— Хеймдалль тут намекал, что, когда начнется заваруха, он переметнется в другой окоп.

Тьяльви пожал плечами:

— Хеймдалль — Дитя Гнева, и Локи он весьма недолюбливает. Я лично думаю, что Локи будет на нашей стороне. Он просто со странностями. В любой момент чего-нибудь от него жди — когда хорошего, а когда и плохого. И командовать собой никому не позволяет. О нем даже стих есть, знаешь, Локасенны:

И богам я скажу, И богов сыновьям
О том, что на сердце легло:

В целом мире нигде, Никому не дано
Мне волю свою навязать.

Эти слова послужили неплохим подтверждением того мнения, что сложилось уже у Ши относительно загадочного Дядюшки Лиса. Ему захотелось обсудить этот вопрос с Тьяльви поподробнее, но он вдруг обнаружил, что хотя и представляет себе смысл таких понятий, как «сверх-эго», «задержка созревания» и «садизм», но никак не может подобрать слова, чтобы выразить их. Так что если бы ему вздумалось завести в этом мире практику психоаналитика, пришлось бы, похоже, заново изобретать терминологию.

Он еще раз чихнул. Так и есть — простудился. Нос забился, глаза слезились. Холодало. Поднявшийся ледяной ветер тоже отнюдь не прибавлял хорошего настроения. Как и в прошлый раз, подкрепились они прямо на ходу. Когда лужи стали покрываться тонким льдом и под колесами захрустело, Ши принялся все чаще дышать на варежки и хлопать себя по бокам, чем обратил на себя сострадательное внимание Тьяльви.

— Ужель и впрямь тебе холодно, друг мой Харальд? Это что — просто бодрящий морозец, а вот несколько лет назад, помню, такая суровая зимища была, что разведешь костер на улице — и пламя замерзает. Я тогда на куски его порубил. До конца зимы топили — хватило. Дядя мой Эйнар хорошо тогда торганул — продал несколько кусочков, соврал, будто янтарь...

Сказано это было с таким серьезным выражением лица, что Ши далеко не был уверен в желании Тьяльви поиздеваться. В этом мире такое вполне *могло* случиться.

Наконец ужасный день подошел к концу. Скрюмир вышагивал, задрав голову и озираясь, а потом махнул в сторону одного из холмов. Там на склоне что-то темнело.

— Глянь, братва, пещера,— позвал он.— Ну чаво, заночуем?

Тор осмотрелся:

— Еще не так уж темно, чтобы привал делать нам.

В разговор встрял Локи:

— Истинно так, о Могущественный. Однако гложет меня опасение за ворлока нашего. Промерз до костей. Эдак придется нам скоро в хворост его упаковывать, а то замерзнет в ледышку и на кусочки рассыплется, хи-хи-хи!

— Де беспокойтесь за бедя,— прогнусавил Ши.— Какие белочи.

Конечно, лучше было потерпеть — по крайней мере, не пришлось бы затаскивать этот чертов сундук чуть ли не на середину склона.

Но, несмотря на свой статус мальчика на побегушках, тащить сундук в гору ему не пришлось. Когда колесницу припарковали у какого-то сугроба, Скрюмир схватил неподъемную кладь одной рукой и поволок к пещере.

— Огонь разведешь? — спросил у Скрюмира Тор.

— Об чем речь, приятель!

Скрюмир вырвал с корнем парочку низеньких деревьев, переломил о колено и свалил у входа.

Ши сунул голову в пещеру. Поначалу он не разглядел ничего, кроме нагромождений мрачного камня. Потом потянул носом.

Вообще-то у него уже настолько отбило обоняние, что даже ароматы Скрюмира давно не шибали ему в нос. Но сейчас некая вонь пробилась даже сквозь насморк. И чертовски знакомая вонь... Хлорка! Что за...

— Эй! — заорал у него за спиной Скрюмир, и Ши подскочил чуть ли не на фут.— Свали на́ хрен с дороги!

Ши убрался. Скрюмир сунул голову внутрь и свистнул. Вернее, с человеческой точки зрения, этот звук лишь с большой натяжкой можно было назвать свистом, поскольку он больше напоминал сигнал воздушной тревоги.

У входа в пещеру возник крошечный человечек ростом около трех футов, с бородой, придающей ему вид эдакого миниатюрного Санта-Клауса. Голову его закрывал островерхий капюшон, а конец бороды был заткнут за пояс.

— Эй, ты! — рявкнул Скрюмир.— Огонь нужен. Пошевеливайся!

Он показал на груду веток и бревен, сваленных перед входом в пещеру.

— Слушаюсь, сэр,— пискнул гном.

Он засеменил к костру и извлек медную палочку, имевшую отдаленное сходство с паяльником. Ши с интересом наблюдал за происходящим, пока Локи не сунул ему за шиворот сосульку. Пока Ши ее вытаскивал, огонь уже разгорался. Сырое дерево шипело и плевалось.

Послышался писклявый голосок карлика:

— Ужель собираетесь вы ночевать здесь?

— Собираемся,— ответил Скрюмир.— Давай вали отсюдова.

— О, но не следует вам...

— Заткнись! — прорычал великан.— Где хотим, блин, там и спим, понял?

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Что-нибудь еще, сэр?

— Не. Давай линяй, пока я на тебя не наступил.

Гном скрылся в пещере.

Они достали свои пожитки и разложили у костра. Огонь медленно разгорался. Заходящее солнце пробилось сквозь тучи и на минуту осветило их лицо мрачным багровым светом. Воображение Ши рисовало ему на затянутом облаками небосклоне образы апокалипсических чудищ. Откуда-то издалека донесся тоскливый волчий вой. Тьяльви внезапно поднял взгляд и нахмурился:

— Что это за шум?

— Какой еще шум? — спросил Тор.

Вдруг он вскочил — а сидел он спиной к выходу — и резко обернулся.

— Эй, Хитрейший! А в пещере-то кто-то есть!

Он медленно попятился назад. Из глубины донеслось шипение, как из дырявого парового котла, сопровождаемое металлическим скрежетом.

— Дракон! — заорал Тьяльви.

Из провала вырвались клубы желтого дыма, и путешественники закашлялись. Заскрипела чешуя, с треском посыпались мелкие камешки, и из темноты, отражая отблески пламени, показалась пара глаз размером с суповые тарелки.

Асы, великан и Тьяльви нестройно завопили, бестолково хватаясь за все, что могло послужить оружием.

— Спокойно, я бозьбу его на себя! — выкрикнул Ши насморочным голосом, разом забывая все свои предыдущие рассуждения. Он выхватил револьвер. Как только огромная, похожая на змеиную голова показалась в свете костра целиком, он прицелился в желтый глаз монстра и нажал на спусковой крючок.

Курок безобидно щелкнул. Ши нажал еще и еще. Щелк-щелк-щелк. Челюсти дракона разверзлись, резко завоняло хлоркой.

Гарольд Ши быстро попятился. Над головой у него что-то мелькнуло. Увесистое деревцо, которым завладел Скрюмир, комлем шарахнуло чудовище по башке. То метнулось было к великану, когда Тор испустил боевой клич и отвесил справа столь сокрушительный апперкот, что вышиб бы дух и из Джо Луиса. Послышался хруст ломающихся костей — кулак погрузился прямо в морду несчастной рептилии. Завизжав, точно раненая лошадь, дракон скрылся в пещере.

Тьяльви помог Ши подняться на ноги.

— Ну что, понял теперь,— заметил слуга богов,— почему Скрюмир ничто перед Повелителем Козлов? — Он хихикнул.— А дракоха хорошую зубную боль заработал себе на весну. Если, конечно, она наступит до прихода *Времени*.

Из пещеры опять высунулся карлик:

— Скрюмир, а Скрюмир!

— Ну?

— Я же пытался тебя предупредить, что огонь пробудит дракона от спячки. А ты не захотел слушать. Думал, самый умный, да? Ух-хи-хи!

Карманный Санта-Клаус приплясывал у входа в пещеру, обеими руками делая оппоненту «нос». Скрюмир подобрал было камень, чтобы запустить в него, но опоздал. Камень попусту полетел в лаз, а великан мрачно заметил:

— Не поймать уже маленького паршивца. Все холмы тут норами изрыли, гады.

Ужин прошел в молчании, для Ши особо тягостном, поскольку он чувствовал, что направлено оно в основном на него самого. Думать надо было, а потом лезть, твердил он себе горестно.

Да и вообще — думать надо было тогда, когда собирался в эту дурацкую экспедицию. Приключения! Романтика! Чепуха! Видал он «девушек мечты» в этом поганом болоте — можно подумать, что все они профессионально занимаются классической борьбой! Будь у него формула, он тут же вернулся бы домой.

Но формулы не было — вот в чем беда. Ее больше не существовало, по крайней мере для него. Ничего не существовало, кроме этого унылого, утонувшего в снегу холма, этого тошнотворного великана, двух асов и их слуги, которые относились к нему с презрением. И ничегошеньки-то с этим не поделать...

«Ладно, Ши, спокойствие,— сказал он себе.— Ты погружаешься в состояние меланхолии, каковое состояние, по меткому выражению Чалмерса, не несет в себе ни теоретической, ни практической ценности. Жаль, что нету рядом старого доброго дока! Как не хватает сейчас его зрелого интеллекта, да и просто цивилизованного общества». Самое разумное, что оставалось в такой момент Ши,— это перестать вздыхать о былом и жить настоящим. Для того чтобы решать возникающие проблемы с простецкой прямолинейностью Тора, у него явно недоставало физической подготовки. В крайнем случае можно попробовать приблизиться к Локи с его умным и едким юмором.

Ум. А разве не собирался он применять ум, исследуя законы этого мира? Законы, которые эти люди в силу одного лишь строения своего мышления просто не в состоянии постичь.

Внезапно Ши повернулся и спросил:

— А разве гном не сказал, что дракона разбудил огонь?

— Ну сказал...— зевнул Скрюмир.— И что с того, сопляк?

— Огонь-то еще горит. А что, если он или еще какой дракон заползет сюда ночью?

— Вот и сожрет тебя. Так тебе и надо! — Великан затрясся от смеха.

— Трепач наш говорит дело,— возразил Локи.— Лучше бы передвинуть лагерь.

Оттенок презрения в голосе Лиса заставил Ши зажмуриться, однако он продолжал:

— Нам вовсе не обязательно уходить отсюда, правда ведь, сэр? Уже подмораживает, а будет еще холоднее. Вот если мы соберем снега и завалим вход в пещеру, вряд ли, по-моему, этот дракон к нам полезет.

Локи хлопнул себя по колену:

— Неплохо сказано, человек-репка! Вот ты этим и займешься. Тьяльви, помоги ему. Гляди-ка, не так уж ты и бесполезен. Успел умишка набраться, покуда болтался с нами. Кому бы и в голову пришло, что снегом можно остановить дракона?

Тор только хрюкнул.

6

Ши проснулся, все еще шмыгая носом, но, по крайней мере, хоть голова не была уже такой тяжелой. Может быть, хлорка, которой он вчера надышался, излечила простуду. А может, причиной тому была его твердая решимость принимать окружающее таким, какое оно есть, и стараться извлекать из него максимальную пользу.

Позавтракав, они снова отправились в путь. Скрюмир по-прежнему шагал впереди. Небо своим цветом напоминало обветрившийся свинец. Резкие порывы ветра раскачивали ветви низкорослых деревьев, вихрем кружили редкие снежинки. Козлы, то и дело оскальзываясь на замерзших среди грязи лужах, большей частью лезли в гору. Тут и там вздымались холмы, покрытые более густой растительностью — в основном соснами и елями. Должно быть, где-то около полудня — Ши давно уже потерял всякое представление о точном времени — Скрюмир обернулся и махнул рукой в сторону самой высокой горы, какая им только встречалась за все время. Ветер унес слова великана, но Тор, похоже, его понял. Козлы затрусили к этой горе, вершина которой скрывалась в облаках.

После доброго часа утомительного подъема Ши начал различать на голой вершине какой-то неясный силуэт, скрывавшийся то и дело за клочьями тумана. Когда они достаточно приблизились, он принял очертания здания, мало отличавшегося от жи-

лища Посредника Сверра. Но это было куда неряшливей, сложено из неотесанных бревен, а размерами могло вполне потягаться с железнодорожным вокзалом. Тьяльви пробормотал на ухо Ши:

— Вот и замок Утгарда. Мужество, друг Харальд, мужество — без него мы здесь пропадем.

У самого молодого человека при этом стучали зубы, и явно не от холода.

Скрюмир наклонился к двери и шарахнул по ней кулаком. Добрую минуту простоял он в ожидании, а ветер трепал на нем меховые одежды. Наконец в двери открылся прямоугольный глазок, после чего она широко распахнулась. Путешественники слезли с козлиной колесницы и, потягивая затекшие конечности, последовали за своим проводником.

Дверь с грохотом захлопнулась. Они оказались в таких же полутемных сенях, что и в доме Сверра, только куда как более просторных и насквозь провонявших немытыми великанами. Гигантская ручища отодвинула кожаный занавес, и в образовавшемся треугольном просвете перед ними предстали ревущее желтое пламя и толпа невероятно шумных огромных существ.

Тьяльви прошептал:

— Теперь разуй глаза и смотри в оба, Харальд. Как говорит Тьедольф из Хвина:

В залу входя, Ты входить не спеши,
Зорко кругом оглянись.

Ведомо разве, Где недруг сидит
На скамье среди шумных гостей?

В целом местечко представляло собой сильно захламленную пародию на владения Сверра — та же планировка, те же скамьи, только столы были все как один кривые, занозистые и загаженные. Повсюду валялись объедки. Горевший посредине очаг совершенно закоптил стропила. Пол по щиколотку устилала грязная солома.

На скамьях, в проходах между ними — повсюду кишмя кишели великаны, жующие, глотающие вино, орущие во всю глотку. Прямо перед путешественниками резвились шесть монстров с такими же серо-стальными пучками волос и клочкастыми бороденками, как у Скрюмира. Один из них гневно размахивал руками:

он только что врезался локтем в кувшин с медовухой, поднесенный некой изможденной личностью — как видно, рабом,— и напиток с ног до головы забрызгал его соседа. Обрызганный великан не растерялся — схватил со стола полный тазик тушенки и смачно надел его слуге на голову.

Тот с дикими воплями рухнул на пол. Скрюмир безмолвно отпихнул его ногой, расчищая гостям проход. Шестеро бражников разразились булькающим смехом, раскачиваясь на скамье и хлопая друг друга по спинам. Они тут же позабыли о разногласиях.

— Здоров, Скридбальднир! — Скрюмир схватил одного из великанов за лапищу.— Как делишки? Видал, ребята, какого я дружка приволок? Вон он — Аса-Тор!

Скридбальднир развернулся. Ши про себя отметил, что тот, со своей пепельной шевелюрой, красными глазками альбиноса и огромным красным же распухшим носом, был даже пострашней Скрюмира.

— Он из инеистых великанов,— прошептал Тьяльви.— А вон та банда — огненные...

Он махнул рукой по направлению к группе индивидуумов, весьма схожих с гориллами, разве что чуть повыше и постройней, которые шумно лаялись меж собой. Ростом они были поменьше прочих великанов — немногим более восьми футов. Челюсти у них заметно выдавались вперед, а проглядывающие из-под одежды тела сплошь покрывал жесткий черный волос. Почесывались они как припадочные.

Ближе к центру зала, на троне, украшенном резными подлокотниками в виде сплетающихся змей, восседал самый большой великан, из холмовых. Кости, воткнутые в его прическу, были аляповато вызолочены. Из нижней челюсти владыки торчал, выдаваясь за верхнюю губу аж на несколько дюймов, огромный зуб. Он смерил взглядом Скрюмира и изрек:

— Привет, красавчик. Гляжу, детишек каких-то притащил. Не самая хорошая идея. За каким это хреном детишкам глазеть на нашу жратву? Еще научатся плохим словам...

— Да не детишки они,— не понял иронии Скрюмир.— Тут двое людей и парочка асов. Я им сказал, коли увязались за мной, так пущай. Ничего, босс?

Утгард-Локи поковырял в своем необъятном носу и вытер пальцы о кожаный жилет.

— Ничего. Слышь, а тот, с рыжей бородой, не Аса-Тор?

— Ты не ошибся,— молвил Тор.

— Ну-ну... Не заливай. Я всегда думал, что Тор — здоровый такой парень, рослый, мужик что надо.

Тор нахмурился и выкатил грудь:

— Не след шутить тебе с асами, великан.

— Хо-хо! Хар-рош! Прям ща забодает, хе-хе! — Утгард-Локи прервался, дабы выловить из левой брови мелкую ползучую тварь и тут же прикусить ее зубами.

— Как гармонично устроен мир,— промурлыкал Локи на ухо Ши.— Вши живут за счет его, он живет за счет их...

— Чего вы тут забыли, а? — грозно продолжал Утгард-Локи.— Компания у нас тут подобралась душевная, народ спокойно выпивает, закусывает — скандала я не потерплю!

— Пришел я за своим молотом, Мьёлльниром,— сказал Тор.

— Ха! С чего ты взял, что он тут?

— Не спрашивай, откуда растет дерево. Не спрашивай, откуда знания у бога. Ну, будешь продолжать болтовню или забрать мне молот силою?

— Э-э, не лезь в бутылку, Ёка-Тор. Да я сразу отдал бы тебе эту колотушку, если б знал, что тебе нечем орехи колоть. Откуда мне знать, куда ты его девал?

— Колотушку?!

— Спокойно, спокойно,— услышал Ши шепот Локи.— Сын Одина, с сильными будь сильным, с подлецами — только лживым.— Он повернулся к Утгарду-Локи и дурашливо поклонился: — О предводитель великанов, как благодарны мы тебе за любезность! Не смеем больше задерживать внимание твое. Доверяем словам твоим, повелитель. Правильно ли поняли мы их? Здесь нет Мьёлльнира?

— Насколько я знаю, нету здесь никакого Мьёлльнира,— почти без запинки ответствовал Утгард-Локи, сплевывая на пол и растирая плевок босой пяткой.

— А не могло ли случиться, что принесли его сюда без твоего ведома?

Утгард-Локи пожал плечами:

— Откуда, к чертям собачьим, мне знать эти глупости? Я же сказал: насколько мне известно... Что за ублюдочная манера разговаривать с хозяевами!

— Так ты не возражаешь, коли мы поищем?

— А? Возражаю? Ты чертовски прав: буду и еще как буду! Это моя хата, за каким хреном всякие иностранцы будут тут ползать и все вынюхивать?

Локи обворожительно улыбнулся:

— О величайший из ётунов, возражение твое совершенно естественно. О, знаешь ты себе цену! Но боги — они тоже никогда не болтают попусту. Мы считаем, что Мьёлльнир здесь. Видишь, мы пришли с миром, чтобы просто попросить его. А ведь могли прийти и с оружием — с Одином и его копьем, не знающим промаха, с Хеймдаллем и его великим мечом, с Уллем и его смертоносным луком. Так что ты уж позволь нам лучше поискать молот. Не то может статься, что уйдем мы, а после вернемся да так тебя попотчуем, что не скоро выветрится это из твоей памяти. Не найдем молота — другое дело, уйдем с миром. Таково мое слово.

— И мое! — гаркнул Тор, сдвинув брови.

Ши заметил, что стоящий позади Тьяльви побелел, как снятое молоко, и немного удивился — самому ему было ни капельки не страшно. Но, скорее всего, он просто недооценивал серьезность ситуации.

Утгард-Локи почесался, задумчиво шевеля губами.

— А скажи-ка ты нам,— произнес он наконец,— вы, асы, как насчет спорта, ничего?

— Не подлежит отрицанию,— ответил Локи с достоинством,— состязания любы нам, асам.

— Есть предложение. Вы, небось, думаете, что вы атлеты хоть куда. Ну что ж, мы тут тоже ребята не промах. Устроим турнир. Если вы победите хотя бы в одном виде, так и быть, шарьте на здоровье — небось отыщется. Проиграете — уберетесь отсюда без никаких. Усек?

— В чем будем соревноваться?

— Черт возьми, сынок,— да в чем хочешь!

Лицо Тора стало задумчивым.

— Борец я, не лишенный славы,— заметил он.

— Вот и отлично,— сказал Утгард-Локи.— Мы отковыряем тут кого-нибудь, кто намнет тебе бока. Чего вы еще умеете?

— Я мог бы поспорить с вашим чемпионом по скоростной еде,— предложил Локи,— а наш человек Тьяльви может состязаться в беге. Аса-Тор может также выступить во всех силовых видах.

— Класс! По мне, так это все детские развлекушки, понял? Но ребяткам из моей шараги будет интересно поглазеть, как вас

поколотят. Эй! Элли сюда! Вот этот соплячок хочет помахать кулаками!

Поднялся крик и суматоха, и возле очага было расчищено место для поединка. Тор уперся кулаками в бедра, поджидая великанского чемпиона. Но вперед вышел вовсе не великан. То оказалась высоченная старуха, лет за сто, не меньше, сутулая, настоящий мешок с костями, покрытый чуть ли не прозрачной, в сеточке морщин, кожей.

— Это что еще, Утгард-Локи?! — вскричал Тор.— С чего ты взял, что Аса-Тор сражается с женщинами?

— О, не беспокойся, детка. Это ей *нравится,* правда, Элли?

Старуха оскалила голые десны.

— Да,— продребезжала она,— и многих же поборола я на своем веку, хе-хе-хе...

— Но...— начал было Тор.

— Чего, боишься навредить своей славе?

Ши почувствовал, как кто-то ущипнул его за руку, повернулся и увидел горящие глаза Локи.

— Действует здесь великое и злое волшебство,— зашептал Дядюшка Лис.— Думается мне, сыграют с нами подлую шутку. Никогда не слыхал я о подобной борьбе. Может статься, что заклятия их морочат лишь богов, а головы у людей остаются ясными. Смотри — вот противодействующее заклинание. Пока они состязаются, пусти его в дело.

Он протянул Ши кусочек очень тонкого пергамента, испещренный паутиной рунического письма.

— Читай это в обе стороны и смотри при этом на тот предмет, что вызовет у тебя подозрение. Как знать, может, и молот Тора где углядишь.

— Разве великаны не спрятали его, сэр?

— Нет. Слишком хвастливы они и тщеславны. Они...

— Ну ладно,— возвестил Утгард-Локи громовым голосом.— Поехали!

Рыча, как лев, Тор вцепился в Элли с очевидным намерением вытрясти из бабки мозги, но та, казалось, словно приросла к своему месту. Этот рахитичный скелет даже не пошатнулся. Тор примолк и принялся выкручивать ей руки. Лицо его побагровело от усилий. Великаны шептались, оценивая стати борцов.

Ши посмотрел на листок, который всучил ему Локи. Начертанные на нем слова прочитать было можно, но представляли они

собой полнейшую бессмыслицу: «Нюй-Нийди-Нордри-Судри-Аустри-Вестри-Алтьоф-Двалинн». Он послушно повторил их в соответствии с инструкциями и посмотрел на висевшую на стене дубинку. Дубинка так и осталась дубинкой. Ши пробормотал то же самое, глядя на борцов. Тор пыхтел от усилий, блестя потным лбом.

— Ведьма! — выкрикнул он, наконец завладевая рукой старухи. Та немедля вцепилась ему в горло. Последовала секундная возня, и Тор, поскользнувшись, упал на одно колено.

— Хорош! — заорал Утгард-Локи, вклиниваясь между ними.— Это засчитывается за падение. Эх, и повезло тебе, что не схватился с кем-нибудь из ребят покрепче, а, Тор, пампусик ты наш?

Великаны взревели, и в грохоте их голосов потонуло ворчание Тора. Утгард-Локи продолжал:

— Эй, вы, назад! Назад, кому говорю! Ух, сейчас на кого-то кровавого орла натравлю! А теперь состязаемся в еде. Позовите-ка Логи! У нас есть чем его попотчевать.

Сквозь толпу протолкался огненный великан. В черных патлах его просвечивала рыжина, а движения были стремительны, как у животного.

— Что, пора обедать? — проскрежетал он.— Три лося, которых я сожрал на завтрак, только раздразнили мне аппетит.

Утгард-Локи дал необходимые пояснения и представил его сопернику.

— Приятно познакомиться,— сказал Логи.— Всегда рад встретить парня с понятием. Приезжай как-нибудь в Муспелльсхейм — там у нас один повар обалденно готовит кита. Он жарит его целиком на угольях, поливая медвежьим жиром...

— Ну хорош, Логи,— оборвал его Утгард-Локи.— А то потом и этот малый начнет трепаться про то, что жрал,— так до прихода *Времени* и проболтаете.

Столпившиеся великаны оттерли Ши назад. Новое движение толпы увело его еще дальше от арены, на которой должны были развернуться события,— великаны расступились, пропуская рабов, которые поспешно тащили два огромных деревянных блюда с ляжками лося, зажаренными целиком. Ши поднялся на цыпочки. Выглянув из-за массивных великанских плеч, он увидел, что Утгард-Локи уже занял свое место в середине длинного стола, на концах которого уселись соперники.

Вдруг чьи-то плечи полностью отгородили его от происходящего. Ши поднял взгляд на их обладателя. Великан был сравнительно невелик ростом и даже надулся, дабы компенсировать недостаток великанской стати. На голове у него торчала беспорядочная копна черных с сединой волос. Но не это заставило Ши застыть на месте, когда великан повернулся в профиль, дабы получше рассмотреть едоков,— глаза, сверкавшие из-под этой пегой шевелюры, были *ярко-синими.*

Что-то тут было не так. У огненных великанов, насколько он успел заметить, глаза были черные, у холмовых — серые или тоже черные, инеистые великаны смотрели на мир красными глазками. Конечно, у этого вполне могла оказаться примесь чужой крови, но вот в силуэте его длинного носа сквозило что-то невероятно знакомое, а копна волос выглядела довольно ненатурально. Хеймдалль!

Ши зашептал, прикрывая рот рукой:

— Сколько матерей у тебя, о Великан-С-Лохматой-Головой?

Он услышал тихое хихиканье и ответ:

— Трижды по три, о Человек-Из-Неизвестного-Мира! Нечего так орать. Я слышу даже твои мысли по движениям губ.

— По-моему, нас здесь обманывают,— продолжал Ши. На сей раз он даже не шептал, а просто думал, едва шевеля губами.

Ответ последовал немедленно.

— Этого и следовало ожидать. Потому-то я и здесь. Но природа заклятья мне пока не ясна.

— Меня тут нау...— начал Ши и вдруг вспомнил, как Хеймдалль ругался с Локи. Это было очень вовремя: он успел прикусить язык и не назвать имени Дядюшки Лиса.— Научили одному заклинанию, которое вроде должно помочь.

— Тогда действуй,— приказал Хеймдалль.— Читай его, пока смотришь на состязание.

— Ну что, готовы? Оба? — закричал Утгард-Локи.— На-старт-внимание-марш!

Великаны заорали. Ши, устремив взгляд на Логи, повторял: «Ний-Нидри-Нордри-Судри...» Хитрый бог подскакивал в кресле, которое было ему велико, и вгрызался зубами в лосиную ляжку. Мясо исчезало в его глотке со скоростью двух кусков в секунду — а куски были никак не меньше кулака. Ши в жизни не видел ничего подобного. Куда же все это лезет? Послышался голос

Тьяльви, казавшийся на фоне великаньих басов совсем писклявым: «Держись, сын Лаувей!»

Кость размером с бейсбольную биту была обглодана вмиг. Локи бросил ее на блюдо и, отдуваясь, откинулся назад. По толпе великанов пробежал ропот. Ши увидел, как Локи вновь принялся за еду. Глаза его лезли из орбит, а он все глотал и глотал. Утгард-Локи подошел к противоположному концу стола и проревел:

— Победил наш Логи!

Ши уставился на другого едока, но в этот момент кто-то из великанов задел его локтем по голове, да так сильно, что глаза наполнились слезами. И на какую-то долю секунды Ши увидел, что Логи вовсе не Логи. На противоположной стороне стола билось пламя. Он моргнул — и слеза пропала. Вместе с ней исчезла и удивительная картина.

Великан Логи сидел, страшно довольный собой, а Локи кричал:

— Он съел не быстрее, чем я!

— Точно, сынок, но он скушал и кости, и блюдо. Говорю же: Логи, Логи победил! — гремел Утгард-Локи.

— Хеймдалль! — Ши сказал это так громко, что едва не удостоился оплеухи. К счастью, голос его потонул во всеобщем реве.— Нас дурят! Логи — огонь!

— Что ж, удачи глазам твоим, неворлок-ворлок! Предупреди Аса-Тора и повторяй заклинание, куда бы ты ни смотрел. Главное — найти молот. Все это вранье, все эти трюки означают одно: *Время* гораздо ближе, чем мы думаем, и великанам ох как не хочется увидеть молот в руках Рыжебородого. Давай!

Утгард-Локи, присев на край стола, за которым только что завершилось состязание едоков, дал указание расчистить часть зала.

— Следующий номер нашей программы — бег! — вопил он.— Эй, ты, креветка,— ткнул он пальцем в Тьяльви,— будешь состязаться с моим сыном Хуги. Где этот полоумный? Ху-у-ги!

— Здеся я, папа.

Долговязый великанский подросток ужом пролез вперед. У него был низкий лоб и скошенный подбородок, сплошь усеянные прыщами размером с фишку для покера.

— Ты хочешь, чтобы я сбегал с ним наперегонки? Хи-хи-хи...

Смеясь, Хуги широко разевал рот.

Ши, увертываясь от локтей и извиваясь, протискивался сквозь толпу к Тору, который хмуро и сосредоточенно наблюдал за приготовлениями. Тьяльви и Хуги, который так и не закрыл рот, встали на ближнем конце зала.

— Вперед! — крикнул Утгард-Локи, и они понеслись к противоположной стене, до которой было добрых три сотни ярдов. Тьяльви бежал, как ветер, но Хуги мчался пулей. Когда Тьяльви достиг дальнего конца зала, его соперник был уже на полпути назад.

— Первый забег выиграл Хуги! — громогласно объявил Утгард-Локи, перекрывая настоящий ураган радостных воплей. Пока бегуны переводили дух, толпа немного рассосалась, и Ши наконец пробился к Тору и Локи.

— Привет, Харальд-Репка,— прогремел Рыжебородый.— Где был?

— Скорей всего, прятался под столом, как мышка,— предположил Локи, но Ши даже не стал ему отвечать, настолько переполняли его новости.

— Они пытаются обмануть вас... то есть нас,— выпалил он.— Дурачат! Все эти соревнования — сплошная иллюзия.

Он увидел, как Тор покривил губы.

— Ворлок твой обладает просто-таки сверхъестественной проницательностью,— сердито заметил он, обращаясь к Локи.

— Да нет же, правда!

Как раз в этот момент мимо них к старту второго забега прошел Хуги, освещенный пламенем гигантского очага.

— Смотрите,— выкрикнул Ши,— их бегун не отбрасывает тени!

Тор посмотрел на Хуги и по мере осознания этого факта начал медленно багроветь. Но тут Утгард-Локи заорал снова, и состоялся второй забег — точная копия предыдущего. Перекрикивая гул одобрения, Утгард-Локи назвал победителем Хуги.

— Я следующий, буду поднимать с пола их чертову кошку,— буркнул Тор.— Если опять фокус, я...

— Не так громко,— прошептал Локи.— Как поймать хитрого лиса? Осторожностью. В общем, Тор, тащи эту кошку как ни в чем не бывало. Здесь Харальд, и их волшебство действует на него лишь наполовину, ибо он смертный и он не боится. Пусть ищет Мьёллнир! Малыш, ты наша надежда и опора. Читай заклинание, ищи, ищи!

Появление кота сопровождал хор криков и воплей. Это была огромная зверюга, размерами никак не меньше пумы. Но тем не менее он ничуть не казался слишком уж тяжелым для могучего Тора. Создавалось впечатление, что громовержец поднимет его запросто. Котяра подозрительно покосился на Тора и зашипел.

— А ну-ка ныть! — рявкнул Утгард-Локи.— Где тебя воспитывали?

Кот присмирел и даже позволил Тору почесать себе за ухом, хотя и не проявил при этом особого удовольствия.

«Как же удалось мне распознать обман во время конкурса едоков,— спрашивал себя Ши.— Слеза! Как бы выдавить еще одну? Головой, что ли, обо что-нибудь тяпнуться?» Он закрыл глаза, потом снова открыл их и посмотрел на Тора — тот как раз просунул руку под живот кота и напрягся. Ни слезинки. Живот зверюги заметно вдавился, но все четыре лапы твердо стояли на полу.

Ну как же вызвать слезу? На столе стоял кувшин с медовухой. Ши окунул в него палец и потер им глаз. Сразу защипало. Ши слышал, как хрипел Тор и голосили великаны; он тряхнул головой и сквозь потоки слез забормотал: «Судри-Нордри-Нидри-Най...»

...Тор поднимал не кота, а змею, толстую, как бочонок. Не было видно ни головы, ни хвоста. Ши видел только ее жирное брюхо. Змея высовывалась из одной двери и исчезала в другой.

— Локи! — прошептал он.— Это не кот. Это гигантская змея.

— С таким диковинным черноватым отливом поверх чешуи?

— Угу. Ни головы, ни хвоста не видать.

— Хороши глаза твои, Поедатель Репы! Это Мидгардский Змей, что опоясывает Землю. Нас окружает зло. Поспеши, найди молот! Это наша единственная надежда.

Ши отошел в сторонку, отчаянно пытаясь сосредоточиться. Ближайшим подозрительным предметом был череп зубра, водруженный на колонну. Ши опять капнул в глаз медовухи и уставился на него, повторяя заклинание слева направо, справа налево и опять наоборот. Никакого результата. Череп оставался черепом. Тор все пыхтел, пытаясь поднять кота. Ши посмотрел на нож, висевший на поясе у одного из великанов. Нож как нож.

На глаза Ши попался колчан со стрелами, повешенный на стену. Он снова брызнул в глаз медовухи. От сладкой жидкости слип-

лись ресницы, и Ши не сомневался, что заработал себе на вечер страшенную головную боль. Пока он читал заклинание, колчан медленно расплывался, превращаясь в молот с короткой рукоятью, висящий в ременной петле.

Тор наконец оставил тщетные попытки поднять кота и, отдуваясь, направился к своим. Глядя на него сверху вниз, снисходительно, точно на малое дитя, Утгард-Локи ухмыльнулся. Великаны вокруг стали сколачиваться в кучки, зазвучали призывы поскорей вспрыснуть победу.

— Желаешь еще прикинуться, сынок? — осведомился главарь великанов.— Ну что, ребятки, обкакались?

Тор только багровел, пытаясь подобрать ответ поудачнее. Ши потянул его за рукав.

— Не могли бы вы позвать свой молот? — прошептал он. Уши великана уловили эти слова.

— Давай-ка шлепай отсюда, рабское отродье,— буркнул он враждебно.— Нечего всяким мелким сопливым смертным лезть в наши дела. Ну так как, Аса-Тор, не хочешь еще посостязаться?

— Я...— начал было Тор, но Ши прилип к его руке.

— Так *можете?*

— Могу, но нужно мне видеть его.

— Вали отсюда, плесень, я сказал! — зарычал Утгард-Локи, вздымая ручищу толщиной с бревно. С физиономии главаря великанов исчезло грубоватое добродушие, словно он разом снял маску.

— Смотрите вон на тот колчан и зовите! — крикнул Ши, увертываясь от удара и прячась за спину Тора. Великан промахнулся. Ши побежал, петляя среди столпившихся великанов и стукаясь головой о рукояти их мечей. Позади ревел Утгард-Локи. Он нырнул под стол, дабы проскочить мимо вонючих огненных великанов. Брякнул металл — это Тор натягивал железные перчатки, сняв их с пояса, и тут же все звуки перекрыл мощный голосина рыжебородого бога, на фоне которого даже вопли Утгарда-Локи казались не громче шепота:

— Могущественный Мьёллнир, поражающий негодяев, приди же к хозяину своему, Тору Одинссону!

На миг в зале воцарилась напряженная тишина. Все замерли. Оказавшийся перед Ши великан широко разинул рот и подергивал кадыком. Затем послышался треск. Жужжа на низкой ноте,

словно целая туча стрел, прямо по воздуху в руки Тора летел молот.

Великаньи глотки исторгли бешеный рев. Монстры заметались, едва не придавив Ши. Над залом взлетал бас счастливого Тора:

— Я — Тор! Я — Громовержец! Хо, хо, хо-хо-хо, йо-хо-хо!

Молот описал у него над головой круг, рассыпая искры. В зале засверкали молнии, сопровождаемые оглушительными раскатами грома. Визжащие великаны ломанулись к выходу.

Ши успел еще заметить, как молот летит в Утгарда-Локи, превращая его мозги в розовую кашу, и тут же возвращается назад, к Тору. После этого его сразу завертело в панической суете, и чудовищные ноги едва не растоптали его. Но, к счастью, в толпе было так тесно, что упасть на пол было просто невозможно.

Внезапно толпа немного рассеялась. Ши улучил момент, ухватился за пояс какого-то великана и повис на нем. Позади ревел боевой клич Тора, перемежающийся непрестанными раскатами грома и треском великаньих черепов, разлетающихся под ударами могучего молота. В более спокойной обстановке этот звук можно было бы сравнить с треском лопающейся дыни размером с десятиэтажный дом. Обладатель Мьёллнира явно наслаждался жизнью. В кликах его было нечто от счастливого поезда-экспресса.

Ши вдруг обнаружил, что вместе с великанами и рабами он уже вывалился на улицу и мчится по сырому мху в совершенно непонятном направлении. Останавливаться он не смел — его бы смели и растоптали. Внезапно на пути у него выросла из земли голая скала. Резко огибая ее, он оглянулся на Утгард. С одной стороны крыши уже зияла дыра. Центральная балка рухнула, оттуда вырвалась сине-зеленая молния, и дом охватило яркое пламя. Потом его загородили деревья.

Ши все бежал в окружении великанов вниз по склону горы, как вдруг один из них подвернул ногу и, кувыркнувшись, упал. Ши не успел затормозить, споткнулся о его ноги и тоже рухнул, пропахав физиономией по холодной грязи и сосновым иголкам.

— Эй, братва! Глянь! — завопил кто-то из великанов.

«Ну все, вот я и попался»,— подумалось Ши. Перевернувшись на спину, он задрал голову, но оказалось, что вовсе не его скромная персона вызвала столь повышенный интерес. Великаном, о ноги которого споткнулся Ши, оказался Хеймдалль собственной персоной. Пегий парик свалился у него с головы, обнажив золо-

тые волосы бога, из-под одежды высыпалась солома, которую он туда набил. Огненные великаны вцепились ему в руки и ноги, отвешивая тумаки и пиная под ребра. Грубые голоса орали:

— Точно, из асов!

— Вяжи его!

— Линяем отсюда!

— Эт какой из них?

— Коней сюда, коней!

«Если получится смыться,— промелькнуло в голове у Ши,— надо обязательно сообщить о пленении Хеймдалля Тору». Он пополз было к спасительному стволу, но это его и погубило.

— Э! Вон еще один! — завопил кто-то из огненных.

Ши схватили и рывком поставили на ноги. Дюжина грязных гориллоподобных существ изучающе воззрились на него. Дергать его за волосы и за уши, видно, доставляло им особое наслаждение.

— Это не ас,— определил один из них.— Прибейте его, ребята, и давайте выбираться отсюда к чертовой бабушке!

Из-за пояса был извлечен нож. Сердце Ши сжалось от ужаса. Но самый крупный из монстров — видно, у великанов так заведено: кто больше, тот и главнее,— зарычал:

— Отставить! Он с этим был, с желтоволосым. Хрен его знает, может, он из ванов? Глядишь, и выудим из него чего-нибудь. Да и вообще, Суртово это дело. Да где же лошади, черт бы их побрал?

В этот момент еще несколько огненных великанов подвели коней. Это были черные, лоснящиеся звери, превосходящие размерами даже самых крупных виденных Ши першеронов. Копыта у них оказались тройные, как у их прародителей эпохи миоцена, глаза пылали угольями, а от дыхания великанских скакунов Ши даже закашлялся. Ему припомнилась фраза, случайно подслушанная в доме Сверра, когда Хеймдалль шептался с Одином о каких-то «огненных лошадях».

Один из великанов достал из мешка кожаные веревки. Ши с Хеймдаллем были грубо связаны и заброшены на спину одной из лошадей, причем голова каждого свисала с противоположного бока. Великаны тоже повскакали на коней и в наступающих сумерках пустились вскачь среди деревьев.

Далеко позади еще разносились раскаты грома. Время от времени на дорогу падали отсветы далеких молний. Рыжебородый явно забавлялся вовсю.

7

Подробности последующих кошмарных часов в памяти Ши практически не отложились. Да и откладываться было особо нечему, а то, что все-таки запомнилось, никак нельзя было отнести к приятным воспоминаниям. Он ничего не разглядел, кроме густой тьмы, ничего не почувствовал, кроме бешеной скорости и врезавшихся в тело пут. Голову он мог немного поворачивать, но, кроме то призрачного валуна, то группки тесно растущих деревьев, на миг выхватываемых из темноты огненными глазами коней, в поле зрения ничего не попадало. И каждый раз, когда он получал представление о скорости, с которой они мчатся по изрытой, извилистой тропе, желудок его судорожно сжимался, а правая нога рефлекторно дергалась в поисках несуществующей педали тормоза.

Когда наконец рассвело и небо приобрело свой обычный оттенок промокательной бумаги, стало немного теплее, хотя сырости не убавилось. Однообразно сыпал мелкий противный дождик. Они очутились в краях, подобных которым Ши никогда еще не видел. Среди однообразной равнины, до самого горизонта усеянной беспорядочными нагромождениями скал и камней, там и сям высились какие-то конусы самой разнообразной величины. Некоторые из них курились дымами, а из трещин в базальте поднимались струйки пара. Растительность здесь была представлена в основном скоплениями низкорослых древовидных папоротников, расположившимися в низинах.

Они чуть сбавили темп, перейдя на быструю рысь, поскольку то и дело приходилось лавировать между липкими языками застывших потоков лавы. То и дело кто-то из великанов отделялся от остальных и уносился в сторону, как видно на разведку.

Наконец два десятка великанов сомкнулись вокруг лошади, несущей на своей спине пленников, и все как один направили коней в сторону довольно высокого конуса, со склона которого в пропитанное влагой небо поднималось несколько струй дыма. Для Ши все огненные великаны были по-прежнему на одно лицо, но он без труда находил среди них здоровенного главаря, руководившего их поимкой.

Остановились они перед какой-то широкой трещиной, взломавшей скальный склон. Великаны спешились и один за другим завели своих скакунов внутрь. Цоканье копыт по каменному по-

лу звонким эхом разносилось под высокими сводами туннеля. Вскоре тот неожиданно повернул под прямым углом. Кавалькада остановилась. Ши услышал звяканье металла о металл, скрежет заржавленных петель и голос какого-то великана:

— Чаво надо?

— Свои, из Ётунхейма вернулись. Поймали аса и вана. Передай владыке Сурту.

— Как оттянулись в Утгарде?

— Хреново. Приперся этот сволочной Тор, углядел как-то, паскуда такая, свой молоток и позвал к себе. Такой погром там устроил... Зуб даю — без этого хитрована Локи не обошлось!

— Чего же это стряслось с Сынами Волка? Будто они не знают, как управиться со стариной Рыжебородым.

— Эх-ма, чаво там душу травить... По мне, так надо ждать *Времени*. Будет и в нашей хате пьянка!

Лошадей стали заводить внутрь. Когда они миновали привратника, Ши обратил внимание, что по клинку его обнаженного меча бегают желтые язычки пламени, над которыми курится жиденький дымок — словно по лезвию стекает горящее масло. Пройдя вперед и спустившись вниз, они очутились, как видно, в каком-то огромном зале — уходящие вдаль стены скрывались в полумраке,— своды которого поддерживало множество гигантских колонн. Желтое пламя факелов отбрасывало на пол и стены причудливые колеблющиеся тени. Воняло серой. Слышалось монотонное бряканье, словно поблизости работал какой-то механизм. Когда кони остановились за скоплением колонн, образующих следующий проход, откуда-то издалека донесся пронзительный визг: «Йи-и-и!»

— Тащи пленников сюды! — прогремел чей-то голос.— Владыка Сурт желает допросить их!

Ши почувствовал, что его сталкивают с лошади и суют под мышку, словно тюк с бельем. Подобный способ передвижения пробудил всю затихшую было боль его затекшего тела. Великан нес его лицом вниз, так что разглядеть не удалось ничего, кроме каменного пола и прыгающих по нему причудливых теней. Ну и вонища!

Дверь распахнулась, и из-за нее хлынул беспорядочный гомон великаньих голосов. Ши рывком поставили на ноги. Он наверняка тут же бы свалился, но великан, который его принес, ухватил его за шиворот. Оказался он в освещенном факелами зале, где царила жуткая жара. Повсюду толпились огненные великаны, которые тыкали в них пальцами и обменивались какими-то репликами. У многих в ручищах были чаши и кубки, к которым они то и дело прикладывались.

Но Ши не успел их как следует рассмотреть. Прямо перед его лицом, между двумя охранниками, вооруженными удивительными светящимися мечами, восседал настоящий великан из великанов — гигантский карлик. То есть по всем габаритам это был самый натуральный великан по меньшей мере одиннадцати футов росту, но со столь непропорционально короткими и кривыми ручками и ножками, со столь огромной головой, сидевшей на плечах безо всякого посредства шеи, что и впрямь больше напоминал карлика. Свисающие вниз прямые патлы обрамляли самую мерзкую ухмылку, которую Ши когда-либо видел. Когда тот заговорил, голос его оказался не грохочущим басом, как у остальных великанов, а звучал пронзительным дурашливым фальцетом.

— Добро пожаловать в Муспелльсхейм, господин Хеймдалль. Чертовски рады вас видеть.— Он захихикал.— Правда, вот ведь неувязочка — кто же дудеть-то будет, чтобы боги с людишками объединялись? Гляди, и прохлопают момент, хи-хи-хи! Ну ладно, выше нос! Обещаю тебе зато приют в самой нашей удобной, самой образцово-показательной тюряге. А не можешь без музыки — сообразим тебе какую дудочку. Тростниковая сойдет, хи-хи-хи? Думаю, что уж такой талант, как ты, сумеет и в кулак свистнуть, чтоб во всех девяти мирах подскочили.

Он опять захихикал, крайне довольный этим образчиком собственного юмора.

Хеймдалль по-прежнему держался с достоинством.

— Дерзки слова твои, Сурт,— ответствовал он.— Поглядим, не отстанут ли от них деянья твои, когда выйдешь ты на поле Вигрид. Может, и впрямь могущество мое здесь мало против тебя, в Муспелльсхейме рожденного. Но есть у меня брат по имени Фрейр, и известно, что если сойдетесь вы оба один на один, то именно он возьмет верх.

Сурт презрительно пососал два пальца.

— Хи-хи-хи! Известно также, о глупейший из божков, что Фрейр без своего меча — ноль без палочки. Не любопытно ли узнать тебе, где сейчас волшебный клинок Хундингсбана, а? Так обернись, господин Хеймдалль!

Ши проследил направление взгляда Хеймдалля. На стене и впрямь висел огромный двуручный меч, клинок которого ярко

блестел в полутьме зала. Рукоять меча была богато отделана золотом.

— Так вот, пока он там висит, о тупейший из асов, я в полной безопасности, хи-хи-хи! Удивляешься, почему твое хваленое зрение его раньше не углядело? Так ты не удивляйся — теперь тебя одурачить и малое дите сумеет. Мы тут, в Муспелльсхейме, тоже не груши околачиваем — давно уже придумали чары, кои делают Хеймдалльчика нашего бессильным!

Хеймдалль и глазом не моргнул.

— Тор уже вернул свой молот,— заметил он спокойно.— Немало огненных великанов присутствовало при том событии — только, как понимаешь, далеко не все уже способны засвидетельствовать его.

Сурт нахмурился и выпятил челюсть, но его писклявый голосок звучал по-прежнему безмятежно и дурашливо:

— Вот это класс — а ты подкинул мне неплохую идейку! Спасибочки тебе, господин Хеймдалль! Это ж кому в голову придет, что у асов можно научиться чему путному? Хи-хи-хи! Скоа!

Вперед протиснулся какой-то лопоухий великан.

— Слушаю, босс!

— Скачи ко вратам Асгарда. Скажи там, что этот трубач-самоучка сидит у нас и что я с великим удовольствием верну такого зануду родственникам, ежели они согласны махнуть его на тот меч, который он называет Головой. Скажи, мол, хобби у меня такое — коллекционирую мечи всяких богов. Тогда уж поглядим, господин наш Хеймдалль, как ты управишься с инеистыми великанами без этой штуки, хи-хи!

Он до ушей ухмыльнулся, а столпившиеся позади огненные великаны удовлетворенно завопили, хлопая себя по ляжкам.

— Ну босс дает!

— Вот это класс!

— Половина ихних железяк у нас будет!

— Ну, братва, мы им покажем!

Мгновение Сурт изучал Ши с Хеймдаллем, наслаждаясь радостным ревом великанов и внезапной бледностью Хеймдалля. Затем взмахом руки показал, что все свободны.

— Уведите этих придурков и бросьте в темницу, покуда я тут не помер со смеху!

Ши почувствовал, как его опять схватили и поволокли прочь, держа все в той же постыдной позиции лицом вниз.

Все ниже, и ниже, и ниже спускались они, то и дело спотыкаясь в мрачной полутьме. Наконец впереди показался длинный проход между двумя рядами тюремных камер, из-за решеток которых на них уставились пустые глаза тех, кто имел счастье вселиться туда раньше. Вонь стала просто-таки невыносимой.

— Эй, Стегг! — прогремел главарь великанов.

В нише в дальнем конце коридора произошло какое-то шевеление, и на свет божий показалось чешуйчатое существо футов пяти росту, с непропорционально массивной башкой, украшенной вздернутым курносым носом и парой длинных остроконечных ушей. Волосы и бороду заменяли ему какие-то чудовищные наросты, похожие на спутанных червей, которые вдобавок еще и извивались.

— Слушаю, господина,— проквакало существо.

— Вот тебе еще парочка постояльцев,— сказал великан.— Слышь, а чё тут за вонь?

— Моя объяснит, господина,— узник тут померла до смерти. Уж пять дён как померла.

— Болван! Ты что, так его и оставил?

— Не было указаниев. Сногг говорила не, не будем убирать, вот пусть господина отдаст распоряжение, тады...

— Во придурок чертов. Щас же вытащи жмурика и сунь в печку! Хотя стой — займись сперва этими. Эй, кто-нибудь! Дверь там прикройте поплотнее. С этим асом никогда не знаешь, чего он еще выкинет.

Стегг с профессиональной сноровкой распутал веревки, которыми были связаны Ши с Хеймдаллем, а заодно избавил их и от одежды. Ши не ощущал особого страха. За последнее время с ним случилось столько из ряда вон выходящего, что весь ход событий казался просто дурным сном. А потом, наверняка даже и из такой ситуации можно найти выход, если хорошенько пошевелить мозгами — у него-то они посовременней, чем у остальных.

— Господина, придется сажать к мертвецу. Больше некуда. Везде переполнено.

— Ну давай, к мертвецу так к мертвецу.

Великан отвесил Ши пинка, который чуть не расплющил его в лепешку, направляя в открытую Стеггом камеру. Ши счастливо избежал столкновения с темнеющей в стороне разлагающейся массой и осмотрелся, куда бы присесть. Присесть было некуда.

Единственным предметом меблировки в камере оказалось ведро вполне очевидного назначения.

Хеймдалль последовал за ним, по-прежнему полный достоинства и невозмутимый. Стегг подхватил труп, вышел и захлопнул дверь. Великан взялся за решетку и как следует встряхнул ее. Ни замка, ни засова видно не было, но дверь тем не менее даже не шелохнулась.

— Ку-ку! — осклабился великан из-за прутьев решетки.— Вот щас ты мне нравишься, Вечно Бодрствующий! Погоди, вот развяжемся с остальными асами, вернемся и такую штучку тебе покажем — животик надорвешь! А пока сами развлекайтесь. Покеда!

Попрощавшись подобным образом, великаны затопали к выходу.

К счастью, было достаточно тепло, так что Ши особо не задевала потеря меховых одеяний, по крайней мере с температурной точки зрения. В темнице царила полная тишина. Только где-то размеренно капала вода и ворочался время от времени кто-нибудь из обитателей соседних камер. На противоположной от Ши стороне послышалось звяканье кандалов. Некая изможденная фигура с дико всклокоченной бородой прошаркала к решетке, выкрикнула в коридор странную фразу «Ингви — гнида!» и вновь проковыляла на место.

— Что он этим хочет сказать? — вслух поинтересовался Хеймдалль.

Справа донесся приглушенный ответ:

— А хрен его знает. Он каждый час так орет. Он просто спятил. Вы тоже скоро такие будете.

— Веселенькое местечко,— заметил Ши.

— Разве нет? — с готовностью согласился Хеймдалль.— Видывал я и похуже — правда, к счастью, сам не сидел. Должен сказать, что для смертного держишься ты прилично. По нраву мне твой настрой.

— Спасибо.— Хоть Ши и не избавился до конца от раздражения, которое вызывали у него покровительственные манеры Хеймдалля, Вечно Бодрствующий все равно вызывал у него куда больший интерес, нежели холерик и тугодум Тор или ехидный Локи.— Если вас особо не задевают мои вопросы, Златорогий, то почему бы вам попросту не продемонстрировать свое могущество и не выбраться отсюда?

— Всему на свете есть свой предел,— ответствовал Хеймдалль,— величию, могуществу, существованию. Долго живут боги — куда дольше, чем даже тысяча слабых созданий, подобных тебе, живи они по очереди друг за другом. Но даже боги стареют и умирают. Равно как огненные великаны и предводитель их Сурт, отвратительнейшее из созданий. Сила моя здесь не так велика. Вот будь здесь братец мой Фрейр, или окажись мы среди инеистых великанов, сумел бы я разрушить чары этой двери.

— То есть?

— Здесь нет замка. Но распахнется она лишь тогда, когда толкнет ее тот, кто имеет на это право, и толкнет с намерением открыть. Вот смотри...— Хеймдалль без всякого результата потряс прутья решетки.— А теперь, если не будешь ты отвлекать меня, попробую я рассмотреть, как можно выйти отсюда.

Вечно Бодрствующий прислонился к стене, без устали двигая глазами во все стороны. Несмотря на столь расслабленную позицию, весь он аж подрагивал от напряжения.

— Видать не очень-то ясно,— объявил он через несколько минут.— Столько вокруг чар и колдовства — огненного колдовства, силы зла запутаны в коем столь причудливо, что непостижимы порой и для самих великанов,— что голова моя не выдерживает. Но кое-что вижу я отчетливо: вокруг нас скала и нет другого выхода, кроме того, откуда мы пришли. За ним пролегает ход, который охраняют тролли. Тьфу, до чего же мерзкие твари! — Золотоволосого бога даже передернуло от отвращения.

— А дальше ничего не видать? — спросил Ши.

— Очень немногое. За троллями — уступ нависает над расплавленной лавой у входа в кузницу, где куют огненные мечи, а за ним... за ним...— Он наморщил лоб, едва заметно шевеля губами.— Подле уступа сидит великан. Дальше уже не вижу.

Хеймдалль погрузился в угрюмое молчание. Ши испытывал к нему глубокое уважение и даже нечто вроде симпатии, но не так-то легко водить дружбу с богами, пусть даже в тюремной камере. До чего же не хватало ему сейчас жизнерадостной человеческой теплоты Тьяльви!

В камеру опять зачем-то заглянул Стегг. Кто-то из узников попытался воззвать к его чувствам:

— Добрый Стегг, принеси немножко водицы — помираю я от жажды!

Стегг едва повернул башку.

— Скоро обед, отродье.

Узник испустил гневный вопль и честил тролля на все корки, пока тот с просто-таки завидной невозмутимостью ковылял обратно в свою нишу. Там он взгромоздился на поломанный табурет, уронил подбородок на грудь и, судя по всему, погрузился в дремоту.

— Любезный малый, ничего не скажешь,— пробормотал Ши.

Узник из камеры напротив приблизился к решетке и опять выкрикнул свое «Ингви — гнида!».

— Тролль не спит,— подал голос Хеймдалль.— Слышу я его мысли, ибо из тех он, кто не может думать, не шевеля губами. Но никак не понять мне их значенья. Харальд, зришь ты необычайное: ас признает свое поражение! И ужас положения нашего в том, что дни, кои проведем мы здесь, черными станут днями для богов и людей.

— Это почему?

— Почти равны сейчас силы богов и великанов, и исход того, что случится с наступлением *Времени,* висит буквально на волоске. Если опоздаем мы на поле сраженья, то, без сомнения, будем разбиты. Великаны числом нас задавят. И в такое-то время я сижу здесь — в проклятой этой темнице,— и пропадает чудесное мое искусство видеть и слышать все, что творится вокруг! Я сижу здесь, а Гьяллархорн, ревущая труба, что созовет богов и героев на битву, осталась в доме Сверра!

Ши спросил:

— А почему бы асам *первыми* не напасть на великанов, пока те не успели подготовиться? Ведь известно, что война так и так будет?

Хеймдалль уставился на него изумленным взором:

— И верно, не знаешь ты Закона Девяти Миров, Харальд. Мы, асы, права не имеем нападать на великанов все вместе до прихода *Времени.* Люди и боги живут по закону — лишь великанам, увы, закон не писан.

Нахмурив лоб, он принялся быстро расхаживать взад и вперед. Ши заметил, что даже в такой момент Вечно Бодрствующий не забывал помещать одну ступню строго на одной линии с другой, дабы наглядней проявлялась знаменитая легкость его поступи.

— Вас, конечно, будет здорово не хватать,— подал голос Ши.— Но разве нельзя ну там в разведку кого послать, чтобы засечь, когда соберутся великаны, или...— закончил он, запнувшись при виде вспыхнувших вдруг глаз Хеймдалля,— или еще чего?

— Рассуждения смертного! Эх! — Хеймдалль горько хохотнул.— Разведку, говоришь? Туда послать, сюда послать... Слушай же, Харальд-Репка, Харальд-дурачок! Из всех асов лишь Фрейр способен устоять перед Суртом с оружием в руках. Но так уж устроены наши миры, и никто не в силах переделать их, что опасаться должен он другого великаньего рода. Против инеистых великанов бессилен Фрейр. Только лишь я, я и меч мой Голова способны их одолеть. И если не будет меня там, дабы стать во главе войска, что противостоять будет инеистым великанам, жить нам осталось куда меньше, чем на роду предначертано.

— Прошу прощения... сэр,— пролепетал Ши.

— Да ладно. Не бери в голову. Давай сыграем-ка лучше в вопросы и ответы, как в тот раз, помнишь? Скудны и печальны мысли, рождаемые томительной тишиной!

Несколько часов они убили, бомбардируя друг друга вопросами о мирах, которые каждый из них представлял. Впрочем, за временем в этом зловещем заведении можно было следить разве что по наступлению часа кормежки и периодическим «Ингви — гнида!» из соседней камеры. Где-то после восьмого такого вопля Стегг очнулся от дремоты, куда-то сходил и вернулся со стопкой мисок. Миски он расставил перед дверями камер в коридоре. В каждой имелась ложка; предполагалось, что узники должны есть через решетку. Ставя миску перед камерой Ши, он величественно заметил:

— Король смотреть, как подданные кушать!

То, что он туда навалил, представляло собой нечто вроде овсянки с крохотными кусочками рыбы, довольно кислой на вкус. Ши не в чем было обвинить своих товарищей по несчастью, когда они разразились громкими жалобами на качество и количество пищи, на которые Стегг, надо сказать, не обратил ни малейшего внимания. Он безмятежно клевал носом на своей табуретке, пока арестанты не умолкли, а потом собрал миски и куда-то унес.

Когда дверь распахнулась в следующий раз, на пороге стоял уже не Стегг, а какой-то другой тролль. В неверном свете факелов обнаружилось, что данный экземпляр, если можно так выразиться в подобной ситуации, явно проигрывал в красоте своих черт сменщику. Если у того нос представлял собой обыкновен-

ную равноправную часть лица, у этого, наоборот, казалось, что именно нос и является основной деталью, к которой приделана вся остальная жутковатая рожа,— торчал он на добрых восемнадцать дюймов. Двигался новый тюремщик проворно, как-то по-кошачьи. Узники, которые в смену Стегга шумели и галдели почем зря, теперь попритихли.

Он напористо ворвался в камеру.

— Новенькие? — рявкнул он.— Я — Сногг. Ваша вести себя хорошо — никто вашу не трогать. Вести себя плохо — сразу вж-жик!

Он чиркнул себя пальцем по горлу, дабы продемонстрировать, как будет выглядеть в случае чего этот самый «вж-жик», и, развернувшись к ним спиной, направился вдоль коридора, подозрительно заглядывая в каждую камеру.

Ши ни разу в жизни не приходилось спать на голом каменном полу. Поэтому он был крайне удивлен, когда по прошествии неопределенного промежутка времени проснулся и обнаружил, что это ему удалось — с теми, правда, последствиями, что он весь окоченел и едва мог пошевелиться.

Потягиваясь, он поднялся на ноги.

— Долго я спал? — поинтересовался он у Хеймдалля.

— Не могу сказать. Собрат наш по несчастью, который недолюбливает некоего Ингви, почему-то прекратил испускать свои вопли.

Длинноносый надзиратель все расхаживал по коридору. Несколько одуревши со сна, Ши никак не мог припомнить его имя, поэтому обратился попросту:

— Эй, ты, с носом! Скоро ли зав...

Тролль обернулся как ужаленный:

— Это как твоя мою называть?! Вонючий червяк! Я... вж-жик!

Он бросился в нишу с искаженной от бешенства рожей, вылетел оттуда с полным ведром воды и выплеснул ее прямо в изумленную физиономию Ши.

— Сын невенчанных родителей! — бушевал тролль.— Моя жарить твою на медленный огонь! Я Сногг! Моя тут владыка! Звать мою как полагается!

Хеймдалль, укрывшись в глубине камеры, беззвучно хохотал.

— Теперь я, по крайней мере, знаю, что делать, если хочется принять душ,— пробурчал Ши.— По-моему, нос у нашего друга Сногга — крайне больное место.

— Вне всяких сомнений,— согласился Хеймдалль.— Эх! Насколько проще была бы жизнь у отпрысков человечьих, владей они искусством богов читать мысли, что кроются в движениях губ! Готов побиться об заклад — не меньше чем от половины бед избавились бы.

— Кстати, о закладах,— осенило вдруг Ши.— По-моему, я придумал, как нам убить тут время,— устроим гонки!

— Клетка сия не отличается простором,— возразил Хеймдалль.— Э, что ты там делаешь? Зачем тараканы? Не собираешься же ты соревноваться, кто быстрее их съест?

— Нет, конечно. Они у нас *сами* будут соревноваться. Вот этот — ваш. У него ус сломан, так что легко отличить.

— М-да, скакун кровей не царских,— заметил Хеймдалль, осторожно принимая насекомое.— Ну да ладно — назову его Золотой Челкой в честь коня своего. А как ты своего назовешь? Каковы будут правила?

— Своему я дам кличку Вояка, в честь одной знаменитой лошади в моем мире.

Обмахнув середину пола от пыли и грязи, он пальцем очертил вокруг себя круг.

— Ну вот,— пояснил он,— ставим лошадок в центре, отпускаем, и какая первой доползет до линии — та и выиграла.

— Добрая забава! Какие будут ставки? Крона?

— Поскольку денег у нас все равно нету,— рассудил Ши,— то почему бы маленько не погусарствовать? Давайте пятьдесят, а?

— Да хоть пятьсот.

Первый заезд выиграл Вояка. Сногг, заслышав, что обитатели камеры подозрительно активизировались, тут же возник рядом.

— Чем это ваша там заниматься? — рявкнул он требовательно. Ши объяснил.

— Ого,— удивился тролль.— Ладно, ваша может продолжать. Если ваша шуметь, моя сразу пресекать.

Он величаво удалился, но очень скоро вновь появился у двери, дабы поглядеть на состязания. Во втором заезде победил Золотая Челка, в третьем и четвертом — Вояка. Ши, подняв глаза, едва удержался от побуждения как следует дернуть за безразмерный шнобель, высовывающийся из-за решетки.

Через некоторое время Сногг удалился, передав дежурство Степу, который даже не заметил, что в одной из камер проводят-

ся тараканьи бега. Как только тот взгромоздился на свой табурет, Ши попросил его принести какую-нибудь коробочку или корзинку.

— Это зачем? — удивился Стегг.

Ши объяснил, что им некуда посадить скаковых тараканов.

Стегг поднял брови.

— Моя уже вырастать из такие штучки! — заметил он гордо и на дальнейшие обращения уже не реагировал.

Так что тараканов пришлось выпустить — не держать же их целый день в кулаке. Правда, Ши оставил от завтрака несколько крошек, и, применив их в качестве приманки, потом они выловили другую пару тараканов.

На сей раз после нескольких побед Ши таракан Хеймдалля принялся выигрывать один заезд за другим. К тому времени как из камеры напротив донесся уже четвертый выкрик «Ингви — гнида!», Ши обнаружил, что должен Хеймдаллю около тридцати миллионов крон. Это зародило в нем определенные подозрения. Внимательно понаблюдав за поведением Златорогого в ходе очередного заезда, он взорвался:

— Алло, это нечестно! Так вот, оказывается, с чего вы так уставились на моего таракана — не даете ему бежать как следует своим пронзительным взглядом!

— Что ты сказал, смертный?! Ужель осмелишься ты обвинить аса в жульничестве?

— Вы чертовски правы, еще как осмелюсь! Если вы и дальше собираетесь пользоваться своими особыми способностями, я больше не играю!

По физиономии Хеймдалля нерешительно расплылась улыбка.

— Мой юный Харальд, дерзости не занимать тебе, но, как и раньше замечал я, показываешь ты и проблески разума. И верно, придерживал я твоего скакуна — не след, чтоб ас пораженье терпел от смертного, пусть даже и в такой малости. Но так и быть — этих давай отпустим и начнем по новой с другими конями, ибо опасаюсь я, что в звере твоем уж не будет прежней резвости.

Наловить новых тараканов было несложно.

— Вновь назову я своего Золотой Челкой в честь своего коня,— объявил Хеймдалль.— Имя это приносит удачу. А у тебя разве не было любимой лошади?

— Нет, но у меня был автомобиль... ну, такая повозка на четырех колесах, и ее звали...— начал было Ши и примолк. Как же называлась машина? Он попытался воспроизвести отдельные слоги: нирос... нет, нилос... нет, это вообще не то — нерос, неврос... И вдруг что-то со щелчком стало на место у него в голове, словно недостающая фишка детской головоломки.

— Хеймдалль! — неожиданно заорал он.— По-моему, я знаю, как отсюда выбраться!

— Было бы это лучшим из известий,— проговорил Хеймдалль довольно скептически,— если б деянья всегда были подобны задумкам. Но я еще раз глубоко и внимательно просмотрел все кругом и не вижу, как проделать это без помощи извне. Вряд ли можно рассчитывать, что кто-то из великанов решится помочь нам, когда *Время* столь близко.

— А за кого будут тролли?

— Скорее всего держаться будут они в стороне. Но вряд ли сумеем мы, пусть даже хитростью, заставить какую-нибудь из этих злобных тварей помогать нам.

— Но тем не менее ваши недавние слова навели меня на одну мысль. Помните — что-то там насчет искусства богов читать мысли, которые кроются в движениях губ?

— Было такое.

— Так вот, я являюсь... то есть был представителем профессии, смысл которой заключается в том, чтобы вызнавать мысли других людей, задавая им всевозможные вопросы, и на основе того, что они думают сегодня, предсказывать, что они будут думать завтра при совершенно других обстоятельствах. Даже более того — самому заставлять их думать тем или иным образом.

— Что ж, вполне возможно такое. Необычно искусство это, смертный, и великого умения требует, но вполне такое возможно. И что с того?

— А с того... Вот Стегг этот — по-моему, от него нам проку мало. Я уже встречал таких, как он. Он, э-э... забыл, как это называется, но, в общем, из тех, кто живет в мире, созданном его собственным воображением, где он король, а все остальные — его слуги. А, вспомнил — параноик. С такими практически невозможно наладить контакт.

— Весьма справедливо и вполне обоснованно подмечено, Харальд. Из того, что уловить мне удалось в его мыслях, и впрямь подобный вывод проистекает.

— А вот Сногг — совсем другой. На него мы наверняка сумеем повлиять.

— Хоть и сладостны речи твои, заклинаю тебя не тонуть в океане надежды. Сногг еще даже более враждебен к нам, чем неприветливый его братец.

Ши ухмыльнулся. Вот и настала пора применить здесь свои специальные знания.

— Это только на первый взгляд. Я уже с кучей таких, как он, работал. И зацепить Сногга мы сможем на том, что у него... чувство неполноценности — у нас это называется комплекс,— связанное с его носом. Если кому-то удастся его убедить, что он чертовски красив...

— Сногг — красив? Ха-ха-ха! Шуточка прямо-таки для острого язычка Локи! .

— Ш-ш-ш! Потише, господин Хеймдалль. По-моему, единственное его желание — это прилично выглядеть. И если мы... если мы сделаем вид, будто заколдовали ему нос, и начнем уверять, что тот уменьшился, да еще остальных арестантов подговорим...

— Разумен план сей! Сразу видно, с чего это сошелся ты с Дядюшкой Лисом! Однако не след делить нам шкуру медведя, который еще не убит. Вот когда и впрямь удастся тебе залучить на нашу сторону Сногга, тогда и ясно станет, обострило ли заточение твой разум или же замутило окончательно. Но послушай, малыш,— а что помешает Снопу ощупать свой носище и распознать обман?

— Ну не можем же мы гарантировать, что уберем его совсем! Он и за пару дюймов будет по гроб жизни благодарен.

8

Когда с наступлением сумерек Сногг снова заступил на дежурство, в темнице было все как обычно. Необычным был только шум, доносившийся из камеры Хеймдалля и Ши, где громко вопили, подбадривая участников великих тараканьих дерби. Сногг зашел в камеру проверить, не нарушаются ли при этом правила внутреннего распорядка.

Его настороженный взгляд Ши встретил широкой ухмылкой:

— Салют, дружище Сногг! Вчера я задолжал Хеймдаллю тридцать миллионов крон, а сегодня и мне улыбнулась удача — долг сократился уже до двадцати четырех миллионов.

— Это твоя о чем? — злобно поинтересовался тролль.

— Слушай, а почему бы и тебе не присоединиться? — продолжал Ши, дав необходимые пояснения.— Таракана мы тебе враз словим. Скучно же всю ночь коптить, слушая, как храпят узники.

— Хм,— заколебался Сногг, однако бдительности не утратил.— Уловка? Если ваша помогать кому удрать, моя сразу вж-жик! Господина Сурт, она говорить...

— Ничего подобного! В любой момент можешь устроить обход. Тс-с! Во, ползет.

— Кто? — спросил Сногг несколько менее враждебно.

Ши подкрался к стене, прыгнул, словно кот, и вернулся с тараканом в кулаке.

— Ну, как назовем его? — спросил он у Сногга.

Сногг задумался. Убогий мозг тролля никак не находил объяснений поразительному дружелюбию узников, и глазки его подозрительно забегали.

— Назовем Фьёрм, как реку. Эта река быстро течь,— проговорил он наконец.

— Ты оттуда родом?

— Угу.

— Говорят, дружище Сногг, что в реке Фьёрм водится самая прекрасная рыба во всех Девяти Мирах,— встрял Хеймдалль.— И я верю этому, ибо сам видел ее.

— Правдивые слова,— обрадовался тролль.— Моя ловить рыбу прямо на зорька, хо-хо! Моя идти, потом — хвать! И вот — форель. Моя, помнить, раз загнала одну на отмель...

— Вам бы с Ёка-Тором покалякать,— заметил Ши.— На Фьёрме, может, и впрямь мировая рыбалка, но у него-то, пожалуй, самая крутая рыбацкая байка во всех Девяти Мирах.

Сногг хмыкнул:

— Моя слышала этот байка. Тор не есть рыбак, нет! У него крюк, веревка. Только тролли знать, как честно ловить рыба. Руками, да, вот так.

Он с сосредоточенным видом наклонился, а потом бросился вперед, словно гремучая змея, хватая воображаемую рыбину.

— Ах, рыба! — вскричал он.— Люблю! Давайте, играем.

Трех тараканов поместили в центр круга и стали выгонять оттуда. К непередаваемому восторгу тролля, Фьёрм первым пересек финишную черту.

Заезд следовал за заездом, с перерывами только на поиски нового таракана, когда кому-нибудь из скакунов удавалось удрать.

Таракан Сногга, полностью опровергая положения теории вероятности, выигрывал раз за разом. Тролль не замечал, да и вряд ли вообще обратил бы внимание на то, что Хеймдалль при этом пронзительным взглядом сверлил своего таракана и таракана Ши, заставляя их замедлять свой бег. Правда, они не давали выигрывать Сноггу постоянно, чтобы не возбуждать его уснувших было подозрений. Когда наутро его сменил Стегг, он выиграл уже свыше двадцати миллионов крон. С чувством добросовестно выполненного долга Ши растянулся на полу.

Проснулся он незадолго до заступления на дежурство Сногга. Хеймдалль не находил себе места: пока они прохлаждались в тюрьме, посыльный Сурта был уже в пути, дабы потребовать в качестве выкупа меч под названием Голова.

Увы, вскоре выяснилось, что, имея дело со Сноггом, торопиться не следует.

— Скучаешь, небось, по дому, по реке своей Фьёрм? — спросил Ши у тролля, когда тот присоединился к игрокам.

— Ей-ей,— отозвался Сногг.— Часто. Люблю ее. Рыбу.

— Вернуться, поди, мечтаешь?

— Нескоро это будет.

— А почему?

Сногг скривился:

— Господина Сурт — она суровая хозяин.

— И всех-то делов? Неужели других причин нет?

— Н-нет... Моя любит троллшу Ильвагевю... Эх! Но что же это моя делать? Зачем толковать с узник про мой личный жизнь? Хватит! Играем!

Ши счел за лучшее прекратить расспросы, а когда Сногг сменился с поста, заметил:

— Нам крупно повезло. Не представляю, как это можно влюбиться в женскую особь троллиной породы, но он наверняка...

— Наблюдателен ты, человек из иного мира! Нетрудно читать его мысли, блуждающие у самых уст. Ильвагевю отказала ему, поскольку нос его чересчур велик.

— Вон оно что! Теперь я знаю, за что его можно ухватить. В общем, сегодня вечером...

Открыв вечером очередной тур тараканьих бегов, Хеймдалль несколько изменил заведенный порядок и несколько придерживал таракана Сногга во время первых заездов. Последовавшая полоса удач быстро создала у тролля нужное настроение, и, пока счастливый Сногг похихикивал, пощелкивал пальцами и подскакивал от радости, Ши вкрадчиво начал:

— Дружище Сногг, ты так к нам добр. Как бы нам отплатить тебе за доброту? Что бы нам для тебя сделать? Может, мы в силах устранить препятствие, что мешает тебе вернуться.

Сногг вздрогнул и уставился на него подозрительным взглядом.

— Невозможно,— проговорил он хрипло.

Хеймдалль уставился в потолок.

— Одна маленькая надежда на освобождение,— пробормотал он,— и узники начинают творить чудеса.

— Господина Сурт — она очень плохая, когда сердится,— выдавил Сногг, беспокойно поводя глазками.

Хеймдалль кивнул:

— Но руки коротки у него схватить в стране троллей одного-единственного ее жителя, который ушел к любимой.

Сногг понурился и стал похож на какую-то птицу с огромным клювом.

— Трудно уйти от руки Сурта,— сопротивлялся он.— Опасно.

— А если изменить внешность, избавиться от какой-нибудь приметы? — включился в дискуссию Ши.— Так скрыться куда легче. Ведь тогда этого тролля никто не узнает!

Сногг погладил свой чудовищный румпель.

— Вот слишком большой... Ваша смеяться, да? — рявкнул он со внезапно вспыхнувшим подозрением.

— Вовсе нет,— успокоил его Ши.— Там, где я жил, в моей стране, одна девушка меня отшила, потому что у меня глаза слишком близко к носу. У женщин всегда странные представления о красоте.

— Это есть правда! — Сногг понизил голос настолько, что его было едва слышно.— Ваша исправлять мой нос, и я ваш! Все для вашей моя сделает!

— Не хочу ничего обещать раньше времени,— заявил Ши,— но думаю, что смогу кое-чем тебе помочь. Вообще-то я угодил сюда безо всяких волшебных приспособлений...

— Моя достать,— засуетился Сногг, который уже жаждал перейти от слов к делу.

— Попробую сообразить, что тут может потребоваться,— заверил его Ши.

На следующий день, когда Стегг собрал после завтрака миски, Ши с Хеймдаллем опросили остальных узников, готовы ли те принять участие в деле их освобождения из темницы. Ответы были разнообразны:

— Коли беду на нас не накличете — чего бы и не помочь...

— Ей, а меня-то возьмете?

— Давай, ежели по-тихому.

— *Ингви — гнида!*

В общем, понимание они встретили.

Ши погрузился в сочинительство. Требовалось заклинание, которое звучало бы достаточно убедительно. Он напрягал мозги, вспоминая, как Чалмерс формулировал законы магии, и клял себя за то, что слушал тогда недостаточно внимательно. Закон распространения? Нет, этот, похоже, никаким боком... А закон подобия? Это уже близко. Для тролля, самого немного сведущего в волшебстве и заклинаниях, попытка применения этого принципа не должна выходить за рамки общих магических закономерностей. Дело за малым: подкрепить все это шарлатанство каким-нибудь убедительным фокусом. Главное — заставить Сногга поверить, что совершается нечто из ряда вон выходящее. Узники должны хором закричать, что нос тролля резко уменьшился в размерах. Их восхищение завершит дело.

— К кому принято обращаться в заклинаниях такого рода? — спросил Ши у Хеймдалля.

— Скудны познания мои в мелочном волшебстве смертных,— ответил Хеймдалль.— Вот Спутник Зла и заклинаниям бы тебя научил, и прочим пустякам. Я же скажу, что имена предков-колдунов были бы не бессильны.

— Как их звали, господи боже ты мой?

— Прародительница ведьм всех — Витольф, предок всех ворлоков — Вилльхарм, Свартхед — первый певец-заклинатель, а основатель рода великанов — Имир. Ну, чтобы убедить Сногга, можешь добавить и ныне здравствующих — Андвари, короля гномов, и правительницу троллей, Старуху из Железного Леса. Жуткая тварь, но к себе подобным, думается, благосклонна.

Когда Сногг появился снова, Ши уже в целом разработал методику фальшивого колдовства.

— Мне понадобится пчелиный воск,— сказал он,— горячая жаровня с углем, кусок выловленного из воды дерева, расщепленный на лучинки не толще твоего большого пальца, фунт зеленой травы и какая-нибудь доска на подставке, чтобы поместить над жаровней.

— *Время* близится,— сообщил Сногг.— Великаны собираться. Когда нужны эти вещи?

Ши услышал, как Хеймдалль позади застонал от ужаса, уловив первую фразу, но тем не менее спокойно сказал:

— Да как соберешь, так и тащи.

— Может, завтра в ночь. Будем играть?

— Нет... то есть да,— проговорил Хеймдалль.

В неясном свете факелов на его худом, заострившемся лице было ясно написано напряжение. Ши представлял, как сгорает он от нетерпения с его-то чуть ли не болезненным чувством персональной ответственности. Скорее всего, причина именно в этом, убеждал он себя. Судьба мира, богов и людей, да и самого Ши тоже, по словам Хеймдалля, зависит от одного лишь звука Ревущей Трубы. Он все никак не мог этого осознать, терзаясь странным ощущением нереальности всего происходящего,— сколько бы ни повторялись совершенно неопровержимые доводы.

Но даже все эти ужасающе достоверные доводы так и не смогли разрушить охватившего его фаталистического настроения. Как бы ни был скучен тот мир, из которого он прибыл, представлял он собой все-таки нечто достаточно незыблемое и целостное, что поддавалось прогнозу, а в чем-то даже и влиянию. Здесь же он чувствовал себя щепкой, подхваченной океаном нелепых и жутких событий. Цепь неудач, с которыми он столкнулся во время путешествия в Ётунхейм, породила в нем прочное сознание собственной беспомощности, от которого не излечил его даже неожиданный успех в раскрытии козней великанов и поисках молота Тора. Тогда Локи, а недавно и Хеймдалль хвалили его храбрость; ха, сказал он себе, если бы они только знали! Его воодушевляла отнюдь не истинная отвага, а лишь странное чувство, будто его вовлекли в какую-то отчаянную игру, главная задача в которой — играть как можно искуснее. Ши подумал, что, наверное, и солдаты переживают нечто подобное во время атаки. Иначе они бы все разбежались и никаких войн бы просто не было.

Мысли его опять вернулись к эпизоду в замке Утгарда. В чем было дело — в заклинании, которым снабдил его Локи, или в слезе? Или просто сработал трезвый взгляд современного человека? Последнее наверняка сыграло немалую роль: все были слишком возбуждены, чтобы замечать такие мелочи, как отсутствие тени

у Хуги. Все, что было в Ши от представителя двадцатого столетия, отчаянно противилось мысли, что такая штука, как заклинание, вообще способно вызвать какой-то эффект. Но все остальное-то тоже не поддавалось объяснению с материалистических позиций!

Неужели это означало, что, произнеся соответствующее заклинание, он мог действительно сотворить некое чудо, оставаясь при этом *человеком?* Хеймдалль, Сногг, Сурт — все они обладали сверхъестественными способностями, это было им присуще изначально, но что ему, Ши, их методы? Он ведь ни богом не был, ни — слава те господи — троллем, ни великаном.

Что ж, если не получится стать истинным ворлоком, можно, по крайней мере, устроить небольшое представление. Ши вспомнил свое бесконечное лицедейство в том мире, который недавно оставил. А сейчас вся жизнь его зависела от того, насколько хорошо сыграет он свою роль. Как же должен вести себя настоящий колдун? Надо, чтоб Сноггу ничего не резануло бы глаз.

Томительная ночь сдала наконец свои позиции, и на дежурство заступил Стегг. Сногг поспешно удалился. Ши не без труда проглотил то, что словно в насмешку именовалось завтраком, и попытался заснуть, но при первом же вопле «Ингви — гнида!» подскочил чуть ли не до потолка. Блохи, казалось, кусались в тот день куда надоедливей обычного. Когда ему удалось взять себя в руки, настало уже время ужина, а значит, и Сногга.

Тролль аж ерзал от нетерпения, дожидаясь, пока стихнут шаги Стегга. Потом он засуетился, как огромная крыса, помчавшись за затребованным Ши набором. Принесенное он свалил в коридоре и, пробормотав несколько слов, открыл дверь камеры.

— Потуши все факелы, кроме одного,— распорядился Ши.

Когда Сногг выполнил это указание, волшебник-любитель принялся за дело. Воск он размягчил над жаровней, придал ему форму конуса и в конце концов вылепил грубую имитацию хобота, украшавшего физиономию тролля.

Сногг выпучил глаза.

— Теперь принеси ведро воды,— прошептал Ши.— Когда скажу, выльешь на жаровню.

Ши встал перед жаровней на колени и подул на угли. Набрав полный кулак щепок, он бросил их в мерцающий жар, и в темноте заплясало разноцветное пламя. Сидя на пятках и раскачиваясь, словно маятник, Ши принялся заклинать:

Витольф и Вилльхарм,
Восстаньте, друзья!
Андвари, Имир,
Поддержите меня!
Железная Ведьма,
На помощь приди —
Свартхеда дух
В заклинанье вдохни!

Воск на доске, положенной поверх жаровни, понемногу размягчался. Конус медленно терял форму, оплывая по краям. Прозрачные капли потекли за край доски, красными светящимися огоньками повисали над тлеющими угольями и, ярко вспыхивая, падали вниз.

Ши нараспев прогнусил:

Колдуны и ворлоки,
Слетайтеся ко мне!
Пусть Сногга нос растает,
Как мягкий воск в огне!

Воск на доске превратился в бесформенный комок. Капли дождем сыпались на угли, и крошечные язычки пламени отражались в глазах узников, которые, затаив дыхание, наблюдали за творящимся действом.

Ши бросил на угли охапку травы. Темницу заволокли густые клубы дыма. Он заводил во мраке руками, шевеля пальцами и завывая:

— Ведьма Железного Леса, подданный твой обращается к тебе с мольбою!

Восковой комок стал совсем крошечным. Ши сунул голову прямо в дым, отчего у него дико защипало глаза, и торопливо вылепил из воска некое подобие обычного носа.

— А теперь лей! — выкрикнул он.

«Ш-ш-ш!» — полилась на угли вода, и все вокруг окуталось клубами пара.

Ши отпрянул и выпрямился. По его грязному лицу, словно какие-то надоедливые насекомые, медленно сползали капельки пота, оставляя светлые дорожки.

— Порядок,— объявил он.— Можно включать свет.

Наступали решающие мгновения. Если только остальные не подведут...

Сногг прошел по коридору, зажигая факелы. Когда стало светлее и он повернулся, чтобы вставить факел в гнездо на противоположной стене, Ши поневоле изумленно завопил вместе с остальными.

Нос Сногга был не больше нормального человеческого носа.

Гарольд Ши действительно *оказался ворлоком.*

— Странное что-то в башке,— заметил Сногг таким тоном, будто ничего особенного и не случилось.

9

Тролль воткнул на место последний факел и повернулся к Ши, поглаживая свой новый нос чешуйчатой лапой.

— Отличное волшебство, Харальд-ворлок! — воскликнул он, похихикивая и приплясывая.— Эй, Ильвагевю, теперь-то моя тебе понравится!

Ши словно прирос к полу. Ему казалось, что все это происходит не с ним. Единственное, что ему удалось из себя выдавить, было что-то вроде «уп!».

Хеймдалль положил ему руку на плечо.

— Ловко и честно исполнил ты заклятье,— сказал Вечно Бодрствующий.— Много выгод извлечь мы из него сможем. И все же должен я предостеречь тебя, ворлок. Нехорошо лгать богам. Почему сказал ты мне на Распутье Мира, что не владеешь колдовским искусством?

— О,— отозвался Ши, соображая все еще довольно неважно,— думаю, тогда я поскромничал. Просто мне не хотелось кичиться перед вами, сэр.

Сногг пустился в нелепый галоп.

— Прекрасна моя! — визжал он.— О, как моя прекрасна!

Ши подумал, что Сногг — что с носом, что без носа — самое отвратительное создание, которое он когда-либо видел. Вряд ли стоило в подобной ситуации высказывать это соображение вслух, поэтому он просто спросил:

— А как насчет вывести нас отсюда, дружище?

Сногг усмирил свой восторг ровно настолько, чтобы заверить:

— Будет это исполнено. Идите сейчас в камера. Моя придет. Принесет одежда, оружие.

Ши с Хеймдаллем переглянулись. Тяжело было возвращаться назад, в опостылевшую тесную камеру, но теперь приходилось полагаться только на тролля, так что они молча подчинились.

— Остается только ждать,— буркнул Хеймдалль,— не предаст ли нас этот чешуйчатый пожиратель рыбы. Если предаст...— Голос его дрогнул.

— Придумаем, что тогда с ним сделать,— усмехнулся Ши. Поразительное достижение вознесло его до небес.

— Немногого могу добиться я здесь, в краю Огненного Волшебства,— мрачно выговорил Хеймдалль,— но такому ворлоку, как ты, вполне под силу превратить ноги его в переплетенных змей.

— Эт можно,— небрежно согласился Ши.

Но все-таки он никак не мог привыкнуть к мысли, что оказался первым и единственным человеком, который действительно научился колдовать — вопиющее противоречие законам физики, химии и биологии. Но ведь и находится он там, где отменены все эти физики, химии и биологии! Заправляют здесь всем законы магии. Заклинание его полностью отвечало их требованиям, так что доктор Чалмерс был абсолютно прав. Весь фокус заключался в том, что Ши открылся один из этих законов, в то время как простые смертные этого мира — а впрочем, и тролли, и боги — их и ведать не ведают. Естественно, что колдовство кажется им чем-то мистическим — точно так же, как изменение цвета жидкости в пробирке во время химического опыта представляется мистикой тому, кто несведущ в химии. Эх, лучше бы он запасся более подробной информацией о колдовстве, чем набивать рюкзак бесполезными фонариками, спичками и пистолетами!..

Ход его мыслей прервал свист. Сногг. Все еще сияющий, он приволок ворох одежды и что-то длинное и вытянутое.

— Вот одеяния,— ухмыльнулся он во всю пасть. Активное шевеление волос-червяков у него на голове, должно быть, выражало удовольствие, но у Ши все равно по спине побежали мурашки.— А тут мечи. Моя понесет, пока наша не выходить, да? — Он поднял принесенную с собой цепь.— Ваша брать в руки. Моя поведет. Если нашу остановить — наша к господине Сурту идет.

— Скорей, Харальд,— торопил Хеймдалль, пока Ши путался в незнакомых нарядах.— Есть еще надежда, что встретим мы кого-нибудь из асов, покуда не отдали они меч мой, хотя надежда эта все призрачней...

Ши наконец оделся. Они с Хеймдаллем взялись за конец и середину цепи, а Сногг, засунув оставшийся ее конец за пояс, важно зашагал вперед. В обеих руках он нес по огромному мечу — размером с Хундингсбану, только с простыми рукоятями и за-

ржавленными клинками. Тролль держал их безо всяких видимых усилий.

— Теперь ваша молчать,— сказал тролль, открывая ведущую из темницы дверь.— Моя говорить, что ведет вашу к Сурту. Смотрите вниз, будто ваша обижена.

Кто-то из узников негромко произнес:

— Удачи вам, друзья, не забывайте о нас!

Они вышли, тут же утонув во мраке тоннеля. Ши ссутулился и вообще постарался принять как можно более унылый вид.

Вскоре они миновали нишу, в которой расположились четверо троллей. Прислонив к стене свои трезубцы, они играли в четнечет на пальцах. Один из них встал и сказал что-то на тролльском наречии. Сногг ответил на том же языке, добавив:

— Господина Сурт хотеть.

— Один надзиратель — мало,— засомневался тролль.— Они не убегать?

Сногг погремел цепью:

— От этот? Заклятие на этот цепь! *Гоин альмсорг тьяльма!*

Очевидно, тролля удовлетворил подобный аргумент, поскольку он спокойно вернулся на место. Троица поковыляла во тьме дальше, минуя какой-то вырубленный в скале зал. Там теплился мрачный свет и что-то шевелилось. Ши вздрогнул, когда кто-то там — судя по голосу, человек — пронзительно и протяжно завизжал, сорвавшись под конец на судорожные всхлипывания: «Нет... нет... не надо!..» Он бросил в ту сторону только мимолетный взгляд, но и этого оказалось достаточно, чтобы его чуть не вывернуло.

Проход заканчивался обрывом, за которым бурлило озеро расплавленной лавы. Рядом сидел великан с огненным мечом. Он уставился на них глазами-щелками, выглядывающими из-под густых бровей.

— Узники к господине Сурту,— сказал Сногг.— Приказ.

Великан пристально посмотрел на них.

— Слушай-ка,— спросил он,— а ты, часом, не тролль Сногг? Где это твой шнобель?

— Моя молилась Старухе Железного Леса. Она делать его меньше,— ухмыльнулся Сногг.

— А-а... Тады порядок, топай дальше.

Когда они проходили мимо, великан выставил ногу, о которую споткнулся Ши. Его даже затошнило от ужаса, когда он понял, что чуть не свалился в раскаленную лаву.

— Ха, ха, ха! — загромыхал великан.

— Твоя осторожней! — тявкнул Сногг.— Твоя бросает узники туда, и Сурт тоже бросать твою туда, клянусь Имир!

— Ха-ха-ха! Пшел вон, Чешуйчатая Шкура, пока я самого тебя туда не скинул!

Придя в себя от ужаса, Ши бросил на великана взгляд, способный расплавить свинец. Если бы он только смог запомнить эту отвратную рожу и как-нибудь... Нет-нет, он увлекся. Спокойствие, Ши, не бери в голову.

Возле обрыва они свернули в другой туннель. Дорога то шла вверх, то выравнивалась, когда встречались боковые ответвления. Сногг безошибочно вел их по этому лабиринту. Страшный грохот чуть не оглушил их, когда они миновали нечто вроде арсенала или оружейной. Красноватый мерцающий свет скрывал размеры помещения, где мелькали лишь какие-то голые черные существа. Хеймдалль прошептал:

— Это темные гномы из Свартальфхейма, где ни люди, ни асы никогда не бывали.

Они двинулись дальше — вверх, направо, налево. Вдруг откуда-то спереди на них накатила душная теплая волна, словно из-за поворота должен был вот-вот вынырнуть локомотив. Послышался топот великанских ножищ. Из-за угла вывалила целая колонна монстров, каждый из которых держал в руке горящий меч. Они маршировали, глядя прямо перед собой, как сомнамбулы. Все трое прижались к стене, пока великаны не протопали мимо, наполнив туннель вонью. Последний отделился от строя и обернулся.

— Узники — к господине Сурту,— пояснил Сногг.

Великан кивнул, прочистил горло и сплюнул. Плевок угодил, понятное дело, в Ши. Тот едва сдержал тошноту и утерся одеждой. Великан осклабился и поспешил вслед за остальными.

Теперь они находились в верхней части цитадели и пробирались сквозь лес каких-то колонн. Сногг сменил гордую поступь на смиренный шажок, поднес палец ко рту и тихо заскользил от колонны к колонне. Где-то поблизости эхом отдались слова какого-то великана. Все трое сжались, пытаясь укрыться в треугольной тени колонны. Шаги приблизились и стихли прямо за ней. Они затаили дыхание. Послышался кашель, звук плевка и шлепок слюны об пол. Топот стал удаляться.

— Давайте моей цепь,— прошептал Сногг.

Цепь он скрутил в плотный ком и повел их дальше, прокрадываясь на цыпочках в очередной лабиринт.

— Вот путь на волю,— шепнул он через несколько минут.— Наша ждать, пока в проходе никого нет. Потом моя отвлекать великана, а ваша бежать. Быстро бежать. Потом... Ш-ш! На пол, быстро!

Не успел он закончить, как они распластались на полу у самой стены. Ши почувствовал, как содрогаются плиты под поступью невидимых великанов. Те были все ближе, ближе — и вот уже прямо над ними. Отчаянный стук собственного сердца показался Ши едва ли не громче топота шагов. Он закрыл глаза. Один из великанов басовито рокотал:

— Так я ему грю — чё, мол, стряслось, чё у тебя, пороху не хватает? А он грит...

Конец фразы уже не был слышен.

Путники поднялись и тихонько двинулись дальше. Вскоре Сногг знаками приказал им остановиться и выглянул за угол. Ши узнал туннель, через который они попали во владения великанов. Давно ли это было? Сногг выглянул еще раз, повернулся и вручил Ши один меч, а Хеймдаллю другой.

— Когда великаны погнаться за моей,— зашептал он,— ваша бежать, быстро бежать. Снаружи темно. Ваша — прятаться.

— А как ты нас потом найдешь? — спросил Ши.

Сногг оскалился, так что зубы его засверкали во мраке.

— Ничего. Моя точно найти. На спор.

Он исчез.

Ши с Хеймдаллем немного подождали. Вскоре они услышали громовой оклик часового и писклявый отзыв Сногга. Лязгнула цепь, и все звуки вдруг потонули в страшенном реве:

— Ах ты, сопливый мелкий...

В ночи разнеслись топот и крики.

Ши с Хеймдаллем пронеслись к выходу и выскочили за широко распахнутую дверь. Снаружи было темнее, чем в коровьем брюхе, только густо-рубиново теплились жерла конических холмов, бросая тусклые отблески на окутывающие их клубы дыма.

Они бросились бежать, не имея ни малейшего представления — Ши уж точно,— куда их несет. Во всяком случае, этот вопрос можно будет обдумать чуть позже. Правда, они скорее шли,

чем бежали, даже когда глаза их немного привыкли к темноте, но и так пару раз они едва избежали довольно рискованных падений — слишком уж фантастически искорежена была у них под ногами скала.

Гигантский конус крепости Сурта за их спинами почти сливался с ночным мраком. Вдруг в темноте послышалось шипение и завоняло рыбой. Сногг! Тролль двигался легко и уверенно, как кошка. Он хихикнул:

— Моя врезать великану цепью по нос! Видеть бы ваша его рожа! Хи-хи-хи!

— Куда ты ведешь нас, тролль? — спросил Хеймдалль.

— А куда ваша хотеть?

Хеймдалль задумался:

— Лучше всего было бы попасть к дому Сверра, что на Распутье Мира. Если не выйдет, тогда ко вратам Ада, где еще есть надежда застать Странника. Он должен как можно скорей узнать о том, что мы видели. Если бы я только мог очутиться там, где похолоднее и нет всего этого огненного волшебства, я сразу бы позвал коня своего, Золотую Челку!

— Ваша смотреть! — внезапно шепнул Сногг.— Великаны идти!

Среди лавовых напластований замелькали желтые огоньки. Сногг тут же исчез в тени скалы, а Ши с Хеймдаллем скорчились под прикрытием застывшего потока лавы. Под ногами великанов хрустел базальт. Тени, отбрасываемые светом огненных мечей, неумолимо приближались. Прогремел голос какого-то гиганта:

— Эй, где вы там? Ну и наворочено тут всего! Дыр всяких до дури, хоть сотню арестантов прячь!

Другой голос:

— Во-во. Эдак всю ночь проковыряемся. Я так думаю, они не сюда поперлись.

— Ты и думать умеешь? А с виду не скажешь,— отозвался первый голос.— Эй, Раки!

— Здесь я! — рявкнул издали третий.

— Далеко не ходи! — закричал первый.

— Да остальные ребята как на тарелке! — жаловался далекий Раки.

— Ну и хрен с ними! Мы должны держаться вместе. Вай! — Послышался глухой стук, а потом какая-то возня.— Ух, коли поймаю сволочей, за все заплатят!

Свет ближайшего меча все усиливался, дюйм за дюймом подкрадываясь к Ши с Хеймдаллем. Беглецы сжались. Дюйм за дюймом...

Теперь они ясно видели великана. Он высоко держал свой меч и медленно продвигался вдоль края пласта лавы, внимательно вглядываясь в каждую щель. Вот он еще приблизился. Потом еще. Свет меча мазнул по носкам ботинок Ши и ярко высветил золотистую шевелюру Хеймдалля.

— Эй! — взревел великан голосом корабельной сирены.— Раки! Рандвер! Я их поймал! Жми сюда!

Он рванулся вперед. В тот же самый момент тяжеленные шаги загремели и позади них, и откуда-то из ниоткуда выскочили великаны, ближайший из которых уже вращал мечом.

— Займись вон тем, ворлок! — выкрикнул Хеймдалль, указывая мечом на первого великана. Сам он легко запрыгнул на край пласта и схватился со вторым монстром.

Ши обеими руками воздел огромный клинок. Господи, как же фехтовать эдаким ломом? Безнадега. Но он не испугался. Да, блин, нисколечки не испугался. Черта с два теперь его возьмешь! Великан зарычал и прыгнул вперед, выписывая мечом восьмерки и явно намереваясь разрубить маленького человечка пополам одним-единственным ударом.

Ши взмахнул тяжеленным мечом, пытаясь парировать этот удар. Он и сам не понял, что случилось, но только в этот самый момент тот вдруг оказался совсем легким, как игрушка в луна-парке. Клинки сомкнулись, и с душераздирающим металлическим скрежетом меч Ши прошел прямо сквозь пылающее лезвие. Огненный обломок пролетел у него над головой и шлепнулся позади, с треском запалив какие-то кусты. Практически безо всяких усилий с его стороны огромный клинок крутнулся в превосходную позицию для выпада и вонзился в великанье горло. С булькающим воплем монстр рухнул на землю.

Ши развернулся на каблуках. На самом краю лавового пласта Хеймдалль задавал своему противнику жару — вспыхивая, мелькали мечи, но принять участие в битве спешил третий великан.

Вскарабкавшись на уступ, Ши бросился ему наперерез, к своему собственному изумлению визжа при этом дурным голосом.

Великан изменил курс и через какую-то секунду уже громоздился над ним. Ши легко отразил его удар простейшим парирующим «карта», великан замешкался, и Ши не упустил своего шанса — столкнул оба клинка в захвате и, сделав молниеносный выпад, выбил огненный меч из рук владельца. Его собственный клинок воткнулся в брюхо великана так стремительно, что Ши и сам чуть не свалился на оседающую тушу.

— Хо! Хо! — кричал Хеймдалль. Он тоже стоял над поверженным противником. В свете валявшихся на земле огненных мечей на теле великана виднелись страшные темно-красные раны.— Насквозь, в утробу! Хо! Никогда не видывал я бойца, бьющего мечом, словно копьем, пронзая им вместо того, чтоб рубить! Клянусь молотом Тора, Харальд-ворлок, не ожидал я, что умеешь ты играть клинком! Встречал я таких, что зовут себя берсерками да атлетами, а дерутся похуже тебя.— Он засмеялся, подбросил свой меч и поймал его за рукоять.— Без сомнения, следует в моем тебе воинстве быть, когда грянет *Время*. Хотя что в том удивительного? Что за меч держал ты в руках!

Огромный меч вновь стал тяжелым и страшно оттягивал руки. На рукоять через перекладину струйкой стекала кровь.

— По мне, так меч как меч,— сказал Ши.

— Никоим образом! Это волшебный клинок Хундингсбана, непобедимый меч Фрейра, и настанет тот день, когда принесет он погибель Сурту. Хей! Боги и люди восславят день сегодняшний, ибо освобождено последнее из великого оружия асов. Однако спешить нам потребно. Сногг!

— Тут моя,— подал голос тролль, выбираясь из папоротников.— Забыла сказать. Моя наложила заклятие троллей на меч, чтобы свет его не указывать великаны нашу путь. Это проходить денька через два.

— Знаешь ли ты поблизости какую-нибудь гору, высокую и холодную? — спросил Хеймдалль.

— Есть такая. Ох, много мили на север. Стьёнбьёрг называться. Три дня идти.

— Не из особо добрых весть сия,— проговорил Хеймдалль.— Седьмая уж ночь минует с той поры, как Тор забавлялся с великанами в Ётунхейме. Долог путь, а уж завтра будет Странник у врат Ада. Должны мы застать его там — многое от этого зависит.

Ши отчаянно соображал. Если он и впрямь умеет достаточно, чтобы считаться ворлоком, то почему бы и сейчас не применить свое искусство?

— Можно тут где-нибудь найти метлу? — решительно спросил он.

— Метлу? Чудны желания твои, ворлок из чужого мира,— заметил Хеймдалль.

— На что твоей нужна метла? — спросил Сногг.

— Попробую показать один фокус.

Сногг задумался:

— Две мили на восток — дом раба. Может, есть метла. Раб — он заболеть и помереть. Дом оставаться.

— Веди,— распорядился Ши.

Они вновь пустились в путь сквозь мрак. Время от времени они видели далекие огоньки — это великаны рыскали вокруг, но никто из них так и не приблизился к беглецам.

Хижина раба оказалась диким нагромождением базальтовых блоков, щели между которыми густо поросли мхом. Покосившаяся дверь была широко распахнута. Внутри оказалось слишком темно, чтобы что-то рассмотреть.

— Сногг,— сказал Ши,— не мог бы ты маленько ослабить заклятие? Нужно слегка посветить.

Он протянул ему меч. Сногг пробежал по клинку пальцами вверх и вниз и что-то пробормотал. Меч засветился слабым золотым сиянием, и они — о радость! — углядели в хижине сразу две метлы. Одна была новая, другая почти развалилась — большая часть ивовых прутьев, из которых ее когда-то связали, была сломана или потеряна.

— А теперь,— объявил Ши,— мне понадобятся перья какой-нибудь птицы. Желательно стрижа — по-моему, именно он считается самым быстрым летуном. Наверняка они где-нибудь здесь найдутся.

— На крыша,— предположил Сногг.— Твоя ждать, моя доставать.

Он исчез. Они слышали его ворчание и возню, когда он карабкался на крышу хижины. Вскоре он вернулся, зажав в чешуйчатых лапах комок перьев.

Ши уже мысленно составил подходящее заклинание, постаравшись одновременно опереться и на закон распространения, и на закон подобия. Теперь он уложил метлы на пол и легонько обмахивал их перьями, напевая:

Птица юга, птица быстрая юга,
Перья на ночь свои одолжи!
Пусть летят эти метлы, как ты, птица юга,
В облаках их легко закружи!

Одно из перышек он подбросил в воздух и подул на него, не давая опуститься вниз.

— Ведрфёльнир, величайший из ястребов, взываю к тебе! — завопил он.

Поймав перо, он нагнулся, ослабил веревки, которыми были перевязаны прутья, вставил перья в метлу и стянул ее вновь, декламируя:

Вверх, вверх лети!
Умчи скорей нас прочь;
Должны попасть мы в горы,
Пока не минет ночь!

— Теперь, по-моему,— сказал он,— мы довольно скоро доберемся до этого твоего Стьёнбьёрга.

Сногг ткнул пальцем в метлы, которые, насколько было заметно в тусклом свете меча, тихонько трепетали и сами собой подергивались.

— Ваша полетит по воздух?!

— Запросто! Хочешь, летим вместе. Думаю, новая метла вынесет двоих.

— О нет! — отшатнулся Сногг.— Нет, благодарствуйте, клянусь Имир! Моя остается на земля, моя идти к Ильвагевю пешком. О нет, ломать прекрасного меня? Ваша не беспокоиться! Моя знает дорога.

Сногг ошарашенно взмахнул лапой в знак прощания и выскользнул за дверь.

Хеймдалль и Ши последовали за ним, последний нес метлы. Небо заметно посветлело — близился рассвет.

— А ну-ка давайте поглядим, как эти метелки работают,— сказал Ши.

— Каково искусство применения их? — поинтересовался Хеймдалль.

Об этом Ши как раз не имел ни малейшего представления, но тем не менее храбро ответил:

— Делайте, как я.

Оседлав палку метлы и засунув Хундингсбану за пояс, он проговорил:

Ради ясеня с дубом, метла,
Покуда густа еще мгла,
Скорее летим на Стьёнбьёрг,
Силы задержим зла!

Метла рванула вверх, едва не сбросив своего седока.

Ши вцепился в палку так, что побелели пальцы. Он поднимался все выше, и выше, и выше, пока земля внизу не скрылась под плотным одеялом облаков. Метла все круче забирала ввысь, и вскоре Ши, к собственному ужасу, обнаружил, что летит уже спиной к земле. Он обвил ногами палку и тесно прильнул к ней. На секунду метла зависла в верхней точке мертвой петли, после чего резко ухнула вниз, раскручиваясь то туда, то сюда, так что несчастный пассажир болтался, как язык у колокола.

Темная земля вынырнула откуда-то из-под облаков и стремительно понеслась ему навстречу. В тот самый миг, когда он уже разуверился в счастливом исходе столкновения с почвой, ему как-то удалось извернуться и оказаться поверх палки. Метла с ужасающей скоростью рванула вперед, а затем вновь полезла ввысь. Ши слегка сдвинулся вперед, чтобы переместить центр тяжести. Метла замедлила ход, накренилась на сорок пять градусов и сорвалась в штопор. Внизу бешено закрутились черные скалы Муспелльсхейма. Ши отклонился назад, дернув палку на себя. Метла вышла из штопора и проворно вошла в другой, завертевшись в другую сторону. Удалось ему справиться и с этой бедой, на сей раз старательно избегая резких движений. К тому моменту у него уже так кружилась голова, что он даже не соображал, прекратилось вращение или нет.

Несколько секунд метла носилась, как дельфин. Было это еще почище колесницы Тора. Желудок Ши, всегда чувствительный к такого рода упражнениям, внезапно сдал, и ворлок окропил Муспелльсхейм остатками тюремного завтрака. Покончив с этим занятием, он мрачно принялся укрощать своего конька.

Вскоре он обнаружил, что метла в чем-то обладает характеристиками самолета. Как только она начинала клевать носом или мотаться из стороны в сторону, ее следовало немедленно выравнивать, причем на строго определенный угол. Но в целом управлению она вполне поддавалась.

— Ха-а-ра-а-альд! — долетел до него едва слышный вопль.

Он так увлекся, что совершенно упустил из виду Хеймдалля. Вечно Бодрствующий отчаянно прилип к своей метле где-то в четверти мили от него, выписывая в небесах бесконечные петли, при виде которых любой содержатель луна-парка просто бы лопнул от зависти.

Ши заложил глубокий вираж. Ярдах в ста от Хеймдалля метла последнего внезапно прекратила крутиться и помчалась прямо на него. Казалось, столкновение неизбежно, но Ши сумел в последнюю секунду взмыть вверх, и Хеймдалль с развевающимися волосами пулей пронесся понизу. Ши развернул свою метлу и увидел, что на сей раз Хеймдалль гоняет по кругу, словно на карусели. Лицо у него было куда бледнее обычного.

— Как обуздать эту дрянь, о жесточайший из ворлоков? — прокричал ему ас на ходу.

— Наклонитесь влево! — закричал Ши.— Если она нырнет, слегка откиньтесь и выравнивайте!

Хеймдалль послушался, но переусердствовал, отклоняясь назад, и вошел в новую серию петель. Ши вопил ему, чтобы тот переместился вперед, когда метла окажется внизу. Хеймдалль опять перестарался и резко спикировал, но, ухватив принцип действий, сумел снова набрать высоту.

— Никогда не достигнем мы Одина вовремя! — возопил он, указывая на что-то внизу.— Гляди, уж движутся полчища Сурта, Рагнарёк наступает!

Ши глянул вниз на изрытую равнину. По ней и впрямь медленно ползли колонны великанов. На фоне темной земли яркими точками выделялись огненные мечи.

— Где та гора? — отозвался Ши.

Хеймдалль махнул куда-то влево:

— По-моему, вон там какая-то большая гора. Но огненное волшебство еще сильно, и плохо я вижу отсюда.

— Давайте тогда поднимемся над облаками,— предложил Ши.— Готовы?

Ши взял ручку на себя, и они стали набирать высоту. Вскоре их окутала темно-серая мгла, и ему оставалось только надеяться, что он держит метлу под правильным углом. Вскоре серая пелена поблекла, и они оказались над безбрежным морем облаков, уже тронутых кое-где желтыми лучами восходящего солнца.

— Без сомненья, Стьёнбьёрг лежит вон там,— показал Хеймдалль.— Поднажмем!

Ши ничего не углядел, кроме еще одной гряды облаков, может, разве что чуть поплотней остальных. Они устремились туда, куда указывал Хеймдалль.

— Уздечку надо было делать! — громко сокрушался Хеймдалль.— О, как же остановить сей бесовский инструмент?!

Они уже трижды пытались приземлиться на вершине и каждый раз с бешеной скоростью проносились над скалой.

— Попробую заклинанием! — откликнулся Ши.

Откинувшись назад, он продекламировал:

Ради ясеня с дубом и тиса,
Ради капель росы чистых,
Посади нас помягче на Стьёнбьёрг,
Опустись из заоблачной выси!

Метла замедлила свой бег, и Ши мягко зарулил на посадку. Хеймдалль попытался последовать его примеру, но промазал и ухнул в сугроб. Когда он выбрался оттуда, волосы и брови были у него совершенно белыми, но на лице сияла ослепительная — в полном смысле этого слова — улыбка.

— Бывали ворлоки великие, Харальд, но таких, как ты... Довольно крутыми и решительными назвал бы я твои методы!

— Если вам больше не нужна метла,— парировал Ши,— я ее забираю, а эту старую рухлядь брошу. Уж мне-то она пригодится!

— Возьми, если тебя это потешит. А сейчас и ты кое-что увидишь.— Он приложил ладони ко рту и прокричал: — Йо-хо-о! Золотая Челка! Йо-хо-о, Золотая Челка! Хозяин твой, Хеймдалль Одинссон, зовет тебя!

Некоторое время ничего не происходило. Потом Ши заметил вокруг себя какое-то подрагивающее многоцветное сияние. Образовывалась радуга, и он оказался прямо внутри нее. Только в отличие от обычной радуги один конец у этой различался совершенно отчетливо. Медленно вытягиваясь, он уткнулся в снег прямо у их ног. Краски становились все гуще и ярче, пока окончательно не заслонили и снег, и тучи, и утесы за собой. Вниз с радуги рысью сбегал огромный белый конь с желтой, металлически поблескивающей гривой. Соскочив с радуги, умная зверюга ткнулась носом Хеймдаллю в грудь.

— Давай садись,— пригласил Хеймдалль.— Предоставляю право тебе отправиться вместе со мной, хоть и устроиться тебе придется на крупе. Смотри не ткни его случайно Хундингсбаной!

Ши с багажом, состоявшим из меча и метлы, вскарабкался на лошадиную спину и занял свое место. Конь вихрем крутнулся на месте, запрыгнул на радугу и почти беззвучно, словно под копытами у него пролегла мягкая перина, помчался по ней быстрым размашистым галопом. В ушах у Ши засвистел ветер; о скорости он мог только гадать.

Часа через два подобной скачки Хеймдалль повернул голову:

— Под облаками дом Сверра! Я уже его вижу.

Радуга загнулась вниз, исчезая в серой пелене. На миг их снова окутала туманная мгла, которая тут же взлетела вверх, и радуга, уже несколько поблекшая, но все еще достаточно прочная, чтобы их выдержать, повернула прямо к воротам Посредника.

Золотая Челка, роя копытом землю, замер во дворе, весь мокрый от тающего у него на боках снега. Хеймдалль спрыгнул на землю и направился к двери, возле которой замерли на часах два дюжих блондина.

— Эй,— воззвал Ши ему вслед,— тут не найдется чего-нибудь пожрать?

— Нет времени,— откликнулся Вечно Бодрствующий через плечо, исчезая в дверях, чтобы сию же секунду появиться снова, держа в руках меч и рог. Стоявшие у дверей охранники, которым он бросил на ходу несколько слов, ринулись вокруг дома и вскоре показались, ведя в поводу лошадей.

— Герои из Вальгаллы,— пояснил Хеймдалль, торопливо влезая в перевязь,— стерегли Гьяллархон, пока шли переговоры о моем освобождении.

Подхватив рог, он одним махом взлетел в седло. Радуга уже успела изменить направление и, когда Золотая Челка с места сорвался в карьер, лежала перед ними прямая, как стрела.

Ши спросил:

— А разве нельзя вам протрубить в рог прямо сейчас, не дожидаясь встречи с Одином?

— Никак нельзя, Харальд-ворлок. Странник — владыка и людей, и богов. Ничто не делается без его ведома и позволенья. Но опасаюсь я, что сейчас оно запоздает — запоздает навеки.— Вдруг он повернул голову: — Чу! Слышишь... Да нет, не можешь ты

этого слышать. Но мои уши уловили звук, который говорит мне, что пес Гарм, страшное это чудовище, вырвался на свободу!

— Почему Одину требуется столько времени, чтобы добраться до этого Ада? — недоумевал Ши.

— Путешествует он в чужом обличье — ты и сам видел его тогда на болоте, и на обычном едет он пони. Пророчица Груя — великанского рода. Будь уверен, наверняка отказалась бы она разговаривать с ним или дурной дала бы совет, признай вдруг в нем одного из асов.

Золотая Челка поднялся над облаками и скакал по вытянувшейся в струнку радуге, которой, казалось, не было конца. Ши уже давно мог думать только о том, сколько бифштексов вышло бы из столь упитанной животины. Конины он в жизни не пробовал, но в своем нынешнем унылом положении и от такого варианта не стал бы отказываться.

Солнце уже заметно опустилось, когда они вновь прошили преграду из облаков. На сей раз внизу их ждали неистовые снежные вихри. Под ними, а вскоре и вокруг них раскинулся угрюмый каменистый ландшафт, утыканный черными остроконечными скалами со склонами слишком крутыми, чтобы удержать снег.

Радуга резко оборвалась, и они очутились на неровной дороге, которая извивалась среди вздымавшихся в небеса пиков. Копыта Золотой Челки звонко зацокали по смерзшейся грязи. Дорога причудливо петляла, спускаясь к глубокому и узкому ущелью, вдоль отвесных стен которого колоннами громоздились мрачные скалы. Снежные хлопья медленно опадали в застывшем воздухе, выбеливая сиротливые заплаты унылого мха, который являл здесь собой единственный образец растительности. Ножом резал мороз. Повсюду, словно слоновьи бивни, свисали огромные сосульки. Не слышалось ни звука, кроме цокота копыт их коня и его частого дыхания, окутывавшего его ноздри мелкими облачками пара.

Становилось все темнее и темнее, холоднее и холоднее.

— У вас что, в Аду холодно? — прошептал Ши, сам не понимая, почему нужно разговаривать именно шепотом,— видно, это больше соответствовало окружающей обстановке.

— Самый это студеный край во всех Девяти Мирах,— отозвался Хеймдалль.— Передай-ка мне славный свой меч, нужно осветить дорогу.

Ши протянул ему клинок. Впереди, насколько ему было видно из-за спины Хеймдалля, теперь не было ничего, кроме непроглядной тьмы, словно стены ущелья сомкнулись у них над головами. Когда они случайно задели одну из стен расщелины, Ши оперся было на нее рукой, но тут же ее отдернул. Холод камня даже сквозь рукавицу огнем ожег пальцы.

Золотая Челка вдруг навострил уши в свете меча. Они повернули за угол и среди мрачного однообразия камня вдруг наткнулись на какие-то проблески жизни. В жутковатом зеленовато-голубом полусвете Ши углядел высокую, увенчанную нелепой шляпой фигуру Странника и рядом с ним силуэт пони. Виднелась и какая-то третья фигура, закутанная в черный плащ с капюшоном, лица которой он не разглядел.

Когда они приблизились, Один поднял на них взгляд.

— Привет тебе! Ворон Мунин уж приносил мне известия о пленении твоем и побеге, и вторая весть была мне милее первой,— звучно проговорил он.

Хеймдалль с Ши спешились. Странник пристально посмотрел на Ши:

— Уж не та ли это потерянная личность, что повстречал я как-то на Распутье Мира?

— И никакая другая,— подхватил Хеймдалль,— и оказалась которая и ворлоком могущественным, и воином, искусней коего я еще не встречал. В моей ему следует быть дружине. И Хундингсбана есть у нас теперь, и Голова. А ты всего ли достиг, за чем явился?

— Всего — или почти всего. Сам я с Видаром встану пред Сынами Волка, чудовищами этими страшными. Тор сражаться будет со Змеем, Фрейр — с Суртом. Улль с войском своим противостоять должен холмовым великанам, а ты — инеистым. Вот что я уже вызнал.

— Всеотец, потребна мне помощь твоя! Пес Гарм вырвался на волю. Сурт несет огненный меч с юга, а за ним идут инеистые великаны. *Время* настало.

— Ай-яй-йа-а! — взвизгнула закутанная в черное фигура.— Вот теперь-то узнала я тебя, Один! Черен тот день, когда язык мой...

— Умолкни, карга! — Низкий голос Странника, казалось, наполнил пустынные своды оглушительным громом.— Тогда же

труби, сын мой! Созывай дружины наши, ибо и впрямь наступило *Время!*

— Ай-яй-йа-а! — опять завизжала черная фигура.— Убирайтесь, проклятые асы, проваливайте туда, откуда заявились!

Из-под черного балахона выпросталась рука, и Ши с содроганием заметил, что она принадлежит скелету. Рука захватила пригоршню снега и швырнула ее в Одина. Тот расхохотался.

— Проваливай! — заходилась вещунья, швыряя еще один комок снега, на сей раз в Хеймдалля. В ответ тот лишь поднес к губам рог и набрал полную грудь воздуха.

— Проваливай, я сказала! — вновь каркнула она. Перед Ши мелькнул леденящий оскал голого черепа под капюшоном, когда она наклонилась за третьим снежком.— Проваливай в проклятые свои края!

Ревущая Труба пропела свои первые ноты, все громче и уверенней, заполнив все вокруг величественными раскатами воинственной, торжествующей мелодии. И содрогнулись скалы, и посыпались сосульки, и Гарольд Ши увидел, как третья пригоршня снега, безвредный влажный комок, летит в него из костлявых пальцев Груи...

— Ну ладно,— сказал детектив,— жалко, мистер Чалмерс, что больше вам нечем мне помочь. Родственников в Сен-Луисе мы уже известили. Сплошь и рядом кто-нибудь пропадает без вести, но только обычно мы их находим. Так соберете все эти вещички, ладно?

— Конечно-конечно,— откликнулся Чалмерс.— Просто я думал прямо сейчас пробежать те бумаги.

— Ладно. Спасибочки. Мисс Маглер, отчет я вышлю вместе со счетом.

— Минутку,— всполошилась Гертруда Маглер.— Куда мне этот ваш отчет? Мне нужен сам мистер Ши!

Детектив ухмыльнулся:

— Платите-то вы за отчет, а нужен он вам там, не нужен — это сами решайте. Можете вообще его выкинуть, мне-то что. Бывайте здоровы. Счастливо, мистер Чалмерс. Счастливо, мистер Байярд. До скорого!

Дверь в комнату затворилась.

Уолтер Байярд, развалясь в единственном приличном кресле Ши, подал голос:

— Послушайте, а почему вы ему не сказали, что, по-вашему, действительно произошло?

— Потому что это было бы, должен я заметить, довольно затруднительно доказать,— ответил Чалмерс.— А в мои намерения нисколько не входит становиться всеобщим посмешищем.

Вмешалась Гертруда:

— Не очень-то красиво это с вашей стороны, доктор. Даже если вы ничего не собираетесь мне рассказывать, могли бы, по крайней мере...

Байярд выгнул бровь, глядя на рассерженную девушку:

— Хе-хе. А кто это, интересно, только что с презрением отметал гнусные намеки, будто Гарольд мог попросту рвануть от чьей-то слишком уж материнской опеки, когда детектив интересовался, а?

Гертруда вспыхнула:

— Во-первых, это нисколечко не так, во-вторых, это не его собачье дело, а в-третьих, по-моему, вы оба могли бы чем-то посодействовать, а не чинить препятствия, раз уж я оплачиваю услуги мистера Джонсона!

— Гертруда, голубушка,— заверил Чалмерс,— если бы я считал, что это принесет хоть малейшую пользу, то обязательно поделился бы с этим вашим мистером Джонсоном своими гипотезами. Но уверяю вас — он вряд ли отнесся бы к ним с особым доверием, а если бы даже и поверил, то данная теория ничуть не годна... гм... в качестве основы для его методов расследования.

— Ну посуди сама, Герт,— вмешался Байярд.— Вдруг попасть можно только туда, а оттуда — никак? Если уж сам Ши не в состоянии оттуда выбраться — куда он, по нашему разумению, угодил, то Джонсон и подавно. Так зачем тогда посылать за ним Джонсона? — Он вздохнул.— Вообще-то довольно паршиво будет без Гарольда, со всеми его...

Бам! Невесть откуда взявшаяся воздушная волна сшибла с ног Чалмерса, со звоном разбитого стекла сорвала со стены картину и разметала по комнате бумаги Ши. Должно быть, были нанесены и еще какие-то незначительные повреждения.

Но если таковые и имелись, ни Гертруда, ни Чалмерс, ни Байярд их попросту не заметили. Посреди комнаты собственной персоной стоял тот, о ком они только что вели речь, замотанный в несчитанные ярды какой-то шерстяной, похожей на одеяло,

ткани. Лицо его загорело и слегка обветрилось. В левой руке держал он грубую метлу из ивовых прутьев.

— Ку-ку? — объявил Ши, ухмыльнувшись при виде их изумленных физиономий.— Вы уже обедали? Угу? Ладно, тогда просто посмотрите, как я буду есть. Пошли.— Метлу он забросил в угол.— Сувенир. Свидетель моих похождений. Там очень полезная штука была, но здесь, боюсь, она работать не будет.

— Н-но,— заикаясь, промямлил Чалмерс,— неужели вы собираетесь идти в ресторан в таком наряде?

— А что такого? Я есть хочу, черт побери.

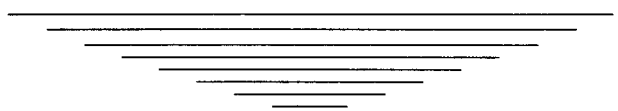
— Что люди подумают?

— А меня это волнует?

— Господи благослови! — воскликнул Чалмерс, вслед за Ши направляясь к выходу.

Математика волшебства

1

— Мяса кусок! — распорядился Гарольд Ши.

— Филе, вырезку?..— осведомилась официантка.

— А все равно — какой побольше, и не очень прожаренный!

— Гарольд,— вмешалась Гертруда Маглер,— что бы там ни случилось, пожалуйста, придерживайся рационального питания. Когда человек, не занимающийся физическим трудом, потребляет излишнее количество протеина...

— Физическим трудом?! — рявкнул Ши.— Да уж целые сутки прошли, как я чего-либо ел! И то это была крошечная тарелочка овсянки, прокисшей к тому же. А с той поры я подрался на дуэли с парочкой великанов, занимался акробатикой верхом на помеле, прокатился на волшебном першероне одного знакомого бога... Вот так-то: я жарился на солнце и замерзал, трясло меня и мотало, и пугали меня чуть не до смерти, и, клянусь молотом Тора, я просто хочу есть!

— Гарольд, ты... ты хорошо себя чувствуешь?

— Замечательно, куколка! И буду чувствовать себя еще лучше, если получу хоть немного жратвы.— Он снова обернулся к официантке: — Скоро там? Мяса!

— Послушай, Гарольд,— не отставала Гертруда.— Кончай! Ты выскакиваешь неизвестно откуда, наряженный в какие-то дурацкие лохмотья, рассказываешь дикие вещи, которым никто в жизни не поверит...

© Перевод А. Лисочкина.

— Можешь не верить, что я выскочил неизвестно откуда,— заметил Ши.— Дело твое.

— В таком случае не мог бы ты мне объяснить, что стряслось?

— Абсолютно ничего! Я не собираюсь это обсуждать, пока не проконсультируюсь с доктором Чалмерсом.

— Ну что ж,— проговорила Гертруда,— если ты занимаешь такую позицию... Уолтер, пошли в кино?

— Но...— опешил Уолтер Байярд.— Но я хочу послушать...

— Ты можешь хоть раз в жизни побыть джентльменом?

— Ох! Ну ладно, Герт.— Уходя, он бросил на Ши косой взгляд: — По крайней мере, ты не притащил с собой толпу девушек своей мечты.

Ши ухмыльнулся им вслед.

— Вот идет парень, который вечно меня подкусывал насчет какой-то там психологической атаки со стороны Герт,— заметил он, обращаясь к Чалмерсу.— Надеюсь, она теперь за него самого возьмется.

На лице Рида Чалмерса появилась слабая улыбка.

— Вы забываете... гм... что у Уолтера совершенно безотказно работают защитные механизмы.

— Это вы о чем?

— Когда давление становится слишком сильным, он может просто плюнуть и уйти.

Ши, не сдержавшись, фыркнул:

— Вы просто не представляете, что вы за... Ах, еда! — Он атаковал тарелку и с усердием змеи, заглатывающей жабу, запихнул в рот кусок мяса, которым подавилась бы и лошадь. По мере того как он работал челюстями, на лице его расплывалось выражение полнейшего блаженства. Чалмерс отметил, что при этом его коллега полностью игнорирует тот факт, что по меньшей мере половина посетителей ресторана, выпучив глаза, таращится на невиданное зрелище, которое являл собой молодой человек с длинной физиономией, наряженный в диковинные скандинавские одеяния.

— Несколько более... э-э... тщательное прожевывание пищи...— начал было Чалмерс.

Ши погрозил ему пальцем, с трудом проглотил очередной гигантский кусок и выговорил:

— За меня не волнуйтесь.

Время от времени набивая рот основательными порциями пищи, он постепенно поведал собеседнику историю своих похождений.

Чем больше Рид Чалмерс разглядывал и слушал своего молодого друга, тем большее замешательство выражалось в его кротких глазах.

— Боже ты мой! Это ведь уже третья порция! По-моему, они не совсем адекватно именуются здесь половинками. Вам... гм... плохо не будет?

— Это последняя. Эй, девушка! Будьте добры — яблочный пирог. Только не какой-то там кусочек! Я хочу целый.— Он повернулся к Чалмерсу: — В общем, этот призрак говорит: «Проваливай туда, откуда пришел»,— и вот я здесь.

Чалмерс задумчиво произнес:

— Насколько я знаю вас, Гарольд, за вами действительно водится грешок преувеличения. Вы имеете склонность несколько приукрашивать факты, что несовместимо с истинно научной точностью. Однако я знаю также, что умышленная фальсификация вам несвойственна, поэтому я вам верю. Кроме того, весьма убедительным доказательством являются заметные перемены в вашей наружности и поведении.

— Я и вправду изменился? — спросил Ши.

— Ваша внешность свидетельствует о перенесенных физических испытаниях, а также о воздействии солнца и ветра.

— И это все?

Чалмерс задумался:

— Насколько я понимаю, вы наверняка желаете услышать, что присущий вам дух застенчивого нахальства превратился в подлинное чувство уверенности в себе?

— Ну... в общем...

— Люди, сознающие свои недостатки, всегда жаждут услышать о том, что в них произошли радикальные изменения,— продолжал Чалмерс.— На самом же деле такие изменения если и происходят со взрослыми людьми, то довольно медленно. За две недели всяк не случится такое сказочное чудо.— Подмигнув смущенному Ши, он добавил: — Но не могу не признать, что какие-то перемены в структуре личности действительно произошли, и, полагаю, в нужном направлении.

Ши рассмеялся:

— По крайней мере, теперь я научился понимать ценность теоретических выкладок. Если бы и вы туда угодили, мы б тогда точно раскрутили все эти несчастные законы скандинавских мифов по полной программе!

— Я...— начал было Чалмерс и умолк.

— Что?

— Ничего.

— Правда,— заметил Ши,— вы бы вряд ли выдержали такое путешествие с физической точки зрения.

— Думаю, что да,— вздохнул Чалмерс.

— А ваша парафизическая теория будь здоров как подтвердилась,— продолжал Ши.— В том мире и впрямь действуют законы подобия и распространения — по крайней мере, магические заклинания, которые я составил на их основе, сработали.

Чалмерс откинул с глаз седую прядь волос.

— Поразительно! Да, я и в самом деле был почти уверен, что перемещение физического объекта в иную пространственно-временную структуру при помощи формальной логики — как вы там это прозвали? Ах, да, силлогизмобиль! — вполне возможно. Но все же это значительное потрясение — получить подтверждение столь... гм... вольных рассуждений экспериментальным путем!

— Конечно, кое-что и впрямь у нас есть,— согласился Ши.— Другой вопрос — что со всем этим делать?

Чалмерс нахмурился:

— Пока еще неясно. Совершенно иначе предстает вся картина мира. Это ни на что не похоже — разве что на некоторые восточные религии. Бесконечное множество миров, движущихся по параллельным, но совершенно различным пространственно-временным векторам... Но, как вы справедливо заметили, что со всем этим делать? Если я и опубликую результаты вашего эксперимента, все просто скажут, что у старого бедного Чалмерса... гм... просто крыша поехала. И, кроме того, стоит психологу-экспериментатору влезть в сферу физики... Вспомните Оливера Лоджа! — Он поежился.— Для того чтобы представить удовлетворительные доказательства, остается разве что отправить оппонентов в какой-нибудь из параллельных миров. К сожалению, вряд ли приходится рассчитывать на то, что они там повстречают какую-нибудь Грую с горстью заколдованного снега в руке. Тогда вернуться они не смогут, а оставшиеся оппоненты только уверятся в своей правоте. Представляете, в чем сложность?

— Угу. Интересно, чем же кончилась битва? Может, стоило бы вернуться и узнать?

— Я бы не советовал. Рагнарёк только начинался, когда вы покинули тот мир. Не исключено, что, вернувшись, вы обнаружите, что великаны победили и теперь заправляют там всеми делами. Раз уж вы так ищете приключений, есть множество других, и куда менее...— Голос Чалмерса прервался.

— Других — чего?

— Да так, я просто вслух рассуждаю. Я хотел сказать — теоретически достижимых миров. Пока вас не было, я как раз, и довольно небезуспешно, занимался разработкой структурной теории космологии множественных миров, и...

— Послушайте-ка, доктор Чалмерс,— прервал его Ши.— Мы оба слишком сведуши в психологии, чтобы с успехом водить друг друга за нос! У вас явно и еще что-то на уме — помимо всей этой парафизической математики.

— Гарольд...— вздохнул Чалмерс.— Я всегда считал, что лучше бы вам было пойти... гм... в коммерсанты там или политики, чем заниматься психологией. В теории вы позорно слабы, а как с ходу высосать из пальца диагноз поведенческой модели — так вы первый.

— Не увиливайте, доктор.

— Ну хорошо. Вы, наверное, уже подумываете вскоре отправиться в новое путешествие?

— Ну почему же, я ведь только вернулся, у меня не было еще времени строить планы... Минуточку! Уж не намекаете ли вы, что хотели бы присоединиться, а?

Рид Чалмерс скатал из хлебного мякиша аккуратный серый шарик.

— По сути дела, именно на это и намекаю, Гарольд. Вот он я — мне уже пятьдесят шесть, а ни семьи, ни близких друзей — за исключением вас, молодых людей из Гарейденского института. Я сделал — во всяком случае, я верю в то, что сделал,— величайшее космологическое открытие со времен Коперника, однако же природа этого открытия такова, что его нельзя доказать и никто в него не поверит.— Он слегка пожал плечами.— Работа

завершена, но результат ее не принесет мне признания в этом мире. Так разве не могу я... гм... не могу позволить себе слабость попытать счастья в каком-нибудь другом?

Вернувшись вместе с Ши к нему домой и устроившись в его лучшем кресле, Чалмерс вытянул ноги и задумчиво потягивал хайбол.

— Боюсь, что ваш выбор Ирландии времен Кухулина не встретит моей полной поддержки. Жизнь там полна приключений, это верно — но варварская культура, сложная система всякого рода табу, нарушение которых влечет за собой наказание путем усекновения головы...

— А девушки? — запротестовал Ши.— Эти древнескандинавские блондинки с ножками как у рояля — все они настолько напоминали мне Гертруду...

— Для человека моего возраста амурные приключения не особо привлекательны. Как партнеру в данном предприятии я вынужден напомнить вам, что, в то время как вы обладаете... гм... определенными физическими навыками, которые могут быть применимы где угодно, моя собственная значимость ограничивается областями, где интеллектуальные достижения способны оценить более достойно, нежели в древней Ирландии. Единственные люди, которые не были воинами и могли свободно передвигаться в те времена,— это менестрели, а я не умею ни слагать вирши, ни играть на арфе.

Ши едко ухмыльнулся:

— Договорились, девушек вы предоставляете мне. Но, наверное, все же вы правы — ну их к бесу, эту королеву Медб с Оссианом.— Он порылся среди книг на полках.— А как насчет этого?

Чалмерс посмотрел на протянутый ему том:

— «Царица фей» Спенсера? Мм-м... «Одна картина сменяется другой под звуки изменчивой мелодии» — так, по-моему, говаривал доктор Джонсон? Безусловно, прекрасный и интересный мир, и лично я вполне мог бы занять там какое-то место. Однако боюсь, было бы не совсем уютно приземлиться во второй части книги, где рыцарям царицы Глорианы уже приходится довольно туго: словно то ли сам Спенсер охладел тогда к своим

героям, то ли сюжет вырвался из-под его опеки и зажил своей собственной жизнью, как сплошь и рядом и случается. А я не уверен, что нам удастся достичь такой степени избирательности, чтобы попасть в строго рассчитанный эпизод сюжета. Взять хотя бы ваш недавний опыт — хотели попасть в Ирландию, а оказались в мире скандинавских мифов.

— Но,— запротестовал Ши,— когда отправляешься на поиски приключений, нельзя совсем избежать...— Тут он умолк, позабыв закрыть рот.

— По-моему, вы собирались сказать «опасностей», если я правильно понял,— произнес Чалмерс с улыбкой.— Честно признаться...

Ши вскочил на ноги.

— Доктор... Док! — выпалил он.— Слушайте: а почему бы и в самом деле не высадиться прямо в той заключительной части «Царицы фей» и не помочь рыцарям Глорианы вылезти из передряги? Вы же сказали, что разработали какие-то новые положения? Так мы там в самом выгодном положении будем! Вы только посмотрите, что я там понаделал перед Рагнарёком с той ерундой, которой располагал!

— Экий неугомонный вы, Гарольд,— отозвался Чалмерс, правда заинтересованно наклоняясь вперед.— И все ж таки это довольно... гм... заманчивый замысел — совершить в другом мире деяние, отвергнутое в этом. Не наполните ли еще разок мой стаканчик, покуда мы будем обсуждать детали?

— Ну, первая деталь, которую мне хотелось бы узнать,— это что за новые теории вы там напридумывали.

Чалмерс приосанился и в манере лектора, выступающего перед большой аудиторией, начал:

— Насколько я себе это представляю, взаимоотношения между рассматриваемыми мирами можно проиллюстрировать на примере карандаша с параллельными гранями. Эти грани моделируют векторы, представляющие собой, разумеется, время. В результате мы получаем некую вселенную, некий универсум, который имеет шесть измерений — три в пространстве, один во времени и еще два, выражающие некие связи между одним миром данного универсума и другим. Вы должны достаточно разбираться в математике, чтобы быть в курсе, что так называемое «четвертое измерение» можно отнести к таковым лишь с той точки зрения,

что время обладает поддающейся измерению характеристикой — подобно цвету или, скажем, плотности. То же самое можно отнести и к межмировым измерениям. И я готов утверждать...

— Тпр-ру! — перебил Ши.— А количество миров безгранично?

— Кхе-гм. Надеюсь, когда-нибудь вы все же избавитесь от привычки перебивать где надо и где не надо, Гарольд. Лично я не оставляю такой надежды. В данный момент мне представляется, что такое количество все же ограниченно, хотя и весьма велико. А теперь разрешите мне продолжить. Итак, я готов утверждать, что та вещь, которую мы именуем «магией», представляет собой попросту... физику в некоторых из этих иных миров. И законы подобной физики должны распространяться и на то, что мы назвали межмировыми измерениями...

— Понятно,— опять перебил Ши.— Тот же случай, что и со светом, который способен распространяться в межпланетном пространстве, в то время как тому же звуку обязательно требуется посредник в виде воздуха или воды.

— Сравнение далеко не безупречно. Позвольте мне все же продолжить. Вам должно быть известно, насколько часто в тех же сказках описываются появляющиеся или исчезающие волшебным образом те или иные предметы. Подобный феномен легко поддается объяснению, если мы допустим, что так называемый колдун просто переносит эти предметы из другого мира или отправляет туда.

Ши сказал:

— Я сразу вижу одно возражение. Ежели законы магии на наш мир не распространяются, откуда же тогда о них узнали? Я имею в виду, как они попали в те же сказки?

— Вопрос вполне очевидный. Вы помните мое замечание о том, что галлюцинации душевнобольных могут объясняться раздвоением их личности между нашим миром и каким-то другим? То же самое в равной мере можно отнести и к составителям сказок, разве что в чуть меньшей степени. Естественно, касается это и любого писателя-фантаста — такого, скажем, как Дансени или Хоббард. Когда он описывает какой-то странный несуществующий мир, то дает несколько искаженный вариант настоящего со своим собственным набором измерений, независимых от нашего.

В наступившей тишине Ши приложился к своему стакану. Наконец он спросил:

— А почему и мы не можем что-нибудь перемещать из своего мира и обратно в него?

— Как это не можем? Вы уже сами довольно успешно сумели переместиться из этого мира. Но, вероятно, определенное число этих параллельных миров просто более легко достижимы, нежели остальные. И как раз наш...

— Скорее всего, из крепких орешков?

— Кхе-гм. Да не перебивайте же, прошу вас! Да! Что касается такого измерения, как время, то я склонен считать, что мы способны путешествовать между мирами только под прямым углом к грани карандаша, представляющего собой пучок пространственно-временных векторов, если вас не коробит такая... несколько вольная аналогия. Однако очень похоже на то, что наши векторы имеют некоторую кривизну. И ход времени на внутренней кривой, откладываясь на внешней, должен оказаться другим, а именно: время там будет течь быстрее. Вспомните распространенную сюжетную линию многих сказок: герой прибывает в волшебную страну, проводит там три дня, возвращается и узнает, что отсутствовал три минуты или три года. Тем же явлением можно было бы объяснить и возможность перемещения в придуманный кем-то образ будущего. Это как раз тот случай, когда некое сознание перемещается по наружному искривленному вектору со скоростью, превосходящей ход времени по нашему собственному, внутреннему, вектору. В результате... Гарольд, вы успеваете следить за ходом моих рассуждений?

Стакан Ши с легким «пум» покатился по ковру, а из кресла послышалось подозрительное похрапывание. Усталость наконец все-таки взяла свое.

На следующие выходные Ши поехал в Кливленд. Близящийся старт второго путешествия во времени вызывал у него определенные опасения. Чалмерс — старикан с мозгами, тут и сомневаться нечего. Теоретик он классный. Но, увы, похоже, его больше интересует погоня за самой теорией, нежели ее практические результаты. Как-то покажет он себя в роли напарника, оказавшись в круговерти непредсказуемых опасных приключений,— человек пятидесяти шести лет, с детства ведущий сидячий образ жизни и, как следствие, явно предпочитающий рассуждение опыту?..

Ладно, теперь уже так и так поздно что-то менять, твердил себе Ши, входя в магазин готового платья компании «Монтроуз».

Там он спросил чего-нибудь в средневековом стиле. Продавец, который, судя по всему, решил, что слово «средневековый» каким-то образом связано с пиратами, притащил целую охапку камзолов, штанов в обтяжку, разукрашенных перьями шляп и сапог с отворотами из тонкой желтой кожи. Ши в итоге выбрал костюм, который когда-то носил исполнитель главной роли в «Робин Гуде» Де Ковена. Правда, у того не оказалось ни единого кармана, но на такие случаи и существовали портные. Для Чалмерса он приобрел похожее обмундирование, хотя и несколько попроще и поскромней, а также монашескую сутану с привязным капюшоном. Чалмерсу предстояло изображать кого-то вроде паломника или пилигрима — персонаж, в роли которого, как они оба решили, он будет чувствовать себя наиболее уверенно.

Из предложенного магазином готового платья ассортимента оружия и доспехов ничего выбрать не удалось — все предметы оказались откровенно бутафорскими и, кроме маскарада, ни на что большее не годились. Цепная кольчуга, например, была связана из шерсти и покрашена потом алюминиевой краской, а пластинчатая составлена из кусочков жести не толще, чем от консервной банки. Мечи не обладали ни заточкой, ни закалкой, ни должным балансом. В антикварных лавках повезло ничуть не больше — здесь в основном торговали кавалерийскими саблями времен Гражданской войны. Ши решил остановиться на собственной фехтовальной шпаге. Клинок у нее был довольно жесткий, и если открутить защитный колпачок да как следует наточить кончик, то на первое время должно сойти, пока он не раздобудет чего-нибудь поприличней.

Но самая серьезная проблема, как поведал он Чалмерсу по возвращении, была связана с магическими формулами, которые они намеревались использовать, прибыв на место.

— Вы что, рассчитываете читать в Царстве Фей по-английски? У меня в Скандинавии это не прошло,— предостерег он.

— Я это предусмотрел,— отозвался Чалмерс.— Не забывайте, что математика — это... это язык универсальный, от слов не зависящий.

— Все это хорошо, только вот будут ли ваши математические символы обозначать то же, что и здесь?

— Взгляните на эту бумажку, Гарольд. Зная начала формальной логики и посмотрев на это своеобразно проиллюстрирован-

ное уравнение, где слева изображено одно яблоко, а справа — несколько яблок, я сразу могу понять, что оно означает, а именно: «Яблоко относится к множеству, или классу, яблок». Таким образом, мне сразу становится ясным значение символа в форме подковы, стоящего посредине: «То-то является элементом такого-то класса».

— Вы и впрямь думаете, что это сработает? Но скажите: откуда нам знать, что мы окажемся в той самой части мира Царства Фей?

Чалмерс пожал плечами:

— Раз уж на то пошло, откуда нам знать, что мы не попадем на территорию легенд и мифов Древней Греции? Законы, которые лежат в основе данного метода перемещения, еще только предстоит выработать. Пока же нам остается лишь покрепче взяться за руки, хором зачитать формулы и надеяться на лучшее.

Ши ухмыльнулся:

— А если и не сработает, то и черт с ними! Ну, по-моему, мы готовы.— Он сделал глубокий вдох.— Если *P* равно не-*Q*, *Q* включает в себя не-*P*, что равносильно либо утверждению *P*, либо *Q*, но не обоим одновременно, но если не-*P* не является частью не-*Q*... Войдите, миссис Лэд.

Домохозяйка Ши открыла дверь и заодно открыла было рот, собираясь что-то сказать. Но это «что-то» так и не последовало. С разинутым ртом она уставилась на парочку респектабельных психологов, стоящих бок о бок посреди комнаты в средневековых нарядах с рюкзаками за спиной. Взявшись за руки, в свободных руках они держали какие-то бумажки. Чалмерс зарделся от смущения.

Ши как ни в чем не бывало поклонился:

— Мы проводим один эксперимент, миссис Лэд. Некоторое время нас, скорее всего, не будет. Если мистер Байярд станет нас спрашивать, впустите его и передайте, что он может просмотреть бумаги в правом верхнем ящике. И отправьте, пожалуйста, вот это письмо. Спасибо.— Чалмерсу он объяснил: — Это Герт. Пишу, чтоб не тратила зря деньги, посылая на наши розыски Джонсона.

— Но, мистер Ши...— начала было домохозяйка.

— Прошу вас, миссис Лэд. Можете посидеть и посмотреть, если хочется. Поехали, доктор,— вывод, связанный с отноше-

ниями между двумя классами, может быть извлечен даже в том случае, если доказательство относится лишь к части некоего третьего класса, с которым связаны оба предыдущих. Вне зависимости от того, истинные или ложные суждения относятся к некоему классу, он может рассматриваться аналогично всему тому, что, по некоему утверждению, содержится в том классе...

Обширный бюст наблюдавшей за происходящим миссис Лэд взволнованно колыхался, глаза все больше вылезали на лоб. Материала для пересудов со знакомыми кумушками набрала она уже на месяц вперед.

Пуф-ф! Произошло некое движение воздуха, от которого затрепыхались бумаги на столе и из пепельниц полетел пепел. Испуганно подобравшись, миссис Лэд протянула трясущуюся руку туда, где только что находились оба ее дико вырядившихся постояльца.

Рука ее провалилась в пустоту.

2

Чалмерс заговорил первым:

— Потрясающе! Честное слово, не думал, что это так просто!

— Угу.— Ши огляделся, подняв голову и принюхиваясь.— По-моему, очень похоже на самый обычный лес. Слава богу, хоть не такой дубак, как в прошлый раз.

— По-моему... по-моему, тоже. Хотя я, скажем, далеко не уверен, что могу точно сказать, какой породы вон то дерево.

— Я бы его определил как что-то вроде эвкалипта,— отозвался Ши.— Значит, климат должен быть сухой и теплый. Но взгляните, где расположено солнце. Дело, похоже, к вечеру, так что лучше бы нам пошевеливаться.

— Голубчик вы мой, да разве я против? В какую сторону вы полагаете направиться?

— Понятия не имею, но попробую выяснить.

Ши сбросил рюкзак и полез на ближайшее дерево. Вскоре сверху послышался его голос:

— Особо ничего не видать. Хотя минуточку — вон там какой-то склон.— Чуть не оступившись, он махнул рукой и, осыпаемый дождем из ободранной коры и листьев, соскользнул вниз.

Они быстро направились в сторону неведомого склона в надежде обнаружить речную ложбину, вдоль которой вполне могли

повстречаться какие-нибудь признаки человеческого жилья. Где-то через полмили их внезапно остановил некий скребущий звук. Осторожно, на цыпочках, прокравшись вперед, они выглянули из-за листвы. О дерево терся рогами огромных размеров пятнистый олень. Заслышав их, он вздернул голову, то ли чихнул, то ли фыркнул, и грациозно ускакал прочь.

— Если он только сбрасывает кожицу с рогов, то, должно быть, сейчас либо конец лета, либо начало осени,— заметил Ши.

— А я и не знал, Гарольд, что вы настолько разбираетесь в лесных премудростях!

— Да ладно вам, док... Доктор, у меня и вправду есть кое-какой опыт. А это еще что?

«Оу-воу!» — донеслось до них откуда-то издали какое-то странное, чуть ли не музыкальное ворчание, будто кто-то случайно зацепил струну «до» на виолончели.

Чалмерс поскреб подбородок:

— Весьма похоже на льва. Как-то я не рассчитывал столкнуться в здешних краях со львами.

Рык послышался снова, на сей раз несколько громче.

— Не зарекайтесь, доктор,— сказал Ши.— Если вы как следует читали Спенсера, то должны знать, что львов тут как собак нерезаных, не считая всяких верблюдов, медведей, волков и зубров, равно как и таких представителей человеческой фауны, как великаны и сарацины. Не говоря уже о Звере Рыкающем, который и сам по себе страшилище, каких свет не видал, да еще и забалтывает людей до смерти. Меня сейчас больше заботит, что львы умеют лазить по деревьям.

— Господи помилуй! Не знаю уж, как там львы, но боюсь, что сам-то я в этом деле не мастак. Давайте-ка поспешим.

Они быстро зашагали через лес — лес, который то и дело перемежался открытыми полянами, поросшими низким кустарником, и был изрезан неведомо куда ведущими тропинками. Под порывом легкого ветерка у них над головами зашелестели листья. Вновь донесся кашляющий рык льва, и Ши с Чалмерсом, не сговариваясь, помчались рысью. Вскоре, обменявшись взглядами, они опять перешли на шаг.

— Вообще-то полезно в моем возрасте,— отдувался Чалмерс,— малость... уф-ф... поупражняться подобным образом.

Ши ухмыльнулся уголком рта. Они вышли на край луга, который простирался на полсотни ярдов вниз по склону холма. За

деревьями на дне ложбины, судя по всему, и скрывалась речка. Ши еще раз вскарабкался на дерево, дабы обозреть окрестности. За рекой, за ее широкими, отмелыми берегами, стоял замок, издали казавшийся совсем маленьким и ярко-желтым в лучах заходящего солнца. Над крошечными башенками лениво трепыхались флажки. Ши громко известил об этом стоящего внизу Чалмерса.

— Вы можете разобрать, что там изображено на флажках? — задрав голову, крикнул Чалмерс.— Я раньше... я не так уж плохо разбираюсь в геральдике! Было бы разумней сначала хоть что-нибудь выяснить о характере этого заведения.

— Ни черта не разобрать,— ответил Ши и полез вниз.— Ветра почти нет, а они слишком далеко. Как бы там ни было, лучше попытать счастья в замке, чем угодить льву на ужин. Пошли.

С теми же интонациями, с какими диктор на вокзале объявляет, что скорый поезд на Ист-Чикаго, Лапорте и Саут-Бенд прибывает на восемнадцатый путь, чей-то голос провозгласил:

— Кто вступить желает в замок Колтрокский?

Никого не было видно, но глаза путешественников уловили на одном из выступающих балкончиков, где цепи подъемного моста уходили в стену, какое-то металлическое поблескивание. Ши провопил заранее отрепетированный ответ:

— Путники, а именно Гарольд Ши, джентльмен и сквайр, и Рид Чалмерс, паломник!

«Интересно, что бы они сказали насчет "джентльмена",— подумал Ши,— если бы узнали, что мой папа служил главным бухгалтером на консервной фабрике?»

Назад прилетел ответ:

— Для героев и дам лишь сей замок! Паломник святой может войти именем Божиим, джентльмен же не будет допущен сюда, ежели не сопровождает его прекрасная дама, ибо таков обычай сего замка!

Ши с Чалмерсом обменялись взглядами. Последний счастливо улыбался.

— Потрясающая избирательность! — пробормотал он.— Попали в самую точку — как раз в самое начало четвертой книги Спенсера...— Тут голос его увял, а лицо вытянулось.— Я не совсем представляю, как поступить с вами, если...

— Валяйте входите. Мне приходилось ночевать под открытым небом.

— Но...

В этот самый момент сдвижная решетка ворот замка заскрипела, и оттуда кубарем вылетел какой-то человек в доспехах, судя по всему получивший увесистый пинок под зад. Прогремел издевательский хохот. Вслед за ним в открытый проем ворот пропихнули лошадь. Подобрав поводья, человек направился к ним. Ростом он был невысок, с коротко подстриженными волосами. Шрам, пересекающий угол рта, скорбно вытянулся.

— Привет,— сказал Ши.— Тебя что, вышибли?

— Зовусь я Хардимур. Увы! Уж ночь на дворе, а будучи без дамы, выставлен я с пира веселого на произвол судьбы.— Он криво улыбнулся.— А как зовешься ты? О нет, поведай мне об этом немного погодя, ибо узрел я, что приближается сюда мой обед и ночлег, восседая на спине скакуна резвого!

Путешественники вслед за Хардимуром обернулись в направлении его взгляда. Через ровный луг скакали две лошади, неся на себе рыцаря в доспехах и его даму. Дама, бочком восседающая в седле, была разодета в пышные, со множеством хвостов, и довольно непрактичные на вид наряды.

Коротышка рыцарь взлетел в седло с легкостью довольно удивительной, если учесть вес понавешанных на него скобяных изделий.

— Защищайся, о рыцарь, или сразу откажись от своей дамы! — завопил он, с лязгом захлопывая забрало.

Лошадка поменьше, та, что с дамой, шарахнулась в сторону. Ши аж присвистнул, когда получше разглядел всадницу — стройную бледную девушку, нежный изгиб бровей и вообще все черты лица которой были столь безупречны, будто сошли со старинной камеи. Второй всадник, не произнеся ни слова, сорвал со своего щита матерчатый чехол, открыв черное поле, на котором яркими серебряными точками выделялись наконечники сломанных копий. Вперед он выставил длинную черную пику.

Зубцы замковых башен облепили головы зевак. Ши почувствовал, что Чалмерс тянет его за рукав.

— Этот сэр Хардимур сейчас заработает по первое число,— зашептал пожилой психоаналитик.— Чернь, усыпанная обломками копий,— герб Бритомарты!

Ши наблюдал за рыцарями, пустившими своих коней в тяжелый галоп. Ба-бам! — грохнули копья о щиты, рассыпая в сумерках искры. Голова выставленного из замка коротышки резко от-

кинулась назад, ноги взлетели вверх, и, перекувыркнувшись в воздухе, он воткнулся головой в землю и покатился по ней со звоном, какой производит тридцатифутовая цепь, сброшенная на чугунную крышку канализационного люка.

Приезжий рыцарь натянул поводья, развернул лошадь и шагом поехал назад. Ши с Чалмерсом бросились туда, где распластался сэр Хардимур. Вид у того был крайне плачевный, но коротышка, похоже, подавал признаки жизни. Пока Ши неловкими пальцами возился с застежками шлема, он с обалдевшим видом приподнялся и помог их расстегнуть, после чего глубоко вздохнул.

— Пречистая Дева! — заметил он с унылой ухмылкой.— Стаивал я в сече и перед самим Бландамуром Железной Рукой, но удара столь жестокого в жизни еще не получал! — Он поднял взгляд на сразившего его рыцаря, который тем временем приблизился к ним.— Не рассчитал я, как видно, своих амбиций! Так кому же обязан я удовольствием ночь провести под пение сверчков?

Его противник откинул забрало, открыв свежее юное лицо.

— Могу заверить тебя,— произнес он звонким высоким голосом,— что столь знатному и благородному рыцарю, как ты, о юный сэр, не придется ночевать среди сверчков и прочих страшилищ, ибо в силах моих помочь тебе. Эй, стражник!

Из-за решетки ворот высунулась голова охранника.

— Ваша милость?

— По-честному ли завоевано мною право вступить в замок Колтрокский в качестве рыцаря вон той дамы?

— Истинная правда!

Рыцарь поломанных копий на аспидном поле обеими руками ухватился за свой шлем и сдернул его с головы. Словно брызнувшие из-за тучи солнечные лучи, рассыпались из-под него длинные золотистые локоны, струясь до самого его... то есть ее пояса. Ши услышал за спиной кудахтанье Чалмерса:

— Я же говорил, что это Бритомарта!

Теперь он и сам вспомнил, что Бритомарта была в «Царице Фей» той самой юной воительницей, которая могла запросто побить львиную долю противников мужского пола.

А она тем временем продолжала:

— А теперь заявляю я, что являюсь дамой того доброго рыцаря, который потерпел пораженье, и, поскольку есть теперь у него дама, имеет он право войти.

Стражник озадаченно поскреб подбородок:

— Момент, без сомненья, весьма тонкий! Ежли являешься ты ее рыцарем — и при этом его дамой,— то как она может быть твоей дамой, а он твоим рыцарем? Подумать только! Голову даю на отсеченье, что случай этот из тех, что и сам сэр Артегаль не распутал бы до скончанья дней своих! Входите же, все трое!

— Пардон, мисс,— вмешался Ши,— а нельзя ли и мне к вам присоседиться, скажем, в качестве кавалера вашей подруги?

— Не можно, сэр, поступить тебе так,— ответила она довольно надменно.— Ничьей не будет она дамою, покуда не верну я ее законному супругу, ибо она — та самая леди Аморета, что похищена была коварно из супружеских объятий колдуном Базираном. Ежели желаешь ты стать ее рыцарем, испробуй на себе судьбу сэра Хардимура!

— Хм-м,— задумался Ши.— Но вы-то сами собираетесь войти в качестве дамы Хардимура?

Все закивали. Он обернулся к упомянутому:

— Будь у меня лошадь и все причиндалы, сэр рыцарь, я бы с тобой по полной программе сразился за право стать кавалером мисс Бритомарты. Но при таком раскладе вызываю тебя на поединок пешим ходом — на мечах и безо всяких там доспехов.

На иссеченной шрамами физиономии Хардимура отразилось изумление, сменившееся чем-то вроде удовольствия.

— Вообще-то вызов сей из странных...— начал он.

— Хотя и не из неслыханных,— перебила его величавая Бритомарта.— Помнится мне, сэр Артегаль бился раз таким же манером с тремя разбойниками.

Чалмерс опять тянул Ши за рукав.

— Гарольд, я полагаю, что более неразумного...

— Ш-ш! Я знаю, что делаю. Ну так как, сэр рыцарь?

— Годится!

Сэр Хардимур торопливо выбрался из своего стального кокона и шагнул вперед, неуверенно нащупывая ногами мягкую траву, по которой привык разгуливать исключительно в металлических ботинках.

Топнув ногой, Хардимур пару раз взмахнул мечом, держа его обеими руками. Потом он перебросил его в одну и двинулся к Ши. Тот спокойно поджидал, балансируя в фехтовальной стойке. Хардимур нанес пару пробных ударов, которые Ши легко пари-

ровал, после чего, почувствовав, что держится на ногах достаточно уверенно, взмахнул мечом уже с куда более серьезными намерениями. Ши подобрался и сделал резкий выпад, метясь в открытую правую руку Хардимура. Промахнувшись, он отскочил назад, прежде чем меч рыцаря успел опуститься, сверкая красными бликами закатного солнца.

Как только клинок оказался внизу, Ши отбил его в сторону, внимательно следя, чтобы тяжелый меч не сошелся с его тонкой шпагой под прямым углом. Хардимур опять пошел в атаку, намереваясь с размаху обрушить меч прямо на голову Ши, но тот быстро поднырнул под него и кольнул Хардимура в руку прежде, чем тот успел отпрянуть. Ши услышал взволнованное сопение Чалмерса и подбадривающее замечание Бритомарты: «Ловко проделано, ох и ловко!»

Хардимур снова попер вперед, размахивая мечом. Ши парировал, сделал выпад, промазал еще раз, но стойку сохранил и, отступая, как следует продырявил рыцарю руку. Тонкий, как игла, клинок вошел в мышцы, словно в масло. Бритомарта захлопала в ладоши.

Ши выдернул клинок и отскочил, по-прежнему держа перед собой подрагивающую шпагу.

— Ну что, довольно? — поинтересовался он.

— Клянусь стигмами Христа, нет! — проскрежетал Хардимур. Рукав его рубахи окрасился алым, сам он обливался потом, но выглядел еще вполне угрожающе.

Слегка поморщившись, он взмахнул мечом, держа его обеими руками. Шпага тут же метнулась вперед, распоров уже основательно набухший от крови рукав. На мгновение он нерешительно замер, а потом выставил меч перед собой, пытаясь перенять фехтовальную стойку Ши. Пару раз Ши со звоном отбивал неприятельский клинок вбок, а затем, связав его приемом, известным под названием «октава», сделал быстрый выпад. Хардимура спасло только то, что как раз в этот момент он оступился, чуть не упав на спину. Ши последовал за ним. «Фик-фик-фик!» — посвистывал тонкий клинок. Глаза перепуганного Хардимура бегали за ним как зачарованные. Он попытался было отразить повторный укол, но был уже неспособен управляться со своим тяжеленным клинком. Ши заставил его беспорядочно отступить, спровоцировал открыться и выбросил руку со шпагой вперед. Он

едва успел остановить наверняка смертельный удар, так что острие клинка лишь слегка коснулось груди коротышки. Хардимур шагнул назад, но нога его не встретила никакой опоры. Руки его взметнулись вверх, а меч, крутясь в воздухе, полетел назад и плюхнулся в ров. Вслед за ним, подняв тучу брызг и огромную волну, последовал и сам сэр Хардимур.

Когда его физиономия, вся облепленная тиной, показалась на поверхности, Ши уже стоял на коленях у края рва.

— Бульп... пуф-ф... уф!.. помогите! — завопил Хардимур.— Я плавать не умею!

Ши протянул ему посох Чалмерса. Вцепившись в него, Хардимур выбрался на сушу. Едва поднявшись на ноги, он обнаружил, что неугомонная шпага опять подрагивает прямо у него перед носом.

— Ну так как, сдаешься? — поинтересовался Ши.

Хардимур подслеповато моргнул, выплюнул изо рта воду и преклонил колено.

— Прошу пощады,— неохотно выдавил он, тут же добавив: — Проклятье! В следующий раз я обязательно сражу тебя, мастер Гарольд!

— Но сейчас-то победил я,— заметил Ши.— В конце концов, я тоже не большой любитель спать со сверчками!

— Очень рад я, что не придется тебе ночевать подобным манером,— совершенно искренне отозвался Хардимур, ощупывая поврежденную руку.— Дважды повержен был я с позором на глазах благородных дам и господ из замка Колтрокского, и горечь разлилась на сердце моем. А потом лишился я дамы!

К разговору присоединился Чалмерс:

— А нет ли в замке каких-нибудь особых правил впуска для инвалидов или вообще терпящих бедствие?

— Представляется мне, что это как раз для меня. Хворые или увечные рыцари могут войти в него и оставаться до тех пор, покуда полностью не оправятся.

— А это мысль! — сказал Ши.— У тебя рука и за пару месяцев не заживет.

— Не исключено, что в результате купания вы еще и подхватили насморк,— внес предложение Чалмерс.

— Благодарствую, о почтенный паломник! Не исключено, что и подхватил.

В порядке эксперимента Хардимур чихнул.

— Побольше чувства! — посоветовал Ши.

Хардимур последовал этому совету, разразившись надсадным кашлем.

— Горе мне, иссушает меня лихорадка! — завыл он, подмигивая.— О добрые люди из замка, бросьте мне хоть какие-нибудь лохмотья завернуться, ибо погибаю я окончательно! О-о-оу!

При этом он весьма натурально рухнул на землю. Они дружно подхватили его и, поддерживая со всех сторон, поволокли к подъемному мосту. На сей раз у стражника возражений не возникло.

3

Как только они миновали сдвинутую наверх решетку ворот, послышалось дудение трубы. Она испустила четыре ноты, на последнюю из которых у трубача, видно, не хватило воздуха в легких. Когда путники вступили в мощеный двор замка, их сразу облепил целый рой мальчишек-пажей, наряженных в яркие разноцветные костюмы. Болтали они без передышки, но дело свое, похоже, знали. Разбившись на пары, они тут же присоединились к каждому из гостей и повели их ко входу в высокое, сложенное из серого камня здание, которое возвышалось на противоположной стороне двора.

Ши тоже взяла на буксир пара юнцов, глазевших на него с полнейшим восхищением. На каждом из них были средневекового кроя штаны в обтяжку, с одной штаниной красной, а другой белой. Когда под их руководством он принялся взбираться по винтовой лестнице, один из мальчуганов пропищал:

— Так вы всего лишь оруженосец, сэр?

— Ш-ш! — вмешался другой.— Где твои манеры, Бевис? Сам лорд еще и слова не вымолвил!

— Да-да, верно,— откликнулся Ши.— Да, я всего лишь оруженосец. А почему, кстати?

— Потому что вы так здорово фехтуете, почтенный сэр.— Вид у мальчишки стал задумчивый.— А вы мне как-нибудь покажете тот фокус, как выбить вражеский клинок, почтенный сэр? Я мечтаю зарубить какого-нибудь колдуна.

Наконец они добрались до входа в длинную комнату с высоким потолком, в углу которой стояла огромных размеров кровать с пологом на четырех столбиках. Один из пажей забежал вперед

и, опустившись на колени перед креслом со скрещенными ножками, торопливо протер его, дабы Ши мог усесться. Когда Ши расположился в кресле, другой отстегнул его пояс со шпагой, а первый выбежал из комнаты. Через мгновение он уже вернулся, таща большой медный таз, над которым поднимался пар, и перекинув через руку полотенце.

Ши догадался, что ему предлагают вымыть руки. Они и впрямь в этом здорово нуждались.

— От имени Колтрокского замка,— произнес маленький Бевис,— приношу вашей светлости глубочайшие извинения за то, что не могу предложить вам ванну. Но обеденный час уж столь близок...

Тут его прервал ужасающий рев множества труб, большей частью фальшивящих и дудящих, что называется, кто в лес, кто по дрова. Подобная какофония могла по меньшей мере возвещать о наступлении нового года.

— Трубят на обед! — переполошился паж, к некоторому смущению Ши вытирая ему руки.— Пойдем!

За стенами замка уже стемнело. На винтовой лестнице, по которой они совсем недавно поднимались, было темно, как в сундуке. К счастью, паж вел его за руку. Мальчуган уверенно спустился вниз и пересек небольшой зальчик, на стене которого из железного гнезда торчал один-единственный факел. Распахнув двери, он тонким голоском объявил:

— Мастер Гарольд де Ши!

Помещение, которое открылось их взорам, оказалось просторным, по меньшей мере пятидесяти футов в длину и примерно столько же в ширину, и было довольно неважно — конечно, по американским меркам — освещено вперемежку понатыканными по стенам факелами и тонкими свечками. Ши, который совсем недавно побывал в куда более мрачно иллюминированном обиталище Посредника Сверра, счел освещение достаточным, чтобы разглядеть заполнивших комнату кавалеров и дам. Те, оживленно болтая, через высокую арку в дальнем ее конце по очереди выходили в обеденный зал.

Чалмерса видно не было. Британарту он углядел в нескольких футах от себя. За исключением его самого в помещении она оказалась самой высокой и вполне могла потягаться с его собственными пятью футами одиннадцатью дюймами.

Он направился к ней.

— Ну-с, благородный сквайр,— поприветствовала она его неулыбчиво,— коли уж пришлось мне стать твоею дамой, полагалось бы тебе сопроводить меня к столу по крайней мере. Разрешаю политесный поцелуй, только без всяких там вольностей, ясно?

Она подставила ему щеку, и, поскольку, судя по всему, это от него и требовалось, он ее поцеловал. Сделать это было нетрудно. Чуть-чуть макияжа, и она вполне могла бы послужить моделью тому же Джорджу Петти.

Направляемые маленьким Бевисом, они вступили в высокий обеденный зал, где их подвели к средней изогнутой части огромного подковообразного стола. Ши с удовлетворением отметил, что Чалмерс уже занял свое место всего в двух стульях от него. На одном из них пристроилась похожая на камею Аморета, которая, к очевидному смущению Чалмерса, выпаливала ему в ухо историю своих терзаний прямо-таки с быстротой пулемета.

— О, каким только мученьям не подвергал меня коварный изверг Базиран! — трещала она.— Стены темницы, в коей я томилась, озаряли похабные картины и образы. Он твердил, что милый мой Скадамур неверен мне, он обещал мне несметные сокровища в обмен на мою добродетель...

— А сколько раз в день он это требовал? — деловито поинтересовался сидящий напротив рыцарь, перегибаясь через стол.

— Ни разу не меньше шести,— гордо ответствовала Аморета,— а бывало, и целых двенадцать! И когда я отказывала ему, негодованьем кипя благородным, жуткие страсти, за границы человеческого разумения выходящие...

Ши только и слышал, как Чалмерс односложно бормочет:

— Скажите пожалуйста! Ай-ай-ай. Да неужели? Ой, и в *самом деле?*..

Рыцарь заметил:

— Сэр Скадамур по праву гордиться может такой супругою, столь благородною дамой, которая столько ради него вынесла!

— А на что еще она годится? — послышалась холодная реплика Бритомарты.

— Сказал бы я, на что она вполне годится,— присоединился к беседе Ши.

Девушка с полотна Петти резко повернулась к нему, голубые глаза ее ярко вспыхнули:

— Мастер оруженосец, инсинуации твои низки и с рыцарскою честью несовместимы! Выскажи их ты за воротами замка, доказала бы я их низость на тебе самом, мечом и пикою!

Как он не без некоторого изумления отметил, она и впрямь здорово разозлилась.

— Извини. Я просто пошутил,— заверил он.

— Целомудрие, сэр, не есть предмет для дурацких насмешек! — рявкнула она.

Прежде чем беседа успела потечь дальше, Ши аж подскочил при очередном ужасающем реве труб. В зал торжественно вступила колонна пажей, несущих серебряные тарелки. Ши заметил, что им с Бритомартой поставили одну на двоих. Оглядев стол, он обнаружил, что и каждую пару — рыцаря с дамой — обслужили подобным же образом. Очевидно, это тоже предусматривалось понятием «быть дамой» некоего рыцаря. Ши был бы не прочь поинтересоваться, не входит ли туда и еще чего, но после совершенно непредсказуемой реакции Бритомарты на довольно невинную шуточку в отношении Амореты попросту не осмелился.

Трубы протрубили снова, на сей раз возвещая о появлении колонны слуг, нагруженных подносами с яствами. То, что положили Ши с Бритомартой, оказалось огромным тортом, изысканно оформленным в виде пузатого средневекового парусника, на который, вооружившись разделочным ножом, тут же накинулся Бевис. Покуда он трудился, Чалмерс перегнулся через спину Амореты, дернул Ши за рукав и заговорщически заметил:

— Все идет по плану!

— Что это вы имеете в виду?

— Логические уравнения! Я посмотрел на них у себя в комнате. Поначалу вышла небольшая заминка, но стоило мне применить к ним заранее разработанный ключ, как все сразу стало на место.

— Выходит, вы и впрямь можете учинить какое-нибудь волшебство?

— Уже на практике убедился. Я попробовал для начала заколдовать кошку, которая там крутилась. Раздобыл несколько перьев и прочел заклинание, чтобы у нее выросли крылья.— Он хихикнул.— Осмелюсь предположить, что среди птиц в соседнем лесу сегодня будет небольшой переполох. Она вылетела в окно.

Ши почувствовал, что с другого бока его толкают локтем, и повернулся лицом к Бритомарте.

— Будет ли милорд, по праву своему, угощаться первым? — поинтересовалась она, указывая на тарелку.

При этом на лице ее совершенно ясно была написана надежда на то, чтобы всякий, кто решился бы воспользоваться этим правом, подавился первым же куском. Ши секунду ее разглядывал.

— Ни в коем случае,— ответил он.— Ешь первая. В конце концов, рыцарь-то ты получше, чем я. Если б ты не насадила Хардимура на пику и не подорвала его силы и дух, я бы в жизни его не одолел!

Улыбка Бритомарты ясно сказала ему, что психологию ее он вычислил правильно.

— Благодарю,— произнесла она с чувством, протягивая руку к груде мяса, показавшейся из-под кондитерского парусника, и запихивая в рот приличных размеров кусок. Ши последовал ее примеру, но подскочил чуть ли не до потолка и тут же схватился за стоящий перед ним кубок с вином.

Вкус у мяса оказался просто-таки непередаваемым. Оно и пересоленное было, и до приторности сладкое, и смешались в нем чуть ли не все существующие вкусы и запахи, которые тем не менее крепко забивал ужасающей остроты чесночный дух. Когда Ши припал к кубку, на глаза его навернулись две крупные страдальческие слезы.

Вино жутко отдавало корицей. Слезы покатились дальше по щекам.

— Ах, добрый сквайр Гарольд,— донесся до него голос Амореты.— Не удивляет меня, что рыдаешь ты над рассказом о страданьях, кои я перенесла! Мыслимо ли дело, чтобы честная дама столь страшным мученьям и низким домогательствам подвергалась?

— Что же до меня,— заметил сидящий за ними рыцарь,— то думается мне, что Базиран этот — подлый и трусливый негодяй, и с удовольствием великим и желанием страстным взялся бы я положить конец его пакостям!

Бритомарта жестко усмехнулась:

— Не столь проста сия задача, сэр Эриван. Во-первых, следует знать тебе, что укрылся Базиран в дремучих лесах, где обитают лозели, кои ужаснейшие создания хоть наполовину и на людей похожи, но тем не менее человеческой плотью питаются. Очень трудно одолеть их. Во-вторых, Базиран этот ловко упрятал свой замок искусством магическим, так что найти его нелегко. А в-третьих, стойкий боец он и воин могучий, и устоять перед ним лишь немногие смогут. Во всем Царстве Фей знаю лишь двоих я, кто сумел бы его сразить.

— И кто же они? — спросил сэр Эриван.

— Первый — сэр Кэмбелл. Рыцарь он и сам великой доблести, а, кроме того, супруга его Камбина — искусница великая в магии белой, что одолеть способна и лозелей, и Базирана чары. Другой — собственный милый мой лорд и обрученный жених сэр Артегаль, юстициарий царицы нашей.

— Куда смотрела ты! — жалобно воскликнула Аморета.— Он тоже проходу не давал мне вниманьем своим! О, как страдаю я! О, как я всегда...

— Ш-ш, Аморета! — принялся успокаивать ее Чалмерс.— Гляди, детка, еда стынет.

— Как верно глаголишь ты, добрый паломник!

С бледной прекрасной щечки Амореты скатилась слеза, а сама она, ухватив с блюда кусок потолще, мигом запихнула его в рот. Работая челюстями, она еще пыталась восклицать:

— О, что бы делала я без добрых друзей, что поддерживают меня во всем!

Отсутствием аппетита эта хрупкая на вид барышня, как видно, не страдала.

Трубы возвестили перемену блюд, и как только одни слуги унесли пустые тарелки, другие тут же возникли с новыми. К каждой из пар подбежали пажи с металлическими чашами и полотенцами. Сидевший за Чалмерсом сэр Эриван поднял свой кубок, но тут же поставил его обратно.

— Эй, прислужник! — прогремел он.— Мой кубок пуст! Или в обычаях это замка Колтрокского, чтобы гости погибали от жажды?

Слуга дал сигнал другому, и к сэру Эривану, отвесив поклон, тут же подлетел крошечный морщинистый человечек в отороченной мехом ливрее.

— О милосердный лорд,— с ходу затараторил он,— молю тебя о прощенье! Увы, диковинная напасть поразила вино, и все оно скисло — все вино в Колтрокском замке! Добрый отец Монтелиус

прочитал над ним экзорсизм, да совсем без толку. Должно быть, тяготеют над ним слишком уж могущественные злые чары!

— Что?! — взревел сэр Эриван.— Семь тысяч демонов из геенны огненной, неужели ты полагаешь, что теперь мы должны пить *воду?* — Пожимая плечами, он тут же повернулся к Чалмерсу: — Сам видишь, каково это, почтенный сэр! С каждым днем вокруг нас, рыцарей Царства Фей, все тесней сжимается кольцо черного колдовства, и не ведаем мы, что нам делать. Нет сомнений у меня, что и предстоящий турнир отметит оно знаком беды.

— Какой еще турнир? — заинтересовался Ши.

— Турнир, который устраивает Сатиран, лесной рыцарь, в своем стоящем среди лесов замке, в трех днях пути отсюда. Принять участие в нем — большая честь и добрая забава. Состоятся боевые поединки там, кои завершатся всеобщей боевой потехою, на званье лучшего из рыцарей, а потом — турнир красоты среди дам. Слыхал я, что наградою первой красавице станет пояс леди Флоримели, что лишь истинное целомудрие опоясывать может.

— О, как напугал ты меня! — воскликнула Аморета.— Понимаешь ли, похищена была я как раз во время турнира. И теперь вряд ли отважусь я посетить предстоящий, если ожидаются там колдуны. Подумать только — ведь кто-то из них может одолеть других храбрецов, и отдана я ему буду по праву!

— Среди претендующих на тебя обязательно буду я,— не без высокомерия заметила Бритомарта.

Ши спросил:

— А что, победитель среди мужчин в качестве приза получает победительницу конкурса красоты?

Сэр Эриван поглядел на него с некоторым изумлением:

— Изволишь шутить ты, о... Нет, видно, и впрямь чужестранец ты и порядков наших не знаешь. Да, таков обычай в Царстве Фей. Равно как, увы мне, и все эти колдуны с их злыми чарами.

Он уныло покачал головой. Ши продолжал:

— Слушай, а мы с моим другом Чалмерсом вполне сумели бы вас тут слегка выручить.

— Каким же это образом?

Чалмерс делал титанические попытки заставить его умолкнуть, но Ши не обращал на них внимания.

— Мы и сами малость сечем в магии. Да не переживай — магия белая, безо всяких там примесей, вроде как у той Камбины,

про которую вы тут говорили. Вот, скажем... Док, как по-вашему: можем мы тут чего придумать с этим вином?

— Ну... кхе-гм... в общем... Полагаю, что можем, Гарольд. Но не кажется ли вам...

Ши не стал дожидаться возражений.

— Если вы все наберетесь терпения,— объявил он,— мой друг паломник малость поколдует. Что вам потребуется, док?

Чалмерс наморщил брови:

— Так, где-то галлон или чуть больше простой воды, раз. Пожалуй, несколько капель хорошего вина — это два. Немного винограда и лаврового листа...

Кто-то перебил его:

— Легче луну достать с небосклона, чем винограду раздобыть в Колтроке! На прошлой неделе налетели на виноградники тучи прожорливых птиц, и не осталось там ни ягодки, ни листочка! Ясно дело — злых чародеев была работа, уж очень они нас не любят.

— Какой кошмар! А бочонок тут какой-нибудь найдется?

— Чего-чего, а их-то здесь навалом. Эй, Рудигер,— пустой бочонок!

Бочонок выкатили на середину стола. Завидев приготовления, гости загомонили. Было запрошено и отвергнуто еще несколько исходных ингредиентов, пока на столе не возникла груда кусков засахарившегося меда, плохо очищенного и явно не предназначенного для стандартной фасовки.

— Думаю, что вместо сахара сойдет, раз уж ничего другого нет,— бросил Чалмерс, обращаясь к Ши.

В качестве карандаша Чалмерсу послужил уголек из печи. На каждый из ломтей засахарившегося меда он нанес по букве — «О», «С» или «Н». В центре образованной столами подковы прямо на каменном полу развели небольшой костер. Часть меда Чалмерс растворил в небольшом количестве воды, воду вылил в бочонок и бросил туда же несколько соломинок. Оставшиеся ломти меда он принялся раскладывать перед собой на столе, будто играя сам с собой в домино, и при этом декламировал:

Все чаще сквозь пучину дней и лет
Проделки прежние мои... гм... смущают думы,
Все чаще в прошлом я ищу ответ:
С чего так мрачны мы, тоскливы и угрюмы?

Так пусть же то, что утешало нас,
Возникнет будто из волшебной пустоты,
Изгнав из сей компании тотчас
Нытье со скукой — воздержания черты!
Оборотись, вода! Водою будучи, не станешь хуже ты!

Произнеся эти слова, он сдвинул вместе несколько кусочков меда, расположив их таким образом:

Н Н
Н С О О Н
Н Н

— Силы небесные! — воскликнул какой-то рыцарь с короткой бородкой, вскочив и сунув нос в бочонок.— У паломника получилось!

Чалмерс опустил туда кубок, разогнал плавающую на поверхности солому, зачерпнул и отпил.

— Господи благослови! — пробормотал он.

— Что это, док? — спросил Ши.

— Отведайте,— сказал Чалмерс, протягивая ему кубок.

Ши отведал — и второй раз чуть не опрокинул стол.

Жидкость в кубке оказалась лучшим шотландским виски, которое он когда-либо пробовал.

Томимый жаждой, сэр Эриван забеспокоился:

— Уж не беда ли какая приключилась с вашим волшебным вином?

— Все в порядке,— заверил его Чалмерс,— за тем исключением, что оно довольно... гм... крепкое.

— Можно ли отведать его, сэр паломник?

— Запросто,— отозвался Ши, передавая кубок дальше.

Сэр Эриван действительно запросто приложился к кубку, но тут же разразился надсадным кашлем.

— Вот это да! Напиток богов олимпийских! Да и то если у богов тех глотки луженые! Однако, как бы ни было там, желал бы я еще!

Следующую порцию виски Ши разбавил водой и только потом передал слуге, который обнес ею стол. Попробовав напиток, рыцарь с короткой бородкой недовольно скорчил рожу.

— Насколько разумею я, по вкусу не вино это вовсе.

— Правдиво отмечено,— откликнулся Эриван.— Настоящий это нектар, и чюссьтвуешь себя потом ну просто з-замечательно! Дайте еще, заклинаю вас!

— Можно и мне чуть-чуть попробовать? — застенчиво попросила Аморета.

Чалмерс с несчастным видом огляделся. Вмешалась Бритомарта:

— Прежде, чем выпьешь ты диковинного этого напитка, сама я его отведаю!

Подхватив кубок, который у них с Ши был один на двоих, она поспешно сделала порядочный глоток. Глаза у нее при этом вылезли на лоб и наполнились слезами, но в целом держалась она неплохо.

— М-м... крепковат для маленькой моей наперсницы,— выговорила она, когда сумела отдышаться.

— Но, леди Бритомарта...

— Нет! Не бывать тому... Нет, я сказала!

Слуги сбились с ног, разнося по столу виски. Там, где они уже успели побывать, разговоры становились громче, все чаще звучали довольно смелые шуточки и слышался хохот. Дальше вдоль стола уже начались танцы, если, конечно, можно назвать танцем занятие, когда постоянно держишь партнера за руку и кланяешься как заведенный. Ши и сам принял уже достаточно, чтобы его природная неугомонность начала выплескиваться наружу.

— Не желает ли дама моя пойти потанцевать? — отвесил он шутовской поклон Бритомарте.

— Нет,— молвила она важно.— Я не танцую. Не можешь и представить ты, какая ответственность лежит на плечах моих! Подлей мне еще, будь добр.

— Ой, да пошли! Я тоже не танцую, по крайней мере как тут принято. Но попробовать-то можно!

— Нет,— повторила она.— Бедняжка Бритомарта никогда не предается беззаботным увеселеньям! Всегда-то в делах, всегда борется с несправедливостью, являет собой высший образец целомудрия и порядочности — а вовсе не на это все привыкли обращать свои взоры!

Ши заметил, как Чалмерс наливает Аморете изрядную дозу виски. Красотка опрокинула ее одним махом и тут же с удвоенной скоростью принялась трещать про всякие жертвы, на кото-

рые ей пришлось пойти ради сохранения своей чистоты для супруга. Чалмерс вскоре начал оглядываться в поисках поддержки. «Так доку и надо»,— подумал Ши. Бритомарта тем временем тянула его за рукав.

— Какой позор! — вздохнула она.— Твердят все они, что Бритомарта, мол, не нуждается в мужской симпатии! Девушка, мол, она из тех, что и сами способны за себя постоять!

— Разве это так плохо?

— Жухе некуда. То-ись я хотела сказать, хуже некуда. Твердят они все — нету, мол, у Бритомарты чувства юмора! А все потому, что я просто исполняю свой долг. Добросовестно. Вот в чем вся штука. А вот *ты* — ты вот считаешь, что у меня есть чувство юмора, а, мастер Гарольд де Ши? — Она обличающе посмотрела на него.

В глубине души Ши полагал, что «они все» абсолютно правы, но тем не менее поспешно ответил:

— Ну конечно считаю, об чем речь.

— Ве-ли-ко-леп-но! Смягчается сердце мое от мысли, что хоть кто-то меня понимает! Ты мне нравишься, мастер Гарольд. Ты такой высокий — не то что все эти мелкие свиньи, а не мужики. Слушай, а *ты* не думаешь, что я слишком высокая, а? Ты бы не сказал, что я просто здоровая белая кобыла?

— Да что ты, бог с тобой!

— А ты бы не сказал, что я даже симпатичная?

— И еще как! — Ши гадал, наступит ли всему этому конец.

— Правда, действительно симпатичная, даже при моем росте?

— Конечно, честное слово, чтоб мне лопнуть.

Ши заметил, что Бритомарта готова в любой момент разразиться рыданиями. Чалмерс из последних сил пытался перекрыть словесный понос Амореты и помочь был явно не в состоянии.

— Уззасно славно! Я ну такая радостная, что хоть кому-то ндравлюсь как зенщина! Они вот все восщихяются, восщихяются, а за бабу никто не держит. Пример добродетели, мол, знамя ты наше! Щас шекрет тебе расскажу.

Она шарахнулась к нему в столь вызывающей манере, что Ши даже оглянулся посмотреть, не привлекают ли они чьего-нибудь внимания.

Внимания они не привлекали. Сэр Эриван с физиономией Гарпо Маркса гонялся между колонн за какой-то пухленькой, тоненько визжащей дамочкой. Танцоры уже отплясывали нечто вроде шейка. Из одного угла доносился бешеный рев — там шла оживленная игра в расшибалочку, и отдельные рыцари уже ставили на кон последние рубахи.

— Шекрет расскажу,— продолжала она, возвысив голос.— Осто-чер-тело мне быть примером добродетели, вот что! Хочу хоть разок побыть обычной зенщиной. Хоть разок. Вот так.

Она моментально сгребла Ши с его места, словно малого щенка завалила к себе на колени и поцеловала со всей нежностью взбесившегося торнадо.

С той же удивительной легкостью она приподняла его с колена и пихнула обратно на стул.

— Нет,— вымолвила она мрачно.— Нет. Отвесьтвенность! Приходится о ней помнить.— Крупная слеза скатилась у нее по щеке.— Пошли, Аморета. Спать пора.

Лучи раннего солнца не добрались еще до мощеного двора замка, когда Ши вернулся, улыбаясь до ушей. Он тут же поделился с Чалмерсом новостью:

— Надо же, док, серебро здесь обладает всеми видами стоимости! Лошадь с ослом в придачу стоит всего четыре доллара шестьдесят центов!

— Колоссально! А я опасался, что в обращении может быть какой-нибудь другой металл или что у них вообще не существует денег. А осел... э-э... ручной?

— Самое смирное и смышленое животное, которое я когда-либо встречал. А-а, привет, девчонки!

Приветствие было адресовано Бритомарте с Аморетой, которые только что вышли из своих покоев. Бритомарта уже нацепила доспехи, и из-под шлема на Ши глянула суровая, воинственная физиономия.

— Ну как вы после вчерашнего? — поинтересовался молодой человек, нимало этим не смутившись.

— В голове моей будто молотом по наковальне молотят, чтоб ты знал.— Она повернулась к нему спиной.— Пойдем, Аморета, лучшего нет бальзама, чем просто свежий воздух, и если отправимся мы немедля, то попадем в замок Сатирана вместе с теми, кто поскачет позже и быстрее, лошадей изнуряя и себя.

— Мы тоже туда собираемся,— сказал Ши.— Может, нам лучше поехать вместе?

— Ради нашей защиты, хотел ты сказать? Ха! Мало проку будет от шпильки твоей переросшей, случись нам ввязаться в настоящую битву. Или желаешь ты путешествовать под защитой моей руки? — Она потрясла ею с металлическим лязгом.

Ши ухмыльнулся:

— В конце концов, при нашей *теперешней* большой любви...

Он увернулся от грозящей оплеухи и быстро отскочил на безопасное расстояние. Подала голос Аморета:

— Ах, Бритомарта, окажи мне такую любезность — позволь им ехать с нами! Этот старый волшебник такой симпатичный!

Ши заметил, как Чалмерс испуганно вздрогнул. Но отступать уже было поздно. Когда женщины уселись на лошадей, за ворота они выехали все вместе. Ши двигался впереди рядом с погруженной в угрюмое молчание Бритомартой. Сзади до него доносились жизнерадостное щебетание Амореты и односложные реплики Чалмерса.

Дорога, которая представляла собой разве что верховую тропу, не носившую ни единого следа колес, шла параллельно речке. Поляны, которые то и дело попадались им на глаза поблизости от Колтрокского замка, встречаться постепенно перестали. Деревья все теснее обступали их со всех сторон и становились все выше и выше, и вскоре путешественники оказались в бесконечном полумраке, лишь кое-где тронутом яркими солнечными пятнами.

Часа через два Бритомарта натянула поводья. Когда подъехала Аморета, воительница объявила:

— Я купаться. Ты со мной, Аморета?

Девушка покраснела и глуповато улыбнулась:

— Но эти джентльмены...

— Будут джентльменами,— закончила Бритомарта, одарив Ши взглядом, в котором совершенно ясно читалось, что вести себя по-джентльменски ему стоит хотя бы в интересах собственной жизни и здоровья.— Мы покричим.

Протиснувшись меж двух замшелых стволов, она направилась вниз.

Мужчины отошли в сторонку и присели. Ши повернулся к Чалмерсу:

— Как продвигаются дела с магией?

— Кхе-гм. Похоже, мы как раз застали тот самый момент общего ухудшения обстановки,— отозвался профессор.— Судя по

всему, остальные это тоже сознают, но никому не понятно, в чем причина и что в связи со всем этим делать.

— А вам?

Чалмерс пощипал подбородок:

— На мой взгляд, можно было бы вполне... гм... обоснованно подозревать деятельность целой организации темных сил, заметную роль в которой играют всевозможные колдуны вроде упомянутого вчера вечером Базирана. На эту мысль меня навели случаи с разом прокисшим вином и потравой виноградников. Я ничуть бы не удивился, узнай, что затевается какой-нибудь тщательно законспирированный переворот. А цели и задачи такой подрывной деятельности, как бы они там ни декларировались, должны, несомненно, относиться к области морали и опираться на комплекс эмоциональных представлений, который немецкие философы окрестили громоздким, по обыкновению, термином «Weltansicht». Следовательно, они практически не поддаются научному...

— Все это замечательно,— перебил его Ши.— Только вот мы-то что тут могли бы сделать?

— Пока точно не знаю. Очевидным шагом было бы понаблюдать за этой публикой в деле и перенять кое-что из их техники. Предстоящий турнир... Господи милосердный, что это?

С реки донесся истошный визг. Ши секунды три ошарашенно пялился на Чалмерса, а потом вскочил и бросился на шум.

Продравшись сквозь плотные заросли кустарника, он увидел, что обе женщины по шею в воде сидят посреди небольшого речного плеса. А к ним, шлепая и поднимая брызги, спинами к Ши направляются две какие-то дикарского вида полуобнаженные личности в шотландских клетчатых юбочках. Личности что-то с хохотом орали.

И тут Ши сделал глупость. Выхватив шпагу, он съехал на заду с шестифутового берега и с воплями кинулся за пришельцами в воду. Те резко обернулись, выдернули из сыромятных перевязей палаши и в туче брызг бросились к нему. Тут он и понял свою ошибку: по колено в воде фехтовальные отскоки да выпады особо не поделаешь. В лучшем случае с одним бы справиться. А их двое...

Гарда шпаги громко и чисто зазвенела, принимая на себя первый удар. Ответный выпад прошел мимо цели, но тип в юбке слегка отпрянул. Уголком глаза Ши заметил, что второй забегает

сбоку, чтобы напасть на него со спины. Он парировал, кольнул и вновь парировал.

«У-лю-лю!» — завопил дикарь, замахиваясь еще раз. Ши на шаг отступил, чтобы второй оказался в поле зрения. На мгновение его сковал холодный страх, когда нога скользнула по невидимому под водой камню. Второй тут же набросился на него, обеими руками взметнув палаш для смертельного удара. «У-лю-лю!» — завопил он, как и первый. Ши с ужасом понял, что защититься уже не успевает...

Бамп! Внезапно от башки дикаря со стуком отскочил камень. Тот так и сел. Ши опять обернулся к первому и едва успел отразить удар, который чуть не снес ему голову. Первый «шотландец» разошелся не на шутку. Ши отпрянул еще на шаг, поскользнулся, скакнул вперед и вновь отступил. Вода вязко сковывала ему ноги. Отражать неистовые удары палаша напрямую он не решался, опасаясь сломать свой тонкий клинок. Еще один шаг назад, потом еще, и под ногами осталось не больше дюйма воды. Наконец-то! Отскок, петля, раз-два, *выпад!* — и острый, как игла, кончик шпаги прошил грудь противника насквозь. Ши выдернул свой клинок и увидел, как у того подломились колени. Дикарь повалился в воду.

Другой тем временем уже выбирался из воды чуть ниже по течению. Стоило Ши сделать по направлению к нему всего несколько шагов, как он торопливо вскарабкался на обрывистый берег и с быстротою лани помчался прочь. Пустая перевязь колотилась у него на спине.

— Можете выходить, джентльмены,— послышался голос Амореты.

Ши с Чалмерсом вернулись к реке и застали обеих девушек за просушкой волос, которые они распяливали на пальцах под лучами солнца.

— Это ведь ты бросила камень? — спросил Ши у Бритомарты.

— Да, это так. Не знаю, как выразить благодарность тебе, сквайр Гарольд. Милосердно прости меня, что назвала я смертоносный клинок твой детской игрушкой!

— Да ладно. Этот второй придурок зарезал бы меня, как курицу, если бы ты не запустила ему камнем в башку. Слушай, а чего вы застряли посреди этого плеса? Пара шагов — и вы на глубокой воде. Вы что, плавать не умеете?

— Плавать-то мы умеем,— отозвалась она,— но пришлось бы открыться нам во всем нашем целомудрии не перед кеми иными, как дикарями Да Дерга!

Ши не стал доказывать, что перед лицом смерти или участи, которая той же Бритомарте показалась бы еще хуже смерти, заботиться о сокрытии девичьих прелестей было просто глупо. Но золотоволосая красавица начала выказывать к нему более дружеское расположение, и подвергать его риску, обсуждая столь скользкие темы, ему ничуть не хотелось.

Когда они поехали дальше, Бритомарта оставила Аморету пытать Чалмерса бесконечной историей своих страданий и поскакала бок о бок с Ши. Тот воспользовался этим, чтобы задать несколько наиболее интересовавших его вопросов, стараясь особо не демонстрировать своего полного незнания местных условий и обстановки.

Бритомарта, как выяснилось, была одним из «кавалеров», а проще говоря, высших офицеров царицы Глорианы — в общем, из тех, кого принято называть старым франкийским термином «конт». Всего их было двенадцать, и в обязанности каждого входила борьба с несправедливостью в какой-то своей специальной области на территории Царства Фей.

«Так ты, выходит, вроде как в полиции служишь»,— подумал Ши. Он поинтересовался, существуют ли какие-то градации положения кавалеров и как они подразделяют сферы влияния.

— Зависит все от того, с чем приходится дело иметь,— рассказывала Бритомарта.— В вопросах, отношения между людьми включающих, более сильны столь доблестные и галантные рыцари, как сэр Кэмбелл и сэр Триамонд. Опять-таки, будь дело в правосудии и справедливости, последнее слово — за сэром Артегалем.

На этом последнем имени голос ее слегка дрогнул. Ши вспомнил, что Артегаля она уже упоминала прошлым вечером.

— А какой он из себя?

— О, уверяю тебя — отважен он и величествен, но негодяй, каких свет не видывал! — Она так пырнула коня шпорами, что он взвился на дыбы, и ей пришлось успокаивать его словами: «Тихо, Бертран!»

— Да неужели? — подначил Ши.

— На вид, ежели описать его, темен он волосом и суров лицом. Высок и силен он, и не выдержать натиска пики его ни Ры-

царю Красного Креста, ни самому принцу Артуру. Вот как познакомились мы с ним: сражались мы, и, хоть с копьем была я удачливей, в поединке на мечах поверг он меня оземь и совсем уж собрался прикончить, как вдруг понял, что я женщина. Я тут же в него влюбилась,— закончила она запросто.

«Довольно своеобразный метод завоевания девичьей благосклонности,— подумал Ши,— хотя чего там — и в том мире, откуда я сам, полным-полно девушек, которые только на такое обращение и клюют». Вслух он сказал:

— Надеюсь, он в тебя тоже влюбился?

Бритомарта несколько удивила его, тяжело вздохнув:

— Увы, о честный сквайр, признать я вынуждена, что не ведаю этого! Да, дал он зарок, что женится на мне, но столь часто то турнир у него, то подвиг очередной, что не знаю я даже, когда того события и ждать. Должны пожениться мы, когда вернется он назад, но стоит появиться ему в родных краях, так только и слышатся похвалы лишь отваге моей да силе и ни слова о том, что относится он ко мне как к женщине. Похлопает только по спине да вымолвит: «Молодчина, Бритомарта, так и знал, что на тебя можно положиться! Есть у меня для тебя очередная задача — дракон на сей раз!»

— Хм-м,— задумчиво протянул Ши.— Насколько я понимаю, о психологии тебе слышать не приходилось?

— О нет, в жизни о таком не слыхивала!

— Ты вообще-то хоть когда-нибудь наряжаешься? Я имею в виду — как все эти дамы в Колтрокском замке?

— Кой толк мне в мишуре подобной? Как исполнять смогу я обязанности свои кавалерские в сих пышных нарядах?

— А приходилось ли тебе закатывать глазки и говорить Артегалю, какой он хороший?

— Нет, спаси меня Господь! Да что решит он при виде столь нецеломудренной и нескромной выходки?

— Вот в том-то вся и штука — этого он как раз от тебя и ждет! Знаешь, в моих краях девушки в этом плане подкованы довольно неплохо, так что большинство таких фокусов я уже изучил. Я тебе кое-что покажу, а практиковаться можешь на мне. Я не возражаю.

Пообедали они в тот день не сказать чтобы особо плотно — подан был только бурого цвета хлеб и кусок сыра, которые Бритомарта извлекла из притороченного к седлу мешка. На ночлег

они устроились в постелях из мягко пружинящих папоротниковых лап, наваленных на землю слоем дюйма в три. На следующий день они отправились в путь в том же порядке. Чалмерс, как ни странно, ничуть не возражал, объяснив это так:

— Юная леди, вне всяких сомнений, излишне... гм... многословна, но ухитрилась дать мне массу полезной информации, связанной с методикой этого Базирана. Я, конечно, предпочел бы продолжить нашу беседу.

Как только они выехали на дорогу, Бритомарта подняла повыше забрало и, наклонившись к Ши, выпучила глаза.

— Ты, должно быть, ужасно устал, о дражайший милорд,— завыла она,— после битвы своей с великанами! Присядь ко мне, и поболтаем мы немного. Люблю я слушать...

Ши ухмыльнулся:

— Перебарщиваешь, старушка. Давай-ка еще разок.

— Ты, должно быть, устал... Боже, а это еще что?

Тропа тем временем повернула и вывела их на просторный плоский луг. Как только они оказались среди сияния солнца, дважды пронзительно пропела труба. На противоположной стороне луга блеснул металл. Ши увидел, как некий рыцарь, на щите которого змеились извилистые зеленые полосы, опустил копье и понесся к ним.

— Сэр Париделл, чтоб его! — рявкнула Бритомарта своим полицейским голосом.— Известный грубиян, пакостник и развратник! Ха! На ловца и зверь бежит. Глориана!

Последний выкрик уже глухо прогундел из-под шлема, поскольку она резко захлопнула забрало. Ее огромная вороная лошадь с торчащим над мордой копьем тяжело поскакала навстречу нежданному оппоненту. Они с грохотом сшиблись. Париделлу удалось усидеть в седле, но ноги его коня подкосились, и скакун вместе со всадником покатились по земле в клубах пыли.

Ши с Чалмерсом подбежали к нему практически одновременно и попытались сдвинуть лошадь в сторону. Когда они освободили Париделла от шлема, он дышал, но изо рта у него вытекала тоненькая струйка крови. Он был без сознания.

Ши мгновение не сводил с него глаз, охваченный внезапной идеей.

— Слушай, Бритомарта,— сказал он,— а нет ли каких-нибудь правил насчет доспехов этого малого? Мы не можем взять их себе?

Бритомарта без всякого сострадания оглядела поверженного противника:

— Поскольку коварный прохвост сей напал на нас первым, полагаю я, что принадлежат они мне.

— Прослышал, видать, он, что путешествую я с тобой,— пропищала Аморета.— Какой страшной опасности я избежала!

Ши было не так-то просто сбить с намеченной линии.

— Я вот думаю, нельзя ли мне как-то приспособить все это обмундирование.

Оруженосец Париделла, нескладный юнец с пушком на подбородке и закинутым за плечо рогом, уже успел к ним присоединиться и, склонившись над хозяином, пытался привести его в чувство, вливая в его стиснутый рот содержимое крошечной фляжки. Заслышав эти переговоры, он поднял взгляд.

— Нет, добрый сэр,— проговорил он, обращаясь к Бритомарте,— не суди его столь строго! Лишь мельком разглядел он вас и по ошибке принял даму эту за леди Флоримель.

Лицо Бритомарты вспыхнуло гневом.

— Вот оно как?! — взревела она.— Ну теперь если и не было у меня мыслей о трофеях, то заберу я даже то, что не нужно мне! Сэр, я Бритомарта, рыцарь из кавалеров, а этот Париделл твой — исключительнейший негодяй. А ну-ка рассупонивай латы!

— А как там насчет меня? — настойчиво напомнил Ши.— Этот турнир...

— Не можешь прибыть ты на турнир в рыцарских доспехах, рыцарем не будучи, о честный сквайр.

— Кхе-гм! — подал голос Чалмерс.— По-моему, мой юный друг послужил бы неплохим добавлением к рыцарскому двору вашей царицы Глорианы.

— Верно это, о почтенный сэр,— согласилась Бритомарта,— но не так-то легко и просто принять на себя долг рыцарский, как это кажется. Отстоять должен он бдение всенощное в часовне с оружием всем и доспехами, и поручиться за него при этом должны по меньшей мере двое уважаемых рыцарей. Или свершить он обязан доблестное и славное деянье на поле бранном. А сейчас не имеем мы ни того, ни другого, ни третьего.

— Вот, помню, Скадамур мой...— затянула Аморета. Но ее тут же перебил Чалмерс:

— А разве нельзя привести его к присяге, скажем, в качестве вашего заместителя или кого-нибудь в этом роде?

— Не существует...— начала было Бритомарта, но тут же запнулась.— А и верно — сейчас нет у меня оруженосца. И если ты, мастер Гарольд, готов дать клятву соответствующую и продолжить со мной путь в этом качестве — только без креста на шлеме, то можно это устроить.

Клятва оказалась довольно незатейливой — что-то там насчет верности царице Глориане и от ее имени Бритомарте, обещание давить злодеев, защищать слабых и все в том же духе.

Ши с Чалмерсом на пару стащили с сэра Париделла доспехи. В ходе этого процесса оруженосец того что-то обиженно кудахтал. Когда полдела было сделано, Париделл успел очухаться, и Чалмерсу пришлось сесть ему на голову и сидеть там, пока они не закончили.

Ши выяснил, что костюм из брони на самом деле гораздо тяжелей, чем кажется на первый взгляд. Кроме того, он немного жал под мышками. К счастью, у Париделла — рыхлого молодого человека с мешками под глазами — голова была большая, так что проблем со шлемом, обитым изнутри мягкими прокладками, не возникло. Крест со шлема Бритомарта лично сбила рукоятью своего меча.

Одолжила она Ши и свой чехол для щита, объяснив, что рыцари, жаждущие смертельной дуэли, будут слетаться на извилистые зеленые полоски Париделла, как мухи на банку с вареньем.

Остатки провизии они доели за обедом. Ши заметил Чалмерсу, что и приключений по горло, и еды, как правило, в один и тот же день не бывает. Так что вид замка Сатирана — суровой, неприступной на вид громады с грубыми отвесными стенами, которая высилась прямо посреди леса,— сулил им прежде всего ужин и крышу над головой. Не в пример Колтрокскому замку, и решетка, и сами ворота в необъятных размеров двор были широко распахнуты. На краю двора плотники спешно сколачивали временные трибуны.

Внутри просто кишмя кишели всевозможные рыцари со своими дамами, с большинством из которых Бритомарта с Аморетой были хорошо знакомы. Ши вскоре окончательно запутался в именах и титулах — столь часто повторялась церемония представления. В большом зале перед самым обеденным сигналом

он столкнулся с тем, кого все-таки запомнил,— с Сатираном собственной персоной, толстым, похожим на медведя типом с окладистой бородой и громовым голосом.

— Друзья Бритомарты — мои друзья! — проревел он.— Давайте за стол, ребята, рассаживайтесь, куда глаз ляжет! — Он хохотнул.— Лопай, не стесняйся, добрый оруженосец,— завтра тебе силы ох как понадобятся! Самые здоровяки собираются. Бландамур Железная Рука уже приехал, да и Кэмбелл с Триамондом тоже.

4

На следующее утро часов около десяти Ши вышел из темного, как склеп, замка, щурясь на яркий солнечный свет. Доспехи впивались в тело в самых неожиданных местах. У бедра болтался тяжеленный, словно кувалда, палаш.

Готовые трибуны уже заполняла шумная толпа джентльменов и леди в ярких нарядах. В центре трибун возвышалась накрытая балдахином будка, в которой важно восседал какой-то старик со снежно-белыми шевелюрой и бородой. Старик держал в руке пучок желтых палочек.

— Кто это такой? — спросил Ши у Бритомарты, которая шла на шаг впереди него, направляясь к выстроившимся в ряд шатрам на противоположной стороне необъятного двора.

— Ш-ш! Это почетный судья турнира. Когда кто-то из рыцарей зарабатывает очко за отвагу, он делает на его палочке зарубку, и в конце таким образом победитель выявляется.

Тем временем они добрались до шатров, за которыми грумы держали под уздцы лошадей. Труба пропела три чистые ноты, и прямо перед ними проскакал верховой герольд. Вслед за ним на огромной белой лошади показался Сатиран. Шлем он снял, а сам ухмылялся и тряс головой, словно добродушный неуклюжий мишка. В руках он держал богато изукрашенный резьбой ларец. Подъехав к трибунам, он открыл его и извлек какой-то длинный кушак, затейливо вышитый и весь сверкающий драгоценными каменьями. Трубач протрубил снова и во всю мочь закричал:

— Вот он — пояс Флоримели, носить который лишь истинная целомудренница может! Будет наградою он той даме, что самой красивой признана будет на этом турнире; и станет дамою

она рыцарю тому, кто большую отвагу проявит и лучшее искусство воинское! Таковы правила.

— А на вид так просто драная тряпка, а, ребятки? — прогремел в публику Сатиран, ухмыляясь во весь рот. Ши услышал, как расположившаяся по соседству Бритомарта буркнула что-то вроде: «Ну и манеры».

Лесной рыцарь завершил свой круг почета и остановился у трибун поблизости от Ши с Бритомартой. Оруженосец подал ему шлем. С противоположной стороны арены выехал какой-то рыцарь, вооруженный длинной тонкой пикой, которой он легонько стукнул по щиту Сатирана, после чего поскакал обратно на свое место.

— Ты этого знаешь? — спросил Ши, чтобы как-то завязать разговор.

— Нет, не знакома я с ним,— отозвалась Бритомарта.— Видать, из сарацинов он — взгляни, какой шлем остроконечный у него, полумесяцем украшенный. Да и латы плечевые наружу выдаются, будто крылья.

Труба прозвучала снова, испустив две тревожные ноты. Противники сшиблись. Послышался лязг, словно разом рассыпалась целая дюжина кастрюль и сковородок. Копья разлетелись в щепки. Оба удержались в седлах, но когда сарацин приблизился к тому краю арены, у которого стоял Ши, тот заметил, что лошадь его прихрамывает, а сам он обалдело покачивается в седле, вцепившись в поводья.

Под плеск аплодисментов победителем был признан Сатиран. Ши мельком увидел на трибунах Чалмерса, который орал и хлопал в ладоши вместе с остальными. Рядом с ним расположилась укутанная густой вуалью юная блондинка, стянутая тесным платьем фигурка которой смотрелась очень даже ничего.

Место на противоположной стороне арены занял следующий рыцарь. По толпе пронесся ропот.

— Бландамур Железная Рука,— прокомментировала Бритомарта под пение трубы.

Опять последовала стремительная атака и лязг металла. На сей раз Сатиран прицелился потщательней. Бландамур подскочил в седле, шмякнулся на лошадиный круп и под гром аплодисментов соскользнул с него на землю. Прежде чем его успели оттащить в сторону, место его занял следующий рыцарь. Сати-

ран и того завалил вместе с лошадью, хотя из этой стычки он вышел с поднятым забралом, призывно выкликая: «Гиворс!» — и тряся головой, словно в ухо ему попала вода.

Мимо промчался оруженосец с кубком вина. Бритомарта спросила его:

— Мне еще не пора?

— Нет, благородная леди,— отозвался тот на бегу,— следующий круг взял на себя сэр Феррамонт!

Ши увидел, как какой-то низкорослый темноволосый тип с черным треугольником на позолоченном щите влезает на лошадь и занимает место Сатирана. Все быстрей зацокали копыта. После двух успешных выступлений Феррамонта на противоположной стороне арены появились сразу два рыцаря. Мимо протолкался паж, призывая, как послышалось Ши, кого-то по имени сэр Кайфолом присоединиться к Феррамонту.

На сей раз послышался сдвоенный грохот, и арену заволокло пылью. Сэр Кайфолом, или как там его звали, шмякнулся оземь. Правда, он тут же вскочил, лязгая и брякая, подбежал к лошади и отцепил от седла притороченный к нему палаш. Палашом он погрозил вслед опрокинувшему его рыцарю, яростно бубня что-то из-под шлема. Тот повернул назад, выбрасывая сломанную пику, вытащил свой собственный меч и, поднявшись в стременах, нанес удар, способный разрубить пополам слона. Удар был легко отбит высоко поднятым щитом. Пеший и конный закружились друг вокруг друга, удаляясь с невыразимым шумом и трезвоном. Феррамонт уже поверг своего противника, подняв огромную тучу пыли, и на противоположной стороне арены уже готовились к выходу следующие рыцари.

Ши повернулся к Бритомарте:

— А ты что, не участвуешь?

Она улыбнулась и покачала головой.

— На той стороне — рыцари не из великих,— сказала она.— Следует знать тебе, добрый оруженосец, что обычай таков на турнирах: один-два рыцаря, о коих давно идет молва добрая, бьются в самом начале, как бился ныне Сатиран за нас, а Бландамур — за тех. А уже после юнцам тем дается возможность завоевать славу, в то время как мы, кавалеры, стоим в стороне, покуда нужда не приспеет.

Ши собрался было поинтересоваться, каким образом выбираются стороны, но Бритомарта вдруг стиснула его локоть:

— Хо! Смотри! Да вон на того — с ветряком черно-серебряным!

На другом конце арены Ши усмотрел светловолосого здоровяка, надевающего шлем. Щит его состоял из перемещающихся черных и серебряных треугольных полей, и впрямь немного похожих на мельничный ветряк.

— Не кто иной это, как сэр Кэмбелл,— внушительно объявила Бритомарта.

Пока она произносила эти слова, здоровяк вихрем врезался в толчею сражающихся. Кто-то из пеших рыцарей — что «не из великих» — попытался было его остановить, но был сбит, как кегля, и кубарем покатился прямо под копыта. Ши очень надеялся, что при этом ему не проломило череп.

Феррамонт, вооружившись пикой, поскакал навстречу Кэмбеллу. За секунду до того, как черное с серебром и черное с золотом успели сойтись, Кэмбелл отшвырнул свою пику. Единственным точным, выверенным движением он поднырнул под наконечник копья Феррамонта, выхватил булаву и с ходу нанес тому страшенный удар по затылку. Бездыханный Феррамонт тяжело повалился с седла. На трибунах царил полный бедлам. Бритомарта вопила: «Ух, хорош удар! Ух, хорош!», нетерпеливо переступая при этом с ноги на ногу.

Поблизости Ши углядел физиономию Сатирана, которая злобно исказилась. Лязгнуло забрало. Кэмбелл тем временем вломился в самую гущу свалки, кося своей булавой направо и налево и каждым ударом выводя из строя по рыцарю. Вопли толпы оповестили его о приближении Сатирана. Он тут же повернул ему навстречу и, резко отвернув лошадь, врезал булавой по наконечнику неприятельского копья. Но Сатиран тоже оказался не промах. Едва Кэмбелл успел вновь занести руку, как копье Сатирана вместо щита нацелилось ему в левое плечо. Наконечник воткнулся точно в сустав, а само копье разлетелось в щепки. Кэмбелл с торчащим из плеча обломком рухнул на землю.

С криками восторга представители защищающейся стороны бросились к Кэмбеллу, дабы взять его в плен. Вызывающая же сторона, воспользовавшись численным преимуществом, окружила поверженного рыцаря плотным кольцом и принялась приводить его в чувство. Те, кому удалось пока усидеть в седле, бились по краям этой грандиозной свалки.

Перекрывая шум и гам, пронзительно пропела труба. Ши увидел, что на арену с вызывающей стороны выезжает новый претендент. Это был крупный, дородный детина, каждая деталь доспехов которого была затейливо украшена отчеканенными из меди дубовыми листьями, а самый большой такой лист с загнутыми краями заменял собою крест. Без всяких иных предупреждений он резко опустил копье в боевую позицию и атаковал Сатирана, который только что получил на своей стороне новое копье. *Банг!* Пика Сатирана разлетелась в щепки, а незнакомца — выдержала. Предводитель «защитников» на миг завис в воздухе футах в шести позади хвоста собственной лошади и приземлился уже в полном беспамятстве. Пришелец развернул коня и бросился в новую атаку. Оземь брякнулся еще один из обороняющихся.

Британарта повернулась к Ши.

— Явно воин сей вниманья заслуживает,— сказала она,— теперь и я могу вступить. Хорошенько следи за мною, добрый оруженосец, и, ежели спешат меня, придется тебе меня вытаскивать из свалки всеобщей!

Она ушла. Покалеченного Кэмбелла, тут же позабытого за суматохой вокруг нового чемпиона, под шумок волокли к спасительным шатрам на стороне вызывающих. Теперь все сгрудились вокруг Сатирана, который с обалделым видом пытался подняться.

Позади Ши прозвучала труба. Обернувшись, он увидел, что Британарта уже готова. Дубоволистый тоже это заметил и покатил ей навстречу.

Его копье треснуло, а пика Британарты устояла. Хоть ему и удалось немного ослабить мощь удара, крутнувшись так, что пика скользнула по плечу, лошадь его все же споткнулась. Рыцаря подбросило в седле, и, потеряв равновесие, он с жестяным хрустом и клацаньем рухнул.

Воительница развернулась у края арены и поскакала назад, подняв руку в ответ на бешеный шквал аплодисментов. Место увешанного дубовыми листьями рыцаря занял другой претендент. Британарта взяла копье наперевес, готовая его встретить.

Вдруг один из рыцарей — по трем скрещенным стрелам на щите и плаще Ши признал в нем Бландамура — вырвался из колышащейся вокруг Сатирана толпы. В два прыжка конь донес его до Британарты, оказавшись практически у нее за спиной. Слишком поздно донесся до нее предостерегающий рев трибун — меч его уже описывал стремительную дугу. Удар пришелся в основание шлема. Она упала. Бландамур спрыгнул с коня с мечом в руке. «Жульничество!» — донесся чей-то истошный вопль. Сам того не сознавая, Ши помчался к ним, вытаскивая на ходу тяжеленный меч.

Бландамур уже занес клинок, чтобы зарубить Британарту, но, завидев приближение Ши, тут же развернулся и замахнулся на него. Ши неуклюже парировал удар своим громоздким, неповоротливым палашом, краем глаза заметив, что Британарта уже стоит на коленях и отстегивает от пояса палицу.

Бландамур замахнулся еще раз. «Проклятый лом,— промелькнуло у Ши,— на что тут рассчитывать?» Он попытался увернуться, но вдруг на голову ему откуда-то ниоткуда обрушился страшенный удар. Он пошатнулся, глаза от боли наполнились слезами. Больше озабоченный тем, чтобы удержаться на ногах, а не поразить врага, он наобум махнул мечом вокруг себя, как метатель молота перед броском.

Меч зацепил Бландамура за плечо.

Ши почувствовал, как подались при ударе доспехи. Обливаясь ярко-красной кровью, здоровяк рухнул. В этот момент вдруг дико взревели все трубы одновременно. Вооруженные алебардами латники бросились разнимать драчунов, разделяя их по принадлежности к тому или иному лагерю. Британарта откинула забрало и ткнула рукой в какого-то типа в доспехах, который подергивался у ее ног, словно обезглавленный цыпленок.

— Услуга за услугу,— заметила она.— Коварный прохвост ударил тебя со спины и собрался было повторить, да подвернулся под мою палицу.— На плаще распластанного врага она вдруг углядела зеленые полоски сэра Париделла.— И все же обязана я поблагодарить тебя, добрый оруженосец! Без помощи твоей не успела бы я увернуться от удара подлого, что замыслил Бландамур.

— Да чего там,— скромно отозвался Ши.— А у нас что, обеденный перерыв?

— Нет, турнир окончен.

Ши поднял взгляд и с удивлением обнаружил, сколько, оказывается, прошло уже времени. Дело было здорово к вечеру. Герольд, который открыл мероприятие, уже проскакал по двору к балагану, где восседал главный судья. Он снова дуднул пару раз в трубу и закричал:

— Решено, что славы наибольшей в турнире прошедшем удостоилась благородная наша и могущественная дама, княжна Бри-

томарта! — (Послышались одобрительные выкрики.) — Но признается также, что и рыцарь дубовых листьев достойным весьма проявил себя воином, и тоже получит он лавровый венок победителя!

Но когда Бритомарта взошла на судейскую трибуну, рыцаря дубовых листьев так нигде и не отыскали.

Трибуны медленно пустели, как после окончания футбольного матча. Некоторые из болельщиков проводили вынос побитых Бландамура с Париделлом издевательским улюлюканьем. Ши мельком заметил Чалмерса, спешащего вдогонку за дамой в вуали, бывшей своей соседкой по трибуне.

Двигалась она не спеша, широкими грациозными шагами, и догнал он ее у самого входа в здание замка. Кто-то, пробегая мимо, врезался в него так, что они столкнулись друг с другом. Из-под длинной вуали Чалмерса смерил напряженный взгляд.

— О, да это добрый паломник! Привет тебе, почтенный сэр! — произнесла она совершенно бесцветным голосом.

— Кхе-гм,— начал Чалмерс, лихорадочно соображая, что бы такое сказать.— Не правда ли... гм... это довольно необычно для женщины... гм... выиграть подобный турнир?

— И впрямь удивительно сие событие.— Голос ее по-прежнему не отличался выразительностью.

Чалмерс испугался, что сморозил какую-то глупость, но она продолжала спокойно идти рядом с ним по огромных размеров залу, пока от камина, который только что растопил слуга, до них не донеслась душная волна тепла.

— Какая жара! — выговорила она придушенно.— Невыносимо мне это! Выведи на воздух меня, святой человек!

Пошатнувшись, она крепко вцепилась в руку психоаналитика. Тот подхватил девушку и отвел к высокому стрельчатому окну, где она, судорожно хватая ртом воздух, откинулась на разбросанные по широкому подоконнику подушки. Черты лица, обозначившиеся за тонкой вуалью, были правильны и прекрасны, а глаза прикрыты.

Чалмерс дважды открывал было рот, чтобы заговорить с этой удивительно отрешившейся от всего красавицей, но оба раза закрывал его снова. В голову ему почему-то не приходило ничего иного, кроме как: «Прекрасная погода, не правда ли?» и «Как вас зовут?» Оба замечания представлялись доктору не только совершенно несоответствующими случаю, но и попросту абсурдными. Он тупо разглядывал свои шишковатые пальцы со смутным ощущением, будто руки и ноги у него всемеро крупней, чем полагается. В своей мышиной, похожей на женский халат сутане и маске фальшивой набожности он чувствовал себя круглым дураком.

Доктор Рид Чалмерс, пусть даже и не сознавая окончательно этого невероятного факта, просто-напросто влюбился.

Веки девушки дрогнули. Повернув голову, она обвела его долгим, медлительным взором. Вдруг что-то в этом пристальном взоре пробудило его профессиональную настороженность. С ней и впрямь творилось *что-то не то.*

К слабоумным она наверняка не относилась. Скорее всего, поведение ее определяло некое постороннее влияние... Может, постгипнотическое внушение?.. Колдовство!

Он наклонился вперед и в этот самый момент чуть не слетел со стула от могучего хлопка по спине.

— Чертовски удачно вышло, паломничек! — проревел хриплый голосина. Вперед выступил смуглый Бландамур, одна рука которого была прибинтована к туловищу.— Спасибочки, что приглядел за моим маленьким бутончиком!

Здоровой рукой он со знанием дела стащил девушку с подоконника и смачно поцеловал, оставив на вуали слюнявую отметину.

Чалмерс внутренне содрогнулся. Все с тем же отсутствующим видом девушка скользнула обратно на подушки, а Чалмерс бессильно сосредоточился на выдумывании какого-нибудь ужасного конца для игривого грубияна — чего-нибудь помедленней и позабавней, вроде кипящего масла или расплавленного свинца.

— Привет, док. Как мы вам показались? — Это был Ши.— Здоров, сэр Бландамур. Зла, надеюсь, не держишь?

Черные брови рыцаря сошлись домиком.

— Это на тебя-то, деревенщина?! — взревел он.— Ну смотри, повстречаемся за воротами замка — отшлепаю я тебя мечом по заднице!

Ши смерил его взглядом из-под своего длинного носа и ткнул пальцем в забинтованное плечо Бландамура.

— Смотри, как бы твоя железная рука не проржавела, пока ты за ворота выползешь,— заметил он и повернулся к Чалмерсу: — Пошли, док, нам забронировали места на конкурсе красоты. Там уже начинается.

Когда они отошли, Чалмерс сказал:

— Знаете, Гарольд, мне очень нужно переговорить с этой девушкой... гм... с глазу на глаз. Я уверен, что она может оказаться... гм... ключом ко всему тому, что мы ищем.

— Правда? — отозвался Ши.— Она вроде как дама Бландамура, точно? Тогда если я с ним сражусь и побью, она будет моя.

— Нет-нет, Гарольд, убедительно прошу вас больше не затевать никаких сражений. Наше превосходство над подобными людьми должно в первую очередь базироваться... гм... на интеллектуальных положениях.

— Ладно. Хотя, знаете, это чертовски забавно, как они передают женщин по кругу, будто бутыль с виски. А женщины, видно, ничуть не против.

— Обычай! — отозвался Чалмерс.— И больше того — глубоко укоренившаяся психология. Здешние нормы заметно отличаются от тех, к каким мы привыкли, но они достаточно просты и прямолинейны. Наверняка предполагается, чтобы дама сохраняла верность своему рыцарю, пока она его не поменяет.

— И все же,— стоял на своем Ши,— будь у меня дама, я вряд ли пожелал бы выставлять ее на этот конкурс красоты, если б знал, что она может перейти к победителю турнира.

— Опять-таки обычай. Лишать надежды других рыцарей из опасений расстаться с миловидной дамой считается... э-э... неспортивным поведением.

Обмениваясь поклонами со знакомыми, они вступили в нечто вроде тронного зала, у одной из стен которого был возведен высокий помост. На краю помоста в удобном кресле развалился медведеподобный Сатиран. Шестеро музыкантов, вооруженных трубами, рожками и чем-то вроде гавайских гитар с чрезвычайно длинными грифами, производили некую комбинацию звуков, которая не походила ни на какую когда-либо слышанную Ши с Чалмерсом музыку. Однако собравшиеся рыцари с дамами, очевидно, находили эти музыкальные опыты восхитительными. На лицах присутствующих ясно читался неподдельный экстаз. Наконец кваканье и трезвон умолкли.

Сатиран поднялся, помахивая уже известным поясом.

— Чего там долго рассусоливать, ребята,— громогласно объявил он,— вы и так знаете, что теперь у нас начинается турнир любви, красоты и нарядов. Вот этот пояс перейдет той даме, которая победит. Вообще-то Флоримель его нашивала, да потом

потеряла, да и сама она неизвестно где, так что, как говорится, чья потеря — моя находка.— Он примолк и огляделся.— Короче, хочу сказать, что и даме, и рыцарю ее такая штуковина в хозяйстве пригодится. Не говоря уже о том, что тут драгоценностей до беса, на нем лежит двойное заклятие. Что касается дам, то стоит его надеть, как становишься вдесятеро красивей и прелестней, чем раньше, да еще и неуязвимой для того, кому вздумается распустить лапы. Но должен сразу предупредить, что на талии дамы, которая не блюла себя должным образом, он попросту не держится. Рыцарей это тоже касаемо! Как видишь, что с дамочки поясочек валится, так сразу за ухо ее — с кем гуляла?

Это вступление он завершил оглушительным хохотом. Подхватили его лишь немногие. Остальные недовольно зароптали, возмущаясь неотесанностью ведущего.

Сатиран замахал руками, призывая к порядку, и продолжил:

— Что же касаемо того, кто победил, то почтенные судьи лишь сократили число претенденток до четырех, но уверяют, что среди этих четырех ну никак не могут выбрать лучшую. Так что они просят вас, господа и дамы, самих сделать выбор.— Сатиран обернулся к противоположной стороне помоста, где сидели четыре укутанные вуалями женщины, и объявил: — Дуэсса! Дама сэра Париделла!

Одна из девушек поднялась и подошла к краю помоста. Сатиран сдернул с нее вуаль. Волосы у нее оказались почти такими же алыми, как и густо намазанные помадой губы. Брови косо сбегали к переносице. С прямо-таки королевским презрительным высокомерием обвела она взглядом собравшихся. Зрители вполголоса обменивались впечатлениями. Сатиран отступил на шаг и назвал следующую участницу:

— Камбина! Дама и супруга сэра Кэмбелла!

Та неторопливо выступила вперед — светловолосая, почти такая же высокая, как и сам Кэмбелл, красивая зрелой, античной красотой, впечатление от которой, однако, несколько блекло на фоне вызывающего блеска огневолосой соперницы.

— По мне, так малость толстовата,— шепнул Ши Чалмерсу.

В этот самый момент лязгнула брошенная на пол железная перчатка и прогремел голос Кэмбелла:

— Мой вызов тому, кто попытается отобрать ее у меня!

Никакой реакции не последовало. Сатиран и глазом не моргнул. С воплем: «Леди Аморета!» — он сорвал очередную вуаль. Названная отважно выступила вперед, поворачивая головку, дабы получше продемонстрировать свой безупречный профиль, но когда Сатиран объявил: «Дама и супруга сэра Скадамура!» — тонкие ноздри ее дрогнули, и тут же, оставив любые попытки взять себя в руки, бедняжка разразилась потоком слез по отсутствующему Скадамуру. На лице леди Дуэссы отразилось гневное презрение. Камбина попыталась успокоить Аморету, но всхлипывания становились все громче, перемежаясь с восклицаниями вроде: «...как подумаю о том, что ради него вынесла...»

Сатиран беспомощно развел руками и отступил к четвертой участнице. Ши увидал, как один из судей принялся ему что-то нашептывать. «Чего?!» — театральным шепотом недоверчиво откликнулся лесной рыцарь. Снова пожав плечами, он повернулся к зрителям.

— Дама сэра Бландамура, леди Флоримель! — объявил он, сбрасывая вуаль с той самой женщины, с которой совсем недавно общался Чалмерс.

Ши услышал, как у того перехватило дыхание. Девушка с широко раскрытыми глазами, которая медлительной походкой лунатика приблизилась к краю помоста, оказалась самой потрясающей красавицей, которую Ши когда-либо видел. Хлопки и восторженные восклицания ясно предопределили судьбу первого места.

Но при этом почему-то послышался и недоуменный ропот. До Ши донеслась реплика Бритомарты, обращенная к Чалмерсу:

— Добрый паломник! Ты, что в суевериях да магии искусен, запомни ее хорошенько!

— А почему... почему, мисс Бритомарта?

— Потому что многое здесь весьма странно. Похожа она на ту Флоримель Морскую, коей пояс принадлежит, как две капли воды, но все же поклясться я готова, что не та это женщина, и смотри же! — такого же мненья и остальные.

И в самом деле, хоть весь зал и кричал, что победила Флоримель, все называли ее при этом «Флоримель Бландамура», словно подчеркнуто отделяя от истинной обладательницы пояса. Сатиран с поклоном подал ей драгоценную безделицу.

Со словами благодарности она приняла кушак и обвила его вокруг талии. Похоже, что у нее возникли какие-то трудности

с застежкой. Немного повозившись, она крепко стянула его, подняла руки, и... заколдованный пояс, не расстегиваясь, скользнул по ее бедрам и свалился на пол.

По залу пробежали приглушенные смешки. Все уставились на Бландамура, который медленно покрывался красными пятнами. Флоримель выступила из лежащего кольцом пояса и, недоуменно нахмурясь, подобрала его с пола.

— А ну-ка позволь-ка *мне* его надеть! — потребовала рыжеволосая Дуэсса, выхватывая пояс и подкрепляя слово делом.

Но как только она его застегнула, он тут же раскрылся и скользнул вниз. Подхватив его на лету, она сделала вторую попытку — все с тем же результатом. Ши заметил, что губы у нее при этом шевелились, словно произнося заклинание.

— Уж *я-то* надену его, будьте покойны,— заверила Камбина, и Дуэсса гневно швырнула ей пояс. Но на Камбине он не держался точно таким же образом.

Ничего не получилось и у остальных присутствовавших в зале дам, когда они одна за другой пробовали его на себя нацепить. С каждой новой попыткой шуточки рыцарей становились все громче и откровенней. Сатиран с беспомощным видом озирался по сторонам. Ши стало его жалко. Лесной рыцарь из кожи лез вон, чтобы провести оба турнира на должном уровне, но мужской был испорчен подлой выходкой Бландамура, а женский оказался под угрозой провала из-за какого-то несчастного ремешка.

Но Сатиран все же не сдавался.

— Милые дамы! — завопил он.— Уймитесь, заклинаю вас! Правила гласят лишь, что сей пояс следует вручить победительнице, а насчет того, что его следует надевать, там ничего не сказано! А победила у нас Флоримель, и теперь она становится дамой победителя рыцарского турнира, коим — клянусь семью тысячами девственниц Колона — является княжна Бритомарта!

Высокая блондинка выступила вперед и, бросив несколько слов Сатирану, повернулась к собравшимся.

— Отвергаю я этот дар,— объявила она,— ибо поклялась сопровождать Аморету, покуда не разыщет она своего Скадамура.

Чалмерс прошептал:

— Гарольд, мне нужно поговорить с этой девушкой. По... гм... научным соображениям. Не могли бы вы убедить Бритомарту взять ее с собой для...

— А я говорю, что мне!!! — В вопле Бландамура потонули все остальные звуки.— Ежели победителю она не нужна, значит, она моя по праву предыдущего собственника!

Задумчиво чешущий в затылке Сатиран стоял среди столпившихся рыцарей.

— Чепуха! — орал сэр Кэмбелл.— Ежели не нужна она победителю, то перейти должна к сильнейшему с противоположной стороны, а это, чтоб ты знал,— я!

— Да я сразил сегодня рыцарей куда больше тебя! — завопил сэр Феррамонт.— Если уж речь зашла о втором месте...

— Добрые рыцари и господа,— произнесла Бритомарта ледяным тоном,— я передумала и заявляю о правах своих на сию девицу!

— Нету никаких прав у тебя, клянусь гробом господним! — взревел Бландамур.— Раз уж ты от нее отказалась, значит, кукиш — она моя!

— Алло,— встрял Ши.— Мало я тебе врезал? Опять выдрючиваешься? Тогда не будешь ли ты...

Бландамур злобно сплюнул:

— Вот тебе, сопляк! Пошли вы все в задницу со своими юридическими тонкостями! Все равно по-моему будет!

Он бросился через зал, ухватил Флоримель за руку и поволок за собой, что-то невнятно ворча в усы. Флоримель захныкала от боли.

Ши кинулся вслед за ними и, развернув Бландамура к себе, отвесил ему звонкую затрещину. Отскочив, он вовремя выхватил шпагу.

— Остановитесь, почтенные господа! — запричитал Сатиран. Ответом ему был звон стали.

Гости дружно повскакали со своих мест, опрокидывая стулья. По общему мнению, останавливать хорошую драку было совсем не в правилах местного гостеприимства.

Ши вспомнил, что, имея дело против палаша, надо побольше двигаться. Если подпустить противника ближе, чем следует, можно сломать свой клинок, отражая слишком сильный удар. Он скорее почувствовал, чем увидел, что его загоняют в угол, и, чтобы избежать этого, резко перешел в контрнаступление. До него донесся чей-то голос:

— Нет, да разнимите же их! Бландамур может лишь одной рукой действовать!

— Второй тоже,— послышался ответ,— да и клинок у него полегче. Пускай себе дерутся.

Они быстро перекатывались то вперед, то назад. *Фить, блям, дзинь!* Ши удалось перехватить свирепый удар слева парирующим «сиксте», но замах был столь могуч, что тонкий клинок прогнулся назад и лезвие меча распороло ему рукав, едва не коснувшись кожи. Бландамур захохотал. Ши, лихорадочно просчитывая тактические комбинации, отпрянул и выронил шпагу. Правда, в ту же секунду он перехватил ее левой рукой, и как только Бландамур метнулся вперед, нанес ему точнейший укол в ногу прямо над коленом. Клинок рыцаря со свистом описал полукруг и отхватил кончик пера со шляпы Ши, но проткнутая нога Бландамура тут же подкосилась, и он обрушился на пол.

— Довольно! — взревел Сатиран, вклиниваясь между ними.— Будет когда-то конец этому смертоубийству? В общем, я постановляю: сэр Бландамур получил по заслугам за свое несовместимое с рыцарским званьем поведение — как здесь, так и на турнире. Ежели кто-то желает это оспорить, пущай имеет дело со мной! Сквайр Гарольд, выиграл ты Флоримель и амуры можешь крутить с ней теперь по закону... Э, язви ее в корень, да где ж она?

Флоримель, прекрасная игрушка, из-за которой, собственно говоря, и разгорелся весь этот рыцарский сыр-бор, тем временем бесследно исчезла.

5

— Меня уже тошнит от однообразия этой страны,— жаловался Ши.— Тут хоть дождь-то когда-нибудь бывает?

С этими словами он уселся на спину белого мерина, приобретенного в Колтрокском замке, придерживая увязанные в пакет доспехи сэра Париделла. Он честно пытался их носить, но жара делала пребывание в них совершенно невозможным.

Чалмерс как раз пытался сориентироваться в деталях сыромятной сбруи, которую они с Ши только что пытались зачинить на скорую руку. Он заметил:

— Гарольд, вы просто-таки неисправимый сторонник разнообразия! Будь здесь непроходимые скалы и ливень, вы наверняка бурчали бы и по этому поводу.

Ши ухмыльнулся:

— Что есть, то есть, док. Только меня и впрямь это уже достало. Ради небольшого развлечения я сейчас и льву бы обрадовался.

Чалмерс вскарабкался обратно на осла.

— Н-но, Густавус! — прикрикнул он, после чего продолжил: — Осмелюсь предположить, что развлечений у вас будет еще просто по горло, если в сих лесных пределах действительно столько колдунов, как рассказывают. Хотя мне не очень-то хотелось бы, чтобы вы цеплялись к каждому... гм... отрицательному персонажу, полагаясь на свое фехтовальное искусство.

— Да елки-палки, я уже столько раз попадал в такие переделки, и каждый раз...

— Не сомневаюсь. Но в то же самое время нет абсолютно никаких гарантий, что в очередной раз не случится что-нибудь действительно серьезное. Мне очень не хотелось бы остаться тут в одиночестве.

— А-а, так вы, выходит, за себя беспокоитесь? Это эгоизм, док. Слушайте, правда чертовски жалко, что девчонки с нами не поехали? Рядом с Бритомартой и ее черной пикой я чувствовал твердую уверенность в завтрашнем дне.

— Уж не хотите ли вы сказать, что испытываете... гм... более чем дружеские чувства к этой мускулистой леди?

— Упаси господь, только не это! Она слишком напоминает мне Герт. Просто я знакомил ее с теорией и некоторыми практическими приемами дамского кокетства, выступая в качестве учебного объекта, чтоб ей легче было потом заарканить своего дружка. Знаете, если уж тут кто и ходок по девицам, так это вы! Я-то видел вашу физиономию, когда Сатиран предположил, будто Флоримель увели при помощи колдовства!

— Ну... кхе-гм... ничего такого... подобного, уверяю вас! — Чалмерс положительно растерялся.— М-да, основное неудобство совместного путешествия с коллегой-психологом заключается в том, что ничего ровным счетом не скроешь. Однако должен заметить, что и манера поведения Флоримели сразу заставила меня насторожиться. А когда тот пояс отказался держаться абсолютно на всех присутствующих девушках, я окончательно уверился, что без какого-то колдовства не обошлось. Согласно теории вероятности, среди столь большого количества должна была найтись

хотя бы одна честная.— Чалмерс вздохнул.— Полагаю, что Флоримель представляет собой лишь иллюзию. А вообще, все это оказалось как нельзя кстати. Теперь у нас появился хороший предлог поинтересоваться, где искать колдунов. Иначе нас наверняка заподозрили бы в том, что мы задумали... гм... пособничать противнику. Рыцари Царства Фей, видно, убеждены, что все чародеи действуют против них. Возможно, в чем-то они и правы.

Некоторое время они ехали в молчании. Наконец Ши произнес:

— Похоже, начинается тот самый лес.

Прямо перед ними тропу пересекал ручеек, за которым редко разбросанные там и сям деревца уступали место густой, непролазной чащобе. Они спешились, спутали Густавуса и лошадь, которую окрестили Адольфусом, и вытащили провизию.

Оба молча жевали, пока не подал голос Чалмерс:

— Гарольд, мне все-таки хотелось бы получить от вас окончательное обещание не ввязываться ни в какие драки и битвы, если на то...

— Ого! — воскликнул Ши, вскакивая на ноги.

Откуда-то из гущи деревьев выпрыгнула пара голых, волосатых, обезьяноподобных существ футов по семи росту. У них были огромных размеров уши, заросшие пучками спутанных клочковатых волос, и горловые мешки, как у орангутанов. В руках они держали дубины. На миг они застыли, всматриваясь в путешественников, после чего галопом бросились к ним, шлепая по воде ручейка и поднимая тучи брызг.

Чалмерс кинулся распутывать лошадь с ослом, но те уже неуклюже скакали прочь, охваченные ужасом. Бросив взгляд им вслед, Ши понял, что меча сэра Париделла ему не видать как собственных ушей. Оставалось лишь использовать шпагу, которая по сравнению со здоровенными дубинами казалась не толще зубочистки.

Первый из человекообразных с ревом набросился на него. Ши так и не понял, то ли он совершил тактическую ошибку, то ли просто сдали нервы, но первые мгновения они с Чалмерсом только и делали, что бестолково гоняли вокруг спутанных животных, преследуемые взмыленными, оскалившими клыки существами.

Вдруг одно из них что-то проревело другому. На очередном круге беглецов ждал неприятный сюрприз: они лоб в лоб налетели

на одного из человекообразных, который остановился и преспокойно их поджидал. Ши оказался впереди. Он увидел, как в волосатых лапищах взметнулась дубина, и успел сделать лишь одну возможную вещь — выставил шпагу и скакнул вперед в совершенно невероятном выпаде.

Уткнувшись лицом в шерсть, он крепко вцепился в нее, чтобы удержаться на ногах. Рукоять шпаги вырвалась у него из руки, и чудище с пронзительным визгом бросилось прочь, насквозь проткнутое тонким клинком.

Ши и сам бросился бежать; обернувшись на бегу, он через плечо увидел, что Чалмерс тоже мчится со всех ног, настигаемый оставшейся тварью, которая уже занесла дубину для удара. Ши иглой пронзил ужас и какая-то удивительная отстраненность: бедный старый док, не избегнуть ему теперь страшной участи, когда сам он помочь уже ничем не может...

Банг!

В боку существа возникло, словно проклюнулось изнутри, оперение стрелы. Дубина просвистела мимо головы Чалмерса, а чудище оступилось и повернуло голову. *Банг!* Вторая стрела вонзилась ему точно в горло, и оно рухнуло в кусты папоротника, хрипя и конвульсивно подергиваясь. Ши попытался было остановиться, но в него врезался набежавший сзади Чалмерс, и оба шмякнулись на землю.

Ши сел и отлепил от физиономии приставший сухой листок. Послышались чьи-то шаги, и они увидели высокую, стройную девушку в короткой тунике и мягких кожаных сапожках. В одной руке держала она лук, а в другой — охотничий дротик и двигалась к ним такой стремительной пружинистой поступью, словно ходить по-другому просто не умела. Украшенная перышком шляпа, почти такая же, как и у самого Ши, увенчивала ярко-рыжие, чуть ли не золотые волосы, убранные в развевающийся у нее за спиной хвост.

Ши поднялся:

— Спасибо, юная леди. Ты спасла по крайней мере одну человеческую жизнь. Я-то думал, что нам уже каюк.

— Не сомневаюсь. Лозели не знают жалости,— откликнулась девушка.

Углубившись в папоротники, она резко ткнула куда-то вниз дротиком. Когда она вытащила его обратно и вытерла наконечник пучком мха, вид у нее был весьма довольный.

— Ранен ли старик?

Чалмерсу наконец удалось перевести дыхание настолько, чтобы сесть.

— Просто... уф-ф... запыхался. Я все-таки... гм... уже в возрасте. Кому мы обязаны своим спасением?

Девушка приподняла брови, причем Ши заметил, что они у нее весьма приятной масти.

— Не изволишь ты знать меня? Прозываюсь я Бельфеба.

— Ну...— замялся Ши.— А я... э-э... прозываюсь Гарольд Ши, сквайр, а мой друг прозывается Рид Чалмерс, паломник, как у вас тут принято изъясняться.

— Должно быть, твой это клинок остался в другом лозеле?

— Угу. Так получилось.

— Могу тебе даже показать. Чудище испустило дух прежде, чем увидела я его.

Лозели. Ши припомнил сцену за столом в Колтрокском замке, когда Британарта предостерегала сэра Эривана, чтоб тот не рассчитывал запросто добраться до колдуна Базирана, поскольку замок того «в лесах, где обитают лозели».

— Мы на верном пути, док! — бросил он Чалмерсу, помогая тому подняться и устремляясь за Бельфебой.

Чалмерс лишь лукаво оглядел его и тихонько пропел:

Когда бегом бежал весь полк,
Он первым мчался споро, о! —
Сей достославный, несравненный,
просвещенный дворянин,
Сам герцог Плаца-Торо!

Ши ухмыльнулся:

— Это вы про меня? Я просто решил задать вам темп. А вот и первый лозельчик!

Он выдернул шпагу из отвратительной бездыханной груды.

Бельфеба с интересом уставилась на незнакомый инструмент.

— Надо же, до чего чудной клинок! Нельзя ли прикинуть мне его в руке?

Ши показал ей, как держать шпагу, и сделал несколько выпадов, упиваясь первой настоящей возможностью предстать перед привлекательной девушкой во всем своем блеске.

Бельфеба тоже попробовала.

— Ай! Позы твои, сквайр Гарольд, неуклюжи и потешны — прямо мусульманин на молитве! — Она рассмеялась и бросила ему обратно шпагу.— Как-нибудь покажешь чего-нибудь еще?

— Только рад буду,— отозвался Ши.— Послушайте-ка, док, по-моему, мы как раз вкушали свой скромный обед, когда началась вся эта заваруха. Может, юная леди пожелает помочь нам с *ним управиться*?

Чалмерс поперхнулся.

— Я уже... Это жуткое происшествие, честно говоря, совершенно отбило мне аппетит, Гарольд. Но если мисс Бельфеба испытывает желание... Какие проблемы...

— Только при том условии, если раздобуду я чего-нибудь к столу,— заявила она.— Тише!

Вытащив стрелу, она принялась медленно красться вперед, напряженно всматриваясь в зелень. Ши попытался проследить направление ее взгляда, но не разглядел ничего, кроме листвы.

Вдруг Бельфеба вскинула лук, прицелилась, натянула и отпустила тетиву — все одним-единственным стремительным движением. Ши показалось, что выстрелила она совершенно наобум. Он услышал, как стрела во что-то вонзилась. Где-то среди древесных стволов мелькнула огромная зеленая птица, похожая на попугая какаду. Она глухо стукнулась об усыпанную листвой землю, а вслед за ней мягко опустилась пара зеленых перьев.

Густавус с Адольфусом все еще дрожали, пугливо переступая спутанными ногами, когда все трое приблизились к ним. Ши успокоил их и повел к ручью напоить, пока Чалмерс разводил костер, а Бельфеба ощипывала попугая. Птицу она сразу насадила на вертел. У нее чувствовался такой опыт приготовления пищи на открытом воздухе, что, несмотря на свои скаутские достижения, Ши не чувствовал желания с ней в этом соревноваться.

Чалмерс, как он не без изумления обнаружил, держал пальцы правой руки на своем левом запястье.

— Что это вы там делаете, док? — спросил Ши.— Щупаете пульс?

— Угу,— угрюмо подтвердил Чалмерс.— Сердце, похоже... гм... пока выдерживает. Но боюсь, что подобный образ жизни когда-нибудь обязательно даст о себе знать. Если бы не чисто научный интерес к изучению проблем...

— Да ладно, выше нос! Слушайте, а как там ваша магия поживает? Парочка добрых заклинаний порой куда полезней, чем куча всего этого металлолома.

Чалмерс расцвел.

— Ну, теперь... кхе-гм... по-моему, я могу с уверенностью заявить, что достиг некоторого прогресса. Взять хотя бы тот эксперимент с кошкой, которая улетела. Я выяснил, что вполне могу поднимать в воздух объекты небольшого размера, и достиг уже значительных успехов в вызывании мышей посредством колдовства. Должен признаться, что в замке Сатирана я их развел целую ораву. Правда, я не поленился создать и соответственное количество кошек, так что дела там не должны быть особо плохи.

— Все это замечательно, но как же насчет основополагающих принципов?

— Ну, здесь в первую очередь приходится говорить о законах подобия и распространения. Похоже, что в области магии они обладают той же фундаментальностью, что у нас закон Ньютона. Совершенно очевидный очередной шаг — это раскрыть математическую систему, вытекающую из этих основ. Боюсь, что придется мне разрабатывать свою собственную, подобно тому как Эйнштейн был вынужден приспосабливать тензорное исчисление для уравнений, иллюстрирующих теорию относительности. Правда, я подозреваю, что такая система уже имеется в готовом виде, а именно в исчислении множеств, кое представляет собой часть формальной логики. Сейчас попробую это продемонстрировать.— Чалмерс пошарил в складках своего балахона в поисках чего-нибудь пишущего.— Как вам должно быть известно, одним из основополагающих уравнений исчисления множеств, которое, по мнению одного моего наивного коллеги, имеет какое-то отношение к марксизму, является вот такое:

$$\bar{I} : \alpha + \sim\alpha = I$$

Означает это следующее: множество, или класс «альфа» плюс множество «не-альфа», равняется вселенной. Но в области магии, очевидно, соответствующее уравнение должно выглядеть так:

$$\bar{I} \; 1 : I \subset \alpha + \sim\alpha$$

То есть множество «альфа» плюс множество «не-альфа» *включает в себя* вселенную. И при этом они могут быть, а могут и не

быть ограничены. Причина тут, насколько мне представляется, в том, что в области магии приходится иметь дело с неким множеством вселенных или миров. Магия, таким образом, нисколько не отвергает закона сохранения энергии. Действует она вдоль межмировых векторов, в известном смысле перпендикулярно измерениям пространства и времени. В результате энергию для своих спецэффектов она способна черпать в каких-то других мирах. Вполне очевидно,— продолжал Чалмерс,— что исследователь вполне может столкнуться со случаем, когда двое волшебников, каждый из которых пользуется энергией одной и той же вселенной, применяют ее в совершенно противоположных целях.

Таким образом, вам должно быть понятно, каким образом очаровательная леди Дуэсса — боюсь, что при этом еще и порядочная стерва — пыталась создать какие-то собственные чары, дабы пересилить те, что уже лежали на поясе. То, что это у нее не вышло...

— Дичь готова, джентльмены,— объявила Бельфеба.

— Хочешь, разделаю? — предложил Ши.

— Конечно разделай, если желаешь, мастер Гарольд!

Ши сорвал с дерева, похожего на катальпу, несколько крупных листьев, устлал ими землю, положил посредине попугая и вонзил в птицу нож. Пока он с хрустом разламывал скелет, его все больше и больше терзали сомнения относительно рациональности такого способа питания, как попугаефагия. Бельфебе он вручил большую часть грудки. Им с Чалмерсом досталось по ножке.

Бельфеба сказала:

— Насколько расслышала я, беседовали вы о магии и чародействах. Уж не живете ли вы ремеслом этим?

Чалмерс отозвался:

— Ну... гм... я не стал бы выражаться столь сильно, но...

— Да так — знаем парочку фокусов,— перебил Ши.

— Белых или черных? — резко спросила Бельфеба.

— Белых, как первый снег,— заверил ее Ши.

Бельфеба обвела обоих довольно жестким взглядом. Откусив порядочный кус от своей порции попугая, она без труда с ним управилась. Ши же нашел, что его кусок по консистенции скорее напоминает набор пружин от матраса.

— Лишь немногие белой магией занимаются в Царстве Фей,— заметила Бельфеба,— и все они наперечет. Возникни прибавле-

нье в их рядах, лорд Артегаль обязательно известил бы меня об этом при нашей последней встрече.

— О господи,— выдохнул Ши с екнувшим сердцем,— ты что, тоже из полиции?

— Из... чего?

— Ну из этих, из кавалеров.

— Нет, никакого не имею я к ним отношенья. Странствую я, где только душа моя пожелает. Единственные повелители мои — честность моя собственная, целомудрие и сила. Я... Но постой, не ответил ты на вопрос мой даже наполовину.

— Какой вопрос? — не понял Чалмерс.

— Как получилось, что неизвестны вы мне, хоть уверяете, что владеете магией белой?

— О,— скромно отозвался Ши,— по-моему, не такие уж мы мастера, чтоб о нас повсюду гремела слава.

— Возможно,— согласилась Бельфеба.— И сама владею я тем, что окрестил ты «парочкой фокусов», хоть и нескромным было бы с моей стороны с той же Камбиной себя равнять.

— Как бы там ни было, милая моя юная леди,— заметил Чалмерс,— но я уже убедился, на основе своих собственных изучений данного предмета, что различие между черной и белой магиями существует исключительно на словах. Это мнимое различие никоим образом не отражает соответствующей разницы фундаментальных законов, управляющих той или иной магией.

— Добрый паломник! — вскричала Бельфеба.— Да что же молвишь ты — нет разницы между черной и белой! Большей ереси...

— Абсолютно никакой,— подтвердил Чалмерс, не замечая, что Ши пытается остановить его громким «тс-с!».— Жители данной страны просто договорились считать магию белой, когда ее применяют облеченные доверием представители власти для каких-то законных целей, и черной, если используется она всякими проходимцами для решения криминальных задач. Причем никак не скажешь, что сами принципы данной науки — или искусства — в том и другом случае не являются абсолютно одинаковыми. Вам следует применять термины «черная» и «белая» исключительно по отношению к субъектам и объектам магии, но никак не к самой науке как таковой, которая, подобно любой отрасли знания, с точки зрения морали совершенно нейтральна...

— Но,— возразила Бельфеба,— разве заклинание, которое читают, скажем, чтобы похитить некоего благородного и зажиточ-

ного обывателя, не отличается от того, какое помогает изловить негодяя?

— Вербально, но никак не структурально! — стоял на своем Чалмерс.

После нескольких минут оживленного спора Чалмерс воздел вверх обглоданную попугайную кость.

— По-моему, я вполне в состоянии, к примеру, располагая лишь одной вот этой костью, воссоздать живого попугая — или, по крайней мере, жареного вместо того, которого мы съели. Вы не станете возражать, юная леди, что это было бы достаточно безобидной демонстрацией данного искусства?

— Нет, но только в этом случае,— согласилась она.— Знаю я вас, ученых мудрецов,— стоит только согласиться с вами, как сразу в ловушку угодишь!

— Следовательно, это можно было бы отнести к так называемой белой магии. Но предположим, что попугай мне потребовался для каких-то... гм... низменных целей...

— Для какого, к примеру, злодеянья, добрый сэр? — уточнила Бельфеба.

— Я... гм... в настоящий момент просто не в состоянии выдумать. Предположим, это мне удалось. Так вот: чары и в том, и в другом случае будут совершенно одними и теми же...

— О, да неужели? — вскричала Бельфеба.— Тогда покажи, как создашь ты этих попугаев — одного для честных целей, а другого для нечестных, и тогда и впрямь соглашусь я с тобой.

Чалмерс нахмурился:

— Гарольд, какая может быть вполне законная цель для производства попугая посредством колдовства?

Ши пожал плечами:

— Если вам действительно нужен ответ, то отсутствие цели ничуть не противозаконней всего остального, если нет каких-то особых правил игры. По мне, так более дурацкого аргумента...

— Попугай без цели — это годится,— пробормотал Чалмерс.

Собрав в кучку исходные материалы — объедки, несколько лап папоротника, ножницы из своего набора и одну из стрел Бельфебы,— он раздул огонь, подбросил в него травы, чтобы образовалось побольше дыма, и принялся косолапо расхаживать взад и вперед, раскинув руки и декламируя:

О птица, что знает
Слова человечьи,
Хитро передразнит
Все мудрые речи...

Тресь! Из леса вырвалось какое-то чудище, которое оказалось перед ними прежде, чем они успели вскочить на ноги. Издав ужасающий рык, одной из чешуйчатых передних лап оно прихлопнуло Чалмерса. Ши поднялся было на колени и до половины уже выдернул шпагу из ножен, когда лапа пришлепнула и его тоже...

Нажим на спину Ши ослаб. Он перевернулся и сел. Чалмерс с Бельфебой сделали то же самое. Оказались они перед самой грудью чудовища. Окружавшие их передние лапы монстра возвышались стеной. Тот восседал, придерживая свою добычу лапами, словно огромный кот. Ши уставился в его гигантские глазищи со зрачками-щелками. Существо лебедем выгнуло шею, дабы получше их рассмотреть.

— Зверь Рыкающий! — вскричала Бельфеба.— Теперь мы и впрямь пропали!

— Это ты о чем? — прорычало чудовище.— Звали вы меня аль нет? Тогда чего вы так обалдели, когда удостоил я жалких смертных своим ответом?

— На самом-то деле...— нечленораздельно пролепетал Чалмерс.— У меня и мысли не было... По-моему, я вызывал *птицу*...

— И что? — взревел монстр.

— Н-но вы же рептилия...

— А что такое птица, как не рептилия в перьях? Эй, ты, сопляк бесчешуйный, оставь-ка в покое свой задрипанный меч! — рявкнул он на Ши.— Смерти захотелось? Гляди!

Чудовище откашлялось, втянуло в себя воздух... *Птьфу!* Зеленая слюна забрызгала окружающую листву, которая тут же съежилась и почернела.

— Вот так-то, ежли не дадите за себя выкупа, разделаюсь я с вами прежде, чем вы «мамочка!» успеете сказать!

— Что за выкуп желаешь ты, почтенный монстр? — спросила Бельфеба, белая, как простыня.

— Конечно слова! Единственная ценность, которую способны произвести задохлики вроде вас!

Бельфеба повернулась к своим спутникам.

— Знайте же, добрые сэры, что монстр сей гордится своим даром слова и коллекционирует все виды литературного выражения — как в прозе, так и в стихах. Боюсь, что, если не удовлетворим мы его желания, он и впрямь нас погубит.

Ши нерешительно начал:

— Вообще-то я знаю парочку неплохих анекдотов про Гитлера...

— Нет! — взревело чудовище.— Все эти шуточки — сплошное дерьмо. Желаю эпическую поэму.

— Э... эпическую поэму? — дрожащим голосом переспросил Чалмерс.

— Точно,— подтвердил Зверь Рыкающий.— Понимаешь, чего-нибудь вроде этого:

Внимайте скорее мне, добрые люди,
И дамы, и девы, и все, кто ни будет!
Хавелока повесть хочу вам поведать —
Занятнее повести нету на свете.
Сложил ее сам я когда-то, итак,
Герой был наш беден, несчастен и наг.

— Ну как, сможете, доктор? — спросил Ши у Чалмерса.— Как насчет «Беовульфа»?

— Господь с вами,— отозвался Чалмерс.— Я наверняка не сумею воспроизвести ее по памяти.

— Это вам все равно не поможет,— гадко усмехнулся монстр.— Я ее знаю:

Истинно! исстари
Слово мы слышим
О доблести данов,
О конунгах датских,
Чья слава в битвах
Была добыта!*

Это не пойдет. Давайте чего-нибудь другое. А ну-ка по-быстрому: эпос, или трепещите, несчастные!

Ши прошептал:

— Почитайте ему что-нибудь из ваших Гилберта с Салливаном, док.

* Перевод В. Тихомирова.

— По-моему... гм... по-моему, вряд ли он...

— *Читайте же!*

Чалмерс откашлялся и дрожащим голосом затянул:

О! Звать меня Джон Уэллингтон Уэллс,
Большой в колдовстве я и магии спец,
В духах, бесах и чертях,
Самобранках-скатертях,
Самобранках-скатертях,
Самобранках...

Дальше никак! Ни строчки не припомнить! А не могли бы *вы* что-нибудь почитать, Гарольд?

— Я вообще ничего не знаю.

— А следовало бы! Как насчет «Барбары Фретчи»?

— Такую не знаю.

— Или «Лепанто» Честертона?

— Да я не... Стойте, а я ведь и вправду знаю одну длинную поэму. Только вот...

— Так читайте же ее! — взвизгнул Чалмерс.

Ши глянул на Бельфебу:

— Дело в том, что она не совсем подходит для смешанной компании. Слушай, монстр, если ты позволишь даме отойти в сторонку...

— Еще чего! — взревел Зверь Рыкающий.— Стихи давай, мелочь пузатая!

Ши с убитым видом повернулся к Чалмерсу:

— Это «Баллада про Эскимоску Нэль». Что делать будем?

— Читать, что же еще делать!

— О господи!

Чалмерс был, конечно, совершенно прав. Но при всем этом Ши начинал уже испытывать к рыжеволосой охотнице нечто большее, чем просто дружеские чувства. Он сделал глубокий вдох и приступил:

Когда Дик Мертвый Глаз и Мексиканец Пит
Развлечься решили слегка,
То был Дик Мертвый Глаз, кто...

Он очень надеялся, что сумеет припомнить несколько адаптированный вариант, поскольку пытаться менять текст на ходу попросту не осмеливался.

Прошвырнувшись по бережку Рио-Гранде
В отраженьях безумных лун,
Чтобы жажду залить и девиц подцепить,
Зашли они в Майка салун.—

Он продолжал, все больше и больше краснея:

А Дик Мертвый Глаз засопел тотчас,
Сладострастно пыхтя и кряхтя...—

Уголком глаза он увидел лицо Бельфебы, которое выражало неподдельное изумление.

И вдруг завалилась в ту обитель греха,
Где вертелась из шлюх карусель,
Девица-гигант, сам черт ей не брат,
По прозванью Эскимоска Нэль.

Ши бубнил все быстрее и быстрее, желая поскорей разделаться с ужасным эпосом. Наконец он закончил, испустив вздох облегчения, и поднял взгляд на Зверя Рыкающего, дабы посмотреть, как он его воспринял.

Чудище медленно поднялось на ноги. Не вымолвив ни слова и даже не посмотрев на своих пленников, оно с треском углубилось в лес, покачивая рептильей башкой.

Ши тут же перевел взгляд на Бельфебу. Она произнесла:

— Ну что ж, услуга за услугу! С этого момента должны мы стать настоящими друзьями, и случилось бы это намного раньше, оцени я вовремя ваше магическое искусство. Не станешь отрицать ты, что магию, коя способна управляться с таким монстром, лишь белою считать можно. А поэма твоя... Половину слов не уразумела я, хоть и поняла, что повествовалось в ней о битве между воительницей отважной и рыцарем трусливым.

— Гм! Можно, наверное, трактовать и так,— согласился Ши.

— Растолкуй мне некоторые слова, сквайр Гарольд. Вот, скажем...

— Как-нибудь в следующий раз, мисс Бельфеба, если не возражаешь,— поспешно перебил ее Ши.— Сейчас нам в первую очередь надо сориентироваться. Это, случайно, не тот самый лес, про который говорят «где обитают лозели»?

— Этот. Говорят еще, будто бы колдуны нарочно вывели сию отвратительную породу себе на службу — вроде скота.

— Тут и самих колдунов, небось, что грязи? — невинно поинтересовался Ши.

— Ой, просто кишмя кишат! Смотрите не провалитесь в какую-нибудь их западню.

К разговору присоединился Чалмерс:

— Кхе-гм... А не расскажете ли вы нам, где конкретно можно тут отыскать каких-нибудь... гм... магов и чародеев?

Ши бросил на своего напарника сердитый взгляд. Выражение лица Бельфебы заметно переменилось.

— К чему бы это вам такие подробности?

— Дело в том, что мы хотим выручить из беды одного человека, который, по нашему разумению, попал к ним, и считаем, что если бы нам удалось... гм... втереться в доверие к кому-нибудь из...

— Представляется мне замысел сей странным и не слишком-то хорошо продуманным,— холодно заметила девушка.— И все же, коли таково желание ваше, идите прямо, и могу вас заверить, что повстречаете вы предостаточно отвратительных сих негодяев.— Она махнула рукой.— А теперь, добрые господа, ежели не возражаете вы, должна я отсечь уши подстреленному мною лозелю...

— Чего-чего ты должна? — обалдело переспросил Ши.

— Отсечь лозелю уши. На память. Есть у меня уже две сотни, да два десятка, да два. Всего доброго, господа.

— Вот это, я считаю,— сказал Ши, когда они тронулись в путь,— и есть настоящая девчонка! А вы влезли со своими чародеями и все испортили!

— Девушка действительно славная, если исходить из того, что она и в вас не всадила стрелу, и не отрезала уши на память. Должен признаться, что лично я больше склоняюсь к более домовитым представительницам прекрасного пола. Сомневаюсь, что сумею выдержать еще какие-нибудь развлечения в этом духе.

— Да уж представляю, каково вам,— отозвался Ши.— Путешествие по Царству Фей — это просто-таки череда всевозможных переделок одна поганей другой.

— Что вполне логично,— задумчиво пробормотал Чалмерс.— Текст «Царицы Фей» свидетельствует, что бесконечная череда бессмысленных и бестолковых столкновений, сражений, пере-

делок и передряг является здесь частью нормальной структуры развития событий... Боже всемилостивый, опять двадцать пять! Что это?

«Это» оказалось крупным черным леопардом, который внезапно выпрыгнул на тропу прямо перед ними и со звуком рвущегося кровельного железа зарычал. Оба скакуна поднялись на дыбы, закусив удила и мотая головами.

— Стойте, док! — завопил Ши, разворачивая Адольфуса и нашаривая за спиной палаш.— Если вы поскачете, он наверняка бросится!

Сам он соскочил с коня, набросил поводья на подходящий пенек и встретил леопарда с палашом в одной руке и со шпагой в другой. Все это становилось таким же нудным и однообразным, как в Гарейденском институте.

«Если я останусь на месте,— размышлял он,— нападать он, скорее всего, не станет, а если нападет...» Помнится, читал он одну книгу — как там она называлась? — про одного литовца, который охотился на ягуаров с копьем. Если зверь прыгнет, надо ловить его на шпагу, если будет подкрадываться и цапать лапой — рубить палашом...

Леопард опять зарычал. Похоже, он пребывал в нерешительности. Затем, к полному изумлению Ши, леопард вдруг раздулся и превратился в огромного льва. Ши почувствовал укол страха. Со стопятидесятифунтовым леопардом справиться еще можно, а вот с шестисотфунтовым львом... Он и смертельно раненный успеет его в клочки порвать, если войдет в клинч. Плохо дело...

— Гарольд! — прозвучал с некоторого отдаления голос Чалмерса.— Все в порядке!

«Ни хрена себе в порядке»,— подумал Ши, стоя на месте и лихорадочно выдумывая, что бы такое предпринять.

Лев не прыгнул. Вместо этого он скорчил жуткую рожу. Клыкастая пасть превратилась в клюв, из лопаток проклюнулись крылья, и получился грифон. Правда, несколько нетипичный и нетрадиционный грифон. Грифоны никогда не...

— Вот его-то мы и ищем! — крикнул Чалмерс уже с несколько более близкого расстояния.

Ши расслабился.

— Отцепляй накладную бороду, мистер Чародей. Мы тебя узнали,— сказал он.

Грифон стал бледнеть, понемногу тая в воздухе. Ши повернулся к Чалмерсу, который боролся с явно заупрямившимся Густавусом.

— А почему вы не цитируете чего-нибудь типа: «Когда бегом бежал весь полк, он первый мчался споро, о...»

— Мне не удалось справиться с этим обалдевшим зверем. А потом *первым* мчался, а не *первый*. Как поживаете, сэр?

Эта фраза адресовалась уже экс-грифону, обернувшемуся коренастым смуглым плешивым типом, который стоял, сердито пялясь на них и уперев руки в бока.

— Неплохо поживаю,— ответил тип.— Чего вы тут оба забыли? А? Ищете неприятностей? Тогда верной дорогой идете, товарищи!

Ши ухмыльнулся:

— Верно подмечено, ищем, если ты только самого себя считаешь неприятностью.

— А-а, так вам понадобились услуги мои профессиональные? Ясненько. Только смотрите, всякой там мелочевкой вроде прокисшего молока или приворотных зелий я не занимаюсь. Этим пусть бабы забавляются. Я — магистр колдовских дел.

— Тогда мы очень рады...

— Кхе-гм,— перебил Чалмерс.— Прошу прощения, Гарольд. Мне хотелось бы объяснить этому джентльмену, что интерес у нас чисто профессиональный и лежит в области обмена информацией, могущей оказаться взаимовыгодной.

— Хо! — вскричал чародей.— Так вы, выходит, тоже колдуны? А откуда мне знать, что вы не врете? С ваших слов, что ли?

— Ну... гм...

— Поколдуйте ему, док,— шепнул Ши.

— Господи спаси. Не думаю, что его удовлетворят мыши... или кошки. Единственно, что мне сейчас идет на ум, так это заклятие, которое я приготовил для вызывания дракона.

— Блин, да это просто класс! Давайте сюда своего дракона!

Уши чародея уловили последнее слово.

— Дракона?! Вы чего, и впрямь рассчитываете сделать дракона? Ну посмотрим-посмотрим, как это у вас выйдет!

— А это... гм... не опасно? — Это был Чалмерс.

— Не боись! Обратное заклятие всегда наготове. Долон тебя защитит. *Тот самый* Долон! — Он гордо напыжился.

— Покажите ему, док!

Чалмерс с обреченным видом «где наша не пропадала» принялся составлять перечень необходимого реквизита. Крошечная красная ящерка обнаружилась под одним из камней. Большая часть остальных предметов у них уже имелась, но затребованных цветков драконьего зева поблизости не нашлось.

— Дело большое, возьмите да наколдуйте,— прохладно предложил Ши.

Несчастного психоаналитика охватило самое настоящее раздражение, но в конце концов при помощи сорванного на обочине тропы сорняка ему удалось произвести куст драконьего зева размером с дерево. *Тот самый* Долон хрюкнул.

Чалмерс аккуратно разложил реквизит, разжег огонь, ударив кремнем о кресало, и принялся заклинать:

Фафниром и Гидрой,
Апопом кляну:
С Тьяматы клыками,
С Нидхёгга в длину,
Обликом — ящер,
Силой — медведь,
Блестя чешуею,
Возникни на свет!
Скакун Триптолема.
Беовульфа беда.
Уто знаменье,
Властитель дождя...

Ши торопливо замотал поводья лошади с ослом вокруг дерева. Если дракон окажется с крыльями, да еще и голодный... Теперь он проклинал свою опрометчивую импульсивность, из-за которой заварилась вся эта каша. Если обратное заклятие *того самого* Долона не сработает...

Поднимающийся над костром белесый дымок сгустился и потемнел. Чалмерс запнулся на середине четверостишия и поспешно попятился назад. Из клубов дыма стремительно высунулась змеиная голова по меньшей мере в ярд длиной.

Вслед за головой показалась чешуйчатая шея. Чешуя действительно блестела. Потом одна передняя лапа, за ней другая. Дракон словно протискивался сквозь некое невидимое отверстие внутри пламени, раздуваясь по мере своего продвижения. Наконец он вылез целиком, вплоть до длинного, увенчанного острым жалом хвоста, и уставился на них желтыми кошачьими глазками.

Ши еле слышно прошептал, опасаясь лишним движением привлечь внимание чудища:

— Док, если он попрет на вас, прыгайте на Густавуса, а я обрежу поводья!

Физиономия Долона скривилась, будто он чем-то подавился. Дракон проковылял несколько шагов — но не к ним, а куда-то вбок,— распахнул ужасающих размеров пасть, издал присвистывающее «бип!» и принялся безмятежно пощипывать травку.

— Господи благослови! — воскликнул Чалмерс.

— Да уж пожалуй,— согласился Ши.— Смотрите!

Из клубов дыма высунулась вторая драконья башка. Этому удалось выбраться за какие-то секунды. Он оглядел троих людей, после чего вперевалку потрюхал к зарослям ярких цветов, шумно принюхался и принялся их объедать. А тем временем показались уже третья и четвертая головы. Как только эти драконы вылезли целиком, за ними тут же последовали другие. На поляне, ограниченной древесными стволами, царило уже настоящее столпотворение. Прибывающие драконы распихивали остальных, толкались и терлись боками о деревья. Ши обалдело считал:

— Тридцать три, тридцать четыре... нам лучше отвязать лошадь с ослом и сматывать, не то нас тут затопчут. Тридцать шесть, тридцать семь...

— Боже ты мой! — заметил Чалмерс, почесывая подбородок.— Чего-то подобного я как раз и опасался. С мышами тогда то же самое вышло.

— Пятьдесят два, пятьдесят три...— продолжал Ши.— Господи, да они тут все заполонят!

Драконы уже не умещались на поляне и теперь, неуклюже переваливаясь, разбредались между деревьями, чавкая любой оказавшейся на виду зеленью и мыча друг на друга, словно автомобили в пробке.

— Девяносто восемь, девяносто девять, сто! Мамочки мои!

Огонь внезапно потух, и извержение драконов-вегетарианцев прекратилось.

— Господи! — едва выговорил Ши.— Сто штук ящеров!

По голосу Долона было ясно, что тот потрясен до глубины души.

— И сущая правда, на мелочи вы не разменяетесь! Помню, я как-то тоже сварганил целый мешок отборных жемчу-

жин.— Долон щелкнул пальцами.— Клянусь когтями Ахримана, уж не вы ли совсем недавно задали перцу Зверю Рыкающему?

— Мы,— подтвердил Ши.— А откуда ты знаешь?

— Зверь повстречался мне несколько часов назад и предупредил, что тут болтается какая-то компания. Он сказал, что когда, по своему обыкновению, потребовал малую толику поэзии, вы ему выдали такой... хм... перл, что он его и повторить-то со стыдухи не решается. Такого с ним еще в жизни не случалось, бедолага как в воду опущенный. Но с вами еще кто-то должен быть? Рыкающий говорил о троих.

Чалмерс было откашлялся, но Ши его опередил:

— Нет, он нас еще с какой-нибудь шайкой перепутал.

— Вполне возможная вещь. Рыкающий у нас не великий математик — по-моему, он дальше двух и считать-то не умеет.— Долон шутливо погрозил им пальцем и с хитрецой поинтересовался: — А теперь насчет ваших драконов: не вышло ли, коллеги, какой ошибочки, что они траву жрут? А? Какие в нашем ремесле секреты!

— Кхе-гм. К чему был излишний риск? — ответил Чалмерс, все еще находясь в некоторой прострации.

— Вне всякого сомнения,— заметил Долон, бросив на Ши многозначительный взгляд,— вы и извести их сумеете столь же быстро.

— Могли бы,— отозвался Ши, прежде чем его спутник успел открыть рот.— Только, понимаешь, для колдовства по изведению драконов нужен комптометр-анероид, а свой мы где-то посеяли. У тебя, случайно, с собой нету?

— А... ах да — комбомпетр-амероид! Увы! Нынешней весной жуткий мороз побил все грядки, на коих комбомпетры-амероиды произрастали.— Он с сожалением развел руками.— Однако мне представляется, что дракончики эти тут весьма кстати, и друзьям нашим, и слугам добрая будет забава и еда. Это я о лозелях. А теперь, сэры чародеи, коих я еще не видывал, поведайте мне о цели своего пребывания в Лесу Лозелей.

Заговорил Чалмерс:

— Гм... Мы разыскиваем леди по имени Флоримель, и нам посоветовали искать ее здесь. Известна ли вам указанная юная личность?

Долон хихикнул:

— Настоящая Флоримель или поддельная?

— Настоящая или... Та, что была недавно на турнире у Сатирана.

— Тогда поддельная. Ее Рифейская Ведьма сработала. Получилось неплохо, хотя не сильно-то я уважаю всех этих ведьм. Разве что Дуэсса более-менее достойна входить в орден... Кстати, хорошо, что вспомнил, сэры чародеи,— не являетесь ли вы членами какого-нибудь подобного заграничного ордена? Память у меня хорошая, но я что-то не припомню, чтоб вы показывались на наших сборищах.

— Мы... гм... в общем...— запинаясь, пробормотал Чалмерс.— А не могли бы вы рассказать про Флоримель несколько поподробнее? Про ту... поддельную.

Долон отмахнулся:

— А-а, обычная ведьминская продукция — существо из снега, ничего особенного. Вы бы лучше поинтересовались, какого шахматного игрока я тут создал — пальчики оближешь! А каких бесенят чудесных для мучительств? Вот это действительно достижения. А эту поддельную Флоримель наш архимаг Базиран наверняка отозвал на проверку.— Он особо выделил последнее слово и хихикнул.— Но вы, преволшебнейшие сэры, так и не ответили на мой вопрос.

— Дело в том,— собравшись с духом, ответствовал Ши,— что мы хотели бы к вам присоединиться.

— Ты хочешь сказать, что вы работали сами по себе, а мы про это не знали? — Долон подозрительно сдвинул брови.— Хотя... Базиран основал орден лишь год тому назад, и вы вполне могли ускользнуть от нашего внимания. Уж поверьте мне — от его приглашения вы отказываться не станете. Наш архимаг не из тех, кто долго рассусоливает с колдунами без лицензии. Для таких у него особое заклятие есть — в пауков превращать. Остроумный мужик, ничего не скажешь, а?

— Боже ты мой! — проговорил Чалмерс.— А как же получить лицензию?

— Все зависит от самого просителя. В основе нашего ордена по идее должен находиться круг из двадцати одного магистра колдовских дел — число, как известно, магическое. Существуют также кланы мастеровых, выполняющих обыденную работу, и подмастерьев. Возможно, у тебя хватит таланту, чтобы попасть в ма-

гистры. Насколько мне известно, три или четыре места там пока вакантны. Очередное собрание через пять дней, так что при моей поддержке твое избрание, считай, дело решенное.

6

Долон, принявший облик породистого рысака, трусил впереди. Ши откинулся в седле и, внимательно поглядывая на уши рысака, пробормотал:

— А мы молодцы, правда, док?

— Я тоже так считаю, но должен признаться, что меня терзают нехорошие предчувствия. Представляете, что будет, если или кавалеры, или Орден Чародеев прознают, что мы якшаемся с противником? Как бы такое... э-э... хождение по канату не довело нас до беды.

— Это уж точно,— согласился Ши, после чего они поехали в молчании.

Раз из-за деревьев прямо перед ними выскользнул тигр. Густавус с Адольфусом, у которых, естественно, не выдержали нервы, тут же сделали попытку ломануть в лес не разбирая дороги. Долон сразу превратился из коня в громадного буйвола, и тигр, рыча, убрался с дороги.

Солнце опустилось уже совсем низко, когда тропа неожиданно повернула под прямым углом и привела их к подножию крутого откоса. Прямо в его земляной стенке вырисовывалась огромная дубовая дверь. Долон, вновь принявший нормальный облик, взмахнул рукой, и дверь отворилась.

— За скакунов своих не беспокойтесь,— сказал он.— Место это окружает невидимая стена, и без моего разрешения никто сюда не пролезет.

Ши спешился и заметил:

— Было бы неплохо, если бы она и комаров не пускала.

Долон послушно рассмеялся, после чего покачал головой:

— Эх, добрый подмастерье, твоими бы устами да мед пить! Ну разве не печально, что человек, венец создания, вынужден терпеть этих зудящих и кусающихся тварей?

Воздух внутри оказался довольно спертым. Первым, что попалось Ши на глаза, была груда грязных тарелок. Долон явно не относился к холостякам-аккуратистам. А дальше обнаружилось еще кое-что, от чего на голове у Ши зашевелились волосы. Это

была статуя, изображавшая задушенного молодого человека в натуральную величину, светящаяся слабым голубоватым светом. В руке она держала светильник, который Долон тут же зажег.

Колдун перехватил вопросительный взгляд Ши.

— Мой бывший подмастерье,— бросил он.— Я выяснил, что он шпионил в пользу двора царицы Глорианы. У них там кое-кто из этих великосветских выскочек балуется магией, которую они именуют белой. Вот так вот и стоит, все органы чувств работают, а сам мертвяк мертвяком. А, Роджер? — похлопал он игриво статую по спине и расхохотался.— Когда я в ударе, другого такого юмориста, как я, во всем ордене не сыщешь! Хотите взглянуть на мою коллекцию Маллами?

— Какого еще Маллами? — не понял Чалмерс.

Долон недоверчиво уставился на него, но решил, что это было что-то вроде шутки, и расхохотался. Снимая со шкафа какие-то бутылки, он подносил их к свету. Внутри каждой размещалась человеческая фигурка не больше дюйма ростом.

— Гомункулы руки великого мастера, самого Маллами,— пояснил он.— Он специализировался на этом искусстве, и никому пока еще не удавалось съеживать людишек до такого крошечного размера. Даже я, Долон, не в состоянии сотворить что-нибудь подобное. Перед вами лучшая существующая коллекция его фигурок. Не хватает только светловолосого сарацина. У Базирана такая есть, да он не отдает, даже в обмен на водяную фею — ему как раз такая нужна. Все твердит, мол, водяная фея — штука непостоянная, вот она есть, а вот ее и нет, попади ненароком вода в бутылку — и кранты, фея сама сработает заклинание и смоется.— Он вздохнул.— Видите, что творят увлечения даже с величайшими из нас! Но ладно — входите в кабинет, добрые сэры, устраивайтесь. Да, аккуратней с василиском, когда пойдете по коридору.

— С василиском?! — переспросил Ши.

— Угу. Здорово все-таки Базиран придумал. У нас в ордене уже все магистры ими обзавелись. Их ставят обычно прямо у входа во внутренние помещения. На членов ордена и их друзей они ноль внимания, но стоит войти кому-нибудь из людей Глорианы... Как глянет — и готово, сразу в камень превращаешься.

Долон распахнул дверь и повел их по довольно неважно освещенному коридору. С одной стороны за прутьями решетки нервно металась какая-то зверюга, щелкая чешуйчатым хвостом и вертя

во все стороны башкой,— очевидно, тот самый василиск. Ши чуть не вырвало от ужасающей вони. Обернувшись через плечо, он заметил, что у Чалмерса шевелятся губы, и понадеялся, что это противодействующее заклинание, а не молитва. Вновь всплыл голос Долона:

— ...пришлось отправить их следить за Камбиной, одной из этих специалисток по белой магии, а его самого тащить в кабинет к Маллами и топить в бадье с универсальным алхимическим растворителем. Слава Люциферу, что она вышла за этого придурка, сэра Кэмбелла, и брак стоил ей изрядной доли волшебного могущества...

Дверь с лязгом захлопнулась за ними. Ши так энергично глотал воздух, словно вынырнул со дна океана.

Стол был уже накрыт, а еда — слава те господи, подумал Ши,— оказалась не слишком приперченной. Отрезая себе еще порцию, он поинтересовался:

— А что это за мясо? Вкуснота!

— Жареный лозель,— запросто ответил чародей.

Ши увидел, как Чалмерс напряженно застыл с набитым ртом. Он и сам почувствовал небольшой приступ тошноты: это же в полный рост граничило с каннибализмом, а после встречи с василиском... Сделав невероятное усилие, он заставил себя вернуться к еде. Давать волю желудку в подобной ситуации было бы просто-таки непростительной роскошью.

Долон отхлебнул винца, откинулся в кресле и, к некоторому изумлению путешественников, извлек и раскурил глиняную трубку.

— Да,— заметил он глубокомысленно,— соперничество — бич нашего бизнеса. Один подсиживает другого, а эти поганые кавалеры Глорианы пакостят всем сразу — вот потому-то Базиран и основал орден. Слушайте, какая со мной как-то хреновина приключилась. Короче, нахожу одного состоятельного мужика, которому нужно приворотное зелье. Ну я, как полагается, честь по чести, все намешал, вручил — а он, гадюка, платить отказывается! Поскольку этим он доказал, что является самым натуральным ослом, я и говорю: теперь уши у тебя будут расти по дюйму в сутки. С каждым дюймом цена возрастает вдвое. Надоест, говорю, приходи. Вылечим.— Долон расхохотался, окутавшись клубами дыма.— В общем, повеселился я от души, точно тебе говорю.

А что же эта падла делает? Преспокойненько шлепает к Малинго, и тот за полцены снимает мои чары! Ну надо же, а? Теперь такого не бывает.

У Ши возник вопрос:

— Послушай-ка! Если вы, колдуны, так здорово скооперировались, отчего же на турнире-то у Сатирана такая осечка вышла? Пояс-то не держался ни на Флоримели, ни на Дуэссе, раз уж на то пошло. Интересно, как Базирану это понравится.

Долон хихикнул:

— Смотри-ка — малец, а соображает! Трюк с поясом явно был делом рук Дуэссы. Это в ее духе. Она попыталась было снять те чары, которые на нем уже были, а когда поняла, что ни фига у нее не выходит, наложила поверх свои собственные, так что он со всех начал спадать. Но очень боюсь, что с Флоримель и впрямь ошибочка вышла.— Он покачал головой.— Особенно если действительно сам Базиран вызвал ее к себе. Ничто так не бесит всех этих благородненьких рыцарей и дам двора, как тот факт, что одна из их королев красоты, прошедшая проверку на невинность поясом, вынуждена жить с колдуном. Но сейчас, увы, это уже сомнительно.

Ши заметил, как Чалмерс содрогнулся и провел языком по пересохшим губам при упоминании о связи Флоримели с Базираном. Чтобы дать Чалмерсу возможность малость оправиться, он принялся бомбардировать Долона всевозможными вопросами, касающимися деятельности ордена. Но тот внезапно замкнулся, словно моллюск в раковине, подозрительно поглядывая на гостей. Ши с трепетом вспомнил про василиска и окаменелого шпиона в соседней комнате.

Наконец чародей поднялся:

— Не пора ли нам отойти ко сну, преволшебнейшие сэры? Было бы разумно попасть к Базирану не позднее завтрашнего дня. Если мы прибудем заранее, до созыва собрания, то могу вас заверить, что мои связи и искусство интриги, в коем я столь знаменит, будут полной гарантией вашего избрания.

Шепот:

— Эй, док, вы не спите?

Другой:

— Спаси Христос, нет! Только не здесь. А *он*?

— Если он не спит, то это чертовски добротный магический храп. Слушайте, а мы ничем не можем помочь тому бедолаге, которого он превратил в статую?

— Такая попытка может нам слишком дорого обойтись, Гарольд. И, кроме того, я далеко не уверен, что знаю, как это сделать. Под угрозой может оказаться весь план операции.

— Надо же, я и не знал, что такой есть. Поедем с ним?

— Я считаю, что нам следует ехать, если мы всерьез намереваемся помочь царице Глориане и кавалерам. Лично я могу сослаться на Флоримель. Долон обмолвился, что она создана из снега. По-моему, это ужасно, хоть и поверить до сих пор не могу. Боюсь, что нам следует вступить в этот орден и... гм... подтачивать его изнутри, так сказать.

— Я уверен,— задумчиво проговорил Ши,— что этот орден и объясняет, почему все в Царстве Фей пошло наперекосяк.

— Да. Колдуны лишь открыли...

— Слушайте, док! — Ши уже не шептал, а говорил чуть ли не в полный голос.— Если орден образовался год назад по времени «Царицы Фей» и уже действовал, когда Спенсер писал свою поэму — а именно четыре века тому назад по земному времени,— то время в Царстве Фей должно течь значительно медленней, чем у нас. Если мы вернемся, то угодим куда-нибудь в двадцать пятый век... к черту на рога!

— *Если* мы только вернемся. А также если искривления пространственно-временных векторов являются обычными. Понимаете, они могут еще оказаться синусоидальными.

— Никогда об этом не думал. Слушайте, а как вышло, что вы добились такого потрясного успеха с драконами?

Чалмерс испустил еле слышный смешок:

— Таково уж свойство магической математики. Поскольку она основывается на исчислении классов, на передний план выдвигаются качественные, а не количественные характеристики. Таким образом, количественная сторона эффекта ничем не детерминирована. Так что вы не в состоянии... по крайней мере, лично я при моем нынешнем уровне подготовки не в состоянии установить разделительную запятую туда, где ей следует находиться. В данном случае она отъехала далеко вправо, и я получил сотню драконов вместо одного. А могла быть и тысяча.

Ши некоторое время лежал, переваривая сказанное. Наконец он подал голос:

— И что, ничего нельзя с этим поделать?

— Не знаю. Очевидно, к профессионалам это приходит с опытом. Пожалуй, это скорее искусство, нежели наука. Если мне удастся разрешить количественную проблему, я действительно смогу подвести под магию строго научный базис. Мне хотелось бы, Гарольд, чтобы завтра вы сумели... гм... отвлечь внимание Долона на достаточный промежуток времени, дабы предоставить мне возможность завладеть его записями. У него тут такой кавардак, что он наверняка не заметит пропажи.

Трое всадников — Долон выколдовал себе коня, объяснив, что самому пребывать в подобном виде долгое время слишком утомительно,— уже на многие мили углубились в Лес Лозелей. Один раз они видели оленя, но никаких других живых существ больше не попадалось. Разговоры шли довольно вяло, пока они не выехали на дорогу, некогда широкую и ровную, а ныне густо поросшую травой. Ши отметил, что это еще один признак того, что колдуны берут верх над рыцарями Царства Фей.

Пришпорив своего коня, он поехал бок о бок с чародеем.

— Вообще-то меня удивляет, Долон, почему главой ордена выбрали Базирана, а не тебя с твоим потрясающим могуществом.

Долон пожал плечами:

— Хо-хо, я мог бы запросто занять этот пост! Но не собираюсь даже пальцем о палец на этот счет ударить. Я неплохо разбираюсь в людях, поэтому ничуть не возражал против избрания Базирана, зная, что он вполне справится.

— У тебя, наверное, практически нет недостатков,— заметил Ши.

— «Практически», мой юный неопытный друг,— это еще слабо сказано. Я и в *самом деле* лишен недостатков. Я ничуть не сомневаюсь в том, что спустя века люди начнут отсчитывать историю истинного чародейства с момента моего появления на этой сцене.

— А скромный какой! — добавил Ши, перехватывая быстрый взгляд Чалмерса.

Долон потупил взор:

— Мне иногда кажется, что слишком уж скромный. Хотя я всегда строго борюсь с лестью и пустыми славословиями... Опа! Ща будет дело!

На дальнем конце просеки, по которой они двигались, показался облаченный в доспехи всадник. Опустив копье, он пришпорил коня.

— Десять тысяч дьяволов, Артегаль собственной персоной! Сматываем, пока нам конец не пришел!

С таким видом, будто ему уже и впрямь конец пришел, чародей резко развернул коня, подняв его на дыбы.

Откуда-то сзади раздался пронзительный женский крик:

— Всем стоять!

На одном из камней у обочины высилась вооруженная луком Бельфеба, полностью перекрывая им путь к отступлению.

— В воздух! — проскрежетал Долон.

Остальные его слова уже было не разобрать, поскольку он тут же обернулся ястребом и, хлопая крыльями, принялся набирать высоту. Щелкнула тетива, свистнула стрела, и в воздухе облаком разлетелись перья. Ястреб перекувыркнулся и, падая, превратился обратно в Долона с торчащей из ноги стрелой. Хлоп! — рухнул он в мягкий дерн. Ши отметил, что по части ругани здешняя публика действительно подкована неплохо, но в этот момент и сам получил тычок копьем от Артегаля.

— Спешивайтесь, бродяги! — прорычал рыцарь.

Похоже, лучше было именно так и поступить. Рыцарь оказался таким же здоровяком, как Кэмбелл, и, несмотря на понавешанное на него железо, двигался чрезвычайно проворно. А кроме того, Бельфеба успела приготовить следующую стрелу.

Артегаль откинул забрало, открыв свирепую, смуглую физиономию с перебитым носом. Вытащив пару цепей с ошейниками, он нацепил их на пленников, затянул и застегнул.

— Вы арестованы! — молвил он.

— С какой это стати? — поинтересовался Ши.

— А с такой, чтобы предстать перед судом высшей инстанции двора ее величества царицы Глорианы!

Чалмерс издал стон.

— Высшая инстанция,— пояснил он, понизив голос,— означает смертный приговор, если нас признают виновными!

— Тогда я предпочитаю низшую,— тут же отозвался Ши.

— Лучше на этом не настаивать. Наверняка он и сам облечен полномочиями суда низшей инстанции, а следовательно, имеет право на месте приговорить вас к лишению свободы сроком до пяти лет. Наверняка он так и поступит.

Бельфеба спрыгнула с камня и приблизилась.

— Силы небесные, никак Долон! — воскликнула она.— Свидетельствую, сэр Артегаль, что не далее как вчера уже встречала я эту парочку в Лесу Лозелей, и искали они встречи с чародеями. Тот, что помоложе,— ловкий боец. Владеет клинком он чудесной силы, и не сомневаюсь я, что лежат на нем некие волшебные чары.

— Да что ты говоришь! — заметил Артегаль, выражение лица которого явно ничего хорошего не сулило.— Клянусь всеми святыми, тогда удачно я с ними повстречался! Неплохой подарочек правосудию царицы! А ну-ка поглядим, что тут у него за меч!

Он сдернул с Ши перевязь, чуть не оторвав ему ухо, и вскарабкался обратно в седло, держа в руке цепи. Пленникам ничего не оставалось, как покорно потрусить вслед за ним.

Чалмерс на ходу пытался шептать:

— И не думайте объяснять им, на чьей мы стороне. В случае чего Британарта нас выручит. Нам следует... ух... сохранить доверие Долона!

Пыхтя, они продвигались вслед за рыцарем. Чем больше Чалмерс обдумывал сложившуюся ситуацию, тем меньше ему нравилось тащиться на буксире ко двору царицы для отправления правосудия. Если они освободятся при помощи Британарты, первый же встречный колдун наверняка поинтересуется, как им удалось удрать, если даже Долон не сумел избегнуть своей участи. Относительно приговора, который ожидал магистра магических дел, особых сомнений не возникало. Артегаль поглядывал на того с неприкрытой ненавистью. Бельфеба, которая пружинисто выступала сбоку, развлекалась тем, что время от времени дергала чародея за ухо и, ухватив себя за горло, издавала придушенные звуки. Великому Долону все это явно не прибавляло оптимизма.

Ши? Тот только и делал, что восторгался легкой поступью Бельфебы. Во всем, что бы ни задумал Чалмерс, ему приходилось полагаться только на себя. К счастью, утром ему все-таки удалось стянуть и даже наскоро пролистать одну из записных книжек Долона. Там описывались простенькие чары, навевающие слабость,— чары так себе, которые держались от силы несколько часов и легко устранялись тем, кто знал об их предстоящем применении. Но положительная сторона заключалась в том, что, кроме двенадцати травинок, клочка бумаги и небольшого количества воды, никаких приспособлений больше не требовалось.

Наклонившись, Чалмерс на ходу сорвал несколько травинок и тут же запихал в рот, будто ему просто захотелось чего-нибудь пожевать. Сунув руку под свой балахон — якобы почесаться,— он потихоньку оторвал от книжки Долона уголок странички. Бумажка тоже сразу отправилась в рот; воду вполне должна была заменить слюна. Чалмерс забормотал слова заклинания. Если оно сработает, Артегаля с Бельфебой сразит такая слабость, что пленники без труда освободятся.

Ши окончательно пришел к мысли, что россыпь веснушек на лице Бельфебы ей очень идет, хотя далеко не каждый способен в полной мере восхищаться девушкой, которая в любой момент готова всадить ему стрелу в почки. Он был бы не прочь пообщаться с ней в несколько более непринужденной обстановке. Обладала она решительно всем, включая любовь к приключениям, которая мало чем отличалась от его собственной...

А какого это дьявола, интересно, он так устал? Он едва переставлял ноги. В такой момент, наоборот, следовало бы ощутить прилив сил и энергии. Бельфеба тоже еле плелась — куда только девалась ее летящая поступь! Даже лошадь повесила голову.

Артегаль раскачивался в седле, словно маятник. Сделав очередное титаническое усилие сохранить равновесие, он качнулся в противоположную сторону и медленно обвалился на дорогу с величием рушащейся фабричной трубы. В результате этой аварии процессия остановилась. Лошадь села на круп и растянулась рядом со своим хозяином, вывалив наружу язык. Чалмерс с Долоном, гремя цепями, последовали вслед за ними.

Артегаль с трудом приподнялся на локте.

— Колдовство! — вяло пролепетал он.— Эти пройдохи нас надули! Стреляй в них, Бельфеба!

Девушка неловко подняла лук. Чалмерс откатился вбок и встал на четвереньки.

— Давайте, Гарольд! Поднимайте Долона! — воззвал он и, еле подавив зевок, пополз в сторону.— О боже, а я-то рассчитывал, что сумею удержать это волшебство в рамках!

Ши сделал попытку скакнуть к Долону, но потерял равновесие и рухнул прямо на него. Долон недовольно буркнул, когда в него вонзились коленки Ши, но тоже, пошатываясь, поднялся на четвереньки. В таком виде вся троица дружно поползла прочь с дороги.

Ши оглянулся. Бельфеба была еще на ногах и пыталась натянуть лук, но силенок у нее осталось лишь на то, чтобы сдвинуть тетиву на какую-то пару дюймов. Наобум прицелившись, она выпустила стрелу, которая со свистом описала вялую параболу и бессильно ткнулась в зад Долону, отскочив от туго натянутых штанов и не проделав в них даже дырки. Чародей вякнул и увеличил скорость чуть ли не до целой мили в час.

— Скорей,— пропыхтел Ши.— Они за нами гонятся.

Бельфеба с довольно порядочной скоростью ползла вслед за ними, не обращая внимания на сбитые в кровь голые коленки. Позади нее, замыкая диковинное шествие, волокся Артегаль, похожий на страшноватого бесхвостого ящера. Он в своих доспехах и вовсе едва мог двигаться.

— Бельфеба настигает,— прокомментировал Ши где-то через минуту.

— Это меня не печалит,— отозвался Долон с довольно мерзким выражением на физиономии, вытаскивая из сапога нож.

— Алло,— испугался Ши,— только не это!

— С чего это вдруг?

Пока Ши пытался выдумать достаточно убедительный аргумент, на обочине показался какой-то тип в клетчатой юбочке. Мгновение он изумленно таращился на удивительную процессию, после чего сунул в рот ивовую свистульку и дунул.

— Да Дерга! — У Долона перехватило дыхание.— Горе нам, если они нас схватят!

В этот момент из лесу вырвался целый рой дикарей, все в клетчатых юбочках. Сопровождало их несколько поджарых, клочковатых псов. Всех пятерых без всяких церемоний повалили на землю и обезоружили. Перед Ши возникла безобразная рыжебородая харя какого-то гиганта, который, словно пилой, водил заржавленным палашом взад-вперед у самого горла пленника. Рыжебородый, видно, находил это занятие весьма забавным.

— Ну рази не странная штука, что они в таком виде? — заметил некто седобородый, весьма благообразного и добродушного вида.— Ребята, видать, натрескались какой-то дури, что совсем окосели!

— Их как, целиком тащить? — деловито осведомился другой.— Или только головы, для прихожей?

— И не срамно тебе, Шавн? Сёдни уж месяц, как наши боги имели должную жертву. Недостает, ох недостает тебе благолепия!

Ши пришли в голову несколько слов, которые куда лучше характеризовали ситуацию, нежели нехватка благолепия. Но с ним почему-то не проконсультировались. Он был крепко связан и подвешен за руки, за ноги на длинный шест. В течение последующего часа с небольшим, когда носильщики немилосердно трясли и дергали шест, неся его на плечах, боль в запястьях и лодыжках отбила у него всякую способность мыслить более-менее связно.

Двигаясь звериными тропами, в конечном счете они вышли на широкую поляну, уставленную по краям шатрами. Очевидно, племя Да Дерга находилось в экспедиции или боевом рейде, поскольку ни женщин, ни детей видно не было. Пленников аккуратно сложили рядком поблизости от грубо сколоченного деревянного алтаря, заляпанного по бокам бурыми пятнами вполне очевидного происхождения.

Ши прошептал:

— Слышь, Долон, а ты можешь их заколдовать?

— Угу. Как только от этой поганой слабости оправлюсь. Проклятье тому сапожнику, который нас ею наградил!

— Боюсь... гм... боюсь, что это я должен нести ответственность,— робко признался Чалмерс.

— Чтоб Вельзевул тебя забрал! Занимайся лучше своими фокусами с драконами, а истинную магию оставь великому Долону! Это, часом, не заклятие травы с бумажкой?

— Да.

— Так я и знал — знакомые симптомы. Вот зараза! Это пройдет не раньше чем через несколько часов, а к тому сроку мы будем мертвей Иуды Искариота! О, какая чудовищная несправедливость, что величайшего из магов мира ждет такая участь! Поймали, как карася в сети! Эта трагедия сейчас доведет меня до слез!

Он погрузился в угрюмое молчание. Ши лихорадочно соображал, что еще можно предпринять. Если ни пройдоха Долон, ни силач Артегаль ничем помочь не способны, выходит и впрямь дело труба. Надежда на подоспеющую в последний момент помощь со стороны была столь мизерной, что ее вообще не стоило принимать в расчет.

А тем временем из одной из палаток вышли трое дикарей в длинных белых одеяниях и совершенно идиотского вида венках из листьев. Один из них задумчиво заправлял длинный тесак. Звук,

который тот производил при соприкосновении с камнем, вынести было тяжеловато.

Тот, что с ножом, приблизился и сверху вниз оглядел пленников. Благообразный предводитель при этом заметил:

— Видал? Цельная куча!

— В самый раз,— отозвался жрец.— Для такого неожиданного подарка — в самый раз. Вот эти двое молоденьких — вроде покрасивше. Их первыми пустим. Но ежли они такие слабенькие — как они на алтарь-то взойдут?

— Кто-нибудь из ребят их поддержит. Эй, Мураху! Волынку приготовил?

Племя Да Дерга образовало вокруг поляны круг. Один из жрецов, что-то напевая, поднял лицо к солнцу и раскинул руки, пока другой делал над алтарем какие-то символические жесты. Третий замаршировал вокруг поляны в сопровождении волынщика. Тот в полном экстазе наяривал на своем инструменте, словно тысяча взбесившихся ульев. Ши показалось, будто за этой важно выступавшей парой тянется целая процессия каких-то призрачных фигур, плавая в неярком радужном мареве, которое скрадывало силуэты и вообще ставило под сомнение их существование. Народ Да Дерга низко кланялся шествующим мимо священнику с волынщиком и оставался согбенным до тех пор, пока не миновал влекомый теми призрачный хвост.

Все это было дико интересно, хотя Ши очень хотелось бы смотреть на столь диковинное зрелище в несколько ином статусе, в котором его не глодала бы мысль, что все это, скорее всего, его последние ощущения и впечатления в этом мире. Интересно, размышлял он, не имеют ли божества Да Дерга чего-нибудь общего с идолами древних кельтов... Черт побери, идея!

Один из варваров перерезал его путы. Двое других поставили их с Бельфебой на ноги, поддерживая за бока. На физиономиях их был написан полнейший экстаз. Ши уголком рта пробормотал:

— Слышь, Бельфеба! Если я помогу тебе выпутаться, обещаешь не лезть к нам, пока мы не сможем объясниться?

Девушка кивнула. Жрец с ножом занял свое место у алтаря. Другой приблизился к пленникам, повернулся кругом и повел их за собой. Собрав остатки сил, Ши гаркнул:

— Эй, мистер священник!

Жрец обернулся. Выражение лица было у него самое что ни на есть умильное.

— Ну-ну, парнишка,— молвил он,— а вот кричать нехорошо, ой нехорошо! Это ж такая честь — первым отправиться к богам!

— Знаю. Но вам не кажется, что богам вряд ли понравится снулая рыба вроде нас?

— Соображаешь, что к чему! Но боги благосклонны, когда человек отдает им лучшее, чем владеет,— а это вы и есть.

— Но вам вполне под силу придать нам товарный вид! Мы околдованы. А вы наверняка и сами неплохой чародей — так почему бы вам не снять с нас эту волшебную слабость?

Физиономия жреца выражала понимающее недоверие.

— По-моему, говоришь ты это для какой-то своей выгоды, а не для нашей. Но должен заметить, мальчик мой, что в твоих словах немало здравого смысла.

Он поглядел сначала на Ши, потом на Бельфебу и, бубня себе что-то под нос, взмахнул руками. Ши почувствовал, как в него вливаются прежние силы. Старый священник обратился к молодым громилам:

— Теперь держите их покрепче, ребятки! Будет это совсем, ну совсем ни к чему, если они применят обретенные силы, чтобы удрать.

Грубые лапищи дикарей вцепились в руки Ши с такой силой, что он вздрогнул. Он заметил, что и Бельфебе пришлась не по вкусу такая хватка. Он заставил себя расслабиться и безвольно повиснуть в их клешнях.

Процессия достигла алтаря. Физиономия волынщика побагровела, но, судя по всему, он был еще в форме — благодаря присущей всем волынщикам удивительной выносливости, которая позволяет им преспокойно шагать, поддувая в меха, когда обычный человек давно бы запыхался и свалился. Ши еле тащил ноги. Жрец с ножом поджидал их с таким умильным выражением на лице, будто все его личное благополучие и спокойствие души целиком и полностью зависели от предстоящего великого и благородного акта. До алтаря оставалось каких-то четыре шага. Ши бросил взгляд на Бельфебу. Три. Она обеспокоенно глядела на него, словно ожидая некоего сигнала. Два. Он почувствовал то, чего так ждал,— хватка подуставших, потных ручищ здоровяков немного ослабла. Один. Сейчас или никогда!

Согнув ногу в колене, Ши резко ударил назад пяткой. Завизжав от боли, дикарь отпустил его руку и полетел на землю. Ши тут же крутнулся на другом каблуке и погрузил колено в живот второго охранника, одновременно врезав ему по кадыку. Тот, никак не ожидая столь дьявольски энергичного взрыва, отлетел в сторону и упал, хрипя и корчась.

Последующее заняло какие-то секунды. Двое других охранников не поняли друг друга и, вместо того чтобы оставить одного держать Бельфебу, отпустили ее одновременно, чтобы броситься к Ши. Охотница тут же вцепилась в жреца с ножом, запустив ему в руку зубы.

Охранники были ребятами крепкими и, видно, знали толк в драках, но их сдерживала необходимость задержать беглецов в максимально неповрежденном виде. Ши же в этом плане абсолютно ничто не останавливало. Одного он ткнул растопыренной пятерней в глаза, другого как следует пнул ногой под дых. Раздался чей-то визг. Мимо промчалась Бельфеба с окровавленным ножом, на ходу увлекая за собой Ши.

Остальные дикари были слишком ошарашены учиненным святотатством, чтобы всерьез им помешать. Ши с Бельфебой пронеслись сквозь строй воинов как раз в тот самый момент, когда те только потянулись за своими палашами.

Вскоре они оказались среди деревьев, по-прежнему мчась с бешеной скоростью. Бельфеба легко бежала впереди, даже не запыхавшись. Ши понял, что она запросто сумела бы оторваться, если б только пожелала. В лесу, видно, ее вел инстинкт. Вдруг она резко свернула вправо, проскользнула между двумя толстыми стволами, сбежала к крошечному ручейку и, прошлепав по его руслу с полсотни ярдов, снова углубилась в лес.

— Наверх! — внезапно крикнула Бельфеба и, с легкостью мальчугана вскарабкавшись на дерево, протянула Ши руку. Они тесно прижались друг к другу в листве и прислушались.

Отрывочные звуки погони то приближались, то слышались где-то вдалеке. Рассыпавшись цепью, дикари прочесывали лес. Ши с Бельфебой неподвижно застыли, затаив дыхание. Послышался треск ломающихся веток, и в нескольких ярдах от их дерева прошли двое, ведя на веревке огромного пса.

— Ужас какой,— говорил один из них,— аж троих покрошили! И святого не пожалели!

— Омерзительная жестокость! Бедняга Фион, сломали ему его прекрасную шею, совсем сломали! Кровавые нелюди эти двое, вот кто!

Голоса отдалились. Они еще немного выждали, и Ши шепотом поведал Бельфебе свой с Чалмерсом план.

Бельфеба обвела Ши ровным взглядом и, видно окончательно уверившись в его искренности, спросила:

— Почему не сказал ты этого раньше, добрый сквайр?

— Не мог при Долоне — тогда бы уж точно все накрылось. Если не веришь, спроси у Британомарты. Она наверняка выдаст нам хорошие характеристики. Честно!

— И хочешь сказать ты, что собираешься и впредь следовать безумному плану своему?

— Конечно, если только получится выручить наших.

— Уж не рассчитываешь ли ты, что Артегаль отпустит Долона?

Ши задумался:

— Артегаля я, конечно, не знаю. Но, наверное, ты права: он из тех, кто если и вобьет себе что в башку, так хоть топи его, хоть жги — на своем стоять будет.

Бельфеба испустила короткий переливчатый смешок:

— Следовало быть бы тебе придворным шутом, сквайр Гарольд! Но и в проницательности не откажешь тебе — Артегаля описал ты в точности.

— В общем, придется как-то так сделать, чтоб он не смог помешать, пока мы не исчезнем.

— Нет! Клянусь честью, в жизни не стану я на сторону колдуна коварного...

— Ну послушай, Бельфеба! Подумай головой как следует. Рыцари Царства Фей годами пытаются извести всех этих колдунов, так или нет?

— Сущая правда.

— И ничего-то у них не выходит, верно?

— Благородный сквайр, вещаешь ты словно доктор! Но боюсь, что совершенно прав ты.

— Отлично. Все эти разъезды в железной амуниции с целью прижать к ногтю одного-другого отбившегося колдуна к большому успеху вас все равно не приведут. А у меня с моим боссом есть план, как пролезть в их организацию и взорвать весь этот клоповник одним махом. Так почему бы не попытаться?

— Но как смогу я...

— Дело большое! Скажешь Артегалю, что ради побега от Да Дерга мы заключили временное перемирие, одним из условий которого было, чтобы мы могли уйти прежде...

Тут он умолк и прислушался. До них донеслось едва слышное зудение волынки.

— Церемония началась снова! — вскричала Бельфеба.— Поспешим, иначе друзья наши пропали!

Она торопливо полезла вниз. Ши попутно спросил:

— А что мы сможем сделать?

— Лично я ничего не смогла бы без знания леса и потайных его тропинок!

Она спрыгнула на землю и принялась насвистывать какой-то чудной коротенький мотивчик. Как только оборвалась последняя пронзительная нота, из лесу выбежал самый настоящий сказочный единорог. Он по-собачьи ткнулся в нее пофыркивающим носом, роя копытом землю. Одним махом она взлетела ему на спину.

— А как же я? — только и успел ахнуть Ши.

Бельфеба нахмурилась:

— И впрямь была бы я не прочь, чтобы скакал ты со мною вместе, но сомневаюсь, что скакун сей вынесет двоих. А звери они ревнивые, находиться не любят в обществе себе подобных. Впрочем, можешь держаться за хвост.

Подобное решение представлялось Ши, мягко говоря, неудовлетворительным.

«Но в конце-то концов,— подумал он,— разве не разбираюсь я теперь в магии достаточно, чтобы и себе сотворить подобный транспорт? Может, добытый посредством колдовства единорог и не вызовет возражений у этого».

— Если ты покажешь дорогу к тому ручейку, я и сам попробую что-нибудь придумать,— сказал он.

По пути к ручью он сочинил соответствующее заклинание. Оказавшись на берегу, из мокрого песка он в меру своих способностей слепил подобие головы сказочного зверя и воткнул в нее палочку, долженствующую изображать рог. После этого он произнес:

О скакун, что вскормлен среди молний,
Что вспоен среди ветров и волн,
Во имя лошадки Хеймдалля
Заклинаю — явись, силы полн!

Будь ты мощным, послушным и храбрым,
С крепким рогом, воздвигнутым ввысь,
Во имя коня Магомета
Заклинаю тебя я — родись!

Посредине ручья с быстротой взрыва возникла какая-то гора, окруженная тучей разлетевшихся брызг. Ши подскочил и смахнул с глаз угодившие на них капли, а потом еще и протер их, чтобы лишний раз удостовериться. Доморощенная магия путешественников в очередной раз увенчалась практически полным успехом.

Посреди ручья стоял превосходный индийский носорог, здоровенный, как буйвол.

7

Ши на мгновение охватила паника. Но потом ему вспомнилось, что своей нехорошей репутацией носорожье племя обязано в основном сварливому характеру двурогих черных носорогов, обитающих в Африке. Но как бы то ни было, на возню с созданием каких-то других животных времени уже не оставалось. Раз уж он просил послушного, значит, так оно и должно быть. И он уселся на носорога верхом.

Может, этот зверь и впрямь был послушным и покладистым, но к седокам явно привычки не имел. Едва оправившись от шока, связанного с прибытием в незнакомый пространственно-временной сектор, он выбрался из ручья и галопом поскакал по лесу совершенно не в том направлении. Ши вцепился пальцами в складки брони и повис мешком, вопя Бельфебе:

— Эй! Слушай... ух!.. ты не могла бы... ух!.. как-то завернуть эту тварь?

Носорог, углядев справа от себя единорога, негодующе хрюкнул и обнажил здоровенные зубищи. Единорог отпрянул и как следует боднул его под ребра, когда тот нелепыми скачками проносился мимо. Носорог, явно расстроенный подобной выходкой, сделал попытку улизнуть, но Бельфеба с мастерством опытного загонщика быстренько развернула его в сторону лагеря Да Дерга.

Волынка стала слышней. Носорог, который уже боялся единорога куда сильней каких-то там незнакомых шумов, ломанулся прямиком на звук. Ши впился в его спину, от всей души надеясь, что тому не взбредет в голову протаранить по дороге какое-нибудь дерево. Стволы впереди внезапно расступились, и перед ними раскинулся лагерь. Двое охранников уже повалили Чалмерса на алтарь и крепко держали. Жрецы раздобыли где-то другой нож.

— Йя-я-я-я! — завизжал Ши.

Все головы резко повернулись к ним. Занесенный нож повис в воздухе. Перед Ши промелькнула смазанная картина лагеря, украшенная спинами дикарей, которые в вихрях клетчатой материи улепетывали во все пятки. Визжали и орали они что надо.

За алтарем Ши кувырком скатился со своего скакуна и вернулся назад пешком. Бельфеба уже перерезала остальным путы, но, затекшие и по-прежнему слабые, двигаться самостоятельно они не могли.

— Полагаю,— расслабленно промямлил Чалмерс,— что теперь вы... гм... окончательно убедились в нецелесообразности посещения мира ирландских легенд, Гарольд.

Ши ухмыльнулся:

— Раз уж на то пошло, то да.— Он обернулся к Долону: — Я, конечно, могу снять с тебя эту слабость. Но я просто-таки уверен, что у такого классного специалиста, как ты, есть куда лучший метод, чем у меня. Если растолкуешь, что там к чему, я применю его вместо своего собственного.

— Об чем речь, конечно растолкую! Нонешняя молодежь так редко уважает знания истинных мастеров колдовского дела... Наклонись поближе, и я...

Артегаль немощной рукой потянулся к Бельфебе:

— Что с тобой, подруга? Бей негодяев! Сразу их!

— Мы со сквайром заключили перемирие.

— Перемирие?! — прорычал он.— Заключай перемирия с самим дьяволом, с Да Дерга, наконец, но только не с этими чудищами в облике человечьем! Ее царское величество еще узнает об этом!

Ши поколдовал над Чалмерсом. Поднявшись, тот буркнул:

— Благодарю вас, Гарольд. Если вы всерьез задумали продолжать...

— А ну-ка тихо, доктор,— цыкнул Ши. В его намерения вовсе не входило ставить свой хитроумный план под угрозу в самом что ни на есть начале.

Чародею, видно, пришлось не по вкусу, что Чалмерса обслужили первым, но сделано это было как нельзя более правильно. Едва поднявшись на ноги, Долон цапнул один из валявшихся на земле жертвенных ножей и кинулся к беспомощному Артегалю. Бельфеба ловко подставила ему ножку, когда он пробегал мимо. Прежде чем он успел встать, Ши повис у него на спине, одной рукой обхватив за шею, а другой вцепившись в запястье.

— Брось нож! — завопил он при этом.

Пузатое тулово чародея конвульсивно дернулось, и Ши вдруг обнаружил, что стискивает шею какой-то огромной змеюги вроде питона. Он с ужасом ощутил силищу упругой, словно резина, твари, когда та резко подтянулась и сделала попытку обвиться вокруг него.

Но поскольку рук, как известно, у змей нет, Долону пришлось бросить нож. Ши тут же подхватил его и приставил лезвие к чешуйчатой глотке.

— Превращайся обратно,— пропыхтел он,— не то в момент башку отхвачу!

Долон снова обернулся самим собой.

— Ты что, совсем трюхнутый? — прошипел он, брызгая слюной.— Послал черт дураков помощничков — сейчас бы раз-два, и избавились от главного врага! Козел ты, вот ты кто! Все испортил!

— Нисколько, магистр,— отозвался Ши, слегка ослабляя захват.— Ты забыл про перемирие. Мы с Бельфебой договорились не пакостить друг другу, покуда мирно не разойдемся в разные стороны.

— Ты что, хочешь сказать, что перед *ними* слово держишь? Ну, это уже вообще ни в какие ворота не лезет!

Ши опять стиснул пальцы и повернулся к Артегалю:

— Если я тебя освобожу от волшебной слабости, дашь слово чести, что пустишься в погоню не раньше как часа через два?

— Придурок! Ну придурок! — возмущался Долон. Но Артегаль сам уладил этот вопрос:

— Договариваться с колдунами? Только не я! Прикончи меня, если желаешь, но не рассчитывай так же легко избавиться и от всех рыцарей Глорианы!

Перед лицом столь очевидной непонятливости и упрямства Ши только вздохнул.

— Док, приглядите минутку за Долоном, ладно? — Он поднялся и обратился к Бельфебе: — Позаботишься о нем, когда мы уйдем.— И чуть мягче прибавил: — Слушай, а как мне в случае чего с тобой снова связаться?

Она задумалась:

— Если не выйдешь ты за пределы сего великого леса и будешь знать лишь, как вызвать моего единорога из чаши — говорю я не про того неуклюжего зверя, коего ты...

— Насвисти тот мотивчик — потихоньку, а?

Она так и сделала, а он повторял за ней до тех пор, пока не сумел воспроизвести его более-менее точно. Но закончила она с улыбкой:

— Очень сомневаюсь я, правда, что удастся тебе приманить его достаточно близко. Дам и девиц единороги не особо боятся, но к мужчинам с великою опаской относятся.

Ши ненадолго погрузился в размышления, после чего оттащил Чалмерса в сторонку, оставив Бельфебу охранять Артегаля от Долона.

— Док, вы в состоянии выколдовать кусочек сахару?

— Гарольд, вы не устаете меня изумлять! Хотя, по чести сказать, я чувствую себя просто-таки как выжатый лимон. Я уже даже не способен достаточно связно...

Ши встряхнул его за плечи.

— Да послушайте же, док! — свирепо прорычал он.— Я и сам уже готов взорваться, но если вы по-прежнему рассчитываете когда-либо увидеть Флоримель, то без меня вы никуда не денетесь. Успокойтесь, смотрите на это просто как на небольшой эксперимент в прикладной психологии, а именно — внедрение в либидо самки единорога андрофилической установки. Ну давайте, док, ничего-ничего!

Вода, уголек из брошенного Да Дерга костра и заклинание произвели на свет две полные пригоршни аккуратных брусочков кленового сахара, на действие которого Ши возлагал определенные надежды. Единорог издалека подозрительно принюхался и, подбадриваемый Бельфебой, нерешительно приблизился, дабы попробовать диковинку. Сосредоточенно почмокав, он прянул ушами и потянулся за добавкой. Ши скормил ему еще один кусочек, а остальные демонстративно упрятал в карман.

— Порядок,— объявил он.— Ну, мы пошли. Кстати, Бельфеба, тебе, наверное, лучше привязать этого Д. Эдгара Гувера за

ноги к единорогу и отбуксировать отсюда, пока Да Дерга не вернулись поглядеть, что тут стряслось.

Понемногу темнело. Когда они добрались до дороги, Долон пробормотал заклинание и произвел на свет коня, на которого тут же взгромоздился.

— Эй! — возмутился Ши.— А как же мы?

— Чирей тебе на задницу, подмастерье, за того железного болвана! Пешком прогуляешься! Узнаешь тогда, каково глумиться над великим Долоном!

Ши нацепил на физиономию льстивую улыбочку.

— Ты меня не так понял, магистр. Тебе не кажется, что ордену очень пригодится человек, про которого оппозиция думает, что он человек чести? Я просто готовил почву для такого дела. Вот когда мы действительно прижмем хвост всей этой компании и наловим их целую кучу вместо тех двоих, тогда мне вообще цены не будет!

Долон мгновение размышлял, после чего его красные пухлые губы растянула улыбка.

— Ого! Держишь, выходит, нос по ветру? Да еще на рыженькую, небось, глаз положил? Ладно, так и быть: когда ее изловим, можешь позабавиться, пока не отправим ее в камеру пыток — если, конечно, орден тебя примет. Честно признаться, мне довольно сомнительно, что искусен ты в более практических формах магии.

— Кхе-гм,— подал голос Чалмерс.— Вы как-то заметили, Долон, что у вас в ордене время от времени... гм... работают на пересекающихся направлениях.

— Угу. Такова уж природа вещей. Видишь ли, магия — искусство не из особо упорядоченных.

— Но ведь это совсем не так! Мы можем показать, как все это в корне изменить.

— Диковинная до чего доктрина! Шутишь?

— Нисколько. Вы обратили внимание на колдовские методы жрецов?

— Священников Да Дерга, что ли? Чего там говорить — колдовство у них, и верно, есть, да такое жалкое, что любой чурбан по сравнению с ними просто мастер.

— Не в том дело. Вопрос не в том, что они делают, а в том, *как* они это делают. Один у них вызывает богов, другой превращает алтарь из деревянного в каменный и так далее. У каждого — строго своя функция, и все приучены работать совместно. Вот это настоящая организация! В общем, если... гм... ваш орден организовать подобным образом...

Вмешался Ши:

— Вы же пытаетесь свергнуть правительство Глорианы и поставить у власти чародейский совет, насколько я понимаю?

Никто ему такого не говорил, но это просто-таки само собой подразумевалось.

— Пытаемся. Но многие работают сами по себе, и нету у них такого предводителя, как я, дабы их направить.

— Но даже ты, великий магистр, не в состоянии один охватить все сразу и оказаться в нескольких местах одновременно. Все складывается так, что этот ваш орден нечто вроде профессиональной гильдии. Он не позволяет вам перегрызть друг другу глотки из-за конкуренции, и только. Ничего вы никогда не добьетесь, время от времени изводя одного-другого отбившегося рыцаря. А мы можем показать, как превратить ваш орден в настоящую организацию, все детали которой крутятся столь же четко и плавно, как у действующих совместно рыцарей Царства Фей. Прелесть подобной организации в том, что, когда у руля оказывается столь гениальный человек, как, скажем, ты, каждый из ее членов становится как бы зеркальным отображением предводителя. Получается, что ваш орден как бы состоит из двадцати одного Долона. Правительству Глорианы в жизни перед таким не устоять!

— Хо-хо! — вскричал Долон.— Короче, все это лишний раз подтверждает, что я, как говорят отдельные здравомыслящие граждане, действительно великий Долон и практически безошибочно разбираюсь в людях! Я с самого начала знал, что ваши головы содержат некий благородный и ценный план, способный продвинуть развитие ордена и всего магического дела в целом. Но мне пришлось подвергнуть вас испытанию, чтобы вы его выложили. В общем... мы снова друзья, и скреплю я наши узы, доставив сюда ваших зверей и пожитки.

Пришпорив лошадь, он заехал за дерево и учинил какое-то колдовство, которое немедленно вызвало появление столба дыма, пробившегося сквозь ветви деревьев к небу и ухватившего последние лучи закатного солнца. Откуда-то из-под него рысцой выбежали Адольфус с Густавусом и замерли в сумерках перед своими

хозяевами. У седла Адольфуса по-прежнему болталась шпага. Долон вернулся назад, ухмыляясь словно каким-то собственным мыслям.

— Я представлю вас ордену как специалистов по диковинным зверям,— любезно сообщил он.— То чудище, на коем ты прискакал к нам на подмогу, оказалось пострашней любого гоблина, которого я хоть когда-либо видел, дружище Гарольд! Понимаешь, есть у меня свойство, не сильно-то распространенное среди великих мира сего, отдавать должное и молодежи.

Меж стволами сгустилась самая настоящая тьма, и лошади стали то и дело спотыкаться на разбитой дороге. А еще через час они выехали на широкую поляну. Посреди ее у самой дороги в призрачном лунном свете стояла крытая соломой невзрачная хижина. Одно окошко ее светилось.

— Замок Базирана! — объявил Долон.

— Выглядит довольно... гм... непрезентабельно,— нерешительно заметил Чалмерс.

— Хо-хо! Не знаешь ты еще нашего архимага, мастера зрелищ и иллюзий, который расставляет такие ловушки, чтобы обманывать доверчивых простаков. Смотри же!

Пока Долон произносил эти слова, луна скрылась за тучами. Ши услыхал хлопанье крыльев. Что-то задело его по лицу. По левой руке вдруг что-то неприятно проползло, словно какое-то насекомое,— он даже отпустил поводья. Откуда-то из темноты донесся протяжный, глухой вой. Конь под ним неуверенно дрогнул, копыта его зацокали по камням в густой, как бархат, тьме. Внизу, на уровне стремени, возникла чья-то физиономия — огромных размеров, с висячими ушами и неровными зубами, торчащими в вечной ухмылке над выкаченной нижней губой. Никакого источника света, который позволял бы разглядеть окружающее, поблизости не было — за исключением разве что этой самой физиономии, что плавала во тьме сама по себе.

— Хозяин приветствует вас и приглашает спешиться! — нечленораздельно протявкала физиономия.

К Ши протянулась когтистая лапа, дабы помочь ему слезть с седла. Хоть и попривыкший уже ко всякого рода неожиданностям, на сей раз он не сумел справиться с дрожью при этом липком леденящем прикосновении. Долон у него за спиной хихикнул. Стряхнув прочь страхи, он двинулся вдоль по коридору, в котором оказалось еще темней, чем снаружи, подчиняясь ведущим его трупоподобным пальцам. Послышалось какое-то шуршание, и он ощутил тошнотворную вонь василиска. Дверь затворилась. Вместе со своими спутниками он стоял в какой-то обширной комнате, щурясь от падающего потоком света.

Навстречу им двинулся пожилой, почтенного вида человек, одетый в такую же паломническую сутану, что и у Чалмерса. Он любезно улыбнулся:

— Добро пожаловать, добрый Долон! Какому же счастливому случаю обязаны мы твоим прибытием до начала собранья?

— Да тому самому случаю, что привел меня сюда с этими вот славными ребятами, коих я не далее как вчера вытащил из лап этого поганца Артегаля.

Подобная версия оказалась несколько неожиданной, но Ши предпочел помалкивать, покуда Долон расписывал леденящие кровь подробности чудесного спасения Ши с Чалмерсом.

— О благороднейший архимаг,— продолжал он,— пришел мне в голову один план. Как известно тебе, люди настолько добры, что говорят, будто владею я талантом составлять планы, граничащие попросту с гениальными.

Вне всякого сомненья, благороднейший архимаг, не можешь не признать ты факта, что ты лишь один и не можешь оказаться в разных местах одновременно. Хорошо ты орденом правишь, но выходит так, что он всего лишь профессиональная гильдия. Не дает он нам перерезать друг другу глотки из-за конкуренции, и только. То, что нам нужно,— это организация, где все работают сообща, как рыцари Царства Фей. Получится, словно орден будет состоять из двадцати одного Базирана. Правительству Глорианы в жизни такого не пережить, верно?

Счастливый случай свел меня с этими вот двумя, которые желают вступить в наш орден. Благодаря искусству разбираться в людях, в коем я так знаменит, я сразу догадался, что специалисты они как раз по тем организациям, коя нам потребна. В общем, рад представить тебе Рида Чалмерса, чародея, и Гарольда де Ши, подмастерья, как будущих ценных членов нашего сообщества. В области магии искусство их заключается в создании невиданных и неслыханных зверей. Сам Зверь Рыкающий ударился в бегство перед их чарами!

— Доброго колдовства вам, преволшебнейшие сэры! — произнес Базиран с любезным поклоном.— Заявленье ваше рассмот-

рено будет с самым серьезным вниманьем. Полагаем мы, Долон, что слыхал ты уже известия горькие?

— Не, не слыхал.

— Погиб бедняга Мальвиген — пронзен стрелою, что послала эта дьяволица Бельфеба!

— Вот сволочная баба! — Долон обернулся к Ши с Чалмерсом: — Спрашивается, ну разве не безобразие это, преволшебнейшие сэры? Вот вам человек, который всю жизнь угробил на изученье теории и практики колдовства,— Мальвиген. Стал крупнейшим специалистом в области эротических сновидений, превзойдя в этом искусстве даже великого Долона. И что же? Теперь его закололи, словно дикого кабана,— а за что? За то, что достиженья его противоречили тому, что придворные слюнтяи именуют моралью!

Ши пробудился в несколько растрепанных чувствах, поскольку ему приснилось, будто он превратился в статуэтку дюймового роста и был проглочен змеей. Одежда его лежала рядом на стуле. Очевидно, она подверглась магической стирке и глажке, поскольку выглядела совершенно как новая по сравнению с тем потрепанным и засаленным состоянием, в котором пребывала прошлым вечером.

Вошел Чалмерс. Одеяния его тоже блистали чистотой, и даже выглядел он моложе, чем Ши всегда его помнил.

— Я нашел Флоримель! — выпалил он.

— Ш-ш! Ради бога, не так громко. Рассказывайте.

— Она прогуливалась по стене замка. На самом деле это сооружение куда основательней, когда смотришь при дневном свете. Базиран был чрезвычайно любезен. Похоже, он намеревается использовать ее с целью — совершенно с его стороны оправданной — вызвать раскол...

— Ладно, док. Ладно. Понял. Вы в полном восторге. А что, вам действительно удалось выяснить? Кто эта Флоримель, для начала?

— Она... гм... изготовлена из снега личностью, известной как Рифейская Ведьма, в качестве дубликата или двойника настоящей Флоримели, которая, похоже, бесследно исчезла. Базиран считает, что теоретически вполне вероятно подобрать соответствующее волшебное заклятие, чтобы снабдить ее настоящим человеческим телом. Он был весьма, весьма любезен. Боюсь, мы могли составить не совсем правильное суждение...

— Вот как? Насколько я понял, он пообещал вам привести ее в порядок.

Чалмерс неожиданно приосанился:

— По сути дела, пообещал. Но я не вижу, как это способно помешать...

Ши подскочил:

— О боже! Еще немного — и вы окончательно продадитесь колдунам и предоставите ребятам Глорианы выпутываться самостоятельно, пока будете наводить марафет на свою снежную бабу!

— Неправда, Гарольд! В конце концов, ведь именно вы настаивали на продолжении операции, тогда как мне хотелось...

— Да ну? А у кого, интересно, первого появилась светлая идея набиваться в друзья колдунам? Кто разработал дивный план...

— Молодой человек, позвольте вам заметить, что вы столь же непомерно самонадеянны, как и опрометчивы в поступках! Ведь это из-за вас мы постоянно попадаем из одной неприятности в другую, поскольку вы постоянно ввязываетесь в драки безо всякой видимой причины. Вы понуждаете меня применять заклятия, которые я еще не имел возможности подвергнуть серьезной проверке. И вот теперь, когда я намереваюсь провести действительно важный научный эксперимент...

— По-моему, вам и не приходило в голову, что Базиран просто хочет использовать вас в своих целях, заманивая этой девицей. Она у него под контролем, так что...

— Ш-ш! Не надо кричать.

— А я и не кричу! — взревел Ши.

Стук в дверь заставил обоих умолкнуть.

— М-м... кхе-гм... войдите! — отозвался Чалмерс.

На пороге, потирая руки, стоял Базиран.

— Утро доброе, преволшебнейшие сэры! Заслышали мы беседу вашу, и пришло нам на ум, что, может, потребно вам что-либо, что отыщется в хозяйстве нашем скромном или создать возможно силами нашими невеликими?

Чалмерс оправился первым.

— Мы тут как раз размышляли... Понимаете ли, дело создания организации требует... гм... довольно специфической методологии. Научная основа комбинационной магии... гм... гм...

Инициативу перехватил Ши:

— Короче, мы хотели узнать, нельзя ли взять напрокат кое-какое лабораторное оборудование.

— О, конечно, лежит это в пределах возможностей наших! Можем предоставить вам даже нескольких узников, чтоб ставили вы на них свои опыты. Будем рады также снабдить вас и василиском. Если светлости ваши соблаговолят проследовать за нашей ничтожной персоной...

Когда наконец предводитель колдунов их оставил, Ши с Чалмерсом шумно перевели дух. Оба внимательно искали в нем хоть малейшие признаки подозрительности, но ничего такого он не проявил, по крайней мере пока.

Чалмерс проговорил:

— Разрешите мне принести вам извинения за мою... гм... излишнюю вспыльчивость.

— Все в порядке, док. Мне и самому не следовало сходить с катушек. И простите, что так расстраиваю вас своей безрассудностью.

Они обменялись рукопожатием, словно пристыженные мальчуганы.

— Итак, в чем будет заключаться наша программа? — поинтересовался Ши.

— Ну... кхе-гм... Для начала мне хотелось бы восстановить Флоримель... то есть снабдить ее нормальным человеческим телом. Кроме того, она вполне может счесть человека моего возраста не совсем подходящей парой. А я заметил, что Базиран способен варьировать свой возраст так, как только пожелает.

— Ха...— захохотал было Ши, но тут же осекся, как только Чалмерс бросил на него глубоко обиженный взгляд.

— Послушайте, Гарольд, что, в конце концов, такого ужасного в желании стать молодым?

— Да не в том дело, док! Просто мне вспомнились одни ваши слова насчет того, что для человека вашего возраста амурные похождения малопривлекательны.

Чалмерс не без некоторого торжества улыбнулся:

— Не забывайте, что если я добьюсь успеха в процессе омоложения, то больше не буду человеком своего возраста!

8

— Господи! — простонал Чалмерс.— Вы уже второй раз запинаетесь в заклинании! Гарольд, чем у вас голова занята?

Ши отсутствующим взглядом уставился на огромную стальную клетку, которая занимала чуть ли не половину лаборатории. Внутри клетки при помощи горшка с углями они пытались сотворить дракона — только одного дракона.

— Да так, ничего особенного,— отозвался он.— За исключением разве толпы всяких страшилищ, которая заявится завтра на собрание.

Тут Ши немного покривил душой. Он так и не оставил идеи великого штурма логова колдунов и пленения всех его обитателей одним махом. Предыдущим вечером, ничего не сказав Чалмерсу, он выходил осматривать местность.

В том самом месте, где ворота замка пропали из виду, а сквозь его стены проглянули расположенные за ними леса и скалы, он остановился и сделал тщательную привязку к ближайшим ориентирам. Он даже хихикнул про себя при мысли, что от всех этих невидимых замков давно бы не было никакого проку, если б жители Царства Фей хоть немного разбирались в топографии. Затем он подложил под створку ворот камешек, чтобы она не закрылась, и скользнул в чащу.

Углубившись в лес, он осторожно просвистел мотивчик, которому научила его Бельфеба. Без толку. Он попытался второй раз и третий, гадая про себя, как скоро могут хватиться его отсутствия. Он был уже готов вернуться, когда наконец-то увидел, что единорог — очевидно, тот же самый, на котором скакала тогда Бельфеба,— осторожно выглядывает из-за деревьев. Зверь подозрительно принюхался, прежде чем подойти и схрумкать кусочек кленового сахара.

Ши написал:

«Дражайшая Бельфеба!

Мы в замке Базирана. Он расположен приблизительно в двух часах езды по дороге от того места, где мы удрали от Да Дерга. Похож на хижину, если не свернешь с дороги к востоку и не пройдешь по тропинке, пока большой дуб, самый высокий поблизости, не окажется на одной линии с холмом, у которого скругленная верхушка.

Тогда будет виден сам замок. Не могла бы ты оказаться поблизости где-то денька через два? Я позову единорога, и, если ты на нем приедешь, увидимся. Поаккуратней с этими колдунами, ладно?

Г. Ш.»

Записку он наколол единорогу на рог и отвесил зверю легкого шлепка.

«Теперь,— подумал он тогда,— если мне придется срочно сматывать из замка, у меня будет провожатый. А если нет, то, по крайней мере, еще разок с ней повидаюсь...»

Было это прошлым вечером. В течение всего утра он все больше и больше нервничал и поддавался рассеянности и именно тогда ухитрился вторично запутаться в тексте заклинания, которое они с Чалмерсом пытались пустить в ход. «Ничего особенного»,— ответил он на вопрос Чалмерса. Чалмерс лукаво поглядел на него и прогудел:

Ой-ой-ой, ой-ой-ой,
Что случилось со мной?
Не глотну ни глотка, не кусну ни куска,
Лишь печально вздыхаю порой!

Ши пристально посмотрел на своего напарника, но, кроме заботливого внимания, ничего в его лице не углядел. Что он может подозревать?

Но Чалмерс был слишком поглощен нерешенной задачей.

— Ну-с,— объявил он,— попытаемся еще разок. «Фафниром с Питоном и Змеем Мидгардским...»

Заклинание покатилось дальше. Выходящий из горшка дым сгустился, и доморощенные колдуны продолжали, готовые в любой момент выкрикнуть обратное заклятие, заранее составленное Чалмерсом на тот случай, если ситуация каким-то образом выйдет из-под контроля.

Это был один из вариантов первоначального драконьего колдовства с несколько измененными словами и приготовлениями. Внезапно послышалось леденящее металлическое шипение, и дым едва заметно колыхнулся. Заклинание увяло. Заклинатели застыли, разинув рты.

Дракона они сработали что надо. Одного дракона, не сотню. Но оказался он каких-нибудь дюймов десяти в длину, с крыльями, как у летучей мыши, и торчащим на кончике хвоста жалом. Вдобавок он выдыхал огонь.

Прутья решетки были достаточно прочными, чтобы удержать дракона обычных размеров. Но этот крошечный ужастик захлопал крыльями, протиснулся наружу и устремился прямо на экспериментаторов.

«Уау!» — взвыл Ши, когда вылетевший из челюстей твари язычок пламени напрочь спалил ему волоски на руке. «В-вай!» — вякнул Чалмерс, когда жало вонзилось ему в лодыжку. Столкнувшись лбами, они заметались по лаборатории. Ши схватился за шпагу, а Чалмерс замахнулся пестиком. Дракончик проскользнул между ними и через открытую дверь вылетел в коридор. Оттуда послышалось шуршание и глухой стук.

Ши вышел в коридор и вернулся обратно, вид имея довольно бледный.

— Он попался на глаза василиску,— сообщил он, протягивая замечательного каменного дракона десяти дюймов в длину.

— Бросьте его в мусорное ведро,— угрюмо распорядился Чалмерс, поглядывая, что бы приложить к ужаленной лодыжке.— Проклятье, Гарольд, если только и существовал какой-то способ регулировать количественную сторону...

— То, наверное, это он и был,— подхватил Ши.— В чем мы напороли с этой ожившей сварочной горелкой?

— Не знаю. Могу только... гм... предположить, что мы опять упустили эту десятичную запятую. Теперь вместо сотни мы получили одну десятитысячную дракона. Должен признаться, что решение по-прежнему от меня ускользает. В исчислении классов не содержится аспекта количественной точности...

Остаток дня принес им морского конька трехфутовой длины и, после некоторых усилий, тазик, в который его удалось пристроить, шесть совиных чучел с голубыми стеклянными глазами, а под самый занавес — здоровенного добродушного кота с девятью хвостами. В ходе последнего эксперимента в окно замка уже заглядывала луна, так что они решили свернуться и отправились спать. Чалмерс горько пробурчал, что если бы он попытался снабдить Флоримель человеческим телом при его нынешнем уровне знаний, то, скорее всего, превратил бы ее в набор миловидных, но совершенно одинаковых сиамских тройняшек.

В течение всей ночи в замке был какой-то шум. Спали оба плохо. Наутро, когда они встали, кто-то постучал в дверь.

Это оказался длинноухий, пузатый чертенок, который вручил им лист пергамента, ухмыльнулся и унесся по коридору прочь. Ши с Чалмерсом прочли:

ОРДЕН ЧАРОДЕЕВ
проводит свое собрание сегодня
в большом зале замка Базирана

Архимаг Магистр Магии *Базиран*
Заместитель *М. М. Долон*
Архивист *М. М. Корромонт*
Казначей *М. М. Воландур*

День первый

Обращенье архимага — *М. М. Базиран*
Ознакомленье с протоколом — *М. М. Корромонт*
Отчет ревизионной комиссии — *М. М. Воландур*
Состоится прием новых членов,
по окончании которого начнется
практическая конференция:

I. *М. М. Долон* — «Волшебное могущество водяных фей и прочих человекообразных гибридов».
II. *М. М. Сурней* — «Новые пути примененья крови невинных младенцев».
III. *М. М. Нуизан* — «О сравнительной эффективности эссенций из крапчатых лягушек и обыкновенных зеленых лягушек для усыпляющих чар».

Доклады вышеперечисленных магистров
сопровождаются демонстрацией
натурных экспериментов.

День второй

Собрание исполнительного совета магистров в 12:00.
Банкет — при первых проблесках звезд.
Ответственный за произнесенье тостов *М. М. Нуизан.*

Далее состоится Черная Месса
и большой бал с участием хорошеньких ведьм,
эльфов и суккубов.

— Похоже, нам здорово повезло,— заметил Ши.— Пошли скорей в большой зал! Может, кого встретим.

Они без труда отыскали дорогу в действительно огромных размеров зал, окна которого были забраны витражами из цветного стекла, рисующими всевозможные магические мучительства рыцарей в окружении таинственных значков и фигурок. В одном конце его уже собрались пятеро собеседников, которые с весьма серьезным видом что-то обсуждали. Ши узнал Базирана, Долона и Дуэссу. Он уловил обрывок истории, которую рассказывал Долон:

— ...а я говорю, он был просто сапожник, чего бы там про него ни говорили! Представляете, собирается вызывать дьявола и оставляет один угол Пентагона открытым! Получил, что и заслуживал, хо-хо! — башку ему раскаленными щипцами оторвало. Ха, никак моя парочка? Базиран, представь их!

Архимаг поклонился — сначала Дуэссе, а потом новичкам.

— Мы имеем честь,— объявил он,— представить собравшимся чародея Рида Чалмерса, который изъявил желание вступить в наш орден и занять приличествующее его искусству почетное положенье магистра. Великий специалист он по созданью невиданных чудищ, а также человек, полный идей, могущих принести нашему делу немалую выгоду. А это помощник его — подмастерье Гарольд Ши.

Изменился ли слегка его голос при этой последней фразе? Ши так до конца этого и не понял, а Дуэсса сделала реверанс и чарующим контральто произнесла:

— Доброго колдовства вам, преволшебнейшие сэры!

Огненная прическа делала ее настоящей красавицей, особенно когда она желала казаться любезной. Если только...

Плоп! Отвратительный голошеий гриф шумно влетел в окно и опустился рядом с ними, после чего обернулся крючконосым типом в длинной монашеской сутане.

— Добрый Фрипон! — воскликнул Долон.— Как делишки?

— С тех пор как мы расстались, ничего хорошего,— проквакал добрый Фрипон довольно уныло.— Так и не поймал я эту паскуду Бельфебу. А ведь прямо-таки в руках была! Оказывается, она знает обратное заклятье — Камбина научила, да еще вдобавок залепила стрелой в моего лучшего эльфа. Где я теперь такого достану? Чтоб ей сдохнуть! Она и лозелей настреляла уже почем зря.

— Живу я только ради того дня, когда сумею наконец запустить ей иголки под ногти,— злобно проскрежетала Дуэсса.

У Ши зашевелились волосы на голове. Тут в окно, бешено кружась, ворвался пыльный вихрь, отчего все закашлялись, и превратился в низенького толстячка, почесывающего бровь.

— Ф-фух! — выдохнул он.— Утомился. И все ж это получше, чем пешком, при моей-то комплекции! Надеюсь на плотный обед, Базиран. Дадите пожрать от пуза — и Воландур завсегда к вашим услугам. О, никак прекрасная Дуэсса! И добрый Фрипон! Все дуришь головы гробокопателям, мой мрачный друг? — Он хулигански ткнул Фрипона под ребра.

С этого момента всевозможные маги и чародеи буквально хлынули в зал через окна и двери в таком количестве, что вскоре Ши уже не мог разобраться, как кого зовут. Сигнал на обед застал его за тщетными попытками протолкаться к Чалмерсу и тут же отделил от него, поскольку старого психоаналитика увлекли к столу для магистров.

Ши оказался рядом с каким-то лохматым юнцом, который робко обратился к нему со словами:

— Умоляю, великодушный сэр, нельзя ли взглянуть мне на заколдованный клинок твой?

— А? — встрепенулся Ши.— Но он же...

Но тут ему пришло в голову, что вряд ли стоит разрушать иллюзии, которые сложились у здешней публики относительно его шпаги, поэтому он вытащил ее и протянул соседу. Лохматый молодой человек взмахнул ею над столом, вызвав одобрительный гомон.

— Заметного прилива сил я не чувствую,— заметил он.— Чары, должно быть, не из мощных. Или, наверное, помогают они только тебе и никому больше — хотя нет, быть того не может, магия Камбины не позволила бы использовать волшебство на турнире. Эй, Гримбальд! — Он перегнулся через стол и тронул за плечо какого-то типа с синим подбородком, сидевшего напротив от Ши.— Он двоих самых крутых рыцарей во всем Царстве Фей этой зубочисткой отделал!

— Угу,— отозвался тот, выглядывая из-за своей тарелки,— в том числе и одного из наших.— Он обратился непосредственно к Ши.— Ты что, не знаешь, что Бландамур с Париделлом хоть и носят рыцарские наряды, на самом деле служат ордену? Хотя откуда — ты ж пока не в членах. Но на будущее от обоих держись подальше.

Это очень многое объяснило, подумал Ши: во-первых, поведение этих двух рыцарей, а во-вторых, почему чародеи относятся к нему так уважительно, хотя по здешнему рейтингу он не более чем подмастерье. Современная техника фехтования, видно, представлялась этой публике чем-то совершенно сверхъестественным.

Базиран пригладил волосы, так что падавший из оконных витражей свет образовал вокруг них нечто вроде нимба. Похожий на какого-то добродушного святого, он начал:

— Преволшебнейшие сэры и леди! Многие удовольствия выпадали на долю нашу, но ни одно не сравнится с радостью видеть всех вас, собравшихся под этой скромной крышей ради поддержанья доброго имени и высокого назначенья колдовства! О, насколько светлее и лучше был бы мир, если б всякому в нем дано было иметь всех вас в числе добрых своих знакомых! Друзья мои...

Вечер был теплым, обед — плотным, а у Ши появилось чувство, будто нечто подобное он уже не раз слышал. Веки его стали тяжелеть. Ровный голос продолжал монотонно вещать:

— ...во времена царя Хаона, оставившего о себе славную и благословенную память, когда жили мы куда более насыщенной жизнью...

Ши почувствовал, что у него чешется то тут, то там, а то и везде сразу. Он сделал еще одно титаническое усилие проснуться, после чего бессовестно погрузился в дремоту.

Пробудил его довольно жидкий всплеск аплодисментов. Место Базирана занял хранитель архивов Корромонт — тонкогубый, бескровный на вид тип, который, читая по бумажке, едва открывал рот.

— На совете Ордена Чародеев имевшем быть первого августа сего года согласно обращенью почитаемого нашего архимага шестеро членов переведены были из разряда подмастерьев в разряд мастеровых и одному представителю мастеровых а именно уважаемому Сурнею присвоен был высший разряд магистра магии кроме чего решено было увеличить сумму ежегодного членского взноса с семи с половиною до десяти эльфаров а на практиче-

ской конференции прозвучали доклады магии магистров Мальвигена и Денферо осветившие различные аспекты магической доблести обсуждение коих дальнейшее развитие нашло на заседанье исполнительного совета в плане наделения специального комитета дополнительными полномочиями на решительные действия по отношению к определенным представителям Старого ордена деятельность коих в последнее время стала особенно угрожающей а именно рыцаря сэра Кэмбелла княжны Британомарты и Бельфебы Лесной в связи с коими рыцарям ордена Бландамуру и Париделлу отданы были...

Ши встрепенулся, но никаких подробностей не последовало. Базиран просто спросил, нет ли возражений принять протокол и регламент за основу. Возражений ни у кого не возникло.

Блеснула лоснящаяся от жары физиономия Воландура. Пробубнив ряд цифр, он призвал присутствующих вовремя уплачивать членские взносы.

Что это могли быть за решительные действия? Что они задумали? Скорее всего, упомянутый Мальвиген и пытался предпринять нечто в этом плане, когда его настигла стрела Бельфебы, но что еще?

Он снова вздрогнул и прислушался, поскольку Базиран упомянул его имя:

— ...поступило предложенье принять чародеев Рида Чалмерса и Гарольда де Ши в разряды магистров и подмастерий соответственно. Если названные джентльмены будут так добры ненадолго покинуть помещение...

Уже за дверями Ши негромко спросил:

— Вы слышали, что они говорили насчет Бельфебы?

— Господи, да конечно! Дуэсса, по-моему, в некотором роде зациклена на этом вопросе. Говоря о ней, она применила один чрезвычайно вульгарный термин, который обычно имеет отношение... гм... к размножению собак. Когда...

— А *делать-то* что они собираются? Конкретно? — В голосе Ши прозвучала настойчивость.

— Я...

Тут дверь распахнулась и чей-то голос провозгласил:

— Магистр Рид де Чалмерс!

Ши еще минут пять беспокойно топтался в коридоре, пока и его тоже наконец не пригласили войти. Базиран прямо в дверях ухватил его за руку и увлек к первым рядам.

— Представляем вам подмастерье Гарольда де Ши уже в качестве члена данного ордена,— объявил он.— С магической точки зрения личность это чрезвычайно ценная. Специальные знания по сотворению диковинных чудищ он успешно сочетает с профессиональной боевой подготовкой. Подмастерье Гарольд де Ши! — С этими словами он повернулся к новому члену ордена.— Являясь членами высокоинтеллектуального сообщества, презираем мы идиотские церемонии, коими при дворе сопровождают посвященье в рыцари. Таким образом, мы просто тебя поздравляем и желаем самого наилучшего. Но вне всякого сомненья, у других подмастерьев наверняка найдется что сказать тебе завтра вечером, после Черной Мессы!

Базирана сменил Воландур, который стиснул ладонь Ши своей пухлой, мокрой ручкой.

— Поздравляю, преволшебнейшие сэры! — Он понизил голос.— Позвольте мне напомнить о такой вещи, как членские взносы...

— Кхе-гм,— подал голос Чалмерс, успевший уже к ним присоединиться.— Сколько?

— Пятьдесят эльфаров с тебя, магистр магии Рид, и двадцать пять с подмастерья Гарольда.

Чалмерса, похоже, охватила легкая паника. Он выудил кошель. На лице его отразилось облегчение, правда не очень сильное, когда он обнаружил, что содержимое его тютелька в тютельку соответствует требуемой сумме.

— А я думал,— заметил он при этом,— что при таком количестве превосходных колдунов вы не должны испытывать сложностей с выколдовыванием... гм... любых необходимых фондов.

— Увы, преволшебнейший сэр, сие одна из величайших наших проблем! Целый отдел занимался у нас ее решеньем, философский камень применяя и кровь невинных младенцев. Но исследованья наши прерваны были происками этого поганого двора и кавалеров, и боюсь, не добиться нам ощутимых успехов, покуда мы от них не избавимся.

— Точно,— подтвердил Долон.— Ближе всех к решению этого вопроса подошла колдунья Акрасия. Ей и в самом деле удалось создать образцы золота, кои обладали всеми качествами, кроме постоянства: успешно проходили любые проверки, но тут же превращались в пепел, стоило кому-нибудь поблизости прочесть «Отче

наш». Но где сейчас Акрасия? А? Мертва-мертвешенька — поймана и утоплена кем-то из кавалеров Глорианы, чтоб им всем провалиться!

— Добрый магистр Долон! — Это был уже Базиран.— Начинается практическая конференция, и не сомневаюсь я, что и остальные магистры не меньше нашего горят желанием ознакомиться с докладом твоим.

Ши почувствовал, что все тот же лохматый юнец трогает его за локоть.

— А ты в шахи играешь? Покуда магистры жуют свою научную резину, мы, подмастерья, предоставлены сами себе.

— Шахи?

— Ну да, знаешь, наверное,— король, королева, рыцарь, шут, пешка, шах и мат. Я тут на короткой ноге с одним чертенком Базирана, так он притащит нам кувшинчик-другой кислого эля, чтоб время за игрой побыстрей летело.

Звучала эта программа довольно заманчиво. Но Ши этот шахматный сеанс запомнился надолго. Лохматый подмастерье вовсе не представлялся хорошим игроком. Ши с легкостью разбил его в первых двух партиях, выиграв небольшие суммы, на которых юнец настоял, «чтоб придать игре больший интерес». А потом то ли кислый эль, то ли колдовство юнца — слишком поздно Ши вспомнил, в каком ремесле тот считался подмастерьем,— придали матчу совершенно непонятный оборот. Фигуры лохматого вдруг оказывались в самых неожиданных местах, разыгрывая невиданные гамбиты и комбинации. С каждым новым проигрышем Ши чувствовал все большее раздражение. И то ли от этого раздражения, то ли опять-таки под воздействием кислого эля он принялся с каждой игрой вдвое увеличивать ставки.

Когда двери в дальнем конце зала распахнулись и появились магистры, лохматый юнец жизнерадостно объявил:

— Итого выходит восемьдесят шесть эльфаров — с тебя еще шестнадцать. Ха, вот чего вспомнил! Я тебе не рассказывал про мастерового Сигона, который хозяину моему, Воландуру, шестьдесят эльфаров задолжал? В кости продул. Так вот, платить он все отказывался — нету, говорит, денег,— даже когда Воландур чирьями его всего обкидал. Ну и что же? Представляешь, играет он как-то со своим котом и вдруг — бах! — превращается в рыбу. Смехота! Знаешь, по мне, так хороший чародей никогда не будет сидеть без денег, пока не перевелись люди, которых можно похитить и потребовать выкупа. Согласен?

— Это уж точно,— отозвался Ши с искренностью, которая, как он надеялся, не прозвучала откровенно дутой. Он поднялся, чтобы присоединиться к Чалмерсу.

Старый психолог был, похоже, очень собой доволен.

— Конференция оказалась несколько утомительной, но чрезвычайно информативной,— сообщил он, когда они направились в свои покои.— По-моему, мне действительно удалось кое-что выяснить относительно контроля над количественной стороной. Короче говоря, я просто-таки убежден, что за несколько месяцев исследований выясню достаточно, чтобы не только трансформировать Флоримель и омолодиться самому, но также и... гм... революционизировать прикладную магию Царства Фей в целом, сделав ее достижения доступными каждому ее жителю.

— Да, но...— забеспокоился Ши.— Вам удалось узнать, что они затевают против Бельфебы?

— Полагаю, что этот вопрос будет рассматриваться на... гм... исполнительном совете, то есть завтра. Но насколько я понял основные положения данного плана, он не связан с попытками непосредственного колдовского воздействия на нее лично. Сама она от такого воздействия защищена. Скорее, они намереваются заколдовать два-три места, где она обычно ночует, с тем чтобы она впала в столь глубокий сон, который позволил бы захватить ее врасплох.

На пороге комнаты Чалмерса они остановились. Тот добавил:

— Однако я не стал бы особо переживать... гм... за безопасность юной особы, Гарольд. Насколько я себе представляю, ее обязательно доставят сюда, и я, как член ордена, наверняка сумею убедить остальных не наносить ей вреда. На самом деле...

— Господи, док, либо вы окончательно спелись со всей этой публикой, либо попросту спятили! Вы что, не слышали, как Дуэсса грозилась запустить Бельфебе иголки под ногти, как только произойдет революция? Как Долон упоминал камеру пыток? Очнитесь! Вы превращаетесь в старого маразматика!

— Гарольд, я вынужден напомнить вам о недопустимости использования столь невоздержанной лексики. В конце концов, я в некотором роде старше вас и в деле постановки данного вопроса на научные рельсы рассчитываю не только на беспрепятственное пользование имеющимися здесь условиями и оборудова-

нием, но и на ваше искреннее участие. В считанные месяцы я сумею вызвать подлинную промышленную революцию в области магии...

— Теории! Месяцы! Следовало бы мне заранее догадаться, во что вы превратитесь! Вы что, не понимаете, что человек в опасности?

— Я обязательно уделю самое серьезнейшее внимание убеждению остальных членов ордена в том, что молодая особа, к коей вы столь привязаны, ни в чем не повинна, и...

— О боже! Ладно, забыли! Спокойной ночи!

Ши ринулся прочь, злясь на Чалмерса как никогда. Поэтому он не услышал, как в комнате Чалмерса тихо щелкнула крышка замаскированного глазка. Не слышал он и двух приглушенных голосов в потайном ходе, который вел к этому глазку.

Базиран был по-прежнему сама любезность.

— Мы настолько добры, что хотим предостеречь тебя, добрый Долон! Сей молодой человек — весьма подозрительная личность и наверняка как-то замешан в делишках двора Глорианы.

— Неужели уменье мое разбираться в людях, всегда столь безупречное, на сей раз дало осечку? — недоумевал Долон.

— О, со стариком ты не ошибся! Чародей он истинный и ордену предан. А вот юнец... С ним надо держаться настороже. Дружок Бельфебы, иначе и быть не может!

9

Ши повалился на кровать, уставившись в черный потолок. Упрашивать дока что-нибудь предпринять — совершенно без толку. Человек он, конечно, хороший, но, разрываясь между тягой к Флоримели и тягой к теории, он просто не в состоянии осознать, что все эти чародеи, которые столь велеречиво толкуют о всяких интеллектуальных достижениях, на самом деле настоящие кровожадные бандиты, готовые в любой момент обречь Бельфебу, Бритомарту и множество других людей на медленную и мучительную смерть.

При этой мысли Ши содрогнулся. Что бы ни следовало предпринять для их спасения, надо действовать, и действовать быстро. И ни в коем случае не позволить этим негодяям воспользоваться тем, что способна произвести светлая голова помешанного на науке Чалмерса.

Дверь отворилась совершенно бесшумно. Света в коридоре не было. Каменный пол под ногами у Ши казался жутко холодным. Мягкие кожаные сапоги позволяли двигаться практически беззвучно. Если держаться рукой за стену, подумал он, можно выбраться сначала в большой зал, а оттуда наружу. Шаг, еще один — и рука, которой он нащупывал стену, провалилась в пустоту. Ноздрей его коснулась тошнотворная вонь василиска. Очевидно, вход в чью-то лабораторию. Опустившись на четвереньки, он осторожно, дюйм за дюймом прокрался мимо, надеясь, что тварь не проснется.

Так. Вот и верхняя ступенька лестницы. Он сделал вниз один шаг, потом другой и вдруг почувствовал, как лодыжек его коснулось что-то мягкое. Еще одна ступенька, и это «что-то» поднялось до груди, сковав движения. На ощупь было оно какое-то вязкое и клейкое, похожее на перепутанный липкий клубок... паутина! На мгновение Ши охватила безотчетная паника, поскольку и двигаться дальше, и возвращаться казалось одинаково опасным. Потом до него дошло, что, скорее всего, это просто какие-то чары Базирана, являющиеся частью штатной охранной системы замка, которые вряд ли грозят какой-то особенной опасностью.

И все же чем бы разрезать или разорвать паутину? Огонь! Огня у него не было. Но во время его предыдущих похождений в мире скандинавских мифов великаны Сурта с успехом пользовались огненными мечами, а при нем была шпага. При помощи какого-нибудь заклятия, опираясь на закон подобия, вполне можно превратить ее в огненный меч. Вряд ли вероятно, чтобы кто-то посторонний сумел углядеть свет в этом тесном, спиралью спускающемся вниз лестничном пролете с глухими каменными стенами.

Цепко удерживаемый за ноги отвратительными призрачными пальцами, Ши стоял на ступеньке и лихорадочно выдумывал заклинание.

Меч, меч, меч, только ты мое спасенье,
Дай свой мне огонь паутину прорвать.
Словно Сурта клинок, рассеки сей клубок!

Он почувствовал, что рукоять шпаги ощутимо нагрелась.

Помоги мне бежать, чтоб достичь избавленья,
Дюрандаля во имя, свободу мне дай!

Стишки получились просто аховые, но рукоять стала такой горячей, что он чуть не выпустил ее из руки. Вдоль клинка сбежало окутанное дымком красноватое пламя, которое вырвалось из острия и открыло, что весь лестничный пролет от стены до стены и до высоты, на которой стоял Ши, плотно заполнен мерзкой серой массой. Любой угодивший в нее с головой был бы моментально задушен. Базиран не оставил незваным гостям ни единого шанса.

Ши хлестнул эту дрянь охваченной пламенем шпагой. По серым космам с шипением побежали огненные язычки, завоняло паленым. Масса съеживалась и расступалась по стенам. Медленно, расчищая ступеньку за ступенькой, спускался он вниз. Когда он добрался до последней, где паутина кончалась, пламя на клинке погасло. Он оказался в большом зале. Преодолев его в несколько прыжков, он пересек двор и вышел к воротам.

С безоблачного ночного неба смотрела луна. Ши тихо выругался, размышляя, стоит ли пытаться пересечь открытое пространство между воротами и спасительной сенью деревьев, пока она не скроется. В конце концов он решил рискнуть.

Низко согнувшись, он понесся вперед. Полы камзола развевались у него за спиной, словно крылья вампира. Ухитрившись ни разу не споткнуться, он достиг цели и оглянулся. Замок исчез. На виду не осталось ничего, кроме каменистой плоскости со стоящей посредине хижиной.

Оказавшись среди деревьев, он двинулся вдоль края поляны, то и дело насвистывая призывный мотивчик и прислушиваясь. Он прошел уже почти четверть круга, когда его остановил напряженный шепот:

— Остановись, сэр!

— Бельфеба!

— Да, это я.— Она выступила из-за своего укрытия, нацелив ему в голову стрелу.— Истинная правда, что выглядишь ты в точности как Гарольд де Ши. Но покажи мне, как держишь ты меч этот тонкий!

Ши вытащил все еще теплую шпагу и продемонстрировал.

— Что ж, тогда и впрямь ты — это он. Опасалась я, как бы не подослали чародеи фантома, дабы сбить меня с толку. Очень рада я встрече с тобой, сквайр Гарольд!

— Да я...— аж поперхнулся Ши.— Я тоже чертовски рад тебя видеть. Так и знал, что могу положиться...

— Оставь изысканные речи свои для другого часа. Мы в опасности. Что случилось?

Ши объяснил. Бельфеба заметила:

— За себя не боюсь я, хоть и спасибо тебе за предостереженье. С Бритомартой же несколько иначе обстоят дела, ибо нет у нее столь тесного покровительства лесов, как у меня. И впрямь срамно упускать возможность такую захватить весь орден одним махом! Дай мне подумать. Артегаля оставила я в хижине дровосека, что на дальнем краю Леса Лозелей. Человек его Талус отправился за Камбиной, дабы исцелила она его шишки и охладила ум.

— Стало быть, Камбина тоже психолог! А зачем ему ум-то охлаждать?

— Ну как же, сэр, ведь он верховный юстициарий всего Царства Фей! Не имея ума холодного, как сохранит он равновесие душевное и чувство справедливости? Давай же отправимся туда и поведаем ему обо всем. Уверяю тебя, вдвоем не одолеть нам столь несметное число чародеев!

Часа через два пешей ходьбы Ши начал откровенно позевывать. Луна скрылась. Среди едва черневших деревьев даже опытная Бельфеба чувствовала себя довольно неуютно. Она с готовностью выслушала предложение устроить привал и вздремнуть.

— Сон все еще не бежит ко мне,— сообщила она.— Если желаешь, могу покараулить я первый час, покуда звезды Большой Медведицы не скроются за верхушкою вон того дерева.

Она указала рукой куда-то вверх. Ши, уже слишком одуревший, чтобы интересоваться хронометрическими вопросами, устроился на отдых.

А следующим более-менее осознанным ощущением его было, что его трясут за плечо среди потоков яркого света.

— Эй, юная леди,— проговорил он сквозь зевок,— по-моему, ты собиралась разбудить меня через час?

— По-моему, тоже. Но устроился ты так уютно и так сладко спал, что решила я не будить тебя. Хватает мне и совсем короткого сна.

— Это просто свинство. А как же моя мужская гордость?

Она скорчила ему рожу:

— Надо же, совсем забыла! У мужчин это и впрямь больное место.— Приплясывая, она отбежала в сторонку.— Тюр-лю-лю, какой прекрасный денек! Вперед, поищем чего-нибудь на завтрак!

Когда они шли по лесу: Бельфеба — всматриваясь в чащу на предмет какой-нибудь съедобной цели, а Ши — волоча ноги от недосыпа, он спросил:

— Как по-твоему, Камбина уже достаточно охладила мозги Артегалю, чтоб он выслушал мои объяснения, не хватаясь за острые предметы?

— Нашел о чем печалиться! Разве не можешь ты спрятаться, покуда не растолкую я ему, что к чему?

— Да ладно, я его в случае чего и сам приткну.

Ши вовсе не хотелось, чтобы девушка его мечты в подобный момент заподозрила его в трусости. Он был убежден, что в случае чего попросту удерет от перегруженного амуницией юстициария.

— Надо же, ужель необходимость была в ответе подобном? — Она улыбнулась ему, и он почувствовал себя попросту окрыленным. Она продолжала, внимательно вглядываясь в его лицо: — Многих рыцарей, оруженосцев и иоменов встречала я, мастер Гарольд, но тебе подобных... Говоришь ты красиво, хотя большей частью и словами, коих никогда я не слыхивала. Кстати, обещал растолковать ты значенье тех, коими Зверя Рыкающего в бегство обратил.

— Любопытному на днях прищемили нос в дверях,— отозвался Ши.

— Ха-ха! Готова даже носом пожертвовать!

— Правда не могу, Бельфеба. По волшебным соображениям.

— О! Ну тогда поведай мне, что это за диковина, коей недавно обозвал ты Камбину.

— Психолог, что ли?

— Да!

Ши вкратце описал, что представляет из себя наука психология, и поведал о некоторых собственных достижениях в этой области. Перед лицом восхищенного внимания девушки он окончательно разошелся и, прежде чем сам это понял, уже рассказывал ей про всю свою жизнь в целом. Осознав этот факт, он быстренько свернул изложение автобиографических подробностей, не желая оставлять ей какие-либо объекты для любопытства в дальнейшем.

— До чего же диковинная история, Гарольд,— проговорила Бельфеба.— Если поведал ты правду, края твои стоят того, чтоб

на них посмотреть.— Она тихонько вздохнула.— Леса дикие Царства Фей знаю я как свои пять пальцев. Поскольку скучен мне чопорный двор Глорианы, не остается мне ничего иного, кроме как охотиться на лозелей и сих подлых... Ш-ш!

Она примолкла, медленно отступила на пару шагов в сторону и выпустила стрелу. Та угодила в кролика.

Пока они готовили завтрак и накрывали на стол, Ши размышлял. Наконец он отважился:

— Знаешь, детка, ведь когда-то, как я полагаю, наступит все же день, когда мы с доком соберемся вернуться домой. Как бы ты посмотрела на то, чтобы отправиться вместе с нами?

Бельфеба подняла брови:

— Довольно дерзкая мысль! Но погоди — разве смогу я жить там среди лесов, как привыкла здесь?

— Уф-ф! — Ши сразу представил, сколько совершенно диких проблем возникнет, если Бельфеба попытается вести прежний образ жизни среди перегороженных бесчисленными заборами сельскохозяйственных предместий Огайо.— Боюсь, это не совсем осуществимо. Но там можно еще очень много чем заниматься.

— Чем, например? И как обитать я буду в каком-нибудь из огромных ваших селений?

Такая проблема в голову Ши как-то не приходила. Ему пришлось в очередной раз пересмотреть свои взгляды на Бельфебу. На вид так вроде типичная героиня какого-нибудь средневекового романа, а чувство здравого смысла просто-таки чертовски развито! Единственное занятие, которое он сумел для нее придумать,— это преподавание стрельбы из лука, хотя и сознавал, что на профессию лучника вряд ли такой уж высокий спрос.

— Ой, да чего-нибудь придумаем! — отмахнулся он рассеянно.— Мы с доком, исходя из того, что ты была... гм... гм...

— Гарольд! — резко произнесла она.— Это что же ты там предлагаешь? Ты не думай, что ежели веду я свободную бродячую жизнь, то я...

— Нет-нет, я вовсе не имел в виду... гм...

— А что же тогда?

Он снова задумался. Одно вполне очевидное решение так и вертелось у него на языке, но высказывать его было вроде пока рановато, чтобы все не испортить. И все же, кто не рискует...

Он набрал побольше воздуху и выпалил:

— Ты можешь выйти за меня замуж!

У Бельфебы отвалилась челюсть. Ответить она сумела только через несколько секунд:

— Шутишь, добрый сквайр?!

— Ни капельки! Люди в моих краях делают это точно так же, как и в ваших.

— Но... разве не знаешь ты, что уже обручена я с оруженосцем Тимиасом?

На сей раз Ши вытаращил глаза. Бельфеба продолжала:

— Нет, добрый мой друг, не принимай это столь близко к сердцу! Мыслила я, что раз известно это уже целому миру, то и тебе знать следует. Моя это оплошность.

— Нет... я просто хотел сказать... Это не... Да ладно, фиг с ним!

— Фиг?..— изумленно переспросила Бельфеба.

Ши впился зубами в кроличью ножку, пробурчав что-то насчет того, что еда очень удалась.

— Не сердись же, Гарольд,— произнесла Бельфеба.— Не со зла расстроила я тебя, ибо нравишься ты мне очень. Узнай мы друг друга чуть раньше... Но дала я слово!

— Надо думать,— мрачно отозвался Ши.— А что за человек этот твой приятель Тимиас?

Он и сам не понял, преследовал ли этот вопрос некую практическую цель, или же в нем просто пробудился легкий мазохизм, который и не позволял расстаться с болезненной темой.

Черты лица Бельфебы разгладились.

— О, славный он малый, застенчивый и скромный — не то что шумные все эти головорезы-рыцари!

— В этом и заключаются его положительные качества? — поинтересовался Ши.

— Ну... э-э... умеет мадригалы он петь куда искусней остальных.

— И все? — произнес Ши с некоторым сарказмом.

Бельфеба насупилась:

— Не пойму, что в виду ты имеешь. Суть дела в том, видно, что не такой же он самоуверенный и безрассудный авантюрист, как ты сам!

— Лично мне не кажется, что это очень уж серьезное основание для замужества. У меня таких клинических случаев уже до черта было — как правило, через некоторое время женщины начинают горько раскаиваться.

Бельфеба гневно подскочила.

— Итак, сквайр, вызнал ты личные дела мои затем только, чтобы жалить меня своим язычком змеиным? Постыдись! Не твое это дело, за кого я выхожу и зачем!

Ши оскорбительно ухмыльнулся:

— Я просто позволил себе ряд замечаний общего характера. Если ты сразу принимаешь их на чей-то счет, дело твое. Я же по-прежнему считаю, что у женщины, которая выходит за кролика в человеческом облике в надежде со временем сделать из него льва, шансы аховые.

— Да провались ты со своими общими замечаньями! — горячо воскликнула Бельфеба.— Если желаешь ты сопровождать меня, убедительно прошу тебя держать длинный язык свой за зубами! Лучше уж кролик, чем хитрый лис, ловко пытающийся женить на себе...

— Это как еще — «ловко пытающийся»?! — гаркнул Ши.— По-моему, я заявил об этом достаточно прямо! Хотя теперь мне кажется, что это была не такая уж удачная мысль...

— О, вот как? Быстро же ты передумал! Представляется мне, что и во всех делах своих поступаешь ты точно так же!

Ши первым взял себя в руки:

— Давай не будем заходить слишком далеко, Бельфеба. Прости, что наговорил гадостей про твоего приятеля. Больше и словом о нем не обмолвлюсь. Будем друзьями.

Гнев Бельфебы понемногу улетучился.

— И ты прости меня также, что обошлась так с предложеньем твоим, сквайр Гарольд,— было это с моей стороны крайне невежливо.

Ши с удивлением углядел в уголках ее глаз поблескивающую влагу. Она торопливо заморгала и улыбнулась:

— Итак, мы снова друзья и завтрак наш съеден. Пора снова в путь!

Утреннее солнце пробивалось сквозь листву, отбрасывая на землю яркие оранжевые пятна. Набредя на неширокую тихую речку, они долго продирались сквозь заросли вдоль ее берега.

Вскоре земля стала посуше, крошечные полянки уступили место обширному лугу, а лес, наоборот, разбился на отдельные рощицы. Они как раз вышли из одной такой рощицы и преодолевали высокую густую траву, когда некое кожаное шуршание заставило их поглядеть вверх.

Прямо на их головы стремительно падала какая-то кошмарная рептилия размером с легкомоторный самолет. У нее было две ноги и пара огромных перепончатых крыльев. На спине у нее восседал Базиран, весь закованный в броню — за исключением лица, на котором тут же появилась любезная улыбочка.

— Какая встреча, дорогие друзья! — крикнул он вниз.— Вот это повезло! Сразу двое!

Панг! — щелкнула тетива лука Бельфебы. Стрела навылет пробила перепонку одного из крыльев. Зверь негодующе зашипел и заложил вираж.

— Скорей в лес! — крикнула Бельфеба, первой подавая пример.— Крылатый дракон не может летать среди деревьев!

— Как ты его назвала? По мне, так это какой-то длиннохвостый птеродактиль! — Ши вытянул шею, разглядывая мелькающую над кронами зловещую тень.

Бельфеба направилась к противоположному краю рощицы. Пока Базиран кружил где-то в стороне, они быстро преодолели открытое пространство и нырнули в следующую рощу. Леденящее шипение, которое донеслось сверху и сзади, возвестило, что этот маневр не остался незамеченным.

Они торопливо пересекли и это скопление деревьев. Из-под спасительных ветвей им был хорошо виден вырисовывающийся на фоне неба силуэт Базирана, в то время как сам он их не видел.

— Давай! — крикнула Бельфеба и, как антилопа, бросилась в высокую траву. Эта перебежка оказалась длиннее предыдущей ярдов на сто или даже побольше. Уже на полпути он услышал позади свист рассекаемого воздуха и рванул вперед, из последних сил надрывая и без того горящие легкие. Тень чудища растаяла где-то впереди. Слишком, слишком далеко оно оказалось — и он быстро юркнул в спасительную чащу. Краем глаза он заметил мелькнувшую сзади рептилию, которая тормозила растопыренными крыльями, дабы избежать столкновения с ветвями.

Ши прислонился к стволу, тяжело отдуваясь.

— Сколько тут еще таких рощиц?

Бельфеба нахмурилась:

— Горе мне! Боюсь, что лес не становится гуще! Но давай посмотрим.

Они обошли рощицу по периметру. Оказалась она совсем крошечной и лежала явно на недоступном расстоянии от других — исключая разве что ту, из которой они перебежали.

— Похоже, придется возвращаться,— заметил Ши.

— Да. Не по нраву мне это. Наверняка не преследует он нас в одиночку.

— Верно говоришь. По-моему, там что-то виднеется.— Он указал рукой на группу далеких фигурок, розовых в лучах восходящего солнца.

Бельфеба испуганно вскрикнула:

— Увы, теперь мы беспомощны, ибо слишком их много! Если останемся мы здесь, нас окружат. Если бежать попытаемся, Базиран догонит нас на скакуне своем зловещем... Что это ты делаешь?

Ши вытащил нож и торопливо строгал комель высокого молодого деревца.

— Сейчас увидишь,— отозвался он.— Один раз это уже сработало, так что должно и теперь. Ты хорошо лазишь по деревьям — взгляни, не найдешь ли где птичье гнездо. Мне понадобится пригоршня перьев.

Она удалилась, явно изумленная, но не задавая лишних вопросов. Когда она вернулась с перьями, Ши уже заканчивал оснащение своего чуда техники, крепко перевязывая ствол деревца и пучок прутьев побегами плюща, надеясь, что плющ не окажется ядовитым. Получилось некое подобие огромной метлы. Приматывая к ручке две поперечины, он пояснил:

— Та, которая у меня когда-то была, была одноместная. А эта — тандем. Давай сюда перья, детка.

Одно из них он подбросил в воздух, бормоча полузабытое уже заклинание, и засунул перо между прутьев.

— В общем, так,— объявил он.— Я — пилот, ты — стрелок. Садись верхом, вот сюда. Ну как, справишься с луком, сидя на этой штуковине?

— А что это нам даст? — поинтересовалась она, глядя на Ши с еще большим уважением.

— Будем бить Базирана на его собственной территории. Эй, посмотри-ка на эту гопу! Лучше нам сматывать!

Когда преследователи приблизились, треща ветками уже в самых соседних рощицах, Ши узрел великолепнейшую коллекцию

всевозможных чудищ и монстров: людей со звериными головами, страшилищ с тремя и четырьмя руками и человеческими туловищами, которые вырастали из безногих змеиных хвостов.

Они оседлали метлу. Ши нараспев продекламировал:

Ради ясеня с дубом и тиса,
Поднимись до заоблачной выси,
Чтоб сразить негодяя коварного,
Верно лети ты и быстро!

Метла резко взяла с места, полого забирая вверх. Когда они пулей вылетели из рощицы и пронеслись над головами переднего края преследователей, те разразились многоголосыми криками, воплями, лаем, рычанием, мяуканьем, визгом, шипением, ревом, чириканьем, кваканьем, тявканьем, свистом, ржанием, ворчанием и бурчанием. Словом, эффект они произвели просто-таки невообразимый.

Но Ши был слишком занят, чтобы обращать на это внимание. Он удовлетворенно отметил, что самодельная метла оказалась удивительно устойчивой, хотя и не столь быстроходной, как та, на которой он осваивал ведьминское пилотирование в мире скандинавских мифов. Ему смутно припомнилось, что первой заповедью тактики воздушного боя является превосходство в высоте.

Они полезли вверх, двигаясь по спирали. Вскоре показался Базиран на своем драконе, который тут же устремился к ним. Чародей уже приготовил меч, но когда дракон вслед за ними стал набирать высоту, Ши с облегчением заметил, что тот отстает.

В паре сотен футов над противником он развернул метлу и через плечо бросил:

— Приготовься, сейчас будем на них пикировать!

Тут он обнаружил, что Бельфеба обеими руками вцепилась в ручку метлы — так, что даже пальцы побелели.

— Ты что, раньше никогда не летала? — крикнул он.

— Н-нет! О, сквайр Гарольд, все это внове мне, и что-то мне страшновато! Стоит мне глянуть вниз...— Она содрогнулась и зажмурила глаза.

— Не поддавайся акрофобии! Ничего страшного! Смотри на свою цель, а не на землю.

— Попытаюсь!

— Вот и молодец девчонка!

Ши перевел метлу в пикирование. Дракон вытаращил глазищи и распахнул клыкастую пасть. Ши правил прямо в этот красный мешок. В самый последний момент он резко отвернул в сторону, услышав, как тщетно клацнули челюсти и щелкнула тетива.

— Промахнулась! — объявила Бельфеба.

Под веснушками она была положительно зеленой. Ши, и сам не великий любитель подобных аттракционов, вполне мог представить, каково ей приходится.

— Держись! — крикнул он, задирая нос метлы вверх и тут же уворачиваясь, поскольку дракон, хлопая крыльями, уже налетел на них с довольно неожиданной прытью.

Ши пришлось снова пойти вниз. Дракон тоже повернул. Ши недостаточно накренил метлу на вираже и чуть было не улетел прямо в разверстую пасть под действием центробежной силы своего собственного разворота. Пасть с лязгом сомкнулась в каком-нибудь ярде от хвоста из прутьев.

— Эй! — крикнул Ши, забирая вверх.— Попала куда-нибудь?

— В Базирана, но не ранила его нисколько! Надежные у него доспехи, да еще и заколдованная сорочка наверняка имеется!

— Попробуй тогда дракона подбить!

Они пулей пронеслись мимо чудища чуть в стороне от открывшейся чешуйчатой шеи. *Панг!* Стрела застряла между роговыми пластинками сразу у него за головой. Но дракон как ни в чем не бывало снова наддал, и Ши под улюлюканье Базирана едва успел резко задрать метлу ввысь.

Бельфебе наконец удалось окончательно справиться со своей акрофобией. Свесившись вбок, она с удивительным проворством выпустила еще три стрелы. Одна отскочила от твердой чешуи на спине рептилии. Другая пронзила перепонку крыла. Третья застряла в хвосте. Но ни одна из стрел, похоже, не доставила ей особого беспокойства.

— Понятно! — крикнул Ши.— С такого расстояния нам броню не пробить. Погоди пока стрелять, сейчас попробую один фокус!

Они полезли вверх и, набрав подходящую высоту, камнем спикировали совсем рядом с драконом. Тот попытался их цапнуть, промазал и свалился в пике вслед за ними.

Ветер бешено свистел в ушах у Ши, глаза застилали слезы. Внизу открылся лес и прогалина. Крошечные точки стремитель-

но превращались в фигурки пеших преследователей. Ши бросил взгляд назад. Дракон висел у них на хвосте, почти сложив крылья. Ши выровнял метлу и резко взял вверх. Вселенная совершила колоссальное сальто-мортале, и они снова выровнялись уже над драконом. В те секунды, пока они делали петлю, зверюга потеряла их из виду. Ши пошел на снижение, и они тихо скользнули под правое крыло, так близко, что слышали громкое «ф-фух!», когда оно опускалось.

Ши мельком увидел изумленную физиономию Базирана, прежде чем его закрыло крылом. Под чешуйчатой кожей перекатывались мощные мускулы.

— Ну же! — гаркнул он.

Панг! Панг! Бельфеба как следует натянула тетиву, и обе стрелы глубоко вонзились страшилищу в грудь.

Послышался шипящий визг, за которым тут же последовала катастрофа. Широченное крыло судорожно хлопнуло над авиаторами, чуть не выбив Ши из седла. Дальше они уже не летели, а беспорядочно падали, кувыркаясь в воздухе. Верхушка какого-то дерева больно хлестнула Ши по лицу. Он услышал треск рухнувшего на землю дракона и сделал попытку выровнять метлу. От раздавшегося позади удаляющегося крика по коже его продрал мороз. Он увидел, как Бельфеба упала в траву футах в двадцати под ним, и над ней тут же сомкнулось кольцо набежавших монстров.

Ши резко развернул метлу, страстно желая, чтоб она была поманевренней — больше подходила для перехвата. К тому моменту, когда ему удалось нацелить ее в то место, где он последний раз видел Бельфебу, там уже не было ни единого признака ни ее самой, ни Базирана. Подбитый дракон раскорячился в траве, а вокруг него сотнями толпились чародейские союзники.

Выхватив шпагу, Ши устремился в самую их гущу. Послышался нестройный визг, многие повытаскивали неуклюжие кривые луки. Когда те защелкали, Ши уже налетал на какого-то монстра с крокодильей головой. Стрелы промелькнули далеко позади, но стоило Ши покрепче стиснуть свое оружие для удара, как крокодилоголовый тут же превратился в клуб тумана. Шпага не встретила никакого сопротивления. Пролетая на бреющем полете параллельно земле, Ши обнаружил, что все оказавшиеся у него на

пути чудища сразу исчезают. Он уменьшил скорость и оглянулся. Позади они снова материализовывались. Мимо свистело все больше стрел.

Он развернулся и вновь прочесал исчезающую толпу. Бельфеба не показывалась.

На третьем заходе в одежду его угодила стрела. Кремневый наконечник другой проткнул голенище сапога и на четверть дюйма вонзился в икру. Гоблины, судя по всему, знали толк в противовоздушной обороне. Но Бельфебы он по-прежнему не видел, а призрачная публика валила к нему из-за деревьев со всех мыслимых сторон. Повсюду подскакивали, вопили и натягивали свои кривые луки эти невообразимые твари.

Он набрал безопасную высоту и заложил вираж, всматриваясь вниз. Неудача. Придется пытаться как-то по-другому. Он почувствовал легкую дурноту.

Он поднялся еще выше, пока перед ним не раскинулось обширное зеленое пространство Леса Лозелей. Солнце было уже высоко. Где-то внизу он рассчитывал найти район, в котором они наткнулись на Да Дерга. А вдали скрывался край леса, где они с Чалмерсом повстречали первых лозелей.

10

Где-то через час безостановочного полета показалась широкая поляна. Ши углядел крошечный садик, домик под соломенной крышей и палисад из заостренных кольев, который кольцом окружал все это хозяйство. Он заложил вираж и потихоньку пошел на снижение.

Из леса появился какой-то человек и через ворота прошел за ограду. Ши успел мельком заметить багровую физиономию и черную бороду, прежде чем скользящая по траве его собственная тень не заставила того поднять взгляд. Человек тут же кинулся в домик, словно за ним гнались все силы ада. В тот же момент оттуда выскочили две закованные в доспехи фигуры. Щит одной из них был украшен черно-серебряным ветряком сэра Кэмбелла.

Ради ясеня с дубом и тиса,
Опустись из заоблачной выси —
Так же мягко и так же свободно,
Как бы листик сухой опустился!

Тут Ши понял, что избрал далеко не лучший способ снижения. Метла опускалась и впрямь достаточно медленно, но требование изображать опадающий сухой листок поняла чересчур уж буквально, принявшись бестолково кружиться и переворачиваться в воздухе. Домик, лес и поджидающие рыцари слились в одну размытую вращающуюся кляксу.

Наконец Ши почувствовал под ногами землю и обалдело пошатнулся.

Артегаль взревел:

— Пресвятая Дева, тот самый чародейский прислужник!

Вжик! — вылетел из ножен его меч.

— Вот ты-то мне и нужен...— начал было Ши.

— Не сомневаюсь! — Его жестокий смех больше напоминал собачий лай.— Но не рассчитывай больше применить на мне волшебные свои фокусы! Есть у меня защита, и посильней она всего, на что ты способен! — Он потряс мечом и занес его над головой.

— Да погоди ты минутку! — завопил Ши.— Сейчас я все объясню, честно...

— Объясняй дьяволам в аду, где ты вскоре окажешься!

В этот момент из хижины вышли Бритомарта с Камбиной. Ши лихорадочно соображал — то ли мчаться к ним, то ли пытаться раскочегарить метлу, то ли... А это еще что? На грудном панцире Артегаля, когда он повернулся к утреннему солнцу, проступили какие-то смутные очертания. Подобные следы могли оставить припаянные дубовые листья из меди — после того как их сорвали с металла доспехов.

— Эй! — воскликнул он.— Это не ты показался на турнире у Сатирана в дубовых листьях и выиграл второй приз — но не остался, чтоб его забрать?

— А? А откуда знать тебе... Что ты там мелешь, прохвост?

— Что слышал. Ты дрался на вызывающей стороне, а Бритомарта вышибла тебя из седла, точно?

— Сказано это... э-э...— Артегаль нацелил свой мрачный взгляд на Бритомарту. Та не без вызова ответила ему тем же.

— А ну-ка, добрые друзья,— вмешалась Камбина,— только без размолвок! Я подтверждаю, что и впрямь то был сэр Артегаль, поскольку проникла я за маскарадную его личину. Давай, Артегаль, признавайся — не укрыть тебе солнца на дне ведерка!

— Очевидно, придется,— проворчал Артегаль.— Желал я только лишний раз убедиться, так ли силен я, как думаю, и поглядеть, действительно ли полетят с коней рыцари, противостоять вздумавшие юстициарию царицы! — Он повернулся к Бритомарте: — Хорошо же обошлась ты со своим будущим мужем, миледи!

Ши перехватил взгляд Бритомарты и принялся неистово подмигивать. Та перевела на Артегаля взор, способный расплавить гранит.

— О милый мой лорд, если б я только знала! И все же можешь не стыдиться ты этого единственного поражения, ибо сразу две вещи были тому причиной — заколдованное черное копье мое и то, что лошадь твоя споткнулась. Ни одна из них в отдельности не сыграла бы столь роковой роли! — Она потянулась к его закованной в броню ручище.— Когда сыграем мы свадьбу, оставлю я тебе все эти драки да турниры!

Кэмбелл с Камбиной ошарашенно уставились сначала на Бритомарту, а потом друг на друга. Взгляды их ясно говорили, что *такого* за ней раньше не водилось. Ши с трудом подавил ухмылку. Мускулистая блондинка училась на удивление быстро.

Артегаль стыдливо улыбнулся:

— Право же, дражайшая моя дама, истинно великую жертву принести ты желаешь! Не ведал я, что таковы твои намеренья.— Голос его внезапно окреп.— Но что делать будем с сим юным негодяем?

— Никакой он не негодяй,— отозвалась Бритомарта,— а честный и верный оруженосец, который верой и правдой присягнул служить мне и царице.

— Тогда что же он парит в небесах, словно жук какой или ведьма? Нет, из племени он колдунов...

— Ничего подобного,— вмешалась Камбина.— Магия у него белая, равно как и моя, и искусство мое говорит, что поведает он правду, ежели ты позволишь.

Артегаль нахмурился, но спросил:

— Что за правду может он поведать?

Ши быстро выложил свою историю, пока не возникли новые аргументы.

— Гарантирую я, что все это сущая истина,— подтвердила Камбина,— и грозит Бельфебе смертельная опасность.

— Тогда чего ж мы стоим здесь и треплем языками? — взорвался Артегаль.— Хо, дровосек! Мы уезжаем. Провизии и коней для всех нас, да пошевеливайся!

Ши пришлись несколько не по вкусу подобные манеры кавалера, но он чувствовал, что любые комментарии окажутся здесь не к месту, поэтому просто спросил:

— Собираешься созывать войско?

— Нет, не собираюсь. Слишком уж время поджимает. Придется полагаться нам лишь на доброе свое оружие да на магию Камбины. Струхнул, что ли?

— Еще чего!

— Да ты крепкий молодчик! — Морщины на лбу Артегаля слегка разгладились.— Справедливости ради признать я должен, что был не прав я.

Луна в этом мире, как обнаружил Ши, заходила с каждой ночью только на двадцать или тридцать минут позже — вместо пятидесяти в его собственном. Вместе со своими четырьмя спутниками он притаился на краю поляны, на которой располагался невидимый замок Базирана. Из леса они не вышли, пока луна не скрылась.

Когда они пересекали открытое пространство, Ши прошептал:

— Боюсь, что мне не найти ворот. Слишком темно, чтоб разглядеть ориентиры.

— Невелика потеря,— бросила Камбина.

Ши в полумраке углядел, как она делает какие-то движения своей волшебной палочкой. Откуда-то ниоткуда само собой возникло слабое свечение, которое постепенно превратилось в ряды толстых прутьев.

Камбина протянула по направлению к ним свою палочку. Та стала удлиняться, извиваясь, словно какой-то диковинный червяк. Кончик ее нащупал замок и мягко заполз в скважину для ключа. Послышался слабый щелчок.

Палочка вылезла из скважины и просунулась между прутьями решетки. Раздался тихий скрип, едва различимый на фоне ночного треска цикад, и засов скользнул в сторону. Ворота распахнулись.

Когда они на цыпочках прокрались внутрь, еле слышное позвякивание рыцарских доспехов показалось Ши едва ли не громче тех звуков, которые способно произвести землетрясение на посудной фабрике. Камбина вдруг указала куда-то рукой. На вершине стены у них над головами показались плащ и капюшон часового, светясь таким слабым неверным светом, что их было еле

видно. Черная пустота капюшона склонилась в их сторону. Камбина нацелилась в него палочкой, и часовой немедля застыл в той же позе.

Из окон большого зала лился свет вперемешку с музыкой. Ши, который двигался впереди по причине своего знания замка и из тех соображений, что обувь у него была практически бесшумной, уже направлялся к дверям, когда вдруг споткнулся о чью-то огромную волосатую ногу.

Одновременно всхрапнув, двое лозелей, которые растянулись на ступеньках, вскочили на ноги. Пока один из них, оказавшийся ближе, нашаривал в темноте дубину, Ши пронзил ему горло шпагой. И тут же услышал, как позади него со свистом взлетела в воздух вторая дубина...

Но опуститься ей было не суждено. Он оглянулся и увидел, что лозель с занесенной для удара рукой застыл, подобно часовому превратившись в статую. Другой, тихо булькая, уже испускал дух.

Камбина взмахнула волшебной палочкой, и двери, которые вели в главное здание, распахнулись. Внутри было светло и шумно, но никто их не заметил. На противоположной стороне коридора, в котором они оказались, располагался вход в большой зал. Дверь была слегка приоткрыта. Бражники внутри слишком увлеклись своим гранд-балом, чтобы следить за дверями.

Ши приблизил к себе головы четырех своих спутников и едва слышно прошептал:

— Этот коридор огибает зал и ведет к служебному входу.

— За этими есть еще двери? — поинтересовался Артегаль и, когда Ши помотал головой, продолжил: — Тогда ты, сквайр, с Кэмбеллом и Камбиной берите на себя тот выход. Мы с Бритомартой останемся здесь, поскольку именно сюда они скорей всего бросятся, а мы, думается мне, и вооружены получше, и бойцы поискусней.

Остальные закивали. Ши с двумя спутниками осторожно двинулись по коридору. И буквально в двух шагах от служебного входа в коридор прямо перед ними внезапно выскочил из кухни чертенок с подносом в руках.

Он их увидел. Кэмбелл скакнул вперед и разрубил его надвое. Нижняя половина чертенка тут же умчалась обратно в кухню. Оттуда донесся бешеный рев.

Все трое бегом преодолели оставшиеся несколько футов и рывком распахнули двери служебного входа.

Перед Ши на мгновение предстала застывшая картина зала, битком набитого колдунами и красногубыми девицами, которые все уставились прямо на него. Многие поразевали рты. Базиран восседал на конце подковообразного стола лицом к нему, и ему показалось, что он узнал Чалмерса. Прежде чем ему удалось в этом убедиться, эта групповая фотография неистово пришла в движение.

Шум за спиной заставил его резко обернуться. Из кухни вываливалась масса чертенят и домовых, вооруженных вертелами, ножами и скалками. Ши аккуратно насадил на шпагу первого, увернувшись от встречного удара. Чертенок дернулся назад, освободившись от клинка, и напал снова. Позади Ши слышал рев членов ордена, громовой боевой клич Кэмбелла и лязг мечей о его щит.

— С этими... я управлюсь,— пропыхтела Камбина. Ее волшебная палочка так и летала во все стороны, замораживая одного чертенка за другим. Остальные ударились в бегство.

Ши снова развернулся в сторону зала — как раз вовремя, чтобы проткнуть глотку какому-то колдуну, который пытался подкатиться под ноги Кэмбеллу с ножом, пока остальные отвлекали внимание рыцаря.

От дикого шума и гама закладывало уши. Кэмбелл заткнул собой дверь служебного входа, а на противоположной стороне зала Британарта сделала то же самое. Артегаль запрыгнул внутрь, обеими руками размахивая своим огромным мечом. Характерец мог быть у него и не из лучших, но в качестве спутника для похода в подобный притон человеком он оказался подходящим.

Светильники внезапно все разом потухли, едва проглядывая крошечными красными искорками. Камбина выкрикнула заклинание и взмахнула волшебной палочкой, отчего все колдуны засветились в темноте голубоватым фосфоресцирующим светом. Сцена стала похожа на фотографический негатив — какой-то совершенно дикий оживший негатив, где одни колдуны превращались во всевозможных крылатых тварей, дабы вылететь из зала через окна, а другие яростно наседали на бойцов, высекая искры.

Внезапно все как один навалились на Кэмбелла. Ши видел, как летят с плеч светящиеся головы, и сам поднырнул под его

щит, дабы пронзить нечто, так и совавшееся под шпагу. Таким образом, он вдруг оказался в глубине зала. На него тут же налетел какой-то бешено крутящийся зеленоватый смерч с рваными краями. Розовая вспышка — и он столь же внезапно исчез.

Прямо перед ним один из колдунов превратился в чудовищных размеров краба. Ши увернулся от него и схватился с каким-то типом, пока еще сохранившим человеческий облик. Его он проткнул насквозь, но тут же рухнул сам, поскольку упавший тип сграбастал его за ноги. Четыре раза он безуспешно пытался подняться, пока, отчаянно лягаясь, не освободился от захвата. Разноцветные искры и вспышки света так и плясали по залу.

Впереди озверевшая толпа бурлила вокруг Артегаля. Ши сделал туда шаг и нос к носу столкнулся с Базираном. Глаза у того были вдвое больше нормального размера, с узкими вертикальными зрачками, как у кота. При всей своей почтенной наружности чародей вовсю размахивал гигантским мечом, словно то была простая линейка.

Ши отпрянул, чуть не поскользнувшись в луже крови. Базиран проворно скакнул следом, полосуя мечом направо и налево. Огромный клинок, едва различимый, слился в жуткую размазанную восьмерку. Ши парировал, парировал, отступал и снова парировал, пока не уперся спиной в стену.

Дьявольская атака не оставляла времени даже на ответные выпады. Ши прибег к последнему козырю загнанного в угол фехтовальщика — прыгнул вперед, вошел в клинч и свободной рукой обхватил Базирана за пояс.

Чародей, казалось, был сделан из резины с рояльными струнами. Одна его рука клешней нацелилась Ши в глаза. Тот поднырнул и спрятал лицо в рясе Базирана, пытаясь свалить его подсечкой. Чародей нащупывал кинжал. У Ши промелькнула мысль, что оружие наверняка отравлено.

Но в этот самый момент Базиран отдернулся назад, увлекая за собой Ши. Тот сильно оттолкнулся и сумел удержаться на ногах. Тут-то он и увидел, что стряслось с Базираном. Вокруг шеи архимага стиснулись какие-то крупные руки с шишковатыми пальцами. Только руки, без всякого тела. Вдобавок по всему помещению порхало еще с дюжину таких же ни к чему не приделанных рук, вцепляясь колдунам в глотки.

Ши ткнул шпагой. Но Базиран оказался довольно жестким. Освободив руки и замахнувшись мечом, он снова попытался нанести удар. Ши сделал еще один выпад. У чародея, почти придушен-

ного неумолимым захватом, сил оставалось лишь на то, чтобы кое-как отбиваться от уколов Ши. Сделав еще пару выпадов, тот почувствовал, что попал куда надо. Из той же стойки он нанес еще серию удачных ударов.

Базиран рухнул. Ши огляделся. Летучие мыши, филины и прочие твари, в которых попревращались чародеи, устроили в окнах зала настоящую давку. Но это им мало помогло. Шишковатые ручищи с удивительным хладнокровием хватали их, отрывая крылья и сворачивая шеи.

Вновь вспыхнул свет. Все было кончено. Мертвые и умирающие монстры по всему залу превращались обратно в людей. Кэмбелл, Артегаль и Бритомарта медленно, с трудом поднялись с пола. Близкая к обмороку Камбина прислонилась к двери служебного входа.

Громыхнул голосина Артегаля:

— Ха! Никак еще один живой?

Обернувшись, Ши увидел, как тот пинком опрокинул стол и замахнулся окровавленным мечом. Сделав сумасшедший прыжок, он вовремя перехватил занесенную руку.

— Благодарю вас, Гарольд,— произнес Чалмерс с того места на полу, на котором только что располагался стол.

Флоримель была с ним. В каждой руке он держал за горлышко по бутылке. Крупные суставы этих рук казались жутко знакомыми. Наконец до Ши дошло, что бестелесные ручищи, устроившие в стане колдунов такой хаос, были просто-напросто увеличенными копиями рук его напарника.

— Классно сработано, док,— заметил Ши. Артегалю он бросил: — Не надо. Это наш.

Чалмерс подал руку Флоримели.

— Надо же, никак вы отдали должное достижениям моей техники, слава те господи! — проговорил он.— Честно говоря, я и сам не ожидал, что эти руки окажутся столь действенным средством! — Он обвел глазами зал, в котором по меньшей мере половина тел носила признаки смерти от удушения.

Кэмбелл, заботливо поддерживая свою супругу, усадил ее на стул.

— Это пройдет,— пояснил он.— Слишком много сил отняла у нее борьба с чарами колдунов, но, не будь этого, давно бы мертвы мы были!

Артегаль буркнул:

— Мастер Гарольд сразил Базирана. Слишком уж хорош конец для такого негодяя — просто испустить дух. А мастер Рид сразил даже больше, чем любые двое из нас,— магией своею.

— Разве не говорила я, что верные они и благородные джентльмены? — воскликнула Бритомарта.

— Верно, дорогая.— Он вытер свой меч полой балахона кого-то из колдунов.— Преклоните колени, господа!

Ши с Чалмерсом опустились было на колени, но Кэмбелл потянул их за рукава:

— Нет, только на одно.

Артегаль похлопал обоих по плечам плоской стороной меча.

— Посвящаю вас в рыцари! Будьте отважными, честными и верными имени милосердной нашей царицы! Подымайся, сэр Гарольд, подымайся, сэр Рид.

Поднявшись на ноги, Ши наконец позволил себе ухмыльнуться:

— Ну как вы, док, чувствуете себя в официальном статусе борца с рэкетирами?

— Довольно... гм... неплохо, уверяю вас! Действительно же важный итог моей деятельности нынешним вечером заключается в том, что мне удалось наконец раскрыть секрет управления количеством! Совместно с исчислением классов эту проблему, оказывается, решает фрейговское определение количества!

— Количество вещей в данном классе является классом всех классов, которые подобны данному?

— Точно. Подходя к количеству как к классу — то есть к двум как к классу всех пар, к трем как к классу всех троек,— мы можем...

— Слушайте! — вдруг завопил Ши.— А где же Бельфеба?

— Что-то я не припомню, чтобы видел здесь эту юную особу. Итак, как я только что говорил, стоило проблеме представления количественного элемента...

— Но я же Бельфебу искать пришел! Базиран поймал ее сегодня утром и наверняка приволок сюда!

Остальные ее тоже не видели. Флоримель заметила:

— Внизу здесь ужасные имеются подземные темницы. Может быть...

— Как туда пройти?

Вмешался Чалмерс:

— Прежде чем вы отправитесь на поиски, Гарольд, мне хотелось бы поставить вас в известность, что теперь я располагаю

специальным заклятием против колдунов, с которым вам обязательно следует ознакомиться.

— К черту заклятие! Ее в любой момент прикончат!

— Понимаю. Но Дуэсса с Долоном наверняка избежали... гм... всеобщей катастрофы, да и другие могли остаться.

— Имей в виду,— громыхнул Артегаль,— спешка при ловле лишь блох потребна, сэр Гарольд! В пределах сих нужна нам вся, и более чем вся защита!

Вмешался Кэмбелл:

— Камбина, как весьма опасаюсь я, ни на что не способна сейчас, благородные сэры.

— Ладно, ладно,— простонал Ши.— Где же вы, док, раньше-то были со своим заклятием?

— Ну,— пояснил Чалмерс с совершенно невинным видом,— дело в том, что оно могло забросить меня обратно в наш мир! А мне обязательно нужно хоть немного пожить здесь.

Чалмерс и Флоримель обменялись понимающими взглядами.

— Понимаете ли, Гарольд, колдовство производит как на самого колдуна, так и на... гм... заколдовываемого эффект, аналогичный электростатическому заряду. Как правило, это не вызывает каких-то из ряда вон выходящих последствий, и энергия заряда успевает рассеяться. Но когда некая личность или предмет переносится с одного пространственно-временного вектора на другой, то неизбежно оказывает определенное воздействие на межвекторную траекторию, формируя в ней постоянный... гм... слабый канал. Таким образом, данная траектория становится для нее или для него более легко достижимой. И если во мне единовременно накопится слишком большой магикостатический заряд, то возникнет, поскольку данный заряд не уравновешен по той причине, что я нахожусь на противоположном конце этой межвекторной траектории... гм... возникнет движущая сила...

— О боже! Давайте заклинание сейчас, а лекцию потом!

— Ну хорошо, хорошо!

Чалмерс познакомил Ши с изобретенными им чарами, где довольно простенькое заклинание тем не менее сопровождалось довольно сложными пассами, выполняемыми левой рукой.

— Только помните, что, поскольку вы не так давно оперировали другими заклятиями, заряд у вас уже наверняка значительный!

Они оставили Флоримель и Камбину с Кэмбеллом и разделились на две поисковые партии. Артегаль отправился с Ши.

Когда они спустились вниз, гладкие камни кладки уступили место грубым, едва отесанным обломкам скал. Факелы их дымили, отбрасывая длинные тени.

Проход беспрестанно поворачивал и петлял, и Ши вскоре окончательно потерял представление, где они находятся. То и дело они останавливались, чтобы прислушаться — в основном к своему собственному дыханию. Один раз им показалось, что действительно что-то слышно, и они осторожно прокрались вперед и выглянули из-за угла.

Шум производила капающая со стены вода. Они двинулись дальше. От взглядов, которые Ши то и дело бросал через плечо, толку все равно не было. Вскоре Артегаль, лязгнув своими железными башмаками, остановился и произнес:

— Не по нраву мне все это! Уж целых полчаса бредем мы по этому проходу, а ни конца ему нет, ни края!

На этом месте в сторону ответвлялся боковой туннель. Ши предложил:

— Давай ты пройдешь сто шагов вперед, а я столько же вон туда. Потом сразу вернемся и обменяемся впечатлениями.

Артегаль согласно буркнул и двинулся дальше. Ши, вытащив шпагу, углубился в боковой проход.

На протяжении всех ста шагов уходящий в темноту туннель нисколько не менялся.

Ши вернулся к Т-образной развилке. При этом ему вполне определенно показалось, что обратный путь занял чуть ли не вдвое меньше времени. Артегаль не показывался — только черная пустота сомкнулась на грубо отесанных камнях.

— Артегаль! — позвал он.

Ответа не последовало.

— Артегаль!!! — завопил он во всю мочь.

Туннели отозвались эхом, и наступила тишина.

Ши почувствовал, что покрывается потом. Он ощупал камни перед собой. Хоть и скреплены они между собой были достаточно крепко, теперь он был уверен, что развилка это новая и возникла где-то посредине прохода, пока он по нему ходил.

Он устремился вправо. Если Артегаль ушел в ту сторону, они наверняка должны встретиться. Какой-то неосознанный импульс заставил его замереть и оглянуться. Ножка буквы «Т» уже исчезла.

Он бросился назад. На месте бокового туннеля не было ничего, кроме твердого монолитного камня.

По спине его будто проползли тысячи отвратительных пауков. Он бежал до тех пор, пока не начал задыхаться. Проход едва заметно изгибался то в ту, то в другую сторону. Конца ему не было.

Когда, завернув за угол, он неожиданно наткнулся на живое существо, нервы у него чуть не взорвались все одновременно.

Неизвестная личность вскрикнула. Ши узнал Бельфебу.

— Гарольд! — всхлипнула она.

— Милая!

Ши раскинул руки — с факелом, шпагой и со всем прочим,— и она бросилась ему в объятия. Но почти сразу же вырвалась.

— Боже, я всего лишь слабая женщина и позабыла о данном мною слове! Нет, милый Гарольд, не спорь. Что сделано, то сделано! — И она решительно отвернулась.

Ши поник. Внезапно он почувствовал себя чертовски уставшим.

— Ну ладно,— объявил он с бодренькой улыбочкой,— главное сейчас — это как-то выбраться из этой проклятой дыры. Как ты здесь оказалась?

— Подвернула я ногу, когда падала. А прислужники Базирана...

— Ха, ха, ха! — Откуда-то прямо из стены перед ними возник Долон собственной персоной.— А вот и две мышки, что возжелали перебить всех кошек!

Ши встал было в боевую стойку, но Долон проворно сделал в его сторону несколько пассов, и что-то вдруг облепило его ноги подобно невидимому осьминогу. Он стегнул понизу шпагой, но не встретил никакого сопротивления.

— Ну уж нет, будет все же другой орден! — продолжал Долон.— С несравненным моим присутствием в качестве архимага! И первым делом испытаю я могущество свое на ваших жалких телах — дело стоит моего гения, нету у меня сомнений!

Ши рванулся в невидимых путах, которые уже полезли выше по телу. Одно из щупалец коснулось руки со шпагой.

Он быстро отдернул руку, перехватил рукоять и швырнул клинок острием в Долона, вложив в этот бросок все свои силы. Но шпага плавно остановилась на полпути до него и с лязгом упала на пол.

Руки его были по-прежнему свободны. Если Бельфеба окончательно решила выходить за своего Тимиаса, что мешает ему немедля свалить отсюда при помощи ракетного эффекта магикостатического разряда?

Он отшвырнул факел и торопливо выкрикнул заклинание. Долона, который только что открыл рот для очередного глубокомысленного изречения, внезапно обуял ужас. Он взвизгнул пронзительным бабьим визгом и тут же превратился во взметнувшийся вверх столб желтого пламени. Правой рукой Ши ухватил Бельфебу за запястье, чтобы оттащить ее от жаркого огня...

Пуф-ф!

Уолтер Байярд с Гертрудой Маглер подскочили чуть ли не на фут. Всего минуту провели они вдвоем в комнате Гарольда Ши, пока первый листал записи Гарольда Ши, а последняя наблюдала, как тот это делает.

И вдруг, сопровождаемый сильным потрясением воздуха, перед ними предстал сам Ши в потрепанном робингудовском наряде, а вместе с ним какая-то рыжеволосая девушка, облаченная в не менее нелепый костюм.

— А г-где док? — пролепетал Байярд.

— Остался! Ему там понравилось.

— А кто...

Ши ухмыльнулся:

— Девушка моей мечты! Бельфеба, это доктор Байярд. А это мисс Маглер. От черт! — Он случайно бросил взгляд на свои руки, сплошь покрытые волдырями.— По-моему, придется мне несколько деньков поболеть!

Гертруда уже выказывала признаки возвращения дара речи и даже открыла было рот.

Ши предвосхитил ее усилия словами:

— Нет, Герт, сиделка мне не понадобится. Разве что кварта цинкового лосьона. Понимаешь, мы с Бельфебой решили пожениться при первой же возможности.

По физиономии Гертруды пробежала целая гамма всевозможных выражений, которая завершилась воинственной враждебностью. Она обратилась к Бельфебе:

— Но... вы...

— Поведал он не что иное, как сущую правду,— произнесла Бельфеба не без некоторого вызова в голосе.— Находишь ли ты

в этом что-либо дурное? — Поскольку Гертруда не ответила, она повернулась к Ши: — Что говорил ты о болезни, возлюбленный мой?

Ши испустил вздох облегчения.

— Ничего серьезного, дорогая. Понимаешь, тот плющ, которым я связывал метлу, и *впрямь* оказался ядовитым!

Бельфеба добавила:

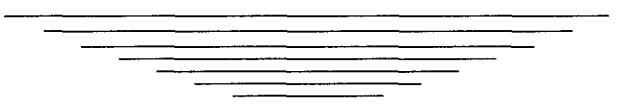
— Милый мой Гарольд, теперь, когда принадлежу я тебе безраздельно, не окажешь ли мне ты одну лишь услугу?

— Какую угодно,— нежно отозвался Ши.

— Все жду толкования я тех диковинных слов в поэме, коей одолел ты Зверя Рыкающего!

Железный замок

1

— Слышь, парень,— вразумлял тот, который дышал ртом,— ты тут нам того, не вкручивай. Мы — представители закона, понял? Мы, ясно дело, вас обоих защитим и все такое, только не можем же мы действовать, не располагая фактами! Так ты уверен, что не получал требований о выкупе?

Гарольд Ши в отчаянии запустил пальцы в прическу.

— Да говорю вам, инспектор, при чем тут какой-то выкуп? Раз уж речь идет о парафизике, ее вообще может не быть в нашем мире!

— Это уже что-то,— обрадовался другой, краснолицый.— Так куда, значит, ты ее девал?

— Никуда я ее не девал! Я к этому вообще отношения не имел.

— Ты утверждаешь, что она мертва, но понятия не имеешь, кто это сделал, так?

— Да нет же, я и слова не сказал насчет того, что она мертва! Вся штука-то в том, что скорей всего она жива-живехонька и прекрасно проводит время. Просто она не в нашем пространственно-временном континууме.

— Хорошенькое дельце,— заметил дышальщик ртом.— По-моему, придется нам с тобой прогуляться в участок. Пусть лучше лейтенант с тобой побеседует.

— Вы хотите сказать, что я арестован? — спросил Ши.

© Перевод Ю. Вейсберга, А. Лисочкина.

Краснолицый переглянулся с напарником, тот кивнул:

— Просто задержан в интересах следствия, только и всего.

— Логика у вас как у Да Дерга! В конце концов, это у меня жена пропала, и мне от этого гораздо паршивей, чем вам думается. А вы перед уходом не хотите переговорить с одним моим коллегой?

Тот, который дышал ртом, оглянулся на своего спутника:

— А ведь дело говорит. Глядишь, чего раскопаем.

Ши поднялся и тут же волнистым движением был обхлопан от плечей до бедер.

— Ничего,— разочарованно протянул краснолицый.— Так что за друг и где его искать?

— Я его приведу,— встрепенулся Ши.

— Приведи лучше свои мозги в порядок! Сиди спокойно, за ним Пит сходит.

Краснолицый пихнул Ши обратно в кресло и, вытащив зловещего вида автоматический пистолет, уселся сам.

— Ну хорошо, хорошо. Спросите доктора Уолтера Байярда в соседнем кабинете.

— Давай, Пит,— бросил краснолицый.

Дверь затворилась. Ши с опасливым отвращением разглядывал своего визитера. Слабо выраженный шизоид с уклоном в излишнюю подозрительность; любопытно было бы им заняться. Но у Ши хватало сейчас собственных проблем, чтобы заинтересоваться еще и выявлением подсознательного стремления полицейского танцевать в балете.

Некоторое время полисмен тупо рассматривал Ши, потом нарушил молчание.

— Классные тут у тебя сувенирчики,— кивнул он на пару висевших на стене стрел Бельфебы.— Это откуда?

— А-а, это жены. Из Царства Фей привезла. Вот там-то, скорее всего, она сейчас и находится.

— Ладно. Давай-ка сменим пластинку.— Полицейский пожал плечами.— По мне, так вам, специалистам по мозгам, следовало бы с самих себя начинать...

Он даже покривил рот от столь необъяснимого нежелания пленника обсуждать происходящее с материалистических позиций.

В коридоре послышались шаги; дверь распахнулась, дабы впустить того, который дышал ртом, и следовавших за ним крупного светловолосого медлительного Уолтера Байярда и (вот уж кого Ши совсем не желал сейчас видеть) младшего психоаналитика Гарейденского института Вацлава Полячека, известного больше как Вотси, или Резиновый Чех.

— Уолтер! — завопил Ши.— Ради бога, не мог бы ты...

— Помалкивай, Ши,— вмешался краснолицый.— Говорить будем мы.— Он грузно навис над Байярдом.— Вы знаете жену этого человека?

— Бельфебу из Царства Фей? Конечно.

— Знаете, где она?

Байярд глубоко задумался:

— Лично я — нет. Уверяю вас, однако...

Глазки у Вотси загорелись, и он уцепился за руку того, который дышал ртом.

— Послушайте! Я знаю, кто вам все расскажет — док Чалмерс!

Полицейские вновь обменялись взглядами.

— А это кто еще?

Байярд бросил на младшего психоаналитика раздраженный взгляд.

— Дело в том, что доктор Чалмерс не далее как вчера ушел в весьма продолжительный отпуск, и боюсь, он нам особо не помощник. Могу я поинтересоваться, в чем суть проблемы?

Краснолицый встрепенулся:

— А-а, позавчера? Выходит, они вдвоем. Знаете, куда он уехал?

— Ну... э-э...

— А *он не с этой самой миссис Ши уехал, часом?*

Несмотря на серьезность ситуации, Ши, Байярд и Полячек дружно заржали.

— Ладно,— уступил краснолицый,— нет так нет. Тогда еще вопросик. Вы знаете что-либо о пикнике, который имел место позавчера в роще Сенеки?

— Если вас интересует, был ли я там лично, то нет. Я просто знаю, что там устраивался пикник.

Вмешался тот, который дышал ртом:

— По-моему, он тоже что-то скрывает, Джейк. Темнит.

— Займись своим делом,— буркнул краснолицый.— Доктор Байярд, вы, как и присутствующий здесь доктор Ши, психоаналитик. И как бы вы объяснили, своими собственными словами,

тот факт, что на том пикнике ушли в лес доктор Ши и его супруга, а вернулся только один из них, коим не была эта самая его супруга, причем он сам вдобавок принялся надоедать всем криками, что она пропала?

— Я прекрасно могу это объяснить,— проговорил Байярд,— хотя и не уверен, поймете ли вы мои объяснения.

— Ладненько, по-моему, и вам следует пойти с нами. Расскажете все лейтенанту. Мне уже до смерти надоело переливать тут из пустого в порожнее. Выводи его, Пит.

Пит, шумно дыша ртом, ухватил Байярда за локоть. Эффект, однако, последовал такой, будто нажали на кнопку, запускающую ядерную реакцию. Для Пита, Байярда, Полячека и Ши лампы в кабинете заметались, словно в огненном вихре, который превратился в серо отблескивающий круг. Они неясно различили голос Джейка, который тоненько провопил: «Не-ет, не надо!» — сорвавшись под конец на визг, и скорее почувствовали, чем увидели, оранжевое, похожее на цветок георгина пламя, которое вырвалось из дула зловещего пистолета, но пуля никого из них не задела, и тут...

Пуф-ф!

Пол у них под ногами ощутимо похолодел.

Ши пришел в себя и огляделся. Так, это мрамор: казалось, куда ни глянь — повсюду на многие мили распростерлось бесконечное шахматное поле из черных и белых плиток, из которого со всех сторон вырастали стройные изящные колонны, поддерживая череду подковообразных мавританских сводов и уходя вдаль настолько, насколько хватало глаз. Полупрозрачная субстанция, из которой были сделаны колонны, могла с равным успехом оказаться как алебастром, так и льдом. Восток, догадался Ши.

— Слышь,— ошарашенно проговорил Пит,— если это ты таким макаром смыться решил, тогда ты точно погоришь. Тут тебе не Нью-Йорк. В нашем штате принят закон Линберга!

Он торопливо отпустил руку Байярда и схватился за пистолет, как две капли воды похожий на тот, что был у краснолицего.

Ши отмахнулся:

— Не утруждайте себя излишней стрельбой. Никакой это не побег.

Вид у Байярда был крайне раздраженный.

— Послушай-ка, Гарольд, никак ты решил проверить эти свои чертовы логические формулы на нас?

— Святой Венчеслав! — воскликнул Вотси, указывая на что-то пальцем.— Гляньте-ка туда!

Из-за скрывающихся в полумраке колонн показалась какая-то процессия. Возглавляли ее четверо евнухов — они и должны были быть такими, отвратительно жирными, сладенько улыбающимися, в чалмах и шальварах из голубого шелка,— каждый из которых был вооружен длинной кривой саблей. Позади колонной двигались арапы, голые по пояс, с кольцами в ушах, неся на головах стопки диванных подушек.

— Ты арестован! — выкрикнул Пит, направляя на Ши пистолет и поворачиваясь к Полячеку: — Вы, как я понял, на стороне закона? Тогда помогите мне его отсюда забрать!

Евнухи опустились на колени и стукнулись лбами о мраморные плиты. Негры, не нарушая четкого строя, разошлись направо и налево, дабы разгрузить перед четверкой подушки. Пит нерешительно повернул голову, но тут же судорожно дернулся, как только Ши уселся. Палец Пита рефлекторно сжался на спусковом крючке пистолета, который издал громкий щелчок.

— Я же сказал, что это не побег,— сказал Ши.— Располагайтесь, будьте как дома.

Он пока единственный поступил подобным образом. Полячек безостановочно вертел головой, так что казалось, будто она у него вот-вот отвалится, Байярд уставился на Ши с выражением полного обалдения на лице, а полицейский все щелкал своим пистолетом, зачем-то уклоняясь в сторону после каждого щелчка. Вслед за арапами из полумрака колоннады выступила еще одна сверкающая маслеными физиономиями процессия, нагруженная всевозможными цитрами, медными гонгами и еще какими-то диковинного вида струнными инструментами, которая скучковалась в сторонке.

— Ничего тут не поделаешь. Честное слово! — изрек Ши и добавил, обращаясь к Байярду: — Уолтер, ты же знаешь, на каком это принципе! Сядь.

Байярд нерешительно погрузился в груду подушек. Полячек с выпученными глазами и Пит-полицейский последовали его примеру. Один из евнухов с важным видом прошелся перед музыкантами и похлопал в ладоши. Те тут же грянули, производя немыслимую комбинацию визгов, ворчаний, стонов и рева, от которой уши у слушателей начали сворачиваться в трубочку. Да еще бо-

родатый солист завопил на такой высокой ноте, словно кто-то тянул из него кишки. Одновременно с этим где-то во тьме за колоннадой будто открылась какая-то дверь. Под дуновением свежего ветерка затрепетали одеяния музыкантов, и на фоне устроенного ими кошачьего концерта явственно послышался отдаленный шум падающей воды.

— Выше нос! — воскликнул Ши.— По-моему, сейчас нас обслужат.

К ним торопливо подкатился темнокожий карлик с огромным плюмажем, пришпиленным к чалме изумрудной застежкой, и полной охапкой подушек. Он сбросил их на пол в футе от четверки, поклонился, прижав ладони к груди, и был таков. Взвизги и завывания музыкального сопровождения резко переменились, все инструменты дружно испустили семь пронзительных нот. Среди колонн, там, где только что скрылся карлик, наметилось какое-то смутное движение, которое становилось все отчетливей, пока в конце концов не превратилось в семерых девушек.

По крайней мере, можно было догадаться, что это действительно девушки. Одеты они были в восточные наряды, сходство которых с картинками в календарях, однако, ограничивалось разве что покроем и расцветкой. Длинные, похожие на пижамы, свободно спадающие одеяния из толстенной шерсти надежно упрятывали девичьи тела от подбородка до пят. На виду оставались только семь пар глаз да семь темноволосых причесок. Музыканты задудели с новой силой, и девушки принялись выделывать какие-то диковатые па, которые можно было бы назвать танцем разве что от великой учтивости.

— А варьетешка у них тут аховая,— заметил Полячек.— Но я все равно снял бы вон ту, с краю.

— Не хватало еще, чтоб он тут набуянил в гареме,— пробурчал Байярд.

— Да ладно тебе! — надулся Полячек.— Да потом, они все равно вряд ли говорят по-английски.

— Ты и сам сейчас вряд ли по-английски говоришь,— сказал Ши.— Увянь.

Наряды девушек не позволяли судить с полной определенностью, но почему-то он твердо решил, что Бельфебы среди них не было.

Полицейский, пнем возвышаясь над подушкой, разложил между колен разобранный на части пистолет. Более того, он собрал и все патроны и теперь с выражением искреннего изумления изучал следы от бойка на капсюлях. Наконец он поднял взгляд.

— Не знаю уж, как вы, парни, все это устроили,— выдавил он,— только говорю вам: поехали обратно, не то сидеть будете дольше, чем Рузвельт был президентом!

— Законное желание,— согласился Ши.— Но и доктор Байярд объяснит вам, что мы тут совершенно ни при чем. Никого мы никуда не тащили.

— Так *кто же* тащил? Может, вы чего повредили у меня в башке и начались глюки? Или мы все умерли? Но тут явно не похоже на те небеса, которые мне расписывали в пресвитерианской воскресной школе!

— Не совсем так,— отозвался Ши,— но уже теплее. Знаете, как бывает: видишь сон и гадаешь, сон это или нет?

— Ну?

— И когда не спишь, а случается что-то такое из ряда вон выходящее, тоже думаешь: а не сон ли это? Так вот, мы открыли, что вселенная представляет собой нечто в этом роде. Существует целое множество различных миров, занимающих одно и то же пространство, и чисто мысленными операциями можно переноситься из одного мира в другой.

Пит помотал головой, словно отгоняя мух:

— Ты что, хочешь сказать, будто можно улететь на Марс или еще куда, только подумав об этом?

— Не совсем. Это не Марс. Это мир совершенно другой вселенной, со своими собственными закономерностями, отличными от наших. А что мы делаем — это просто концентрируем свои мысли на этих закономерностях.

— Закономе... О боже, если ты так выражаешься, придется тебе на слово поверить. Я-то думал, ты мне и взаправду объяснишь, да...

Семерка девушек, по-прежнему пританцовывая, скрылась между колонн. А с противоположной стороны показалась еще одна группа танцовщиц. На этих были доходящие только до лодыжек штаны и вышитые свободные платья с чем-то вроде пары кофейных чашечек поверху.

— Привет, куколки! — выкрикнул Полячек на пробу.

Суетливо вскочив на ноги, он сделал два шага и попытался ухватить ближайшую, но та ловко увернулась, даже не сбившись с шага в танце.

— Да сядь ты, придурок! — рявкнул Ши.

Танцовщицы, ритмично покачиваясь, продефилировали мимо и перешли к отступлению.

— Как по-твоему, долго нам тут куковать? — поинтересовался Байярд.

Ши пожал плечами:

— Понятия не имею. Честно.

Словно в ответ, оркестр переменил ритм и мотив, напористо забренчали струны, заухали барабаны. Из-за уходящих танцовщиц выступила вперед еще одна пара евнухов. Они отвесили поклон четверым гостям, после чего повернулись лицом друг к другу и поклонились вторично. Между ними возникли четыре девушки, каждая с небольшим медным подносом, на котором стоял разукрашенный кувшин. Байярд поперхнулся, Полячек присвистнул. Полицейский воскликнул: «Матерь Божья!» На наряды всей четверки пошла, видно, целая уйма ткани, но была она такой тонкой, что лучше бы ее вообще не было. А их обладательницы, надо сказать, вполне определенно относились к млекопитающим. Девушки деликатно, бочком приблизились к клиентам, с синхронностью марионеток поклонились и плюхнулись на подушки по соседству.

— Вы меня не подкупите! — заревел Пит-полицейский.— Заработаете еще одну статью, ребятки! За нарушение норм приличия на театрализованных представлениях!

В такт музыке каждая из девушек сдернула со своего кувшина крышку, окунула в него палец, вытащила его вымазанным чем-то желтым и клейким и поднесла к лицу подопечного. Ши открыл рот и получил изрядную дозу налипшего на палец меда. Заслышав придушенный, словно из-под кляпа, вопль Байярда: «Не-ет!», он обернулся и увидел, как тот судорожно уворачивается от предложенного пальца. Пит-полицейский вытирал перемазанную медом рожу платком, в то время как его гурия была полна решимости ввести свое средство если уж не внутрь, так хотя бы наружно.

— Лучше не отказывайтесь,— посоветовал Ши.— Они для того и явились.

— Меня вы не подкупите! — тупо повторил Пит, а Уолтер простонал:

— Да не люблю я сладкого! Мне бы сейчас пивка с прецелями!

Уголком глаза Ши углядел Полячека, одна рука которого обвивалась вокруг шеи девушки, а другая методично переправляла одну дозу меда за другой прямиком к девичьим устам — в обмен на тот мед, который он от нее получал. Уж он-то быстро сориентировался.

Сам Ши тоже получил следующую порцию.

— О луна восторга моего! — взмолилась девушка, ответственная за полисмена.— Отчего стесненье в груди твоей? Знай же, что такую любовь вселил ты в сердце мое, что скорей утону я в океане из собственных слез, нежели увижу повелителя своего в печали. Что же предпринять недостойной рабыне его?

— Попросите ее чего-нибудь выпить,— шепотом подсказал Байярд, в порядке эксперимента лизнув протянутый ему палец и содрогаясь от ненавистного вкуса.

— В этом и заключается желание повелителя моего? Слушаю и повинуюсь!

Она привстала и три раза хлопнула в ладоши, а потом опять пристроилась у ног полицейского, который их тут же испуганно отдернул. Он, видно, окончательно потерял дар речи. Руководитель оркестра отложил свой инструмент и тоже захлопал. Из-за колонн вприпрыжку выбежал тот самый карлик, что приносил подушки,— на сей раз с большим подносом, на котором сверкали четыре вычурных серебряных графина. Байярд привстал, дабы заглянуть в тот, что поставили перед ним, и взвыл:

— Молоко! Только его нам на этих посиделках и не хватало! И какая же сволочь, хотел бы я знать, пожелала попасть на небеса? О боже!

Ши, глянув поверх головы своей гурии, обнаружил, что если жидкость в графине и в самом деле была молоком, то молоком довольно странного сорта, с плавающими поверху какими-то плотными комочками. Прежде чем он успел проэкспериментировать, послышался вопль Полячека:

— Ни хрена себе, только попробуйте эту заразу, ребята! Лучшего коктейля в жизни не пил!

Сходство с каким бы то ни было коктейлем было весьма отдаленным, но вкус и аромат оказались восхитительными, а кре-

пость безграничной. Сделав большой глоток, Ши сразу почувствовал, как в живот покатилась теплая волна. Графин он передал девушке.

— Как вы зовете этот напиток, детка?

Она поцеловала тот край горлышка графина, которого касались его губы, и бросила на него лукавый взгляд.

— О возлюбленный мой, не что это иное, как самое настоящее Райское Млеко!

Слова ее донеслись до слуха Байярда.

— Райское?! — выкрикнул он.— Гарольд! Вотси! Держу пари, я кое-что знаю насчет того, куда мы угодили. Помните? —

...был млеком рая напоен,
вкушал медвяную росу*.

— Чего это вы там бормочете? — встрепенулся Пит-полицейский.

— Это Занаду́, Занаду Колриджа,— разъяснил Байярд.

Построил в Занаду Кубла́
Чертог, земных соблазнов храм,
Где Альф, река богов, текла...

— Альф! Альф! — Девушки вскочили и дружно закивали в ту сторону, откуда доносился шум падающей воды.

— Вот мы где,— заключил Байярд.— На берегах Альфа, прототипом которой послужила, скорее всего, река Алфей из греческих легенд...

— Так оно и есть,— подтвердил Ши.— Да отстаньте, инспектор, лично я тут ни при чем и понятия не имею, как мы сюда попали. Хотя, погоди-ка минутку, Уолтер. Та-ак, по-моему, мы влипли. Припомни-ка — ведь эта поэма не окончена. И насколько я представляю, мы угодили в неполный пространственно-временной континуум — такой, который ограничен определенным набором событий, подобно иголке проигрывателя, которую зацело на одной дорожке. Так что все это представление способно продолжаться до бесконечности.

Байярд схватился обеими руками за голову, полицейский что-то нечленораздельно пробормотал, а Полячек ухарски взмахнул пустым графином.

---

* Перевод В. Рогова.

— Годится! — счастливо выкрикнул он.— Нам и так хорошо, а, бейби?

Тут оркестр испустил какую-то особо скрипучую ноту. Девушка, в которую вцепился Полячек, вывернулась у него из рук, легким движением подхватила свой поднос и кинулась прочь. Следующая группа — опять из семи танцующих девиц — уже показалась из-за колонн. Одна из них, очевидно солистка, держала пару коротких кривых сабель, которыми тут же принялась размахивать.

— Погоди-ка, Гарольд,— сказал Байярд.— Ты точно ничего не можешь с этим поделать? Ты же нам все уши прожужжал, как ты ловко управляешься с магией в мирах, где она действует. Сумеешь вытащить нас из этого чертова заевшего варьете?

— Во-во,— встрял Пит-полицейский.— Знаешь что, Ши,— хочешь сделку? У меня свой парень в районной прокуратуре, так я шепну, чтоб к тебе помягче отнеслись. А может, может, и на это похабное шоу сквозь пальцы посмотрим!

Похоже, что райское молочко и его малость согрело.

— Попытаюсь,— проговорил Ши.— Только не знаю, как это сработает среди всей этой проклятой путаницы.

Полицейский, пошатываясь, поднялся.

— 3-зыто я знаю! — проревел он.

В два скачка он оказался рядом с одним из изумленных евнухов и принялся вырывать у того ятаган. Музыка оборвалась под визг и ропот голосов. Кто-то три раза звонко ударил в гонг. Из-за колонн выбежал чуть ли не целый полк свирепого вида янычар со здоровенными пиками в руках, но в этот момент Ши удалось отобрать у Пита ятаган. Поклонившись евнуху, Ши вернул клинок со словами:

— Покорнейший из твоих слуг приносит тебе свои нижайшие извинения!

После этого он повернулся к Питу, которого не без труда удерживал Байярд.

— Ты... полный... поганый... болван! — выдохнул он.— Мне плевать, будь ты хоть фараоном номер один в Огайо — здесь это тебе не поможет! Как бы тебе понравилась собственная голова, представленная публике на острие одной из этих пик?

Пит замотал головой, словно отряхивающийся пес:

— Да откуда... откуда мне знать, что...

— Или перспектива провести остаток своих дней в специально охлажденной камере? — Ши обратился к Байярду: — Помнишь главы «Берегись, берегись!» и «Ледяные пещеры»? У этого рая, как у розы, полно шипов, так что воспринимай его таким, каков он есть, иначе сильно пожалеешь!

Он медленно побрел назад к подушкам. Янычары скрылись, а из-за колонн показалась очередная шеренга танцовщиц. Эта группа специализировалась на танце живота. Пит-полицейский тяжело рухнул на подушки. Угрюмо уселся и Уолтер Байярд.

— Ладно, ребята,— подал голос Ши.— Только постарайтесь меня не перебивать, покуда я буду тут жонглировать силлогизмами. Итак: предположим, существует некое «с», такое, что утверждение «пи» относительно «х» является верным, когда «х» равносильно «с» и не иначе, а «с» имеет свойства «пи», то условия, удовлетворяющие утверждению «пи» относительно...

Голос его постепенно затих, и, шевеля губами, он уселся. Полячек так и сверлил его взглядом. Пит, обхватив руками голову, пробормотал: «И я, женатый человек...»

Ши, однако, так и не удалось довести свои силлогизмы до конца. Откуда-то из глубин колоннады, из-под мавританских сводов, громом прогремел какой-то космический голос — таким голосом, должно быть, изъяснялся Господь Бог, когда узнал о проделках поклонников Золотого Тельца. А прогремел голос вот что:

— Боже всемилостивый, по-моему, я здорово обмишурился!

Голос этот принадлежал доктору Риду Чалмерсу.

Ши с Полячеком вскочили. Музыканты остановились, танцовщицы сбились с шага.

А потом музыканты, девушки и окруженный колоннами зал вдруг принялись вращаться, все быстрей и быстрей, пока не слились в один разноцветный смерч, который вскоре начал блекнуть, становясь серым, как туман. Потом на сером фоне стали проявляться полосы, которые постепенно приобретали различные цвета и превратились в конце концов в очертания какого-то другого помещения — гораздо меньшего по размеру, простого и сугубо утилитарного.

Перед Ши с Полячеком оказался стол. За столом восседал человек невысокого роста и бледная миловидная темноволосая девушка. Человеком этим был доктор Рид Чалмерс. Правда, на

разлохмаченной седой пряди, вырвавшейся из-под пышной чалмы, имелись какие-то темные пятна, а на лице недоставало знакомых морщин, но все-таки был это Чалмерс собственной персоной.

Он произнес:

— Рад вас видеть, Гарольд. Надеюсь... О боже, да никак я и Вацлава вытащил?

2

— Да-да, вытащили,— подтвердил Полячек.— Прямиком с шикарной вечеринки! И Уолтера тоже.

Ши оглянулся:

— А Уолтер-то где? Он там сидел на подушках... Ну и поганка, док! Он, видать, остался там, в Занаду, вместе с фараоном — вкушать медвяную росу и разглядывать этих несчастных девиц. А он ни того ни другого на дух не переносит!

— В Занаду?! Боже ты мой, вот беда-то, вот несчастье! — Чалмерс принялся суетливо перебирать разложенные перед ним бумаги.— Я намеревался войти в контакт лишь с вами, Гарольд, и уверяю вас — остальные были вовлечены только волею случая. Я, право, не знаю...

Ши криво улыбнулся:

— А я, право, и сам не знаю, поблагодарить мне вас следует или отругать последними словами, док! Что вы сделали с Бельфебой, а? И ее заодно прихватили? По крайней мере я на это очень надеюсь. Стоило нам вместе уйти с пикника, как она просто исчезла, а меня собирались уже арестовывать как убийцу, похитителя и черт его знает кого еще.

— Да... гм... с этим есть определенные сложности.— Пальцы Чалмерса нервозно зашевелились.— Боюсь, что... гм... со своей стороны я допустил серьезную ошибку. Вообще-то неудивительно, что полиция вмешалась. Хотя я никак не думал, что у вас возникнут действительно серьезные проблемы с законом. По-моему, при подобных обстоятельствах практически невозможно обнаружить *corpus delicti.*

— Вы не все еще знаете, док. На пикнике была Гертруда Маглер, а она-то и подняла весь этот шум с полицией, когда мы ушли прогуляться вместе, а вернулся я один, совершенно поте-

рявший голову: вдруг ее кто из чародеев обратно в Царство Фей утянул? Эта барышня отыщет не только *corpus delicti,* но и причины для основания общества по кипячению мужчин в масле, чем она, кстати, и занимается.

Бледная девушка попыталась что-то сказать.

— Прошу прощения,— сказал Ши.— Леди Флоримель, разреши представить тебе Вацлава Полячека, известного в нашей стране как Резиновый Чех.

— Приветствую тебя, прекрасный кавалер,— произнесла девушка.— Титулы в краях ваших вельми странны, еще странней, мне чудится, чем одеянья на плечах твоих!

Ши оглядел свой вполне приличный костюм в тонкую полоску:

— То же самое я мог бы сказать о головном уборе сэра Рида. Что вы тут делаете в таком наряде, зачем вы меня сюда затащили и где мы вообще находимся?

— Вы по-прежнему демонстрируете не имеющую никакого отношения к истинной науке наклонность запутывать мысль, смешивая в одну кучу совершенно различные категории информации. Умоляю вас позволить мне привести в порядок мысли и данные... Кхе-гм. Насколько я понимаю, вы все-таки применили разработанное мною заклинание против Долона и таким образом перенеслись в нашу... гм... отправную точку? Честно говоря, мне не совсем ясно, как вам удалось переправить и юную леди...

— Я держал ее за руку. Вообще-то мы уже женаты.

— Примите мои самые искренние поздравления. Надеюсь, что ваш союз будет счастливым и... э-э... плодотворным. Ваше исчезновение, как вы помните, было связано с уничтожением Ордена Чародеев, и в результате я оказался перед проблемой, решение которой по-прежнему выходило за рамки моих возможностей. А именно — трансформировать в реальную личность подобие человеческого существа, изготовленное из снега.— Он кивнул в сторону Флоримели, которая глядела на него с полным обожанием.— Следовательно, мне...

— Доктор, а стула у вас тут не найдется? — встрял Полячек.

— Вацлав, вы расстраиваете ход моих рассуждений еще сильнее, чем Гарольд. Сядьте, ради бога, на пол и позвольте мне продолжить. На чем я остановился? Ах да, проанализировав доступ-

ные мне данные, я не без удовлетворения отметил, что в Царстве Фей присутствует мысленная структурная модель еще одного мира, расположение пространственно-временного вектора коего давало возможность перенестись в него посредством все тех же формально-логических методов. А именно мира «Неистового Роланда» Ариосто.

— А почему это оказалось так просто? — поинтересовался Ши.

— Кхе-гм. Это я и собирался объяснить. Лудовико Ариосто — итальянский поэт, который написал «Неистового Роланда» в тот период, который мы именуем началом шестнадцатого столетия. Именно эта работа, как полагают, и была тем отправным источником, из коего Спенсер — автор, весьма склонный к подражанию,— черпал идеи, воплотившиеся впоследствии в «Царице Фей». Поскольку оба эти мира базируются практически на одной и той же структурной модели, нетрудно понять, что перенестись из одного в другой — задача не из сложных. Я чувствовал твердое убеждение, что встречу здесь достаточное количество опытных волшебников-профессионалов... Вацлав, по-моему, вы не следите за моими рассуждениями.

— Не-а,— отозвался Полячек с пола.— И мисс... леди Флоримель то есть, по-моему, тоже.

— А ей это необязательно. Специально для вас, Вацлав, я дополнительно раскрою, что совпадение мысленных структурных моделей, как это и произошло в рассматриваемом случае, позволяет достаточно легко перекинуть соединительный мостик между двумя мирами и преодолеть его транспортом под названием «формальная логика» с вполне оправданной уверенностью в достижении желаемого места назначения.

Полячек похлопал себя по карманам:

— Ни у кого не найдется сигареты? Раз вы так говорите, док, я верю, но я так и не уловил, зачем вам понадобилось вызывать Гарольда и почему мы приземлились в том кабаке.

Чалмерс вновь принялся суетливо и неловко перебирать бумаги.

— Процесс сопровождался... гм... определенными непредвиденностями. Их я могу охарактеризовать... только выстроив все по порядку, если позволите. Дабы сразу определиться: мы находимся в замке ведущего чародея из «Неистового Роланда» — Атланта де Карены, на Пиренеях, возле границы Франции с Ис-

панией. Специально для вас, Вацлав, мне следовало бы оговориться, что все эти названия никоим образом не отражают те понятия, которые мы привыкли обозначать этими словами... ну, скажем так, в Гарейденском институте.

— Все это замечательно, только зачем было меня-то сюда выдергивать? — спросил Ши.— Могли бы, по крайней мере, спросить для начала.

— Гарольд, вы наверняка сознаете, что формальная логика не такая примитивная вещь, с которой можно обращаться как с телефоном. Дело в том, что непредвиденности, на кои я только что ссылался, оказались столь угрожающими, что у меня попросту не оставалось другого выхода. Хотя, конечно, я могу и ошибаться. Работать с Атлантом весьма, весьма интересно. Я получил уникальную возможность внести значительные коррективы во многие принципы волшебства в свете некоторых законов, которым оно тут подчиняется. Однако я чувствую, что определенным образом обязан и присутствующей здесь юной леди.— Он указал на Флоримель и тут же покраснел, когда Ши с Полячеком хихикнули.— Э-э, так вот — Атлант весьма расположен к сотрудничеству, но меня теперь, к счастью, не настолько впечатляет любезность колдунов, как прежде. Не то чтобы он не способен совершить что-либо ради Флоримели, но все эти люди — ко всему прочему мусульмане, у которых... как бы это выразиться... несколько своеобразные нормы морали.

Я пришел к мысли, переросшей в твердое убеждение, что мне необходимо обеспечить Флоримель дополнительной защитой. Дела обстоят или, вернее, обстояли до того, как я взял на себя, возможно, и не совсем оправданную смелость... э-э... транспортировать вас сюда, так что я оказался практически единственной преградой между ней и нашим, как я всерьез опасаюсь, далеко уже не благожелательным хозяином.

— Ничего не понимаю,— сказал Ши.— Почему бы вам еще куда-нибудь ее не переправить?

— Но куда, Гарольд, голубчик вы мой? В этом-то вся и загвоздка! Возвращение в наш собственный мир наверняка обернулось бы потерей юной леди, поскольку сама она волшебного происхождения, а в структурной модели его нет условий для волшебного. Так что этот вариант пришлось признать неприемлемым — по крайней мере до тех пор, пока она окончательно не

станет человеком. Можно было бы, конечно, переправиться в какой-нибудь из миров Данте, но я далеко не уверен, что атмосфера того же «Ада» окажется благоприятной для персоны, изготовленной из снега. Кроме того, Атлант — чрезвычайно компетентный чародей, которому вполне под силу как последовать за ней туда, куда она направится, так и воспрепятствовать ее отправке.

— Весьма настойчивый, отъявленный развратник,— заметила Флоримель.

Чалмерс похлопал ее по руке и просиял.

— Чувствую, что обязан принести извинения и вам, и Вацлаву. Однако, как мне представляется, одно из назначений дружбы заключается в том, чтобы изредка, в чрезвычайных обстоятельствах, допускать некоторую бесцеремонность. А я очень надеюсь, что вы рассматриваете меня именно как друга.

Полячек махнул рукой. Ши проговорил:

— Все это правильно, док, и я буду только рад помочь, особенно раз уж вы прихватили с собой Бельфебу, пусть даже и впутав меня в историю с полицией. Где она, кстати?

Чалмерс стал запинаться чаще обычного.

— Вот в этом-то... гм... и заключается одна из основных сложностей, по поводу которой я обязан принести вам свои искреннейшие извинения. Первопричина ее, вне всякого сомнения, кроется в сбое избирательности метода. Э-э, дело в том, что я вообще не имел намерения транспортировать ее куда-либо из нашего мира. Если вы знакомы с «Неистовым Роландом», Гарольд, то наверняка припомните, что среди позаимствованных оттуда Спенсером прототипов имеется и персонаж по имени Бельфегора, весьма схожий с Бельфебой... С прибытием юной леди сюда возникла определенная... гм... путаница в отождествлении, в результате чего, к большому несчастью, сейчас она не помнит ни своего другого имени, ни событий предыдущего существования. И в настоящий момент я просто-таки не в состоянии сообщить, где она находится, за исключением разве того, что, вне всяких сомнений, она в пределах данного мира.

— Вы что, хотите сказать, что моя собственная жена даже меня не узнает? — взвизгнул Ши.

— Боюсь, что нет. Не могу выразить...

— И не пытайтесь.— Ши с тоской обвел глазами комнату.— Я найду ее. Она могла попасть в беду.

— Не думаю, Гарольд, что есть нужда так за нее волноваться. Юная леди достаточно... самостоятельна.

— Воистину такова она, хочешь верь, а хочешь нет,— подтвердила Флоримель.— Раз таким ударом поразила она сэра Руджера, что голова у того долго кружилась, когда с настойчивостью превеликой не выпускал он ее за пределы замка. Утешься, сэр Гарольд!

— Что это еще за сэр Руджер? — сердито буркнул Ши.

— По-моему, мне лучше сразу представить вас моим... гм... и вашим партнерам,— сказал Чалмерс, обходя стол и открывая дверь позади Ши с Полячеком.

Потянувший из-за нее ветерок принес едва ощутимый, но вполне узнаваемый запах оливкового масла, и, как только они переступили через порог, пол под ногами отозвался металлическим звоном.

— Ах да,— спохватился Чалмерс,— наверное, я запамятовал упомянуть тот факт, что этот замок построен целиком из железа. Это тоже связано с определенными... гм... неудобствами. Следуйте за мной, джентльмены.

От коридора, в котором они очутились, ответвлялся другой, идущий под уклон, который привел их к двухстворчатой двери. По бокам ее висели на цепях масляные светильники, отбрасывающие совсем тусклый свет. Когда они подошли к дверям вплотную, Ши уловил звук какого-то инструмента, судя по всему музыкального, вроде тех, в Занаду. Полячек облизнулся, глазки его загорелись.

— Телки? — проговорил он с надеждой.

Ничего не ответив, Чалмерс взмахнул перед дверью рукой, и ее створки плавно распахнулись. Глазам их открылись спины двух музыкантов в арабских нарядах, сидевших на корточках прямо на полу, один из которых дул в дудочку, а другой мерно постукивал кончиками пальцев в барабанчик дюймов четырех в диаметре. Сразу за ними медленно кружилась в танце закутанная в газ стройная темноволосая девушка.

А чуть в отдалении, в тусклом свете множества масляных светильников, расположилась еще дюжина или чуть больше мужчин, наряженных в яркие восточные одеяния, сальные пятна на которых по этой самой причине казались особенно заметными. Развалясь на подушках, они без единой улыбки томно наблюдали за

танцовщицей, время от времени скупо перебрасываясь словами и поглядывая в дальний конец помещения, словно ожидая какого-то намека от человека, который там восседал. Был он крупнее самого крупного из них, с атлетической фигурой борца. Черты его совсем юного лица говорили о силе и решительности, но сейчас на нем почему-то застыло тоскливое, обиженное выражение. Похожий на серую мышку подвижный низкорослый старикашка что-то нашептывал ему на ухо под аккомпанемент бурной жестикуляции.

Заслышав шаги визитеров, он поднял взгляд и тут же рысью кинулся к ним. Чалмерсу он с ходу отвесил низкий поклон.

— С тобою быть — благодать Аллаха! — Он снова поклонился.— Кто эти владыки?

Чалмерс отвесил ответный поклон.

— Быть с тобою не меньшая благодать, о властитель чародеев Карены. Это... гм... владыки из моей страны — сэр Гарольд де Ши и оруженосец его Вацлав Полячек.

— О, сколь счастлив день сей! — воскликнул Атлант де Карена, без устали наклоняясь и выпрямляясь, словно корабль в шторм.— О день милости Аллаха, что предоставил радость очам столь недостойным лицезреть двух могущественных франкийских владык! — Поклон.— Несомненно, ошибка это, что оказались вы в столь убогом приюте, но благодаря ошибке этой удостоился я высочайшей чести! — Поклон.— Эй! Вымести лучшие покои, приготовить одеяния церемониальные для сэра Гарольда де Ши и оруженосца его Вацлава, кои воистину принесли благодать в дом наш! — Поклон.

Ши с Полячеком ответили на первые два или три поклона, но попытка отвешивать их в подобном темпе и дальше попросту грозила головокружением. Видимо, удовлетворенный тем, что хоть чего-то достиг, коротышка ухватил обоих под руки и провел их по кругу, где представления и поклоны повторились вновь и вновь, будто ни один из тех, к кому они подходили, не слышал ничего, что говорилось остальным. Были здесь лорд Моско, эмир Трези, сэр Аудибрад — последний в средневековом европейском камзоле и штанах в обтяжку, без чалмы — и еще двое или трое. В промежутках Полячек без устали вертел головой, дабы не упускать из виду танцовщицу, пока где-то на третьей церемонии знакомства Атлант не обратил на это внимание.

— Желаешь ты служанку эту, о благородный владыка? — поинтересовался он.— Клянусь Аллахом, стоит она не меньше сотни золотых, но, несомненно, сможешь взять ты ее в наложницы при одном лишь условии — если Руджер наш, для коего нет здесь преград, не предъявит на нее права свои. И поймешь ты, что жемчужина она, коя не стала еще бусиной, кобыла, не знавшая узды, драгоценность...

Физиономия Полячека стала пунцоветь.

— Скажи ему *нет!* — горячо зашептал Ши.— Не хватало нам еще влипнуть тут в историю!

— Но...

— Скажи, что нет.

Взгляд Атланта остановился на них, и казалось, что за жидкой бороденкой его кроется выражение лукавства.

— Знаете что,— проговорил Полячек,— я вам лучше потом скажу. Поскольку я тут новичок, мне хотелось бы сначала получше познакомиться с вашим замком, прежде чем... насладиться вашим... мм... гостеприимством. И... э-э... в любом случае большое спасибо, ваше сиятельство.

— Слушаю и повинуюсь! — Его сиятельство направил свои стопы к подушкам, на которых покоился угрюмый юнец.— А вот свет, сияющий миру, воин ислама, безупречный паладин и кавалер Карены Руджер!

Безупречный паладин скучающе хрюкнул.

— Опять франки? — капризно обратился он к Атланту.— Чем лучше они той девки огневолосой, что приволок недавно франкийский колдун?

Ши сжался, и сердце его екнуло. Однако «свет, сияющий миру» обращался уже непосредственно к нему:

— Так это вы невесть откуда свалившиеся фокусники, коих обещал мне дядюшка? Хоть и муторно на сердце, может, найду я забаву, глядя на ваши фокусы!

Ши холодно поглядел на него поверх своего длинного носа:

— Послушай-ка, ты, остряк-самоучка, меня произвел в рыцари человек достойней тебя, и мне совсем не по вкусу, что ты там толкуешь насчет «огневолосой девки»! Давай-ка выйдем, и я впрямь покажу тебе несколько фокусов!

Руджер неожиданно расплылся в чрезвычайно любезной улыбке.

— Клянусь бородою пророка (наместника Аллаха на земле),— проговорил он,— никак не ждал я от франка благородства такого! Вот уж несколько месяцев никого я не убивал, и мышцы мои одрябли от недостатка практики. Давай же подеремся скорей!

— Владыки! Свет очей моих! Покой сердца моего! — засуетился Атлант.— Нет у вас никакой нужды в еще одной смерти, и знайте же, что лежит на ней заклятие и никогда не случиться ей в моем замке, и более того — здесь благородные владыки мои и гости, собратья-чародеи, за жизнь которых отдал бы я жизнь собственную! Пойдемте же, сэры, позвольте показать мне вам ваши покои, кои хоть и нечто большее, чем тюфячки в уголке, но все же лучшее из того, что в силах предложить вам Карена. «Бери все, что есть у меня,— говаривал Ходжа,— пусть это даже всего лишь половинка ячменной лепешки!»

Он кудахтал над ними, словно наседка. «Тюфячки в уголке» оказались покоями размером с учебные аудитории, сплошь увешанными изысканными шелками и меблированными инкрустированным деревом. Однако головки заклепок, которые выступали из железных панелей на стенах и потолке, делали их несколько похожими на интерьеры линкора.

Атлант понемногу успокоился.

— Сейчас принесут вам кофе и новые одеяния. Но только, ради Аллаха, сэры волшебники, пусть голос дружбы отведет руку спора, и не гневайтесь вы на родственника друга вашего. Эх, милая молодость! — Он потер рукой глаза, и Ши с изумлением углядел поблескивающие на них капли самой настоящей влаги.— Слава Кордовы! Иногда удивляет меня, почему турецкая баня благовонная не замерзнет в отчаянии от соперничества с такой красотой! Поверили ли бы вы когда-нибудь, что человек такой способен больше думать о крови, нежели о груди девичьей?

Он торопливо поклонился с полдюжины раз подряд и исчез.

3

— Черт возьми, Гарольд! — проговорил Полячек, с отвращением вертя в руках просторные хламиды.— Предполагается, что мы напялим эти ночные рубашки?

— А почему бы и нет? Угодил в Рим — лопай спагетти. И потом, если ты собираешься строить глазки местным красоткам, по крайней мере оденься по моде!

— По-моему... А этот старый колдун — классный парень. Слушай, а это что, шарф?

Ши подхватил длинную полосу красной материи.

— Я думаю, это твоя чалма,— отозвался он.— Это нужно обмотать вокруг головы где-то таким вот образом.

— Бу сделано,— откликнулся Полячек, с небывалой быстротой и бесшабашностью принявшись накладывать виток за витком.

Естественно, дело кончилось тем, что чалма раскрутилась и эдакой гирляндой повисла у него на шее, а следующая попытка завершилась ничуть не лучшим результатом. Ши отнесся к этой процедуре более вдумчиво и основательно, и хоть чалма и держалась у него на голове, но почему-то упорно заваливалась на ухо, а оставшимся длинным хвостом щекотала по подбородку. Полячек захохотал и скорчил рожу.

— По-моему, надо вызывать портного или ждать, пока не принесут что-нибудь более похожее на шляпы.

Ши нахмурился:

— Послушай, Вотси, давай-ка потише, ладно? Здесь тебе придется поумерить свою прыть, если ты не хочешь, чтобы нам перерезали глотки.

Полячек выгнул бровь:

— Никак это Гарольд советует мне поумерить прыть? Да-а, женитьба здорово тебя изменила! Кстати, о птичках — ты не в курсе, какие в этом притоне правила внутреннего распорядка? Я был бы не прочь поймать Атланта на слове и малость приударить за той танцоркой. Она сложена, как...

Дверь с лязгом распахнулась, и на пороге возник какой-то тип, чья волосатая, с висячими ушами башка носила прямо-таки пугающее сходство с головой собаки ньюфаундленда.

Не успели они даже рта раскрыть, как он гавкнул: «Владыка Руджер!» — и посторонился. Через порог перешагнул безупречный паладин и кавалер собственной персоной. Ши отметил, что двигался тот удивительно легко для столь крупного детины. Он вполне мог оказаться весьма опасным противником.

— О-о, привет,— холодно поприветствовал он незваного гостя. А Полячек добавил:

— Знаете, сам-то я тут иностранец, но вы всегда входите в двери без стука?

— Владыка — он владыка и в собственных покоях,— молвил Руджер, словно фамилия его была Гогенцоллерн.— Донеслось до меня, о путник, что рыцарского ты рода, и могу я без греха и помех возжелать пролить твою кровь. Поелику воин я великоопытный и доблести не занимать мне, невелика утеха была бы, не посули я тебе уравнять наши шансы, а именно: выйду без доспехов я, а ты в доспехах на сечу, когда снимут колдуны заклятье с замка!

Будь при нем та шпага, что столь замечательно помогала ему в Царстве Фей, Ши, пожалуй, и отказался бы от такого гандикапа. Но вместо этого он поклонился:

— Благодарю. Очень мило с твоей стороны. Скажи, я правильно понял, что Атлант твой дядя?

— Иначе и быть не может.— Руджер деликатно прикрыл ладонью зевок.— Хотя скорей он вроде бабки, старой няньки одноглазой, коя не допускает здесь молодецких забав, что без воспитанья да манер обходятся. Да и это можно было бы обойти — нашелся бы только любитель боевой доблести, кто знал бы что-нибудь о наложении и снятии заклятий.

Ши заметил, что из-под маски равнодушия и скуки за ним внимательно и заинтересованно наблюдают, и начал догадываться о причинах визита здоровяка, хотя и не ожидал, что это свершится столь скоро.

— Так-так,— протянул он.— Слушай, что тут вообще происходит, а? Сэр Рид сказал, что Атланта что-то тревожит. Ждете нападения христианских рыцарей?

— Ха! Христианских рыцарей не боюсь я, пусть хоть все двенадцать паладинов скопом навалятся! — Он надул мускулы.— А вот с ифритами да чародеями не так все просто, и неуютно здесь всякому с той поры, как герцог Астольф увел у Атланта его гиппогрифа.

Ши застыл, сверля Руджера взглядом.

— А что ты там такое говорил насчет рыжеволосой девушки?

Руджер, похоже, не уловил той откровенно деланной небрежности, с которой был задан этот вопрос.

— Нет благолепия помимо Аллаха! Случилось это лишь несколько дней тому назад, когда был с нами владыка Дардинель. Тогда Атлант и еще один колдун, друг твой, втайне сговорились великое чародейство учинить, с пламенем и стонами злых духов.

Ничего такого не было, но вызвали они откуда-то издалека ту девицу — предвестницу беды, сложенную ладно, да в наряде не дамском, охотницу; и с волосами рыжими, что из всех примет беды — самая верная, а из бед, опасаюсь я, потеря гиппогрифа лишь только начало. Встречал ли ты раньше предвестницу эту несчастий?

— Это моя жена,— признался Ши.

— Аллах велик! Ужели нет в краях твоих девиц, добро предвещающих, что пришлось тебе с такой-то сойтись? Нет сомненья, в богатом приданом дело было!

Не углубляясь в обсуждение этой темы, Ши очертя голову бросился дальше:

— Что-нибудь слыхал о ней с тех пор, как она покинула замок?

— Донеслось до меня, что какой-то охотник видал, как шла она пешком по горам вместе с герцогом Астольфом — союз, от известия о коем страх, подобно ночи, опустился на сердце дядюшки моего, хоть как истолковать сие, не ведает он.

— Кто этот герцог Астольф, кстати?

— Да простит Аллах твое невежество! Один он из тех двенадцати, коих христиане (да будут они прокляты) зовут паладинами; и все ж таки доблестный он воин, лучшей утехой счел бы я возможность обменяться ударами с ним, хоть и пришел он с некоего острова далеко на севере, где студено так, что синеют лица людей, пусть даже и были бы они франками.

— Ты вот что скажи, Руджер,— встрял Полячек.— Если ты так не любишь христиан, то как же вышло, что у тебя христианское имя?

Безупречный паладин скорчил такую гримасу, что на миг Ши показалось, будто он сейчас врежет Вотси как следует, но Руджер тут же, хоть и не без некоторого усилия, взял себя в руки.

— Не ради утоленья любопытства твоего, что не более чем бесцеремонность пса, коего мало стегали кнутом,— начал он,— но ради доброй воли рыцаря этого, обещавшего пожертвовать мне свою кровь, отвечу я. Знай же, о невежа, что мы здесь, в Карене, слишком благородны по духу, чтобы было дело нам до княжеских распрей, а ищущи славы, не ищем, чьи стяги ее нам сулят,— была б только жаркою битва, а имя при сече не суть! — Руджер вдруг фыркнул и посмотрел на Полячека неожиданно

проницательным взглядом: — Так что там пищал ты о той невольнице, что плясала на нашем пиру?

— Ну...— замялся Полячек.— В общем, Атлант, он... хм... он мне предложил... весьма великодушно с его стороны, по-моему... а я просто говорил — типа того, не следует ли мне вежливости ради принять...

— Довольно, презренный! — прервал его Руджер.— Знай же, что замок этот и все, чем богат он, создано для моего лишь собственного удовольствия, и, ежели удовольствие найду я в том, чтобы взять девицу в наложницы, не будет преград на моем пути!

Он прорычал «Мир вам!» и удалился. Собакоголовый захлопнул за ним дверь.

Ши поглядел ему вслед:

— Видал, Вотси? Обезьянничать с парнями вроде этого — все равно что сообщать Аль Капоне, что тебе не нравится цвет его галстука. Ладно, облачаемся во все эти наряды и пойдем поищем дока. Я заметил, что он уже решил проблему с чалмой, так, может, он нас выручит.

Они направились к апартаментам Чалмерса. Доктор куда-то собирался, жизнерадостно напевая:

— Колдовство — первый сорт! Если надо
Мертвеца вам из гроба поднять,
Чтоб пугать иль смешить до упаду,
Лучше фирмы вовек не сыскать!
Приворотного зелья отме...

Чем могу служить, Гарольд?

— Сделайте что-нибудь с этим перепутанным кушаком!

Ши посмотрел, как доктор взялся за чалму Полячека и ловкими пальцами специалиста привел ее в порядок, после чего лично намотал свою собственную.

— Знаете, Руджер утверждает, что Бельфеба где-то поблизости, в горах. Вам придется помочь мне выбраться отсюда, чтобы я смог ее повидать.

Чалмерс нахмурился.

— Лично я не вижу острой необходимости для подобного неожиданного исчезновения,— сказал он.— У меня сложилось впечатление, что молодая леди прекрасно приспособлена к тому, чтобы... гм... самой за себя постоять. Просто-таки превосходней-

ший пример одновременно и биологической, и психологической адаптации. Было бы крайне несвоевременным шагом с вашей стороны оставить меня в столь ответственный момент. Нам следовало бы... гм... несколько по-иному посмотреть на вопрос защиты наших общих интересов, а в настоящее время я столкнулся с серьезной проблемой, которая...

— О, так Вотси вполне может здесь остаться и о ней позаботиться!

— Вацлав весьма расторопный молодой человек, но боюсь, он несколько склоняется в сторону безответственности,— твердо заявил Чалмерс, не обращая внимания на протестующие междометия Полячека.— К тому же он питает... гм... непростительную слабость к прекрасному полу, не говоря уже о том, что ему недостает элементарнейшей подготовки в области магии. Следовательно, в настоящий момент положиться я могу только на вас.

Ши уныло ухмыльнулся.

— Ладно,— сдался он.— Вы знали, чем меня взять. Но вам все равно придется помочь мне разыскать Бельфебу, как только все тут маленько утрясется.

— Буду рад помочь вам, Гарольд, чем смогу, как только мы окончательно уверимся в успешности процесса гуманизации Флоримели.

Ши отвернулся, чтобы скрыть блеск в глазах. Зная, насколько упрямым способен быть Чалмерс, он даже и не пытался спорить. Но он тоже был достаточно неплохим психологом и подозревал, что вполне может оказаться и так, что принимать участие в трансформации Флоримели ему будет лучше на некотором расстоянии от Каренского замка.

— Послушайте, вы оба,— встрял Полячек.— Я тут ничуть не меньше могу пригодиться. Почему бы не показать мне, что это за магия и с чем ее едят?

— Я уже запланировал целый цикл бесед по данному вопросу,— заверил Чалмерс.— Начнем с основополагающих моментов, таких как проведение различий между позитивно-прикладной магией и колдовством...

— А как насчет того, чтоб научить меня парочке добрых сильнодействующих заклинаний прямо не отходя от кассы? Чему-нибудь, что бы мне по жизни пригодилось? В солидную теорию можно углубиться и потом, тем более мне понятней будет после небольшой практики.

— Это было бы неверно с педагогической точки зрения,— ответил Чалмерс.— Вам следовало бы давно усвоить, что я не имею отношения к так называемым прогрессивистам, кои убеждены, что учащиеся сами выделят необходимое из материала, поданного в бессистемной и беспорядочной манере.

— Но... но... У меня есть одна причина...

— Неужели? — удивился Ши.— Интересно-интересно, что там могло зародиться в той штуковине, которую ты используешь в качестве мозга, Вотси?

— А вот это мое дело!

— Без признаний не будет и заклинаний.

— Вацлав! — произнес Чалмерс менторским тоном.

Несколько секунд Полячек боролся с противоборствующими стремлениями.

— Дело в той малютке,— решился он наконец,— танцовщице. Конечно, в обычной ситуации мне было бы глубоко плевать,— (тут Ши хрипло расхохотался),— будем мы с ней встречаться или нет, но я вовсе не хочу стоять столбом перед этим толстым дураком и выслушивать указания, как жить дальше. И я решил, что, ежели вы снабдите меня парочкой заклинаний, я смогу наложить на него...

— Нет! — хором выкрикнули Ши с Чалмерсом.

Доктор сказал:

— Мы и так уже, насколько мне представляется, оказались вовлеченными в... гм... достаточно серьезные сложности даже без дальнейшего ухудшения ситуации. Ей-богу, не знаю, как, скажем, избежать назойливости Атланта в отношении того же заклятия на смерть в пределах замка.

— Здоровяк чего-то такое упоминал,— заметил Полячек.— Что это такое?

— Некогда на данное строение — насколько мне представляется, в момент его возведения — было наложено заклятие. Основной эффект его заключается в том, что, если в его пределах будет иметь место факт насильственной смерти, здание разрушится. Не буду утомлять вас подробностями, кои фантастически запутаны. Поскольку предполагается, что обычно я более чем расположен содействовать Атланту, сейчас мне пришло в голову, что стоит нам снять это заклятие, как у нашего друга Руджера не станет более препятствий искрошить вас с Гарольдом на куски в порядке обычной фехтовальной тренировки.

— Этого тупого быка я нисколечки не боюсь,— проворчал Ши.— Пари держу, что в лучшем случае он знаком с фехтованием на мечах, если, конечно, и тем владеет прилично.

— А кто его знает? Как бы там ни было, я обязательно и сам обзаведусь каким-нибудь оружием. Хотя очень жаль, что наше с Атлантом дружеское сотрудничество движется к столь печальному концу. А кроме того, позвольте мне напомнить, что как женатый человек вы облечены определенной... гм... ответственностью.

Ши сник, почувствовав себя виноватым в том, что на несколько минут все же забыл, что женат.

— Я по-прежнему считаю, что вам следует преподать мне парочку заклинаний,— стоял на своем Полячек.— Я не стану превращать Руджера в болотную черепаху или что-нибудь в этом духе — обещаю, но у меня должны быть достаточные возможности на случай необходимой самообороны.

— Сумма знаний, полученных столь поспешно, вряд ли будет иметь большую ценность для самообороны,— твердо ответил Чалмерс.— Курс проведем так, как я уже наметил.

Полячек дернулся:

— До чего же вы оба мне надоели! Зануды! Я пошел к Атланту. Может, он покажет трюк-другой.

Он вихрем вылетел вон, металлически бабахнув дверью.

Ши поглядел на Чалмерса с выражением глубокой озабоченности на длинной физиономии.

— Скажите, док, мне что, на веревочке его водить? Он тут уже почти сцепился с Руджером.

Чалмерс покачал головой:

— Я в равной мере сомневаюсь как в том, что Атлант сообщит нашему нетерпеливому юному другу достаточно магической информации, чтобы... гм... подвергнуть риску нашу безопасность, так и в том, что и Вацлаву, если уж до того дойдет, удастся нанести какие-то из ряда вон выходящие повреждения в сих пределах. Боюсь, что скорее всего у нашего хозяина просто составится несколько неблагоприятное впечатление о нашей... гм... репутации, кое он неминуемо вынесет после общения с нашим соплеменником. А теперь, если вы подсобите мне немного с этим вот тиглем, я закончу наконец смешивать свое зелье и мы сможем отойти ко сну.

Эти последние слова вызвали в голове у Ши целую вереницу мыслей, что заставило его вглядеться в Чалмерса попристальней.

— Никак и впрямь омолаживаетесь, док?

Чалмерс вспыхнул:

— По-моему, это вполне объяснимо, особенно в свете моего... гм... несколько более активного образа жизни в последнее время. А потом, как понимаете, я тщательнейшим образом рассчитал рецептуру, никоим образом не желая в результате небрежности или передозировки превратиться в подростка.

Берясь за тигель, Ши гадко ухмыльнулся:

— Смотрите не просчитайтесь, док. Разве вы не в курсе, что говорит о подростках статистика?

4

Гарольду Ши снилось, что он тонет в океане из оливкового масла, слишком густого, чтобы выплыть. И что всякий раз, когда ему удавалось достать до края нависающей над головой скалы и слегка подтянуться на руках, гигантский Руджер с отвратительной ухмылкой на своей наглой роже спихивал его обратно тупым концом копья.

Проснувшись, он увидел скорчившегося на самом краешке соседней кровати Вацлава Полячека, который прижимал к носу платок. Помещение было буквально пропитано ужасающей вонью прогорклого масла. Шатаясь, Ши добрался до окна, замазанного чем-то вроде алебастра. Как только, немало повозившись, он его открыл, в лицо ему ударила струя даже не просто свежего, а прямо-таки ледяного воздуха. У него перехватило дыхание. За зубчатыми стенами замка ему удалось разглядеть заснеженные утесы горной цепи, розоватые от утреннего солнца.

— Что за черт? — проворчал Ши, в голове которого пронеслись предположения о некоей загадочной попытке отравления.

Стоя поближе к распахнутым ставням, он влез в предоставленные ему просторные одеяния и, не тратя времени на возню с чалмой, прямиком направился в коридор. Там запах был просто ни с чем не сравнимым. Завернув за угол, он чуть не столкнулся лбом с эмиром Трези, который ковылял мимо, прижимая к носу разрезанный пополам апельсин.

— Вы, случайно, не в курсе, кто тут, к чертям собачьим, так навонял, мой благородный друг? — любезно осведомился Ши.

— Истинно, сэр, прав ты, и вонь такую лишь адские клоаки могли исторгнуть! А что же до первопричины, то шепнули мне тут, будто Атлант (да совьют мухи в ушах его гнезда!) позабыл возобновить свое заклятье.

— Какое еще заклятье?

— Поистине никакое иное, как то, что удерживает вонь от масла сего вдали от наших покоев, подобно тому как джинна связывает заклятье кольца Соломона! Увы, никакое чародейство не в силах справиться с ржавчиной, и не будь сей замок как следует промаслен, ничто не спасло бы его от разрушения. Но поскольку заклятье, придающее маслу приятный аромат, непрочно, как сухой лист в непогоду, приходится его время от времени возобновлять, как...

Он примолк, поскольку из-за угла коридора суетливо выкатился Атлант собственной персоной.

— Во имя Аллаха, восхваленье коему! — поприветствовал он их.— Владыки мои милосердные, умерьте гнев свой на слугу своего нерадивого! — При этом он кланялся с размеренностью метронома.— Ничего не нужно мне, кроме как покрывала вашего прощения, дабы опасенья мои испарились, а на сердце снизошла благодать! — Опять поклоны.— Молю вас одарить меня милосердием своим настолько, чтобы разделить со мною завтрак. Чуете? Воздух уже становится чище, чем воды животворного источника! К оруженосцу твоему это тоже относится, блистательный сэр. Здоров ли юноша?

Аппетит у Ши, какой бы он там обыкновенно ни был, под воздействием оливкового зловония испарился напрочь. Тем не менее он позвал Полячека, а эмир Трези, к счастью, избавил его от необходимости что-либо ответить.

— Воистину,— объявил тот,— страданья наши переносились с легкостью благодаря гостеприимству здешнему, равно как с радостью переносили мы вонь разложенья, когда перебил лорд Руджер две тысячи рабов у врат Памплоны, позабыв в воинственном своем раже оставить кого-нибудь в живых, дабы похоронить мертвецов!

Хозяин проводил их к столу, на котором в основном фигурировала тушеная баранина и какая-то кислая белесая жидкость, которую Ши в конце концов определил как молоко, причем явно непастеризованное. Руджер, развалясь на подушках напротив молодого психоаналитика, жрал так, что за ушами трещало. Доктор Чалмерс не показывался. Когда «зеркало местного рыцарства» завершило прием пищи вдумчивым ковырянием в зубах, оно встало и многозначительно обратилось к Ши:

— Не будет ли светлость твоя столь любезна, чтобы померяться силами в рубке изгородей, раз уж согласно воле дядюшки моего не можем мы рубиться друг с другом?

— Каких таких изгородей? — встрял, по обыкновению, Полячек.

Демонстративно проигнорировав этот вопрос, Ши отозвался:

— С удовольствием. Только кому-нибудь придется одолжить мне меч. Я так быстро собирался, что свой оставил дома.

Изгороди Каренского замка представляли собой ряды пошарпанных деревянных столбов, вкопанных во дворе. За ними двое каких-то типов в камзолах замковой стражи стреляли в мишень из коротких кривых луков. Как ни странно, у обоих оказались головы обезьян-бабуинов.

Когда явились Ши с Руджером, лорд Моско, сарацин столь низкорослый и толстенький, что ходил вперевалку, уже приблизился к краю ближайшей изгороди — с кривым ятаганом в одной руке и круглым щитом в другой. Он издал леденящий кровь вопль, всей своей тушей, как кот, скакнул к столбу и замахнулся. Полетели щепки. Моско пустился в пляс вокруг ни в чем не повинной деревяшки, с оттяжкой врубаясь в него справа и визжа на пределе своего голоса: «Алла-иль-алла! Махмуд! Махмуд!» Внезапно он остановился и отошел назад, где небольшой кучкой расположились остальные.

— Владыка мой Марджин, не прольешь ли ты бальзам своих слов относительно подготовки моей?

Марджин, в чем-то вроде бесформенной кепки вместо чалмы, нос которого однажды был основательно перебит, беспристрастно молвил:

— Оценил бы я сие довольно посредственно. Дважды открылся ты слева при отскоке, да и клич боевой совсем не звучал. А ведь как рявкнешь супостату в ухо, так он, считай, и готов.

Моско вздохнул.

— Благословенно имя Аллаха,— проговорил он уныло.— Боюсь, что потерянный я человек, не будь защиты ангелов его и руки атлета нашего! Но, владыки вы мои, ужель не усладим мы зрения своего приемами сих франкийских воителей?

Послышалось одобрительное бормотание.

— Так что ничего не остается тебе, оруженосец, как изрубить эту изгородь!

— Лучше скажи, что потянул запястье,— прошептал Ши.

Но у Полячека оказались собственные взгляды.

— Ща изрублю. Я же видел, как он это делал, правда? Только где бы раздобыть такой же тесак?

Эмир Трези преподнес ему свой собственный, довольно побитый и зазубренный, ятаган. Полячек гордо промаршировал к изгороди и с воплем: «Ра-ра-ра, Гарвард!» со всей силы замахнулся, отведя руку с ятаганом за спину. Увы, не учтя высоты изгороди, он совершенно промазал, крутнулся вокруг себя и, запутавшись в собственных ногах, был вынужден вцепиться в столб, дабы избежать падения.

— Это у меня такой способ атаки,— пояснил он, стыдливо потупясь.— Я делаю вид, будто собираюсь ему врезать, а сам вхожу в клинч, швыряю оземь, а там уж и расправляюсь окончательно.

Забавностью этого эпизода, похоже, никто не проникся. Физиономия Марджина выражала откровенное презрение, а все остальные попросту отвернулись — все, кроме Руджера, который взглядом показал Ши, что тот следующий.

Ши прикинул на руке оружие Трези — не считая зазубрин на лезвии, баланс того явно не соответствовал его фехтовальному стилю.

— У кого-нибудь найдется прямая сабля? — спросил он.

Лорд Марджин, бывший здесь, видно, кем-то вроде тренера, хлопнул в ладоши и что-то крикнул. Из замка тут же показался слуга с толстогубой верблюжьей мордой, неся затребованный клинок. Ши взвесил его в руке. Лезвие было достаточно прямым, но сабля все равно предназначалась исключительно для рубки, подобно ятагану,— без острия, со скругленным кончиком и рукоятью, рассчитанной на маленькую руку. Однако с балансом дело обстояло уже лучше, и если оружие и впрямь оказалось тяжеловатым для быстрого парирования ударов, после нескольких тренировочных выпадов с ним вполне можно было иметь дело. Ши подступил к столбу без всяких криков и воплей, выполнив для начала простой обманный выпад, обманный выпад с быстрой атакой и укол-отскок. В течение пяти минут он трудился в здоровом поту и не без удовольствия уловил бормотание зрителей, частью изумленное, частью одобрительное.

Марджин промолвил:

— Подумать только, сэр рыцарь, до чего ж диковинная игра клинка! Мыслится мне, что с франкийским мечом обязательно сразил бы ты противника-другого.

И тут же все принялись горячо обсуждать достоинства системы Ши.

— Знаете что, владыки, а ведь перед колющим ударом соответствующим не устоит даже превосходная дамасская кольчуга...

— Ну уж нет, не по вкусу мне сии новомодные трюки...

— Но посмотрите, какой выигрыш дистанции это дает...

— Да ладно, как разойдешься, так все равно начнешь сплеча рубить...

— Ого,— (это уже сэру Аудибраду, делавшему неуклюжие попытки повторить выпады Ши),— по крайней мере, видно теперь, что приемы благородного сэра Гарольда за вечерок под чашечку кофе не переймешь...

Один только Руджер смотрел на все с презрительной миной. Без лишних слов подскочил он к ближайшей изгороди, огласил двор замка воплем и выхватил огромный ятаган. «Чик!» — вонзилось лезвие в дерево, а потом быстро-быстро: «Чик-чик-чик-чик!» С последним ударом вся верхняя половина изгороди целиком отвалилась, словно отвернулась на петлях. Руджер крутнулся на каблуках и довольно гаденько ухмыльнулся Ши.

Тот поперхнулся.

— Неплохо сработано, о Жемчужина Века!

Руджер пихнул ятаган обратно в ножны и сунул одному из слуг.

— О франк, всего лишь десятая это или даже сотая доля того, что узреть ты можешь, когда стою я в поединке перед достойным соперником! Не о тебе, сын неудачника, речь — способен ты разве что выплясывать да уклоняться, подобно одному из шутов дядюшкиных.

Когда Ши с Полячеком на скорую руку принимали ванну, стоя в тазах и поливая друг другу на головы из кувшинов, последний поинтересовался:

— Ты не в курсе, какая программа на остаток дня?

— Для большинства, по-моему, она будет заключаться в полнейшем безделье до самого вечера, а потом у Атланта какое-то очередное шоу с девицами.

— По-моему, всем этим ребятам должна уже до смерти надоесть такая житуха.

— Руджеру уж точно. Его так и подмывает с кем-нибудь подраться, и я так до конца и не могу понять, почему Атлант не дает ему в этом волю. Пока все это просто забавно, за исключением разве что поползновений этого старикашки в отношении Флоримели. Жаль, что я не читал «Роланда» — знал бы, с чем придется столкнуться. Кстати, ты не забыл, что мы на сегодня договаривались с доком? Насчет той новой теории, которую он тут разработал? Готов?

— Готов, пошли.

Когда они добрались до апартаментов Чалмерса, то ощутили все ту же вонь, от которой проснулись утром. Чалмерс был хмур.

— Я склоняюсь к мысли, что промашка с возобновлением заклятия на масло совершенно не случайна,— ответил он на вопрос Ши.— Обратите внимание — запах держится во вполне определенных пределах. Атлант чрезвычайно хитер и наблюдателен, и у меня нет никаких сомнений в том, что он уже давно в курсе... гм... особой восприимчивости Флоримели. Юная леди простотаки от всего этого заболела.

Ши сказал:

— Интересно, с чего бы это? Может, малый у нас садист? В соответствии со всеми корреляциями ненормальные модели сексуального поведения должны быть вполне обычным делом в этом мусульманском обществе, где все приличные женщины обычно содержатся под замком. Вдобавок некоторые особенности его характера живо напоминают мне того садиста, которого часто приводят в качестве примера в учебниках,— ну вы знаете, о ком я: тот торговец недвижимостью, которого...

— Вы имеете в виду Ван Гилдера? — Чалмерс покачал головой.— Первым делом, все эти корреляции, о которых вы только что упомянули, основываются большей частью на догадках и предположениях. А кроме того, это совершенно нетипично для любого нормального садиста — добиваться удовлетворения столь обходными путями.

— Вы хотите сказать,— встрял Полячек,— что настоящий садист должен лично загонять иголки под ногти?

Чалмерс кивнул:

— Или, по крайней мере, при том присутствовать, руководя операциями. Нет, можно найти самые разные объяснения столь проработанному вредительскому замыслу, но... гм... садизм — это последнее, что можно было бы предположить. Более вероятен некий скрытый мотив.

— Например? — спросил Ши.

— Например... э-э... например, расчеты Атланта вынудить меня прибегнуть к противодействующим чарам, чтобы изучить их и приспособить для снятия гибельного заклятия, которое, по его словам, тяготеет над замком. Кстати, Гарольд, из этих соображений прошу вас никоим образом не поощрять Руджера в его стремлении устроить здесь поединок со смертельным исходом. Никому не известно, к чему способен привести подобный конфликт.

— Я его не боюсь! — заявил Ши, правда без особой уверенности.

— По-моему, большинство здешней публики только и ждет момента оторвать кому-нибудь башку,— заметил Полячек.— Вы не можете каким-то образом вмешаться?

— Сейчас как никогда требуется спокойствие и самая обычная осмотрительность,— твердо сказал Чалмерс.— В том совершенно невыразимом состязании, в кое нас упорно вовлекают эти... гм... джентльмены, победит, несомненно, та сторона, которая дольше сохранит способность воздерживаться от непродуманных и импульсивных действий. А теперь, джентльмены, приступим? — Через полчаса: — Элементарные принципы подобия и распространения нам следует развить в более прикладную магическую методику. Начнем со структуры заклятий. Типичное заклятие включает в себя два компонента, кои мы можем обозначить как вербальный и соматический. При рассмотрении вербального компонента — а именно словесного заклинания — обязательно следует учитывать, пытаемся ли мы оказать воздействие на некие материальные вещества или же обращаемся к каким-то высшим силам.

— Тут, по-моему, есть небольшое отличие от вашей предыдущей методики,— заметил Ши.

— А здесь и несколько иной пространственно-временной континуум. Я пытаюсь максимально увязать предмет нашей беседы с текущими проблемами, так что заклинаю не перебивать. Так вот... гм... размер, ритм, расстановка ударений и прочие характеристики формы стиха в первом случае являются фактором наиважнейшим. Стих должен точнейшим образом отражать поэтические традиции той среды, с которой рассматриваемые предметы и вещества тесно связаны, от которой они зависят. Таким образом, скажем, в... гм... Асгарде подобное заклинание для достижения максимального эффекта должно склоняться к аллитерации, в то время как в Царстве Фей — иметь четкий размер и рифмы. В мире японских же легенд стих такой обязан содержать строго определенное число слогов в строго определенной...

— Но разве стихотворение, которое сочиняется в качестве заклинания, не приобретает соответствующую форму само собой — естественным образом? — спросил Ши.

— Не исключено. Я как раз и собирался отметить, что определенное... гм... начальное мастерство в стихосложении неотделимо от проблемы достижения оптимального результата. Вот почему вам, Гарольд, обладателю того, что можно было бы назвать литературно-вдохновенным типом мышления, нередко удается достичь довольно экстраординарного эффекта...

— Послушайте-ка,— вмешался Полячек.— Главная заморочка во всей этой дыре в том, что у них тут сухой закон. И вы хотите сказать, что если я сделаю несколько пассов и пропою:

Пиво, пиво, прекрасное пиво,
Залей ты меня,
Возникни здесь живо! —

то получу парочку кружечек?

— Вацлав! — резко сказал Чалмерс.— Заклинаю вас отнестись к рассматриваемой теме с большим вниманием. Если бы ваша столь поспешная выходка привела к какому-то результату, вы бы наверняка оказались переполненным желаемым напитком, а я очень сомневаюсь, что это выдержали бы ваши внутренние органы. Здесь, как нигде, важна высочайшая точность в выражениях. Позвольте мне заметить, что в своих неуклюжих виршах вы выразили желание быть залитым данной жидкостью вместо того, чтобы получить возможность ее выпить. Да, так на чем я

остановился? Ага, итак, магия, боюсь, всегда будет оставаться в большей степени искусством, равно как, по моему твердому убеждению, и психиатрия. Однако в заклятиях присутствует еще и соматический компонент, требующий куда более взвешенного и беспристрастного подхода. Тут, увы, есть несколько моментов, которые от меня пока ускользают, и я питаю надежду пролить на них свет не без вашей, джентльмены, поддержки — посредством наблюдений за методами Атланта. В первую голову я имею в виду ту чрезвычайно ловкую манеру, с какой он применяет волшебные чары в целях телепортации человеческих и даже квазичеловеческих существ...

Пока Чалмерс долдонил дальше, в голове у Ши роились бессвязные мысли. До всего этого дошли они в Царстве Фей, с Бельфебой... Бельфеба! Упомянутая доктором Бельфегора должна быть точно такой же — с пружинистой поступью, с веснушками под загаром... Чтобы вернуть ее, придется изучить этот самый соматический компонент, выяснить, каким образом Атлант...

Из задумчивого оцепенения вывел Ши неожиданный взрыв Полячека. Резиновый Чех вскочил, восклицая:

— Да понял я, понял, док! Давайте теперь проведем небольшую лабораторную работу. Смотрите на эту подушку — щас я превращу ее в...

— Нет! — завопили одновременно Ши с Чалмерсом.

— Да ладно вам. Вы что, не верите, что я способен чему-либо научиться?

— Да уж помню,— заметил Ши,— как ты взорвал лабораторию и сам чуть копыта не отбросил, когда пытался получить какодил,— помнишь, на химии, на втором курсе? Изволь прослушать еще несколько лекций, прежде чем браться заколдовывать даже мышь!

— Да, да, я все понимаю, но вы ведь можете контролировать каждое мое действие, и я...

Аргументация Полячека была неожиданно прервана появлением Флоримели, которая вошла со словами: «Мне немного лучше, лорд мой!» Но оказалось, это тоже входило в план лекции по колдовству. Ши снова унесся в своих мыслях в неведомые дали, в то время как Чалмерс вернулся к нелегкому делу обучения Полячека.

5

Над зубчатыми стенами было светло и чисто, а воздух нес в себе замечательный привкус горного климата. Рядом с небольшой башенкой, которая позволяла под прикрытием от ветра погреться на солнышке, Ши наткнулся на Атланта. Тот погрузился в изучение какого-то свитка, разложенного на подушках. Колдун-коротышка суетливо вскочил:

— Добро пожаловать, о рыцарь века! Не желает ли друг моего друга отведать шербета?

— Да нет, спасибо, о благородный хозяин. Я тут просто приглядываюсь, хочу определиться, где тут что. Место у вас — лучше не придумаешь. Красота!

— О да, повелитель мой, лучше не бывает. И все дано будет тому, кто облегчает сердце и расширяет душу владыки нашего Руджера!

— Хм, я и не предполагал, что совершил в этом направлении что-то такое незабываемое. Вы, небось, приготовили ему на вечер что-нибудь эдакое?

Атлант хрустнул пальцами и пожал плечами:

— Поистине нечего мне предложить вам всем, кроме семерых девственниц-китаянок, с лицами лунам подобными. Умеют они и на лютнях играть, и петь, и беседу поддерживать о Законе Пророка не хуже казия, и торговец, что продал мне их, уверял, будто сестры они близнецы, что и само по себе настоящее чудо собою являет. Хотя ты, просвещенный, видал, должно быть, и такие чудеса, против которых мои — что месяц младой против яркого солнца?

Он склонил голову набок и искоса поглядел на Ши. Чего он еще затевает? Ши ответил:

— Я, о вдвойне просвещенный, в жизни ничего подобного не видывал. Вы мне вот что поведайте...— Тут он несколько понизил голос.— Племяннику вашему, владыке Руджеру,— понравится ли это ему так же, как и мне? По-моему, он слишком уж неугомонная личность.

Коротышка задрал физиономию к чистым голубым небесам:

— Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет есть Пророк его! Воистину неугомонен владыка Руджер и страстно желает битвы, подобно коню доброму, желающему круга скакового!

— Почему бы вам тогда не отпустить его поискать приключений?

Атлант пару раз стукнул себя в грудинную кость, да так, что Ши заподозрил, будто он задался целью проломить ее насквозь.

— Не поведал я тебе ничего, кроме истины! Знай же тогда, что пророчество существует, кое вызнал я при помощи своего ремесла, и гласит оно, что ежели чудо века нашего и сын брата моего не выйдет на сечу великую под светом полной луны, то потерян он будет для ислама, удалившись на десять миль от Карены. А раз нет сейчас ни войны, ни луны полной, придется сполна мне ответить пред Аллахом великим и всемогущим, и гореть мне во пламени джаханнама, случись вдруг такое!

— А-а, понятно. Положеньице у вас — не позавидуешь.

Колдун вцепился Ши в руку:

— Верно говорится: «Нет двери, но ключ есть, коим отпирают ее». Поистине не видел я сына брата моего довольным жребием своим уж много месяцев, пока не поглядел он на упражненья твои нынешним утром. Без сомненья, владеешь ты чарами, кои охраняют тебя от смертоносного оружия.

Ши внезапно подумалось, что никогда в жизни его столь любезно не побуждали позволить себя прикончить. Но тем не менее ответил:

— А что же держит тут владыку Руджера? Если ему так невмочь поскорей выбраться отсюда и проломить кому-нибудь башку, то почему он попросту не выйдет через дверь?

— Взаправду вопрос этот задан при известном заранее ответе, поскольку не сокрыто от меня, что осведомлен ты о пентаграммах, что вход закрывают!

— Понял. Эдакая позолоченная клетка получается. Но меня-то с сэром Ридом вы, надеюсь, не рассчитываете таким способом удержать?

На сей раз Атлант предпочел выразить свои чувства, заломив руки:

— Да сожрут плоть мою собаки, если я хоть раз даже помыслил об этом! Нет уж, просвещенный сэр,— стоит только пожелать тебе поохотиться в тех горах, где и сам я частенько находил усладу, когда юности кровь еще бурлила во мне, то с удовольствием превеликим предоставит тебе слуга твой даже егеря в помощь. А пожелай ты помериться силою со Светом Ислама, то и пентаграммы опустить будет не грех!

Тут он уже явно переборщил.

— Да нет, спасибо, может, как-нибудь потом,— сказал Ши.

Старикашка пихнул его локтем и развратно закудахтал:

— Хорошенько подумай, повелитель мой! Донеслось до ушей моих, что девы в селеньях окрестных стройней, чем газели. Будет охота — была бы охота, хи-хи!

— Нет-нет, спасибо, о источник мудрости,— повторил Ши, размышляя, какая доля правды могла присутствовать в заявлении насчет пророчества.— В настоящий момент я больше заинтересован в проекте дока... сэра Рида то есть, связанном с превращением Флоримели. Делу — время, потехе — час, знаете ли. Вам самому-то как этот план, кстати?

Атлант привычно побарабанил себя по груди:

— Нет бога, кроме Аллаха! Так и не открылось мне, как сей узел развязан быть может, хоть и созвал я уже целые легионы шайтанов да джиннов.

— Может, я в чем-то смогу и помочь,— сказал Ши.— Я довольно неплохо соображаю в магии, и частенько я способен даже на то, что и сэру Риду не потянуть.

— Воистину чудеса твои куда чудесней должны быть, нежели вода горящая и прочие веществ превращенья, о магистр колдовских дел! С радостью искренней и надеждою великой призову я тебя, когда грянет тот час, в кой без тебя я обойтись не сумею. А ныне же нету той помощи, что значимей была бы удовлетворенья сына брата моего.

Опять двадцать пять! Этот старый интриган так и будет убеждать Ши, что голова ему совсем ни к чему? Ши предпочел проигнорировать заключительную часть этого заявления.

— А в каких направлениях вы работаете? Мы могли бы сравнить результаты.

— Будь это так, смягчилось бы сердце мое и исчезло стесненье из груди моей! Но, увы, тому, кто религию нашу исповедует, строго запрещено посвящать кого-либо, кроме истинных мусульман, в колдовские наши обычаи; поступи я так, немедля разорвал бы тебя на клочки ифрит, что сильнее льва и клыками в три фута длиною обладает.

Коротышка, видно, посчитал, что для первого раза пока достаточно, и устремился к лестнице. Семенящие под длинным плащом ножки придавали ему уморительный вид торопливого ежа.

На верхней ступеньке он обернулся, дабы отвесить еще один прощальный поклон.

— О просвещенный сэр,— крикнул он,— будь осторожен! Горы те зловещи, коварны их тропы. Пусть же дружбы рука отвратит ход беды, и во имя Аллаха заклинаю тебя — не расколдовывай пентаграмм, не покидай замка без помощи моей и в мое отсутствие!

Вечер уже понемногу укутывал своим покрывалом прозрачные небеса, а Ши все расхаживал среди зубчатых стен, размышляя, где в этом мире могла находиться сейчас Бельфеба, и терзаясь бессильной тоской. Какая же сволочь этот Чалмерс, который втравил их в эту историю! А история получилась что надо. Прощальные слова Атланта, хоть и прозвучали в форме эдакого отеческого совета, явно таили в себе угрозу, причем не особо-то прикрытую. Допустим, ему удастся справиться с пентаграммами и выйти из замка — как поступит тогда этот старый козел? Натравливать на него Чудо Века он станет вряд ли. Это пойдет явно вразрез с пророчеством — если, конечно, и было вообще какое-то пророчество. Ши размышлял над этим вопросом, огибая полязгивающую железную башню, и в конце концов пришел к заключению, что рассказ о пророчестве и в самом деле похож на правду. Атлант достаточно хитер, чтобы замаскировать вранье среди общеизвестной правдивой информации, замешав ее как следует на всяких увертках и выдумках, дабы ложь не слишком бросалась в глаза.

Единственно, за что можно было зацепиться, так это за факт, что колдун оказывает на своих гостей определенное давление лишь с целью излечить Руджера от скуки. Здоровяк, видно, просто не способен думать ни о чем, кроме драки,— так нельзя ли найти более-менее подходящую замену? Дома, в Огайо, в таких случаях обычно обходятся приключенческими романами. Здесь об этом нечего и думать. Хотя... Тут Ши мысленно стукнул себя по лбу за то, что такая простая мысль раньше не пришла ему в голову: игрушечные солдатики!

Наверняка поблизости от Каренского замка найдется какой-нибудь искусник, кто сумеет вырезать подходящие фигурки воинов, а уж им-то с Чалмерсом при помощи волшебства наверняка удалось бы их оживить, чтобы получились настоящие армии — только миниатюрные. Образ безупречного паладина, командую-

щего батальонами шестидюймовых деревянных рыцарей на заднем дворе замка, понравился ему настолько, что он похлопал по краю зубчатой стены и расхохотался. В этот момент кто-то потянул его за рукав.

Это был один из замковых слуг, на сей раз с головой птицы — какой-то очень большой птицы с огромным клювом, вроде грифа или кондора.

— Какие проблемы? — поинтересовался Ши.

Несмотря на то что существо вполне определенно поняло вопрос, в ответ оно лишь разинуло крючковатый клюв, издав невнятный шипящий клекот. Ухватив его за руку, оно настойчиво повлекло его за собой, время от времени оглядываясь через плечо, и наконец что-то удовлетворенно прошипело, когда они спустились по лестнице в один из металлических коридоров и Ши лицом к лицу натолкнулся на Полячека. Существо удалилось.

— Здоров, Гарольд! — поприветствовал тот его с жизнерадостностью изобретателя, сумевшего вдохнуть жизнь в атомный двигатель космического корабля.— Слушай, в такой дыре без меня вы бы давно пропали. Я нашел тут одного страшилу, у которого есть все, что нам нужно! Единственный затыр в том, что мне ее-то никак не отыскать!

— Что все? Кого ее?

— Да ту брюнеточку, которая танцевала тут вчера вечером. Единственно имя узнал: ее зовут Саммарад или что-то вроде того. А насчет «все» ты так и не въехал? Да чем горло полощут — усек наконец?

— Быстро ты тут освоился, а? Ладно: против спиртного не возражаю, а вот насчет подружки зря топчешься. Даже если Руджер и не затащит ее к себе, только чтобы тебя подзадорить, Атлант наверняка отправит ее туда, откуда она прибыла.

— Святой Венчеслав! Об этом я не подумал.— Физиономия Резинового Чеха приняла унылое выражение.— Ладно, тогда я состряпаю чары, которые превратят этого гада...

— И не думай!

— Хорошо, а как на это посмотришь: я иду к Атланту и безо всяких там яких спрашиваю, не мог бы он выслать мне эту малютку в Огайо. С ее-то фигурой...

— Нет! Заморочек у нас и так по горло. Да потом, ты ведь ее совсем не знаешь, Вотси.

— Да я...

Ши вздохнул:

— Для образованного человека у тебя на удивление пролетарская модель сексуального поведения...

— Да что это с тобой? Что же теперь, ложись да помирай? — злобно проворчал Полячек, направляясь вниз по винтовой лестнице, проложенной в одной из башен.

Когда все аргументы были исчерпаны, они очутились в чем-то вроде буфетной, где восседало очередное страшилище — субъект с ярко-красной кожей, огромной башкой и короткими ножками, занятый мытьем тарелок. В углу лежал большой, изможденного вида пес с тарелкой в передних лапах. Монстр доставал одну грязную тарелку за другой, бормотал некое заклинание и присвистывал. Пес каждый раз принимался вылизывать лежащую перед ним тарелку. При этом с той, что вынимал домовой, бесследно исчезали остатки пищи.

— Ни фига себе! — поперхнулся Полячек.— Как там твой обед себя чувствует?

Ши ухмыльнулся:

— Брезгливость оставь при себе. Жир с тарелки попадает в желудок собаки без непосредственного соприкосновения.

Ковыляя, словно краб, домовой подошел к ним поближе.

— Раздобыл, Одоро? — подмигнув, спросил Полячек.— Ему вон тоже надо.

— Могу раздобыть,— проскрипел Одоро.— Только деньги вперед, ага? Деньги нужны.

Они отправились в лабораторию Чалмерса за деньгами. В ответ на стук за дверью послышалась какая-то возня, и когда они вошли, Флоримель была уже на некотором расстоянии от Чалмерса, причем платье на ней было слегка помято, а вид у обоих несколько виноватый. Без лишних слов доктор выдал им несколько старинных квадратных монет.

Когда они направились к себе в комнату, Ши расхохотался:

— На эту парочку посмотришь, так вроде это страшное преступление — усадить девушку себе на колени!

— Он, наверное, никогда раньше этим не занимался,— заметил Полячек.— Ладно, пускай цацкается с этой живой ледышкой, если так хочется. Лично я забираю Саммарад. Заметил, как она строила мне глазки?

Домовой почти сразу же присоединился к ним, извлекая из-под мышки небольшой бурдюк, обернутый засаленной, пришедшей в негодность чалмой.

Полячек выдал ему несколько диковинных монет, каждая из которых тут же подверглась проверке при помощи зубов, больше похожих на звериные клыки. Когда домовой повернулся, чтобы уйти, Ши остановил его:

— Минуточку, Одоро.— Он взял в руки бурдюк.— Хозяин твой не очень-то расположен к спиртному, а?

— О да, ужас! Закон Пророка!

— А что произойдет, если он вдруг узнает, чем ты тут снабжаешь постояльцев?

Домовой содрогнулся:

— Анафема, по второму классу. Раскалят клещи и кишки рвать будут.— Ухмылка его увяла.— Вы ведь не скажете, нет?

— Посмотрим.

Одоро побледнел чуть ли не до синевы и принялся неуклюже переминаться с ноги на ногу, все быстрее и быстрее, так что под конец едва не подпрыгивал.

— О, только не это! Что угодно для вас сделаю! Сжальтесь! — вопил он.— Нет, не надо вам вина, отдайте!

Он заплясал вокруг Ши, пытаясь выхватить бурдюк. Ши поднял тот высоко над головой и быстро отпасовал Полячеку, который принял его как заправский защитник.

— Тихо, тихо,— проговорил Ши.— Не забывай, что я тоже волшебник и запросто превращу тебя в рыжего муравья, если только пожелаю. Это уж как бог свят. Все, что мне нужно,— это некоторая информация, и, если ты ее нам дашь, можешь ни о чем не волноваться.

— Нету у меня никакой информации,— угрюмо пробурчал Одоро. Глазки его так и шастали по комнате, вращаясь на голове, как на шарнирах.

— Ах нету? Вотси, пойди-ка разыщи Атланта и расскажи, что за бутлегера мы тут обнаружили. А я пока присмотрю... Э-э, да ты не хочешь, чтобы он шел? Может, ты все-таки кое-что знаешь? Угу? Я так и думал. Ну, так существует ли какое-то пророчество насчет Руджера?

— Д-да... да. Ужасное пророчество. Если он выйдет отсюда до полнолуния, то будет с неверными, станет сражаться с истинно верующими. *Иль хамду ль'Алла!*

— Ну вот видишь, как замечательно. Ладно: почему Атлант не позволяет Руджеру отлучаться даже неподалеку? Он ведь колдун и наверняка знает, как удержать его на определенном расстоянии?

— Герцога Астольфа боится. Этот тоже волшебник — гиппогрифа украл.

— По крайней мере хоть что-то прояснилось! Но послушай, если Руджеру так приспичило выйти из замка, почему он не задаст жару самому Атланту? Голову ему там не отрубит или еще чего?

— Не знаю. Клянусь бородой Пророка — не знаю. Наверное, Атлант сделал ему что-то такое... ну, сами знаете, с мозгами,— Одоро ткнул себя пальцем в башку,— и управляет как лошадью. Но у Руджера мозгов не густо, так что особо... э-э... не поуправляешь.

Ши рассмеялся:

— Я так и думал. Подкинь-ка ему еще никель, Вотси. Ну вот что, Одоро: держись нас и будешь в полном порядке. Кстати, а что Атлант имеет против Флоримели?

— Пророчество опять. В волшебной книге вычитал.

— Допустим. И что за пророчество?

— Он потеряет Руджера из-за воинственной девы, что явится верхом на гиппогрифе.

Где-то там, далеко в горах, была Бельфеба. И гиппогриф тоже.

— А Флоримель-то тут при чем?

— Не знаю. Наверное, хочет превратить ее в воинственную деву, сжечь — и фюить!

— Хорошенькое дело! Что за чары он собирается использовать?

— Не знаю.

— Но ты ведь разбираешься в колдовстве, верно?

— Нет, не разбираюсь. Вот Атлант — тот очень сильный волшебник.

— Ну ладно. Вотси, может, ты попросишь очень сильного волшебника...

— Да не разбираюсь я! Не разбираюсь! Я неграмотный! — запричитал Одоро, опять принимаясь подскакивать на месте.

— Может, он и вправду не разбирается,— вступился за него Полячек.

— Может. А может, и наврал нам с три короба насчет Руджера. Свободен, Одоро. Ты нас не знаешь, мы тебя не знаем.

— Ф-фиу! — присвистнул Полячек, когда за багровой фигурой захлопнулась дверь.— Нервишки у тебя хоть куда, Гарольд. Ну, за твою удачу и мои мозги нам следует треснуть.

Ши извлек из громоздившегося в углу комода пару оловянных чашек, вытащил из бурдюка пробку, нюхнул, фыркнул и разлил часть его содержимого по чашкам. Вино оказалось сладким и темным, почти черным, и несколько напоминало портвейн, хотя, по его мнению, для портвейна было крепковато.

Потягивая из своей чашки, с видом опытного конспиратора Ши заметил:

— Никогда не пытайся расспрашивать наемную прислугу, ничем ее предварительно не удержав. Тебе будут врать обо всем, о чем интересуешься, боссу потом настучат — особенно если за это платят. А этому субъекту, как ни крути, в нужный момент придется играть за нашу сборную. Единственно, мне очень не нравится его рассказ про всю ту кашу, которую заваривает Атлант.

— Речь шла о Бельфебе, насколько я уловил? — уточнил Полячек, наливая себе еще порцию.

— Боюсь, что да. Эй, Вотси, оставь хоть немножко — чтоб было чем держать этого Одоро в узде. А потом, не хватало, чтобы от тебя несло на целый квартал — Атлант тут же сообразит, что дело нечисто. Нам теперь придется за каждым своим шагом следить.

6

Было совершенно очевидно, что и вечеринка особо не прибавила Руджеру настроения, несмотря на то что семеро девственницкитаянок уделяли ему львиную долю своего внимания. Правда, Гарольд Ши пришел к заключению, что одного только воинственного громилу в этом винить нечего. Все было бы как во вполне приличном второразрядном варьете, если бы имелась возможность расположиться с большим комфортом, что-нибудь выпить и покурить. Рид Чалмерс пораньше откланялся и удалился наслаждаться обществом Флоримели.

Танцевальная программа между тем продолжалась. Посреди очередного номера Руджер неожиданно поднялся:

— Во имя Аллаха! О дядюшка, не видывал я еще скучнее представленья! Уж печень моя даже сжалась, и желаю расширить я ее охотою на медведей в горах.

Атлант немедля прервал свою беседу с кем-то из многочисленных владык и принялся всплескивать руками, причем отнюдь не от отчаяния и беспомощности, а явно делая некие магические пассы. Однако на Руджера это не произвело ровно никакого видимого эффекта, поскольку он твердой поступью направился к выходу.

Расположившийся сбоку от Ши Полячек бросил: «Есть идея!» — после чего вскочил на ноги и устремился следом. Похоже, что никто, кроме семи девиц, не обратил на это бегство особого внимания, даже Атлант продолжал преспокойно перешептываться со своим собеседником. Но как только номер подошел к концу, Ши почувствовал некоторое беспокойство: Полячек обладал слишком большим талантом влипать во всякого рода истории, чтобы можно было позволить ему слишком долго шататься по замку с какой-то непонятной идеей в голове. Поэтому он тоже поднялся и потихоньку выскользнул в коридор.

Ни Руджера, ни коллеги в поле зрения не было. Ши пересек соседний зал и заглянул за угол, так и не обнаружив ничего примечательного. Он уже собрался было возвращаться, когда взгляд его остановился на боковом ответвлении коридора, в глубине которого виднелась какая-то дверь. Тусклый свет выхватил из темноты переплетенные меж собою пентаграммы, призванные охранять колдунов, которые имеют дело с дьяволами. Лаборатория самого Атланта!

Он быстро огляделся по сторонам. Сам колдун сейчас наверняка занят, а если и пойдет кого искать, так в первую очередь Руджера. Ши подступил к меченой двери. Ничего похожего на ручку; не двинулась она и когда он навалился на нее плечом. Вне всяких сомнений, заперта при помощи каких-то волшебных чар, но теперь он уже достаточно разбирался в магии, чтобы справиться с ситуацией. Сняв чалму, он выдернул из приделанного к ней спереди плюмажа несколько жестких щетинок, оторвал от каймы своей абы нитку и связал щетинки между собой в виде креста. Поднеся его к двери, он прошептал:

Пентаграммы тут и пентаграммы там,
Немедленно исчезнуть приказываю вам!
Шемхамфораш!

Он замер, уповая на то, что за дверью не окажется какого-нибудь василиска на страже.

Так и оказалось. Помещение было гораздо длиннее, а потолок ниже, чем представлялось снаружи. Перегонные кубы, реторты и прочие магические приспособления аккуратно выстроились в ряд на длинном столе сбоку, тускло отблескивая в голубоватом фосфоресцирующем свете, который отбрасывали глаза совы и крокодила, разместившихся на двух шкафах. Животные были, к счастью, совершенно неподвижны и, очевидно, представляли собой нечто вроде аварийной системы освещения покоев Атланта — системы, пока не получившей широкого распространения среди дизайнеров по интерьеру. В следующем шкафу, разделенном на небольшие отсеки, сплошными рядами выстроились книги. К каждому из отсеков был прилажен ярлычок с надписью.

Названия самих книг, написанные на корешках, Ши долго и безуспешно пытался разобрать, пока не пришел к выводу, что в данном пространственно-временном континууме он вряд ли сумеет читать по-английски, или на каком там языке были напечатаны книги, без специальных инструкций. С ярлыками на свитках он справился быстрее:

«Принципы магические с примененьем сил зла»;
«Яды и отравы натуральные»;
«Законные имена Аллаха»;
«Тысяча ходовых проклятий»;
«Ковры волшебные джиннов меньших»;
«Способы чудодейственных превращений Аль-Касиба»...

Ага, а вот, похоже, и то, что надо. Ши вытащил свиток и торопливо просмотрел его в свете звериных глаз. Сама по себе теория, судя по всему, проработана не хуже, чем у Чалмерса, только вот насчет практического применения не сказано ничего или практически ничего. Как и следовало ожидать, при беглом знакомстве не обнаружилось ни оглавления, ни указателя, а стиль изложения оказался столь тяжеловесным, что для извлечения чего-либо путного понадобилась бы по меньшей мере неделя работы.

Ши сунул свиток обратно в тубус и перешел к оставшейся части комнаты. Если колдун и впрямь задумал трансформировать

Флоримель в пресловутую «воинственную деву», обязательно должны были остаться какие-то следы его опытов. Однако ни в одном из аппаратов не обнаружилось и следа фильтра, а обширный дубовый стол с изрезанной крышкой был девственно чист. Атлант — чародей аккуратный. Где же он может держать свою записную книжку? Неподалеку от стола стоял табурет, а чуть подальше — низенький шкафчик, встроенный в стену. Подобно входной двери, никаких ручек на его дверцах не наблюдалось, и, приблизившись, Ши обнаружил, что спереди на него тоже нанесены пентаграммы. Правда, при первом же касании дверцы тут же распахнулись, и Ши твердо уверился, что его контрчары действительно способны преодолеть любые преграды, с которыми можно столкнуться в пределах замка. При мысли о том, что появись вдруг в округе какие-нибудь шайтаны или ифриты, которым теперь ничего не стоит проникнуть в замок и очень весело провести время, он даже приглушенно фыркнул.

Шкафчик оказался довольно глубоким. Ящики были до упора задвинуты, а прямо перед ними висела сабля в ножнах, прицепленных за крючок. Клинок наверняка был заколдован, но на этот случай имелось противодействующее заклятие. Ши протянул было руку к выдвижным ящикам, дабы изучить их содержимое, как вдруг до слуха его донесся чей-то едва слышный голос, приказывающий двери открыться.

В один миг Ши сдернул с крючка саблю и застыл на четвереньках под прикрытием большого стола, который, к счастью, украшали почти доходившие до пола резные панели.

Дверь распахнулась. Из своего укрытия Ши не мог ее видеть, но свет из коридора на мгновение отбросил на противоположную от двери стену тень головы бабуина. Пришелец оказался одним из слуг Атланта, причем, как назло, наименее аппетитным представителем всей его шайки.

На миг он нерешительно застыл в дверях, точно так же как недавно и сам Ши. Затем, прикрыв за собой дверь, уверенно двинулся к книжным полкам. И вдруг в комнате стало тихо — слишком уж тихо. Ши слышал, как тот принюхивается. Вот снова принюхался, пофыркивая, как игрушечный моторчик. У него, конечно, куда более чуткое обоняние, чем у человека. Слуга направился к столу, на котором стояли тигли, повторяя пройденный Ши путь. Ступни его едва слышно погружались в ковер. Ши представил,

как бабуинское рыло повернется к нему, и тогда... Он подобрался и перенес вес тела на другую сторону, а освободившейся рукой взялся за ножны, в которых по-прежнему скрывался клинок, прикидывая, как будет выхватывать его в решительный момент.

Бабуиноголовый тем временем уже приблизился к противоположному краю стола: *пуф-паф, пуф-паф,* в гнетущей тишине это звучало громче, чем работающий паровоз.

Внезапно в замок, не встретив никаких препятствий, ворвались силы ада. Под сводами залов разнесся дикий рев и трезвон. Бабуиноголовый на мгновение замер, после чего почти бесшумно пронесся к двери и был таков. Ши заставил себя сосчитать до семи и только после этого вскочил на ноги и кинулся к двери. Слуга уже скрылся за углом, и торопливые шаги его все еще отдавались металлическим лязгом.

Ши повернул в сторону гостиной, откуда доносился шум, лишь ненадолго задержавшись в боковом тупичке, чтобы прицепить саблю на ремень под своей просторной абой. Это несколько придало ему уверенности.

Оказавшись в гостиной, он понял, что шум слышится откуда-то с другой стороны. Он быстро сбежал по длинной винтовой лестнице и в самом низу, у площадки, углядел Атланта и всех его гостей. Вооружившись саблями, дубинами и даже музыкальными инструментами, те преследовали волка с доброго телка размером. Волк кинулся прямо на Ши, правда поджав хвост и вид имея глубоко несчастный.

Ши попытался увернуться, потом вспомнил про саблю, но, прежде чем он успел ее выхватить, зверь оказался уже совсем рядом. Но вместо того, чтобы с ходу вцепиться ему в горло, волк неожиданно брякнулся оземь и перевернулся кверху брюхом, заерзав спиной по железному полу. При этом, болтая в воздухе лапами, он исторгал совершенно не волчье «гав-гав! гав-гав!». Потом он опять перевернулся, прильнул к полу и облизал Ши ботинки.

— Эй, погодите-ка минуточку! — бросил Ши толпе преследователей, все еще старающихся уязвить зверя.— Волк-то странный какой-то! Хочет, чтоб его погладили. Атлант, не желаете на него взглянуть?

Чародей отшвырнул отобранную у кого-то из музыкантов лютню и приблизился.

— И впрямь весьма необычайное существо, настоящее чудо из чудес! Не подвинешься ли малость, сэр Гарольд?

Он наклонился и в упор посмотрел животному прямо в глаза. То испустило стон.

— Нет бога, кроме Аллаха! Наверняка это оборотень. О владыки мои, не в счастливый час занесло явленье сие в Карену! — При этих словах он для большей выразительности дернул себя за ворот и даже слегка надорвал его.— Теперь должен я призвать все уменья свои, дабы вызнать, как проникла тварь эта чрез нашу защиту. Нет сомненья, работа это того христианского колдуна, паладина Маладжиджи, отпрыска борова и суки, хоть и слыхал я, что заточен он в темницу в Альбракке.— Он огляделся по сторонам.— Владыки мои, следует отыскать нам теперь клинок серебряный, дабы кто-то из вас поразил сие страшилище. Сам я, чародеем будучи, не могу этого учинить.

Серебряного клинка, конечно, под руками не оказалось.

— О величайший из волшебников,— посоветовал Марджин,— может, насыпать нам серебряных монет в деревянную дубину да забить его до смерти?

Волк жалобно завыл. Чалмерс, который высунулся из своих покоев на весь этот шум и гам, подошел как раз в тот момент, когда прозвучало это остроумное предложение. Он тоже решил вставить словечко:

— Кхе-гм... А не будет ли... гм... разумней попытаться сначала расколдовать это животное? Насколько я понимаю, тогда оно лишится любой своей неуязвимости.

Атлант отвесил поклон:

— О благословен тот час, что свел с нами сына отца твоего, сэр Рид! Не что иное это, как чистая правда. В таких делах я перед тобою что посох, увязший в песке! Так учини же то, что задумал, во имя всех нас!

— Хм... Будь тут у нас немного святой воды, все было бы... гм... значительно проще, но я попытаюсь.— Чалмерс отвернулся, ухватился за подбородок и погрузился в раздумья.— Я далеко не уверен в адекватности данной просодии применительно к данному случаю, но все же посмотрим:

Волк, волк, волк с горы ледяной,
Волк несчастный;
Заклинаю тебя я водою живой —
Сгинь тотчас же!

Он быстро шевельнул пальцами. Волк содрогнулся и тут же обернулся извивающимся на полу Вацлавом Полячеком, в одежде и всем прочем.

— Святой Венчеслав! — всхлипнул тот, подымаясь.— Чуть человека не ухлопали! Вы меня просто до смерти напугали! Почему вы от меня не отцепились, когда я сказал, кто я такой?

— Ничего ты нам не говорил,— возразил Ши.

— Да говорил же! Только и твердил: «Господи, Гарольд, это же я, Вотси!» — так же четко и ясно, как и всегда!

— Может, какой другой волк тебя и понял бы, но только не мы,— ответил Ши.— Как это ты ухитрился вляпаться в такую историю? Ты что, столкнулся с этим Маладжиджи, о котором Атлант рассказывал?

По толпе гостей пронесся согласный ропот, а глазки Атланта подозрительно забегали.

— Ну...— заговорил Полячек, которому пришлось откашляться раз-другой, прежде чем слова полились из него без задержки,— в общем, дело было так. Руджер не такая уж сволочь, как вы про него думаете. Ему захотелось поохотиться, или не знаю чего там еще, и мы насчет этого поболтали, только он говорит, мол, не знаю, как выйти, там на дверях чары какие-то, а я говорю, будь спок, в волшебстве я малость соображаю, так что вниз мы вместе пошли, и гляжу — информация у него верная, дверь ни туда ни сюда. И тут, понимаешь, я как раз вспоминаю про те соматические пассы, что док нам показывал, начинаю делать, и, ребята, не поверите: дверь — бах! — и распахивается!

Он примолк. Ши слегка вздрогнул, тут же понадеявшись, что Атлант этого не заметил.

— Продолжайте, Вацлав,— сурово проговорил Чалмерс.

— Ну, в общем, я решил, что и впрямь научился колдовать до такой степени, что сумею... мм... заполучить обратно ту крошку... знаете, ну ту самую, с которой вы собирались меня познакомить,— обратился он к Атланту.— Так что я быстренько выдумал коротенькое заклинаньице, прям как вы учили, только почему-то превратился в волка. Мне очень жаль, что наделал вам столько неприятностей.

— Должно быть, сработало твое славянское происхождение,— предположил Ши.— У чехов навалом сказок с волками-оборотнями, и вот...

Он не заметил, что над их головами уже давно собираются тучи. И вот грянула буря.

— Сукин сын! — заорал Атлант на Полячека.— Где надежда рыцарства нашего, представитель благороднейший рода, что достойней твоего в десять тысяч раз?

— Ну я же сказал, что он пошел немного поохотиться,— сказал Полячек.— Сказал, к утру вернется, чего-нибудь притащит.

На сей раз Атлант на полном серьезе замолотил себя по груди.

— О горе мне! Чары разрушены! — Он резко развернулся к троим американцам: — А что же до вас, псы христианские, что плели против меня заговор руками прислужника своего и поедали при этом хлеб мой и соль, то не заслуживаете вы иной участи, кроме как со шкурой ободранной закопанными быть в навозе свинячьем!

— Алло, папаша! — воскликнул Ши, подскакивая к Атланту и хватая его за рукав.— В нашей стране за такие выражения морду бьют! Если будешь выступать...

— Гарольд! — окликнул его Чалмерс.— Позвольте-ка лучше мне уладить это дело. Нам не следует...

— Не следует ничего с этой сволочью делать, кроме как отвесить хорошего пинка под зад! Вы что, забыли, что он затевает?

— Успокойтесь же, Гарольд,— сказал Чалмерс.— Вы меня уже достаточно подробно проинформировали. Я вполне в состоянии защитить... гм... и себя, и юную леди в любой необходимой степени.

Атлант уже слегка поостыл и выглядел теперь просто рассерженным.

— О колдуны злосчастные! Знайте же, что замок сей создан благодаря ремеслу, в коем нет мне равных, и в стенах его располагаю я могуществом таким, что превратить вас в навозных жуков сумею раньше, чем даже пальцами щелкну! Лишь во имя Аллаха всемогущего и милосердного желаю я сохранить вам жизни, несмотря на ущерб, что причинили вы мне, ибо не зря говорится, что раз в жизни муж справедливый может милосердие предпочесть правосудию, не подвергая сомненью надежды свои на райские кущи! — Он вытянул обе руки, прикрыл глаза и высоким голосом прокричал: — *Бешем хармот вахриман тезовев хаэщ, ашер анена эш, эт метсудат хабзитель!*

Послышался какой-то шипящий гул, словно в соседней комнате заработал электрический вентилятор. К Атланту вновь вер-

нулась его приклеенная улыбка, равно как и манера отвешивать поклоны.

— Смотрите же, о сотоварищи мои по благороднейшему из ремесел,— если проникнете вы взорами своими за стены замка, то узрите, что со всех сторон окружен он отныне сплошною стеной огня, что менее чем за минуту барана целого зажарить может. Попытка преодолеть ее даже для сильнейшего из людей не чем иным, как смертью лютой завершится. Сделай леди Флоримель, что и человеком, и не человеком при том является, попытку такую, останется не более от нее воспоминаний, чем пара над чашкой кофейною. Милосердие же мое милостивое простирается столь далеко, что огонь сей немедленно исчезнет, как только искусством своим вернете вы владыку Руджера назад; и вдобавок к тому одарю я вас мешками, драгоценностями набитыми, что с трудом унесут на плечах своих трое. Да пребудет с вами единый истинный Бог во время медитаций ваших!

Он снова отвесил поклон и повернулся к ним спиной. Все присутствовавшие при том владыки угрюмо оглядели нашкодившую троицу (все, за исключением Аудибрада, чьи симпатии, исходя из того факта, что он изо всех сил старался не улыбнуться, были на другой стороне), и Чалмерса прошибла дрожь.

— Я... гм... далеко не уверен в достаточной презентативности своих разработок в области телепортации материальных объектов, ряд специфических моментов в коих...

— Тсс! — перебил его Ши.— Не выйдет с магией, так я попробую как-то выбраться отсюда и буду сам его искать. Будьте спокойны — даже брови себе не опалю.

Атлант, слух у которого, похоже, был поострей кошачьего, обернулся.

— Знай же, юнец опрометчивый,— предостерег он,— что пламя сие выжечь способно даже мозг из костей твоих. Однако поистине высказал ты то, о чем сам я не подумал: может, и впрямь проще перенести Жемчужину Востока в сии пределы, коли искать его не одним лишь искусством магическим, но и глазами человечьими. Да и только за счастье сочтет сын брата моего возможность глотку тебе разрезать от уха до уха за пределами сих стен. Так что иди — помогу я тебе преодолеть пламя невредимым!

— Я с тобой,— подал голос Полячек. Выражение его лица совершенно ясно говорило, что он никак не рассчитывает на хорошее времяпрепровождение в замке после своей авантюры с оборотнем.

— Идите же тогда, и не будет вам от Аллаха ни спокойствия, ни жизни долгой, коли не вернете домой мне племянника!

Он снова повернулся к ним спиной, на сей раз окончательно.

Ши заметил на себе пристальный взгляд Чалмерса. Наконец доктор проговорил:

— Неужели, Гарольд, вы взялись разыскивать Руджера только ради Флоримели и меня?

Ши ухмыльнулся:

— Считайте это официальной точкой зрения, док.

7

На следующее утро проводить Ши с Полячеком на поиски Руджера поднялся чуть ли не весь замок. В течение всего вечера Чалмерс пытался наладить мысленный контакт с несравненным рыцарем, намереваясь вернуть его чисто магическими средствами, но в итоге был вынужден отказаться от этой затеи — скорее всего, по той уже упомянутой причине, что мыслительные процессы в голове у Руджера протекали редко и исключительно по острой необходимости. Кроме того, похоже, имели место и помехи, создаваемые то ли самим Атлантом, то ли огненным занавесом, которым он окутал замок, так что тяжесть выполнения задачи целиком легла на плечи молодых ассистентов Чалмерса.

По его мнению, коварный замысел Атланта изменить облик Флоримели с целью превращения ее в упомянутую пророчеством воительницу в ближайшие дни опасности не представлял. Возможно, потом.

— Давайте только делать все по порядку,— бодро заявил он.— Я рассчитываю с пользой провести время в ваше отсутствие, посвятив его наблюдениям и попыткам наладить контакт с тем христианским чародеем Маладжиджи. Было... гм... совершенно непростительной ошибкой с моей стороны не вспомнить о нем раньше, до прибытия в Карену. Осмелюсь предположить, что выражать надежды на удачный исход вашего предприятия в настоящий момент попросту излишне?

За воротами и подъемным мостом, перекинутым через сухой ров, пламя образовывало сплошную колышущуюся стену, за ко-

торой скрывались ближайшие горные вершины. Остановившись в самом начале подъемного моста, Ши чувствовал на лице его горячее дыхание. Атлант тем временем, окунув палец в бутылочку с маслом, нарисовал у него на лбу сначала один равнобедренный треугольник, а потом поверх него другой, бормоча по ходу дела какое-то заклинание. Эту процедуру он в точности повторил с Полячеком и старшиной егерей замка, широкоплечим смуглым малым по имени Эшгерей. Атлант по-прежнему расточал улыбки, будто всего днем ранее они и не обменивались страшными угрозами и оскорблениями. Остальные владыки, как услышал краем уха Ши, уже заключали небольшие ставки относительно того, кто разыщет Руджера и когда.

Эшгерей уверенно зашагал вслед за ними к пламени, забросив на плечо арбалет. Достигнув волшебной преграды, однако, он остановился и вопросительно посмотрел на Ши. Огненные языки беззвучно бились высоко над их головами, ярчайший свет резал глаза. Пламя выглядело вполне реально и угрожающе, хотя трава, из которой оно выбивалось, выглядела ничуть не поврежденной. Ши тоже почувствовал непреодолимое желание замереть на месте, но в присутствии Эшгерея и под сверлящими спину взглядами всего замка ему не оставалось ничего другого, как выпятить грудь и торжественно шагнуть в огонь. Чтобы преодолеть его, понадобилось всего два шага, причем пламя лишь легонько ущипнуло его за щеки.

Мгновение его спутники не показывались. Потом раздался приглушенный вскрик, и возник Эшгерей, волоча за собой упирающегося Полячека. Охотник бросил взгляд на Ши, сплюнул и ткнул большим пальцем в сторону Полячека, который настолько кипел от негодования, что не способен был и слова произнести.

— Передумать собрался,— буркнул охотник.— Нам туда.

Дорога представляла собой не больше чем тропу, спускавшуюся с горы, на вершине которой расположился замок, тропу настолько крутую, что двигаться приходилось с великими предосторожностями, стараясь не наступить на полу джеллабы того, кто шел впереди. Вскоре они пересекли границу, за которой начинался лес, где приходилось то и дело нагибаться, чтобы пролезть под ветвями вставших у них на пути высоких деревьев. Холодный горный ветер свистел среди сосен, ероша плюмажи на чалмах Ши и Полячека.

Ши отцепил саблю, взятую из шкафа Атланта, и хорошенько рассмотрел, прежде чем прикрепить к наружному кушаку. Подобно той, которой ему пришлось орудовать во дворе замка, у этой тоже оказался закругленный кончик и толстый, тяжелый клинок, непригодный для уколов и неудобный для отражения ударов, приспособленный больше для суматошной рубки верхом на лошади, нежели для фехтования по общепринятой методе.

— Мы что, в какое-то определенное место двигаемся? — поинтересовался Полячек с широко раскрытыми глазами.— Лично я был бы не прочь выяснить, где мы находимся.— Повернувшись к Эшгерею, он ткнул пальцем в огромных размеров широченный нож, висевший у того на поясе: — Слышь, одолжи мне эту штуковину, а? Если влипнем вдруг в какую неприятность, так лучше все будем при оружии.

— Не. Мое,— коротко ответил егерь, продолжая прокладывать дорогу.

На то, чтобы добраться до подножия, ушло три часа. Дальше тропа принялась то карабкаться вверх, то круто нырять вниз среди бесчисленных отрогов, спускавшихся с другого гребня, что вырастал справа от них. Лес здесь стал гуще. Вслед за Эшгереем они проникли в узкое ущелье, где с каменистых уступов спадал быстрый ручеек, а лучи утреннего солнца не доставали дна. Ущелье становилось все шире, пока не превратилось в ложбину, на краю которой раскинулось болото. Здесь им пришлось шлепать чуть ли не по колено в вязкой жиже вдоль самого края воды. Ши вздрогнул, а Полячек замер при виде мелькнувших перед ними белой кожи и призрачных крыльев водяных фей, или кем они там ни были, которые тут же скрылись под водой. Эшгерей же пер вперед, даже не оглянувшись, и им ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Вскоре ложбина сузилась вновь. Практически отвесный склон приблизился к ручью почти вплотную, так что им пришлось перебраться на другую сторону по мосту, который представлял собой одно-единственное перекинутое через ручей бревно. Эшгерей попросту прошел по нему, словно по ровной земле. Ши с трудом проследовал за ним, балансируя руками, и под конец, извернувшись в прыжке, все же оказался на противоположном берегу. Полячек же, сунув большие пальцы за кушак, попытался сымитировать беспечную походку охотника, но забыл, что при этом следует смотреть под ноги, и свалился.

— Пора перекусить,— объявил охотник. Полячек тем временем выкарабкивался из мелкого ручья, потирая подбородок и ругаясь с такой силой и выразительностью, что жухла листва на деревьях.

Эшгерей примостился на краешке бревна, служащего мостом, развязал мешок и извлек из него краюху хлеба и шмат сушеного мяса. Мастерскими взмахами ножа он поделил провиант на три равные порции и махнул рукой в сторону ручья.

— Вода там,— сказал он.

Когда они жевали, дав отдых уставшим мышцам, Полячек поинтересовался:

— Слышь, Гарольд, а ты вообще знаешь, куда мы идем и с чего там должен быть Руджер? Хотя, честно признаться, лично я не горю желанием с ним встретиться.

— Нет,— отозвался Ши, оборачиваясь к егерю.— Почему ты считаешь, что Руджера следует искать именно здесь?

— Верное место,— пробурчал Эшгерей с набитым ртом.

— Пусть будет так. А где мы находимся? — Он извлек кусок пергамента, на котором, когда экспедиция еще только задумывалась, Атлант изобразил нечто вроде карты.— Мы уже столько напетляли по этой ложбине, что я даже не представляю, в какой стороне замок.

— Волшебство? — спросил Эшгерей, показывая на карту.

— Нет. Просто карта.

— Чего-чего?

— Карта. Ну, понимаешь, такой рисунок местности с дорогами, замками и всем прочим.

— Волшебство,— убежденно повторил Эшгерей.

— Ладно, пусть будет волшебство, если тебе так больше нравится. А теперь, если ты покажешь, где мы находимся на карте...

— Мы на ней не находимся,— проговорил Эшгерей.

— Это как это «не находимся»?! Мы еще столько не прошли, чтобы выйти за пределы карты!

— Мы не на карте. Мы на бревне.— Он даже похлопал по нему для большей ясности.

Ши вздохнул:

— Я всего-навсего хочу, чтобы ты показал мне точку на карте, в которой мы сейчас находимся.

Эшгерей помотал головой:

— В волшебстве не разбираюсь.

— Да иди ты со своим волшебством! Глянь-ка сюда. Вот Каренский замок.

— Не-а. Замок далеко. Мы быстро шли.

— Да нет же, нет! Это место на карте обозначает Каренский замок. А теперь мы хотим узнать, где мы,— опять-таки на карте.

Эшгерей сдвинул на затылок кожаную шапку и почесал короткие черные волосы.

— Надо, чтобы мы — и на карте?

— Да, да! Наконец-то до тебя дошло.

Охотник взял из рук у Ши карту, повертел ее и так и эдак, положил на землю, разровнял и поднялся, чтобы...

— Эй! — взвизгнул Ши. Ухватив Эшгерея за плечи, он пихнул его назад, как только башмак охотника завис над пергаментом.— На карту-то на фига наступать?

Эшгерей с выражением покорности на лице снова уселся на место.

— Ты же сказал, чтобы мы были на карте. Разве это не волшебный ковер?

— Нет. Я не имел в виду, что тебе надо быть на карте в полном смысле слова.

Как же, к дьяволу, гадал Ши, растолковать принципы семантики эдакому простаку?

— Почему бы так и не сказать? Сначала ты говоришь, что нам надо на карту. Потом не надо. Никак не пойму, чего ты хочешь. В жизни таких людей не встречал!

Ши сложил карту и сунул ее обратно за кушак.

— Ладно, забыли. Так что заставляет тебя думать, будто мы разыщем Руджера на этом направлении?

— Верное место.

— Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь! Почему это место верное? Чем это направление для него лучше других?

— Распутья. Рыцари всегда сражаются на распутьях.

Охотник отломил веточку, выстрогал из нее зубочистку и с великой сосредоточенностью пустил ее в ход, прерываясь время от времени лишь для того, чтобы громко рыгнуть.

— Готовы? — спросил он вскоре.

Ши с Полячеком кивнули. Эшгерей завязал мешок, подхватил арбалет и устремился вперед.

Двигаясь вслед за водами ручейка, они миновали еще один водопадик, где какой-то непонятный зверь с треском вломился в заросли, а Эшгерей инстинктивным движением выхватил арбалет. Ши никак не мог избавиться от мысли, почему Бельфебе — если то была она — так пришелся по душе этот край. Потом тропинка провела их через очередной высокий отрог и непроходимую чащобу к какой-то развилке. Идущие в обоих направлениях тропы оказались куда шире и были испещрены отпечатками копыт. Эшгерей остановился на распутье и глянул сначала в одну сторону, а потом в другую, наморщив лоб от мыслительных усилий.

— Что стряслось? — поинтересовался Ши.— Лично я нашего друга Руджера здесь не вижу. Так?

Егерь бросил на него порицающий взгляд, как на человека, который зря тратит слова на высказывание очевидного, и указал в том направлении, где, судя по положению солнца, должен был находиться юг.

— Распутья, деревня. Четыре мили.— Потом ткнул пальцем на север: — Распутья, деревня. Двенадцать миль. Куда?

В ожидании указаний он поглядел на Ши.

— Послушай-ка,— подал голос Полячек,— а почему бы нам не разделиться и не сыграть по всему полю? У одного из нас куда больше шансов уговорить этого громилу вернуться домой, чем у обоих сразу, а поскольку теперь я достаточно секу в магии, чтобы за себя постоять...

— Нет уж,— строго отозвался Ши.— Опять начнешь колдовать — заработаешь по шее.— Он обернулся к Эшгерею: — По какой дороге с большей вероятностью мог отправиться Руджер?

Охотник пожал плечами:

— По любой. Я же говорил.

Ладно, подумал Ши, в конце концов почему бы и впрямь Полячеку с Эшгереем не пойти по одной дороге, а ему по другой? Вотси вряд ли ухитрится влипнуть в действительно крупные неприятности с этим простодушным, но опытным проводником, держась за его руку. А что же до него самого, так только к лучшему, что эта ко всякой бочке затычка не будет околачиваться поблизости, если он вдруг повстречает Бельфебу.

— Хотя постой-ка,— сказал он.— Наверное, Вотси, ты и впрямь неплохо придумал. Тогда, пожалуй, вы с Эшгереем берите на себя эту дорогу на юг, а я займусь этой. Так, по-моему, будет разумней. Про Бельфебу тоже помни, ладно? Она наверняка где-то здесь в округе, и я чертовски боюсь, как бы ее кто не обидел.

— Уж только не я,— заверил его Полячек.— Эх, старина, треснуть бы сейчас какой из тех коктейльчиков, которые она мастерица готовить! Вот так бы прямо сейчас — взять и треснуть. Хоть и ты ее учил, а у нее все равно лучше выходит.

Они обменялись рукопожатиями, после чего Ши сказал:

— Деньги какие-то есть? Отлично. Может, получится купить в деревне какое оружие. Лучше что-нибудь вроде булавы — с дубиной и без тренировки всякий справится. Назад отправляйтесь не раньше, чем дня через четыре, вне зависимости, найдете его или нет.

— За меня не волнуйся,— заметил Полячек.— Уж я-то знаю, как с такими управляться. Помнишь, как я быстро завязался с тем пурпурным охламоном насчет выпивки, покуда ты там теории разводил?

Ши направился своей дорогой, лишь раз обернувшись, чтобы помахать своим спутникам, которые, спускаясь по косогору, уже скрывались за деревьями. Интересно, подумалось ему, надолго ли хватит Полячека с его короткими ножками? Некогда в таком же точно лесу он повстречал легконогую девушку в шляпке с перышком, о появлении которой возвестила стрела, сразившая лозеля. Бельфебу. Ноги сами собой несли его вперед — следил он разве за тем, чтобы двигаться прямо, никуда не сворачивая. И так они тогда друг другу приглянулись... Хотя нет, лес был не совсем такой. Этот более открыт — деревья пониже, и кустарник пореже. Вдали...

Вдали среди древесных стволов что-то замелькало — что-то слишком крупное и мерно продвигающееся, чтобы оказаться зверем. Ши весь обратился во внимание, выхватил саблю и скользнул под прикрытие дерева. В ответ на это движение раздался крик «оле!» — и неизвестное существо вышло на открытое пространство. Эшгерей.

— Чего ты, черт бы тебя побрал, с Полячеком сделал? — зло выкрикнул Ши, покрепче сжимая рукоять сабли, пока приближался охотник.

— Бросил. Слишком много болтает. С тобой пойду.

— Ты что, не знаешь, что его нигде без няньки не оставишь? Немедленно отправляйся назад и глаз с него не спускай!

В ответ егерь только пожал плечами и с абсолютно отсутствующим видом уставился на макушку высокого дерева. Ши почувствовал, как в нем закипает раздражение, но, похоже, вмешиваться в ситуацию было уже без толку — и мчаться перехватывать Полячека, и кидаться на Эшгерея с саблей. Задрав нос, он двинулся по тропе прежней дорогой. Эшгерей последовал за ним.

Лес с обеих сторон понемногу становился гуще, а тропа все круче лезла в гору. Ши почувствовал, что начинает выдыхаться, в то время как охотник в куда менее стесняющей движения одежде шел себе и шел, словно автомат. Вскоре отрог, по которому они взбирались, расширился до размеров небольшого плато, окруженного колоннадой деревьев. Ши, хватая ртом воздух, прислонился к толстому стволу. Эшгерей оперся о другой, пожевывая зубочистку.

Панг! Панг! Дерево у него за спиной зазвенело под ударами. Ши прыгнул или, вернее, попытался прыгнуть и понял, что не может. Одна длинная стрела с белым древком пришпилила его к дереву за рукав, а другая торчала прямо у правого колена. Краем глаза он увидел изумленную смуглую физиономию Эшгерея, который тут же упал ничком и пополз под прикрытие упавшего ствола, волоча за собой арбалет. Из сапога он извлек изогнутый железный штырь и одним концом приладил его к штифту на арбалете. Стрела встала на место; рука Эшгерея потянула металлический штырь назад, взводя арбалет.

Стрелы больше не летели, в лесу воцарилась тишина. Правой рукой Эшгерей нашарил несколько мелких камушков и швырнул их в листву на дальнем конце ствола, с опаской выглядывая из-за комля.

— Ложись! — театральным шепотом прошипел он.

— Не могу! — откликнулся Ши.

Представляя, какую прекрасную мишень являет он собой для невидимого стрелка, левой рукой он попытался выдернуть стрелы. Однако положение оказалось для него крайне неудобным, а глубоко вонзившиеся стрелы были сделаны из какого-то очень упругого дерева, и сломать их не удавалось никакими усилиями. Сшитые из плотной шерстяной ткани одеяния нельзя было ни разорвать, ни снять со стрел. Извернувшись, он принялся орудовать свободной рукой, чтобы самому вылезти из проклятого наряда, и краем глаза заметил, что Эшгерей пристально смотрит в какую-то точку среди деревьев и медленно поднимает арбалет...

Щелк! С пчелиным гудением стрела мелькнула среди деревьев. Раздался чей-то смех, и Эшгерей ухватился за взводной рычаг.

Прежде чем он успел перезарядить арбалет, взревел чей-то голос:

— Лучше сразу сдавайся, презренный! Ату, ату его!

Откуда-то ниоткуда прямо перед охотником возник настоящий гигант, размахивающий двуручным мечом с длинной перекладиной. Был он румян и со столь правильными чертами лица, что казался просто-таки копией знаменитого Аполлона. Вокруг шеи у него обвивался шарф с красными, синими и коричневыми диагональными полосками, концы которого были заткнуты за пазуху кожаной куртки. Из-под легкого стального шлема выбивались светлые кудри, а за спиной болтался на ремне изогнутый сигнальный рог.

Эшгерей дважды перевернулся, выхватил нож и привстал на колено, но, поскольку острие огромного меча оказалось прямо перед его физиономией, этим и ограничился. Угрюмо бросив нож, он поднял руки.

Немного в отдалении, среди деревьев, куда улетела стрела арбалета, показалась шляпка с перышком. Шляпка покачивалась на конце копья, которое держала девушка в короткой, до колен, тунике, девушка с веснушками и красновато-золотистыми волосами, убранными в длинный хвост. Она направлялась к ним походкой, каждый шаг которой был словно заимствован из танца, а другой рукой сжимала длинный лук с изготовленной к выстрелу стрелой.

— Бельфеба! — заорал Гарольд Ши, сердце которого сделало сумасшедший скачок.

Девушка, смотревшая на Эшгерея, подняла брови и обернулась к Ши:

— Что там молвишь ты, сарацин? Зовусь я Бельфегора.

Ши был ошарашен.

— Ты что, не помнишь? Я Гарольд Ши. Твой старый добрый муженек. Пикник.

Она рассмеялась:

— Ни супруга, ни возлюбленного нет у меня, а если б и был такой, то никак уж не отпрыск Махмуда черного!

— И ты не знаешь никого по имени Бельфеба?

В глазах ее что-то мелькнуло. С поникшим сердцем Ши вспомнил, что, по словам Чалмерса, жена его потеряла память. Она обернулась к здоровяку:

— О нет, лорд мой Астольф, мыслится мне, что плут сей задумал надуть нас!

— Наверняка. А этот второй красавчик — уж не опять ли охотник Атланта, а?

— Верно говоришь ты. И немногих сведений добьемся мы от него, пусть даже знает он обо всем. Ловили мы его и прежде. Давай-ка стрелы свои, мастер Эшгерей!

Она протянула руку, и охотник, бормоча что-то вроде: «Проклятые бабы... за прялкой бы вам сидеть...» — вытащил пригоршню арбалетных стрел.

— Как? Ужели это все?

Девушка дернула его за кушак и выхватила из-за него еще одну стрелу.

— Ну разве не ловок сей плут?

Эшгерей пожал плечами.

— Как скажете,— отозвался он покорно.

— Все в порядке, дружище, можешь катиться на все четыре стороны,— объявил тот, которого звали Астольфом.— Предупреждаю — впредь держись от этих мест подальше.

Эшгерей подхватил арбалет и бесшумно скрылся среди деревьев.

Гигант повернулся к Ши:

— А теперь с тобой потолкуем, дичь ты моя сарацинская! — Подступив к дереву, он безо всякого труда выдернул из него стрелы.— С тобой мы, по-моему, раньше не встречались. Так ты хочешь сказать, что знаком с Бельфегорой?

— Послушай-ка,— сказал Ши,— никакой я не сарацин, а тем более не дичь, и я женат либо на этой девушке, либо на такой, какая похожа на нее как две капли воды. Только она меня почему-то не помнит.

— Допустим. Женщинам, знаешь ли, вообще свойственна забывчивость. Это у них называется «передумала», ха-ха-ха! Но

только ни то ни другое тут ни при чем. Мы не позволим вам, разбойникам из Карены, шататься тут по округе и обращаться с людьми так, как Атлант с этой юной леди! Так что стой смирно и давай отчитывайся, кто ты и откуда, если хочешь сохранить свою остроумную голову!

Ши вспыхнул:

— Ах «стой и отчитывайся»? Послушай-ка, Робин Гуд ты местный, может, лучше *ты* дашь *мне*...

— Робин Гуд? Это не разбойничек такой благородный из старой Англии? Ха, ха, неплохо сказано, ух неплохо! Только вот что: откуда это ты про него знаешь?

— А ты откуда?

— Вопросы тут задаем мы, парнишка. Бельфегора, держи его под прицелом. Кто... только ради Христа не надо меня лечить, будто ты колдун из моего собственного мира — того, что вокруг Британских островов.

— Не знаю уж, как я котируюсь в качестве колдуна, только я и впрямь оттуда, все верно. Правда, из штата Огайо.

— Американец, чтоб я так жил! Американцы все чокнутые,— давай миллион долларов, иначе лассо из твоей шкуры понарежу, так у вас говорят? Это не в Огайо киношная колония? А? В Голливуде? Нет, это в вашей провинции под названием Флорида. Ты, верно, гангстер? Наверняка да, иначе б не был в чести у этих жуликов из Карены!

— Никакой я не гангстер, и еще раз повторяю, что и не сарацин. Достаточно отойти со мной в лесок, чтобы я это доказал. Они мне просто одежду одолжили поносить.— И Ши коротко описал все свои похождения.

— По-моему,— заметил Астольф,— этот малый, Чалмерс, твой коллега, он большой дока. Вряд ли даже я сумел бы все это повторить — разве что Маладжиджи. К несчастью, его недавно посадили. А не знаком ли ты с моим старым дружком Мерлином?

— Ты имеешь в виду того знаменитого, чародея валлийского? Он все еще в силе?

— Спрашиваешь! Виделся с ним в клубе «Сфинкс» в Лондоне. Так ты его знаешь?

— К сожалению, лично не встречался.

Красивое лицо Астольфа слегка омрачилось.

— М-да, незадача. Надеюсь, ты понимаешь, что в канун войны нам совсем ни к чему всякие странные колдуны, болтающие-

ся вдоль границ доминионов императора Карла. Кто-то должен за тебя поручиться.

— Ну, док Чалмерс, например.

— Тоже американец. Наверняка такой же гангстер.

— Эшгерей.

— Человек Атланта. Ты что, за дурачка меня держишь? Все, что он про тебя хорошего скажет, обернется тебе только лишним недоверием, особенно если предположить, что ты его еще и подучил!

— Ладно, тогда лорд Руджер. Уж он-то ничего хорошего про меня не скажет.

— Он дурак.

— Где-то тут бродит мой приятель, с которым мы ушли, и...

— Еще один гангстер! Право же, старина, ты себе только хуже делаешь. Отпустить я тебя при данном раскладе не могу, брать тебя в плен для обмена тоже не с руки — войны-то пока нет. Остается только одно...

— Бельфеба! — завопил Ши, весь вспотев от подобных рассуждений.

Девушка удивленно нахмурилась, но только покачала головой:

— На вид человек он приличный, но... и впрямь не знакома я с ним, лорд мой!

— Во имя справедливости! — объявил Астольф, как само собой разумеющееся.— На колени!

— Хрена с два! — отозвался Ши, вытаскивая саблю и не обращая внимания на нацеленную на него Бельфебой стрелу.

— Ладненько,— сказал Астольф, сдерживая девушку движением руки.— Только малость погоди. Ты ведь простолюдин? Все американцы такие.

— Я там не герцог какой и не граф, но я произведен в рыцари, если это имеет какое-то значение. Сэром Артегалем из Царства Фей.

— Великолепно! Выходит, и в битвах бывал, и закон не нарушается. Могу сразить тебя по полному праву. Жаль, правда, что некому будет исповедать.

Ши поудобней перехватил саблю и стряхнул с себя мусульманский халат. Как только он оказался в пределах досягаемости, Астольф тут же принял боевую стойку, взмахнул огромным клинком и, как дровосек, обрушил удар сверху. Кланг! Кланг! Кланг! Ши все-таки удавалось отражать удары непривычной саблей, хоть их сила была такова, что она чуть не вылетела у него из руки. Сам он нанес рубящий удар слева, который Астольф без труда парировал, потом, отступив, рубанул справа, но противник отскочил в сторону с проворством, удивительным для столь крупного человека. Ответный выпад последовал столь скоро, что вынудил Ши отпрянуть.

Герцог, конечно, был хорош, но не так чтобы и очень. После третьего обмена ударами Ши понял, что способен отражать любые удары тяжелого клинка. Однако уже следующее столкновение вызвало у него определенное беспокойство. Замах Астольфа и длина его меча удерживали Ши слишком далеко, чтобы неуклюжий клинок можно было использовать по назначению. Способный парировать, он не мог атаковать, а здоровяк неуклонно его изматывал.

Еще один вихрь ударов, и сабля чуть не вылетела у него из руки. Он все больше злился на несправедливого громилу и не без труда напомнил себе, что раздраженный фехтовальщик — проигравший фехтовальщик.

Астольф снова оттеснил его почти к самому дереву и на мгновение опустил клинок, чтобы встать покрепче. При виде его открывшейся груди у Ши сработал фехтовальный рефлекс. Он резко выбросил руку вперед, вложив в этот длинный выпад весь свой вес. Закругленный кончик сабли глухо стукнул в кожу куртки. Астольф, расположившийся не совсем устойчиво и никак не ожидавший подобного тычка, так и сел.

— А теперь сам сдавайся, ату! — завопил Ши, склоняясь и впиваясь взглядом в шею англичанина.

Левая рука герцога развернулась, словно рея на паруснике, и сгребла Ши за ноги. Ши полетел на землю и уже оказался в захвате, который грозил переломать ему кости, когда услыхал девичий крик:

— Хватит, довольно! Силою лесов и вод, коей владею я, велю вам немедленно прекратить!

Ши почувствовал, как Астольф неохотно ослабил хватку, и, пошатываясь, встал на ноги. Из носа у герцога, по которому стукнул случайно Ши, стекала струйка крови. Ши и сам выглядел не блестяще — чалма нахлобучилась на глаза, один из которых за-

плыл, а часть головного убора обвивалась вокруг него, как змея вокруг Лаокоона.

— Знаешь ли что, милочка,— обиженно буркнул Астольф,— это нечестно. Испытание битвой близилось к концу, и проигравшего ждала могила. Я буду жаловаться императору.

Он наклонился, потянувшись за огромным мечом.

— Постой-ка, сэр! Или желаешь ты испытать стрелу мою? — Она уже до упора натянула тетиву, и наконечник твердо нацелился в грудь здоровяка.— Заботит мало меня император твой Карл! Но говорю я, что честный это человек, и сражался он честно, и пощадил тебя, когда запросто мог бы убить. Будь сарацином он или нет, впредь должен мир наступить между вами.

Астольф ухмыльнулся и протянул руку, дабы обменяться с Ши сердечным рукопожатием.

— На войне важна удача. Мне чертовски повезло, что ты не нанес тот удар остроконечным клинком, не то насквозь бы меня проткнул. Осмелюсь предположить, что покажешь мне потом приемчик-другой? Не возражаешь, если объединим усилия?

— Да пока не знаю,— задумчиво ответил Ши.— А что за поход вы затеваете?

Он размышлял: «Нужно обязательно каким-то образом доставить ее к Чалмерсу, чтобы он вернул ей память, а там уж никакие Атлантовы ифриты меня от нее не отвратят».

— Да на этот вонючий... извини, старушка, Каренский замок. Атлант держит в нем лорда Руджера, а пророчество гласит, что нашей стороне в жизни не выиграть, если мы не привлечем его к себе.

Ши хихикнул:

— Насколько я этого малого знаю, вы только зря время убьете, пытаясь его переагитировать. У него и умишка-то не столько, чтоб было чего переубеждать.

Астольф отмахнулся.

— С этим как раз полный порядок. Он тут, понимаешь, увидел в Источнике Любви Брадаманту, воинственную леди, пока пил из него, и втюрился по уши — так что он будет делать все, что она прикажет, по крайней мере пока чары действуют. Атлант собирался с ним к Источнику Забвения слетать, да я у него транспорт увел.

Ши затопила волна облегчения.

— Ты хочешь сказать, что именно Брадаманта и есть та самая воительница, которая должна похитить Руджера у сарацинов? Боюсь, что...— И он коротко обрисовал положение в Каренском замке Флоримели с Чалмерсом, объяснив, почему ему пришлось отправиться на охоту за мясистой Звездой Востока.

Когда он закончил, Бельфеба произнесла:

— Друг мой герцог, разве не говорила я, что человек это порядочный? Сэр, благодарю тебя за почтенье ко мне, оказал ты мне высокую честь.— С этими словами она вытащила из-за пояса тонкий, словно отрезок стальной ленты, нож, сняла шляпу, изящно расщепила пополам перо и вручила одну половинку Ши.— В знак благосклонности моей!

Чувствуя неловкость и слегка сконфуженный, он попытался прикрепить ее к груди. Какое идиотство, что на данной стадии их отношений он заработал только самый начальный знак внимания из всех, предусмотренных заформализованными средневековыми правилами политеса со всеми их гамбитами и отступлениями...

Астольф сказал:

— Выходит, Руджер в бегах, ребятки? Очень интересно. Следовало бы мне раньше об этом узнать. Редкостный осел этот Руджер, хотя поразительно добрый воин.— Он примолк.— А знаешь, дружище, не фонтан у нас с тобой получается. Мы вроде как соперники, выходит. Шейх Руджер нужен нам обоим, да и Брадаманте тоже, хотя я хоть убей не пойму, на что он ей сдался. Предлагаю такой выход: разыграем в случае чего его в кости, или как там тебе будет угодно,— но только без колдовства. Ты и взаправду чародей, кстати?

Ши потупился:

— Боюсь, что не из лучших.

— Ну ладно-ладно, братишка, давай-ка без ложной скромности! Сотвори лучше какое-нибудь чепуховое волшебство, чтоб мы могли доверять друг другу. Нет ничего лучше доверия, верно говорю?

— Разве что куртка кожаная,— буркнул Ши.— Она-то выдержит.

Бельфеба-Бельфегора выжидающе смотрела на него, а он, как назло, никак не мог припомнить те составляющие соматический элемент пассы, без которых, видно, в данном пространственно-

временном континууме просто никуда. Хотя минуточку — есть одно маленькое волшебство, которое Чалмерсу однажды пришлось использовать в практически аналогичной ситуации. Простенькие пассы заставляют прямо на глазах вырасти какое-нибудь растение: в случае с доком — драконий зев. На худой конец, сойдет и трава — должны получиться внушительного вида заросли. Ши выдернул пучок травы, положил его на землю, встал на колени и, прикрыв глаза и силясь припомнить слова, принялся нашептывать:

Не воспримешь всерьез ты:
Хоть не сеян был я,
К окончанию роста —
Самый рост у меня;
Не сдержать того роста
Ни грозе в небесах,
Ни обжорству червя!

Оглянувшись кругом, он не обнаружил никаких признаков внезапного роста растений. Трава тоже не изменилась. Он принялся размышлять, где же напутал на сей раз.

Астольф тем временем изумленно на него вытаращился.

— Вот это да! Неплохо, сэр Гарольд! Не хуже, чем у самого Маладжиджи получилось! Извини, старина.

— Что получилось? — пробубнил Ши. Голос его звучал почему-то приглушенно, словно он говорил через одеяло.

Почему так получалось, он понял, схватившись рукой за лицо. Оказывается, у него выросла борода, которая, удлиняясь на дюйм в секунду, уже спустилась до груди и раскинулась по плечам. Концы ее закручивались и извивались, будто тонкие любопытные червячки. Вскоре борода уже слезла ниже пояса и полностью поглотила руки.

Он лихорадочно попытался выдумать противодействующее заклинание и с ужасом обнаружил, что на ум ему идет только универсальное заклятие Чалмерса для вызывания драконов. Не хватало еще, чтоб на роже повырастали драконы! Или это змеи получатся? Борода между тем докатилась до коленей, потом до лодыжек, и ее неутомимо извивающиеся кончики коснулись земли. Бельфегора пялилась на него с разинутым ртом.

— Браво! — восклицал Астольф.

Вся эта зараза начала укладываться на земле в нечто вроде копенки сена. Перестала бы она расти хоть на минутку, крошечную бы передышку, чтобы собраться с мыслями! В полном отчаянии он строил предположения, насколько способна еще вырасти борода, если он так и не придумает контрволшебство. Была такая мельница, которая перемолола соль всего океана. Это могла быть и чистая легенда, но в мире, где властвует колдовство, видно, нечему остановить подобный процесс, пока волосяные кольца не заполнят собою лес и не накатятся волной на волшебное пламя, окружающее Каренский замок. Он отступил, чуть не споткнувшись о корень. Если эта пульсирующая волосня его повалит... Погоди-ка, а почему бы Астольфу ее не остановить? Коли герцог так хвалится коротким знакомством с Мерлином, он и сам должен разбираться в магии.

— Довольно? — бубукнул он сквозь все увеличивающийся волосяной тюфяк Астольфу, голова которого была уже еле видна.

— Конечно, спасибо!

— Ладно, тогда баш на баш. Посмотрим, как ты снимешь эти чары.

— Идет!

Астольф стиснул в левой руке свой огромный меч и взмахнул им в воздухе, делая мастерские пассы правой и бормоча при этом какое-то заклинание. Народившаяся горка превосходного набивочного материала тут же бесследно исчезла, а Ши нежно и заботливо погладил свои гладкие щеки.

— Тебе обязательно надо повстречаться как-нибудь с Мерлином,— заметил герцог.— Никто так не любит хорошую шутку, как старый добрый Мерлин. Но не вернуться ли нам к делу? Знаешь, я считаю, что наша задача куда как облегчится, если мы вызволим твоего дружка из Карены.

— А я далеко не уверен, что он захочет оттуда уходить,— сказал Ши.— Все упирается во Флоримель.

— Это вообще не проблема, старина! С такой парочкой, как ты и твой ректор, мы запросто вытащим Маладжиджи из Альбракки, и было бы просто удивительно, если бы он как-то не помог этой даме. Единственно, я никак не просеку...

— Что? — спросил Ши.

— Да я про ту стену из пламени. Вот незадача чертова. Хотя стойте — по-моему, я придумал, как с этим справиться, только ума не приложу, как это осуществить на деле.

— Сэру Гарольду дан иммунитет против огня,— подсказала Бельфегора.

— Это-то да, но вопрос не столько в том, чтобы он незаметно туда пробрался, сколько в том, чтобы освободить эту леди... э-э... Флоримель. А способ такой...— Здоровяк повернулся к Ши, сделав размашистый жест.— Леди Брадаманта владеет волшебным кольцом — штуковиной совершенно неоценимой. Кольцо не только защищает от любого чародейства, но и делает его обладателя невидимым, будучи вложенным в уста. Это как раз то, что нужно вашей Флоримели. Брадаманта задумала воспользоваться этим кольцом, чтобы проникнуть в Карену и добраться до Руджера, но ни с того ни с сего одолжила его Роланду, а этот дуралей случайно попил из Источника Забвения и потерял разум. Совсем забалдел. Совершенно не помнит, куда дел кольцо и вообще было ли какое-то кольцо,— даже имя свое напрочь забыл.

— По-моему, я понял,— сказал Ши.— Если мы заставим Роланда вспомнить, куда он девал кольцо, тогда кто-то из нас сможет вызволить Флоримель из Карены да еще и второй раз туда сгонять. А кто такой Роланд? Он важная шишка?

— В самую точку, старина! Один из двенадцати. Паладинов, я имею в виду, кавалеров императора Карла. В бою ему вообще равных нет.

— Так-так,— протянул Ши.

Ему неожиданно пришло в голову, что с возникшей проблемой можно справиться вообще без всякого волшебства. То, что приключилось с Роландом, очень похоже на довольно простой случай амнезии, и на виду не имелось никакой причины, по которой методика Гарейденского института не могла сработать среди этих гор с тем же успехом, что и в Огайо.

— По-моему, я знаю заклинание, способное восстановить Роланду память,— сказал он. А если Роланду, подумалось ему, то почему и не Бельфебе? Надо будет при случае попробовать.

— В самом деле? Это было бы просто замечательно. Как ты посмотришь, чтоб прямо сейчас и отправиться? Лютик где-то тут недалеко.

Вложив в рот два пальца, он оглушительно свистнул.

В лесу что-то зашевелилось, и среди деревьев показался гиппогриф с аккуратно сложенными по бокам крыльями. Крылья были у него белые, с радужным отливом поверху. Приблизившись, животное навострило уши и пихнуло Астольфа клювом. Тот почесал его между перьями.

— У меня с ним взаимопонимание-то получше, чем у Атланта,— заметил он.— Проклятые сарацины просто не умеют обращаться с животными.

— А что он ест? — практично поинтересовался Ши.— Что-то я не совсем понимаю, как орлиная голова может сочетаться с лошадиным пищеварительным аппаратом.

— Цветы каких-то африканских растений, насколько мне известно. Лютик у нас не обжора. Ну ладно, прошу на посадку! Немного тесновато, не без того, а? Как там у вас в Америке кричат, когда погоняют скот? Я, кстати, так, наверное, никогда и не пойму, к чему такая жестокость — почему нельзя просто пасти этих бедняжек, а не гонять почем зря. Ах да — «йиппи». *Йиппи!*

8

Гиппогриф вперевалку затрусил на вершину холма. Ши решил, что на земле он не должен отличаться особой прытью — прежде всего из-за явной несообразности между громоздкими когтистыми лапами спереди и копытами сзади. Как только они оказались на вершине гранитного утеса, венчающего холм, лапы цепко ухватились за скалу, а копыта угрожающе заскользили. Ши крепко обхватил за талию Бельфебу-Бельфегору, а та вцепилась в Астольфа, у которого предстоящий полет, похоже, не вызывал ровно никаких эмоций. Гиппогриф расправил крылья, неуклюже продвинулся вдоль гребня утеса, неистово хлопая ими, опять поскользнулся, качнулся над сорокафутовой бездной, скакнул в воздух и стремительно понесся на плавном вираже сначала вниз, едва не зацепив верхушку деревьев, а потом вверх.

— Ух ты! — выдохнул Ши, чувствуя на лице ветер высот, а в животе холодок.— Твоему Лютику ракетный ускоритель надо приделать, сэр Астольф!

— Ни к чему, старина,— откликнулся Астольф через плечо.— Законы природы разли... Ограничения относитель...

Слова его уносил ветер. Ши подумалось, что согласно теории динамики этот зверь должен быть неспособен даже просто оторваться от земли. От тесного соприкосновения с Бельфебой по рукам его бегали мурашки. Ему очень хотелось оказаться с ней наедине и поговорить как следует. Сама же она, похоже, и не подозревала о том, какие вызывает эмоции.

Гиппогрифу, похоже, пришелся не по вкусу утроившийся вес его груза, и при виде любого просвета внизу он каждый раз пытался заложить вираж для захода на посадку. Астольфу приходилось то и дело рявкать на него, чтобы удержать на курсе. Где-то после третьего такого пресеченного поползновения Ши углядел внизу достаточно обширное открытое пространство; детали его медленно увеличивались в размерах, постепенно превращаясь в крохотную деревушку под соломенными крышами, окруженную заплатами вызревающих полей, вспаханной земли и заросших лугов. Гиппогриф, лошадиная половина которого уже блестела от пота, резко устремился вниз, скользнул над самой землей, на секунду завис и приземлился на все четыре точки так, что у Ши лязгнули зубы.

Он слез и протянул было руку, дабы помочь Бельфебе, но та соскользнула на землю, даже не посмотрев на него, и он почувствовал себя несколько по-дурацки. С чрезвычайно решительным видом, которым обычно прикрывают смущение, он зашагал к домикам, откуда в этот самый момент донеслись громкие крики и визг и стали выбегать какие-то люди. Они явно спасались бегством. Загорелые до черноты, одеты они были в большинстве своем только в длинные, грязные и рваные рубахи. Они пронеслись мимо с такой быстротой, что даже не обратили внимания ни на гиппогрифа, ни на его седоков.

Вслед за бросившимися врассыпную беглецами показались двое мужчин. Тот, что в этой паре был пониже ростом — ухоженный моложавый малый с сильными руками,— пытался, похоже, утихомирить другого. Вторая неизвестная личность была облачена в средневековый наряд, включающий штаны в обтяжку и башмаки с загнутыми носами,— Ши уже видел такую одежду в Царстве Фей, только у незнакомца камзол был ко всему прочему еще и расшит кружевами. Лицо его было небрито, а глаза блуждали; кулаки совершали безотчетные резкие движения, вместо голоса слышалось какое-то рычание.

— Душа моя! — воскликнул Астольф.— Куку, ребята, мы тут! Привет-привет!

Тот, что пониже, повернул голову, коротко махнул рукой и поволок к ним второго, крепко ухватив его за запястье. Ши подумал, что если бы этого взбешенного типа как следует вымыть, то с романской точки зрения получился бы самый настоящий красавец.

— Приветствую тебя, благороднейший Астольф,— произнес низкорослый с чем-то вроде поклона, стараясь при этом не терять контроля за спутником.— И тебе, прекрасная Бельфегора, привет! Опять опозорился соратник наш великий: позволь я ему, перебил бы он половину селенья! Хотя, полной справедливости ради, вина в том не только его.

— В самом деле? Ну-ка, ну-ка, что тут у вас стряслось, старина? — заинтересовался Астольф.

— Поверишь ли мне ты, прекрасная леди, и вы, господа? Завалил оленя я восьмилетку и принес домой лучший кусок оленины, который когда-либо видали под звездами. Мясо достойно самого императорского величества было — так испеки ты пирог там или приготовь так, как пожелаешь. Но нет же, грязные эти негодяи даже сварить-то его толком не сумели — вяленая треска какая-то вышла! Отведал я и подавился, но друг наш Роланд довольно спокойно умял два куска, а на третьем, почудилось мне, вспомнил малую толику законов кулинарных, поскольку издал он страшный рык, львиному подобный, и насел на плутов, молотя их кулаками по головам. Но, увы, какой в этом прок? Даже молнии не под силу вбить вкус настоящий в этакие-то черепа! — Он оглядел всю компанию, и взгляд его остановился на Ши.— Ха, никак мусульманин! Вот кусок ляжки его и компенсирует мне мою оленину!

При этом он лающе расхохотался — видно, с целью подчеркнуть, что сказанное имело отношение к юмору. Ши вымученно улыбнулся.

— А... э-э...— начал Астольф.— Лорд Ринальд Монтальбанский, позволь представить тебе сэра Гарольда де Ши. Приехал из Англии... то есть с одной нашей подчиненной территории.— Он обернулся к Ши: — Был бы рад представить тебя и графу Роланду д'Англанту, да сам видишь, что бедняга все равно тебя не признает.

Граф, которым и был тот самый бешеный тип, попеременно то сосал палец, то вытирал его о ладонь руки, за которую его по-прежнему крепко держал лорд Ринальд. Это занятие, похоже, приносило ему глубокое удовлетворение.

— Сэр Гарольд вот тоже ищет Руджера Каренского. Тесен мир, а?

— Погоня наша, видать, оказывается более продолжительной, чем за Анжеликой,— заметил Ринальд, засовывая руку за пазуху

и извлекая оттуда некий предмет, который Ши не удалось как следует рассмотреть. Предмет он поцеловал и только после этого продолжил: — Знаем мы со слов деревенщин, что сэр Руджер уже был здесь с первым проблеском зари, мчась так, словно гнался за ним сам святой Вельзевул.

— Да неужели, старина?! — вскричал Астольф.— Видно, я совсем потерял чутье! Известие о том, что он проскользнул у меня между пальцев, удивительней даже твоей канонизации Вельзевула!

Ринальд пожал плечами и тут же пресек внезапный рывок своего спутника.

— Тогда можешь поставить свечку Люциферу! Было так, и ничего тут не поделаешь — ужели сомневаешься ты в словах моих?

— Да нет, только... Послушай-ка, старина, а ведь это очень важно для императора. Что ж ты его не остановил?

— Разве может жить человек в одиночестве, подобно отцу святому? Роланд спал; привязал я его к столбу и искал девицу, что делала мне знаки совершенно определенные у источника.

— Какое же это гадство с твоей стороны! — взвыл Астольф.— Какого дьявола ты уклоняешься от дела?

Ринальд скорчил гримасу:

— Анжелика уже потеряна, а прекрасная Бельфегора держит меня в отдаленье стрелами даже более острыми, чем у самого святого Купидона. Что остается мне в жизни?

На этом аргументе обсуждение было исчерпано, и они двинулись в сторону деревни. Астольф задумчиво почесывал подбородок. Наконец он поднял взгляд, чтобы заметить:

— Знаете, по-моему, сэр Руджер направился к западу, чтобы потом вернуться к войскам Аграманта кружным путем. Для него это должно быть верхом тактического коварства.— Он повернулся к Ши: — Так что твой дружок-гангстер с диковинной кличкой его явно не повстречает. На том направлении вообще делать нечего.

Он приостановился и, притянув к себе башку гиппогрифа, что-то то ли сказал ему, то ли просто тихонько свистнул. Животное скосило на него смышленый глаз и замерло на месте.

Среди убогих хижин под деревом стоял стол с двумя большими деревянными тарелками. Наваленное на них вареное мясо, обрамленное застывшим салом, издавало мощный запах чеснока. Ни других тарелок, ни каких-либо напитков на столе не наблюдалось.

Пока остальные вежливо ожидали, Ринальд ходил от одной двери к другой, безрезультатно взывая у каждой. Вскоре он вернулся, уныло мотая головой.

— Эти крысы смылись со всеми своими припасами! — объявил он.— За пределами способностей здравомыслящего мужа разгадать загадку сию! А как посмотрели бы на это в твоих краях, сэр Гарольд? Разве не были бы люди безмерно рады и даже счастливы принять у себя господ придворных самого Карла, дабы не померли те с голоду?

Ши поднял брови:

— Может, они просто опасаются нрава твоего друга?

— Ты и взаправду так считаешь? — Глаза Ринальда осветились, и он кивнул головой, словно сказанное оказалось невесть каким откровением.— Но ведь слишком низки они по рожденью своему! Троих-четверых и впрямь сразил он насмерть, но и намека не было в них на благородную кровь. Хотя, может, и прав ты — страх смерти сильней остального бывает для тех, кто знает о том не понаслышке. Тайна сия велика есть!

Все пятеро устроились на двух грубо вытесанных скамьях и поделили имеющееся мясо ножами, которые вытащили Ринальд с Астольфом. Запивать его пришлось колодезной водой прямо из бадьи. Ши надеялся, что фауна данного континуума не включает в себя тифозных бактерий, и предположил, что смертельнейшим заболеванием в этих краях должна быть разве что африканская лихорадка, вызываемая ночным воздухом. Это его несколько приободрило, так что когда он углядел рака, вцепившегося в мох на дне бадьи, они с раком совершенно проигнорировали друг друга.

Ринальд, вгрызаясь зубами в кость, обратился к Астольфу:

— Выступим нынешним же вечером или посетим сначала леди Брадаманту, зеркало истинной доблести?

Астольф отозвался:

— Я лично не считаю, что ночная вылазка нам что-либо даст, а ты? С графом Роландом в его нынешнем виде идти будет тяжеловато, так что ничего мы не потеряем, тем более что я сильно сомневаюсь, что и Руджер станет передвигаться ночью. Лучше встанем с петухами, и тогда... хотя минуточку. Присутствующий

здесь наш юный друг, по счастью, весьма квалифицированный чародей и уверяет, будто знает чары, способные вернуть Роланду разум.

Ринальд перекрестился:

— Святой Вергилий, защити нас! Разум такой — и в руки Махмуда черного!

— Будет куда проще...

Граф Роланд, мусолящий между тем свою порцию, внезапно обернулся, уставился на Ши и отчетливо произнес:

— Ты сарацин! Я сражу тебя!

Засим он вскочил со своего места, перегнулся через стол и вытянул немытые лапы.

— Держите его! — завопил Астольф, покуда остальные, цепляясь за что попало, пытались вылезти из-за стола. Едва Ши успел встать на ноги, как Роланд на него набросился.

Чтобы спасти свою шею, но и не навлечь при этом на себя гнев остальных, Ши сделал единственное, что пришло ему в этот момент в голову, а именно увернулся, стряхнул вцепившуюся в него лапищу левой рукой, а правой изо всей силы залепил графу в брюхо. Было это все равно что бить по шине от грузовика, но Роланд тем не менее на пару шагов отшатнулся, чуть не опрокинув стол, уселся на место с совершенно рыбьим выражением на физиономии и, как только перевел дух, разрыдался.

Ши, тряся ушибленной рукой, едва не расхохотался при виде разинутого рта Ринальда.

— Во имя всякого святого! — проговорил паладин.— Вот так удар!

— О да,— подтвердил Астольф.— Хорош ударчик у нашего юного приятеля — и меня, как куропатку, недавно чуть не выпотрошил. Будешь вдруг биться с ним, лорд Ринальд, опасайся прямого выпада. А теперь дослушайте все-таки до конца: по-моему, мы все же придем к соглашению. Сэру Гарольду, насколько я себе это представляю, Руджер нужен только для обмена на двух его друзей. Сейчас они томятся в Каренском замке, где этот душегуб Атлант держит их в безвыходном положении. И если у нас получится вправить мозги Роланду, я бы сказал, что уже с тремя-то паладинами мы бы наставили этого Атланта на путь истинный.

В течение этой речи Ринальд пару раз прищурился — как показалось Ши, не совсем довольно.

— Леди Брадаманта, без сомненья, не откажет нам в содействии,— заметил он.— Потребны ли какие-нибудь алхимические препараты для волшебства твоего, сэр Гарольд?

— Не-е. Какие там препараты. Разве что ночничок какой-нибудь.

— Нету ночника у меня никакого. Но поскольку невелика эта помеха, а успех дела нашего зависит лишь от действий твоих, поспеши. Добрый закон это, что вассал должен услуги свои оказать прежде, чем положенье свое обретет.

Ши поглядел на Бельфегору (которую он в мыслях продолжал упорно именовать Бельфебой), но она смотрела совсем в другую сторону, лишь однажды бросив на него короткий взгляд. Он так до конца и не понял смысл заявления Ринальда и очень хотел пообщаться с женой тет-а-тет, но уловил одно: оба паладина помогут ему вызволить Флоримель с доком из замка, если он сумеет вывести Роланда из того состояния, которое крайне напоминает достаточно простой случай ретроградной амнезии. Вздохнув, он решил взяться за дело и повернулся ко все еще тихонько всхлипывающему паладину:

— Ну, ну, разве это такая страшная рана, а? Просто когда маленькие мальчики плохо себя ведут, их приходится наказывать...

Рот у Бельфегоры слегка приоткрылся, а он продолжал убаюкивающе бубнить дальше. Безумец смотрел на Ши уже с явным интересом, а потом вдруг неожиданно обхватил его за шею и запечатлел на щеке сальный поцелуй.

Ринальд открыто расхохотался. Астольф, похоже, не без труда управлялся с дыханием в первый момент и вскоре объявил, что отправляется спать. Ши повернулся в сторону бледно-голубых глаз, смотревших на него уже прямо-таки с обожанием.

— Хочешь сказку? — спросил он.— Если будешь слушаться, я расскажу тебе сказку про трех... э-э... драконов.

Случай был, похоже, типичный и действительно не из сложных; паладин застрял где-то на уровне трехлетнего возраста. Ши торопливо бросил через плечо остальным:

— Потребуется определенное время, если волшебство вообще сработает. Всем вам придется оставить нас наедине и немного обождать. Я мог бы применить инсулиновый шок, но этого алхимического препарата под руками нет, так что, по всей видимости, мне придется полночи провозиться своим собственным методом.

Те без лишних расспросов удалились, позевывая на закат. Роланд с интересом выслушал сказку про трех медведей, переделанных сообразно эпохе в трех драконов, и потребовал продолжения.

— Нетушки,— ответил Ши.— Теперь ты расскажи мне сказку, поскольку мне давно пора быть в кроватке. Тогда я тоже тебе что-нибудь расскажу.

Роланд довольно рассмеялся:

— Какие они все глупые — так рано в кроватку ложиться. Какую ты хочешь сказку?

— Ну расскажи, например, про себя. Кто ты такой?

— Я — это я.

— Ясное дело. Ты ведь живешь в пещере? — В голове у Ши роились бессвязные отрывки из «Неистового Роланда». Или из «Песни о Роланде»? Их требовалось бы как-то упорядочить, но надо было без задержки продолжать в том же духе, пока пациент не потерял внимания.— А мамашу твою зовут мадам Берта? Как она тебя зовет?

— Рыбка. Такая белая с красным.

Ши про себя хмыкнул. Вся эта гора мускулов, волос и грязи была настолько далека от «рыбки», что в правдивость этого заявления верилось с трудом. Правда, с белым и красным все вроде бы в порядке — это цвета Роланда. В книге такое вроде было.

— А как еще тебя зовут?

— Руффи.

Тут немного.

— Что любит твой отец?

Надутые губы.

— Не знаю. Ушел на войну с саксонцами.

— Он уже вернулся?

Тяжелая физиономия начала мрачнеть.

— Не знаю.

— Ну как хочешь. Не будешь ничего рассказывать — и сказки тебе никакой не будет.

Роланд потихоньку захныкал, и Ши его не порицал. Наверное, не очень-то весело переехать из замка в пещеру, где даже пожрать-то нечего раздобыть. Но он был неумолим. Роланд в конце концов прекратил всхлипывать и пробурчал:

— Мама сказала, он славу добудет, а старейшины сказали, нечего вам там больше жить, а я замерз и дрался и толстяка видел на постоялом дворе, и кто-то в трубу дул, и все это мне не нравится, есть хочу.

Лед понемногу трогался. Ши почувствовал, как радостно екнуло его сердце, и оглянулся в поисках Бельфегоры, но и она куда-то исчезла. Старательно изобразив усмешку, он бросил:

— Да ладно тебе, я знаю сказочку получше.

— Нет, не знаешь! Тот толстяк был король в короне, и был он мамы моей брат.

Торжественно выплыла луна, подмигивая сквозь листву, потом покатилась к горизонту снова, пока Ши отчаянно пытался натолкнуть и свою память, и память паладина на подробности его забытой карьеры. Раз он решил, что все пошло прахом, когда Роланд, упомянув имя Анжелики, уронил голову и рыдал добрых пять минут; в другой раз решил, что дело сделано, когда, заслышав имя великана Феррау, паладин схватил со стола кость, вскочил и выкрикнул: «Монжуа!» Но и на сей раз все завершилось невнятным бормотанием. Должно быть, уже хорошо за полночь, час для этих краев весьма неплодотворный, Роланд еще раз поднялся на ноги и с силой прижал ладони к глазам.

— Сэр! — проговорил он.— Не ведомо мне ни имя твое, ни званье, и не могу одарить я тебя поцелуем мира, поскольку сам сознаю положенье свое куда более низким, чем рыцарю и джентльмену держать следует. Вот тебе рука моя; ты колдун?

— Скорее я просто слегка разбираюсь в магии,— ответил Ши, чувствуя неожиданный прилив скромности.

— Верю я, что епитимья твоя несложною будет. Здесь и остальные из братства нашего, я не ошибаюсь? — Он посмотрел туда, где луна уже проигрывала свою битву с ночной тьмой.— Пойдем разыщем их; осознал я все. Должны найти мы скакуна и отправляться, ибо времени осталось мало. С ними ли леди Брадаманта?

9

В доме старосты, где расположились герцог Астольф с Ринальдом, леди Брадаманты не было. В волосах у обоих торчала солома, а последний лежал на спине и храпел, словно дизель на холостом ходу. Что для Ши было гораздо важнее, леди Бельфе-

гора тоже отсутствовала. Это его явно разочаровало, но граф Роланд был явно настроен несколько по-иному.

— Хо! — вскричал достопочтенный паладин с мощью, заставившей бы задрожать оконные стекла, если бы они тут были.— Собираетесь валяться вы в праздности, когда предстоит столько деяний? Подымайтесь немедля, говорю вам!

В полумраке хижины Ши заметил, что Астольф перевернулся на другой бок, свесив до полу руку. Храп Ринальда на мгновение смолк, но тут же возобновился в более высоком ключе.

— Хо, подымайся! — снова заорал Роланд и довольно неожиданно отвесил лежащей фигуре хорошего леща. Пробудившийся Астольф тем временем уже успел подняться. Ринальд легко, словно кот, подскочил и цапнул рукой свой пояс. Блеснула сталь, но Роланд рассмеялся и вытянул вперед руки.— Нет, нет, благородный мой лорд и отважный друг, ужель перережешь ты мне глотку, когда сарацинская угроза лежит на Франции?

Ринальд, ворча, успокоился. Астольф подбросил в тлеющий очаг сухой сук и, как только тот вспыхнул, внимательно посмотрел Роланду в глаза.

— По-моему, с ним снова все в порядке,— объявил он наконец.

— О да, друг мой, благодаря этому вот юному рыцарю,— кивнул Роланд в сторону Ши.— Сэр Гарольд, не будь обречен я на бедность, всех сокровищ вавилонских не хватило бы, чтобы вознаградить тебя! Но знай же, что располагать можешь теперь всей моей искренней и сердечной поддержкой во всем, что противоречить не будет рыцарскому моему обету верности императору Карлу. Кольцо у меня. В путь, господа! — Повернув голову, он насторожился.— Чу, слышу я призывный звук рога!

— Трубач, скорее всего, отпугивает медведя,— сухо заметил Ринальд.— Послушай, добрый мой Роланд, ничего не даст нам задуманный тобою поход за Руджером на ночь глядя, пока есть среди нас Астольф, который скакать за ним может днем на крыльях ветра. Давай отдохнем; с рассветом добьемся мы удачи.

— Вообще-то он прав,— подтвердил герцог сквозь зевок.— А потом, осмелюсь предположить, что нужно тебе для начала сходить в баньку и раздобыть какое-нибудь оружие, прежде чем затевать что-то серьезное, и этой ночью у тебя есть маловероятная потом возможность...

Внезапно он примолк, глядя Ши поверх плеча. Тот с екнувшим сердцем обернулся и увидел стоящую в низком дверном проеме Бельфегору, натянувшую лук. Огонь очага прелестно оттенял ее знакомое лицо.

Она сделала пару шагов в глубь комнаты.

— Услышала я шум, лорды мои, и решила...

— Что случилось нечто такое, из-за чего позволила бы ты себе наконец обрести покой в объятиях моих? — подхватил Ринальд.

— О нет, лорд мой, этой ночью спала я одна — как и любой другою, покуда мы вместе.

Отпустив тетиву, она сунула стрелу обратно в колчан.

— Эй! — подал голос Ши.— Мне нужно с тобой поговорить.

Если старая добрая методика совершила такие чудеса с Роландом, лучшей возможности, чтобы...

Девушка степенно склонила голову:

— Сэр рыцарь, поскольку оказал ты мне услугу, можешь побеседовать со мною у ложа моего.

— А где это? — поинтересовался он, когда они были уже в дверях.

— Постелила я постель себе в ветвях дуба, что раскинулись над хижинами этими,— отозвалась она.— Одинокую свою постель.

Ши улыбнулся, поджав губы:

— Так, значит, ты совершенно, ну совершенно не помнишь, что была моей женой?

При этом ему пришло в голову, что в самом лучшем случае опять придется каким-то образом излечивать ее от клаустрофобии. Опыт совместной жизни с девушкой, которая не в состоянии спать в кровати, как он выяснил, с повторениями почему-то не накапливался.

Она слегка отстранилась:

— Но-но, сударь, уж не пытаешься ли ты опять заморочить мне голову? Уверяю тебя, что соблазнитель ты куда более ловкий, нежели даже лорд Монтальбанский, но меня ты не обманешь!

Ши ухмыльнулся:

— Надеюсь, что этот увалень тоже. Слушай, а хоть что-нибудь ты помнишь?

— Ту воду забвенья, что пил он, никогда не пила я. Я свободна в лесах, и все же... все же... есть какой-то провал. Неве-

домо мне, как очутилась я в Каренском замке, за исключеньем того, что помню, как стою в нем рядом с седовласым колдуном, коего звали сэр Рид, и невестой его прекрасной... Ф-фу! — Она с отвращением махнула рукой.

— Чем тебе не приглянулся сэр Рид?

— Да не он, а неотесанный этот болван Руджер! Невыносимо было общество его, покуда не появился лорд Дардинель и оруженосец его Медор.

— Так-так? — с неожиданной тревогой встрепенулся Ши.— И что этот Медор?

— Чрезвычайно обходительный малый! Встал он на мою сторону, когда остальные травили меня, как зайца. Если б не религия, что требует от него иметь четырех жен, я вполне бы сочла...

— Боже, это уже ни в какие ворота не лезет! — испугался Ши.— Это же двоемужество в чистом виде! Может, я бы лучше...

— Сэр, теряешь ты мое расположенье, когда твердишь об одном и том же, подобно музыканту, что с одною лишь нотой знаком.

— Ну ладно, ладно. Честное слово, дорогая, я просто пытаюсь... Да бог с ним, замнем для ясности. А как тебе удалось оттуда свалить?

— Как... что? А-а-а, стражник один решил опереться о копье, которое я у него и позаимствовала. Одному по башке дала, другому — и поминай меня как звали!

— За тобой погнались?

— Еще бы, именно так и поступили они, но довольно я быстронога!

Вот это как раз у Ши никаких сомнений не вызывало. Глядя на нее голодными глазами, когда они остановились у дерева, он вспомнил ее в красном купальнике — как запросто обставляла она и его самого, и целую команду друзей и знакомых, когда бегали они наперегонки на пляже озера Эри.

— Отлично. Теперь вернемся немного назад. Ты не помнишь, как повстречала меня с Ридом Чалмерсом в Царстве Фей, подстрелив гнавшегося за нами лозеля? И что присоединилась к нам в походе против Ордена Чародеев? Или тот воздушный бой с Базираном на драконе?

— Нет. Откуда? У имен сих слишком диковинное, варварское звучание для ушей моих.

— Ты наверняка должна это помнить, как и кучу всяких остальных событий,— проговорил он угрюмо.— По-моему, я смогу...

— Околдовать меня, чтобы подчинить своей воле? Ну уж нет, благосклонность моя сменится презрением, хоть и пригласила я тебя сопровождать меня, дабы важную оказать услугу.

— Прости. Честно, прости.— Ши подумал, не полагается ли в таком случае преклонить колено и поцеловать ручку, но решил, что лучше застрелиться.

Она дотронулась до его руки:

— Ну ладно. Услуга за мною в любом случае — не в порядке прощения, но потому, что в лесах мы, кои не терпят несправедливости.

— Какой еще несправедливости?

— Мыслишь ты, что правильно связался с сей троицей? Тогда подумай еще разок хорошенько. Герцог Астольф, может, и не особо противу тебя настроен, но вот лорд Ринальд — тот за закон почитает обманывать и обирать сарацинов, среди коих он и тебя, и друзей твоих числит.

Ши усмехнулся:

— Я вполне представляю, что они и впрямь могут что-нибудь затеять. Но я начеку.

— Поможет это мало! Этой ночью Астольф должен колдовством своим усыпить тебя глубоким сном, и они скроются. Обещал он взять и меня и возлюбленной своею сделать, да только не нужен мне он.

— Э-э... извини за то, что я только что подумал. Я-то считал, что Астольф парень честный.

— О да, добряк он, конечно, только на законах помешан, как англичанин истый, и когда Ринальд напомнил ему о ленной его службе императору и о том, что, ежели Руджера вы найдете, победа христианства отсрочена будет спором с тобою,— вот тогда-то герцог Астольф и позволил себя убедить.

Ши задумался:

— А Роланд им не помешает? Он, похоже, мне здорово благодарен и обещал всяческую благосклонность.

Бельфегора звонко рассмеялась:

— Лично я не положилась бы на него даже на йоту — о да, весьма это воспитанный и учтивый рыцарь, что честность свою,

словно розу, пестует, да только ставит он императору службу и войну его превыше всего остального — более даже, чем герцог Астольф. Нашел ли он кольцо Брадаманты?

— Говорит, нашел.

— Тем более тогда! Чтобы знал ты — замок Каренский, притон этот колдунов-нехристей и гадов прочих, Роланд с землею сровняет и посчитает это лучшим деяньем жизни своей!

— Видать, придется мне искать Руджера самостоятельно,— заметил Ши не без некоторого уныния.— А ты что собираешься делать?

— Я-то? Воистину не остается мне иного, как жить свободною своей жизнью в лесах, грустить по Медору... Коли нет уже Руджера в замке, свободна я теперь от обещания помочь герцогу Астольфу выманить его оттуда.

— Почему бы тогда не помочь в поисках Руджера мне?

— С чего бы это вдруг?

Ши почувствовал, что в горле у него пересохло.

— Ну, чтобы помочь устранить несправедливость, или просто ради жажды приключений, или... ну мало ли чего.— Тут он поперхнулся, но продолжил: — В конце концов, пообещала же ты помогать Астольфу!

— О сэр, поступила я так из одного лишь чувства долга неоплатного. То был Астольф и никто другой, кто погоню от меня отвратил, когда преследовали меня всадники со псами охотничьими.

— Вот как? Об этом ты не рассказывала.

Ши почувствовал, что был бы готов попросту придушить сэра Рида Чалмерса, который тоже ни о чем подобном не обмолвился. Сэр Рид, очевидно, смутно ощущал, что это и случится, если он так поступит.

— О да, одного сарацина насмерть он сразил, других же покалечил. Но послушай-ка, сэр, без цели проводишь со мною ты часы эти бессонные. Следует куда более вескую причину тебе отыскать, дабы присоединилась я к тебе в розыске Руджера.

— Ну... он ведь направляется в сарацинский лагерь, чтобы принять участие в войне, так? В общем, ты можешь там... Медора... найти.

— Фу, сэр Гарольд! Стану еще гоняться я за мужчиной, подобно воительнице этой дородной, леди Брадаманте! Дурно же

думаешь ты о той, кому почтенье свое желаешь засвидетельствовать... Но и не сказала бы я, что не прав ты в своих предположеньях: хоть и поэтом будучи, вряд ли Медор отвергнет зов трубы в подобный час. Нет, причина твоя не прельщает меня объединиться с тобою для поисков в тех краях. Нужна мне еще одна, вдвое как более веская.

Так-так, этот поганец еще и поэт, подумал Ши.

— Нету у меня больше никаких таких причин,— заявил он твердо.— За исключением разве того, что хочу быть с тобой вместе, потому что просто люблю тебя!

У Бельфебы-Бельфегоры на миг перехватило дыхание, и она тут же протянула руку:

— Вот и подобрал ты ключ наконец, и становишься истинным рыцарем моим! Решено. Назначаю свиданье тебе в этом самом месте, как только паладины снова погрузятся в сон. А теперь иди же, дабы подозреньями излишними не отягощать их мысли.

— Как поступим? Угоним их лошадей?

— Нет, а гиппогриф? Да и скакун у Роланда — великий Байярд, который немедля разбудит своего повелителя.

— Вот черт. Знаю я одного типа по фамилии Байярд, только он в жизни никого по такой ерунде не разбудит. Что еще?..

— Иди же, сэр, говорю я тебе. Нет, только без объятий!

— Спокойной ночи! — пожелал Ши и направился обратно в хижину, чувствуя нечто вроде робкой надежды, какую не испытывал с тех самых пор, как они попали в плен к Да Дерга в Царстве Фей.

Вся троица расположилась вокруг очага, устроенного в самом центре комнаты. Дыра в потолке у них над головами выпускала наружу от силы треть всего дыма.

Астольф тут же потянулся, зевнул и с видом человека, готовящегося к продолжительному сну, принялся старательно разматывать свой красно-сине-коричневый шарф. «Школа»,— коротко заметил он при виде заинтересованного взгляда Ши, после чего счел нужным добавить:

— В этих краях, как ты уже заметил, не принято носить галстуки. Пришлось вот на шарф цвета перенести.

— А какой они школы?

— Винчестерской,— сообщил герцог не без некоторой гордости.— Между прочим, древнейшая из всех существующих. Чу-

десная это штука — система публичных школ, хотя черт ее знает, что с ними будет со всем этим социализмом!

— Я и сам ходил в публичную школу, в Кливленде.

— Надо думать.

Астольф одарил его взглядом, от которого за версту несло недоверием, и Ши ощутил, что на сей раз избрал далеко не лучший путь общения с сильными мира сего. Прежде чем ему удалось загладить возникшую неловкость, Ринальд поднял голову с соломы, на которой он уже успел устроиться:

— Потише, вы там! Моровую язву на болтовню вашу, что спать не дает честным людям!

— Ладно-ладно. Но перво-наперво я хотел бы убедиться, что сэр Гарольд действительно в случае чего нас не обскачет. Конечно, ты человек чести и вообще неплохой малый, но в этом-то вся и загвоздка.

С этими словами Астольф с кошачьей ловкостью вскочил на ноги и выхватил свой огромный меч, острие которого тут же нацелил на Ши.

— Лежи-ка смирно, старина, и получай свое лекарство!

В облаков одеяле, пушистом и белом,
Убаюкает ночь тебя, как в колыбели,
Твои члены чугунны, твои веки свинцовы,
Ты вялый, ты дряблый, обмякший и сонный...

Ши, прекрасно понимая, что это и есть то самое усыпляющее заклинание, изо всех сил старался сохранять ясность мысли и лихорадочно подыскивал подходящие противодействующие чары. Вот эти, с бумажкой... нет, это просто против слабости... опять не то... рассуждения его понемногу теряли связность.

Придите же духи, что веют дремоту,
И ваши собратья, что сеют зевоту...

Заклятие явно относилось к чему-то вроде гипноза, и было чертовски тяжело отвести взгляд от пальцев Астольфа, делавших пассы. Почти так же тяжело, как изобрести какие-то контрмеры.

В конце концов...

Приди же, Морфей, и Гипнос, и Сома...

Есть какой-то рассказ, где нельзя спать. «Король золотой реки»? Нет... Точно, «Ким» — там какой-то мальчишка использовал таблицу умножения. Небольшая удача влила в него новые силы. Трижды три — девять... Если только получится продержаться... Эта часть слишком уж простая... шестью семь — сорок два, шестью восемь... Заклинание звучало все монотонней и монотонней, словно конца у него не было... одиннадцать на тринадцать — сто сорок три...

И властью своей заклинаю я — спи!

Наконец-то все! Ши лежал с закрытыми глазами, но с раскрытым нараспашку сознанием, трудясь над «семью четырнадцать». Приглушенно прозвучал голос Ринальда, словно паладин говорил через меховую шапку:

— До завтрашнего вечера проспит?

— Думаю, что не только до завтрашнего,— отозвался Астольф.— Я ему будь здоров какую дозу закатил.

— Меня самого чуть не усыпил,— пробурчал Ринальд, еще раз перевернувшись, и меньше чем через минуту раздался тот самый чудовищный храп, который недавно спровоцировал Роланда дать шлепка его источнику.

Ши выжидал, страстно желая, чтобы или перестал чесаться нос, или чтобы Астольф наконец улегся и позволил бы ему как следует его поскрести, не рискуя быть замеченным. Потом зачесались брови, потом отдельные места на лице, да так жутко, что он принялся конвульсивно гримасничать, дабы избавиться от этого ощущения. Астольф перевернулся на другой бок, и Ши неподвижно застыл, размышляя, не захрапеть ли для убедительности. От этой идеи он отказался и обнаружил, что чесотка уже заползла в глубь левого уха. Астольф сделал еще один оборот, облегченно вздохнул и, похоже, задремал. Но прошло еще добрых десять минут — каждую из которых Ши старательно отсчитал,— прежде чем он отважился открыть глаза.

В середине комнаты красновато дотлевали угли, а на месте двери едва заметно выделялся серый прямоугольник. Снаружи, должно быть, решил он, начинался рассвет — луна уже давно скрылась. В темноте хижины неотчетливо выделялись три более темные фигуры, но лежали они абсолютно неподвижно. Под аккомпанемент Ринальдова храпа размеренно посвистывали двое остальных. Спали они как убитые, но он решил понапрасну не рисковать и снова только минут через десять в порядке экспери-

мента вытянул руку. Темно-серый силуэт двери внезапно озарила ярко-голубая вспышка. Где-то вдалеке мягко проворчал гром.

В голове у Ши промелькнуло несколько неприятных мыслей относительно собственной удачливости и погоды. Если гроза движется сюда, то через дыру в крыше дождь зальет хижину и неминуемо разбудит Астольфа, а скорее всего и Роланда. Если и надо было удирать, то именно сейчас.

Он осторожно пошарил в соломе и вытащил из нее саблю и служившую подушкой чалму. При следующем раскате грома он торопливо скатился с лежанки, сделал два осторожных шажка и сдернул с колышка в стене верхнюю одежду. Еще два шага — и он оказался на улице.

Вспышка высветила поблизости чудовищное нагромождение грозовых туч, а грохот оказался куда более продолжительным, раскатившись где-то совсем рядом. По улочке деревеньки промчался первый пыльный вихрь. Гиппогриф громоздился там, где оставил его Астольф, опустив башку и прикрыв глаза. При каждой вспышке он пугливо вздрагивал, перья его трепетали под порывами ветра. Когда Ши прикоснулся к нему, одурманенный колдовством Астольфа зверь даже не поднял головы. Снимать чары наобум означало бы напрасную потерю сил и времени, а может, требовало и несколько большего искусства, чем он обладал. По руке его ударила первая крупная капля.

Сверкнула ярчайшая вспышка, и обвалом громыхнул гром. Ши показалось, что со стороны хижины донесся чей-то крик, и, отбросив всякие сомнения, он завернулся в джеллабу и в тот самый момент, когда на землю обрушился ливень, бросился вдоль улицы к дереву Бельфебы. Как только он очутился в тени деревьев, она выступила ему навстречу — свежая, бодрая и совершенно невозмутимая, несмотря на проливной дождь.

— А они уже...— начала она. Раскат грома поглотил остальное.

— Я думаю, что гроза их уже разбудила,— ответил Ши, распахивая свой балахон и набрасывая на нее.— Как будем отсюда выбираться?

— Ты чародей и не ведаешь этого?

Она весело рассмеялась, отвернулась в сторону и тихонько просвистела какой-то ритмичный мотивчик в минорном ключе, который почти заглушили шорох листьев и потрескивание веток.

Ши пригляделся и при очередной вспышке молнии совершенно отчетливо увидел на фоне деревни какие-то движущиеся фигуры.

— Скорей! — воскликнул он.

Вдруг откуда-то сзади послышался топот, и чей-то голос прокричал:

— Иго-го! Кто зовет?

Почти сразу ему вторил другой, более высокий:

— Кто зовет?

— Бель... Бельфегора Лесная... Дочь...— Голос ее при этом как-то странно запинался.

— Чьим именем зовешь ты нас? — проревел первый голос.

— Именами Сильвана, Цереры и Источника Милосердия!

— Что желаешь ты?

— Унесенною быть отсюда быстрее, чем человек бежать может, а зверь скакать!

Топот приближался. Ши почувствовал запах лошадиного пота, и очередная вспышка показала, что голоса принадлежали кентаврам. Тот, что двигался впереди, с седой бородой, спросил:

— Бельфегора Гор и Холмов, знаем мы тебя по всем именам твоим, но это кто же? И его следует нам забрать отсюда тем же самым образом?

— Да!

— Посвящен ли он в тайны лесов, долин и источников?

— О том не ведаю я. Но вот я сама, а он друг мне.

— Иго-то! Не позволено нам заклятьем даже еще более ужасным, чем смерть, брать с собою никого, кто не достиг уровня трех великих тайн!

— Эй! — завопил Ши. Следующая молния ярко высветила троих паладинов, ведущих своих скакунов в их сторону с куда большей точностью, чем можно было ожидать.— Эти дурынды будут здесь через пару минут!

— Клятвы существуют и ритуалы, через кои всяк пройти должен, кто жизни ищет по лесным законам, сэр Гарольд,— отозвалась Бельфегора.— Дело это не одного дня.

— Да ладно, фиг с ними. На дереве спрячусь.

— Только не от чародейства герцога Астольфа! Дунет тот в свой великий рог, и свалишься ты вниз, точно желудь перезревший. Будешь биться? Лук мой бесполезен в сырость такую, но можем сражаться мы вместе, ты и я, ножом моим охотничьим.

— Не поможет, детка,— сказал Ши.— Хоть это и чертовски благородно с твоей стороны.

Преследователи были уже в каких-то двух сотнях ярдов. Астольф вытащил свой огромный меч, на котором отразилась вспышка молнии. Внезапно Ши охватило вдохновение.

— А погоди-ка минуточку — в детстве я был бойскаутом, так что мне миллион раз приходилось проходить всякие проверки и давать клятвы. Может, это сойдет?

— Что это молвит он? — поинтересовался бородатый кентавр.— Не слыхал я об ордене таком, хотя...

Ши, поглядывая через плечо, единым духом выпалил программу этой организации, не забыв упомянуть о почетном значке, заработанном некогда за умение ориентироваться в лесу, разводить костры, ставить палатку и тому подобные премудрости. Двоетрое кентавров сомкнули головы, после чего бородатый вернулся к ним.

— Решено, что законно можем мы взять тебя с собою, человек, хоть и слышим о таких чудесах впервые, а искусство твое лесное подтверждено столь незначительно. Садитесь!

Прежде чем он успел закончить данную сентенцию, Бельфегора легко взлетела ему на спину. Ши с несколько меньшим изяществом вскарабкался на другого кентавра, обнаружив, что он мокрый и скользкий.

— Аой! Готов ли ты, брат? — спросил скакун, на котором устроился Ши, роя копытом землю.

— Готов! Иго-го!

— Иго-го!

Кентавр бросился вскачь и, когда Ши, роль которого при подобном способе верховой езды практически сводилась к нулю, заерзал у него на спине, обернулся:

— Обхвати руками меня и держись!

Ши от неожиданности чуть не ослабил хватку при первом же длинном скачке, когда сзади послышался чей-то крик. Кентавр оказался женского пола.

Он оглянулся через плечо. Последняя вспышка осветила троих паладинов прежде, чем они скрылись среди деревьев. Вид у гиппогрифа со взъерошенными и перепачканными перьями был куда меланхоличней обычного, и выражение это, очевидно, сопутствовало ему до конца его дней.

10

Кентавры остановились на каком-то холме с пологими склонами. За спинами их вздымались горные хребты Западных Пиренеев, а впереди до самого горизонта раскинулась плоская испанская равнина. Солнце еще только позолотило верхушки скалистых пиков.

— Здесь мы оставим вас,— сказал кентавр, на котором сидела Бельфегора.— Не можем нести мы вас дальше — смотри! Уж виден лагерь эмира, а леса наши остались далеко позади.

Ши соскользнул на землю — ноги затекли, глаза красные, по заду словно кто-то веслом колотил, зубы покрыты шершавым налетом. Бельфегора мягко и легко соскочила на цыпочки, усилив и без того уже безграничное восхищение Ши собственной женой. Они поблагодарили кентавров, которые помахали им на прощание и поскакали прочь так, будто длившийся всю ночь сумасшедший пробег был не более чем разминкой, посылая путникам свои «иго-го!».

Ши повернулся в другую сторону и прищурился. Сквозь утреннюю дымку ему удалось разглядеть лишь какую-то деревню с белыми стенами и плоскими крышами в трех-четырех милях от них. А россыпь рыжевато-коричневых бугорков далеко за ней, очевидно, представляла собой шатры Аграманта, предводителя правоверных.

Ши обвел Бельфегору долгим внимательным взглядом, отметив, насколько свежо выглядела она после ночной скачки.

— Ужель по-рыцарски считается в краях твоих смотреть на даму столь пристально? — заметила она строго.

— Извини. Я просто задумался насчет того, что заставляло тебя вроде как... запинаться и сомневаться в собственных словах. Помнишь, вечером, когда кентавры спрашивали?

Между бровями ее пролегли едва заметные морщинки.

— Поистине не ведаю я того и сама. Было это так, будто спала пелена, и плыла я меж мирами, язык мой слова произносил, сказанные кем-то другим.

— Я мог бы это прояснить, чтобы такого больше не повторялось.

— О нет, больше никакого волшебства, сэр Чародей! Поставила я тебе условием того приключения, в кое мы ввязались,

чтоб не пытался ты меня околдовывать ни с какими намерениями.

Она попыталась смерить его весьма весомым и суровым взглядом, но неожиданный зевок слегка смазал задуманное впечатление.

— Хм, ну ладно,— сказал Ши уныло.— Но чтобы уложить тебя спать, большого колдовства не потребуется, верно?

— Еще бы, стрела твоя на сей раз угодила не так уже далеко от цели. Нашлась бы здесь хоть крошечная рощица! — Она огляделась по сторонам.— Край этот гол, как череп священника!

— Да ладно тебе, почему бы опять не попробовать спать в кровати?

— Опять? Никогда я...

Ши подавил усмешку:

— Конечно-конечно, слышал. Но целая куча людей всю жизнь поступает именно таким образом, и никто пока от этого не помер — а через некоторое время это даже становится интересным.— Он глянул в сторону деревни.— В том селении наверняка должен найтись постоялый двор, а нам в любом случае придется туда заглянуть, если мы не хотим упускать ни единого шанса перехватить Руджера.

Все еще терзаемая сомнениями, она поплелась вслед за ним вниз по склону, откуда тропа вывела их прямиком к деревне. Вопрос об отдыхе по-прежнему оставался открытым, когда они добрались до цели и там действительно обнаружился постоялый двор с трактиром. Это был небольшой домик, который отличался от жилых домов разве что привязанными над дверьми ветками сухого плюща.

Ши стукнул в дверь рукоятью сабли. Наверху распахнулись ставни, и из окна высунулась злодейского вида физиономия, которая изумленно воззрилась на небритого типа в сарацинском наряде и огневолосую девушку с длинным луком за плечами. Содержатель заведения тут же возник в дверях, почесывая голый живот под коротким кожаным жилетом, шнурки которого он даже не потрудился завязать. Требование завтрака и пристанища, судя по всему, не вызвало у него особого энтузиазма.

— О владыка века! — заявил он.— Знай же, что ни в селении этом, ни на многие мили кругом не сыщешь ты яств, способных удовлетворить и воробья,— только в лагере эмира Аграманта, меч коего благословен!

— Хей-хо! — перебила его Бельфегора.— Кто спит, тот обедает и кормит душу свою сновиденьями! — Она опять зевнула.

Трактирщик еще больше помрачнел.

— Да предохранит Аллах меня от неудовольствия твоего, госпожа, но не отыщется в убогом моем домишке места, где такая луна восхищенья, как ты, госпожа, уединиться могла бы со своим повелителем. Смотри же — нет тут ни алькова уединенного, ни бани для омовенья очистительного.

Девушка грозно топнула ножкой, но Ши предотвратил готовую разразиться бурю словами:

— Пусть это тебя не беспокоит. Мы и в самом деле безо всяких там яких хотим просто поспать. А кроме того, мы христиане, так что без бани вполне обойдемся.

Хозяин хитро поглядел на них:

— О незнакомец, ежели и впрямь вы христиане, ничего не остается вам, как уплатить десять дирхемов вперед, ибо таково веленье правителя сих мест, кто не кто иной, как свет ислама владыка Дардинель!

Ши уловил, как у девушки слегка перехватило дыхание, и вспомнил, что Дардинелем звали того самого типа, благодаря которому в поле ее зрения угодил поэтичный Медор. Также ему показалось, что трактирщик скорее всего то ли врет, то ли насмехается над ним — а то ли и то и другое сразу. Конечно, с точки зрения всех этих деревенских хитрованов, представителя иной социальной группы просто грех не надуть... Начиная понемногу испытывать раздражение, Ши полез в пояс, куда он припрятал остаток выданных им Чалмерсом монет, и извлек оттуда горсть — а скорее, горсточку.

— Послушай-ка, ты, зануда,— проговорил он угрожающе.— У меня уже нету времени с тобой препираться, да и дама устала. Бери скорей деньги и давай комнату, иначе познакомишься вот с этим,— показал он на саблю.

— Слушаю и повинуюсь,— пробормотал трактирщик, отступая на пару шагов.— Входите же тогда, во имя Аллаха всемогущего!

В сенях было темно и чем-то воняло, справа наверх вели несколько каменных ступеней. Трактирщик дважды хлопнул в ладоши. Где-то в глубине распахнулась дверь, и к ним тут же выскочил черный как смоль арап, низенький (настоящий карлик)

и обнаженный до пояса. Улыбался он до ушей, а быстрота его появления наводила на мысль, что он наверняка подслушивал. Трактирщику явно не понравилась его жизнерадостность, поскольку он с ходу отвесил карлику оплеуху, от которой тот отлетел к стене, и пробурчал:

— О несчастный фигляр, прекрати же кривлянье свое! Проводи-ка гостей в верхние покои и принеси им кофе, чтоб отведали они его перед сном согласно обычаю, ибо долго были они в пути и желают спать днем.

Карлик поднялся, потер ладошкой ухо и щеку и, ни слова не говоря, повел Ши с Бельфегорой к лестнице. Комната на втором этаже занимала практически всю ширину дома. Содержала она с десяток кроватей, больше похожих на низенькие, лишь на несколько дюймов выше пола, кушетки, покрытые тонкими, поеденными молью восточными коврами.

Бельфеба оглядела эти лежаки с неподдельным отвращением:

— Ну, сэр Гарольд, не знаю, как люди способны выносить столь убогое обиталище, когда жить можно среди чистых деревьев!

Она прошлась по комнате, заглянув по очереди во все окна.

— Да, тут могло быть и поприличней,— согласился Ши.— Но, по крайней мере, дождь нам не страшен. Давай, детка, попробуй разочек.

Он зевнул. Громко протопав по ступенькам, появился карлик с медным подносом, на котором стояли две крошечные чашечки, источавшие аппетитный аромат кофе. Он поставил его на одну из кроватей и низко поклонился. По неистребимой привычке давать по любому поводу чаевые Ши нащупал одну из диковинных монет и протянул ее чернокожему коротышке. Тот неуверенно потянулся за ней, глядя на Ши так, будто подозревал, что постоялец разыгрывает с ним шуточку весьма сомнительного толка.

— Давай-давай, бери,— подбодрил его Ши.— Это тебе. Честно.

Молниеносное движение, и монета тут же очутилась в руках у карлика, который, не спуская глаз с этой драгоценности и радостно побулькивая, несколько раз перекувыркнулся через голову. Ши поднял чашку, сделал большой глоток и чуть не подавился. Кофе оказался таким сладким, что больше напоминал сироп. Он спросил у Бельфегоры:

— Тут что, только такой кофе принято пить?

— Кофе как кофе. Какого еще тебе хотелось бы? — отозвалась она, прихлебывая из своей чашечки.

— Ну ты же знаешь, что я люблю менее...— Он прикусил язык. Имея дело с амнезией, без толку перепевать одну и ту же старую песню — это может отвратить больного. Поэтому он быстро поправился: — Я бы еще выпил. Эй, любезный!

Карлик, бросив свои ужимки, с топотом подкатился ближе и трижды склонил голову.

— Можешь притащить того же самого, только без сахара? — поинтересовался Ши.

Слугу, судя по всему, охватило некое беспокойство, поскольку он прижал обе руки к груди, покачался из стороны в сторону, ткнул на обе чашки пальцем и, поднеся сложенные ладошки к уху, прикрыл глаза, подпрыгнул, подбежал к окну и сделал вид, будто собирается из него выскочить, после чего указал на Ши.

— Что стряслось? — удивился Ши.— Ты что, говорить не умеешь?

В ответ коротышка только разинул рот и ткнул туда пальцем. Языка там не было.

— Плохо дело, любезный.— Ши обернулся к девушке: — Что он хочет сказать?

Та устало рассмеялась:

— Чудится мне, предостеречь он желает, что после еще одной чашки напитка столь крепкого из окна выпрыгнуть можно. Но удивительно — на меня он так не подействовал.

Она отставила свою чашечку, прикрыла маленькой ручкой очередной зевок, выбрала наименее грязную кровать и вытянулась на ней.

— На меня тоже,— сообщил Ши.

Дальше обсуждать этот вопрос он был уже не в силах и плюхнулся на другую кровать. Под ветхими коврами наверняка была простая солома, но до смерти уставшему телу показалась она мягче пуха.

— Приятных сновидений, детка.

По крайней мере, наличие отдельных постелей предварило любые дурацкие доводы о необходимости положить посредине меч, как это принято в средневековых романах. Хотя если человек столь слаб, чтобы переползти через...

Как раз в тот самый момент, когда он уже проваливался в глубокий омут сна, до него дошло, что карлик, скорее всего, пытался дать им знать о подмешанном в кофе снотворном, но, прежде чем успел это по-настоящему осмыслить, он уже крепко спал...

Кто-то изо всех сил тряс его, а щека горела вроде как от оплеухи. Проклятый трактирщик!

— Отвали! — прорычал он с затуманенной головой, пытаясь вырваться.

Шлеп!

Это было уже слишком. Ши скатился с кровати и принялся отмахиваться, вернее, лишь попытался это сделать, поскольку руки ему моментально скрутили за спиной. Проморгав глаза, он увидел, что со всех сторон окружен тесным кольцом вооруженных сарацин. В другой такой же толпе, чуть побольше, где некоторые обернулись, когда он выпрямился, он усмотрел сияние золотых волос Бельфегоры, уже основательно встрепанных. Держали ее сразу двое. У одного под глазом красовался черный фингал, а у другого слетела чалма и физиономия носила отчетливые следы ногтей, идущие во всех мыслимых направлениях.

— О повелитель мой! — послышался голос трактирщика откуда-то сзади, с лестницы.— Разве не предупреждал я тебя, что опасны и злобны сии франки?

— Да уж, поистине кладезь ты мудрости,— ответил ему какой-то начальственный голос.— Что желаешь ты наградою за то, что махом одним предоставил мне жемчужину из жемчужин для ложа моего и сильную руку для битвы?

— О повелитель, не нужно мне ничего, кроме солнечных лучей благосклонности твоей и строго по счету оплаты! Франк этот несчастный хранит доходы, добытые, без сомненья, грабежом правоверных, в поясе своем.

Обладатель начальственного голоса обернулся — высокий тип с неприятным, плоским, как тарелка, лицом.

— Обыскать его, коли это так,— приказал он одному из тех, что держали Ши. Тот, видя, что от сопротивления большого толку не будет, воздержался от каких бы то ни было действий.

— Поистине, владыка Дардинель,— объявил тот, который его обшаривал,— четырнадцать у него с половиной дирхемов.

— Отдай их трактирщику,— распорядился владыка Дардинель и, повернувшись к этому достойному человеку, добавил: — Можешь ты с уверенностью ожидать меня завтра в шатре моем после часа второй молитвы, когда испытаю я эту девицу франкийскую. Ежели окажется она девственницей, как уверяешь ты, награда твоя вдесятеро будет больше; если же нет, то лишь вдвойне.

— Алло! — завопил Ши.— Не имеешь права! Она моя жена!

Один из тех, кто держал Ши, тут же дал ему по физиономии, в то время как Дардинель, помрачнев, обернулся к девушке:

— Это и в самом деле правда?

Прежде чем она успела ответить, послышался другой голос, тонкий и немного писклявый:

— О владыка Дардинель, быть того не может! Когда видели мы не так давно девицу сию в замке Каренском, определенно не была она ни мужней женой, ни вдовой, но свободною девой лесной, поэзии вдохновеньем!

Плосколицый облизал красные губы.

— Одно лишь остается средство,— рассудил он,— и заключается оно в том, чтобы отделить голову франкийского этого пса от тела, тогда и будучи замужем девица эта вдовою станет.

— Говорится в книгах,— возразил второй голос, принадлежавший, как заметил Ши, некоему молодому человеку с оливковой кожей и тонкими чертами лица,— что без истинного правосудия нельзя расправляться даже с неверными, ибо обернется это против тебя в последний твой день. Закон гласит также, что даже если девица сия станет вдовою прямо сегодня, то необходимо трехдневное очищение, прежде чем кто-либо возжелает овладеть ею. Поэтому предлагаю, повелитель мой, посадить их обоих в место надежное до тех пор, покуда казий ученый не выудит истину из омута этого мутного. И больше того, о величайший из воинов, разве не твои то были слова, что получили мы руку крепкую для службы Пророку, мир имени коего? Но будет ли прок от руки, коли головы не будет, дабы направлять ее?

Владыка Дардинель взялся рукой за подбородок и склонил остроконечный шлем, увенчанный полумесяцем.

— О Медор,— произнес он наконец без особого расположения,— приводишь ты доводы искуснее иного доктора наук, и из доводов сих видно, что и сам ты положил глаз на эту девицу! Так что не составит большого труда мне сыскать и изъян в доктрине твоей.

Ши, затаивший дыхание, выпустил его с продолжительным «ф-фух!», а остальные сарацины одобрительно загалдели.

Дардинель подступил к Ши и пощупал его бицепсы.

— Как попал ты сюда, франк? — поинтересовался он.

Ши ответил:

— Я малость повздорил с какими-то императорскими паладинами.

Такой ответ мог выставить его в более выгодном свете и, что самое главное, был совершеннейшей правдой.

Дардинель кивнул:

— Испытанный ли боец ты?

— Да приходилось бывать в переделках. Если хочешь, чтобы я что-нибудь показал, избавь меня от этого джентльмена, что вцепился мне в правую руку, и...

— Нету в этом нужды. Желаешь ли верно служить эмиру Аграманту в походе нашем?

А почему бы и нет? Ши решил, что паладинам он ничем не обязан, в то время как согласие, по крайней мере, сохранит ему жизнь достаточно надолго, чтобы что-нибудь придумать.

— Идет. Заносите меня в списки. То есть я хотел сказать, клянусь защищать вашего справедливого и милосердного эмира, и все такое, и так далее, да поможет мне Аллах.

Дардинель снова кивнул, но сурово добавил:

— Не рассчитывай только, что даже если казий признает брак твой с девицей этой законным, сохранишь ты свои права на нее, ибо желаю я, чтобы произнес ты над нею формулу развода. Если покажешь с доброй стороны себя, одарю я тебя шестью другими из пленниц, с лицами как полные луны. Как зовешься ты?

— Сэр Гарольд Ши.

— Сэр Гарр аль-Шах? Слышу я чудо: носит он сразу и назарянские, и мусульманские титулы! Как же стал ты военачальником?

— Я их унаследовал,— туманно ответил Ши.— Понимаете, смешанная семья,— добавил он, вспомнив про запутанные родственные отношения обитателей Каренского замка.

С большим облегчением он почувствовал, как разжались вцепившиеся в него пальцы. Нет, понял он, оглянувшись, не было ни единого шанса быстро вмешаться в ситуацию и освободить Бельфегору. Слишком уж многие из этой публики держали в руках весьма острые на вид сабли.

Владыка Дардинель, судя по всему, сразу утратил к нему всякий интерес.

— Деву связать, да только полегче, шелковыми кушаками,— распорядился он.— О Медор, прими же нового воителя в свое войско да проследи, чтоб доспехи получил он и оружие. Ответишь мне за него честью своей!

Когда девушку проводили мимо, смотрела она на Медора, а не на него, и Ши ощутил неприятный укол в сердце. На улице было привязано несколько лошадей, одна из которых предназначалась ему. Было чертовски обидно уходить, так и не отвесив трактирщику хорошую плюху, но приходилось вести себя тихо, пока не прояснились куда более важные вещи.

Влезая в седло, Ши поморщился от боли, поскольку после долгой скачки на кентавре мышцы в паху затвердели, как канаты. Правда, в мягких коврах высокого седла они вскоре немного расслабились, и Ши устроился, испытывая разве что чисто номинальные неудобства.

Когда кавалькада пустилась вскачь под палящим солнцем, которое перевалило уже за полдень, Ши пришла в голову мысль, что для того, чтобы заставить его жену спать после этого в кровати, потребуется кое-что посильнее колдовства.

11

Шатры были тесно понатыканы где попало, безо всякого намека хоть на какой-то порядок. В воздухе висела вонь, неопровержимо свидетельствуя о том, что санитарное оборудование находилось здесь в самом зачаточном состоянии. Между шатрами бесцельно слонялись мусульмане всех размеров, ростов и полноты, и лишь по немногим можно было судить, что они представляют собой армию. Гораздо больше все это напоминало восточный базар в разгар грандиозной ярмарки. Собравшись в кучки, доблестные воины шумно спорили и торговались, заключая некие сделки, или просто болтали; там и сям вольготно раскинулись спящие, не обращая внимания на клубящихся над ними мух. Откуда-то доносилось позвякивание, означавшее, судя по всему, работу кузнеца. Когда кавалькада влилась в проход между шатрами, спорщики прекратили свои споры, а некоторые из сонь даже подняли головы, дабы выяснить, с чего такая суета.

Относительно Бельфегоры они отпускали вполне внятные и весьма личные комментарии. Ши почувствовал, что лицо его загорелось, и принялся изобретать для обидчиков страшнейшие му-

чения. Однако она высоко держала голову и ни на что не обращала внимания, проносясь мимо в своем дамском седле во главе кавалькады. Она даже и не пыталась заговорить с Ши с того самого момента, как их схватили. Он ее в этом не винил, сознавая, какой великой ошибкой с его стороны было не раскусить этого подлого трактирщика и не внять предостережениям карлика. Хорошо же расплатился он с ней за то, что она помогла ему выбраться из одной заварухи,— в другую втянул, да еще в какую! Так, спокойно, вопрос в том...

Медор коснулся его руки.

— Мы поедем туда,— сказал он, направляя коня влево в сопровождении еще трех-четырех всадников.

Вскоре они оказались перед большим полосатым шатром. Напротив него из земли торчал шест, с которого свисало нечто вроде лошадиного хвоста. Медор спешился и откинул полог.

— Не соизволишь ли войти, о Гарр?

Внутри оказалось, по крайней мере, чуть попрохладней, чем на улице. Медор указал в сторону кучи ковров подле матерчатой занавеси, которая отделяла внутреннее помещение от остального пространства шатра, и уселся, поджав ноги, на такую же стопку напротив. На взгляд Ши, вовсе не большого специалиста по восточной мануфактуре, ковры были не из дешевых. Молодой человек хлопнул в ладоши и приказал тут же появившемуся откуда-то изнутри слуге с всклокоченной бороденкой:

— Хлеб и соль принеси. Да шербет не забудь.

— Слушаю и повинуюсь! — отозвался тот и исчез.

Медор около минуты угрюмо таращился на ковер перед собой, после чего проговорил:

— Не требуется ли цирюльник тебе? Ибо вижу я, что следуешь ты франкийскому обычаю брить лицо, равно как и я сам, и давно уж не испытывал блаженства от чистоты его.

— Хорошая мысль,— согласился Ши, ощупывая шершавый, как напильник, подбородок.— Слушай, а что они с ней сделают?

— Говорится в книгах, что дерево дружбы лишь у источника немногословия произрастает,— ответствовал Медор и снова погрузился в молчание, пока в сопровождении еще двоих не вернулся слуга.

Первый нес кувшин с водой и пустой тазик. Когда Медор протянул ему руки, слуга полил на них из кувшина и извлек по-

лотенце. Затем он оказал ту же услугу Ши, который был рад избавиться хоть от части глубоко въевшейся грязи.

Второй держал поднос с чем-то вроде тонкой вафли и тарелочкой соли. Медор отломил от этой вафли кусочек, посыпал щепоткой соли и поднес к физиономии Ши. Тот попытался ухватить его рукой, но Медор ловко увернулся от его пальцев и поднес кусочек еще ближе. Наконец Ши догадался, что от него требуется открыть рот. Когда он поступил подобным образом, Медор тут же сунул туда посоленную вафлю и выжидающе застыл. Вкус оказался довольно отвратным. Поскольку явно ожидалось какое-то продолжение, Ши в свою очередь тоже отломил от пластины кусок, посолил, и, что называется, последовало аллаверды. Слуга исчез. Медор поднял чашку с шербетом и облегченно вздохнул.

— Во имя Аллаха, всемогущего и милосердного,— объявил он,— разделили хлеб мы и соль и далее не можем уж зла причинить друг другу. Поэму написал я на тему сию — не распахнешь ли ты свою душу, дабы выслушать ее?

Поэма оказалась длинной и, как показалось Ши, довольно бессмысленной. Медор аккомпанировал себе на лютне с длинным, как гусиная шея, грифом, которую подобрал с пола, однообразно завывая припев на считанных минорных нотах. Ши восседал, потягивая шербет (оказавшийся на поверку просто свежим апельсиновым соком), и терпеливо ждал окончания. Вдруг посреди очередного припева снаружи донесся мощный многоголосый вой. Отшвырнув лютню, Медор подхватил один из ковриков поменьше и ринулся на дневную молитву.

Вернувшись, он опять хлопнулся на ковры.

— О Гарр, поистине вы, шахи франкийские, разбираетесь в жизни за Аллаха, существование Пророка коего неопровержимо, не лучше, чем свинья разбирается в желудях, кои поедает. И все же поведай мне сейчас одну лишь чистую правду: и в самом деле воин ты искусный?

Ши на мгновение задумался.

— Да откуда же, к чертям, мне точно это знать? — произнес он наконец.— Да, я ввязывался во всякие стычки, когда была нужда, но никогда не служил в регулярных войсках во время войны в обычном понимании, если ты это имеешь в виду.

— Да. На хлебе и соли не в силах скрыть я того, что в делах подобных сам я что посох, увязший в песке. Ничем не снискать

мне любви и уваженья, кроме как виршами своими; знатного рода будучи, не иначе как сообразно традиции служить я обязан!

Он опять подобрал лютню и взял несколько меланхолических аккордов.

— Может, и прощен я буду,— молвил он томно,— и не обернется это противу меня в День Дней. Владыка Дардинель велел не более и не менее как вооружить тебя и снабдить доспехами. Из тех ли ты франков, что сражаются с пикою? — Тут он моментально просветлел.— Сложил я поэму на тему крови. Смягчится ли душа твоя, дабы выслушать ее?

— Давай лучше в следующий раз,— предложил Ши.— Ты не считаешь, что для начала стоит расквитаться со всем этим обмундированием? Владыка Дардинель в любой момент заявится с инспекторской проверкой, и мы будем очень кисло выглядеть.

— О Аллах, забери меня из этой жизни, что так наскучила мне! — возопил Медор и безо всякого видимого напряжения запустил лютней через весь шатер, так что Ши услышал, как она брякнулась обо что-то твердое на противоположной стороне.

После мгновения тишины Медор хлопнул в ладоши и скомандовал слуге со всклокоченной бороденкой:

— Позвать моего оружейника!

Оружейник оказался приземистым, коренастым типом с коротко подстриженными черными волосами и черными же глазами. Ши решил, что он, наверное, баск, как и Эшгерей, но изъяснялся тот в чисто мусульманской манере:

— Не соблаговолит ли чудо столетья немного приподняться? Хэ-хм. И впрямь найдется у меня кольчуга, что впору будет Свету Востока, но вот чем вооружишься ты — задача, хэ-хм. Вне всяких сомнений, великолепию твоему потребна и сабля?

— Если у тебя отыщется небольшая прямая шпага с острым кончиком, это будет самое то,— сказал Ши. Медор, похоже, тем временем задремал, обиженно надув губы.

— О шах Гарр,— молвил оружейник,— может, и найдется клинок такой средь трофеев наших после Канфрано, но не открою я тайны великой, ежели замечу, что у сабель этих франкийских лезвия нету острого для рубки!

— Во всяком случае взгляни. Если не найдешь, сгодится самая длинная и прямая сабля, которая только отыщется. Да — и обязательно с заостренным кончиком.

— Да поразит меня Аллах до смерти, если не из тех ты, кто уколом коварным противника поражает! Отец мой, что кузнецом

был у властителя хиндского, рассказывал о диковинах подобных в тех краях, но мои глаза никогда не просвещались созерцанием зрелища столь редкостного!

Медор приоткрыл глаза, хлопнул в ладоши и приказал своему денщику:

— Другую лютню! И повару вели немедля яства нести гостю моему для вечерней трапезы.

— А сам-то что, есть не будешь? — поинтересовался Ши.

— Стеснилась грудь моя. Сыт буду я пищею размышлений собственных.

Взяв новую лютню, он пару раз брякнул по струнам и испустил продолжительную, скрипучую ноту вроде той, что производит палец, когда им проводят по стеклу.

Кузнец все суетился и кланялся.

— Открылось мне, о владыка века,— трещал он,— что потребна кольчуга крепости необычайной и для плеча, и для правой руки...

Медор отложил лютню.

— Проваливай! — взвизгнул он.— Властитель шума и гама, чья мать была возлюбленной борова! Тебе надо, ты и делай эти поганые доспехи, а потом неси сюда, но только *молча!*

Когда кузнец выкатился из шатра, а слуга принялся расставлять перед Ши разнообразные блюда, молодой человек вновь углубился в пение и аккомпанемент. Для принятия пищи это было далеко не лучшее музыкальное сопровождение. Ши размышлял, как управиться с поданной ему клейкой массой без вилки. Вдобавок она оказалась зверски приправлена, но он так проголодался, что это не доставило ему особого беспокойства. Принесли кофе, все той же умопомрачительной приторности, что и на постоялом дворе. Медор оторвался от музицирования, дабы тоже принять чашечку. Когда он деликатно подносил ее к губам, Ши спросил:

— Да что тебя так гложет, в конце-то концов? Ты ведешь себя так, будто только что потерял лучшего друга.

— О нет,— ответствовал Медор,— лишь обрел я его, но...— Он отставил чашечку, снова взялся за лютню и пропел:

Ах, горечь в сердце разлилась —
Любви изгнанья близок час!
Солнце зайдет, и с последним лучом
Покатятся слезы из глаз!

Хоть Ши особо и не потряс пафос автора, Медор уронил лютню и принялся всхлипывать.

— Ну, ну, возьми себя в руки, приятель,— принялся утешать его Ши.— Это ведь про твою подружку Бельфебу... Бельфегору то есть?

— То правда-а! Истину ли ты молвил, что супруга она тебе? Иль хитрость то была, чтоб повелителю моему воспрепятствовать, владыке Дардинелю?

— Ну,— замялся Ши,— вообще-то это очень долгая и запутанная история...

— Нет, не опасайся душу свою распахнуть товарищу своему по хлебу и соли! Истинная дружба превыше демона ревности, как философ говорит Ифлатун!

Ши просчитал свой ответ со снайперской точностью.

— Эту девушку я знаю уже довольно давно. Что же до остального, то ее нынешний статус как раз тот, в котором ты ее встретил в Каренском замке. Ну что, успокоился малость? — Когда Медор лишь горестно вздохнул, Ши прибавил: — В общем, я уверен, что, если мы наймем адвоката, или как там его зовут...

— Воистину, шах Гарр,— перебил его Медор,— бредешь ты во тьме неведенья. Знай же, что казий наверняка признает законным желание владыки Дардинеля овладеть этой девицей. Коли не произнесешь ты формулу развода, вынудит он ее саму произнести! О, что же сотворил я такого, что обыкновенная женщина повергает меня в такую бездну печали? Ведь ясно, что с волосами столь огненно-рыжими является она предвестницей беды. Горе мне! О, лишь откладывается неизбежный для меня час пресловутым очищением трехдневным!

Ши проговорил:

— Во всяком случае, могу тебя заверить в одном: кто попытается овладеть этой девушкой без ее согласия, потом в жизни никем овладеть не сможет.

Но слезы у Медора хлынули вновь. Ши откинулся на подушки, лихорадочно размышляя. Толку от этого кисляя, как от третьей ноги, хотя справедливости ради Ши не мог не признать, даже несмотря на свое ревнивое отношение к нацеленному на Бельфегору либидо Медора, что этот юнец, собственно говоря, спас ему тогда жизнь на постоялом дворе. Кроме того, Медор разбирался в местных законах, и оставался еще один ресурс, который он пока не использовал,— свое собственное знание магии.

— А где ее могут держать? — спросил он.

— Нигде, кроме как в гаремном шатре владыки Дардинеля!

Ши продолжал:

— А ты не знаешь, Руджер — ну этот, который из Карены, он уже присоединился к войску?

Угрюмое выражение на физиономии юного сарацина переменилось на откровенно презрительное.

— Донеслось до ушей моих, что этот незаконнорожденный сын блудницы и впрямь среди нас.

— Так ты его не особо жалуешь?

— Аллах свидетель — если чашка воды спасла бы его от ада, дал бы я ему огня напиться! Недавно совсем в замке Каренском, когда декламировал я свои стансы в память Феррау, что самой лучшей и самой длинной из всех поэтик моих являются, вырвал он лютню у меня из рук!

Впервые за все время Ши ощутил к драчливому племянничку Атланта нечто вроде симпатии. Однако сказал:

— Ладно, Руджер мне нужен для одного дела. А конкретнее, я хочу его похитить и вернуть обратно в Карену. Поможешь мне это проделать — думаю, тогда я тебе покажу, как вызволить Бельфегору из неволи.

Красивое лицо исказил страх.

— О Гарр, Руджер столь силен, что не устоять против него и вдесятером! Аллах защитит нас, но вдвоем мы против него — что мышь против орла!

— Решай сам,— холодно заметил Ши.

Чего ему действительно очень хотелось, так это попросту вызволить отсюда Бельфегору и навсегда позабыть об этом маленьком происшествии. Но шансы восстановить память его жены Бельфебы по-прежнему оставались бы крайне невысокими, если бы ее не удалось доставить к Чалмерсу с его куда более солидными познаниями как в области психиатрии, так и магии. Если Медор пойдет на попятный, может, и удастся еще дать задний ход в последний момент.

От двери шатра донесся чей-то жалобный призыв. Слуга выскочил наружу и тут же вернулся со свертком, в котором, как оказалось, были готовые доспехи. Пока Медор оставался погруженным в мрачные раздумья, Ши их изучил. Сабля хоть и была все-таки кривоватой, с основным весом, сосредоточенным на

дальнем конце, но оказалась несколько прямее обычного, а оружейник мастерски отковал острый, как игла, кончик. Имелась здесь и остроконечная стальная шапка с коротким кольчужным занавесом для защиты затылка, кинжал, небольшой круглый щит тонкой работы и кольчуга.

Ши отложил все это добро и повернулся к Медору:

— Ну?

Юный сарацин хитро посмотрел на него:

— Нет бога, кроме Аллаха, и сказано в книгах, что никто не умрет, покуда не грянет назначенный час. Говори, и повинуюсь я тебе, словно был бы я мамелюком твоим!

— Руджер придет сюда, если ты за ним пошлешь?

— Нет, скорее прогонит он слугу моего кнутом от дверей своих!

— Придется нам тогда самим к нему пойти. Ты в курсе, где он устроился?

— Воистину так.

— Отлично. Тогда немного погодя. Мне нужно обдумать план. Каким весом ты тут пользуешься?

— О шах, под началом владыки Дардинеля предводитель я восьми десятков стражников.

Ши подумал, что дела в сарацинской армии обстоят, видно, не лучшим образом, коли приходится полагаться на предводителей вроде этого томного сердцееда, но в данный момент голова его была слишком занята, чтобы развить рассмотрение этого вопроса.

— Можешь вызвать их сюда, по три-четыре человека за раз?

— Слушаю и повинуюсь,— отозвался Медор, прижав руки к груди, и стал подниматься.

Ши, которому не очень-то понравилось непроходящее выражение испуга в глазах Медора, остановил его:

— Погоди-ка. Давай для начала одного. Испытаем волшебство на нем, чтобы лишний раз убедиться.

Медор опустился на место и хлопнул в ладоши.

— Вели Тарику аль-Марику явиться, да не задерживаться, ежели дорога ему голова его! — приказал он слуге.

Подхватив лютню, он принялся опять терзать струны. В свете греческой масляной лампы, которую им принесли вместе с обедом, ярко сверкали драгоценные камни на его браслетах.

— Дай-ка на минуточку браслетик, а? — попросил Ши.

Когда воин вошел, Ши велел Медору приказать ему сесть и расслабиться, после чего поставил перед солдатом лампу. Пока юный сарацин продолжал пощипывать струны, Ши поднес к глазам воина браслет, поводя им в разные стороны, и тихим голосом принялся нашептывать все, что ему удалось припомнить из того снотворного заклинания, которое Астольф применил против него самого.

С точки зрения как магии, так и гипноза этот метод никак нельзя было отнести к особо ортодоксальным, но он, похоже, сработал. Глаза воина подернулись туманной поволокой, и он неминуемо свалился бы, если бы не оперся спиной о матерчатую стенку шатра.

Ши тут же произнес:

— Слышишь ли ты меня?

— О да!

— Будешь ли повиноваться моим приказаниям?

— Как приказаниям отца своего!

— Эмир желает устроить лагерю сюрприз. Нужно подтянуть дисциплину. Ясно?

— Как скажет повелитель мой!

— Как только завершится вечерняя молитва, ты вытащишь свою саблю, пробежишь по лагерю и перережешь веревки шатров.

— Слушаю и повинуюсь!

— Ты перережешь абсолютно все веревки, которые попадутся тебе на глаза, что бы тебе там кто ни говорил.

— Слушаю и повинуюсь.

— Ты позабудешь об этом приказании до той поры, пока не придет время действовать.

— Слушаю и повинуюсь,— повторил воин.

— Пробудись!

Воин заморгал и очнулся, заерзав так, словно во сне потерял опору. Когда он поднялся, Ши спросил:

— Какие были тебе отданы приказания?

— Как следует наблюдать за дверями шатра владыки Дардинеля этой ночью. Насколько помню я, владыка Медор не отдавал мне никаких других.

— Он просто забыл. Тебе нужно привести сюда еще четырех воинов. Верно, Медор?

— О да, поистине так оно и есть,— вяло подтвердил Медор.

Воин переступил с ноги на ногу.

— А вот...

— Больше ничего,— твердо сказал Ши.

Он бросил взгляд на Медора, который отложил лютню и таращился вслед подчиненному.

— Поистине, шах Гарр,— пролепетал он,— это словно как пророки вновь очутились на земле! И в самом деле перережет он веревки у шатров, как ты ему повелел?

— Если не перережет, я на него такое заклятие наложу, что он голову собственную съест,— подтвердил Ши, который пришел к заключению, что при подобной впечатлительности сотрудничество с этим нытиком ничем ему не угрожает.— Слушай, когда остальные придут, продолжай наигрывать эту восточную мелодию, а? По-моему, она на них неплохо действует.

12

Когда указания были отданы последнему из восьмидесяти стражников, Ши почувствовал, что смертельно устал. Медор, прикрыв рот изящной формы ладонью, заметил:

— Без сомненья, сделали мы столько, что Иблиса тьма пасть должна на лагерь, так что легко захватим мы деву и скроемся с нею. Утомился я, хоть и успокоился душою от великолепия замысла твоего. Давай-ка ко сну отойдем, надеясь на милость Аллаха!

— Не время спать,— отозвался Ши.— В моих краях есть такая пословица: «На Аллаха надейся, да сам не плошай». А нам сейчас с одной вещью никак нельзя сплоховать. Я имею в виду Руджера. Вспомни, ты обещал.

Он поднялся, напялил на голову стальной колпак, пристегнул саблю и сунул за кушак ножны кинжала. Кольчугу он решил оставить, поскольку в предстоящем деле лишний вес был совсем ни к чему. Медор мрачно последовал его примеру.

Снаружи, вдоль склона, на котором раскинулся лагерь, уже вытягивались вечерние тени. Хотя Ши и не знал в точности часа молитвы, но предположил, что начнется она скоро. Это означало, что им следовало поспешить, если они рассчитывали захватить Руджера так, как это предусматривалось планом операции.

Стоит этому бугаю вырваться и поднять шум, как надежд подловить его вторично уже не останется.

Но Медор едва тащился позади, словно им завладел некий могущественный демон медлительности. Ежесекундно он останавливался, дабы обменяться с кем-нибудь приветствиями, и все те, с кем он заговаривал, казалось, только и ждали случая открыть совершенно бесплодную дискуссию.

Ши подумалось, что здесь собралась самая болтливая публика на всем земном шаре.

— Послушай-ка,— рассердился он наконец,— если ты не пойдешь как следует, я навею на тебя чары, которые заставят тебя вызвать Руджера на дуэль.

Ши приходилось слышать о том, что зубы у людей могут стучать не только от холода, но на практике с подобным случаем столкнулся впервые. Медор торопливо прибавил шагу.

Руджер, как оказалось, обитал в довольно спартанского вида шатре, но почти в таком же большом, как у Медора. Перед шатром расхаживали взад-вперед два бородатых, злодейского вида типа с обнаженными ятаганами.

— Мы хотим повидать Руджера Каренского,— сообщил Ши тому, что оказался поближе. Другой приостановился и тут же присоединился к напарнику, внимательно изучавшему посетителей.

Первый стражник сказал:

— В лагере много шатров. И пускай же владыки заглянут в какой другой, ибо все друзьями являются пред Аллахом!

На всякий случай он поднял ятаган на уровень груди.

Ши через плечо бросил взгляд на быстро заходящее солнце.

— Нам обязательно нужно встретиться с ним до вечерней молитвы,— настойчиво повторил он, стряхивая вцепившиеся ему в рукав пальцы Медора.— Мы его друзья. Мы его еще по Карене знаем.

— О повелитель, ужасен будет гнев правителя Руджера! И будет куда лучше, и говорится о том по-написанному, если один человек потерпит неудачу, что длиться будет лишь Аллахом назначенный час, нежели сразу двое расстанутся с жизнями своими! Знай же, что, ежели побеспокоит кто владыку Руджера до часа вечерней молитвы, потеряем мы оба ни больше ни меньше как головы собственные, в чем поклялся он на волосе из бороды своей!

— Да откуда у него борода? — удивился Ши.

Медор, однако, немедленно дернул его за рукав и зашептал:

— Видишь, нет теперь у нас другого выхода, кроме как оставить замысел наш ради какого-то иного, ибо вполне очевидно, что два этих добрых человека не пропустят нас. Уж не собрался ли ты сталь обратить супротив них и пробудить таким образом позор всего ислама?

— Нет, попробуем по-другому,— отозвался Ши, разворачиваясь на каблуках.

Терзаемый сомнениями, Медор следовал за ним, пока они не приблизились к соседнему шатру. Воспользовавшись кинжалом, Ши вырезал из крепежного колышка восемь длинных лучинок. Две из них он засунул под край своего шлема, так что они торчали, словно рога, а еще два вставил под верхнюю губу, как клыки. После этого оставшимися четырьмя он точно таким же образом декорировал изумленную физиономию Медора.

Лучинкам отводилась роль того, что доктор Чалмерс именовал «соматическим» элементом колдовского процесса. А что же до вербальной части, лучше Шекспира, слегка модифицированного сообразно обстановке, просто и не придумаешь. Ши несколько раз обернулся кругом, делая руками подсмотренные у Чалмерса пассы и про себя бормоча:

Мал ли ты или велик,
Призрак, измени наш лик,
Чтоб нам немедля повезло,
Зло есть добро, добро есть зло!

— Порядок,— бросил он Медору.— Пошли.

Они обогнули угол шатра и лицом к лицу столкнулись со стражником, с которым только что беседовали. Тот бросил на них один только взгляд, выдохнул: «Шайтан!», выронил саблю и ударился в бегство. Второй стражник, которому они попались на глаза, моментально покрылся пятнами и тоже завизжал: «Шайтан!» Рухнув на землю, он зарылся лицом в траву.

Ши откинул служивший дверью полог и уверенно ступил внутрь. Света там не было, да и снаружи уже сгущались сумерки, но среди ковров вполне отчетливо вырисовывалась громоздящаяся гора плоти. Ши направился было к ней, но в темноте обо что-то споткнулся. В результате он дернулся вперед и, не в

силах остановиться, со всего маху врезался в тушу Руджера, застыв в позе пекаря, который замешивает огромную бадью теста.

Руджер тут же пробудился и с похвальным проворством вскочил на ноги.

— Алла-иль-алла! — завизжал он, срывая со стены шатра гигантский ятаган.— Ха, никак джинн! Никогда не бился я еще с джинном!

Сабля уже взлетела вверх для удара, а Медор испуганно съежился.

— Постой! — завопил Ши.

Ятаган замер.

— Погоди-ка минутку, а? — проговорил Ши.— На самом деле мы друзья. Сейчас увидишь.

Он подступил к Медору, произнес противодействующее заклинание и дернул за выступающие аж за подбородок клыки, в которые превратились вставленные в рот Медора щепки.

Ничего не произошло. Клыки не поддавались. Между ними по-прежнему проглядывала дурацкая перепуганная ухмылка Медора, а из аккуратных отверстий в шлеме молодого человека продолжала торчать пара коровьих рожек.

Ши еще раз повторил обратное заклинание, погромче, ощупывая свою собственную голову, и обнаружил, что и сам все еще украшен рогами и клыками. Однако и на сей раз ничего не вышло.

Где-то в отдалении разнесся протяжный крик. Очевидно, это имам, будильник которого, или что он там использовал в этих целях, несколько спешил, призывал правоверных на молитву. Вскоре этот крик подхватили и остальные.

Ши обернулся к Руджеру и сказал:

— Послушай, давай кое-что обсудим. Ладно, так и быть — мы действительно джинны, и нас послало сюда большое начальство, чтобы биться с искуснейшим воином мира. Правда, как понимаешь, силища у нас будь здоров, поэтому мы не хотим наваливаться двое на одного. Предлагаем уравнять силы.

Для самого Ши это заявление прозвучало фальшивей не придумаешь, но Руджер опустил ятаган и плотоядно ухмыльнулся:

— Клянусь Аллахом всемогущим! Час доброй удачи пришел ко мне. Да нет для меня удовольствия большего, нежели биться с двумя джиннами сразу!

Руджер плюхнулся на ковры, почти повернувшись к Ши спиной. Тот лихорадочно засемафорил Медору, чтоб тот садился рядом с громилой. Ши надеялся, что Медор еще в состоянии делать то, в чем единственно был силен, а именно говорить. Этот задохлик настолько перетрусил, что вряд ли оказался бы способен на что-то иное, поскольку он прямо-таки упал рядом с Руджером со словами:

— Есть у народа нашего поэма о битвах с джиннами. Озаботится ли великолепие твое выслушать ее? Ежели найдется тут лютня...

— О джинн, прельщает она меня не больше, нежели поэма о псе, что на улице мочится! Знай же, что еще в замке Каренском развилось презрение во мне ко всякого рода поэзии, ибо посетил нас там зануднейший из поэтов — Медор его звали.

Ши перехватил негодующий взгляд, которым Медор апеллировал к нему из-под своей шайтанской личины, но продолжал расхаживать по шатру, не принимая участия в беседе. На стене висел большой кинжал с вычурной золотой рукоятью. Он прикинул его на руке, взявшись за ножны, и поглядел на затылок Руджера.

— Знай же, о владыка Руджер,— торопливо проговорил обескураженный поэт,— что одной лишь поэзией да песней мир окружающий мы представить можем. Ибо закон это Пророка, имя коего благословенно...

Стальной шишак, торчащий из верхушки чалмы Руджера, означал, что под тканью скрывается нечто вроде шлема. Ударь Ши по этому шлему, рукоять кинжала произведет разве что бесполезный лязг, а Руджер моментально обернется и сграбастает обидчика.

Из Медора изливался бурный поток слов, несший в себе довольно мало смысла.

Ши осторожно наклонился, крепко ухватился за шишак и толкнул его вперед, отчего шлем вместе с напяленной поверх него чалмой съехал на физиономию здоровяка.

— Хо! — глухо выкрикнул Руджер, пытаясь подняться.

Бац! Рукоятка кинжала соприкоснулась с бритой башкой где-то в районе мозжечка. Ши остался стоять с комбинацией из шлема и чалмы в левой руке, а бугай покатился по коврам. Снаружи доносился дружный хор воплей, призывающих на молитву.

По подбородку Медора вдоль левого клыка сбегала струйка слюны, а руки дико тряслись.

— Н-нет... нет справедливости и великодушия, помимо Аллаха! — пробулькал он.— Что же, по рассужденью твоему, предпринять нам следует безопасности ради?

— Оставь-ка это мне, а сам давай пошевеливайся и разыщи побольше таких вот тюрбанов. Я ведь, по-моему, ничему плохому тебя не научил, а?

Медор, хорошо знакомый с лагерным бытом, быстро нашел во внутреннем помещении несколько полос чалмовой ткани, которыми они крепко связали Руджера. Намотали они их столько, что скоро он стал похож на какой-то бесформенный кокон. Дышал он вроде нормально; Ши очень надеялся, что не проломил ему череп. Времени оставалось все меньше и меньше, поскольку совсем скоро снаружи должно было начаться заранее срежиссированное представление.

— О владыка Гарр, без сомненья, не в силах унести мы его отсюда... и как же насчет обличья того ужасающего, что наложил ты на нас?

— Заткнись,— отозвался Ши.— Я думаю.

— Имей мы ныне лишь только волшебный ковер багдадский...

Ши щелкнул пальцами:

— В самую точку! Так и знал, что о чем-то забыл! Так, пойди разыщи какую-нибудь дрянь, которая огня бы давала мало, а дыма побольше, усек? Перо тут какое-нибудь найдется? Да не спорь ты со мной, черт тебя дери! Это очень важно, если ты рассчитываешь опять увидеть Бельфегору.

Когда Медор вернулся из внутренних покоев с несколькими прутиками и плюмажем от разукрашенной чалмы, то обнаружил, что Ши уже с головой погрузился в работу. Специалист по магическим вопросам успел уже изловить пару крупных синих мух, которые гудели вокруг в изобилии, и привязать их петельками к шелковой нитке, вырванной из упаковки Руджера. Другой конец нитки он примотал к бахроме лучшего во всем шатре ковра. Мухи тут же заметались на нитке, как только он ее отпустил.

— Сложи веточки в кучку и разожги,— распорядился Ши, скатывая один из ковров, дабы расчистить пространство.

Пока Медор при помощи кремня, огнива и трута добывал огонь, Ши разделил плюмаж на отдельные перышки и принялся вплетать

их в ковер, надежно ввязывая в бахрому. Снаружи, судя по всему, уже что-то начиналось. Как только вспыхнуло пламя, послышались громкие крики и топот.

Пока ароматические палочки наполняли шатер едким дымом, Ши декламировал только что составленное заклинание:

Будь легок... кха! — ковер, как сухой лепесток,
Как туча, летящая ввысь.
Пускай понесет нас воздушный поток,
Скорей от земли оторвись!
И если шайтаны и силы все зла
За нами... кха-кха-кха! — погонятся вслед,
От них на тебе мы умчим, как стрела,
Ковер, унеси нас от бед!
Кха-кха-кха!

Дым рассеялся. Ковер затрепетал, края его отрывались от земли и похлопывали, в то время как суматоха снаружи все нарастала. Джинн, которым был Медор, протер слезящиеся глаза.

— О шах Гарр,— проговорил он,— далеко не худший это образчик поэтики, хоть и признать следует, что многое потерял ты, на лютне себе не аккомпанируя. А кроме того, подгулял размер у тебя в строке шестой, да и концовка слабовата немного.

— Кончай разводить критику, лучше помоги мне погрузить этого слона на ковер,— перебил его Ши.

Руджера они закатали в один из лежащих на полу ковров, прежде чем поместить его на — как очень надеялся Ши — летающий. Глаза тот уже открыл и поглядывал на них весьма недобро. Лицо его двигалось, насколько позволял кляп,— очевидно, Руджер молился.

Ши откинул полог и выглянул на улицу. В сгустившихся сумерках и впрямь что-то происходило. Обитатели лагеря, вопя на все голоса, метались во всех мыслимых направлениях. Прямо на глазах у Ши огромный квадратный шатер с вымпелом на верхушке съежился и рухнул.

— Садись и держись! — бросил Ши Медору.

Сам он тоже влез на ковер, который, похоже, подавал признаки жизни даже под весом Руджера. Вытянувшись во весь рост, Ши рубанул саблей крышу. Из прорехи показалась густая синева вечернего неба, на которой грустно подмигивала одинокая звезда. Он присел на корточки и проговорил:

И основой, и утком
Взмой над крышей с ветерком...

Чоп! — врезалась чья-то сабля в одну из наружных постромок, растягивающих шатер. Чоп! — лопнула другая постромка.

— Прекрати, во имя Аллаха! — взвыл чей-то голос.

Ши закончил:

Лететь куда удобней,
Чем ковылять пешком!

Шатер рухнул, и сквозь дыру в крыше ковер взмыл вверх, треща бахромой.

13

Какой-то бритоголовый тип и один из подученных Ши диверсантов-перерезателей так оживленно бранились, что даже не заметили воспарившего у них над головами ковра. В оставшемся внизу лагере Аграманта царил полный кавардак: шатры один за другим шатались и опадали. Некоторые были велики, как бродячие цирки, и рушились весьма эффектно. Под опавшей парусиной копошились какие-то бугорчатые объекты, там и сям вспыхивали стычки. Один из шатров, расположенный на склоне холма, рухнул прямо в очаг и ярко полыхнул во мраке. Вокруг забегали крошечные человечки, пытаясь сбить пламя или залить его из смехотворно маленьких бадеек.

Ковер то нырял, то становился на дыбы, безбожно рыская во все стороны. Немного поэкспериментировав, Ши обнаружил, что управлять его движением можно, поднимая или опуская переднюю кромку с той или иной стороны. Правда, дальше выяснилось, что ковер чрезвычайно чувствителен в управлении и следует быть поаккуратней, чтобы он не заложил «мертвую петлю». Во время очередного неожиданного пикирования Руджер чуть не скатился с диковинного летательного аппарата. Медор, хоть ничего и не ел, явно испытывал некоторые трудности с удержанием содержимого своего желудка на надлежащем месте.

— Где это? — крикнул Ши.

Медор показал на один из самых больших шатров, расположенный выше других по склону, над многочисленными конька-ми которого реял целый рой вымпелов. Шатер Дардинеля. Ши потянул за бахрому, и ковер заложил лихой вираж.

Шатер этот представлял собой настоящий маленький городок. По бокам от главного купола раскинулось множество палаток поменьше, соединенных с ним навесами. Между ними виднелась внушительная фигура Дардинеля собственной персоной в окружении группы военачальников на лошадях, которые пытались навести хоть какой-то порядок среди пеших.

— Где гарем? — спросил Ши.

Медор, прикрыв одной рукой клыки, дабы сдержать отрыжку, другой указал на вытянутой формы шатер, пристроенный к основному.

Когда ковер устремился вниз, кто-то из этой компании при звуке голоса Ши поднял голову. Раздался вопль, и вся толпа задрала головы в небо. Мимо просвистел брошенный кем-то дротик. Прежде чем за ним последовали другие, они уже оказались в безопасности над лабиринтом господских шатров и подплывали к крыше гарема. Ши, не без труда управляясь с ковром левой рукой, выхватил саблю и на ходу прорезал в парусине прореху футов в двадцать длиной.

Затем он заложил вираж, облетая вокруг шатра, и вновь подвел его к проделанной дыре.

— Пригнись! — крикнул он Медору.

Тщательно прицелясь, он зарулил в прореху, ставшую еще шире под тягой веревок. Одним из рогов Ши зацепился было за край, но ткань треснула. Они оказались внутри.

В помещении, где они очутились, было полным-полно женщин. Толпились те прямо под ними, так что Ши, перегнувшись через край, вполне мог обменяться рукопожатием с какой-нибудь красоткой. Однако женщины, как видно, не были особо настроены жать его мужественную руку, поскольку они тут же заметались во все стороны, оглушительно визжа: «Джинны! Шайтаны!» Ши еще подлил масла в огонь, перегнувшись вниз и слегка порычав.

Ковер плавно двинулся к ближайшей перегородке и замер, как только передняя бахрома его соприкоснулась с тканью, похлопывая боковыми краями, словно какой-то медлительный морской организм. Ши протянул руку и разрезал полотно из верблюжьей шерсти поперек. Следующая комната оказалась кухней, совершенно пустой, за исключением всевозможной утвари. В помещении за ней не оказалось никого, кроме двух евнухов, забавлявшихся

игрой в кости. Те пронзительно завизжали, а один попытался пролезть под нижним краем шатра наружу.

— Чертов лабиринт,— пробурчал Ши.

Царившая в лагере суматоха была здесь едва слышна, скрадываемая многочисленными слоями толстой ткани. Еще две матерчатые преграды, которые отгораживали совершенно пустые помещения, и их лиц коснулась вечерняя прохлада. Ши мельком увидел промчавшихся мимо двух пеших воинов и всадника, силуэты которых вырисовывались на фоне пожара, что бушевал в отдалении на холме. Он торопливо развернул ковер и вновь взрезал стену шатра. Но они опять угодили в кухню, а от многочисленных прорех вся конструкция, похоже, была готова вот-вот развалиться.

Ши тем не менее нацелился на единственную целую стену кухни. Взмах клинка — и они оказались у цели.

Комната, которую владыка Дардинель использовал для своих чисто приватных развлечений, была буквально доверху набита роскошными шмотками. У самой стены, под драпировками, из которых курился медлительный дымок ладанки, на бесценных коврах раскинулись бесценные подушки, образуя самую безвкусно-шикарную постель, которую Ши когда-либо видел. Посредине ее среди подушек скорчилась связанная фигурка.

Ши попытался остановить ковер, потянув вверх его передний край, но в результате лишь взлетел к потолку, потянул его вниз, но чуть не врезался в пол. Тогда он решил было подхватить девушку на лету, как ковбой-объездчик подхватывает с земли платок, но отказался от этой идеи как от чересчур рискованной. Одна рука требовалась для управления ковром, а от Медора толку не было.

Заложив очередной вираж, он продекламировал:

И основой, и утком
К стенке подлети бочком,
Ради нашей милой дамы
Стой смирно, не вертись волчком!

Ковер резко остановился. До земли было далеко, а времени на то, чтобы в случае чего возиться с растянутой лодыжкой, уже не оставалось. Но Ши тем не менее сполз с ковра, повис во весь рост, вцепившись в его край, и отпустил бахрому. Приземлив-

шись на четвереньки посреди горы подушек, он тут же поднялся на ноги.

Фигура на постели перекатилась на бок и бросила на него неистовый взгляд из-под перепутанной копны седоватых волос, что-то рыча сквозь кляп.

— Ик! — взвизгнул Медор с высоты.— Это же сам эмир! Настал наш последний час! Нет бога, кроме Аллаха!

Это и впрямь оказался эмир Аграмант, Предводитель Правоверных, Защитник Обездоленных, Справедливый и Милосердный Правитель Гишпании,— связанный, спеленутый и заделанный кляпом из собственной чалмы.

— Силы небесные! Опять колдовство! — послышался голос Бельфегоры.

Ши обернулся и увидел, что она уже готова броситься на него с кинжалом.

— Стой! — крикнул он.— Я Гарольд. Не узнаешь?

— Демон рогатый — и лорд Ши? Ну уж нет, хоть и голос...

— Да ладно тебе, говорю, это я. Просто это такая маскировка — волшебная маскировка. А вон тот, на коврике,— это твой приятель Медор. Въезжаешь? Мы тебя спасать приехали.

— Нет, несомненно, подвох здесь кроется некий! Не приближайся, человек ты там или монстр, иначе глотка твоя перерезана будет!

— Медор,— простонал Ши,— она не верит, что мы — это мы. Будь другом, сбацай ей какую-нибудь поэмку!

Судя по выражению лица Медора, муза его находилась далеко не в рабочем состоянии, но он тем не менее храбро откашлялся и заныл:

Я разум в лишеньях утратил почти!
Стоим мы в смятенье — что ждет впереди?
Нигде в том шатре не сыскать нам подмогу,
Лишь Гарр-чародей нам осветит дорогу.
Но ах! Мое сердце теряет терпенье —
В одном лишь Аллахе я вижу спасенье!

— И впрямь начинаю я верить,— проговорила Бельфегора, линии рта которой несколько утратили жесткость.— Поистине голос Медора доносится из-под ужасной этой личины. Каковы же намеренья ваши, друзья?

— Смыться отсюда на ковре-самолете той же дорогой, какой сюда проникли,— отозвался Ши.

Девушка поднялась на цыпочки и попыталась дотянуться до ковра.

— Но как же попасть туда?

— Набрать тюрбанов побольше,— практично ответил Ши.— Где тут они могут быть?

Бельфегора кинулась в угол шатра.

— Вот тут в шкафу...— начала она и, не договорив, распахнула дверцы.

Тот и в самом деле был доверху набит аккуратно сложенной чалмовой тканью. Ши прочными узлами связал между собой три куска и забросил конец самодельного каната к Медору, которому удалось поймать его только со второй попытки. Второй конец он удерживал в руках, пока Бельфегора легко, словно белка, карабкалась вверх. Затем Ши покрепче взялся за узел и полез сам, но едва только он оторвался от земли, как ткань лопнула, и с обмотавшимся вокруг головы канатом он чувствительно ударился задом об пол.

— Эй! — завопил Ши, наступая на эмира и спотыкаясь.

Он увидел, как Медор с бегающими шайтанскими глазками скорчился на краю ковра и что-то бормотал. Ковер затрепетал и, похоже, немного изменил положение.

Ши собрался было произнести еще кое-что, куда более внушительное, но прежде, чем ему удалось подобрать подходящие слова и выражения, Бельфегора перегнулась через край ковра со словами:

— Бросай веревку сюда! — Она ловко поймала самодельный канат, обернула вокруг себя и крикнула: — Влезай, сэр Гарольд!

Ши замешкался, опасаясь сдернуть девушку вниз, поскольку он хоть и не сомневался в ее силе, но весил ни много ни мало сто шестьдесят фунтов. И в этот самый момент полог взлетел вверх и в комнату ворвался отряд евнухов, которые тыкали в него пальцами, визжали и размахивали ятаганами чуть ли не в фут шириной. Довольно неуклюже, но весьма проворно он поднялся по связанному из чалм канату на ковер. Брошенный кем-то кинжал, кувыркаясь, пролетел мимо.

— Возьми себя в руки и не мешай рулить! — рявкнул он на Медора.

Ши отдал команду ковру, и сквозь дыру в стене шатра они выскользнули навстречу сгустившимся сумеркам. Пожар на окраине лагеря все еще горел. Фигуры вокруг него, казалось, исполняли какую-то диковинную пляску.

Ши резко набрал высоту, которая позволяла не опасаться выпущенных из лука стрел, и обернулся к Медору:

— И как прикажешь все это понимать? Удружил, ничего не скажешь!

— Я... я... Но, друг мой Гарр, пусть же хлеба щит и соли отразит меч гнева твоего! Верно же сказано Аль-Гасуном: тот, открыты кому сердца многих, порою собственное сердце открыть не в силах! О несчастнейший я из людей! — Он склонил голову и застучал себя в грудь, сверкая драгоценными браслетами.— Не было у слуги твоего недостойного иной мысли, кроме как что конец каната потерялся, навсегда потерялся, и оплакивать канат сей придется нам до конца дней своих! Но нет спасенья, кроме как от Аллаха, что сохранил тебя, дабы снова стал ты светом очей наших!

— Сволочь ты,— процедил Ши сквозь зубы.— В общем, дело было так: ты рассчитывал меня бросить, самому смыться, а потом все это в поэме описать. Такая была задумка, а?

— Нет, лишь тростник я на ветру твоего гнева, и стеснилась грудь моя, брат мой! — проныл Медор и, взявшись за отворот своего балахона на груди, осторожно его надорвал. (Ши, кстати, заметил, что это место уже не раз зашивали — подобным аргументом, судя по всему, молодой человек пользовался довольно часто.) — Ничто уж не разрубит сей узел, кроме как смерть моя!

По щекам у него скатились две крупные слезы и, поблескивая, повисли на клыках.

Бельфегора обняла его за плечи:

— Не печалься, бедное ты существо! Сэр Гарольд, строго указываю я тебе, что не следует тебе шпынять его, ибо трубадур он, и не считаю я поведением рыцарским грозить тому, кто ни больше ни меньше как поддерживал тебя во всем подвиге твоем!

— Ладно, ладно,— согласился Ши.— Он герой и душка. Просто не понимаю, с чего это мы вообще обеспокоились тебя спасать. Когда мы появились, ты уже там и сама управилась.

На сей раз настала очередь Бельфегоры обижаться, как не без некоторого мстительного удовольствия заметил Ши.

— Фу, как не стыдно! — произнесла она.— Если желаешь ты заколдовать меня чародействами своими в неблагодарнейшую из девок, заберу я назад свою благосклонность!

Ноздри ее затрепетали, и Ши, внезапно почувствовав себя глубоко несчастным, вернулся к навигационным проблемам. Они

совершили самый настоящий подвиг, и у всех должно быть приподнятое настроение, а вместо этого...

Но мгновением позже он уже взял себя в руки и рассудил, что погорячился, обидев Медора, который представлял собой одного из тех шизоидных типов, что совершенно теряются в стрессовых ситуациях в отличие от него, от Ши, мозг которого при подобных обстоятельствах работает как никогда более четко. Вслух он сказал:

— Ладно, ребята, по-моему, для одного вечера ссор уже хватит.— (Конечно, он сознавал, что сам внес в ссору наиболее ощутимую долю, но признание могло подорвать его капитанскую репутацию.) — Ну что, в замок?

— Мой лук,— напомнила Бельфегора.— Без него я беспомощна! Должно быть, на постоялом дворе он остался, где схватили нас. Не окажешь ли такую любезность, сэр Гарольд? — В голосе ее еще ощущалась прохлада.

— Хорошая мысль,— отозвался Ши, слегка подруливая в сторону деревни.— Мне и самому ужас как хочется наподдать этому трактирщику, а теперь у меня и соответствующая экипировка имеется.— Он грозно оскалил клыки.

Девушка позади осторожно переместилась на свободное пространство, усевшись на закатанного в ковер Руджера, в результате чего последовал странный звук, нечто среднее между стоном и рыком. Бельфегора вскочила на ноги, отчего ковер рискованно качнулся.

— Что здесь? Ужель от колдовства твоего ковры не только летают, но и разговаривают?

Ши ухмыльнулся через плечо:

— Это твой старый дружок, Руджер Каренский. Мы везем его обратно к дядюшке.

— Взаправду? — Отогнув в полутьме край ковра, она приглядела, после чего рассмеялась раскатистым серебристым смешком.— Ну развеселил ты меня, сэр Гарольд, и во имя веселья этого восстанавливаю я благосклонность свою к верному моему рыцарю! Не прочь была бы я получить ухо медведища этого в качестве трофея!

Она выхватила свой маленький охотничий ножик, и ковер аж просел, когда Руджер лихорадочно заизвивался в своих пеленках. Ши вмешался:

— Э, э, кончай, подруга. Уже подлетаем.

Селение было уже под ними. Окна постоялого двора светились лимонным светом. Ши облетел строение по периметру, осторожно подвел ковер к одному из окон второго этажа и просунулся внутрь. Постояльцев, судя по всему, не было, только на низком столике теплилась масляная лампа.

— Пока не видать,— сообщил он.— Ты где его оставила?

— По-моему, положила я его на соседнюю кровать, с колчаном вместе.

— Там их нет. Медор, нам с тобой придется устроить небольшой обыск. А ты, красавица, оставайся здесь и присматривай, чтоб ковер не унесло,— не исключено, что нам придется убегать бегом и выскакивать в окно. Его можно двигать, слегка потянув за бахрому вот тут, только зря лучше не трогай. Если Руджер начнет рыпаться, можешь взять сразу *оба* его уха.

Встрял Медор:

— О повелитель мой и брат, не лучше ли мне посидеть здесь, поскольку в случае чего защитить я могу ковер от нападенья? Да и как отличу я один лук от другого?

— Нет! — отрезал Ши.— Пойдешь со мной.

Он осторожно пролез в окно и протянул руку, чтобы помочь Медору. Спальню они обшарили сверху донизу, заглянули под ковры и во все закоулки, но не нашли ни единого предмета, имевшего бы отношение к стрельбе из лука.

— Иншалла! — вздохнул Медор.— Предопределено сие с сотворенья мира, что нам никогда...

Он примолк, поскольку снизу донесся сначала приближающийся топот копыт, а потом какие-то голоса. Ши на цыпочках подкрался к лестнице. Один из голосов как раз говорил:

— Эй, дядя, есть ли в твоем караван-сарае беглецы от правосудия Предводителя Правоверных?

— Да послужит залогом голова моя! — послышался голос трактирщика.— Окажись здесь такие, давно доставил бы я их слугам правителя связанными крепко. Но разве, кроме моего, нету больше дворов постоялых?

Обладатель первого голоса ответил:

— Клянусь Аллахом, стеснены наши души, ибо на поход наш супротив назарян легло чародейство некое! Знай же, что привез владыка Дардинель домой в лагерь девицу с волосами, беду предвещающими, из франков, и девица сия воистину вызвала ревность

сынов сатаны, камнями побитого! С заходом солнца ворвалась в лагерь целая рать неистовых джиннов, каждый выше дерева ростом и с четырьмя медными крыльями, что поопрокидывали наши шатры, будто игрушки детские! Милостью Аллаха лишь немногие сражены были — больше бежало в панике. И прибыли мы позвать обратно тех, кто бежал, иначе пойманы они будут позже и огонь приложен будет к стопам их!

Трактирщик, очевидно, показывал им помещения первого этажа, поскольку голос его пропал, и раздался топот шагов. Но спустя мгновение он прорезался вновь:

— ...покои для ночлега, в коих нет постояльцев.

Медор дернул Ши за руку и бросил умоляющий взгляд в сторону окна. Ши вытащил саблю и, приблизив губы к уху коллеги-джинна, пробурчал:

— Приготовься, после такого рассказа мы этих олухов до смерти перепугаем! Когда я выскочу и заору, делай то же самое.

Он взмахнул клинком. Медор, хотя и несколько неуверенно, вытащил саблю и тоже ею взмахнул. Шаги между тем поднимались уже вверх по лестнице. Ши с диким воплем выскочил в тот самый момент, чтобы нос к носу столкнуться с тремя воинами и семенящим позади трактирщиком.

Должно быть, он и впрямь казался стофутового росту, если смотреть снизу, да еще и Медор сзади испустил истошный вопль, который получился даже еще более леденящим, чем у него самого. Снизу донесся ответный визг вперемешку с лязгом бросаемого в беспорядке оружия и тяжеловесным стуком, топотом и возней. Несколько секунд нижняя часть лестницы представляла собой дикую мешанину из туловищ, голов и конечностей. Наконец воинам не без некоторой борьбы и пинков удалось распутаться и удариться в бегство.

Последним, кто вскочил на ноги, был трактирщик, который, как и все коротышки, сразу оказался затоптанным. Когда грохот копыт уже стихал вдали, он еще в полном обалдении искал выход. Ши увидел, как трактирщик поднял было руки для общепринятого разрывания одежд и приоткрыл рот для визга, но, судя по всему, и моторные, и речевые функции у него в тот момент попросту отказали.

Ши не был в том состоянии, чтобы хладнокровно зарубить этого поганца, поэтому он просто от всей души заехал ему по но-

су левой. Трактирщик тяжко рухнул, словно хряк на бойне, и покатился по полу, закрыв лицо руками в ожидании неминуемой гибели.

— Поищи-ка пока лук, а я этого типа попробую расколоть,— распорядился Ши, пиная трактирщика под ребра.

Медор бочком обогнул его, скосив глаза, будто полагал, что Ши в любой момент начнет разделывать несчастного на котлеты, но тот ограничился тем, что время от времени щекотал предателя острием сабли. Наконец юный сарацин появился вновь, размахивая луком и восклицая:

— Всемогуществом Аллаха он и в самом деле нашелся!

— Ну вот что, дядя, или как тебя там,— внушительно произнес Ши.— Если рассчитываешь пожить чуть подольше, лежи там, где лежишь, покуда медленно не досчитаешь до ста. Потом можешь встать и кому угодно рассказывать, как джинны сохранили тебе жизнь. Пошли, Медор.

Как только ковер возобновил свой немного волнообразный полет, Медор осторожно пролез вперед и похлопал Ши по ноге.

— Знай же, о владыка мой и покровитель,— заметил он,— что деянье сие достойно описанным быть божественнейшими стихами на серебряных скрижалях буквами золотыми! Дано это поэтам, во имя Пророка, благословенно имя которого, знать все, что проистекает в мыслях людских, и имей бы я только лютню, сложил бы стихи я...

— Какая жалость, что ты не захватил лютню,— отозвался Ши.— Но в настоящий момент я больше заинтересован в вычислении кратчайшего курса к Каренскому замку.

Бельфегора указала куда-то рукой:

— Сэр Гарольд, лежит он почти под звездою Льва, вон там. Взгляни на триаду звезд этих ярких — нижняя полюс тебе укажет. А за помощь Медору в поисках оружия моего — премногая благодарность моя. По-рыцарски поступил ты, сопровождая его!

Ши, глянув вниз на изломанную землю, уже сплошь укутанную глубокими тенями, предположил, что делают они где-то от двадцати до тридцати миль в час. Когда раскинувшиеся внизу плоскогорья уступили место массивным горным пикам, пришлось набрать высоту, чтоб не врезаться ненароком в какую-нибудь скалу. Все трое начинали понемногу дрожать в своих легких одеяниях, а у Медора даже застучали зубы. Ши позавидовал упакованному в теплый ковер Руджеру.

Это навело его на мысль. Они, должно быть, уже достаточно удалились от лагеря Аграманта, так что его воинам понадобилось бы несколько дней, чтобы настигнуть их среди этих каменистых отрогов. Тогда почему бы не провести остаток ночи с несколько большим комфортом? Он перевёл ковер в скольжение по направлению к какой-то невысокой скругленной горушке и приземлился, пробормотав при этом заклинание (почти про себя, неслышно для Медора), чтобы ковер оставался на месте.

Когда задняя часть ковра соприкоснулась с камнем, сверток-Руджер опять что-то буркнул. Ши пришло в голову, что нет абсолютно никакой видимой причины, по которой здоровенный мужик должен нежиться в тепле, когда Бельфебе-Бельфегоре предстоит всю ночь мерзнуть. Так что пленника выкатили из ковра, после чего Ши пришел к мысли, что было бы интересно послушать и его комментарии, поэтому вытащил и кляп.

У безупречного кавалера и впрямь было что сказать — начал он с того, что обозвал их отпрысками Мариджа и одноглазых свиней, потом основательно прошелся по их родословным и пригрозил, что дядюшка обязательно упрячет всю троицу в медные кувшины, запечатав печатью Соломона. С чисто академическим интересом Ши следил, как быстро иссякает изливаемый на них поток ругани. Медлительный мозг простака-здоровяка явно поставило в тупик противоречие между обликом джиннов и голосами Ши и Медора.

Поэт потянул Ши за рукав.

— О брат,— заметил он,— не следует ли развязать нам его на ночь, поскольку противоречит это закону Пророка, когда человеку даже облегчиться не позволяют! Как говорит в случаях таких Абу Новас...

— Как говорю в случаях таких я сам, перебьется! — перебил его Ши.— Я вовсе не желаю всю ночь тут прокуковать, охраняя этого громилу, а если он попадет в лапы к Брадаманте, то вообще и думать забудет про твой закон Пророка!

Бельфегора с Медором отошли в сторонку и присели на скалу, негромко беседуя и поглядывая на яркие, казавшиеся совсем близкими звезды. Ши заметил, что рука Медора уже успела обвиться вокруг талии девушки, но решил не вмешиваться, если тот не осмелится на какие-то более серьезные действия. Отломив от росшего поблизости кустика веточку, он прикусил ее зубами и

представил, что это трубка. В памяти его всплыла реклама какой-то марки табака — «Утешение джентльмена».

Утешение! Вот чего ему было сейчас больше всего нужно. Какой вообще толк от всей этой гонки сквозь парад миров, даже не существующих в действительности, где результаты? Что ему и впрямь следовало бы сделать, так это спокойно вернуться обратно в Гарейден, защитить докторскую, стать эдаким светилом от психиатрии, консультировать состоятельных алкоголиков и делать деньги. С деньгами можно заиметь что угодно — даже привязанность. Ему припомнилось, что, согласно накопленным Гарейденским институтом статистическим данным, чуть больше шестидесяти процентов всех женщин способны быть счастливы с любым мужчиной, лишь бы он являлся хорошим добытчиком.

На самом деле, конечно, все далеко не так просто. Эта присутствующая здесь огневолосая ракета в девичьем образе являлась его женой, которая никак не входила в эти самые шестьдесят процентов, и никакой девушке, просто желающей хорошего добытчика, никогда не занять ее места. Как бы там ни было, на нем лежит определенная ответственность. Что бы ни случилось у нее с памятью, она ему жена, и он обещал беречь ее — в частности, и от таких типов, как этот Медор. В историях болезни такое встречалось ему довольно часто: когда женщина ее деятельного типа вдруг ни с того ни с сего влюбляется в подобного смазливого слюнтяя, испытывая к нему чисто материнские чувства, и потом от этого страдает. Правда, в конце концов таких возлюбленных обычно презирают.

Что же делать-то? Убить Медора он не мог однозначно — это уже явно за пределами его собственного «этоса», да и вызвало бы у девушки эффект явно противоположный тому, какой был ему нужен. Это бы навеки зафиксировало в памяти любимый образ как нечто желанное и навсегда потерянное. Да и вообще у него не было никакого желания физически устранять Медора. Этот малый совершенно искренне и открыто признает свою слабость в качестве воина или вообще человека действия, даже не пытается притворяться. Это такая же пародия на сарацинского воина, как если бы кто-то из братьев Маркс попытался сыграть Гамлета. С опытным режиссером...

Вот Чалмерсу такая проблема была бы по зубам. Он-то натура целенаправленная, ему ничего не стоит развалить до основания чужую жизнь, чтобы обломками заделать дыры в своей собственной!

Как бы там ни было, неплохо было бы чуток и поспать. Медор взялся сторожить Руджера первую половину ночи. Ши очень надеялся, что этот идиот все же не отмочит какую-нибудь глупость вроде освобождения безупречного кавалера от пут, и утешал себя мыслью, что, если Медор и поступит подобным образом, Руджер первым делом задаст перцу самому поэту и наделает при этом достаточно шума, чтобы разбудить остальных.

Где-то вдалеке разнесся волчий вой. Все вздрогнули. Первому волку вторил другой. Завывальщики устроили дуэт, обмениваясь все более короткими и частыми воями, потом притихли. В этот самый момент Медор тоже что-то заунывно загундел, по-видимому поэму собственного сочинения.

Счастливчик, подумал Ши, имея в виду волка.

14

— Куда же это мы, к чертовой бабушке, попали? — злился Ши.

Внизу, за краем ковра, по-прежнему не было видно ничего, кроме скалистых горных вершин, поросших соснами склонов и обрывистых ущелий, между которыми то и дело металлически поблескивала поверхность воды.

— Летим уже несколько часов, а все одно и то же. По-моему, нужно остановиться у бензоколонки и спросить.

Бельфеба-Бельфегора слегка нахмурилась:

— Как и прежде бывало, сэр Гарольд, опять не уразумела я как следует, что молвил ты.

— А то и молвил: мы уже битый час летим в никуда, и лично я не отказался бы что-нибудь съесть.

Она посмотрела на него, а потом окинула быстрым взглядом проплывающую внизу землю:

— Дивлюсь я, что так жаждешь ты завершить приключенье наше; но коли так, то как раз пролегает под нами дорога, что, если не ошибаюсь, прямиком в Карену нас выведет.

— У тебя чертовски острое зрение, детка. Где?

Она показала рукой. То была обыкновенная горная тропа вроде тех двух-трех, что уже промелькнули перед их взорами. Тропа круто спадала на дно ущелья, пересекала по цепочке камней ручей и снова влезала на противоположный склон.

Ши заложил вираж и по спирали направил ковер вниз в сторону тропы. Бельфегора углядела на ней четыре какие-то точки, которые по мере приближения превратились в человека, ведущего в поводу трех навьюченных ослов. Ши подрулил к нему и, оказавшись прямо у него над головой, крикнул:

— Эй, алло!

Человек поднял взгляд, и лицо его до неузнаваемости исказилось. Испустив вопль ужаса, он бросился бежать не разбирая дороги. Ослы неуклюже поскакали за ним. Ковер просвистел мимо крутого поворота тропы и накренился, когда Ши развернул его обратно, крикнув девушке:

— Лучше ты с ним поговори!

— Нет, отказаться нам лучше от этой затеи,— отозвалась она.— Столь тяжко напуган он обличьем твоим, что, если приблизишься ты снова к нему, скорее с утеса прыгнет, предпочтя смерть ужасу неизвестности.

— Давай-давай, с нами Аллах! — оживился Медор.— Нет лучше утехи, чем поглядеть на кульбиты купца трусливого!

— Нет, она права,— рассудил Ши, опять набирая высоту.— Но проблема все равно остается. Как бы это с нашими рожами подъехать к кому-нибудь достаточно близко, чтобы задать парочку вопросов?

— А есть ли нужда в расспросах подобных? — возразила Бельфегора.— Уже дала я тебе основное направленье. Нужно лишь выждать ночи, поднять этого скакуна твоего диковинного повыше и парить, высматривая кольцо пламени вокруг замка.

Ши глянул вниз, чтобы убедиться, что следует вдоль дороги.

— Дело не только в том, чтобы найти замок,— пояснил он.— Нужно и тактику правильную выработать. Ведь где-то в округе герцог Астольф со своим чертовым гиппогрифом, а эта наша тряпка летает сравнительно медленно. Мне очень не хотелось бы, чтобы нас колдовством загнали прямиком в это самое пламя — особенно с тобой на борту, детка.

— Тронута я заботою обо мне, милосердный сэр,— заметила девушка,— но требую, чтоб на протяжении всего деянья нашего относился ты ко мне не как к подруге амурной, но как к компаньону полноправному!

Само по себе это заявление было довольно резким, но не показалось ли ему, что тон, которым она его произнесла, резким

совсем не был? Вынести окончательное заключение он не успел, поскольку, перегнувшись через край ковра, углядел в выветрившемся камне на склоне очередной горы нечто вроде пещеры, которая могла оказаться входом в рудник или шахту.

— Попробуем там приземлиться,— объявил он остальным.— Бельфеба... то есть Бельфегора, по-моему, лучше тебе пойти первой и успокоить тех, кто там окажется.

Ковер совершил мягкую посадку перед шахтой, которая при ближайшем рассмотрении оказалась вовсе не шахтой. Как только Ши поднялся, потягивая застоявшиеся мышцы, из низкого входа показался какой-то человек. Был он стар, был он волосат, в грязной коричневой рубахе, подпоясанной обрывком веревки.

Мгновение он изучал непрошеных гостей расширившимися глазами, после чего отступил назад, покрепче утвердил ноги на земле и воздел вверх правую руку, выставив два пальца.

— Во имя святого Антония и Девы Марии,— произнес он, возвысив голос,— сгинь, колдовство проклятое!

Ши почувствовал, что его лицевые мышцы как-то по-новому разгладились. Протянув руку, он обнаружил, что клыки бесследно исчезли. Ши посмотрел на Медора — поэт тоже их лишился.

— Ничего не бойся, отец,— сказал он старику.— Сами-то мы никакие не колдуны, просто нас кто-то заколдовал, и мы немного сбились с пути.

Старик просиял:

— Воистину, воистину, сын мой! Есть множество великих и славных людей породы твоей, что ближе тянутся к Господу, хоть и диковинным порой образом. И все они, заметить я должен, уваженье оказывают отшельнику, который ничего не имеет, помимо бедности своей. Куда изволите направлять вы стопы свои?

— В Каренский замок,— ответил Ши, в голове у которого промелькнула мысль, что даже если перед ними самый святой отшельник во всей Гишпании, своим торжественным заявлением относительно бедности он явно хватил через край.

— Тогда дорога перед вами, дети мои. За следующим перевалом раскинулась долина По, а в ней деревенька с тем же названием, где церковь стоит Святой Марии Египетской, викарий коей — монах августинский. А еще дальше — развилка...

— Угу,— кивнул Ши, поворачиваясь к Бельфегоре.— Это, видать, та самая долина, по которой направился на охоту за Руджером мой напарник — как раз перед тем, как я повстречал тебя

с герцогом Астольфом.— Он снова повернулся к отшельнику: — В этих краях не показывались какие-нибудь христианские рыцари?

Физиономия старика приняла встревоженное выражение.

— Нет, дети мои,— ответствовал он,— не знаюсь я с людьми воинственными и далек от раздоров их. Тщета это и суета, равно как и золото.

Медор потянул Ши за рукав.

— Воистину,— зашептал он,— нет правды в человеке этом, и наверняка видал он больше, чем говорит. Давай-ка расспросим его с большим пристрастием! — С этими словами Медор нежно огладил рукоять своего кинжала.

Уголком глаза Ши заметил, что на лице Бельфегоры при этом отразилось отвращение.

— Не стоит,— сказал он.— Не знаешь ты этих христианских отшельников, Медор. Чем больше на них давишь, тем упрямей они становятся, а потом, это просто некрасиво. Во всяком случае, теперь мы избавились от этих шайтанских масок и запросто можем выяснить все, что нам надо, в любом другом месте. Счастливо оставаться!

Он махнул рукой отшельнику, который опять воздел два пальца и молвил:

— Господь благословит тебя, сын мой!

Троица заняла свои места на ковре, и Ши продекламировал:

И основой, и утком
Взмой над крышей с ветерком!
На башню и на гору
Взлети сию же пору.

Ничего не произошло.

Ши повторил четверостишие, потом попробовал переставить слова. По-прежнему безрезультатно. Отшельник добро улыбнулся.

Девушка сказала:

— Думается мне, что могу объясненье я дать, сэр Гарольд. Монах сей не только благословил нас, но и экзорсизм произнес противу колдовства, так что какой бы силою ни обладал ковер благодаря чародейству твоему, сгинула теперь она и возврата не будет ей. Не первое это чудо, святыми людьми сотворенное, и не последнее.

— Ты что, и вправду святой? — спросил Ши.

Отшельник смиренно сложил руки:

— В скромности своей, сын мой, стараюсь вести я безгрешную жизнь.

— О боже! — простонал Ши.— По-моему, теперь придется тащиться пешком!

Отшельник заметил:

— Куда полезней для души твоей угнетать плоть, тысячу миль прошагав стопами окровавленными, нежели проехать в праздности даже милю.

— Не сомневаюсь,— отозвался Ши.— Но в данный момент есть вещи поважней моей души, и главная из них — вызволить моего хорошего друга из одной передряги.

Говорил он это через плечо, развязывая Руджеру ноги и устраивая из связанных чалм петлю, дабы использовать ее в качестве уздечки.

В этот момент из пещеры донесся ужасающий рев. Ши навострил уши.

— А не найдется ли у тебя, отец, осла?

Смирение старика уступило место беспокойству.

— Не станешь ведь ты отбирать у меня моего верного и единственного товарища?

— Да нет. Я уже сказал — мы люди честные. Просто мне любопытно, не заинтересован ли ты его продать?

С удивительной для его возраста прытью отшельник юркнул в пещеру и тут же появился вместе с ослом — крупным, крепким на вид животным, что здорово помогло бы им в предстоящем переходе. Ши поинтересовался ценой; отшельник ответил, что служение Господу вряд ли совместимо менее чем с пятью византинами — суммой, от которой у Бельфегоры губы сложились в виде буквы «О».

Ши полез было в пояс, но тут же вспомнил, что трактирщик обчистил его дочиста и что он позабыл забрать деньги назад.

— Вот черт,— буркнул он.— Медор, у тебя есть какие-то деньги?

Мавр развел руками:

— О повелитель мой и брат, имей я хоть ломаный грош, он был бы к твоим услугам. Но, увы, признать следует, что деньги мои, без сомненья, остались в шкатулке, в лагере Предводителя Правоверных, благословенно имя которого!

— Хм,— задумался Ши.— Ладно, тогда давай что-нибудь из этих побрякушек.

С этими словами он показал на драгоценные браслеты Медора.

Вид у Медора стал довольно кислым.

— Нельзя умолчать о том, о друг мой Гарр, что камень такой стоит дюжины столь паршивых, костлявых зверей вроде того, что стоит перед нами. Разве не заявил твой имам назарянский, что золото только лишь суета для него?

— Это его проблемы,— откликнулся Ши, делая из ковра седло и укладывая его на спину ослу.

— Посвящено оно будет росту святости,— пообещал в свою очередь отшельник, суетясь вокруг со снятой с пояса веревкой и по собственной инициативе привязывая ее вместо подпруги.

Ши повернулся к Руджеру, который пока не произнес ни слова:

— Порядок, балбес, прокатишься на славу!

Прямое обращение, судя по всему, привело в действие некую скрытую пружину внутри гнезда всевозможных комплексов, служащего громиле в качестве мозга.

— Низкий мошенник! — заорал он.— Да покарает меня Аллах, если я не переломаю тебе все твои кости! Но хотя раз уж честь ты мне оказываешь, предоставляя место удобнейшее, милосердие мое встречное выразится в том, что умрешь ты последним!

— Очень мило с твоей стороны,— отозвался Ши, связывая ноги Руджера под брюхом осла.— Только ты не совсем уловил. Просто из этой позиции тебе не так просто освободиться и напасть на нас.

Они тронулись в путь. Тропа явно не предназначалась для колесного транспорта. Была она так узка, что два человека могли разойтись на ней лишь с большим трудом, и передвигаться таким способом было куда менее удобно, нежели на ковре-самолете. Ши двигался впереди, ведя под уздцы осла. Прошел почти час, когда он поднял руку, чтобы остановить остальных.

— Впереди какие-то люди,— объявил он.

Бельфегора присоединилась к нему, держа наготове лук и стрелы. «Люди» оказались тремя ослами, которые объедали молодые побеги кустарника на склоне утеса, и крепким, потрепанным непогодой дядькой, пристроившимся на отдых в тени. Человек при

их приближении вскочил, схватившись за нож, но немного расслабился, когда Ши произнес:

— Доброе утро, мистер. Как делишки?

— Мир и удача тебе, друг,— отозвался человек.— Не было дел у меня никаких по сию пору, но рассчитываю, что к вечеру много их у меня появится. Чтоб понятней было тебе — спешу я в По, где послезавтра аутодафе свершится над колдуном-нехристем. Занятие это великую жажду обыкновенно вызывает, и есть у меня вино, дабы утолить ее.

Он махнул в сторону ослов, и Ши заметил, что все они навьючены бурдюками, в которых побулькивает некая жидкость.

Ши сразу пришли в голову Вотси с доктором Чалмерсом, и сочетание «колдун-нехристь» ему крайне не понравилось. Но прежде, чем ему удалось продолжить расспросы, Бельфегора взорвалась:

— Ни слова больше! Зри же, Медор, почему так люблю я свободные дикие леса — потому что только люди способны делать такое друг с другом! Эй, ты, есть ли и другие у тебя известия?

— Да какие уж там известия,— откликнулся торговец без тени замешательства,— разве что мелочь мелкая, что послужить может сказкою, когда сказки уж все рассказаны. Будь я духом послабей, сказка сия, без сомненья, была бы куда короче и конец имела бы несчастливый, но...

Бельфегора топнула ножкой.

— А если опустить рассужденья сии — когда шел я дорогою короткой чрез горы из Доредано, напали на меня демоны летучие с рогами и клыками преогромными, насланные, без сомненья, колдуном тем самым, коего вскоре зажарят столь восхитительно. Не отбейся я от них одним-единственным клинком своим, не повстречали бы вы меня здесь и потерял бы я барыш свой. Опасайтесь их в пути! А за что же в полон вы взяли господина этого?

— Возвращаем его даме сердца,— быстро ответил Ши.— Наплодил четверых детишек, а алиментов не платит. Кстати, ей наверняка при этом понадобится телохранитель, который ничего не боится, так что мы тебя порекомендуем. Пока!

Не обращая внимания на гневное рычание Руджера, он двинулся дальше.

На то, чтобы добраться до перевала, ушел целый день. Привалы по просьбе Медора делались все чаще и чаще, а в конце

концов он еще и натер себе водяную мозоль, которой Бельфегоре, к великому негодованию Ши, пришлось заниматься. Она объявила, что рана столь тяжела, что ему следует ехать верхом, отчего на сей раз и впрямь чуть не случилась ссора, поскольку Ши твердил об опасности здоровяка и его умении обращаться с оружием, а девушка с неменьшим пылом расписывала ценность Медора, якобы представлявшего собой равноправную треть их боевой мощи, и доказывала, что в случае чего без него они никак не управятся.

Победила, ясное дело, она. Медор взгромоздился на осла, а Руджеру развязали ноги и набросили на шею скользящую петлю, которую Ши смастерил из тех же чалм, так что при любом неожиданном рывке громила моментально лишился бы воздуха для дыхания. Между обоими воцарилось нечто вроде молчаливого перемирия. Ши заговорил было с ним, но вскоре об этом пожалел, поскольку единственной темой, которую Руджер был склонен обсуждать, являлись проломленные черепа и вырванные кишки. Уже в полном отчаянии Ши повернул разговор на Брадаманту, что недавно уже произвело столь необычайный эффект на здоровяка. Результат и на сей раз превзошел все ожидания. Руджер уткнулся взглядом в землю и хихикнул.

— Как она выглядит? — пытал Ши.— Лично я никогда ее не видел.

В Руджере, видно, происходила какая-то внутренняя борьба. Наконец, не без некоторого усилия, он выдал:

— Нет благоленпя, кроме как в Аллахе и Пророке его! Руки ее — как ясеневые ветви, ягодицы ее — как полные луны. Заключи я только союз с нею, надел бы я доспехи праздничные, чтобы сразить тебя! Однако заметить следует, что смерть твоя не сделает меня хозяином над франкийской наложницей твоей с волосами, беду предвещающими, ибо охотней связался бы я узами брачными с последними дщерьми Иблиса!

Таким образом, в некотором роде они поменялись ролями, и Ши оставил его в относительном покое до тех пор, пока они не одолели перевал и через милю-другую не обнаружили поблизости от ручья место, пригодное для бивака. Еще не совсем стемнело, но Бельфегора заявила, что позже на дичь рассчитывать уже не придется. Поэтому они с Медором отправились на охоту, пока Ши разводил костер.

Где-то через полчаса они вернулись, весело хохоча и неся с собой четырех кроликов. Она еще раз продемонстрировала свое столь памятное ему искусство, ловко освежевав и зажарив их. Ши подумал, что он в жизни не пробовал ничего вкуснее, равно как не видывал ничего уморительней сцены кормления Руджера Медором, пихавшим ему в пасть мясо кусок за куском. Тот заглатывал его с такой неуловимой быстротой, что казалось, будто он пытается откусить кормильцу пальцы.

Подкрепившись, все почувствовали себя получше. Руджер почти перестал доставлять им беспокойство, за исключением разве того, что его пришлось сводить в кустики, а Медор положительно сиял. Он импровизировал комические рифмы; он блестяще пародировал плац-парадные манеры Дардинеля; он великолепно изобразил Атланта в момент сочинения некоего заклятия, включая переполошный испуг сочинителя, когда оно привело не к тем результатам. Дошло до того, что и сам Ши расхохотался весело и беззаботно, после чего Медор внезапно посерьезнел.

— Владыка мой Гарр,— проговорил он,— теперь, когда расширилась грудь твоя, ищу я твоего совета как у старейшины или ученого великого в законах. Согласно блистательнейшей книге Пророка, имя коего милосердие, которая Книгою Коровы именуется, законным признается для мусульманина взять в жены ту женщину, что возжелает он. И говорится также, что одной жены никак не достаточно, а будь их две, ссориться будут они между собой, будь три — две объединятся противу третьей, так что нет иного спокойствия, кроме как в четырех. И все же та женщина, с коей желаю сочетаться я браком, получит меня лишь как одна-единственная жена.

Ши криво улыбнулся. Нашел что у него спрашивать! Однако, подумал он, пусть катится все, как катится, поэтому ответил:

— М-да, случай не из простых. Если ты женишься на ней таким образом, то нарушишь законы своей религии, а если она выйдет за тебя на других условиях, то нарушит законы своей религии, если она вообще верующая. По-моему, вам обоим лучше податься в зороастристы. Такой выход должен быть близок и тебе, и ей.

Вмешалась Бельфегора:

— А кто такие эти зо-ро-астристы? — На последнем слове она малость запнулась.

— О, на мой так вкус, теория у них весьма удобная! Они верят в существование двух совершенно равномочных сил добра и зла — Агурамазды и Ангро-Манью. Сразу снимаются все проблемы, над которыми веками бьются доктора теологии. Ведь если Бог всемогущ, откуда тогда зло?

Девушка сказала:

— Не настолько это...— и тут же примолкла при виде задохнувшегося от ужаса Медора.

Рот его бессильно хлопал, то открываясь, то закрываясь, как у карпа в пруду. Когда он наконец подобрал слова, оказались они следующими:

— В гебры зовешь ты меня?! Стать алхимиком, огню поклоняющимся? Они же каннибалы грязные, что голыми пляшут и плоть человеческую поедают! Ну уж нет, не заключил бы я союза брачного с самой царицею Бриллиантовых Островов, будь у нее даже вся мудрость и все искусство постельное эфиопов, ибо из гебров она! Будь даже она прекраснейшей из женщин смертных на взгляд посторонний, держал бы я ее за грязнейшую из шлюх, что кости глодает крысиные и арапских прислужников нанимает для услады своей!

Бельфегора сделала глубокий вдох.

— Лорд мой Медор,— заметила она,— довольно невежливо сие с твоей стороны! Заклинаю тебя получше все это обдумать, покуда готовим мы ложа свои.— Единственным грациозным движением она оказалась на ногах.— Я — на дерево.

На следующее утро они позавтракали остатками охотничьих трофеев девушки. Медор слегка поворчал насчет отсутствия соли, а Руджер жаловался, что нет имама, дабы назвать точный час молитвы. Ши сказал:

— По-моему, весьма сомнительно, что мы доберемся до замка сегодня, если не разживемся в По лошадьми.

Медор поглядел на девушку:

— Клянусь Аллахом, если мы даже вообще не доберемся до замка, и то это будет слишком рано для меня, если не отыщется там добрый казий со свидетелями, дабы сочетал нас узами брачными!

Ши открыл было рот, но сразу вмешалась девушка.

— Нет-нет, прекрасный Медор,— возразила она,— не планируй наш брак столь поспешно! Ты же знаешь, что по-прежнему связана я обещаньем своим, как и рыцарь любой, и обещала я

сэру Гарольду оставаться с ним до той поры, покуда деянье наше не завершится успехом. Пока существует верность, каждый обязан хранить ее!

Упадок духа у Медора оказался явлением временным. К тому моменту, как они приготовились вновь отправиться в путь, он опять был весел и бодр. Когда Ши подвел Руджера к ослу с намерением повторить вчерашнюю операцию, поэт метнулся вперед и уселся на осла первым.

— Алло! — крикнул Ши.— Твоя очередь была вчера. А теперь давай-ка...

Медор важно поглядел на него с высоты ослиной спины.

— Да сожжет Аллах мою печень, если и сегодня я не поеду на осле! — ответствовал он.— О сын греха...

Шлеп! Дотянуться было трудно, но Ши все-таки достал его правой, и Медор жабой плюхнулся на землю. Приподнявшись на локте, он обалдело поглядел на Ши, который в это время изучал свои занывшие от удара суставы, гадая, что же заставило его выдержку удрать в черт знает какие далекие края.

Когда он поднял взгляд, Бельфегора уже встряла между ними, положив руку на рукоять ножа.

— Де Ши! — проскрежетала она.— Переходит это границы всяческого терпенья. Что за дремучее невежество пейзанское! Больше ты мне не рыцарь, а я тебе не дама, ежели не принесешь ты немедля извинения!

В общем, Медор поехал на осле. Ши, плетясь по грязи и камням и ведя под уздцы Руджера, угрюмо гадал, действительно ли столь ярок свет его жизни.

Придавленные тяжким грузом взаимного несогласия, который держал всех в молчании, они добрались уже почти до самого По, когда перевалило за полдень, и Бельфегора коротко объявила, что если они собираются сегодня есть, то она отправляется на охоту. На сей раз Медор не составил ей компанию. Как только он слез с осла, то тут же прикрыл глаза ладонью и ткнул куда-то рукой.

— Иншалла! — воскликнул он.— Владыка мой Гарр, взгляника скорей на это диво! Дерево сие, без сомненья, персиковое, и, Пророк свидетель, будут у нас сегодня фрукты на сладкое!

Без всяких признаков какой-либо хромоты он куда-то ускакал и через несколько секунд вернулся с полными руками спелых персиков.

В этот момент Гарольду Ши пришла на ум некая идея.

— Посиди и последи за Руджером, пока я их приготовлю,— сказал он.

Медор подозрительно прищурился.

— Ладно-ладно, не волнуйся,— успокоил его Ши.— И вообще, извини, что я тебя утром обидел.

Физиономия поэта расплылась в блаженной улыбке.

— Воистину сказано, повелитель мой Гарр, что франки страшны во гневе, но, если смириться с ними, в дружбе — благородны.

Взявшись за тюрбаны с петлей, он отвел Руджера в сторонку.

Ши снял свой шлем и воткнул его шишаком в землю — получилась превосходная чаша для пунша. Туда полетели четыре персика. На оставшихся Ши вырезал острием ножа буквы «С», «Н» и «О» и расположил их так, как проделал это док Чалмерс, когда столь неожиданно произвел в Царстве Фей шотландское виски. Тогда это было случайностью, твердил себе Ши, но на сей раз, что бы ни вышло, все пойдет в дело. Он склонился над шлемом и, навострив одно ухо в ту сторону, где Медор, довольно вяло придерживая поводок, внимал очередной перегруженной подробностями истории о штурмах и побоях, тихо повторил все, что сумел припомнить из заклинания дока:

Все чаще сквозь пучину дней и лет
Проделки прежние мои смущают мысли,
Все чаще в прошлом я ищу ответ:
Ужель мы выдохлись, обрюзгли и закисли?
Хотя постойте: коль вас скука гложет,
Старинный есть рецепт, как выгнать скуку вон:
Простое колдовство нам в той беде поможет.
Скисайте, персики! И пусть несет урон
Наш главный враг — сухой закон!

На миг его поразило ужасное опасение, что персики просто превратятся в склизкую закисшую массу, но когда он открыл глаза, шлем был уже до краев полон некой золотистой жидкостью, в которой плавали персиковые косточки и съежившаяся кожица. Ши повылавливал отходы и попробовал основной продукт. Оказался он самым настоящим персиковым бренди, с совершенно потрясающим ароматом, и, когда попало оно поглубже в глотку, выяснилось, что и крепость у него из тех, какой редко достигают в его собственном мире,— по оценке Ши, градусов под шестьдесят.

— Эй! — позвал он.— Тащи его сюда, Медор! Я вам тут немного шербета сделал.

Поэт поднялся, волоча за собой пленника. Он наклонился над шлемом и принюхался:

— Клянусь Аллахом, какое прекрасное благоухание, владыка Гарр! Настоящий шах ты среди кулинаров! Но чтоб прекрасней получился шербет сей, остудить его снегом следует.

Медор, опустившись на колени и потянувшись губами к краю шлема, сделал изрядный глоток.

— Аллах! — поперхнулся он.— И взаправду необходим снег, поскольку шербет сей жжет, как огонь. Ежели отравлен он...— Он поглядел на Ши.

— Тогда я тоже отравлюсь! — И Ши сам отхлебнул из шлема. Напиток и впрямь согревал пищевод, опускаясь вниз.

— Дайте, ради Аллаха, и мне немного этого шербета! — взмолился Руджер.

Ши осторожно вытащил шишак из земли и держал шлем перед ним, пока тот делал сначала маленький глоток, а потом довольно основательный.

Когда Руджер оторвался от чаши, Медор сказал:

— О повелитель мой и брат блаженный, для вящей пользы выпил бы я еще шербета твоего франкийского, ибо вечер прохладен, а он так приятно согревает внутри!

Шлем пошел по кругу. Ши не стал себя ограничивать, когда подошла его очередь. Злость на Бельфегору слегка отступила на задний план. Со всем этим будет покончено, как только она осознает, кто она такая на самом деле. А он уж наверняка способен выдумать хоть десять, двадцать, тридцать способов достижения этого желанного результата, надо лишь продумать ряд совсем мелких деталей для завершения общей картины. С этим-то он в любой момент справится, будьте покойны! В то же самое время Медор оказался одним из превосходнейших собеседников, которых он когда-либо встречал, да и Руджер далеко не такая сволочь, когда узнаешь его поближе. Сарацинский паладин поведал им историю своих похождений в Китае, по мотивам которой Медор тут же сплел балладу в каком-то довольно странном размере. Правда, в третьей строке каждого куплета от него упорно ускользала рифма, и Ши его поправлял. В разгар этого совместного поэтического творчества в середину тесного кружка неожиданно вступила Бельфегора, держа в руке двух птиц с черными перьями.

Медор поднял взгляд, и челюсть у него отвалилась.

— Пусть же ифриты перенесут меня в глубочайшие глубины моря, ежели не влюблен я в девицу сию! — завопил он и, сделав суматошную попытку вскочить, тут же рухнул обратно. Исказив от напряжения физиономию, он попытался подняться снова, и это ему удалось. Бельфегора выронила птиц.

— Люблю я тебя за прелесть твою чрезвычайную и красоту превосходную,— пробулькал Медор,— и предоставь ты мне желанье тела своего, как Али бин-Хайят говорит:

Мужчины просят пощады поднятием рук;
Женщины просят пощады, ноги задрав;
До чего же Аллаху угодно занятье сие —
Девицу лобзать, средь подушек распяв!

Он хихикнул прямо в переполненное ужасом лицо девушки, икнул, растопырил руки и набросился на нее.

Шлеп! Медор так и сел.

— Что за дремучее невежество пейзанское! — в полном восторге завопил Ши.

Юный мавр, цепляясь за что попало, поднялся вновь. Красивые черты его до неузнаваемости исказились.

— Клянусь Аллахом! — заорал он.— Ты вонючейшая из обманщиц и грязнейшая из шлюх, что отвергла любовь представителя рода Хасанов ради арапов низкородных! Прощай же! Возвращаюсь я в лагерь, где мальчики есть в тысячу раз прелестней и вернее тебя!

Прежде чем до них окончательно дошел смысл этого заявления, он сделал три неверных шага к ослу, влез ему на спину и, отчаянно колотя его саблей в ножнах, галопом умчался туда, откуда они пришли.

Бельфегора секунду стояла в оцепенении, потом выхватила лук и послала ему вслед стрелу — но слишком поздно.

— Шер Харол,— подал голос Руджер с совиной важностью,— как раш так и молвил я. Эти крашные франкийшкие волошы шулят беду! Лушше утонуть тебе в море, чем оштавить шебе эту налошницу!

Ши не обратил на него внимания и поднес шлем Бельфегоре.

— Давай-ка сделай глоточек,— предложил он.

Она обвела его долгим, неторопливым взглядом и слегка подрагивающими руками приняла шлем. Вскоре дрожь прекратилась.

— Благодарность моя и прощенье тебе, сэр Гарольд,— произнесла она,— ибо чувствую я, что обязана принести его. Это прямо... прямо...

Она словно беспомощно барахталась в попытках уловить что-то давно позабытое и постоянно ускользающее.

Ши проговорил:

— Да-а, не зря латиняне говорили: «In vino veritas...»

— О да. Не насмехайся надо мною; следовало бы мне увидеть его ясными глазами, еще когда собирался бросить он тебя в шатре или подвергнуть мученьям отшельника. Лютня да речи красивые не делают из ничтожества мужчину истинного!

Она присела и прижала ладони к глазам. Ши пристроился рядом и приобнял ее за плечи, но она стряхнула его руку. Откуда-то сзади проквакал Руджер:

— Беги прошь от девки этой дурноприметной!

Ши так и не узнал, плакала она или нет. Сердце его бешено заколотилось, когда он принялся соображать, что же им делать. Теперь он жалел, что слегка перебрал персикового бренди: в голове явно царил полный туман.

Прижатые к глазам ладони опустились, и Бельфегора повернула к нему удрученное лицо.

— Да, ошибка только моею была,— произнесла она бесцветным голосом,— а ты, как рыцарь мой истинный, спас меня от злодея. О-хо-хо! — Она вздохнула и поднялась на ноги.— Уж падает сумрак, и должны мы трапезу завершить поскорее, если желаем завтра поход свой продолжить. Нет, никаких целований рук — чужда я пустых учтивостей!

15

Сквозь утренний свет они направились вниз со склона холма в сторону По.

— По-моему, там можно достать лошадей,— заметил Ши, присматриваясь к рядам соломенных крыш.— Денег ни у кого нет? Я пустой, а Медор с его золотыми браслетами удрал.

Бельфегора рассмеялась:

— И у меня ни гроша. Для тех, кто лесов отпрыски, запрещенная это вещь.

Ши поглядел на Руджера.

— О воин,— молвил паладин,— знай же, что тяжелейшая езда куда лучше легчайшего пешего хода, как Аль-Касаф говорит. А что касается денег, за чем же дело стало? Есть у тебя меч, чтобы отобрать их, и колдовство, чтобы сделать их, как всегда поступает дядюшка мой Атлант, когда деньги ему потребны.

Ши изумленно уставился на Руджера. Похоже, он впервые услышал, что здоровяк выдвигает какую-то идею, и, что более удивительно, довольно здравую. Единственная беда была в том, что он совершенно не представлял, какими чарами можно произвести деньги. Пассы-то ладно — с этим справиться можно... Но вот психосоматический элемент?

Хорошо, по крайней мере попробовать можно. Где-то ярдах в ста от них небольшой ручеек намыл превосходнейшие залежи золотоносного песка. Он накопал пару пригоршней, высыпал в носовой платок и связал его углы. Затем он уложил этот импровизированный кошель на землю и начертил пару переплетенных пентаграмм — вроде тех на дверях кабинета Атланта в Каренском замке. Бельфегора внимательно наблюдала за ним, что его слегка нервировало.

— Отведи этого малого в сторонку и заслони, а? — попросил он.— Не давай ему подсматривать.

А заклинание... ну конечно, старый добрый Киплинг! Он продекламировал:

Воину — железо, деве — серебро,
Бронза — оружейнику, править ремесло.
Песок — тот даже дурню не нужен ни за чем,
Лишь золото червонное властвует над всем!

Платок сразу просел, и под тканью проступили какие-то бугорки. Ши подхватил его и услышал внутри удовлетворительное позвякивание.

— Порядок,— объявил он.— Финансы имеются.

Подходы к По оказались удивительно пустынными. На коричневых и зеленых полях никто не работал, в дверях домов не показывались ни женщины, ни дети. Ши долго гадал, в чем же дело, пока не вспомнил слова торговца про аутодафе. Тут он почувствовал неосознанную нужду поторопиться. Но буквально в этот самый момент до его слуха донеслось какое-то бряканье, и на противоположной стороне улицы он углядел кузнеца, бьющего молотом по выставленной на свежий воздух наковальне.

Ши потащил за собой пленника, и они обменялись приветствиями.

— Куда это все сегодня подевались? — поинтересовался Ши.

Кузнец ткнул за спину большим пальцем.

— Все дальше по дороге, вон там. У святой гробницы,— ответил он коротко.— Монстра жечь будут. У самого времени нету.

Он подбросил в руке молот с ясно написанным на лице желанием, чтобы они поскорее ушли и позволили ему заняться делом. Ши подумал, что баски все-таки удивительно необщительная публика. Тем не менее он попытался еще раз:

— Монстр? Что за монстр?

— Дьявол. На волка похож. В волчью яму попался.

Так и есть, наверняка Вотси. Необходимость спешить стала совершенно определенной. Но и о лошадях забывать не следовало.

— Мы хотим купить лошадей.

Для вящей убедительности он позвенел платком с деньгами.

У глаз кузнеца собрались хитрые морщинки.

— Есть лошади,— подтвердил он.— Пошли, покажу.

— Не думаю, что в этом есть большая нужда. Понимаешь, мы здорово торопимся из-за этого пленника, и барон возместит нам любые затраты, когда мы его приведем.

К хитрости примешалась подозрительность. Кузнец явно не привык иметь дело с клиентами, которые покупают, не спрашивая о цене.

— Десять византинов,— проговорил он ровно.

— Годится,— отозвался Ши.— Веди их сюда поскорей.

Развязав свой платок-кошелек, он извлек из него целую пригоршню ярких золотых кружочков. Но стоило им, однако, коснуться наковальни, как они немедленно превратились в крохотные кучки песка. Кузнец уставился сначала на них, а потом на Ши.

— А это еще что? — вопросил он.

Ши почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Ха-ха, просто шутка,— ответил он донельзя фальшиво и полез в платок, дабы ухватить еще одну пригоршню и вручить кузнецу. Но подозрение уже целиком завладело этим человеком. Каждую монету он бросал на наковальню — вернее, пытался это делать, поскольку едва только металл соприкасался с металлом, как они превращались в щепотки песка.

— Негодяй! Мошенник! Колдун! — взревел кузнец, обеими руками вцепляясь в свой молот.— Сгинь! Сгинь! Сюда, святой отец!

К счастью, он и не подумал броситься в погоню, когда все трое поспешно ударились в бегство. Слишком поздно, уже снова оказавшись на дороге, Ши сообразил, что в оригинальном произведении Киплинга вовсе не золото червонное, а хладное железо объявлялось властителем всему. Вот поэтому-то, конечно, и сел он в лужу со своим заклинанием. Самым неприятным во всей этой истории оказалось то, что, несмотря на поводок на шее, Руджер потихоньку закудахтал.

Ши повернулся к девушке.

— Увы,— объявил он,— с этим ничего не вышло.— Он бросил взгляд на Руджера.— По-моему, у меня друг попал в беду. Тебя не затруднит несколько ускорить дело?

В качестве ответа она впервые по-настоящему ему улыбнулась.

— Вперед! — прикрикнула она, взяв стрелу на изготовку, чтобы погонять Руджера, но тут же приостановилась.— Погоди. Слышишь, кто-то плачет, и не по-рыцарски было бы оставить случай такой в пренебрежении.

Ши обернулся. Спиной к нему и опустив ноги в канаву, что шла вдоль дороги, и впрямь сидела и горько плакала какая-то девушка. Черные волосы ее были аккуратно уложены на затылке, а фигурка говорила о молодости обладательницы и определенным образом располагала к утешительным акциям. Когда все трое остановились рядом, она повернула к ним явно миловидное личико — хотя и залитое слезами, и малость грязноватое.

— Они... они... они хотят убить моего возлюбленного! — выдавила она, прежде чем разразиться очередным потоком рыданий.

Бельфегора произнесла:

— Сэр Гарольд, каковы бы ни были твои намеренья, пред тобою деянье, что затмевает все остальные. Женщина сия, несомненно, несправедливо обижена.

— Несправедливости пока не вижу,— отозвался Ши.— Но посмотрим.— Он обратился к плачущей девушке: — Кто это «они»? Ты имеешь в виду людей, которые устраивают аутодафе над монстром?

— Да! Не большим монстром, чем я. А я монстр разве?

Она развела руками, и Ши заметил, что и без того низкий вырез на ее платье слегка надорван.

— Ну, ну, слезами не починишь лифа порванного! — заметила Бельфегора не без некоторой язвительности.

— Этот... этот священник распял его на кресте, чтобы сжечь! Спасите его!

Ши заколебался, потом поглядел на Бельфегору. Девушка хмурилась, но все же не без строгости сказала:

— Чудится мне, сэр Гарольд, что стенанья сии и плач — это по другу тому, о коем говорил ты.

— Боюсь, что да,— подтвердил он.— Бери... Хотя нет, для лука тебе нужны обе руки, а мне для сабли только одна. Н-но, Руджер!

Он обнажил клинок; девушка, не переставая всхлипывать, старалась не отставать.

Дорога обогнула уступ и полезла вверх по склону холма, откуда стали видны движущиеся на фоне неба фигурки. Один или двое из этих людей обернулись, но, как видно, появление сарацина и рыжеволосой лучницы, ведущих на поводке здоровенного громилу, особого любопытства не вызвало. Поднявшись наверх и протолкавшись вперед, Ши понял почему. Дорога здесь огибала наружный край широкой террасы. Глубоко внутри ее, напротив скалистого утеса, высилось нечто напоминавшее скорее какой-то фаллический символ с нимбом на верхнем конце. Перед этим диковинным сооружением был воздвигнут гигантский погребальный костер из бревен, а вокруг него толпилось около сотни крестьян.

Бревна энергично горели, а в самой середине костра, привязанный к столбу за шею и все четыре лапы, помещался гигантских размеров волчище. Бревна, на которых он был распят, уже превратились в раскаленные угли, языки пламени уже вовсю пожирали связывающие его веревки, но волку все это было хоть бы хны. Единственно, он вывалил наружу язык и пыхтел — да и то, похоже, никак не было связано с происходящим.

Ши внезапно вспомнил, что Атланту пришлось их заколдовать, чтобы провести сквозь стену огня, и чуть было не рассмеялся.

— Здорово, ребята,— поприветствовал он окружающих.

В толпе кругами, словно от брошенного в пруд камня, стали смолкать разговоры. Какой-то тип в перемазанной черной су-

тане, подбрасывающий поленья в середину пламени, повернулся и направился к нему, подслеповато подмигивая.

— Что тут происходит, отец? — спросил Ши.

Священник осенил себя крестным знамением и что-то торопливо забормотал.

— Да ладно вам,— сказал Ши.— Я не сарацин, а потом, я еще и друг отшельника в горах.-- Он указал на пленника: — Видали? Мы поймали Руджера Каренского.

Священник изучил физиономию пленника, чуть ли не тычась в нее носом. Руджер тут же плюнул, но добился лишь того, что на замурзанном балахоне появилось еще одно пятно. Священник неуклюже отскакнул к Ши.

— Почтенный сэр,— проговорил он.— Полагаю я, что весьма могучий ты человек и, видно, христианин добрый. И в могуществе своем наверняка сумеешь ты нам помочь, сэр. Жжем мы здесь несомненного демона из глубочайших глубин преисподней в облике монстра, но хозяин его Вельзевул, повелитель огня, не позволяет ему гореть!

Ши сказал:

— А я далеко не уверен, что такая уж он гадина, как вы тут расписываете. Вам не приходило в голову, что это может быть просто хороший человек под злыми чарами? — Он выступил вперед и возвысил голос, обращаясь к волку: — Ты Вацлав Полячек?

Волк дважды гавкнул и закивал головой, после чего, подняв для большей убедительности одну лапу, напрочь оторвал сгоревшую веревку, которой та была привязана. Раздалось всеобщее «О-о-о!», и толпа отхлынула назад.

— По-моему, док Чалмерс советовал тебе не лезть не в свое дело,— заметил Ши с негодованием.— Можешь вылезти?

— Уау! Уаоау! Уаоаоау! — ответил волк.

— Ладно, погоди минутку, ради бога, пока я не сниму тебя с крючка.— Он повернулся к священнику: — В общем, как я и говорил. Это христианский оруженосец под злыми чарами. А я — Гарольд де Ши.

Для вящей убедительности он по-петушиному выпятил грудь. Священник поглядывал на него с довольно заметным скепсисом.

— Вотси! — крикнул Ши.— Этот малый не верит, что ты добрый. Если веревки уже достаточно прогорели, давай сюда — лизни ему ногу.

— Вр-раз! — взвыл волк и рванулся в своих путах. Те тут же лопнули. Столпившиеся крестьяне испустили дружный визг и бросились врассыпную, когда зверь выскочил из пламени, разбрасывая во все стороны раскаленные угли. Священник остался стоять на месте, но лицо его напряглось, и он принялся лихорадочно перебирать четки. Волк, которым был Полячек, сел и облизал ему башмаки. Через пару мгновений священник опустил руку и робко погладил его по голове, но тут же отпрянул, как только над долиной, в той стороне, откуда они пришли, разнесся призывный звук рога: «Румп-те-умпте-ум-ту-ту!» По крайней мере прозвучало это похоже на рог. Все ноты были одинаковы.

Все вытаращили глаза. На вершине подъема показалась колонна всадников, возглавляемая тремя, которые несли тонкие копья с грязными флажками из крашеной шерсти, слишком тяжелыми для того, чтобы подняться и расправиться при медленной скорости их продвижения. Следом ехал горнист, а за ним — трое рыцарей в полных доспехах, держа на коленях позвякивающие шлемы. Ши узнал графа Роланда д'Англанта и Ринальда Монтальбанского; третий был с более тонкими чертами лица, в плаще поверх кольчуги, разделенном посредине на красное и белое поля и застегнутом в центре огромной золотой пряжкой. Их сопровождало десятка два или даже больше тяжеловооруженных латников в железных шляпах с полями и панцирях из перекрывающих друг друга металлических чешуй. От этого зрелища Ши отвлек как-то странно буркнувший Руджер, у которого, несмотря на то что удавка не была натянута, возникли какие-то трудности с дыханием.

Прятаться уже смысла не было, поэтому Ши нагло выступил на середину дороги и, подняв руку, словно полицейский-регулировщик, выкрикнул:

— Эй, привет!

Загудел рог, и всадники осадили коней. Ринальд воскликнул:

— Ба, да это же рыцарь-чалма! Как там его — сэр Гарольд де... дю Шилль? Ладно, неважно. Привет, прекрасная Бельфегора!

— Смотрите же! — вскричал рыцарь в плаще высоким голосом.— Руджер Каренский, и он связан! Нельзя этого вынести!

Рыцарь спрыгнул на землю, и Ши обнаружил, что «он» на самом-то деле был довольно красивой темноволосой женщиной, ростом и сложением напоминавшей танцовщицу из кордебалета.

Из-за пояса она выхватила кинжал. Руджер, опустив очи долу, явно пытался применить одну из ног с целью проковырять в земле дыру и туда провалиться. Ши вклинился между ними.

— Послушай-ка,— сказал он,— этот парень мой пленник!

Граф Роланд добро поглядел вниз со своей лошади:

— Дама моя и кузина, прекрасная Брадаманта, смирись, ибо все по закону! Этот юный сэр — посвященный рыцарь Гарольд де Ши, и если и держит он лорда Руджера в путах, то по праву честной победы.

— Тогда я вызываю его! — заявила Брадаманта, вытаскивая из-за пояса перчатки.— Ужасная расплата ждет того, кто держит любовь мою душевную в неволе! Лорд Ринальд, прикрой!

— Давай, поруби их на кусочки,— посоветовал Ринальд шершавым голосом.

Тут Роланд соскочил со своего коня, громыхнув, как кухонный шкаф во время землетрясения.

— Тогда должен стать я на его сторону, чтобы по-честному уравнять силы, ибо весьма благороден сей рыцарь и оказал мне большую услугу. Хо, Дюрандаль!

Он воздел было огромный меч с длинной поперечиной, но Бельфегора отступила на пару шагов, выхватила из колчана стрелу и нацелила лук — только не на Брадаманту, а на Руджера. Ши в очередной раз привела в полный восторг способность его жены в любых ситуациях сохранять здравый смысл — хоть он и не был пока окончательно ее собственным. Ринальд помрачнел, но Брадаманта опустила занесенную руку и издала коротенький смешок.

— Ладно, господа,— сказала она,— давайте не будем устраивать раздоров, когда сарацинские стяги не за горами, а разрешим вопрос полюбовным соглашением. Сэр Гарольд, вот тебе рука моя!

Она сунула кинжал на место и протянула руку. Ши подошел ближе и пожал ее.

— О'кей, леди,— отозвался он.— Моя история в том, что этот парень мне нужен для дела. У меня друг застрял в Каренском замке и не может выбраться оттуда, потому что Атлант воздвиг вокруг стену из пламени, и, пока я не доставлю туда Руджера, все так и будет.

— Ах, но...— начала было воительница.— Он мне больше чем друг — он возлюбленный мой! — Она махнула рукой в сторону Руджера, который едва слышно выдохнул: «Аллах!» — Далеко не по-рыцарски это — держать нас вдали друг от друга!

— Но более того,— вмешалась Бельфегора, укладывая на место стрелу и выступая вперед с явным удовольствием от перспективы обсудить юридические тонкости,— будет сие не по-рыцарски, если нарушит он службу сеньору своему, которого держат в неволе!

— Да, но большее стирает меньшее,— возразила Брадаманта.— Доставляя лорда Руджера этому сарацину, сэр Гарольд изменяет службе императору Карлу, который является сеньором для всех нас!

— Только не для меня,— заметил Ши.

Все трое рыцарей аж поперхнулись, а лицо Роланда слегка скривилось.

— Сэр рыцарь,— сказал он,— прекратим сей спор бесполезный. Ты знаешь меня как друга. Готов ли принять ты приговор мой в данной размолвке?

Ши обвел взглядом столпившихся вокруг латников. Может, и впрямь спустить дело на тормозах, тем более что Роланд, как видно, парень неплохой.

— Ладно,— произнес он.— Все, что ты скажешь, меня устроит.

— А тебя, леди моя Брадаманта?

— Также и меня.

— Тогда внимайте же! — Роланд снял с пояса свой большой меч и поцеловал рукоять.— Вот приговор мой, данный по чести, когда святой Микаэль поддерживает нас! Сэр Гарольд отпустить должен лорда Руджера к леди Брадаманте. Но поскольку владеет она кольцом, что спасает от любых чар, обязана дать она клятву спасти сеньора сэра Гарольда от заточения в Каренском замке. Это деянье налагаю я на нее; и никто иной не должен вмешиваться, покуда закончено оно не будет.

Бельфегора захлопала в ладоши.

— О, прекрасно придумано! — воскликнула она.

Лицо Брадаманты тоже выражало удовлетворение. Она отступила к своему коню, вытащила меч, почти такой же большой, как и у Роланда, и преподнесла ему. Он поднес к ней рукоять, которую она поцеловала и подняла руку.

— Клянусь! — объявила она и повернулась к Ши: — А теперь передай мне пленника.

— Что мне полагается делать? — поинтересовался он.

— Вложи его руку в мою.

— Как это так? Он же связан!

— Так развяжи же его, неразумный! — Она топнула ножкой.

Ши как раз далеко не был уверен, что это разумная мысль, но поскольку ни от кого возражений не поступило, обошел вокруг здоровяка, отпустив несколько узлов, а когда Руджер испустил взрывоподобный вздох облегчения, взял его за руку и вложил ее в ладошку Брадаманты.

— Вручаешь ли ты мне все права вести действия боевые и человеком сим распоряжаться? — вопросила она.

— Ясно дело.

— Тогда забираю я его.— Отпустив руку Руджера, она с хорошего маху влепила ему смачную оплеуху.— Пошли, негодяй!

Руджер медленно поднял онемевшую от веревок длань, но вместо того, чтобы врезать ей в ответ, неожиданно захихикал.

— Поедешь с нами в Карену!

Физиономия Руджера вытянулась.

— О повелительница моя, заклинаю, не возвращай меня туда, где дядюшка мой запрет меня в клетку, будто цыпленка!

— Цыц! Разве нет у меня кольца, что защитит от всего, на что он способен? Сэр Гарольд, поскачешь ли ты с нами?

— Конечно,— отозвался Ши и оглянулся вокруг.

Волка, который был Вацлавом Полячеком, нигде не было видно.

16

Ши лихорадочно соображал. На слово Брадаманты, скорее всего, положиться было можно, а если даже и нет, это вовсе не означало какой-то особой и требующей безотлагательного вмешательства опасности для дока и Флоримели. А вот опасность, которая грозила Вацлаву, являлась одновременно и особой, и требующей безотлагательного вмешательства. Если его поймают еще раз, кому-нибудь почти наверняка придет в голову его задушить или применить серебряный клинок вместо огня, который не подействовал. Не исключено, что и его самого схватят за компанию. Он повернулся к остальным.

— По-моему, вы неплохо справитесь в Каренском замке и без нас,— сказал он.— Тут у меня один дружок в затруднении, и боюсь, что мне придется этим заняться. Бель... Бельфегора, я про возлюбленного той девушки. Пойдешь со мной?

Она поднесла два пальца к губам:

— Не входило сие в соглашение наше. Но... Ладно, согласна я. Куда направимся мы?

— Я считаю, что он ищет ту девушку. Может, стоит вернуться туда, где мы ее встретили?

— Уж не думаешь ли ты, что вернется он в деревню, где недавно его пытались сжечь?

— Соображаешь, детка! Вотси малый с прибабахом, это верно, но я думаю, у него хватит ума не лезть напролом.

— Тогда вперед,— сказала девушка.— Немного разбираюсь я в лесных следах.— Она обернулась к паладинам: — Господа, салютую я вам на прощанье. До счастливой встречи!

Латники подняли руки, горнист дунул в свой рог, и все повскакали в седла. Руджеру тоже подвели коня. Ши заметил, что когда они с Брадамантой, взявшись за руки, поскакали в сторону Каренского замка, то дороги особо не разбирали. Интересно, подумалось ему, много ли проку будет от них в деле вызволения дока из замка в их-то состоянии?

Сразу за святой ракой начинался спуск, а за ним — подъем, который образовывал земляной вал, поросший низким кустарником. Позади него начинался настоящий лес. Глаза Бельфегоры охватили его от края до края.

— Вот где пролег его след,— объявила она, указывая рукой.

Ши при всем старании не сумел углядеть ничего даже похожего на след, но, когда он по пятам за девушкой спустился со склона и поднялся на другую сторону, на одном из кустов обнаружилась сломанная ветка, а чуть дальше — отпечаток волчьей лапы, глубоко вмявшейся в мягкую землю.

— Эй,— позвал он,— не быстрей будет срезать вдоль дороги?

Она повернула к нему смеющееся лицо:

— Ну кто же пойдет по дороге, когда можно идти на свободе по лесу? А потом, это в волчьей природе — непредсказуемым быть в намереньях. Доверься мне — настигнем мы его быстрее, следуя непосредственно за ним. Смотри, тут он свернул влево.

Шла она гораздо быстрее, чем Ши мог ожидать. Солнечные лучи косо пробивались сквозь листву, отбрасывая пятнистые тени. То и дело прямо перед ними с веток срывались громко щебечущие птицы. Его сарацинский наряд был не совсем тем, что он выбрал бы для такого случая, но неожиданно он почувствовал себя по-настоящему счастливым.

Бельфегора немного перевела дух, разглядывая какие-то следы рядом с зарослями кустарника.

— Здесь он бросился в сторону, погнавшись за какой-то небольшой добычей,— пояснила она.— Наверное, за кроликом. А тут лег передохнуть после погони. Мы почти у цели — поспешим!

Утомления, видно, она совсем не знала. Именно по его инициативе был устроен первый привал, а потом и другой. По его приблизительным расчетам, ближе к полудню они сделали третью остановку на берегу небольшого ручейка, где напились и поделили пополам одну из птиц, оставшихся от ужина. Девушка внезапно нахмурилась.

— Сэр Гарольд,— проговорила она,— странно это до чрезвычайности, но чудится мне во всем этом нечто знакомое и приятности не лишенное: будто все это сказка, которую уж второй раз как слышишь. Хоть и совершенно уверена я, что никогда еще не бродили мы в лесах диких вдвоем.

— О, да мы...— начал было Ши и тут же замолк. Не было сейчас смысла устраивать встряску, которая могла лишь отторгнуть ее возвращающуюся память.

— Как думаешь, найдем его? — спросил он взамен, быстро переменив тему.

— О да, и очень скоро. Вставай, нам снова пора в путь.

Она вскочила на ноги одним-единственным изящным движением. Волк кружил будь здоров — то ли из-за того, что никак не мог принять решения, то ли попросту заблудился. Еще дважды находили они лежки, где он отдыхал, и вскоре, когда они пересекли еще один ручеек, девушка внезапно указала на что-то рукой. Ши увидел отпечаток лапы, который даже не успел еще заполниться водой. Он остановился, набрал полные легкие воздуху и выкрикнул:

— Вацлав!

Где-то в кустах послышался шум и треск, и из-за дерева рысцой выбежал волк, высунув язык, мотая головой и подскакивая от восторга.

— В чем дело? Потерялся? — строго спросил Ши.

— Аф! — ответил волк.

— Ладно, теперь ты нашелся. Слушай сюда, идиот ты редкостный! Ты нам чуть все не испортил, понял? Так что теперь не отходи ни на шаг и не скрывайся из виду. Я, конечно, неплохо

управляюсь с магией, но не настолько секу в высших областях чародейства, чтобы тебя сразу расколдовать. В общем, придется ждать, пока мы не состыкуемся с доком. Чертовски удачно, что Атлант защитил тебя от огня еще до того, как ты ухитрился превратиться в волка!

Волк сунул хвост между ног и пристыженно подвыл. Ши повернулся к нему спиной и обратился к Бельфегоре:

— Сможешь опять вывести нас на дорогу к Каренскому замку?

— Без сомненья. Пролегла она вон там,— махнула она рукой.— Но неужто находишь ты леса, усладу мою, столь малопривлекательными?

— Да что ты, детка! Но надо сначала дело сделать. Потом, если захочешь, мы можем вернуться и... А-а, ч-черт, ладно, пошли.

Закат застал их все еще под сенью деревьев. Пока Ши разводил костер, волк, в соответствии со строжайшими инструкциями, отправился вместе с Бельфегорой на охоту, чтобы загонять дичь под ее стрелы, а потом приносить. Вернулась она с пятком кроликов, парой перепелов и еще какой-то птицей чуть побольше размерами, заметив:

— Если приключенье наше затянется, придется мне позаботиться о новых стрелах. Вот и на сей раз потерялись еще две, и хоть и владею я искусством стрел изготовленья, для него и инструмент, и выдержанное дерево потребны.

На троих этих охотничьих трофеев должно было хватить с избытком, но волк, хоть и подъел абсолютно все остатки, выглядел по-прежнему голодным. Ши был рад, что при подобном темпе они не ухитрились забраться слишком уж далеко. Кормежка чертовой зверюги окончательно бы их измотала.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, когда они наконец вышли на тропу всего в нескольких сотнях ярдов от той развилки, на которой они с Полячеком разделились и он пошел один. Теперь оставался последний отрезок пути. Волк, который постоянно трусил впереди и то и дело бросался назад, словно находя их шаг невыносимо медленным, внезапно подбежал к ним с крайне расстроенным видом, жалобно скуля и отрывисто подвывая.

— Что стряслось, старина? — поинтересовался Ши.

Волк подпрыгнул, ткнулся носом Ши в ноги и отбежал на несколько шагов в сторону По.

— Хочет, наверное, чтобы мы вернулись и отыскали ту девчушку,— предположил Ши.

Волк еще немного повыл, а потом ухватил его зубами за мешковатые штаны и попытался силой направить его в желаемом направлении.

— Послушай-ка, я не...— начал было Ши, но тут же сам увидел, что хотел сказать ему волк.

Дальше на тропе вздымался столб пыли, внутри которого мерно двигались головы. Бельфегора заслонила глаза от солнца и даже тихонько взвизгнула.

— Сарацины! Проклятые демоны, как же проскользнули они мимо графа Роланда? И смотри — среди них Медор!

— Он, должно быть, ускакал за перевал и перехватил команду, которая была послана за нами, да еще этот проклятый кузнец наверняка навел их на наш след,— отозвался Ши.

Мерно подпрыгивающие в клубах пыли головы задвигались более энергично.

— Они углядели нас! — вскричала Бельфегора.— Скорей на склон! Там они не настигнут нас верхами, а мы укроемся среди деревьев!

Всадники быстро приближались — было их около двадцати. Пронзительные вопли возвестили, что беглецы обнаружены.

Ши со своей спутницей взлетели на вершину склона и углубились в рощицу из низкорослых дубков. Над ней снова нависал осыпающийся глинистый откос, в который они провалились по колено, и каждая попытка продвинуться выше кончалась тем, что они съезжали обратно на то же расстояние. Месили они этот откос совершенно без толку.

А внизу между тем двое всадников уже пробирались между скалами у подножия холма; остальные рассыпались вправо и влево. Над головой у Ши в глину вонзилась стрела. Эх, нашлось бы сейчас какое-нибудь волшебство, что сработало бы быстро и качественно!

— Без толку,— горько объявил он.— Придется оставаться здесь и пробовать отбиться.

Схватив девушку за руку, он сбежал на несколько шагов назад к деревьям.

Столпившиеся у подножия уступа сарацины дико завизжали. Из кривых луков полетели стрелы.

Бельфегора скорчилась под прикрытием скалы и выстрелила из лука в какой-то подкрадывающийся силуэт. Стрела пролетела мимо цели, угодив в камень чуть позади. Следующая поразила лошадь, которая поднялась на дыбы и сбросила всадника. Бельфегора отпрянула, когда в ответ о скалу застучало с полдюжины стрел сразу.

Медор восседал на великолепной белой лошади, предусмотрительно держась подальше. Неясно донесся его голос:

— Старайтесь стрелять так, чтоб не причинить ей вреда! Ее нужно взять живьем! А за голову воина обещаю пять тысяч дирхемов!

Один из сарацинов схватился за грудь и скатился с седла, пронзенный стрелой и заливаясь кровью. Остальные отступили, спешились и, оставив одного-двоих держать лошадей, бросились к подножию холма с саблями и копьями.

Откуда-то из-за скалы выскользнула серая лохматая тень огромных размеров, которая опустилась на спину кого-то из сарацин одним длинным прыжком. Молодчина, Вацлав! Воин упал навзничь, пронзительно визжа, но тут же резко смолк. Тетива Бельфегоры зазвенела, как струна арфы.

Тамп! В траву рухнул еще один из нападавших, ухватившись за живот и скрежеща зубами. Стрела мелькнула над шлемом другого, отскочив в сторону. Тамп! Упал тот, кто лез самым первым,— стрела угодила ему прямо в глаз.

— Алла акбар! — визжал Медор откуда-то снизу.— Десять тысяч дирхемов!

Кто-то из сарацин остановился с торчащей из руки стрелой, но остальные издали нестройный вопль и торопливо полезли, оступаясь и оскальзываясь, сразу со всех сторон, наступая прямо на тех, кого уже настигли стрелы девушки. Волк вцепился крайнему в ногу, и они кубарем покатились с холма. Жертва визжала от ужаса, не в силах воспользоваться клинком. Бельфегора аккуратно пригвоздила человека в шлеме к земле, попав ему прямо в горло.

— Последняя стрела, Гарольд! — крикнула она.

Молодчина, промелькнуло у него в голове, пристроила эту стрелу куда надо, и он выбросил руку в длинном выпаде. Саблеобразный клинок хоть и был крайне неудобен, но угодил прямо в открытый рот оказавшегося перед ним сарацина. Ши париро-

вал удар кинжалом и рубанул сам, но на противнике был шлем, который со звоном принял на себя удар, и клинок Ши обломился у самой рукояти. Однако удар оказался достаточно силен, чтобы сбить сарацина с ног. Покатившись, он опрокинул еще двоих.

Едва только Ши оправился от удара, кто-то метнул остроконечный дротик. Оружие пролетело мимо и, дрожа, застряло в дереве. Ши с Бельфегорой одновременно полезли к нему. Он добрался до него первым, выдернул, переломил о колено и выставил перед собой заостренный конец, словно рапиру.

— Лезь на дерево! — крикнул он девушке.

Сарацины были уже совсем рядом. Ши едва успел обернуться, обмануть ловким финтом ближайшего, увернуться от рубящего удара и сделать выпад. Острие вошло тому точно под подбородок.

Следующий отпрянул, так что выпад Ши немного его не достал. Он отпрыгнул назад, едва отразив встречный удар боком своего импровизированного клинка. Сарацины окружили его, и, поскольку он никак не мог смотреть в три стороны одновременно, необходимость защиты не оставляла надежд даже на очень быстрый укол. От страшного удара по голове все ощущения у него смешались,— к счастью, шлем отвел лезвие в сторону.

И вдруг послышался какой-то звук, от которого в сарацинских рядах разнеслись нестройные вопли,— рев некоего рога, глубокий, полный и резонирующий. Звучал он подобно рогу Хеймдалля, что заставлял трястись ледники и скалы, но этот отличала еще и какая-то дикая, диссонансная пронзительность, от которой по спине у Ши побежали мурашки и заныли зубы. Небывалое ощущение страха и ужаса охватило его, ему захотелось разрыдаться и упасть на колени. Рог прозвучал снова, и сарацины, как горох, посыпались со склона. Крики их перешли в панические всхлипывания. Ши и сам чуть было не бросился вслед за ними.

Через склон проплыла какая-то тень, и, глянув вверх, он увидел парящего на своем гиппогрифе Астольфа. Прорисовавшись на фоне светлого неба, тот еще раз поднес рог к губам и окончательно выдул сарацин из ложбины.

Нет, все же не окончательно. Ши опустил взгляд как раз вовремя, чтобы заметить какого-то низкорослого бородатого типа — должно быть, он был попросту глух, поскольку не выказывал ни единого признака поражения ревом рога,— который стоял на коленях менее чем в двадцати ярдах и натягивал кривой лук. Как только тип отпустил тетиву, Ши почти инстинктивно пригнулся, и стрела пролетела у него над головой.

Жалобный вскрик заставил его обернуться. Оказывается, Бельфегора потянулась за чьей-то брошенной саблей и теперь упала на колени с торчащей из бока стрелой.

Ши кинулся к мусульманскому лучнику, который тут же отбросил лук и выхватил короткий ятаган. Секунды три клинки их мерцали, словно солнечные лучи. Ши парировал очередной удар и вонзил острие дротика в руку противника, где оно застряло между костей. Тот выронил свое оружие и отшатнулся, выдернув дротик у Ши из руки.

Ши подхватил ятаган. Его противник упал на колени и поднял здоровую руку.

— Ради Аллаха! Ужель сразишь ты безоружного?

— Чертовски верно подмечено! — прорычал Ши и так и поступил. Голова сарацина отлетела в сторону и, подскакивая и подпрыгивая, скатилась вниз по склону.

Ши вернулся туда, где среди камней, с бледным лицом и полуприкрытыми глазами, лежала Бельфегора. Он взял ее на руки.

— Гарольд,— прошептала она.

— Да, любимая?

— Кристально все ясно мне теперь. Я Бельфеба Лесная, дочь Крайсогона, а ты — дражайший супруг и возлюбленный мой!

Шок часто оказывает хорошее влияние в случаях амнезии. Но на черта им сдался такой шок? Он судорожно сглотнул.

— Родила бы я тебе сына,— произнесла она едва слышно.— Отважным он был бы, тебе ровня, и счастливым.

— Все не так еще плохо.

— О нет, боюсь я, что так! Ухожу я к Церере и Сильвану. Поцелуй меня, покуда не ушла я.

Он поцеловал ее. Губы ее слабо улыбнулись. Он приложил руку к ее сердцу. Оно еще билось, но очень медленно и неровно.

Она тихонько вздохнула:

— Отважного, тебе ровня...

— Вот те на! — прогремел знакомый голосина. Над ними стоял Астольф, держа в одной руке рог, а в другой уздечку гиппогрифа.— Как, юная леди ранена? Плохо дело. Дай-ка я взгляну.— Он бросил взгляд на торчащую стрелу.— Та-ак, что тут у нас с

пульсом? Хм, пока есть, но боюсь, что ненадолго. Внутреннее кровотечение, черт бы его не видал. А ну-ка быстро, старина, собери веток и травы и разведи костерчик. По-моему, я сумею с этим справиться, только придется действовать быстро.

Ши торопливо сгреб кучку сухого лесного мусора и, отчаянно ругая неуклюжий кремень с кресалом, все же разжег огонь. Астольф щепкой начертил вокруг них огромных размеров пентаграмму и из ветки и пучка травы связал некое подобие стрелы, которое тут же бросил в огонь, бормоча заклинание. Оттуда сразу вырвались клубы дыма, столь густого и едкого, какой в жизни не мог бы образовать такой маленький костер. Бельфебу Ши не видел.

Ши испуганно вздрогнул, когда за границей пентаграммы вдруг увидел висящие в воздухе сами по себе чьи-то глаза. Просто глаза, с черными зрачками. Потом стали появляться другие пары глаз, которые вращались и плавали в воздухе, словно их невидимые обладатели прохаживались взад-вперед.

— Стой, где стоишь! — бросил Астольф в промежутке между заклинаниями.

Руки его были раскинуты, и Ши было видно, как он машет ими в дыму, декламируя что-то на нескольких языках одновременно.

Что-то глубоко внутри самого Ши настойчиво твердило: выходи, выходи, выходи же; это чудесно; мы сделаем тебя великим; выходи; сделай лишь шаг; такого ты еще никогда не видел; пойдем с нами... Мускулы его напрягались, готовые метнуть его в сторону этих глаз. Он уже почти сделал один неверный шаг по направлению к ним, но все же сумел овладеть собой, хотя даже пот застыл у него на лбу при усилии удержаться от следующего шага.

Внезапно огонь потух, дым развеялся, словно всосался в землю, а глаза исчезли. Астольф стоял над кучкой золы. На красивом лице его поблескивали крупные бисеринки пота.

— Ух, запарился я от такой работенки,— заметил он.— Хорошо, что ты не высунул голову за пентаграмму.

Бельфеба села и улыбнулась. Стрела исчезла, и ни следа не осталось там, где она пробила тунику, за исключением разве что большого кровавого пятна на боку.

— Был бы чертовски рад и это тебе исправить,— сказал Астольф,— да только я не очень-то силен в волшебной стирке.

— Лорд мой, сделал ты достаточно и даже более чем достаточно,— произнесла девушка, несколько неуверенно поднимаясь на ноги.— Я...

— Ладно-ладно,— перебил Астольф.— А тебя, сэр Гарольд, гляжу, тоже слегка починить следует?

Только сейчас Ши понял, что и сам ранен. На лице была кровь от удара, который принял на себя шлем, один порез на руке и другой — на бедре. Все это без проблем поддалось магии Астольфа — на сей раз без столь сильнодействующих средств. Как только герцог закончил делать пассы, Бельфеба потянулась к руке Ши:

— Наконец-то невредимы мы и вместе! Простишь ли ты небреженье той, что не знала даже собственных мыслей?

— Послушай-ка, детка, мне обязательно отвечать? — отозвался Ши и взял ее на руки.

Астольф сделал вид, будто его крайне заинтересовало что-то внизу.

17

Через несколько минут Астольф подал голос:

— Если вы оба не против, я бы хотел слегка объясниться. Честно говоря, меня немного удивило, что вы смылись тогда на пару, но...

Бельфеба, весело рассмеявшись, быстро обернулась:

— Герцог Астольф, уразумей же хорошенько, что это мой самый настоящий и любимый супруг! Если бы не та рана, от коей исцелил ты меня столь диковинным образом, никогда не узнала бы я этого, поскольку заколдована я была сэром Ридом.

— Да ну? Рад это слышать. Хорошая штука брак — способствует росту населения. Все могло кончиться гораздо хуже, но он парень крепкий.

Астольф принялся считать:

— ...шесть, семь, восемь. Не хочешь собрать свои стрелы, а, старушка? Вон они — все в сарацинах. И чего я так суетился? Надо было вам их оставить, а то и не подрались как следует.

— Просто они атаковали не с совсем выгодной позиции,— скромно отозвался Ши.— А раз уж с благодарностями за наше спасение, похоже, покончено, может, расскажешь, отчего ты оказался здесь в самый нужный момент?

— Все очень просто,— ответил Астольф.— Я летал на разведку. Аграмант затеял какие-то перемещения, и возьму на себя смелость утверждать, что вскорости последует и битва. Жаль только, что Руджер не за нас. Опасный он тип, перед ним разве что Роланд устоять может. Я слышал, что он все-таки добрался до мусульманского лагеря.

Ши ухмыльнулся:

— Как добрался, так и выбрался. Точно знаю. Это я его забрал. Когда я видел его в последний раз, они с Брадамантой направлялись вызволять моего друга из-под залога.

Астольф выгнул брови:

— Да ну? Чертовски мило с твоей стороны. Баш на баш, выходит? Осмелюсь предположить, что император пожалует тебя титулом. Э, а это еще что за явление?

Явлением оказался Вацлав Полячек в облике волка-оборотня, который только что выпутался из мешанины тел на склоне и теперь медленно поднимался к ним на холм.

— Оборотень, чтоб я так жил! Обалдеть! Не должен иметь вообще никакого отношения к данному временному потоку!

Ши дал необходимые объяснения, и несколькими мастерскими пассами Астольф превратил волка обратно в Вацлава Полячека. Резиновый Чех прочистил глотку.

— Этот последний малый чуть меня не придушил,— пожаловался он,— но я одолел! До сих пор все болит, где эти крестьяне дубинками колотили. Эх, приятель, когда они дали мне прикурить, я и взаправду был рад, что я из тех волков, каких только серебром убить можно!

— Но как тебе удалось принять этот облик? — спросил Астольф.— Я достаточно разбираюсь в волшебстве, чтобы предположить, что оборотничество явно не в твоих привычках.

Полячек смущенно потупился:

— Я... гм... я просто уже по горло насытился пешей ходьбой и решил превратиться в орла, чтоб удобней было высматривать Руджера, да только опять стал волком. Наверное, я где-то напутал.

— Наверное,— согласился Астольф.— А теперь послушай-ка внимательно, молодой человек. Лично я не стал бы пробовать еще раз, окажись я на твоем месте. И ежу понятно, что когда-нибудь ты навеки застрянешь в превращенном состоянии, а это связано с кучей неудобств.

Полячек кивнул:

— Во-во. У меня развилась жуткая тяга к человеческому мясу. Бельфеба-то на дереве была, и достать ее я не мог, а вот ты, Гарольд, просто не представляешь, насколько был близок к тому, чтобы быть съеденным этой ночью.

Ши поперхнулся. Астольф рассмеялся и сказал:

— Ну, ребята, мне уже и впрямь пора лететь. Теперь, когда мы задали перцу разведывательной партии, император наверняка пожелает использовать эту долину для генерального наступления. Чао! Пошли, Лютик.

Он ушел.

— Если мы собираемся ввязываться в еще какие-то битвы, мне нужно хоть как-то вооружиться,— сказал Ши.— Пошли, Вотси, посмотрим, что там можно подобрать.

Они неторопливо двинулись вниз по склону, присматриваясь к различному оружию, в то время как Бельфеба, собрав свои стрелы, пробовала, но тут же выбрасывала те, что использовали сарацины,— все они оказались слишком короткими. У подножия склона девушка прикрыла рукой рот.

— О любовь моя и повелитель,— произнесла она,— весьма одолевает меня усталость, и не сомневаюсь я, что и тебя тоже. Не отдохнуть ли нам немного?

— Давай, но только не здесь — больно уж мертвецов много,— отозвался Ши.

Они двинулись вдоль ложбины, с трудом пробираясь между камнями, пока не добрались до места, где сбоку от деревьев спускался чистый травянистый склон. Там они с наслаждением вытянулись. Полячек заметил:

— Единственно, от чего бы я сейчас не отказался, так это от толстого американского сандвича под стопочку и чашечку кофе. Может поколдуешь, Гарольд?

— Да много ли будет толку? — отозвался Ши, позевывая.— Я так до конца и не разобрался во всем этом магическом бизнесе. Хотел бы я знать, с чего произошла та осечка с джиннами...

Голос его притих. Голова Бельфебы уютно пристроилась у него на локте.

Ему казалось, что он лишь на минуточку прикрыл глаза, но когда он открыл их, рядом вовсю храпел Полячек, а солнце уже закатывалось за горный хребет.

— Эй,— позвал он.— Вставайте, ребята! Кто-то сюда едет.

И в самом деле — разбудил его топот копыт. В глубине ложбины показалось четверо всадников. Когда они приблизились, он узнал Брадаманту, Руджера, Чалмерса и Флоримель. Последняя скакала в дамском седле. Те осадили коней перед троицей на обочине, произошел обмен обычными приветствиями и рукопожатиями.

Ши сказал:

— Я далеко не был уверен, что вы справитесь без посторонней помощи. Как это вам удалось?

Брадаманта ответила:

— Сэр рыцарь, если, конечно, рыцарем ты являешься, знай же, что сила кольца сего против любого колдовства на свете весьма велика есть! И, держа кольцо в устах, а лорда Руджера за руку, простым делом было справиться с чародейством столь ничтожным, как та стена из пламени, и тем же путем спутников твоих вывести за собою. Сдержала ли я обещанье, данное тебе?

— Еще как,— ответил Ши.— Мы в расчете.

— Тогда направляюсь я к северу, к войску императора, вместе с пленником моим и напарником верным.— Она махнула на Руджера, который опять захихикал и заерзал в седле так, что чуть не свалился.

— Ладно,— сказал Ши.— Спасибо вам. Пока!

Он было потянулся, чтобы пожать ей руку, но прежде, чем их ладони успели соприкоснуться, вечернее небо расколола ярчайшая вспышка, и громыхнул гром, отчего высокое дерево на обочине осыпало путешественников настоящим дождем из обгорелых щепок.

Одновременно вздрогнув, они обернулись и увидели Атланта Каренского, который стоял на пне с волшебным жезлом в руке, четко вырисовываясь в сумрачном свете.

— Всем соединиться руками! — быстро распорядился Чалмерс.— Ничего он нам не сделает, пока мы под защитой кольца Брадаманты.

— Проклятые предатели! — завопил колдун-коротышка.— Знайте же, что давно были бы вы уже в тысячу раз хуже, чем просто мертвы, но стоит среди вас несравненный паладин, жемчужина века, племянник мой! Но теперь, когда я достаточно близко, чтобы в точности нацелить мщенье свое, нет у вас больше пути к бегству!

Он направил жезл на Чалмерса и забормотал заклинание. Вокруг его кончика вспыхнуло голубоватое свечение, но ничего не произошло.

— Попробуй с другого ствола,— посоветовал Ши.— С этого мажешь.

Атлант топнул ногой и скорчил рожу.

— Аллах покарает меня, что забыл я совсем про кольцо волшебное! — Он хлопнул себя по голове.— Воистину сказано — не бывает победы без горечи пораженья! — Он принялся рисовать в воздухе какие-то силуэты.— Сойдете с этого места — сразу получите награду за измену свою!

— Как следует держите меня за руку, Гарольд,— сказал Чалмерс, нагибаясь и свободной рукой очерчивая на земле вокруг компании круг. Добавив несколько геометрических элементов, он получил законченную пентаграмму, декламируя при этом свое собственное заклинание.

— Готово,— объявил он, отпуская руку Ши.— Мы в безопасности от него на сколь угодно долгое время, хотя, похоже, мы в осаде. Что это там еще?

Атлант опять нацелился своей палочкой, и все ощутили, как в воздухе мимо них что-то пронеслось, а скалу на противоположной стороне дороги расколола яркая вспышка. Бельфеба натянула тетиву.

— Не уверен, что это нам что-либо даст, юная леди,— заметил Чалмерс.— Боюсь, Гарольд, что этот джентльмен куда более квалифицированный чародей, чем я сам, и максимум, на что в настоящий момент приходится рассчитывать,— это самая необходимая оборона.

— Может, я попробую? — встрял Полячек.

— Нет! — хором воскликнули Ши с Чалмерсом.

Доктор продолжил:

— Однако, Гарольд, нельзя не признать, что поэтическим элементом чар вы владеете блестяще. Если бы нам удалось объединить усилия, мы вполне могли бы достигнуть приемлемого результата.

— Не уверен, док,— отозвался Ши.— Попробовать-то можно, только мои заклинания в этом мире почему-то все невпопад срабатывают.

Он рассказал, как у него выросла борода и что вышло с обликом джиннов. За границами пентаграммы солнце уже скрыва-

лось за горными вершинами. Среди удлинившихся теней лихорадочно колдовал Атлант, из-под жезла которого среди скал возник уже целый рой отвратительнейших тварей. Очевидно, он всерьез намеревался устроить самую настоящую осаду.

— Господи, ничего не понимаю,— всплеснул руками Чалмерс.— Гарольд, вы уверены, что правильно делали пассы? Хм-м... а на какой основе строился поэтический элемент?

Ши описал, как использовал переделанные отрывки из Шекспира и Суинберна.

— Ну, это уже легче! Объяснить такое нетрудно. Как и все полумусульманские миры, данный отличается чрезвычайной поэтичностью, и, когда вы привлекаете высоковдохновенные произведения, эффект вполне может в чем-то выходить за рамки обычных расчетов. По-моему, здесь кроется и выход из сложившейся ситуации. А вы не помните, случайно, несколько классических строк, связанных с движением или прогрессом?

— Может, Шелли сойдет? — предложил Ши.

— По-моему, вполне. Готовы? Тогда попробуйте сочетать ритм декламации с моими движениями.

Он принялся делать пассы, а Ши — декламировать:

Вскормлены мои кони грозою,
Вспоены гребнем бурной волны,
Лишь восток заалеет зарею —
Обретут свою резвость они.
Воспарите, сыны океана!

Эффект это произвело довольно неожиданный. Четверка коней, на которых прибыла компания из Карены, подскочила прямо в воздух, словно на пружинах, и, прежде чем кто-либо успел остановить их, вихрем налетела на коллекцию монстров Атланта. Те раскатились было по сторонам, но явно с недостаточным проворством, чтобы уберечься от ударов летящих копыт, которые давили их, словно спелые помидоры. Руджер покатился со смеху; вид у Чалмерса был малость обескураженный.

— Честно признаться...— начал было он и тут же примолк, глядя вверх.

На фоне блекнущего вечернего неба шел на посадку герцог Астольф на своем гиппогрифе.

Он обратился к Ши:

— Звал меня, старина? Надеюсь, у тебя что-то действительно важное. Заклинаньице твое с сынами океана, конечно, оторви да выброс, но, как истый англичанин, я не устоял. А-а, все ясно: суть проблемы в нашем старом дружке Атланте!

Содержатель Каренского замка недовольно скривился из-за пределов пентаграммы:

— О благородные и могущественные владыки, нет теперь вам иного выхода, кроме как отпустить ко мне любимого моего племянника, жемчужину ислама. Ибо знайте же, что обладаю я куда большим могуществом, нежели все франкийские колдуны, вместе взятые, за исключеньем разве одного Маладжиджи, да и тот в темнице по-прежнему.

Астольф склонил голову набок.

— И впрямь,— заметил он.— А ты хочешь, чтоб тебя отпустили, Руджер?

У жемчужины ислама в очередной раз возникли какие-то трудности с дыханием.

— Нет, клянусь Аллахом! — выдавил он наконец.

Астольф повернулся к чародею:

— Давай-ка вот что сделаем, старина,— предлагаю тебе спортивное решение проблемы. По-моему, присутствующие здесь друзья сэра Гарольда очень желают превратить эту леди в настоящее человеческое существо. Давай посмотрим, у кого это лучше получится. Победитель получает все, включая Руджера.

— Аллах свидетель, какой-то это франкийский трюк! — воскликнул Атлант.

— Дело твое, старина. Ты же знаешь, я ведь запросто могу всю эту компанию на Лютике увезти.— Астольф почесал гиппогрифа за ухом.

Волшебник воздел руки к небесам.

— До чего же надоели мне эти сыновья сатаны! — взвыл он.— Ладно, принимаю я предложенье твое!

Они с Астольфом принялись торопливо делать пассы. Герцог внезапно исчез, а вокруг пентаграммы в воздухе возник туман, который становился все гуще и гуще, пока зрители окончательно не потеряли друг друга из виду. Воздух наполнили какие-то шорохи.

Потом туман рассеялся и пропал. Флоримель исчезла из своей пентаграммы и возникла в той, что нарисовал Атлант. Тот начал:

— Смотрите же!..— но тут же примолк, поскольку Астольф появился снова — вместе с каким-то человеком, таким же высоким,

как и он сам, человеком с длинной, аккуратно расчесанной седой бородой и гривой седых же волос. Одет тот был с внушающей почтение строгостью в визитку, брюки в тонкую полоску и гетры. Сверкающий цилиндр был щегольски заломлен под строго установленным этикетом углом; из петлицы выглядывала розовая гвоздика.

— Разрешите мне,— внушительно начал Астольф,— представить вам достопочтенного Амвросия Сильвестра Мерлина, си-эм-джи, си-эс-ай, ди-эм-ди, эф-си-си, эф-ар-джи-эс, эф-эс-эй и еще куча такого в этом духе.

Глубоким, напоминающим звук колокола голосом Мерлин произнес:

— Эта девушка — явно подделка вполне определенного рода, просто фокус. Сейчас я верну вам настоящую.

Из внутреннего кармана он выхватил волшебную палочку, начертил свою собственную пентаграмму и принялся колдовать. Опять сгустился туман, на сей раз переливающийся крохотными огоньками.

Минут через пять он растаял, и девушек оказалось уже две, абсолютно одинаковых во внешности, одежде и даже позе.

Мерлин спокойно сунул палочку обратно в глубины визитки и подступил к ближайшей Флоримели.

— Вот это и есть настоящая — моя. Разве нет, дорогая?

С этими словами он вежливо приподнял свой цилиндр.

— О да, добрый сэр! — Та даже взвизгнула от удовольствия.— И впрямь чувствую я, что кровь, а не снег течет в моих жилах!

Мерлин вытянул палец. На конце его возник желтый язычок пламени, ослепительно яркий в сумерках. Он взял Флоримель за руку и быстро провел по ней пламенем.

— Взгляните. Никакой иной реакции, кроме как у любой нормальной персоны.— Он задул пламя.— Ну-с, мне пора, Астольф. Извини — нумизматическая выставка в Фидиас-клубе.

— Тысяча благодарностей, старина,— отозвался Астольф.

Мерлин исчез.

— Проклятое отродье! — завопил Атлант.— Здесь, здесь стоит истинная Флоримель!

Ши заметил, что Чалмерс делает какие-то пассы. Другая Флоримель — та, что в пентаграмме Атланта,— моргнула раз или два, словно только пробуждаясь, и превратилась в девушку-крестьянку, которую Ши повстречал плачущей на обочине дороги в По. Полячек булькнул.

— Эй, Касси! — возопил он.

Девушка подняла взгляд и тут же бросилась к нему, всхлипывая:

— Ах ты, волчонок ты мой!

— По-моему, все и так ясно,— объявил Астольф.— Пошли, Руджер.

— Нет! — взвизгнул Атлант.— Пусть волосы мои превратятся в скорпионов, если я допущу это!

— Ты же сам знаешь, что дело сделано,— отозвался герцог невозмутимо.— Этих людей твои чары уже не удержат. Законы магии, понимаешь ли: ты заключил соглашение и никакое колдовство уже не спасет тебя от его исполнения.

— Клянусь семью отпрысками сатаны, сэр герцог,— между нами не было соглашения, что я не имею права заполучить твою голову! — проскрежетал Атлант и поднял свой жезл, начиная опять что-то наколдовывать. Так же поступил и Астольф.

Ши тронул Чалмерса за плечо.

— Давайте-ка сваливать отсюда,— сказал он.— По-моему, сейчас начнется фейерверк.

Трое психологов со своими дамами повернулись к диспутантам спиной и сквозь притихшие сумерки резво устремились в сторону По. Не прошли они и полусотни шагов, как что-то оглушительно треснуло, словно пушечный выстрел, и местность озарила синяя электрическая вспышка. Один из чародеев метнул в другого молнию.

— Скорей! — поторопил Чалмерс.

Они бросились бегом. Один треск следовал за другим, сливаясь в ужасающей силы гром. Земля под ними начала сотрясаться. Со склона холма сорвался валун и, подскакивая, пронесся мимо них.

На бегу они то и дело оглядывались через плечо. Бок холма накрыла огромная клубящаяся грозовая туча, освещенная снизу непрестанными вспышками, и под ней уже занимался лесной пожар. Кусок горы отвалился и заскользил вниз. Сквозь повторяющиеся раскаты грома они услышали пронзительный сигнал рога Астольфа.

— Минуточку! — взмолился Чалмерс, замедляя темп.— Я... э-э... определенно ощущаю, что необходимо пройти еще не-

сколько курсов омоложения, прежде чем позволять себе подобные атлетические упражнения! Должен заметить, Гарольд, что я, по-моему, выявил причину, по которой Атлант был столь озабочен удержать нас подольше. Очевидно, он пока не раскрыл секрета межмировой транспортации, как бы ни был сведущ в остальном.

— Зуб даю, теперь он в жизни его не раскроет,— заметил Ши несколько мстительным тоном, оглядываясь назад — туда, где битва между двумя чародеями уже развилась до масштабов самого настоящего торнадо.

— Похоже на то,— отозвался Чалмерс.

— Послушайте-ка, вы оба,— вмешался Полячек.— Пока вы тут обсуждаете эти важные темы, что там с Уолтером?

— Черт побери! — присвистнул Ши.— Он же все еще там, в Занаду, и целую неделю питается медом, которого терпеть не может!

По физиономии Резинового Чеха медленно расплылась ухмылка.

— Думаешь, это все? — заметил он.— Вспомни-ка, сколько мы пробыли в Занаду? Несколько часов, хотя не могло же доку понадобиться больше чем несколько минут, чтобы определить свою ошибку!

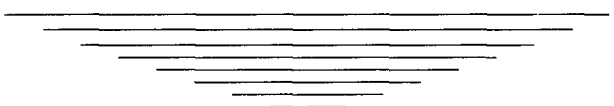
— О господи! — простонал Чалмерс.— Тогда Уолтер проторчал там месяц, а то и больше! Я должен обязательно заняться этой проблемой.

— И еще мне интересно,— сказал Ши,— как мы собираемся возвращать того фараона в Огайо. Но лично я нисколько не собираюсь терять сон по этой причине!

Он покрепче стиснул руку Бельфебы.

Стена змей

1

Разложенные аккуратными стопками письма покоились на столике в передней.

— Мистер Дамброт приглашает пятнадцатого на коктейль,— зачитывала Бельфеба.— Пятнадцатое — это ведь вроде вторник?.. А вот записка от служанки, горемыки нашей. Моррисоны устраивают в воскресенье вечеринку на лужайке и желание изъявляют нас видеть. Сие же послание, судя по всему, персонально тебе адресовано: некий Маккарти, прослушавши лекции твои в прошлом семестре, жаждет ведать, когда с тобою можно созвониться и потолковать насчет какой-то пс... псионики.

— Этого еще только не хватало,— буркнул Гарольд Ши. Откинув назад длинные черные волосы, он потер свой длинный нос.

— А вот еще: не соблаговолим ли мы пять долларов перевести на счет...

— Да пошли они все куда подальше! — взорвался Ши.

Она удивленно склонила голову набок, оглядывая его из-под выгнутых бровей. Ему пришло в голову, насколько она все-таки красива и насколько быстро адаптировалась к его собственному пространственно-временному континууму с той поры, как он перенес ее сюда из «Царства Фей», а позже вызволил из мира «Неистового Роланда», куда его коллега Чалмерс по ошибке ее забросил, пытаясь на деле вызвать самого Ши, дабы тот помог ему выпутаться из одной истории сугубо личного характера.

© Перевод А. Лисочкина.

— Возлюбленный господин мой,— произнесла она,— решительно против я представлений твоих об этикете да учтивости! Когда кознями коварными да речами льстивыми склонил ты меня сочетаться брачными узами, божился и клялся ты, что жизнь моя ни более ни менее как истинным раем будет!

Он ловко обнял ее и поцеловал, прежде чем она сумела увернуться.

— Жить с тобой — и так что жить в раю. Но вечеринки на лужайках! Приюты для бездомных пуделей, пять долларов!

Бельфеба рассмеялась.

— Моррисоны — народ чинный. Подадут лимонад и крошечные бутерброды. А после, наперед я знаю, сядем мы шарады разгадывать. Это тебе не мавры свирепые — никаких погонь да потасовок не предвидится!

Ши взял ее за плечи и пристально вгляделся в наивно распахнутые глаза. За всей этой святой простотой явственно таилось лукавство.

— Если бы я не знал тебя получше, детка, то подумал бы, будто ты пытаешься склонить меня как-нибудь от всего этого отвертеться — но так, чтобы решение исходило от меня. Чисто по-женски!

— Дражайший повелитель мой! Всего лишь покорная я жена, что с восторгом воле супруга своего следует!

— ...Когда эта воля полностью совпадает с твоей. Хорошо. Огайо тебя достал. Но не хочешь же ты вернуться в эту консервную банку, Каренский замок, и опять якшаться со всей тамошней шайкой? Тем более что мы до сих пор не знаем, кто же выиграл ту магическую дуэль — Атлант или Астольф.

— И верно, не хочу. Но послушай-ка, сэр, давай вместе над всем этим поразмыслим.— Она проследовала в гостиную и села.— По правде говоря, хоть и вернулись мы совсем недавно, и хоть в Огайо твоем и впрямь мир и добрый порядок царят, по-моему, не совсем обдуманно пообещали мы друг другу не шататься более по мирам удаленным!

— Ты хочешь сказать, что миром и добрым порядком ты уже сыта по горло? — ответил Ши.— Хотя вряд ли могу тебя в этом упрекнуть. Я и сам такой. Док Чалмерс постоянно твердил, что мне следовало бы пойти в политики или солдаты удачи, а не в психологи, и черт меня побери, если...

— Клоню я не только к этому,— сказала она.— Есть ли у тебя какие-либо вести от друзей твоих, что недавно были с нами?

— Сегодня еще не проверял, но вчера, по крайней мере, никого из них еще дома не было.

Вид у нее был встревоженный. Во время их вторжения в континуум эпической поэмы Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд» они оставили разбросанными по разным мирам ни много ни мало четверых — причем не только коллег, но и ни в чем не повинных случайных попутчиков.

— С нашего возвращения ровно неделя минула!

— Да,— сказал Ши.— Дока Чалмерса и Вацлава Полячека лично я не стал бы винить, что они остались в мире «Неистового Роланда»,— думаю, они там очень неплохо проводят время. Но Уолтер Байярд с полицейским Питом, насколько мне известно, застряли в Занаду Колриджа, и тут-то я как раз далеко не уверен, что они так уж хорошо проводят время. Док собирался отправить их назад, но либо не сумел, либо просто забыл.

— Ужель их не станут искать, если они так и не явятся? Ты же мне сам рассказывал, как на тебя насела полиция, когда угодила я в замок Каренский! — заметила Бельфеба.

— Станут. Тем более что один из них и сам полицейский. В этих краях мира и доброго порядка на какого-то там профессора всем начхать, но из-за полицейского обязательно поднимут бучу.

Она опустила взгляд и провела рукой по краю дивана.

— Я так боюсь... Гарольд.

— В чем дело, детка?

— Есть у нас, жителей лесных, такое чутье, кое вам, городским, недоступно. Когда вышла я сегодня из дому, кто-то постоянно за мною следовал — то там, то тут, да так ловко, что не сумела я вызнать, ни кто это был, ни кою цель преследовал.

Ши вскочил.

— Вот сволочи! Да я их...

— Нет, Гарольд! Не теряй головы. Почему бы тебе попросту не отправиться к ним и всю правду не поведать?

— Они наверняка поверят мне не больше, чем в прошлый раз. А если вдруг и поверят, то как бы народ в массовом порядке не повалил в иные пространственно-временные континуумы. Нет уж, спасибо! Даже док Чалмерс до сих пор не выработал всех правил и закономерностей перемещения, и все это столь же опас-

но, как если бы атомные бомбы продавались в любом супермаркете.

Бельфеба подперла рукой подбородок.

— О да. И впрямь я припоминаю, как покинули мы без возврата родное мое Царство Фей, невзирая на логику твою формальную, коя все представления наши о мире реальном, разумом данные, подменяет столь ловко. И все ж обстановка нынешняя тоже мало меня прельщает.

(Тут она ссылалась на последнее отчаянное заклятие Ши во время его конфликта с чародеем Долоном. Долону пришел конец, но Ши выработал такой магический потенциал, что его немедленно выбросило обратно в собственный мир, а Бельфебу утащило следом.)

Брови Бельфебы поползли вверх.

— Не видывала я тебя еще в состоянии столь беспомощном! Или же просто не желаешь ты двигаться с места насиженного? Ба! А как тебе такое решение: мир некий, который мы посетить могли бы и где бы столь сильное волшебство сыскалось, чтоб одолело то и Занаду? Таким образом, атакуем мы твердыню беды нашей с флангов — вместо того чтобы прямым приступом ее брать.

Ши заметил, что она подала вопрос о собственном участии в подобной экспедиции как дело решенное, однако был уже достаточно долго женат, чтобы проявить осмотрительность и не делать окончательных выводов.

— Что ж, а это идея! Хм-м, может, Британия короля Артура? Нет — все тамошние волшебники не стоят и выеденного яйца, не считая разве что Блейса и Мерлина. Блейс стар и немощен, а Мерлина мы можем попросту не застать на месте, поскольку большую часть времени он проводит в нашем собственном мире.

(Мерлин ненадолго показался в заключительной сцене их похождений в континууме «Неистового Роланда».)

— В «Илиаде» и «Одиссее» нет ни единого стоящего профессионала — не считая разве Цирцеи, а этой тетке палец в рот не клади. Сильно сомневаюсь, что она возьмется кому-либо из нас помогать. О волшебниках из «Зигфрида» или «Беовульфа» и вовсе говорить нечего... Постой-постой, кажется, придумал! «Калевала»!

— Что сие значит?

— Финский эпос. Практически все важные шишки в нем — и волшебники, и поэты одновременно. От Вяйнямёйнена наверняка будет прок: «Старый, верный Вяйнямёйнен...» У этого парня сердце, как воздушный шар! Но если мы остановимся именно на этом континууме, надо как следует экипироваться. Мне понадобится меч, а ты возьми нож и хороший лук. Неизвестно, чем там обернется дело.

Бельфеба расцвела.

— Тот чудесный лук из магниевого сплава, с прицелом, из коего стреляла я на чемпионате Огайо?

— Н-нет, не думаю. Сомневаюсь, что в тамошнем континууме он будет работать. Наверняка или сломается, или порвется, или еще чего. Лучше возьми старый деревянный. И стрелы тоже деревянные. Никаких современных механических штучек, по которым ты с ума сходишь!

— Если эта Финляндия расположена там, где мне представляется, разве не царит там холод, до костей пронизывающий? — спросила она.

— Еще как царит! Это тебе не вечное лето, как у тебя на родине. Лично у меня подходящих северных шмоток полно, а тебе я составлю список. Первым делом — теплые штаны с сапогами.

— А что это вообще за край?

— Насколько я могу себе представить — сплошь огромное и пустынное арктическое болото. Плоская равнина, заросшая густым лесом, с разбросанными там и сям крошечными озерами.

— Тогда,— сказала она,— сапоги нам потребны резиновые.

Ши покачал головой:

— Не пойдет. По той же причине, по которой тебе не следует брать тот чудесный магииевый лук. В данной мысленной структурной модели нет никакой резины. Я уже раз допустил подобную ошибку среди норвежских богов, и мне чуть уши за нее не оборвали.

— Но...

— Послушай, поверь мне на слово. Кожаные сапоги, на шнуровке, как следует смазанные. Шерстяные рубахи, кожаные куртки, перчатки... а ты лучше прихвати пару тех варежек, у которых один палец свободный. Когда прибудем на место, разживемся и какой-нибудь местной одежонкой. Держи список... ах да, еще шерстяное белье. И не гони, ясно?

Он глянул на нее со всей возможной строгостью. Бельфеба обычно вела себя за рулем принадлежащего ему «шевроле», как пилот реактивного истребителя.

— О, буду я образчиком осмотрительности!

Она переминалась с ноги на ногу.

— А пока тебя не будет,— продолжал он,— я разыщу карточки с символами и смажу наш силлогизмобиль.

Когда два часа спустя Бельфеба вернулась, Гарольд Ши восседал на полу в гостиной, поджав ноги и разложив перед собой карточки. Они были очень похожи на известные карты Зенера — за тем лишь исключением, что нанесены на них были подковки и крестики, использующиеся в логических уравнениях. Ши заказал эти карточки на деньги Гарейденского института, еще когда перенес Бельфебу из Царства Фей в собственный континуум, и после его возвращения из «Неистового Роланда» они уже были готовы. Они значительно облегчали перемещение между мирами, поскольку использовать готовые символы было куда проще, чем рисовать их на чистых карточках или просто клочках бумаги. Сбоку лежал том «Калевалы», с которым он время от времени справлялся, так и эдак раскладывая карточки и пытаясь подобрать логические посылки искомого континуума.

— Привет, дорогая,— отсутствующе отозвался он, когда она вошла в комнату с огромным узлом.— По-моему, избирательность получается достаточная, чтобы забросить нас прямиком на главный двор Вяйнямёйнена.

— Гарольд!

— А?

— Предусмотрительно завернула я за пару углов и ускользнула от них ненадолго, но...

— О господи! Они знают номер машины и будут здесь в любой момент!

— Чуму и холеру им на головы! Что тут еще собрать надобно? Буду готова я не поздней чем через полчаса.

— Никаких «через полчаса»! Отправляемся немедленно. Стой где стоишь! Нет, оставь в покое эти новые шмотки! Никаких примерок! Держи сверток покрепче, и он отправится вместе с нами. Возьми только лук и все остальное.

Он вскочил и бросился вверх по лестнице. Вскоре послышался его голос, приглушенный глубинами чулана:

— Бельфеба!

— Да?

— Где, к чертям собачьим, мои толстые шерстяные носки?

— В большой картонке. Ты их с прошлой зимы не надевал.

— Порядок... А желтый шарф? Проехали, я его уже нашел...

Через несколько минут он вновь возник в гостиной с охапкой теплой одежды и снаряжения, обращаясь к Бельфебе:

— Лук взяла? Отлично. А стрел достаточ...

У входной двери затрезвонил звонок.

Бельфеба бросила быстрый взгляд за окно.

— Они уже здесь! Вон автомобиль их притаился! Что делать?

— Сваливать в Калевалу, и поскорей. Садись на ковер рядом со мной и держись одной рукой за меня, а другой за свое барахло.

Звонок послышался вновь. Ши, застыв в позе лотоса, сосредоточился на карточках.

— Если А не является не-Б, а Б не является не-А...

Обстановка комнаты начала расплываться.

Перед ним не было ничего, кроме карточек, разложенных в виде квадрата по пять штук на каждую сторону. Ничего, кроме двадцати пяти карточек.

— ...и если В — это Страна Героев, то Калевала...

Заклинание продолжалось. Карточки рассыпались на миллионы крошечных светящихся точек, вихрем перемешались начертанные на них таинственные значки. Ши покрепче стиснул руку Бельфебы и свой узел с одеждой.

Потом у него возникло ощущение, что он стал совсем крошечным и легким, как перышко, подхваченное ураганом. Цвета. Едва слышные звуки. Чувство падения. Ши припомнил, каким перепуганным невежей был он тогда, когда это произошло с ним впервые,— и как в конце концов он, вопреки всем своим расчетам, приземлился в мире не ирландских легенд, а норвежских мифов, да еще и накануне Рагнарёка...

Вихрь ярких точек стал стихать, образуя неподвижные контуры, твердея и материализуясь. Он сидел среди высокой пожухлой травы рядом с Бельфебой и двумя большими узлами.

2

Высокая трава, кивающая под порывами несильного ветерка, полностью закрывала окружающую обстановку. Наверху плотным бесконечным одеялом тянулись по ветру густые низкие тучи,

застилающие небо. Было прохладно и сыро. По крайней мере, прибыли они не в разгар ужасной финской зимы.

Ши подобрал под себя длинные ноги и с ворчанием поднялся, увлекая за собой Бельфебу. Теперь стало ясно, что очутились они на обширном лугу. Справа от них он заканчивался лесной опушкой, поросшей березами и елями. А слева...

— Эй, детка! Глянь-ка туда! — позвал Ши.

«Там» обнаружилась группа животных, толкущихся вокруг огромного старого дуба, который одиноко возвышался посреди луга. Ши разглядел трех лошадок, довольно маленьких и косматых, а также другого зверя, явно из семейства оленьих. С ветвистыми рогами. Либо карибу, либо очень большой северный олень.

— В мясе не будет у нас недостатка,— заметила Бельфеба.— Видать, самец — это вожак, и чересчур горд он, чтоб кого-либо бояться.

И лошади, и олень, безразлично оглядев пространственно-временных путешественников, продолжили тереться боками о дуб.

— Скорее всего это все-таки северный олень,— решил в конце концов Ши.— Их тут используют как тягловый скот.

— Как тот раздающий подарки волшебник по имени Санта-Клаус в ваших легендах в Огайо?

— Угу. Давай отнесем вещи вон к той изгороди и наденем чего-нибудь потеплее. Черт, я не взял зубные щетки. И белье на смену тоже...

Вспомнил он и о прочих вещах, которые забыл прихватить в спешке,— например мазь для сапог. Однако они вдвоем, у них его хорошо закаленная шпага и длинный лук Бельфебы, не говоря уже о его владении магией. А располагая подобными средствами, всегда можно разжиться всем необходимым.

Изгородь из длинных жердей, к которой они направлялись, очень напоминала подобные сооружения скотоводов Дикого Запада. Пока они двигались к ней, путаясь ногами в высокой траве, лес немного раздвинулся, и Ши углядел несколько низеньких длинных бревенчатых строений, полузакрытых деревьями. Из дыры в крыше одного из них поднималась тонкая струйка синего дыма. Вскоре стал слышен и приглушенный говор.

— Люди,— констатировал Ши.

— Будем надеяться, что настроены они дружелюбно,— отозвалась Бельфеба, поглядывая в сторону домов. Устроившись на углу изгороди, она принялась стаскивать через голову платье.

— Не волнуйся, детка,— заверил ее Ши.— Вяйнямёйнен — самый классный парень во всем этом пространственно-временном континууме!

Он тоже принялся переодеваться.

— О Гарольд! — воскликнула вдруг Бельфеба.— Не прихватили мы ни сумки, ни какого иного вместилища для наших пожитков, дабы взять их с собою. Очень не хочется бросать здесь хорошее платье. Это ведь первое, что ты мне купил, когда побывали мы в Нью-Йорке!

— Сложи его, я заверну в рубашку. Эй, гляди-ка, у нас гости!

Они поспешно завершили переодевание и уже зашнуровывали сапоги, когда некий тип, который появился со стороны домов, дошел до ворот в изгороди и направился прямо к ним.

Ростом он был невысок, возраста примерно того же, что и Ши (то есть около тридцати), с курносым носом, широкими монгольскими скулами и короткой клочковатой бородкой. Большие пальцы он заткнул за широкий, украшенный вышивкой кожаный кушак, которым была подпоясана длинная льняная рубаха, спадавшая на мешковатые шерстяные штаны, заправленные, в свою очередь, в сапоги мехом наружу. Тип заметно пошатывался.

Пристегивая ножны со шпагой, Ши вежливо поздоровался:

— Добрый день, сэр!

Убеждение в том, что язык, на котором он говорит, автоматически поменялся на местный сразу после перемещения в данный континуум, избавило его от попыток изъясняться при помощи древних велеречивых оборотов.

Тип озадаченно склонил голову набок и поскреб бородку, озирая путешественников с головы до пят, и далеко не сразу вымолвил:

О смешные чужестранцы!
Ясно всем, что оба родом
Из каких-то стран заморских.
Расскажите мне, пришельцы,
И откуда, и куда вы,
Чьих вы предков, что за нужды
Привели вас к нам, героям?

«Ой, только не надо,— подумал про себя Ши.— “Калевалу” я читал и прекрасно знаю, что если ты разжился чьей-либо ро-

дословной, то в любой момент можешь наложить на ее обладателя заклятие какого угодно сорта!» Вслух же учтиво произнес:

— Я Гарольд Ши, а это моя жена Бельфеба. Мы из Огайо.

На это тип ответствовал:

Харольши? Пельфеп? Охайо?
Знать по чести, я не слышал
Прозвищ и земель подобных.
Видно, дальше те, чем Хиши,
Глубже бездн глубоких Маны.
И хотя вы издалека,
И хоть путь ваш был неблизок,
Гостю рады мы любому,
Особливо же Пельфепе,
Чья улыбка равна солнцу,
Солнцу, что гоняет тучи.

— Спасибо,— сухо поклонился Ши.— А если вам без особой разницы, то вы с тем же успехом можете изъясняться прозой. Мою жену некогда укусил поэт, и с тех пор у нее начинается аллергия, когда она слышит нечто в таком духе.

Тип глянул на Ши недоверчиво, а на Бельфебу с интересом.

— Так внимай же, Хароляйнен...— начал было он, но Бельфеба, неожиданно проявив недюжинный актерский талант, настолько переменилась в лице и так мастерски сделала вид, будто ее вот-вот стошнит, что тип запнулся и, понизив голос, спросил: — Ужель в Охайо далеком не правите вы женщинами своими?

— Нет, это они нами правят,— без запинки ответствовал Ши.

Бельфеба насупилась; незнакомец вкрадчиво улыбнулся.

— А у нас, в Стране Героев, верный способ есть старинный — учим здесь мы своих женщин, чтобы место свое знали! Готов я немедля сделать тебе предложенье наичестнейшее — давай ненадолго супружницами своими обменяемся, и честная Пельфепи твоя вернется к тебе не только куда как более послушною, но и с опытом поэтическим, приобретенным не у кого иного, как у величайшего певца всей Калевалы, Страны Героев!

— Да ну? — скептически отозвался Ши.— Не думаю, чтобы я ввязался в подобную сделку...— Но заметив, что на физиономии коренастого типа собираются тучи, тут же добавил: — По крайней мере, пока не узнаю вашу страну получше. Кстати, нет ли в каком-нибудь вон из тех домов Вяйнямёйнена?

Незнакомец, который шагал впереди и уже приблизился к дыре в изгороди, угрюмо ответствовал:

— И сейчас его тут нету, и вовек веков не будет!

— О! — только и отозвался Ши, размышляя, где и как он мог допустить позиционную ошибку.— Тогда кому же принадлежит данный населенный пункт?

Тип остановился, выпятил грудь и со всем апломбом, на какой только коротышка способен в общении с высокорослым оппонентом, провозгласил:

Путник, ясно и болвану:
Новичок ты в Калевале.
Разве кто в Стране Героев
Каукомъели не знает?
Саареляйнен в том порукой!
Неужели и взаправду
Лемминкяйнена деянья
Неизвестны на чужбине?

— Ну и дела! — опешил Ши.— Рад познакомиться, Лемминкяйнен! Н-нет, твои деяния как раз очень хорошо известны даже в Огайо.

Он бросил нервный взгляд на Бельфебу. Поскольку «Калевалу» она не читала, ей было явно невдомек, насколько серьезной оказалась позиционная ошибка. Вместо того чтобы выйти на старого надежного Вяйнямёйнена, на которого можно было без раздумий положиться в любой ситуации, они, наоборот, вошли в контакт с самым ненадежным персонажем всего континуума — Лемминкяйненом, колдуном-разгильдяем и отъявленным распутником.

Но попытка попросту дать задний ход могла только усугубить ситуацию, поэтому Ши продолжил:

— Ты просто не представляешь, какое удовольствие познакомиться с самым настоящим героем!

— Познакомился ты с величайшим из героев,— уточнил Лемминкяйнен со всею возможной скромностью.— Вне всяких сомнений, ищешь ты защиты от огнедышащей птицы или же от дракона морского, что край твой опустошают?

— Не совсем,— отозвался Ши, когда они подошли к воротам.— Понимаешь, ситуация где-то примерно такая: у нас паратройка друзей застряли в ином мире, а магия в нашем собст-

венном не настолько сильна, чтоб вытащить их назад. Вот мы и решили навестить какую-нибудь страну, где есть истинные волшебники, и подыскать кого-нибудь, кто в силах справиться с этой работенкой.

После подобных слов на широкой физиономии Лемминкяйнена отразилось самое откровенное лукавство.

— Кое же вознаграждение обещать готов ты ныне за такое чудотворство?

«Черт бы тебя побрал,— подумал Ши,— не можешь, что ли, выражаться по-человечески?» А вслух произнес:

— А сколько бы ты, к примеру, запросил?

Крепыш пожал плечами.

— Я, могучий Лемминкяйнен, мало в чем нужду имею. Стада мои неисчислимы, поля необозримы, хватает и девиц, чтоб лобзать меня, и рабов, дабы прихоти мои исполнять...

Ши обменялся взглядом с Бельфебой. Покуда он размышлял, не стоит ли упомянуть и о собственном знакомстве с магией, Лемминкяйнен продолжал:

— Разве славная Пельфепи...

— И думать про это забудь! — быстро перебил Ши.

Лемминкяйнен опять пожал плечами и ухмыльнулся.

— Твоя воля, Хароляйнен, торговаться я не склонен... А потом, есть у меня собственные проблемы, кои решить следует немедля. Проклятье на башку хозяйки Похъёлы, что не дозволила мне браком сочетаться с ейною дочкой! Ладно бы только одно это: не пригласила она меня даже на свадьбу отроковицы своей с Илмариненом-кузнецом! Поубиваю я попросту сих негодяев из краев тумана и тьмы!

Тут он внезапно сдернул с головы шапку, швырнул ее оземь и принялся яростно топтать. Ши лихорадочно припоминал текст «Калевалы». Вроде бы как там действительно упоминалось о попытке устроить подобную карательную экспедицию, но, насколько ему удалось припомнить, завершилась она отнюдь не в пользу Лемминкяйнена.

— Минуточку,— сказал он,— скорее всего мы сумеем договориться. Эта Похъёла довольно крепкий орешек. Если ты возьмешь нас двоих с собой, мы наверняка поможем тебе его разгрызть.

Лемминкяйнен прекратил плясать над шапкой.

— Мне ль, герою, опасаться края полночи и стужи? — вопросил он.— Высок ты ростом, но недостает тебе силы телесной ге-

роев Калевалы. Прок от тебя будет разве что в битве с детишками малыми!

— Послушай-ка,— возмутился Ши.— Может, я и не скроен, как першерон, но кое-что все же умею.

С этими словами Ши выдернул из ножен шпагу.

Одновременно рука Лемминкяйнена метнулась к рукоятке его собственного палаша, но замерла на полдороге, когда стало ясно, что немедленно нападать на него Ши не намерен. Герой скептически поглядел на шпагу.

— Вот уж да: меча такого в Калевале не видали! — презрительно ухмыльнулся он.— В зубах ты им ковыряешься или же штаны зашиваешь?

Ши, в свою очередь, ответил ему такой же ухмылкой:

— Попробуй-ка копчик!

— Острый, ну и что такого? Кюллики, моя супруга, чинит мне носки таким же!

— И все же тебе вряд ли бы пришлось по вкусу, если б такая штуковина воткнулась тебе в брюхо. Ну ладно. Хочешь посмотреть, как я им пользуюсь?

В единое мгновение короткий широкий клинок Лемминкяйнена тоже выскочил из ножен.

— Нет, Гарольд! — воскликнула Бельфеба, бросая свой узел и поспешно снаряжая лук тетивою.

— Все в порядке, детка. Я уже не раз имел дело с подобными рубаками. Помнишь холм возле Каренского замка? И потом, это всего лишь тренировка.

— Для начала для забавы бить плашмя ты предлагаешь?

— Вот именно. Готов?

Клац-дзинь-зип! — сошлись клинки. Без устали напирающий вперед Лемминкяйнен владел мечом едва ли не лучше любого из фехтовальщиков, с которыми Ши до сих пор приходилось иметь дело. Он с одинаковой легкостью и необычайным проворством рубил справа налево, слева направо, сверху вниз, снизу вверх и ничуть при этом не запыхался. Судя по всему, его теория заключалась в том, чтобы находиться к противнику как можно ближе, а удары наносить как можно сильней и как можно чаще — и чихать на последствия.

Ши, медленно пятясь, старался парировать страшные удары так, чтобы палаш наискось соскальзывал по шпаге — стоило только подставить тонкий клинок под более-менее прямым углом,

как он бы неминуемо сломался. А любой подобный удар был способен если и не убить, то серьезно покалечить — даже несмотря на то, что наносились они плоской стороной клинка. Раз Ши попытался нанести ответный укол, но Лемминкяйнен с кошачьим проворством тут же отпрыгнул назад.

Лихорадочно отражая удары, Ши постоянно отступал и начинал уже выдыхаться. Когда он вдруг оступился, очередной удар противника едва не достиг цели; пошатываясь и спотыкаясь, Ши отскочил на три шага назад, услышав только испуганный возглас Бельфебы. Но вскоре ураганный темп атаки стал понемногу стихать. Шпага наконец скользнула вперед, расцарапав правую руку Лемминкяйнена.

— Сей соломиной несчастной щекочи ты своих девок! — заметил герой, вновь замахиваясь, но на сей раз не столь удачно. Ши отбил его клинок в сторону, и опять метнувшаяся вперед шпага кольнула Лемминкяйнена в плечо.

— Видал? — сказал Ши.

Лемминкяйнен что-то буркнул, но после очередной быстрой атаки острие шпаги уперлось ему аккурат в диафрагму — прежде чем он успел сделать даже попытку парировать.

— А теперь что будет, если я нажму посильней? — поинтересовался Ши.

— Не хвались удачей, путник,— было это лишь везенье!

— Да ну? Ладно, тогда попробуем еще разок.

Дзинь-зип-тик-клац! — звенели клинки. На сей раз Лемминкяйнен, который хоть и совсем не выдохся, был хмур и чрезвычайно осмотрителен. Но не успели противники обменяться и парой выпадов, как он потерял равновесие и Ши вновь упер шпагу прямо в широченную грудь перед собой, заметив при этом:

— На сей раз, друг мой, это уже не случайность. Не два раза подряд!

Лемминкяйнен сунул свой клинок в ножны и презрительно отмахнулся.

— Супротив неприятеля без доспехов фокусы твои и впрямь несколько лишних минут жизни тебе подарят. Но воины Похъёлы черной на битву выходят в кольчугах. Ужели ты вздумал, будто булавка твоя хоть малейший вред им причинит?

— Не знаю там, какого типа у них доспехи, но если они неплотно прикрывают суставы, этим твоим воинам не позавидуешь — мой клинок пролезет в любую щель.

— Так и быть, беру тебя с собою в Похъёлу — но не видел я покуда достаточно, чтобы обмен на услуги мои магические равноценным оказался. Можешь быть моим слугою.

Ши стрельнул взглядом в Бельфебу, которая тут же вмешалась в разговор:

— Сэр Лемминкяйнен, мужчины в краях твоих — хвастуны невероятные, как я погляжу, хоть и деянья их реальные весьма от обещанных отличаются. Ежели проигрыш в состязании человека слугою делает, то как раз *ты* рискуешь моим слугою оказаться, ибо крайне любопытно мне, сумеешь ли ты или кто-нибудь из людей твоих превзойти меня в стрельбе из лука!

Ши едва удержался от ухмылки. Психологии Бельфеба не училась, но прекрасно знала, как обращаться с хвастунами. Фокус заключался в том, чтобы перехвастать их в той области, где вы с гарантией добьетесь успеха.

Лемминкяйнен косо посмотрел на Бельфебу и ответил:

— Харольши, отменяю я свое предложение. Эта супруга твоя — мегера истинная и нуждается ни в чем ином, как в наказании примерном. Дожидайтесь возвращенья моего!

Они уже совсем близко подошли к домам. Ши впервые заметил ряд изможденных оборванных рабов, которые с разинутыми ртами наблюдали за состязанием.

— Самострел! — рявкнул на ходу Лемминкяйнен, когда они расступились перед ним.

Вскоре он появился вновь — с самострелом под мышкой и пригоршней коротких стрел за поясом. Ши заметил, что лук у этого инструмента стальной, а приклад обведен медной полоской и украшен серебряной насечкой. Что ни говори, довольно красивая штуковина, хоть и сугубо утилитарная.

— Гарольд,— тихонько проговорила Бельфеба,— не настолько убеждена я теперь, что взаправду сумею сего плута превзойти. Мощный арбалет стальной в руках опытных куда более точным боем отличается!

— Соберись, детка. Ты его сделаешь! — отозвался Ши, чувствуя себя не столь уверенно, насколько делал вид.

Лемминкяйнен поинтересовался:

— Желаешь ли ты мишень неподвижную, нахалка рыжая, или же заставим раба бежать бегом, дабы придать забаве большую увлекательность?

— Неподвижная сгодится,— ответила Бельфеба. При этом на лице у нее было ясно написано, что в качестве движущейся цели ее устроил бы только сам Лемминкяйнен, и никто иной.

Герой указующе ткнул пальцем.

— Видишь вон тот сучок на колу изгороди, что шагах в сорока от нас?

— Вижу ясно. И этот сойдет, равно как и любой другой.

Лемминкяйнен ухмыльнулся, взвел самострел и выпустил стрелу. Стальной наконечник с треском вонзился в шест в трех-четырех дюймах от сучка.

Бельфеба натянула тетиву, отведя стрелу к самому уху, секунду целилась и выстрелила. Стрела лишь слегка задела шест и со свистом отскочила в высокую траву.

Ухмылка Лемминкяйнена стала шире.

— Ну что, еще по одной?

На сей раз у него вышло даже лучше — короткая арбалетная стрела ударила в самую середину кола, на какой-то дюйм выше сучка. Но и стрела Бельфебы буквально через секунду уже подрагивала на том же расстоянии от цели — только ниже.

Лемминкяйнен выпустил еще одну стрелу и тут же обрадованно заорал:

— На сей раз тебе меня не превзойти!

Похоже, он был прав — его стрела угодила аккурат в центр сучка.

Бельфеба сосредоточенно нахмурилась. Она натянула тетиву, пару секунд подержала ее натянутой, затем опустила лук, вновь подняла его и тут же выпустила стрелу — одним-единственным движением. Стрела воткнулась в сучок вплотную к стреле Лемминкяйнена.

— Похоже, вы оба знаете свое дело...— проговорил Ши.— Эй, а не попробовать ли вам по-другому?

С этими словами он указал на большую ворону, которая пролетала над лугом, хлопая крыльями и хрипло каркая.

Лемминкяйнен резко вздернул самострел и выстрелил. Стрела со свистом взмыла вверх и, казалось, попала точно в птицу. Вниз плавно опустилась пара черных перьев, но ворона, лишь качнувшись на лету, продолжала свой полет.

Едва только она выровнялась, как в воздухе пропела одна из стрел Бельфебы, которая с глухим шлепком угодила точно в цель. Ворона начала беспорядочно падать. В ее сторону одна за другой

унеслись еще три стрелы. Мимо пролетела лишь одна, так что несчастная птица шлепнулась на землю, пробитая сразу тремя перекрещенными в разных направлениях стрелами.

Лемминкяйнен застыл с разинутым ртом. По толпе рабов, собравшихся вокруг, пробежал приглушенный ропот.

— А теперь, сударь, желаю я получить назад мои стрелы,— невозмутимо заметила Бельфеба.

Лемминкяйнен махнул рукой рабам, чтоб они занялись этой задачей. Потом он расцвел и постучал себя в грудь.

— Я, веселый Лемминкяйнен, все ж герой получше статью! — объявил он.— Потому как проявил искусство недюжинное сразу в двух состязаниях, а каждый из вас — только в одном. Но не подлежит отрицанию, что и вы оба в своем деле довольно искусны, и в обмен на содействие ваше готов я пропеть руны магические, кои вы желаете!

3

В сопровождении рабов, которые тащили узлы с одеждой, они направились к дому. Когда небольшая процессия приблизилась к дверям, на пороге появились две женщины — одна старая и морщинистая, а другая молоденькая и весьма фигуристая. Ши пришло в голову, что, если ее чуть-чуть подкрасить и приодеть, выйдет настоящая красотка. В отношении женского пола Лемминкяйнен, судя по всему, отличался большой разборчивостью.

— Эй вы, бабы, живо в кухню! — распорядился тот.— Несите поскорей еду! Слыхано ли дело, чтоб щедрость Каукомъели великого сомнению подвергалась?

Не успели обе повернуться, чтобы выполнить распоряжение, как Бельфеба выступила вперед и протянула руку старшей.

— Любезная дама,— обратилась она к ней,— простите великодушно, что сэр Лемминкяйнен представить нас друг другу не удосужился. Вне всякого сомненья, мысли его витали в более высоких сферах. Я — Бельфеба из Царства Фей, супруга сэра Гарольда Ши, здесь присутствующего.

Старуха стиснула руку Бельфебы. Глаза ее наполнились слезами, и она что-то невнятно пробормотала; засим она повернулась и поспешно заковыляла в глубь дома. Красотка учтиво присела:

— Известна я как Кюллики, дева саарская, супруга Лемминкяйнена,— произнесла она,— а это его мать. Добро пожаловать!

Лемминкяйнен поглядел на нее с довольно кислым видом.

— Все б трепаться этим бабам! — заметил он.— Входите же, гости из Охайолы, располагайтесь и рассказывайте о чародействе, кое вам потребно. Необходимы мне имена и статусы общественные тех, кого вы желаете вызвать сюда: кто были их прародители, где они могут пребывать ныне — в общем, все, что про них известно. А кроме того, хоть умения ваши магические и не сравнимы со столь совершенным чародейским искусством, как мое, неплохо будет, если вы и свои заклятья к моим добавите; ибо нет смысла скрывать, что задача сия не из простых — переносить людей из одного мира в другой.

Ши наморщил лоб.

— Об одном из них могу рассказать более чем подробно. Уолтер Симмс Байярд, доктор философии, выпускник Колумбийского университета, получил диплом в... гм-м... тысяча девятьсот сороковом году. Родом из... м-м... Место рождения — Атлантик-Сити, Нью-Джерси, по-моему. Отец... Освальд Байярд, бизнесмен. Содержал универсальный магазин в Атлантик-Сити. Умер пару лет назад.

Лемминкяйнен заметил:

— Странное звучанье и произношенье трудное у имен, кои поминаешь ты, о Харол! А что мать этого Пайарта? Потребны мне мельчайшие подробности родословной его и подноготной.

Ши выложил ту малую толику сведений, которой располагал о матери Байярда: жила она в Нью-Йорке с другим своим сыном, и, к счастью, с ним Ши был шапочно знаком.

Лемминкяйнен прикрыл глаза, словно пытаясь что-то припомнить, и вскоре спросил:

— А другой, коего ты тоже желаешь перенести в Страну Героев?

Ши почесал затылок.

— С этим сложней. Единственно, что я про него знаю,— это что он детектив полиции, что его зовут Пит и что он дышит ртом. Наверное, аденоиды или что-нибудь в этом духе. Очень недоверчивый тип и далеко не красавец.

Лемминкяйнен покачал головой:

— Хоть и общеизвестно, что величайший я из волшебников, могущество мое не в силах воздействовать на того, кто изображен столь скудно.

В разговор вмешалась Бельфеба:

— А почему бы не попробовать спервоначалу перенести Уолтера? Вдруг по счастливости случайной в Западу, где оба ныне пребывают, выведал он про этого Пита довольно, чтоб Лемминкяйнен сумел наложить на него чары?

— Правильно, детка, отличная мысль. Начнем с Байярда, Лемминкяйнен, а Пита оставим на потом.

В этот момент женщины вернулись с кухни вместе с еще одной, которая отличалась от них грубой одеждой и свойственными рабыне подобострастием и забитостью. Они принесли большие деревянные блюда. На каждом лежали огромный ломоть ржаного хлеба, пара ломтей свинины и треугольный кусок сыра размером с кулак Ши. Другая рабыня притащила огромные кружки с пивом.

— Предлагаю слегка перекусить, дабы поднять аппетит перед ужином,— сказал Лемминкяйнен.

Ши вытаращил глаза. Бельфебе он тихонько прошептал:

— Интересно, что тогда здешняя публика называет настоящей едой!

На что Лемминкяйнен отозвался:

— Должны поглотить мы целые горы еды, дабы укрепить наши души пред вылазкою подобной!

Старуха мать всплакнула:

— Не езжай, сынок! Нету защиты у тебя верной противу смерти!

Лемминкяйнен с набитым ртом ответствовал:

— Нет уж, дело решенное. Хоть герои отваги моей редко в помощи сторонней нуждаются, все же верно гласит пословица: беззащитна та спина, за коей брат не стоит. А чужестранцы сии из Охайолы далекой весьма мне будут полезны!

— Но клялся ты, что дома останешься,— тихо сказала Кюллики.

— Было это до того, как повстречал я иноземцев со странным мечом и странным луком!

Старуха разрыдалась, утирая слезы подолом.

— Никому ты там не нужен! Устроят они ловушки волшебные по всему пути твоему, едва только про твое прибытие вызнают, и ни чужестранцы твои, ни силушка твоя собственная не охранят тебя от погибели неминучей!

Лемминкяйнен с набитым ртом расхохотался, обсыпав весь стол сырными крошками.

— Страх — удел одних лишь женщин... да и то не всех,— не без труда проговорил он, одаряя Бельфебу восхищенным взглядом. Ши принялся гадать, не поспешил ли он, убедив этого самца принять их услуги.

— А теперь тащи-ка мне рубаху праздничную, поелику без задержки желаю я на деле показать этим гадюкам в Похъёле, как торжества в Стране Героев справлять следует!

С этими словами он поднялся и направился вокруг стола к Кюллики, занеся руку за спину. Пока Ши гадал, не собирается ли он отвесить ей затрещину и как ему самому поступить, если Лемминкяйнен это действительно сделает, красотка сама избавила его от возможного вмешательства, поспешно попятившись и бросившись вон из комнаты. Лемминкяйнен вернулся, сел на место, надолго приник к пивной кружке и утер губы кулачищем.

— Ты готов, о Хароляйнен, заклинать друзей пропавших? — поинтересовался он у Ши.— Надобно поразмыслить мне малость, дабы стих мой тек гладко.

— Мне тоже,— откликнулся Ши, доставая из кармана лист бумаги и карандаш, и принялся подбирать подходящие случаю силлогизмы. Приходилось принимать во внимание тот факт, что одним из основополагающих компонентов финской магии являлась поэзия, причем далеко не лаконичная. Бельфеба незаметно подвинулась к тому концу лавки, где сидела мать Лемминкяйнена, и вполголоса завела с ней беседу. Судя по всему, ей тоже удалось достигнуть каких-то результатов, поскольку вскоре вид у пожилой леди был уже не столь мрачный.

Через несколько минут Кюллики вернулась с чистой белой рубахой и чем-то вроде кожаной куртки, сплошь расшитой перекрывающими друг друга металлическими пластинками, похожими на рыбью чешую. Все это обмундирование она положила на скамью рядом с Лемминкяйненом. Герой наградил ее тем, что силком усадил рядом с собою.

— А теперь обязана ты выслушать одно из величайших моих заклинаний,— объявил он,— кои слагаю я скоро и верно. Готов ли ты, Харол?

— Почти,— сказал Ши.

Лемминкяйнен откинулся назад, прикрыл глаза и высоким тенорком затянул:

О далекий Вольтер Пайарт,
В Занаду застрявший дальнем,
Я знаком с отцом твоим, о Вольтер,
Люди звали его Освальт...

Какой-то особой мелодии здесь не было — или, вернее, у каждой строки был свой собственный мотив.

Освальт из Атлантик-Сити,
Линдой-матерью рожденный,
Что из Джексонов в Нью-Йорке.
Видишь, всех твоих я знаю...

Он монотонно долдонил все дальше и дальше, а Ши тем временем постарался сосредоточиться на своих силлогизмах, хотя где-то глубоко в голове у него уже прочно угнездилось убеждение в том, что этот заносчивый коротышка — настоящий профессионал. Память у него оказалась просто феноменальной, поскольку он не упустил ни малейшей подробности из биографии и связей Байярда, хоть и слышал их всего лишь один раз.

Лемминкяйнен напевал все быстрее и быстрее и наконец, до предела возвысив голос, закончил:

Приходи, о Вольтер Пайарт,
Брось дела свои у Кублы,
Загляни и в Калевалу.
Слышишь, что тебе пою я,—
Не откладывай на завтра!
Должен быть ты здесь немедля!

На последних словах голос Лемминкяйнена почти сорвался на визг; сам он вскочил и принялся водить руками над головой, явно делая магические пассы.

Фумп!

По всей комнате заходил ходуном потревоженный воздух, задребезжали деревянные блюда на столе, и пред взорами собравшихся восстал доктор Уолтер Симмс Байярд из Гарейденского института, дипломированный психолог и философ.

Восстал он, правда, не стоя на своих двоих. Скрестив ноги по-турецки, он восседал на полу, а на коленях у него, слившись с ним в страстном поцелуе, возлежала одна из гурий Западу. Одежды на ней было не больше, чем на королеве бурлеска в кульминационный момент представления.

Оторвавшись от губ девушки, Байярд изумленно огляделся.

Лемминкяйнен провозгласил:

— Надеюсь, теперь всем ясно, что и впрямь я величайший из чародеев! Не только выколдовал мужа сего из иного мира, но и служанку его заодно! О Вольтерпайарт, следует тебе теперь уступить ее мне — в награду за мои услуги!

Как только Байярд выпустил девушку и оба стали подниматься с пола, Бельфеба ухватила Ши за рукав.

— Погляди-ка на Кюллики,— шепнула она.— Не кажется ли тебе, будто она кое-кому глаза собралась выцарапать?

— Сейчас это у нее пройдет,— отозвался Ши.— А потом, насколько я знаю Уолтера, вряд ли ему придутся по вкусу светлые мысли Лемминкяйнена — как, впрочем, и мне самому.

— Вовсе не про то я, Гарольд.— Голос ее стал еще тише.— Это правда, что в континууме сем, ежели ты про кого-то все знаешь, то завсегда можешь его заколдовать?

— Эге, да ты совершенно права, детка! Как-то я про это не подумал. Надо нам приглядывать за Уолтером как следует.

4

Физиономия Байярда постепенно приобретала цвет переспелой клубники.

— Послушай-ка, Гарольд,— начал он,— все эти твои фокусы...

— Знаю,— перебил его Ши,— ты просто еще не успел акклиматизироваться.

Бельфеба хихикнула, а Лемминкяйнен загоготал.

— Ладно, проехали — у нас нет времени выяснять отношения,— продолжал Ши.— Знакомься, это Лемминкяйнен, герой с большой буквы «Г».

— Здравствуйте,— вымолвил Байярд не без некоторого высокомерия, протягивая руку.

Коренастый крепыш, который только что приветливо ухмылялся до ушей, словно и не заметив протянутую руку, моментально нырнул под лавку за самострелом. Ши пришел к выводу, что обмениваться рукопожатиями в данном континууме наверняка не принято.

Очевидно, Байярду подобная мысль в голову не пришла. Он насупился, покрепче обхватил за плечи свою гурию и объявил:

— Это мисс Даниза, а это миссис Ши и мистер Гарольд Ши. А теперь, Гарольд, если ты объяснишь мне, где у этого норвежского дурдома выход, я немедленно им воспользуюсь. Я тебя, конечно, не виню, что ты вытащил меня сюда, но твоей страсти к приключениям я решительно не разделяю.

— Это не норвежский дурдом, а финский,— уточнил Ши, ухмыльнувшись.— И, по-моему, спешить домой тебе пока не стоит. Сомневаюсь, что ты будешь особо хорошо выглядеть, если явишься в Гарейденский институт с этой своей мисс Данизой и без фараона Пита. Так, по крайней мере, считаем мы с Бельфебой. Кстати, надеюсь, его там еще не посадили на кол?

Байярд явно несколько смягчился, особенно когда гурия, и без того уютно устроившаяся, прильнула к нему еще теснее.

— Господи, чего он там только не вытворял! Начать хотя бы с того, что первым делом попытался разогнать весь тот кордебалет — сам, наверное, помнишь. Он и впрямь самый настоящий добродетельный пресвитерианин, в церковном хоре поет. Когда я его последний раз видел, он пытался растолковать одной из девиц доктрину первородного греха. Кстати, тут не найдется какой-нибудь твердой пищи? Я уже сыт по горло тем липким месивом, которым нас пичкали в Западу.

Лемминкяйнен до той поры безуспешно боролся с зевотой, так широко разевая рот, что можно было запросто заглянуть ему в гланды или даже глубже. Заслышав последнюю фразу Байярда, он захлопнул челюсти.

— Правда ваша, гости дорогие: утомленный волшебством своим могучим, совершенно позабыл я обязанности хозяйские. Кюллики! Матушка! Несите скорее ужин!

Он пересчитал гостей по пальцам.

— Дюжины-другой уток будет довольно. Вольтерпайарт, гляжу я, что служанка твоя одета как раз для бани. Не желает ли она попариться?

— Нет,— отрезал Байярд.— Но наверняка будет не прочь одолжить кое-какую одежду, если у вас есть лишняя. Верно, дорогая?

Даниза молча кивнула, и пока Лемминкяйнен громовым голосом требовал одежду, Байярд подвел ее к скамье и усадил. Ши заметил, что место он выбрал как можно дальше от Лемминкяйнена.

— Не желаю показаться занудой, Гарольд,— сказал Байярд,— по мне действительно не взять в толк, что была за нужда втягивать меня в ваши похождения.

Ши разъяснил ему магические причины фланговой атаки на Западу.

— Но у нас до сих пор нет Пита, полицейского, и если мы все хотим хоть когда-нибудь вернуться в Огайо, лучше нам этим заняться. Что ты про него знаешь? Он ведь ирландец?

— Отнюдь! Я достаточно долго с ним общался и выяснил, что, несмотря на принадлежность к пресвитерианской церкви, настоящая его фамилия Бродский и что он не больше ирландец, чем Джавахарлал Неру. Он просто хочет, чтобы все его принимали за ирландца: отпускает ирландские шуточки, распевает ирландские песни... Из-за этого полипа или чего еще там у него в носу результат малость не дотягивает до стандартов Метрополитен-оперы.

В дверях показалась Кюллики. Она принесла с собой аромат жареной утятины и длинное, свободное платье, которое она скорее швырнула, нежели вручила Данизе. Лемминкяйнен завороженно наблюдал, как та его натягивает. Потом опять зевнул и заметил:

— Скудна басня, кою поведали вы про этого вашего Пиита пропавшего!

— Ну что ж,— отозвался Байярд,— попробуем еще разок. Звание детектива второго класса наш друг получил за успешную работу над делом Дюпона. Лично я как минимум десять раз про это слышал. Трудится в участке на Медисон-стрит. Мать зовут Мария, а отца, каменщика, тоже звали Пит. Отец хотел, чтобы сын, когда вырастет, пошел в бармены, а сам Пит мечтал стать профессиональным футболистом. Это пригодится?

Лемминкяйнен уныло помотал головой:

— Только такой знаток волшебства, как я, рискнет учинить колдовство со сведениями столь скудными! И даже мне медитировать придется до самого утра, ибо истощен я трудами дневными.

— А почему не прямо сейчас? — сказал Байярд, обращаясь к Ши.— Мне хотелось бы посмотреть, как это делается. Может, и у меня самого получилось бы!

Ши покачал головой:

— Не выйдет, Уолтер, честно. Ты ведь до сих пор не знаешь даже азов магии. Здесь есть совершенно определенные правила, но, в отличие от всего, с чем тебе до сих пор приходилось сталкиваться, следуют они совсем иной логике. Более того — я не советовал бы тебе даже просто торчать рядом с Лемминкяйненом, пока он будет разыскивать Пита. Ты выработал достаточно серьезный магический потенциал, пока тебя тащили из Занаду. Так что если Лемминкяйнен и впрямь перенесет сюда Пита, а ты будешь болтаться поблизости, то тебя может случайно забросить обратно в Занаду — по слабой линии, которая создается заклинанием на момент перемещения. Помнишь, что тогда с нами вышло, дорогая?

— Помню прекрасно,— откликнулась Бельфеба.— Но давайте более не будем переливать из пустого в порожнее, ибо ужин нам несут!

На сей раз процессия состояла из семи рабов. Каждый тащил деревянный поднос, на котором громоздилась гора хлеба в окружении трех жареных уток — за исключением подноса, который подали Лемминкяйнену. Он их получил шесть.

Когда герой прикончил последнюю утку — считая заодно и прихваченную из порции Ши, поскольку тот был уже просто не в состоянии ее одолеть,— то потянулся, опять зевнул и вымолвил:

— Тебе, Харол, друг и помощник веселого Лемминкяйнена, ныне отдельная спальня предоставлена будет. Не отведешь ли сам туда Пельфепи? Что же до остальных гостей, что позднее прибыли, выданы им будут лучшие медвежьи шкуры, кои положить советую к очагу поближе. Идем, Кюллики, проводи меня до постели, ибо не способен я сейчас без посторонней помощи двигаться.

Наблюдая, как он направляется в спальные покои — пошатываясь и едва переставляя ноги, Ши подумал, что заклинание отняло у этого крепыша много сил, хотя не мог при этом не признать, что Лемминкяйнен охотно выполняет принятые на себя обязательства — даже несмотря на то, что его вирши явно оставляли желать лучшего.

Один из рабов с факелом проводил их с Бельфебой в дальний конец залы, где располагалась отведенная им отдельная спальня. Если по объему она и была побольше вагонного купе, то совсем ненамного, а в качестве подушек обоим пришлось использовать узлы с одеждой...

— Это еще что такое? — воскликнул Ши, садясь на постели и внимательно прислушиваясь.

Бельфеба, не поднимаясь, хихикнула.

— Это, о сильнейший и прелестнейший господин мой, судя по всему, герой наш со своей дражайшей супругою забаве предаются, коя и нам известна,— а именно бранятся со служанкою. Чу! Только что обозвала она его икрой лягушачьей!

Ши уставился на перегородку, отделявшую их от комнаты, в которую удалился Лемминкяйнен.

— Ну что ж, надеюсь, они скоро угомонятся,— заключил он.— С твоим охотничьим слухом ты по крайней мере можешь разобрать, о чем они спорят, и получаешь удовольствие от этого представления, но лично я не слышу ничего, кроме какого-то бессмысленного бубнежа.

Перебранка и впрямь вскоре утихла. Но теперь под оленьими шкурами, которые служили в качестве одеял, было слишком жарко, а без них — холодно. Соломенный тюфяк все больше напоминал рельефную карту Гималаев, а кроме того, Ши так и не научился спать в помещении без единого окна — хоть щели в стенах и обеспечивали достаточную вентиляцию.

Кто-то заскребся у двери.

Ши минуту прислушивался, после чего перевернулся на другой бок.

Скребущие звуки послышались опять, и на сей раз стало ясно, что это некий сигнал: одно поскребывание... два... три.

Ши перочинным ножом сложился на узенькой постели и приоткрыл дверь. В глубине залы тускло дотлевали угли очага, бросая красноватые отблески на две бесформенные кучи, которыми наверняка были закутанные в шкуры Байярд с Данизой. Света оказалось достаточно, чтобы Ши различил фигуру молодой красотки, Кюллики, притаившейся у входа в спальню. Приложив палец к губам, она дала ему знак молчать.

При мысли о возможной опасности у Ши на мгновение екнуло сердце, но Кюллики не оставила ему времени для размышлений: полностью открыв сдвижную дверь, она протиснулась мимо него к Бельфебе, легонько толкнула ее, чтобы разбудить, и присела на краешек постели. Когда оба присоединились ней, она наклонилась к ним ближе и театральным шепотом провозгласила:

— Зреет измена!

— Так-так,— отозвался Ши.— И какая же?

— Супруг мой, герой Каукомъели! Кто перед ним устоять может?

— Н-не знаю, как-то об этом не задумывался. А что он затевает?

— Только сейчас вызнала я его замысел! В том он, чтоб от обещанья своего уклониться и того чародейства не чинить, коим собираетесь вы друга своего сюда доставить из краев дальних. После заклятья подобного завсегда слаб он и немощен, как видеть вы сегодня удосужились.

— Да это же...— начал было Ши, протягивая руку за шпагой, но тут вмешалась Бельфеба:

— Погоди-ка, Гарольд, кроется тут наверняка и еще кое-что, что не столь лежит на поверхности, и мыслится мне, что проку тут больше будет от ума быстрого, нежели от силы грубой.

Она повернулась к Кюллики:

— Зачем поведала ты нам историю эту? Едва ли так уж тебя заботит, будет Пит наш вызволен или же нет!

В темноте они отчетливо услышали, как девушка скрипнула зубами.

— Потому как у птицы размышлений моих есть и крыло другое! — взорвалась она.— Заместо того чтоб в Похъёлу отправиться, собирается он на озера с чертовкой этой бесстыжей, что никакой одежды не носит!

— То бишь с Данизой. И что ты предлагаешь нам предпринять?

— Уходить,— ответила Кюллики.— Прямо на рассвете. Забрать его в Похъёлу. Это куда меньшее зло.

Ши подумал о бочкообразной груди и огромных ручищах Лемминкяйнена.

— Что-то я пока не представляю, каким именно образом мы сумеем заставить его сделать то, чего он делать не хочет,— произнес Ши.

Кюллики накрыла его руку своей ладонью.

— Не знаешь ты моего господина. Этой ночью беспомощней он олененка новорожденного — из-за приступа, колдовством его вызванного. Есть у меня веревка. Свяжите его, покуда он слаб, и волоките куда угодно!

— По-моему, есть у нее ключ, что затворить способен все наши беды,— сказала Бельфеба.— Ежели свяжем мы Лемминкяйнена немедля, то сумеем держать его связанным до той поры, покуда не сотворит он заклятье, кое Пита сюда перенесет. А после опять будет слишком слаб он, чтоб думать о мщении.

— Неплохо придумано, детка,— сказал Ши, соскакивая на пол и протягивая руку за штанами.— Хорошо, пошли. Но, по-моему, стоит прихватить в помощь и Уолтера.

«Прихватить» Уолтера оказалось не таким простым делом, как представлялось на первый взгляд. Отсыпаясь после своей затянувшейся экскурсии в Западу, он дрых как убитый, и когда его стали трясти, только блаженно чмокал губами. Правда, из-под медвежьих шкур показалась голова Данизы, которая обвела склонившуюся над ней троицу кроткими волоокими глазами и не произнесла ни слова, даже когда Кюллики зашипела на нее, как кошка. Ши окончательно решил, что Даниза принадлежит к редкостному типу весьма сексапильных, но молчаливых красавиц.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Байярд настолько пришел в себя, чтобы составить компанию Ши. В покоях Лемминкяйнена тусклый свет свечи, которую несла Кюллики, выхватил из темноты героя, по диагонали распластавшегося на постели. Был он полностью одет и храпел, словно работающая лесопилка. Он даже не пошевелился, когда Ши осторожно приподнял его ногу, чтобы пропустить петлю сыромятной веревки, и только изредка менял ритм храпа, пока они перекатывали его туда-сюда, заматывая, словно кокон.

Кюллики заметила:

— Матери его это вряд ли придется по вкусу, карге старой. Заботит ее лишь одно: чтоб постоянно был он у нее под рукой. Все волосья бы ей повыдергивала!

— За чем же дело стало? — зевнул Ши.— Ну ладно, пошли, детка, попробуем немного вздремнуть. Когда этот кабан очухается, будет уже не до сна.

Он оказался более чем прав: прошло от силы минут десять, как ему пришлось опять вскакивать с постели и вслед за Байярдом мчаться в соседнюю комнату, из которой доносился чудовищный рев. По силе его можно было сравнить разве что с паровым органом — герой и впрямь исправно исполнил роль будильника.

Лемминкяйнен катался по полу, изрыгая проклятия и силясь освободиться от пут, а Кюллики, даже не пытаясь скрыть презрительную усмешку на своем смазливом личике, с не меньшей быстротой сыпала издевками. Внезапно герой сделал передышку, скривился и монотонно затянул:

Не мечтайте, что уважу
Ныне ваши пожеланья,
Коль глумиться вы решили!

Я еще увижу всех вас,
Кроме Танисы прекрасной,
В глубочайших безднах Маны!
Скоро все вы в царство Хийси
Полетите, кувыркаясь!
Вздумали сдержать веревкой
Каукомъели-чародея?
Гляньте только: с моих членов
Путы жалкие спадают!

Ши пригляделся: а ведь и впрямь! Веревки на ногах Лемминкяйнена действительно заметно ослабли. Ши принялся лихорадочно выдумывать противодействующее заклинание.

— Эй, кончай! — крикнул Байярд, обращаясь, судя по всему, к некоей точке в паре футов позади Лемминкяйнена.

— Чего кончай? — оторопел Ши.

— Развязывать его!

— Но если его чары...

— Сам ты чары! Это я про старуху!

— Какую еще старуху? — оторопел Ши.

— По-моему, это мать Лемминкяйнена. Ты что, слепой?

— Наверное. Ты хочешь сказать, что она там, невидимая, его развязывает?

— Вот именно, но только никакая она не невидимая!

Веревка виток за витком сама собой сползала со ступней, лодыжек и коленей героя. Вскоре торжествующе ухмыляющийся Лемминкяйнен изловчился и вскочил на ноги.

— Да останови же ее, ради бога! — воззвал Ши.

— А? Ах да, сейчас!

Байярд подступил почти вплотную к Лемминкяйнену и обеими руками вцепился в пустоту. Послышался истошный визг, и в паре футов от героя материализовалась мать Лемминкяйнена, которая из-под спадавших на глаза перепутанных волос злобно таращилась на Байярда, крепко ухватившего ее за руки. Кюллики с не меньшим бешенством уставилась на нее в ответ.

— Спокойно, спокойно,— умиротворяюще проговорил Ши.— Мы вовсе не собираемся обижать вашего сына, леди. Только хотим убедиться, что он действительно намерен выполнить свою часть сделки.

— Гибельна ваша сделка! Намерены вы погубить его! — каркнула старуха.

— А ты из него заместо героя слабака готова сделать, что за женскую юбку держится! — огрызнулась Кюллики.

— Что верно, то верно,— сказал Ши.— Честно говоря, я сильно в тебе разочарован, Кауко.

Торжествующую улыбку Лемминкяйнена сменило насупленное выражение.

— Это ты о чем? — грозно вопросил он.

— Я-то думал, ты действительно величайший герой Калевалы, а ты взял и попросту струсил идти в Похъёлу!

Лемминкяйнен нечленораздельно взревел, после чего сбавил тон до обычного рыка:

— Это я-то струсил?! Клянусь Юмалой, освободи меня только от пут, и башку я тебе оторву — узришь тогда, сколь я испуган!

— Не выйдет, пупсик. Вот доставишь Пита из Занаду, тогда и поговорим о возможных изменениях в наших планах.

На физиономии героя опять возникло плутовское выражение.

— А ежели доставлю я детектива вашего шустрого из Западу, готов ли ты, о Пайарт, отдать мне Танису прекрасную?

— Я далеко не уверен...— начал было Байярд, но его тут же перебил Ши:

— Вот уж фиг тебе. Ничего такого в первоначальных условиях договора не было. Либо приступай, либо мы тебя больше знать не знаем!

— Ладно тогда! Но от сих пут должны освободить вы меня, дабы заклинанья мои чудодейственные текли гладко.

Ши наклонился к Кюллики.

— Ему можно доверять? — спросил он.

Голова ее вздернулась вверх.

— Глупец! Супруг мой завсегда слово держит... Но... но может заколдовать он Пайарта, дабы девицею его завладеть!

Ши подступил к Лемминкяйнену и принялся развязывать узлы.

— Она права, Уолтер. А потом, есть опасность, что в ходе заклинания тебя может забросить обратно в Занаду. Лучше держись отсюда подальше — как можно дальше от этого дома. Я не знаю, на какую дистанцию распространяется действие подобного колдовства, но не думаю, что на очень большую.

Байярд направился к дверям. Когда последняя петля упала с рук Лемминкяйнена, он воздел их над головой, присел и задумчиво наморщил лоб. Наконец он произнес:

— Готов ли ты, Харольд? Ладно, тогда приступим.

Запрокинув голову, он затянул:

В Занаду, о Пьетар Протски,
Ты не слишком засиделся?..

Монотонное пение все продолжалось, а Ши тем временем спокойно углубился в силлогизмы. Лемминкяйнен забирал все выше и выше, и когда его голос был уже готов сорваться на визг, в дверях показалась Даниза с вопросительным выражением на прекрасном отсутствующем лице.

— Не видали ли вы господина моего? — поинтересовалась она.

— ...И пребудь же ныне с нами! — на самой высокой ноте закончил Лемминкяйнен в этот самый момент.

Произошло сильное колебание воздуха; мгновение лишь облако ярких искр висело там, где только что стояла гурия. А когда они рассеялись, на ее месте присутствующие узрели плотного типа в изрядно помятом коричневом костюме американского покроя.

5

— Эт-то еще что за хреновина?! — вопросил Пит, но тут глаза его остановились на Гарольде Ши.— Ши! Ты арестован! За похищение человека и сопротивление представителю власти!

— А я-то думал, мы давно уже все утрясли,— миролюбиво отозвался Ши.

— Да что ты? Думаешь, коли упрятал меня в эту идиотскую сказочную страну, так можешь теперь как сыр в масле кататься? Так вот: этим ты только достукался еще до одной статьи — нарушение норм приличия во время театрализованных представлений! Как тебе это нравится? Лучше тебе пройти со мной!

— Пройти куда? — невинно осведомился Ши.

— А? — Пит Бродский оглядел обстановку комнаты и уставился на обмякшего Лемминкяйнена.— Что это, к чертям собачьим, за дыра?

— Калевала.

— А это где? В Канаде?

Ши дал необходимые пояснения, добавив:

— А вот и моя жена, которую я якобы то ли похитил, то ли убил. Дорогая, это детектив Бродский. Пит, это Бельфеба. Разве она похожа на труп?

— Так вы и впрямь та самая дамочка, что таинственно исчезла с пикника в Огайо? — спросил Бродский.

— Истинно та самая,— ответствовала Бельфеба,— и супруг мой к сей пропаже никакого не имел отношения.

— А кроме того,— добавил Ши,— ты не на своем участке. Тут у тебя нету никаких полномочий.

— Да ты, гляжу, законник! Но я тебя малость просвещу: как раз на этот случай и есть закон о преследовании по горячим следам. Фактически я вел такое преследование аккурат с того самого момента, как еще в Огайо ты вздумал рвать когти. Где тут ближайший американский консул?

— Спроси лучше у Лемминкяйнена. Он тут местный начальник.

— У этого кабана-то? А по-английски он говорит?

Ши улыбнулся:

— Ты и в Занаду вроде общался без проблем. А сейчас говоришь по-фински, даже сам того не подозревая.

— Ладно. Послушайте, мистер...

Понурый Лемминкяйнен, который до сих пор ни на что не обращал внимания, поднял голову.

— *Изыди, несчастный, я в печали,— уныло молвил он.*— О, своими собственными стараниями лишился я объятий Танисы прекрасной!

Он сверкнул глазами на Ши.

— О вестник беды! Будь со мной моя сила, поквитался бы я с тобою!

Вмешалась Кюллики:

— У того много силы, кто ест как следует!

Подобное напоминание, судя по всему, Лемминкяйнена несколько ободрило.

— Так почто ж ты время тратишь на пустую болтовню, когда животы нам подвело? — вопросил он, и Кюллики немедля выкатилась вон. Мать героя бросилась вдогонку.

Ши вышел на улицу, чтобы разыскать Байярда и объяснить ему ситуацию с Данизой. Весть о ее исчезновении явно не причинила психологу невыносимых страданий.

— Это была превосходная возможность поупражнять либидо,— заметил он,— но боюсь, что со временем она бы мне безумно наскучила. Личности с ее строением интеллекта часто убеждены, что физическая красота способна обеспечить им почет и уважение без всяких дополнительных усилий.

С этими словами он преспокойно отправился вслед за Ши в дом, где уже был готов завтрак.

Лемминкяйнен предпочел завтракать у себя в спальне, а остальные устроились в зале с Питом Бродским, который буквально набросился на жареное мясо, сыр и пиво, а когда насытился, удовлетворенно рыгнул напоследок.

— Видать, парни, я с вами и взаправду маленько обмишурился,— сказал он, вытирая губы грязным платком.— Вроде вы ребята правильные, просто малость со странностями — усек, о чем я? Ну а теперь выкладывай все от и до.

Ши как можно подробней объяснил, что произошло в континууме «Неистового Роланда» Ариосто и почему Вацлав Полячек с доктором Ридом Чалмерсом до сих пор пребывают там.

— Но,— закончил он самым что ни на есть добродетельным тоном,— вас с Уолтером Байярдом мы никак не могли бросить в Занаду.

— Я въехал,— отозвался Бродский.— Ты сообразил, что лучше тебе самому вытащить нас из этого наркоманского притона, не то тебя с ходу заметут. Ладно, вроде все по-честному. И чё нам светит дальше?

Ши рассказал о намеченном походе в Похъёлу. Бродский помрачнел.

— Выходит, надо обязательно переться туда и ворошить это осиное гнездо? Лично мне это особо не климатит. Разве нельзя попросту свалить обратно в Огайо? Насчет обвинений не переживай — я шепну за тебя словечко в участке.

Ши помотал головой:

— Только не мне. Особенно после того, как я подначил Лемминкяйнена насчет его способности держать слово. Послушай, ты угодил туда, где действует магия, а это тебе не шуточки! Когда чего-нибудь получаешь, а в ответ обещаешь что-то взамен, лучше и не думай отвертеться от обещания — иначе не то что с носом, без носа останешься!

— Ты хочешь сказать, что если мы вздумаем их кинуть, то нам с Байярдом опять светит это чертово стрип-шоу с медом?

— Совсем не исключено.

Бродский тряхнул головой:

— Тогда делать нечего. Так уж, видно, мне на небесах предопределено. Когда отчаливаем?

— Скорее всего завтра. Лемминкяйнен в полном отрубе после того, как доставил вас из Западу, и раньше утра не очухается.

— Ясно,— сказал Бродский.— А что будем делать сегодня? Просто в потолок плевать?

Ши повернулся и посмотрел за окно.

— Пожалуй, что так,— ответил он.— Кажется, дождь собирается.

День тянулся нескончаемо долго. Кюллики и мать Лемминкяйнена неустанно носились туда-сюда, таская лежащему в лежку герою подносы с едой. Время от времени кое-что перепадало и на общий стол в зале, за которым Бродский с Уолтером Байярдом завели бесконечные разговоры о предопределении, первородном грехе и картезианстве. Через некоторое время Ши с Бельфебой удалились в уголок, оставив их за беседой, тем более что ни Кюллики, ни мать Лемминкяйнена особой общительностью не отличались. Дело уже было к вечеру, и низкое небо стало заметно темнеть, хотя факелов и свечей еще не зажигали, когда к ним подошли Бродский с Байярдом.

— Слышь, дело есть,— начал детектив.— Мы тут с этим Байярдом, мы тут подумали, и нас внезапно осенило. Ты ведь разбираешься во всех этих магических штучках, точно? Тогда почему бы тебе не накласть на этого фона-барона какие-нибудь чары, чтоб он и думать забыл про этот притон в Похъёле — чтоб раз, и как отрезало? Тогда он без всяких там яких попросту забросит нас в родные места. Ну как?

Ши призадумался.

— Не знаю. Как бы он не отплатил нам той же монетой. Чародей он далеко не из последних и играет на своем поле, где он знает все правила, а я нет. А потом, я тебе уже объяснял, что может случиться, если попытаешься нарушить магическое соглашение.

— Но послушай,— вмешался Байярд,— мы ведь не предлагаем ничего неэтичного, даже с точки зрения магии! Все, что требуется,— это заклинание, которое заставит его воспринимать вещи с нашей точки зрения. Ему доверили осуществить великое деяние по нашему спасению, которое все эти герои из романов ценят гораздо выше всего прочего, насколько я себе это представляю. В качестве более материального вознаграждения можно оставить ему что-нибудь из наших артефактов. Твой меч или лук Бельфебы, к примеру.

Ши повернулся к жене:

— Что скажешь, детка?

— Не слишком-то мне это по вкусу, но не вижу я ни единого аргумента супротив доктрины подобной. Поступай как знаешь, Гарольд.

— Ну что ж, по-моему, делать хоть что-то всяк лучше, чем не делать вообще ничего.— Он встал.— Ладно, попробую.

Действуя вокруг да около, он ухитрился выяснить у матери Лемминкяйнена немало подробностей подноготной героя, памятуя о том, что одним из основных требований магии Калевалы являлось досконального знакомство с человеком или предметом, который ты пытаешься заколдовать. Задача была сравнима с попытками выудить кусок мыла, упавший в кипяток: хозяйка дома тарахтела с пулеметной быстротой, и вскоре Ши обнаружил, что по части памяти ему с Лемминкяйненом не сравниться, поскольку самому ему пару раз пришлось перекрывать ее словесный поток просьбами повторить.

Процесс продолжился за очередным обильным пиршеством; когда с едой было покончено, Ши удалился в уголок у очага с большой кружкой пива и принялся сочинять текст магического песнопения — четырехстопным ямбом, по образцу Лемминкяйнена. Этот стихотворный размер был ему не особо знаком, и он постоянно забывал отдельные строчки, отчего в конце концов раздобыл уголек и попытался нацарапать некоторые ключевые слова прямо на полу. Когда остальные стали отходить ко сну, дело было почти сделано. Байярд уже вовсю храпел из-под горы шкур, когда Ши, наконец удовлетворенный, запасся факелом, направился к двери спальни героя и негромко продекламировал свое сочинение.

Когда он закончил, в глазах у него на мгновение словно что-то вспыхнуло, и он почувствовал легкое головокружение. Причиной могло быть и пиво, но все же Ши пришел к заключению, что колдовство сработало, и на ватных ногах направился в свою спальню, чуть не промахнувшись мимо держателя, когда вставлял в него факел.

Бельфеба села на постели, до подбородка завернувшись в меховое одеяло; выражение лица у нее было далеко не приветливое.

— Ку-ку, дорогая,— поприветствовал ее Ши. Негромко икнув, он уселся на постель и принялся стаскивать сапоги.

— Убирайтесь вон, сударь! — приказала Бельфеба.— Я честная жена!

— А-а? — удивился Ши.— А кто же в этом сомневается? И на кой черт вся эта пожарная тревога?

Он протянул к ней руку, но Бельфеба ловко увернулась, забилась поглубже в угол и во весь голос завопила:

— Гарольд! Уолтер! На помощь, ко мне пристают!

Ши ошалело уставился на нее. Чего это она уворачивается? Что он такого сделал? И почему она кричит «Гарольд!», когда вот он, рядом?

Прежде чем он успел сказать хоть что-нибудь вразумительное, за спиной у него послышался голос Байярда:

— Опять он за свое! Хватай его и вяжи, а уж потом Гарольд придумает, что с ним делать!

— С ума все тут, что ли, посходили? — вопросил Ши и тут же почувствовал, как в руку ему вцепился Бродский. Он вырвал ее и собрался врезать детективу как следует, но тот увернулся, ловко мотнув головой. И вдруг воцарилась тьма.

Очнулся Ши с дикой головной болью и противным вкусом во рту. Да, с пивом он вчера явно перебрал, а в довершение прочего был еще и связан — куда более основательно, чем Лемминкяйнен прошлой ночью. Только занимался рассвет; откуда-то снаружи доносилось металлическое звяканье — видимо, рабы уже приступили к работе по дому. Две кучи медвежьих шкур рядом с ним на полу представляли собой, очевидно, Бродского с Байярдом.

— Эй, ребята! — позвал он.— Что тут приключилось?

Храп под одной из куч утих, и возникла голова Бродского.

— Ну вот что, болван. Один раз тебя уже вырубили. И если ты немедля не заткнешься, получишь добавки!

Ши задохнулся от злобы. Судя по боли в голове, Бродский и впрямь здорово его приложил — не исключено, что и дубинкой. Чтобы не подвергнуться подобной экзекуции вторично, Ши предпочел смолчать, но он искренне не мог понять, почему все на него так взъелись — разве что Лемминкяйнен ухитрился наложить на него некие чары, пока он пытался заколдовать его самого. Наверняка так оно и вышло, решил Ши и, валяясь спеленутым на полу, принялся выдумывать ответное заклятие, сообразуясь с традициями Калевалы. За этим занятием его опять сморила дремота.

Пробудил его громовой хохот.

Уже совсем рассвело. Все обитатели дома столпились вокруг него, включая и Бельфебу с озабоченным выражением на лице, а хохотал не кто иной, как Лемминкяйнен, который буквально складывался пополам, икая от смеха. У Байярда был просто удивленный вид.

В конце концов хозяин дома отдышался настолько, чтобы выговорить:

— Тащи-ка мне воды бадью, Кюллики,— хо, хо, хо! — сейчас вернем мы сему сыну Охайолы облик должный!

Кюллики принесла затребованную бадью. Лемминкяйнен прошептал над ней какое-то заклинание и выплеснул ее содержимое прямо в физиономию Ши.

— Гарольд! — вскричала Бельфеба. Бросившись к распростертому на полу Ши, она принялась покрывать его мокрую и всклокоченную голову поцелуями.

— Извелась я от тревоги, когда не пришел ко мне ты ночью нынешней! Следовало догадаться мне, что угодил ты в некую ловушку!

— Развяжите меня,— буркнул Ши.— Это в каком смысле я к тебе не пришел? Как же, по-твоему, я во все это вляпался?

— Нет, только теперь я это поняла! — воскликнула девушка.— А тогда наружность у тебя была точь-в-точь как у Лемминкяйнена. Ужель испытать ты меня решил?

— Во-во,— поддакнул Бродский.— Извиняй, Ши, что шмякнул тебе по башке дубинкой, но откуда, к чертям собачьим, нам было знать?..

Ши потянул затекшие руки и поскреб щетинистый подбородок. Наконец-то до него дошло. Выходит, в результате собственного колдовства этой ночью он обрел точный облик Лемминкяйнена, а выяснилась ошибка только сейчас.

— Я хотел испробовать одно чародейство,— сказал он,— но, по-моему, что-то не срослось.

— Был ты истинным близнецом Лемминкяйнена великого,— подтвердил герой.— Знай же, о пришелец из Охайолы, что законы магические гласят: когда волшебные чары плетутся ошибочно, что угодно облик свой поменять способно! Впредь и не мысли с истинным знатоком равняться, покуда искусством магическим не овладеешь получше!

Он обернулся.

— Матушка! Кюллики! Подавайте на стол, ибо пора нам в дорогу!

Бельфеба обратилась к Ши:

— Гарольд, отнесись к предостереженью сему повнимательней! Реченье о том, что ежели неточность допустишь ты в заклятии, то вещи давно знакомые наружность могут поменять, хорошенько запомнить следует!

— Угу, законы магии здесь несколько иные. Знать бы мне про это вчера!

Все расселись вокруг стола. Лемминкяйнен непрерывно острил, высмеивая случившийся с Ши казус и хвастаясь, что он сделает с обитателями Похъёлы, когда до них доберется. Про Данизу и вообще про прекрасный пол он, как видно, и думать забыл.

Вид у его матери был все более и более печальный. Наконец она вымолвила:

— Если ты ради себя самого не хочешь, так хоть ради меня выслушай! Ужель готов ты оставить мать свою одну-одинешеньку и без всякой защиты?

— А столь ли потребна тебе защита? — отозвался герой.— Но, коли так уж страшно тебе одной оставаться, изволь! Вот тебе Пайарт, вот Пийт — так и быть, побудут они с тобою, хоть даже от обоих и на треть не будет столь же проку, как от меня, героя!

— Гарольд...— начал Байярд, которого тут же перебил Бродский:

— Эй, а мы разве не с вами?

Лемминкяйнен решительно помотал головой:

— Не вижу в сем ни малейшего смыслу. Задача грядущая лишь для героев истинных. Харольши клинком искусно играет, а дева стрелы из лука мечет, хоть обоим и далеко до меня самого, как до неба. Но вам-то, жабам охайолским,— вам чего в дело такое соваться?

— Слышь, ты, деревня! — начал было Бродский, угрожающе поднимаясь из-за стола.— Выйдем-ка в тамбур, и сразу все поймешь! Мне плевать — будь ты хоть сам Финн Маккул!

Байярд примирительно поднял руку.

— Минуточку, Пит,— сказал он.— Наверное, он все-таки прав. Те виды деятельности, в которых мы преуспели в Огайо, в данном континууме не пользуются большим спросом, и от нас будет больше проку, если мы останемся охранять базу — то бишь здесь.

Он бросил взгляд на Кюллики.

— А потом, мне пришло в голову, что ты мог бы воспользоваться случаем. Сомневаюсь, чтобы местные жители когда-либо слышали о предопределении и первородном грехе.

— А ты башка! — уважительно отозвался Бродский, опускаясь на место.— Если с умом повести дело, глядишь, пару-тройку новообращенных зацепим!

Лемминкяйнен был уже на ногах и направлялся к дверям. С колышка на стене он снял длинный сыромятный аркан и направился на луг, где вокруг дуба по-прежнему терся все тот же копытный квартет. Завидев Лемминкяйнена, животные двинулись было прочь, но герой быстро раскрутил аркан и ловко набросил его на рог огромного оленя. Затем, бормоча нечто вроде: «Ну-ну, лось Хийси!» — и быстро перебирая натянутую веревку, он приблизился к зверю вплотную и набросил петлю ему на шею. Олень попятился; Лемминкяйнен без всякого напряжения дернул, и тот повалился на колени.

Пит Бродский вытаращил глаза.

— Батюшки! — приглушенно ахнул он.— Видать, повезло мне, что не сцепился с эдаким боровом!

Лемминкяйнен двинулся обратно через луг, ведя за собой оленя, словно комнатную собачонку. Внезапно он остановился и замер. Ши проследил направление его взгляда и увидел, что какой-то человек, для раба слишком богато наряженный, стоит в дверях дома и о чем-то беседует с Кюллики. Когда они подошли ближе, стало ясно, что ростом незнакомец примерно с Лемминкяйнена, но шире его в плечах, а борода у него длинная и седая, как у Санта-Клауса. Лучась улыбкой, он повернулся к герою. Оба упали друг другу в объятия, каждый мощно похлопал другого по спине, после чего они немного отодвинулись, держа друг друга за плечи. Незнакомец продекламировал:

О веселый Лемминкяйнен!
Верно ли, что путь ты держишь
Во туманны земли Турьи,
Чтоб с подмогой чужеземцев
Ильпотар-каргу прищучить?

И они опять страстно обнялись, похлопывая друг друга по спинам.

— Не желаешь ли и ты Похъёлу со мною навестить? — проревел Лемминкяйнен.

— Ну уж нет, вельми я занят — все подыскиваю себе жену новую! — проорал в ответ седобородый, и оба разразились таким хохотом, будто это была невесть какая блестящая острота.

Бродский с Байярдом сдавили Ши с боков и засыпали его вопросами. Ши ответил:

— Этот старик, должно быть, Вяйнямёйнен, великий менестрель и волшебник. Черт, если б я заранее знал, где его искать, то не вляпался бы в такую историю...

— Какой еще старик? — перебил Байярд.

— Вон тот, который треплется с Лемминкяйненом и молотит его по спине. Ну, который с бородой.

— Никого похожего не вижу,— объявил Байярд.— Это же совсем мальчик, а бородка у него едва пробивается.

— Что-о?!

— Ему не больше двадцати!

Ши воскликнул:

— Тогда это опять магическая иллюзия, и этот тип наверняка что-то затевает. Следи за ним!

Мнимый Вяйнямёйнен, судя по всему, пытался задавать Лемминкяйнену какие-то вопросы, но то и дело кто-нибудь из собеседников прерывался, дабы продекламировать пять-шесть стихотворных строк, после чего следовали неизбежные объятия и похлопывания по спине. Внезапно после очередной подобной декламации Бродский вдруг совершил гигантский прыжок и ухватил незнакомца за запястье — в тот самый момент, когда тот стал опускать руку. Детектив проворно крутнулся на месте, закинул перехваченное запястье через плечо и энергично шагнул вперед. Ноги незнакомца взлетели вверх, а сам он воткнулся головой в высокую траву, стискивая в кулаке угрожающего вида нож. Бродский хладнокровно пнул его под ребра. Нож упал на землю.

«Санта-Клаус» не без труда оторвал голову от земли и сел, прижимая к боку поврежденную руку. Физиономия его кривилась от боли. Лемминкяйнен был явно взбешен. Ши объявил:

— Уолтер утверждает, что этот человек вовсе не тот, за кого себя выдает. Не стоит ли взглянуть на его истинное лицо?

Лемминкяйнен вполголоса пропел заклинание и плюнул пришельцу на макушку. Возникла землистая юная физиономия, искаженная злобой и ненавистью. Герой воскликнул:

— Итак, друзья мои из Похъёлы прислали мне привет и поздравления по поводу путешествия моего грядущего! А ну, склоняй-ка голову свою, шпион!

Вытащив свой меч, он попробовал пальцем острие.

— Эй! — вмешался Бродский.— Нельзя же так вот попросту оттяпать ему башку!

— С какой это стати? — удивился Лемминкяйнен.

— Он же не пытается оказать сопротивление или смыться. Как же закон?

Лемминкяйнен с искренним изумлением потряс головой.

— Пийт, наистраннейший ты из людей, а речи твои и вовсе бессмысленны! Эй, шпион, склонишь ты голову сам или же холопов мне кликнуть, дабы обошлись они с тобою в обычной своей манере?

Ши объяснил Питу:

— Ни судов, ни присяжных тут нету. Я уже говорил, что этот парень здесь большой начальник и суд вершит собственноручно.

Пит покачал головой.

— Вот безбожник,— только и буркнул он, когда меч Лемминкяйнена свистнул в воздухе. Голова лазутчика со стуком покатилась по траве, выпустив фонтанчик крови.

— Рабы, зарыть эту падаль! — громовым голосом распорядился Лемминкяйнен, после чего повернулся к пришельцам из Огайо. Ши заметил, что на лице его вновь появилось деловитое выражение.

— Заслужил ты благодарность героя,— объявил он Бродскому.— Доселе не видывал я захвата в рукопашной подобного!

— Джиу-джитсу,— скромно откликнулся Пит.— Научиться — раз плюнуть.

— На пути нашем в Похъёлу далекую будешь сопровождать ты нас и покажешь!

Лемминкяйнен обвел глазами собравшихся.

— Который тут из вас чародей столь искусный, что проник за фальшивую личину, коя ввела в заблужденье даже меня, знатока чар волшебных?

— Ну, наверное, это я,— сказал Байярд.— Только никакой я не чародей. Куда мне до Гарольда!

Ши заметил:

— Уолтер, скорее всего именно в этом-то и причина. Кстати, именно потому док Чалмерс и не сумел тебя вытащить из Занаду. Помнишь, как ты углядел мать Лемминкяйнена, когда она его развязывала, хотя никто из нас этого не видел? Ты, наверное, слишком рациональный или еще какой, отчего чары, изменяющие облик, на тебя не действуют.

Он повернулся к Лемминкяйнену:

— От этого парня в пути будет больше проку, чем от всех нас, вместе взятых.

Герой задумался и отнюдь не сразу провозгласил:

— Во имя глаз твоих острых, о Вольтерпайарт, так тому и быть, ибо скрывать нечего: многочисленны и диковинны чары, что путь ограждают в край тумана и тьмы!

6

По приказу Лемминкяйнена рабы вытащили из сарая, заваленного упряжью и прочим подобным барахлом, самые большие из всех четырех саней.

— Ну и дела! — поразился Пит Бродский.— Не рановато ли начальничек готовит санки?

— В самый раз,— отозвался Ши.— Это здесь единственный вид транспорта.

Детектив покачал головой:

— Если б я рассказал своим в участке, что на санках можно кататься без снега, там бы решили, будто я сам под «снежком». Неужели они до сих пор не додумались до автомобилей? Слышь, Ши, а нельзя выколдовать хоть какую-нибудь развалюху? Не обязательно супер-пупер — главное, чтоб на ходу. Представляешь, как эти деревенщины рты поразевают!

— Автомобиль здесь работать не будет, даже если бы это у нас вышло,— твердо ответил Ши.— Равно как и твой пистолет. Запомни: это относится абсолютно ко всему, что здесь еще не изобретено.

Он обернулся и посмотрел на рабов, выносивших из дома охапки меховых одеял и огромные кули с провизией. Все это хозяйство они споро крепили к саням сыромятными веревками. Двое притащили бочонок с пивом и добавили в общую кучу. Судя по всему, лося Хийси ожидала нелегкая работенка, но, внимательно оглядев гигантского зверя, Ши пришел к заключению, что с задачей он справится. Лемминкяйнен громовым голосом распорядился уложить снаряжение и теплую одежду для Байярда с Бродским, на американские костюмы и галстуки которых поглядывал с нескрываемым презрением.

Наконец подготовка была закончена. Все рабы высыпали из домов и выстроились по бокам от обеих женщин Лемминкяйнена, который смачно расцеловал своих дам и, призывая остальных садиться в сани, запрыгнул туда сам. Сразу стало тесно. Как только он щелкнул кнутом и гигантский олень натянул постромки, все до единого рабы вместе с женщинами закинули головы и разразились визгливыми заунывными причитаниями. Судя по всему, большинство провожающих не знали как следует ни слов, ни мелодии — а те, кто знал, фальшивили почем зря.

— О боги! — шепнула Бельфеба.— Очень рада я, Гарольд, что прощанья подобные не грозят нам слишком часто!

— Я тоже,— отозвался Ши, прикрывшись ладонью.— А Лемминкяйнена-то проняло! У этого детины и впрямь на глазах слезы!

— Эх, жаль, что у меня нос заложен,— объявил Бродский,— не то я им такую бы «Матушку Макгри» сбацал, что они б тут все обрыдались!

— С полипом в носу у тебя бы еще жалостливей вышло,— сухо заметил Байярд, тут же хватаясь за край саней, поскольку лось Хийси перешел на размашистую рысь, отчего сани принялись вовсю подскакивать и раскатываться в жидкой грязи, наполнявшей ведущую на север узкую колею.

— Эй, слышь...— начал было Бродский, но в этот самый момент здоровенный ком грязи, вылетевший из-под оленьих копыт, напрочь залепил ему физиономию.

— Иисус Мария! — вскрикнул он, после чего сконфуженно покосился на Бельфебу.— Все пучком, леди. Мне так дало по башке, что я малость забылся, хотя надобно принимать все как есть, ибо в Книге Судеб каждому все расписано как по минутам — вплоть до самой распоследней мелочи.

Лемминкяйнен обернулся.

— Чудной язык у вас в Охайо,— заметил он,— но все ж уразумел я высказывание твое, о Пийт: никому не дано избежать того, что на роду ему предначертано!

— Врубился-таки! — восхитился Пит.

— Тогда,— продолжал герой,— коли знаком кто с чарами волшебными, то может вызвать он духов из далекого будущего, кои поведают ему, чего ожидать следует.

— Э, погоди-ка...— возразил было Бродский, но Ши его авторитетно перебил:

— В некоторых континуумах такое вполне возможно.

— Стоит попробовать и в этом, Гарольд,— сказал Байярд.— Если в данной мысленной структурной модели, как ты это на-

зываешь, действительно имеются необходимые предпосылки, способность предвидеть возможные последствия тех или иных действий может избавить нас от множества проблем. Как по-твоему, твоего знания магии...

В этот момент они врезались в валун, и Ши рухнул на колени Бельфебе — единственному члену экспедиции, сумевшему расположиться в подскакивающих санях более-менее комфортно. Не сказать, чтобы дорога стала хуже, чем в начале путешествия, но когда висишь в неудобной позе, испытывая постоянные толчки, поддерживать непринужденную беседу непросто. Почти вплотную с обоих боков нескончаемыми вереницами, словно колья частокола, убегали назад стволы берез и елей, а сквозь нависающие над дорогой сучья и ветки лишь изредка мелькали ускользающие клочки неба. Дорога немного петляла: не по каким-то топографическим соображениям, насколько мог предположить Ши, поскольку местность была плоской, как подошва утюга, а скорее из-за особенностей местной навигации — вернее, полного отсутствия таковой. То справа, то слева лес изредка расступался, и среди деревьев проглядывали крошечный хутор или озеро. Раз они наткнулись на встречные сани, запряженные лошадью, отчего всем пришлось вылезать и распихивать свои транспортные средства вручную, чтобы разъехаться.

Наконец, когда они приблизились к очередному проглянувшему сквозь деревья озерцу, Лемминкяйнен осадил своего исключительного зверя и выпрыгнул из саней.

— Тут устроим мы остановку, дабы немного подкрепиться!

С этими словами он принялся энергично потрошить мешки и котомки.

Истребив, по своему обыкновению, такое количество провизии, какому позавидовал бы и сам Гаргантюа, он удовлетворенно рыгнул, вытер губы кулаком и объявил:

— Вольтерпайарт и Пийт, хоть и дозволил я вам сопровождать меня в походе, не будет с вас проку даже при всех ваших знаниях, покуда ремеслу вы воинскому не обучитесь. Прихватил я для вас мечи, и, пока отдыхаем мы, постигайте искусство владения ими — под руководством величайшего из воинов Калевалы!

Порывшись в багаже и вытащив пару неуклюжих обоюдоострых клинков, он вручил их упомянутым и уселся на длинный еловый корень, явно приготовившись как следует насладиться зрелищем.

— Руби его, о Вольтерпайарт! — гаркнул он.— Снеси ему башку!

— Эй! — забеспокоился Ши, поглядывая на унылые физиономии сотоварищей.— Так не пойдет. Они в этом деле ни черта не смыслят и только зря покалечат друг друга.

Лемминкяйнен откинулся на ствол дерева.

— Либо они этому делу обучатся, либо со мною далее не поедут!

— Но ты же сам сказал, что им можно ехать. Так нечестно!

— Не было такого в нашем договоре,— упрямствовал герой.— Отправились они с нами по моему дозволению, а теперь отменяю я его. Либо пускай упражняются, либо отправляются домой.

На лице его была написана твердая решимость поступить именно таким образом, и Ши был вынужден признать, что с юридической точки зрения он совершенно прав. Но тут на выручку пришла Бельфеба:

— В Царстве Фей, когда обучаем мы новичков зеленых клинком владеть, то применяем деревянные мечи или же попросту ветки, дабы увечий они себе не нанесли.

После непродолжительных пререканий Лемминкяйнен все же согласился на предложенный компромисс. Вскоре Бродский с Байярдом под его язвительные замечания уже вовсю хлестали друг друга палками, вырезанными из стволов молодых березок; запястья они для вящей безопасности обмотали тряпками. Байярд был выше ростом и мог достать дальше, но занятия джиу-джитсу выработали у Бродского хорошую реакцию. После нескольких и без того удачных ударов он так шмякнул противника по руке, что тот выронил свою палку.

— Руки, почитай, нету,— констатировал Лемминкяйнен, успевший полностью войти в роль тренера.— Ну ладно... Все равно никому из вас в жизни не стать таким бойцом и героем, как Каукомъели!

Повернувшись, он направился запрягать оленя. Бельфеба потихоньку положила руку на плечо Ши, поскольку того так и подмывало напомнить герою нелицеприятные подробности одного совсем недавнего поединка.

Дневной отрезок пути оказался полной копией утреннего: окружающая обстановка и не думала меняться, оставаясь столь же монотонной — равно как толчки и тряска, сопутствующие их продвижению. Поэтому Ши ничуть не удивился, когда Лемминкяйнен сам предложил пораньше устроить привал. Вместе с Бродским

и Байярдом они соорудили из веток и сучьев нечто вроде односкатного треугольного шалаша, в то время как герой с Бельфебой углубились в лес, чтобы разжиться свежей дичью к ужину.

Пока они обгладывали кости каких-то птиц, размером напоминавших курицу, а вкусом куропатку, Лемминкяйнен растолковывал, что поход в Похъёлу он затеял по той причине, что при помощи волшебства вызнал про намечающееся там большое свадебное торжество, на которое его не пригласили.

— Портить людям праздник из-за такой чепухи? — удивился Бродский.— Чего-то я не просеку. Послал бы их подальше, и всех делов!

— Сие уронило бы мою репутацию,— важно ответствовал Лемминкяйнен.— А кроме того, ожидается там великое число колдунов и чародеев, кои будут демонстрировать свое искусство. Много потеряю я, коли не буду при том присутствовать.

Бельфеба сказала:

— Условились мы сопровождать тебя, сэр Лемминкяйнен, и не мыслю я идти на попятный. Но ежели столь велико торжество намеченное и столь много гостей на нем ожидается, невдомек мне, как даже с нашей четверкою управишься ты с задачей своей быстрей и лучше, нежели в одиночку.

Лемминкяйнен раскатисто расхохотался.

— О девица, о Пельфепи, поразмысли-ка получше! Для любого волшебства потребна основа. Располагая тобою и луком твоим, могу поднять я сотни стрелков; с Хароляйненом кипучим в ряд выстрою тысячи воинов — но только ежели будете вы у меня под рукою!

— Он прав, детка,— подтвердил Ши.— Старая добрая симпатическая магия. Помню, как-то док Чалмерс меня на этот счет просветил. Что это у тебя там?

Лемминкяйнен успел вытащить из объедков несколько длинных перьев и теперь бережно их разглаживал. На лице его застыло то самое преувеличенно хитрое выражение, которое они уже не раз наблюдали.

— В Похъёле теперь точно знают, что величайший из героев и чародеев все ближе,— сказал он.— Чтоб готовому быть к любым неожиданностям, надобно заранее всем полезным запастись.

Он затолкал перья в один из своих вместительных карманов, поглядел на костер, все ярче разгоравшийся на фоне сгущавшихся сумерек, и завалился спать.

Байярд сказал:

— Мне тут пришло в голову, Гарольд, что магия в этом континууме и с количественной, и с качественной точки зрения заметно превосходит любую другую, о которых ты рассказывал. И если Лемминкяйнен способен превратить тебя в тысячу воинов, что помешает остальным поступить подобным образом? Я бы сказал, что все это довольно опасная затея.

— Я уже и сам это успел сообразить,— отозвался Ши, тоже устраиваясь на ночлег.

Следующий день оказался полным повторением первого — за тем лишь исключением, что Бродский с Байярдом под утро настолько закоченели, что насилу выбрались из-под меховых одеял, дабы получить очередной урок фехтования, на котором еще до завтрака настоял Лемминкяйнен. В санях ехали молча, но когда они вечером собрались у костра, Лемминкяйнен столь долго развлекал их баснями о своих подвигах, что Ши с Бельфебой предпочли удалиться за пределы слышимости.

Дальше потянулось одно и то же. К пятому дню бойцы на палках достигли такого прогресса, что Лемминкяйнен лично принял участие в тренировке, ловко отправив Бродского в нокаут. Как ни странно, это только улучшило обстановку в компании: детектив зла не держал, а герой весь вечер пребывал в замечательном настроении.

Но едва только наутро они успели тронуться в путь, как Лемминкяйнен вдруг принялся вертеть головой во все стороны, приглядываясь и принюхиваясь.

— Что стряслось? — поинтересовался Ши.

— Чую волшебство — сильное волшебство Похъёлы. Гляди острей, о Вольтерпайарт!

Однако особо острого зрения не понадобилось. Вначале между деревьями проглянуло яркое зарево, а вскоре перед ними открылась и вовсе исключительная картина. Протянувшись откуда-то справа и теряясь за поворотом вдали, перед ними расстилалась глубокая ложбина, похожая на русло пересохшей реки. Но вместо воды ее заполняло некое рубиновое свечение, отчего песок и камни на дне мерцали, словно раскаленный докрасна металл. На противоположной стороне данного феномена высился острый обломок скалы, на котором восседал орел с пляжный домик размером.

Едва только Ши прикрыл лицо от жара, как орел покрутил головой и с любопытством уставился на их компанию.

Натягивать поводья нужды не было — лось Хийси остановился сам. Лемминкяйнен повернулся к Байярду:

— Что зришь ты, о глаза Охайолы?

— Раскаленные докрасна булыжники, похожие на мостовую в аду, и орла в несколько раз больше натурального. Что-то в глазах рябит... Нет, и то и другое на мосте, все верно.

Гигантская птица не спеша расправила одно крыло.

— Ого-го,— проговорил Ши.— Ты прав, Уолтер. Это...

Бельфеба выскочила из саней, подняла палец, чтобы оценить направление ветра, и принялась снаряжать лук тетивой; Бродский вертел головой, воинственно хорохорясь, но явно не в силах хоть как-то повлиять на ситуацию.

Лемминкяйнен провозгласил:

— Спрячь, Пельфепи, свои стрелы — я и сам, колдун могучий, птицу мерзкую отважу!

Огромный орел тем временем взмыл в воздух.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Кауко,— бросил Ши и выхватил свою шпагу, сознавая, насколько она в такой ситуации не к месту. Длиной она была не больше, чем когти чудовища, и уж всяк тоньше.

Орел кругами набрал высоту и спикировал на них с такой скоростью и мощью, что Байярд только ахнул. Но Лемминкяйнен, не притрагиваясь к своему оружию, довольствовался лишь тем, что швырнул в воздух пригоршню перьев большой куропатки и с пулеметной быстротой выпалил какой-то стишок, слов которого Ши не сумел разобрать.

Перья немедля превратились в стаю куропаток, которая под мотоциклетный треск крыльев косо вильнула в сторону. Орел, уже нависший прямо над ними — Ши разглядел даже, как трепещут растопыренные перья на концах крыльев и хвосте, которыми он балансировал в воздухе,— испустил пронзительный хриплый крик, захлопал крыльями и устремился вслед за стаей. Вскоре он окончательно скрылся за верхушками деревьев.

— Видали теперь, что и впрямь я величайший из волшебников? — самодовольно заметил Лемминкяйнен, выпячивая грудь.— Но колдовство — занятие утомительное, а река огненная по-прежнему пред нами пролегает. Ты ведь тоже чародей, о Харол. Не

займешься ли этим делом, покуда буду я восстанавливать силы едой?

Ши уставился на рубиновое свечение и призадумался. Мерцающие отблески производили гипнотический эффект, словно догорающие угли. В принципе, решить проблему мог бы хороший ливень, и он принялся вспоминать заклинание для вызова дождя, которое они с Чалмерсом разработали в надежде преодолеть огненное кольцо вокруг Каренского замка во время похождений в мире «Неистового Роланда».

Он старательно пробормотал текст и сделал пассы. Ничего не произошло.

— Ну? — буркнул Лемминкяйнен с набитым ртом, налегая на хлеб с сыром.— Скоро ль волшебство твое начнется?

— Я попробовал,— ответил Ши, совершенно сбитый с толку,— но...

— Дурень охайольский! Должен учить я тебя твоему же ремеслу? С чего это ты взял, что заклинание подействует, коли не поешь ты его?

«Вот в чем дело»,— догадался Ши. Он и думать забыл, что в магии Калевалы пение являлось совершенно необходимым элементом. Если к его способностям к стихосложению и пассам, в которых Лемминкяйнен ни черта не смыслит, добавить еще и пение, огурчик выйдет, а не заклинание. Он вновь воздел руки над головой, делая пассы, и изо всех сил запел.

Заклинание и впрямь вышло как огурчик. Не успел он его закончить, как над головами у них почернело, а окружающее скрылось из виду за плотной пеленой хлопьев сажи, густых и липких, словно снежинки. Ши поспешно прервал свое занятие.

— Воистину заметный он чародей! — завопил Лемминкяйнен, кашляя и пытаясь стряхнуть липкую дрянь с одежды.— Теперь, когда показал он нам, как сажу добыть из реки огненной, может, сумеет он и объяснить, как на Похъёлу напустить туману, коего там сроду не видели?

— О нет,— воскликнула Бельфеба,— не будь столь строг к господину моему! Ответственно заявляю я, что и впрямь чародей он испытанный — но только не когда петь он обязан, ибо между нотами различными не видит особой разницы.

Тут в разговор встрял Бродский:

— Если мы нароем тут грамотного коновала, который прочистит мне шнобель, может, у нас с тобой и выйдет чего на пару.

— А ныне опять должен я делать все сам! — сердито заключил Лемминкяйнен. Выплеснув из кружки загаженное сажей пиво, он налил из бочонка свежего, сделал порядочный глоток, откинулся, мгновение поразмыслил и затянул:

Льды Сариолы гор необъятных,
Льды годовые из снега лежалого,
Те, что по склонам спускаются в Турье,
Что ледниками стекаются к морю,
Валятся с громом в волны зеленые...

Сперва было совершенно непонятно, к чему он клонит. Потом в воздухе над пламенеющей ложбиной нависло нечто мерцающее, что постепенно приобретало очертания и искрилось все сильнее. Ледяной мост!

Но как только Лемминкяйнен добрался до кульминационной точки своего заклинания, призванного окончательно материализовать лед и спаять все в единую прочную конструкцию, как произошла осечка. Ледяной мост покрылся трещинами и рухнул, рассыпавшись на мелкие кусочки. Послышалось шипение, и все окрестности заволокло паром.

Лемминкяйнен помрачнел и завел заклинание по новой. Все наблюдали, затаив дыхание. На сей раз мост растаял и исчез, даже не успев обрести окончательные очертания.

С яростным воплем Лемминкяйнен шмякнул шапку оземь и принялся ее злобно топтать. Байярд хихикнул.

— Ах ты еще и насмехаешься надо мной?! — взвизгнул чародей.— Негодяй иноземный!

С этими словами он незамедлительно схватил кружку, из которой только что пил пиво, и злобно выплеснул остатки прямо Байярду в физиономию. Пива там оставалось меньше чем на дюйм, но даже этого неосмотрительному весельчаку вполне хватило.

— Не смей! — выкрикнул Ши, выхватывая шпагу. Лук Бельфебы был уже наготове.

Но вместо того чтобы гневно вскочить или даже попросту утереться, Байярд неподвижным взглядом уставился на пламенеющую ложбину, моргая и хмуря брови. Наконец он выговорил:

— И все-таки это иллюзия! Там ничего нет, кроме кучек торфа, которые разложены в ряд и горят лишь местами. Но я не понимаю, как я ухитрился сразу этого не заметить!

— Должно быть, это алкоголь в пиве. Иллюзия была настолько сильна, что ты не смог сквозь нее видеть, пока у тебя в глазах не защипало. Такое раз со мной уже было — в континууме норвежских богов,— сказал Ши.

— Чары Похъёлы тем сильней, чем ближе подступаем мы к их твердыне,— сказал Лемминкяйнен, совершенно позабыв про свой гнев.— Но что нам судить да рядить теперь? Чересчур истощен я волшебством собственным, чтоб чары столь сильные разрушить!

— Можно подождать до завтра, пока ты не восстановишь силы,— предложил Ши.

Лемминкяйнен покачал головой:

— Там, в Похъёле, наверняка вызнают, что тут приключилось, и ежели пройдем мы проверку одними чарами, выдвинут другие навстречу, посильней первых, и с каждым шагом все трудней и трудней будет нам продвигаться вперед. Но если все-таки прорвемся мы прямо сейчас, прочие их чары ослабнут.

— Послушайте,— сказал Байярд,— по-моему, я знаю, как нам поступить. Если вы дадите мне немного пива, чтобы капать в глаза, я вас отсюда выведу. Места там полно, даже для саней.

Лось Хийси недовольно фыркал и упирался, но Лемминкяйнен непреклонно увлекал его вслед за Байярдом, который шагал впереди, то и дело окуная носовой платок в пивную кружку и прикладывая его к глазам. Ши обнаружил, что, несмотря на действительно сильный жар, он вовсе не заработал ожогов, как ожидал; на санях тоже не оказалось ни единой подпалины.

На противоположной стороне ложбины, одолев небольшой подъем, они сделали остановку. Байярд, направившийся было к саням, вдруг замер, указывая пальцем на старый трухлявый пень.

— Это человек! — воскликнул он.

Лемминкяйнен тяжко спрыгнул с саней, вытаскивая меч, а за ним и Ши с Бродским. Как только они подошли к пню, остатки ветвей на нем с шуршанием опали и перед ними предстал коренастый тип, комплекции примерно такой же, как у Лемминкяйнена. На физиономии у него застыло выражение угрюмой досады.

— Так я и знал, что поблизости кто-нибудь околачивается, дабы иллюзию поддерживать! — радостно взревел Лемминкяйнен.— Склоняй башку немедля, колдун похъёлский!

Тип быстро и отчаянно озирался по сторонам.

— Я — Вуохинен-чемпион, и бросаю я вызов! — объявил он наконец.

— Это он о чем? — поинтересовался Ши.

— Чемпион истинный завсегда имеет право вызов бросить, даже в доме чужом,— пояснил Лемминкяйнен.— Победитель либо голову соперника забирает, либо его самого в рабы. И кого же из нас ты тут вызываешь?

Вуохинен-чемпион долго переводил взгляд с одного на другого и в конце концов ткнул пальцем в Байярда.

— Вот этого. В чем его ремесло?

— Не пойдет,— провозгласил Лемминкяйнен,— поскольку ремесло его в том, чтоб взглядом своим проникать за пределы колдовства всякого. Ежели его ты вызываешь, так и так ты уже проиграл — ибо проник он за личину твою фальшивую. Вот Харол тебе, с мечом остроконечным, или же девица-хранительница Пельфепи с луком и стрелами, или же Пийт-борец, или же сам я, палашом привычным владеющий!

Он ухмыльнулся.

Вуохинен оглядел всех по очереди.

— О мечах остроконечных я ведать не ведаю,— признал он,— и хоть не подлежит сомнению, что во всем мире не сыскать лучника хотя бы наполовину столь искусного, как я, на женщин предпочитаю охотиться я без помощи лука. Вызываю Пийта на борьбу честную!

— А Каукомъели-то веселого ты даже и не помянул! — заметил Лемминкяйнен со смешком.— Мыслится тебе, что выбор твой наиболее безопасен. Но не спеши: скоро сам убедишься, каким мастерством невиданным владеют друзья Калевалы чужеземные! Ну что, станешь силушкой с ним мериться, Пийт?

— Ладно,— согласился Бродский, стаскивая рубашку. Вуохинен свою уже снял.

Оба закружились, растопырив руки, словно дрессированные обезьяны. Ши заметил, что ручищи Вуохинена толщиной своей напоминают шины тяжелого грузовика, и детектив по сравнению с ним казался полным задохликом. Вскоре Вуохинен прыгнул вперед и попытался схватить Бродского, но тот ловко вцепился ему в плечи, рывком откинулся назад, уперся ступней Вуохинену в живот и, уже падая на спину, резко выпрямил ногу, отчего противник перелетел через него и грузно плюхнулся оземь.

Лемминкяйнен разразился громовым хохотом.

— Сложу я про это песню! — прокричал он.

Вуохинен медленно встал и насупился. На сей раз он наступал более осторожно. Подобравшись наконец к Бродскому на расстояние вытянутой руки, он вдруг молниеносно бросился вперед и попытался слева ткнуть в глаза детективу растопыренными пальцами. Ши услышал, как Бельфеба ахнула, но в этот самый момент Бродский резко отдернул голову назад, с неуловимой быстротой одной рукой перехватил оттопыренный большой палец, другой — мизинец, напрягся и мощно дернул их в разные стороны.

Послышался хруст; Вуохинен колесом крутнулся в воздухе и повалился на бок, после чего сел и с искаженным от боли лицом принялся ощупывать безвольно повисшее запястье.

— Один щипач в Чикаго раз тоже вздумал меня так подловить,— сказал Бродский с довольным видом.— Еще желаешь прикинуться или с тебя хватит?

— Мошенничество! — выдавил Вуохинен.— На мечах...

Лемминкяйнен торжествующе выступил вперед.

— Желаешь ты его голову или чтоб служил тебе он вечно?

— Тьфу! — сплюнул Бродский.— Вряд ли со сломанной клешней от него будет много проку, ну да ладно — пущай живет и отрабатывает за свое нахальство. Пастор мне башку оторвет, если я отправлю его к праотцам.

Он обошел вокруг Вуохинена и как следует пнул его под зад.

— Это тебе за пальцы в глаза, гадюка. Встать!

С появлением Вуохинена в санях стало и вовсе не повернуться, а в качестве слуги, как верно подметил Бродский, ценности он особой не представлял — единственно, заготовка дров для вечернего костра с его участием стала продвигаться несколько быстрее. А кроме того, победа Бродского заметно улучшила отношения компании с Лемминкяйненом. Тот по-прежнему настаивал, чтобы Байярд с детективом ежедневно упражнялись — они уже достигли таких успехов, что перешли на настоящие мечи,— но теперь и сам герой чуть ли не каждый день отрабатывал броски, захваты и падения джиу-джитсу под руководством Бродского. Он тоже оказался способным учеником.

Становилось заметно холоднее: у ноздрей путешественников и лося стали появляться облачка пара. Солнце, казалось, окончательно спряталось за низкие серые тучи. Беспорядочно разбро-

санные по невысоким травянистым холмикам деревья становились все более редкими и низкорослыми. Иногда Бельфеба, пробродив в поисках дичи целый вечер, возвращалась с пустыми руками. Чаще всего удавалось добыть только двух-трех зайцев, и вечно голодный Лемминкяйнен, поглотив свою порцию, лез в мешки с неприкосновенным запасом.

Однако сани, подпрыгивая на кочках и скользя по жидкой грязи, неуклонно продвигались к северу. И вот в один из дней, когда они только что перевалили через невысокий холм, поросший отдельными деревцами, Лемминкяйнен вдруг воскликнул:

— Великий Юмала! Вы только гляньте!

Перед ними, протянувшись в обе стороны насколько хватало глаз, раскинулась совершенно невероятная изгородь. Представляла она собой ряд кольев, вбитых менее чем в футе друг от друга и достающих вершинами чуть ли не до нависающего над землей полога облаков; но вовсе не по этой причине на голове у Ши зашевелились волосы. Колья этой изгороди были переплетены не чем иным, как невероятным количеством змей! При этом было совершенно непонятно, расположились они там по собственной воле или же кто-то, желая украсить изгородь столь экстравагантным манером, привязал их там принудительно.

Когда сани, влекомые подрагивающим и дрожащим лосем, подкатили ближе, змеи стали поворачивать к ним головы и дружно зашипели, словно тысяча закипающих чайников.

— Это наверняка тоже иллюзия,— сказал Байярд,— хотя в настоящий момент я не вижу ничего, кроме массы змей. Дайте-ка пива.

Лемминкяйнен нацедил ему пива из фляжки. На физиономии Вуохинена застыла торжествующая усмешка. Причина ее стала совершенно очевидной, когда Байярд, натерев пивом глаза, опять уставился на удивительную изгородь и покачал головой.

— По-прежнему змеи,— сообщил он.— Я понимаю, что этого не может быть, но факт есть факт.

Ши сказал:

— Может, попросту примем за основу, что они ненастоящие, и не будем обращать на них внимания?

Лемминкяйнен покачал головой:

— Знай же, о Харол из Охайолы, что в области магической любой предмет, тебе мнящийся, всеми качествами и силою реального обладает — покуда истинное имя его ты не вызнаешь!

— Ясно. И поскольку мы уже в Похъёле, их магия здесь наиболее сильна. А сам-то ты не можешь снять эти чары, какими бы они там ни были?

— Только если знать буду истинное имя, что кроется за обликом мнимым,— ответствовал герой.

— Может, поступим проще? — предложил Ши и обернулся к Бельфебе.— Не попробуешь подстрелить какого-нибудь из этих гадов? Насколько я понимаю, тогда он сразу обретет первоначальный облик.

— Нет, о Харолайнен,— ответствовал Лемминкяйнен.— Останется он попросту мертвой змеею до тех самых пор, покуда мы первородство его не вызнаем.

Они опять уставились на изгородь. Зрелище было довольно отвратное, но змеи, по крайней мере, не делали попыток покинуть свои места.

Внезапно Пит Бродский вскочил.

— Эй! У меня идея!

— Какая? — спросил Ши.

Бродский через плечо ткнул большим пальцем в Вуохинена.

— Этот поганец принадлежит мне, так?

— Согласно законам данной страны, полагаю, что так,— согласился Ши.

— Он твой раб! — тут же подтвердил Лемминкяйнен.

— И в этой дыре он служит по магической части, так?

— Ой, ну конечно,— оживился Ши,— хорошо, что напомнил! Наверняка именно он и огненную реку сотворил, и орла!

Бродский протянул руку и ухватил Вуохинена за воротник.

— Ну вот что, сволочь: как зовут всех этих гадюк по-настоящему?

— Эк! — придушенно поперхнулся Вуохинен.— Никогда не был я предателем...

— Чихать я на это хотел! Давай выкладывай, иначе кой-чего отведаешь! — Бродский многозначительно ткнул пальцем в меч, висящий у Лемминкяйнена на боку.

— Эк! — опять булькнул Вуохинен, поскольку рука детектива сильней крутанула воротник.— Они... э-э... сделаны из брусники.

— Ой, и действительно! — воскликнул Уолтер Байярд. Бросившись к шипящему перепутанному барьеру, он протянул руку, скрутил голову одной из змей и съел.

Лемминкяйнен расхохотался.

— Когда сниму я эти чары, будет у нас брусника на сладкое! Спасибо тебе, друг мой Пийт!

7

Усилиями Лемминкяйнена змеиная стена вскоре превратилась в перепутанный растительный ковер, и они сразу принялись разбивать лагерь. Герой был чрезвычайно весел: сыпал шуточками (которые никто, кроме Бродского, не находил занимательными) и громовым голосом докладывал о своих былых похождениях. Наконец Ши не выдержал:

— Господи, Кауко, что это на тебя нашло на ночь глядя? Ты так себя ведешь, будто уже всех победил!

— А разве нет, о Харол? Знаю я наверняка, что была это последняя преграда, кою Лоухи могла воздвигнуть перед нами, и назавтра вступим мы в усадьбу ее в Похъёле — не исключено, что и драки ради!

— Всю жизнь об этом мечтал! — иронически буркнул Ши.

Сам он радости героя далеко не разделял — даже когда на следующее утро им стали то и дело попадаться возделанные поля и пастбища. Наконец впереди показалась большая усадьба с многочисленными постройками, полускрытая от взгляда низенькими деревцами. Лемминкяйнен придержал лося Хийси, и гигантский олень замер у медлительного ручейка, петляющего по невыразительной равнине.

Герой покопался в мешке, притороченном позади саней, и вытащил оттуда расшитую чешуйчатой броней кожаную рубаху, которую тут же надел.

— А для вас, друзья мои,— объявил он,— прихватил я доспехи, что лишь немного моим уступают по качеству!

С этими словами он извлек из мешка четыре длинные безрукавки из двойной кожи, такой жесткой и негнущейся, что Ши насилу в свою взлез. Оказалась она столь же тяжелой, как и последовавшая за ней добротная стальная кираса. На вид она была довольна неуклюжа и смотрелась неброско, но, видать, по части дизайна металлургия в Калевале была вообще не особо сильна. Свою кирасу Бельфеба стащила с себя сразу после примерки.

— Батюшки! — с чувством произнесла она.— Сам носи панцирь сей, словно жук, сэр Лемминкяйнен. Мне же руки свободные потребны, коли действия боевые намечаются!

Лемминкяйнен вручил каждому шлем все из той же толстой кожи, с железным ободком по краю и парой железных полуколец, куполом сходящихся на макушке. Эти подошли лучше, хотя Бродский предпочел оставить на голове свой котелок и смотрелся в нем и доспехах довольно по-дурацки.

Все забрались обратно в сани. Лось Хийси, шлепая копытами по воде, перетащил их через ручей и зарысил в сторону далеких строений.

— Ну и дикий же тут народ! Только глянь на эти черепушки! — указующе вытянул руку Бродский.

Ши теперь и сам заметил, что бугорок неподалеку был утыкан забитыми в ряд кольями — примерно полусотней, насколько он мог судить,— каждый из которых увенчивала отрубленная человеческая голова. Головы были в самых разных стадиях разложения, и лишь один кол, самый последний, был лишен этого отвратительного украшения. Десятка два воронов с хриплым карканьем взлетели с голов при их приближении, а Байярд заметил:

— Хорошо хоть, что тут только один кол свободен!

— Скоро узнаешь ты, сколько колов свободных в Похъёле,— кисло заметил Вуохинен.

Лемминкяйнен немедля обернулся назад, дал комментатору в ухо и объявил:

— А теперь, друзья мои, убедитесь вы сами, что Каукомъели статный в магии столь же искусен, как и в рубке лихой!

Он остановил оленя, спрыгнул на землю и, срывая с низкорослых деревьев ветки, принялся втыкать их в землю, выстраивая в ряды. При этом он тихонько напевал. Наконец количество веток его удовлетворило. Он отступил назад и, возвысив голос, принялся делать пассы. Ши заметил, что пассы были весьма профессиональные — примерно такие же, какие ему довелось видеть в другом пространственно-временном континууме, но герой слишком уж быстро шевелил руками, и точную структуру пассов он не разобрал. Затем последовало некоторое колебание воздуха, и там, где только что торчал из земли первый прут, Ши увидел точную копию себя самого — со шпагой, в кожаных доспехах и шлеме.

Потом на свет возникла еще одна копня, потом еще и еще — целые шеренги Гарольдов Ши, которые вскоре образовали вокруг саней самую настоящую толпу.

Бельфеба негромко ахнула.

— Ужель я замужем за всеми? — вскричала она.

Но сразу после этих слов квота на Гарольдов Ши была уже, как видно, исчерпана, поскольку из земли, где торчали неиспользованные прутья, стали на сей раз выскакивать Бельфебы. Не успели они смешаться с толпой дубликатов Ши, как голос чародея сменил тон, и к общему столпотворению стали присоединяться отражения Питов Бродских, которые тут же принялись обмениваться рукопожатиями и хлопать друг друга по спине. Песнь Лемминкяйнена подошла к концу; сани окружала по меньшей мере сотня копий всей троицы. В ней совершенно затерялись один Лемминкяйнен, один унылый Вуохинен и одинокий Байярд, который заметил:

— Блестяще проделано, Лемминкяйнен, но эти репродукции действительно способны кого-либо зарубить или же это просто фантомы? На вид они вроде ничего, но на пиво в глазу я их еще не проверял!

— Попробуй с кем-нибудь из Пийтов побороться, и сразу все поймешь,— ответил Лемминкяйнен.— Сохраняют они все силы жизненные, покуда кто-нибудь не вызнает, кто из них настоящий, а кто лишь тень его, да заклинание не прочтет противодействующее, имя применив истинное.

— Минуточку,— сказал Байярд.— Разве среди нас нет того, кто способен провести опознание?

Он указал на Вуохинена.

— Клянусь мельницею волшебной! — воскликнул Лемминкяйнен.— Ясно, что мудрость моя отваге не уступает — никому иному и в голову бы не пришло взять с собою личность, узреть способную даже незримое! Пийт, Харол, Пельфепи! Следует смешаться вам с отраженьями своими, а кое-кого из них в сани посадить, иначе в Турье истинных вызнают!

Ши некоторое время приглядывался, после чего сказал Бельфебе:

— Он прав, детка. До встречи!

Стиснув ее руку, он прыгнул в самую гущу толпы. Уолтер последовал за ним.

— Лично я не хочу терять из виду настоящего! — объяснил он.

За спиной у них сразу трое или четверо Бродских попытались одновременно влезть в сани. Тот, что оказался проворней, первым делом отвесил леща Вуохинену.

— Сиди и помалкивай, шкура,— рявкнул он при этом.— Будешь рыпаться, заработаешь по первое число!

Ши обратил внимание, что, в то время как все Бродские шагали за санями компактной группой, увлеченные болтовней, большинство копий его самого и Бельфебы разбились на пары. К нему тоже бочком приблизилась одна из незанятых Бельфеб и взяла за руку. Вряд ли это была настоящая, но ее прикосновение оказалось столь же успокаивающим, а походка столь же легкой, как у оригинала. Ему пришло в голову, что если кто-нибудь в самом скором времени не произнесет противодействующее заклинание, то континуум, содержащий около тридцати пяти Ши и столько же Бельфеб, может столкнуться с семейными проблемами вполне определенного свойства.

Байярд сказал:

— Есть один важный момент, Гарольд. Мне кажется, вполне реально в достаточно четких рамках предсказать, насколько наше присутствие здесь способно оказать влияние на развязку данного эпоса. У нас есть все необходимые предпосылки. Мы знаем оригинальный сюжет и ход описанных в нем событий, а также обладаем достаточно точными сведениями о нас самих. Мне кажется, что если составить соответствующее логическое уравнение...

— Угу, только для этого нужна электронная вычислительная машина,— ответил Ши.— На нашу беду, ее у нас нет — а если б даже и была, все равно бы здесь не работала.

— Была в Царстве Фей одна колдунья,— присоединилась к разговору Бельфеба,— что людей остерегала от опасности, заглянувши в омут волшебный и узревши там, куда путь их жизненный пролегает.

— Вот и я про то же,— сказал Байярд.— Совершенно очевидно, что при помощи магии в данном континууме доступны такие вещи, которые никакой вычислительной машине и не снились. В общем, если перед тем, как осуществить тот или иной замысел — скажем, войти вон в ту усадьбу,— мы заранее выясним, что это для нас закончится плохо, то сможем переключиться на более приемлемый вариант будущего, предприняв какие-либо иные действия.

— Клевая мысль,— сказал один из Бродских, присоединившийся к их компании.— Соображаешь! Все, что с каждым должно приключиться, предопределено Богом с тех самых пор, как на небесах часики затикали. В Библии про это расписано от и до.

— Знаешь ли, друг мой предопределенный,— сказал Байярд,— я был бы только рад доказать противное, но...

— Только не при помощи магии,— поспешил вмешаться Ши.— Ты у нас единственный, на кого она почти не действует, и если ты тут вздумаешь колдовать, то рискуешь потерять иммунитет. Эй, они нас засекли!

К одному из строений, из которого доносились звуки гулянки, с громкими криками бежал какой-то человек. Едва только сани остановились, дверь распахнулась, и в дверном проеме возникло несколько широкоскулых чернобородых физиономий. Ши заметил, как один из Гарольдов Ши приобнял одну из Бельфеб за плечи, и неожиданно для себя почувствовал укол ревности при мысли, что она могла оказаться настоящей.

Лемминкяйнен выпрыгнул из саней. Его примеру последовали ехавшие с ним копии Ши, Бельфебы и Бродского, причем последний предварительно скрутил Вуохинену руки за спиной. Из усадьбы стали выбегать люди, выстраиваясь напротив пришельцев, которые тоже образовали шеренгу, пусть и несколько неровную. Обликом своим местные жители напоминали прочих обитателей Калевалы, хотя были чуть пониже ростом и с более монгольскими чертами лица. Все они были вооружены и выглядели весьма неприветливо. Ощущая, как по затылку пробегают мурашки, Ши вытащил шпагу из ножен.

Но на Лемминкяйнена, судя по всему, эта картина не произвела особого впечатления.

— Привет, родственнички мои из Похъёлы! — крикнул он.— Ужель желаете вы, чтоб стоял я на пороге залы праздничной?

Никто ему не ответил; хмурых взглядов стало еще больше. Лемминкяйнен обернулся.

— Прекрасная Пельфепи,— сказал он,— покажи им искусство свое, дабы поняли они наконец, сколь глупо вставать супротив друзей Каукомъели героического!

Словно управляемые единым мозгом, тридцать пять Бельфеб, наступив на свои луки, быстрым движением снарядили их тетивами. Синхронно, как танцовщицы в кордебалете, приложили к ним стрелы, отступили на шаг и принялись выискивать цель. В этот самый момент один из воронов, обитающих на палисаде с мертвыми головами, вздумал пролететь над ними, хлопая крыльями и громко каркая.

Тридцать пять луков щелкнули одновременно; ворон камнем рухнул на землю, пронзенный всеми стрелами, которым только

нашлось место в его тушке, и похожий из-за этого на подушечку для булавок.

— Классная работа, детка,— сказал Ши, прежде чем до него дошло, что он обращается к дубликату.

На обитателей Похъёлы это тоже произвело впечатление. После поспешных неразборчивых переговоров двое исчезли в дверях. Они очень быстро вернулись, и вся толпа повалила обратно в дом.

— За мной! — распорядился Лемминкяйнен и затопал вслед. Ши поднажал, не желая оставаться снаружи, и приблизился к дверям одновременно с тем самым Ши, который недавно ехал в санях.

— Извини,— подмигнул этот другой Ши,— но на такие великосветские приемы ходят только с законными женами.

— Она и моя жена тоже! — огрызнулся Ши, без разбору хватая за руку первую попавшуюся Бельфебу и устремляясь с ней к двери вслед за первой парой. К счастью, Бельфеб пока что хватало на всех.

Внутри тускло мерцали несколько факелов. Недостаток света, типичный для любого калевальского жилища, в некоторой степени восполнял огонь, ярко пылавший в очаге прямо посреди помещения. Вся длинная зала была уставлена скамьями и столами, за которыми расположились десятки мужчин и считанное число женщин. При появлении пришельцев все головы повернулись к ним.

Ши, по примеру Лемминкяйнена, тоже перевел взгляд на середину залы, где стоял стол, который, судя по наличию более-менее свободного пространства вокруг, предназначался для почетных гостей. Во главе его восседал самый долговязый калевалец, какого Ши когда-либо видел,— вне всякого сомнения, жених. Коренастую тетку с острыми чертами лица и длинными зубами Ши уверенно опознал как Лоухи, Хозяйку Похъёлы, а плотного типа, сонно прикрывшего глаза над пивной кружкой,— как самого Хозяина Похъёлы. Ну а девушка в причудливо расшитом жемчугами головном уборе наверняка и была той самой невестой, дочкой Лоухи, из-за которой Лемминкяйнен и затеял весь этот сыр-бор.

Дубликат Ши дернул его за рукав.

— А эта-то даже посимпатичней Кюллики будет, точно? — шепнул он. Ши чуть не вздрогнул от неожиданности: точно такая же мысль ровно в ту же секунду пришла и ему в голову, хо-

тя, в отличие от развязного дубликата, он предпочел не высказывать ее вслух.

Лемминкяйнен прошествовал вразвалку к ближайшей скамье. Крайний из сидящих на ней гостей действительно оказался крайним, поскольку его бесцеремонно спихнули прямо на пол. Поступив подобным образом, герой утвердил на освободившемся месте свой измазанный сапог, энергично притопнув при этом, и обратился к устроителям торжества:

Ну, здорово, вот и я здесь!
Здравствуй тот, кто сам так скажет!
Слышишь, Похъёлы хозяин,
На твоем дворе найдется ль
Пива доброго мне выпить?*

Лоухи пихнула супруга локтем под ребра. Тот не без труда приоткрыл глаза, недовольно хрюкнул и пробурчал:

— Коли не прочь ты постоять в уголке промеж котлами с варевом — вон там, где тяпки у нас висят да мотыги, препятствий тому мы не видим.

Лемминкяйнен засмеялся, но даже по смеху было понятно, насколько он зол.

— Видно, я пришел некстати,— ответствовал он, тут же продолжив начатую сгоряча сентенцию уже в соответствии с местными декламационными правилами:

Что мне пива не приносят,
Мне, сидящему как гость здесь!

— Не гость ты,— взвизгнула Лоухи,— но скандалист незваный, у коего еще молоко на губах не обсохло! Коли ищешь ты неприятностей — клянусь Укко, сыт ты будешь ими по горло!

— Да ну? — отозвался Лемминкяйнен, тяжко опускаясь на скамью.

Ну ты, Похъёлы хозяйка,
Длиннозубая, послушай!
Уж и справила ты свадьбу,
По-собачьи люд созвавши...

Все в той же декламационной форме он продолжал честить Лоухи на все корки, то и дело сравнивая ее со всякими малосимпатичными представителями фауны. По полной программе досталось и большинству гостей. Но, судя по всему, такое здесь считалось вполне рутинным делом и было в порядке вещей. Никто и ухом не повел — все чинно сидели на своих местах, терпеливо дожидаясь, пока Лемминкяйнен не выскажется.

* Перевод оригинального текста «Калевалы» Л. Бельского.

За спиной Ши его собственный дубликат тихо переговаривался с Байярдом. Ши расслышал лишь последние слова дубликата:

— Ну хорошо, согласен: это действительно может сработать, тем более что за пределы магических законов не выходит. Но если уж кому и стоит пытаться, то только мне. При твоем полном отсутствии опыта, Уолтер...

Ши тут же вихрем крутнулся на месте.

— Что-что, говорите, может сработать?

Близнец обстоятельно разъяснил:

— Уолтер достаточно долго наблюдал за Лемминкяйненом и теперь считает, что вполне закончил разработку магического метода определения грядущих последствий при том или ином наборе событий.

— Я хочу продемонстрировать данную методику предопределения исключительно с той целью, чтобы...— начал Байярд.

— Ш-ш! — перебил его дубликат.— Приветственная часть, похоже, подошла к концу. Группа разогрева отдыхает за кулисами. Представление начинается. Первый номер программы — фокусы.

Хозяин Похъёлы уже ухитрился полностью разлепить глаза и творил некое заклинание. В результате его стараний между столом для президиума и пылающим очагом возник самый настоящий пруд — правда, настолько крошечный, что больше походил на лужу. Гостеприимный хозяин вскричал:

Вот река, пей сколько хочешь,
Похлебай воды из пруда.

— Ха, ха, ха! — взревел Лемминкяйнен.

Не теленок я у бабы,
Я совсем не бык хвостатый,
Чтобы пить речную воду,
Чтоб лакать ее из лужи.

После чего герой забрал голосом чуть ниже и без всяких видимых усилий произвел на свет самого настоящего быка. Под копытами мясистого животного предостерегающе скрипнули половицы. Бык, задумчиво оглядев собравшуюся компанию и сочтя,

что она не представляет для него интереса, первым же делом отхлебнул из лужи-пруда чуть не с ведро воды.

Ши шепнул первой попавшейся Бельфебе:

— Сразу видно, воспитывался в гостиных -- чувствует себя как рыба в воде!

А между тем Хозяин Похъёлы уже вовсю трудился над следующим заклинанием. Итог не заставил себя долго ждать — огромный серый волк, едва появившись на свет, тут же засек быка и ринулся к нему. Бык, который подобного коварства явно не ожидал, заревел во всю глотку и ломанулся к дверям, опрокидывая столы и распихивая боками ни в чем не повинных гостей, наиболее предусмотрительные из которых предпочли ретироваться заранее.

Лоухи ехидно захихикала.

— Продул ты состязанье магическое, о Каукомъели! А теперь проваливай, покуда чего похуже с тобою не приключилось!

— Ни один человек достойный в жизни не дозволит выставить себя оттуда, где расположиться он твердо решил,— ответствовал Лемминкяйнен.— А тем более герой моих статей. Бросаю я вызов!

Хозяин встал. При всей своей мясистости двигался он на удивление живо.

— Тогда давай же для начала мечи наши сравним, дабы выяснить, у кого лучше!

Лемминкяйнен ухмыльнулся и вытащил свой палаш.

— Не так уж много от меча моего осталось, ибо немало он костей крепких перерубил. Но коли желаешь, валяй меряй!

Хозяин подошел к стене и снял свой меч с колышка. Ближайшая к Ши Бельфеба негромко поинтересовалась:

— Не следует ли стрелу пустить мне на всякий случай?

— Не думаю,— отозвался Ши.— Вряд ли тут сразу начнется всеобщая свалка, пока кто-нибудь не нарушит правила. А наших луков они, как ни крути, побаиваются.

Между тем дуэлянты, расчистив место посреди залы, сравнивали мечи, прикладывая их друг к другу. Со своего места Ши показалось, что у Хозяина меч малость подлинней. Гости столпились вокруг, наблюдая за происходящим. Оказавшиеся позади напирали на передних, возмущенно требуя от них сесть и не загораживать. В конце концов Хозяин громко приказал всем вернуться на свои места.

— И вы, пришельцы, тоже! — громыхнул он.— Осадите-ка к стеночке!

Это замечание словно напомнило о чем-то Лемминкяйнену. Он объявил:

— Прежде чем приступим мы к поединку, вызываю я также и любого здесь присутствующего — биться на мечах остроконечных с сотоварищем моим Харолайненом, или же бороться в обхватку со спутником моим Пийтом. На забаву такую стоит поглядеть — после того, как я разделаюсь с тобою, о Хозяин!

— Какая щедрость! — не без некоторой иронии заметил кто-то из дубликатов Ши, но когда ближайшая Бельфеба взяла его за руку, сразу напустил на себя невозмутимый вид.

— Не суждено глядеть тебе более ни на какие забавы! — отрезал Хозяин.— Готов ли ты?

— Готов,— ответил Лемминкяйнен.

Хозяин скакнул вперед, воздев меч над головой, словно теннисную ракетку перед подачей. Удар явно намечался самой невероятной силы, однако ничего не вышло, поскольку занесенный клинок с треском вонзился в деревянную балку в потолке. Лемминкяйнен тут же сделал ответный выпад, но противник с удивительной ловкостью отпрыгнул назад.

Лемминкяйнен разразился смехом.

— И чем же бревно потолочное провинилось пред тобою, коли вздумал ты его наказать? Ха-ха-ха, завсегда случаются конфузы такие с ничтожными людишками, когда противостоят они истинному герою! Послушай, тут и впрямь места маловато. Не кажется ли тебе, что кровь твоя красивше смотреться будет на травке во дворе?

Он повернулся и, расталкивая гостей, пробрался к дверям. Когда Ши последовал за ним, герой наклонился к нему и со своим обычным хитрованским выражением на лице шепнул:

— По-моему, кое-кто здесь лишь тень иллюзорная. Пущай друг твой Пайарт глядит попристальней!

Прежде чем Ши успел ответить, на двор толпой вывалили все остальные. Компания фантомов тоже расположилась поблизости — кто стоял, кто сидел на траве, переговариваясь между собой. Интересно, подумалось Ши, когда чары будут сняты, не выяснится ли вдруг, что он вспомнит, о чем они беседовали? Эх, дока Чалмерса бы сюда — тот уж наверняка с ходу решил бы

все магические задачи, которые чародею-самоучке пока что не по уму!

Хозяин Похъёлы с Лемминкяйненом остановились во дворе — между главным зданием и частоколом с мертвыми головами. Двое рабов принесли большую коровью шкуру, которую разложили на траве для удобства дуэлянтов. Лемминкяйнен занял позицию на одном из ее краев и крепко притопнул ногой, дабы оценить упругость подстилки. Ткнув большим пальцем в черепа у себя за спиной, он заметил:

— Когда окончим мы спор наш, колу этому последнему не будет стыдно за наготу свою. Готов ли ты?

— Готов! — ответил Хозяин Похъёлы.

Ши бросил взгляд на своих спутников. Ближайшая к нему версия Бельфебы наблюдала за происходящим с профессиональным интересом, ясно говорившим, что дуэли ей отнюдь не в диковинку. Кто-то из Бродских заметил:

— Оба, к бабке не ходи, полные идиоты, Ши, и ни тому ни другому я не завидую. За другое жаба душит — телевизионщиков бы сюда! Такую драчку...

— Ш-ш! — перебил того Байярд.— Мне надо сосредоточиться.

Кланг! — скрестились клинки. Хозяин Похъёлы первым пошел в атаку. Его более длинный меч так и метался во всех мыслимых направлениях.

— Неплохо работает! — одобрительно заметил кто-то из фантомов Ши.

Лемминкяйнен, не уступая ни на дюйм, успешно парировал каждый удар. Да и вообще фехтование подобного рода особой работы ногами не требовало. Оба попросту стояли друг против друга, крепко упершись ногами в землю, и изо всех рубили, словно силясь повалить дерево, время от времени делали передышку и вновь принимались косить направо и налево.

Раз клинок Хозяина задел Лемминкяйнена за плечо — но под слишком острым углом, отчего тот лишь скользнул по чешуйчатой кольчуге. Но вскоре и Лемминкяйнен сумел достать мечом до шеи Хозяина, не успевшего вовремя парировать удар. Из небольшого пореза показалась струйка крови.

— Хо-хо! — вскричал Лемминкяйнен.— Послушай-ка, о Хозяин Похъёлы, а шея-то у тебя ровно небо рассветное!

Хозяин, отступив на полшага, лишь на долю секунды скосил глаза вниз, дабы оценить масштаб полученных повреждений. Но

Лемминкяйнен в ту же секунду скакнул к нему и нанес еще удар — с такой быстротой, что Ши даже толком не сумел разглядеть, как он это сделал. Клинок героя по косой дуге пролетел прямо сквозь шею Хозяина. Голова того, крутясь в воздухе, описала красивую параболу, а фонтанирующее кровью тело, крутанувшись на подогнувшихся ногах, свалилось на коровью шкуру. По толпе пробежал сдавленный вздох. Лоухи взвизгнула.

Лемминкяйнен, ухмыляющийся столь широко, что, казалось, уголки рта у него вот-вот сойдутся на затылке, как у Хампти-Дампти, радостно заорал:

— Ну что, получил, герой похъёлский?

Он шагнул вперед, тщательно вытер клинок о штаны мертвеца и убрал в ножны. После чего подобрал голову поверженного противника и торжественно водрузил ее на единственный свободный кол.

— А теперь, ведьмы, тащите мне пива! — проревел он.

Ши повернулся было, чтобы что-то сказать ближайшей Бельфебе, но именно в эту секунду вдруг вспомнил слова Байярда, которому с какой-то стати приспичило «сосредоточиться». Он обернулся. И впрямь: не обращая внимания на празднующего победу Лемминкяйнена, который устроил из своего торжества самый настоящий спектакль, и больше того — вовсе повернувшись к происходящему спиной, Байярд склонялся над кучкой травы. Похоже, он что-то тихо бормотал; над кучкой курился слабый дымок.

— Уолтер, нет! — заорал Ши, ринувшись к нему.

Но он опоздал.

Последовала яркая вспышка, воздух заходил ходуном, и в то же мгновение все дубликаты Ши, Бельфебы и Бродского бесследно исчезли. Когда сцепившиеся Ши с Байярдом еще катились по земле, раздался вопль Лемминкяйнена:

— Болван! Растяпа! Предатель! Чары твои дурацкие мое волшебство отменили! Конец уговору нашему!

Ши привстал на колени в тот самый момент, когда герой неспешным шагом — отнюдь не бегом — двигался к саням с мечом наготове. Особым желанием остановить его, судя по всему, никто не горел.

Совсем рядом из кучи перепутанных тел, которую образовали недавние болельщики незадачливого Хозяина Похъёлы, донесся сдавленный крик, и среди мешанины рук, ног и голов промелькнула ножка, соблазнительный силуэт которой не могло скрыть

даже бесформенное одеяние и которая Ши была очень хорошо знакома.

— Бельфеба! — завопил Ши, единым порывом вскакивая на ноги и хватаясь за шпагу. Но тут он и сам, не успев выдернуть клинок из ножен, повалился наземь под напором толпы. В ходе скоротечной потасовки он только и успел отметить, что баню местная публика посещает редко и что Бродский ухитрился уложить одного из наседающих на него оппонентов своей полицейской дубинкой — обоих очень быстро скрутили и швырнули на землю рядом с Байярдом.

— Бросить их в темницу! — распорядилась Хозяйка Похъёлы. На ее физиономии ясно читалось, что место это далеко не курорт.

Пока пленников, ухватив за руки за ноги, куда-то тащили, Ши заметил, что лось Хийси уже успел удалиться на порядочное расстояние, волоча за собой подскакивающие на кочках сани.

8

Всех четверых без всяких церемоний общей кучей побросали прямо на каменный пол. Ши услышал, как оглушительно громко захлопнулась массивная дверь и залязгали крепкие засовы. Он встал и помог подняться Бельфебе.

— Ты цела, детка? — спросил он.

— Вполне! — отозвалась она, потирая запястье, в которое кто-то из похъёлцев вцепился чересчур основательно.— Но обиталище явно предпочла бы я другое!

— Да уж, как есть клоповник,— согласился Бродский.— Если вам интересно, как отсюда свинтить, то я пока не при делах.

Ши тем временем разглядывал, куда они попали. Темница вполне оправдывала свое название: тусклый свет поступал внутрь только сквозь крошечное окошко, забранное вдобавок толстыми железными прутьями. Стены ее были из толстенных бревен — как, судя по всему, и потолок.

— Увы нам! — вздохнула Бельфеба.— А что ж приключилось с тенями иллюзорными, что столь недавно голову морочили недругам нашим?

— Об этом уже позаботился Уолтер,— горько ответствовал Ши.— Согласен, что я был бы только рад иметь одну-единственную жену, но, по-моему, он малость поспешил. Какого хрена ты все это затеял, Уолтер?!

Байярд не спеша ответил:

— Я всего лишь сделал попытку претворить в жизнь свой уже упомянутый план относительно предсказания будущего. И должен заметить, у меня получилось.

— Что ты понимаешь под «получилось», позволь тебя спросить? — язвительно уточнил Ши.

— Я пытался выяснить, кто выиграет дуэль. И прямо на земле возникла огненная надпись «Лем», четкая и ясная!

— Да уж, нам это здорово помогло,— с горечью заключил Ши.— Особенно если учесть, что аккурат в тот самый момент он напрочь снес другому парню башку.

— Моим делом было заложить основополагающие принципы! — защищался Байярд.— Откуда мне было знать, что это каким-то образом нейтрализует чары Лемминкяйнена? Никто меня о подобных последствиях не предупреждал. Кстати, а была ли между ними и моими действиями какая-либо логическая связь?

— Не имею ни малейшего представления! Может, когда-нибудь потом и вычислим — когда будем валяться пузом кверху где-нибудь на пляже! Но в данный момент важнее придумать, как отсюда выбраться. Местная публика настроена весьма решительно, а старая ведьма только что потеряла мужа.

Он подошел к крошечному оконцу и выглянул на улицу. Вернее, только попытался, поскольку поле зрения полностью перекрывала знакомая до боли личность Вуохинена, который не замедлил плюнуть недавнему попутчику в физиономию.

Ши ловко увернулся, вытер рукавом плечо, куда в итоге угодил плевок, и повернулся к Бродскому:

— Пит, это твой раб. Не *прикажешь ли* ему...

— Ха! — взревел Вуохинен.— Вот *этот-то* мне будет приказывать? Ныне свободен я от удела рабского, и задача моя следить, чтоб вы, ловкачи чужеземные, не удрали отселева, покуда Хозяйка Похъёлы кару вам должную не определит!

— Это ты о чем?

— Всего замысла вплоть до последних тонкостей я не ведаю, но будь уверен: надолго кара сия тебе запомнится! Вроде как задумала она шкуру содрать с вас живьем и в соль закатать, а после жарить на огне медленном!

Ши откинулся к стене и огляделся. Да, проектировщик и строитель этого деревянного мешка потрудился на совесть. Сработана была конструкция, хоть и достаточно незатейливая, действи-

тельно со знанием дела — что называется, не тяп-ляп. К примеру, кроме крепко запертой массивной двери, никакого иного выхода на волю здесь не имелось.

— Я знаю ваши имена! — крикнул Вуохинен сквозь крошечное окошко.— Чародейству вашему не будет силы надо мною!

В этом смысле он был абсолютно прав. Но вдруг Ши пришла в голову хорошая идея. Он вновь повернулся к окну.

— Слушай сюда,— объявил он.— Я — чемпион и бросаю тебе вызов.

Вуохинен ехидно помотал головой:

— А сам-то я никакой более не чемпион — с той самой поры, как проиграл поединок борцовский с этим вашим Пийтом,— и права не имею вызов твой принять, покуда не будет он обезглавлен!

— Минуточку,— вмешался Байярд,— а что, если...

— Ага-га! — быстро отозвался Вуохинен.— Уразумел я, к чему ты клонишь! Так знай же: позабочусь я, дабы голова твоя слетела с плеч первою, а вот его — последней!

С этими словами он повернулся к ним спиной и отошел от окна.

Ши обратился к Бродскому:

— Пит, ты наверняка много чего слышал о побегах из подобных мест. Какие, по-твоему, у нас шансы?

Бродский, который не спеша расхаживал по камере, разглядывая, ощупывая и простукивая, покачал головой.

— Действительно реальная хата! Просто не представляю, как можно отсюда подорвать. А если даже такое у нас и выйдет, на воле наверняка пасется целая команда цириков, у которых до дури всякого оружия.

— А что, если как-нибудь подманить Вуохинена к решетке, схватить его и задушить? — внес предложение Байярд.

— А чё толку? — отозвался Бродский.— Чё ты с этого поимеешь, кроме хорошего настроения? Ключей-то у него один хрен нету!

— И все же,— сказала Бельфеба,— поелику чародей ты у нас испытанный, Гарольд, мыслится мне, что далеко не столь мы беспомощны.

Настал ее черед подойти к окошку.

— Эй, Вуохинен! — позвала она.

— Чего надобно тебе, жаба?

— Разумею я, насколько ты на нас зол! И впрямь не проявили мы к тебе сочувствия должного, руку тебе поломавши. Но готовы мы исправить свою оплошность. Ежели поведаешь ты что-нибудь о себе, то господин мой, что с волшебством знаком не понаслышке, немедля первую помощь тебе окажет!

Ши стиснул ей руку.

— Классный ход, детка! — чуть слышно шепнул он.

Но Вуохинен тоже оказался далеко не прост.

— И обретет надо мною власть магическую? Ха-ха, рука моя и без того заживет вскоре — едва только сподоблюсь я лицезреть головы ваши на кольях острых!

В разговор встрял Ши:

— А ты крепкий парень, Вуохинен, как я погляжу!

— Таков и есть я!

— Да, сэр,— продолжал Ши,— там, откуда мы родом, тоже попадаются крепкие ребята, но куда им до тебя! Видно, дело в диете или еще в чем-нибудь. Слушай, скажи по-честному: как ты такого добился?

— Ха! — ответствовал Вуохинен.— Речами льстивыми вздумал ты обезоружить меня, дабы размяк я да на волю тебя выпустил? Ищи дураков!

— Тебе не кажется, что он тоже неплохой психолог, а, Гарольд? — заметил Байярд.

Ши вздохнул:

— Психология прекрасно сработала в мире норвежских мифов, когда меня засадили в тамошнюю кутузку!

— Похоже, вся заморочка только в том,— сказал Байярд,— что этот поганец финн. В нашем собственном мире финны — одна из упрямейших наций на земле, примерно как голландцы или баски. Видно, есть что-то общее в строении культуры. Короче, я не думаю, что ты с ним особо продвинешься... Интересно, сколько у нас еще времени в запасе?

Бельфеба сказала:

— Гарольд, любовь моя, думается мне, что выход из положенья нашего незавидного прямо на поверхности лежит, покуда вглубь мы ныряем за мелочами мелкими и за всякой чепухою главного не видим. Разве не под силу нам покинуть сей мир негостеприимный сквозь ту же дверь, в кою мы вошли,— а именно посредством логики твоей формальной?

Ши хлопнул себя по ляжке:

— В самую точку! Минуточку, хотя... Любое магическое действие в этом континууме во многом сопряжено с соответствующим музыкальным сопровождением, а лично у меня, как тебе прекрасно известно, с этим делом просто беда. Именно по этой причине я с такой завидной регулярностью получаю тут мордой об стол.

— Увы, но опасаюсь я, что и от меня не более проку будет,— сказала Бельфеба.— Голос мой хоть и не столь похож на карканье воронье, как твой,— не сочти уж за обиду, любовь моя,— но все ж далеко мне до мастеров вокала истинных! Вот ту же арфу, к примеру, сумела бы я настроить, будь у нас под руками инструмент подобный. Тимиас, что женихался со мною в Царстве Фей, успел обучить меня сему искусству.

Байярд горестно замотал головой. Бродский заметил:

— Не хочу зря подымать волну, но если мой шнобель привести в порядок...

Ши оживился:

— Минуточку! Вроде как я начинаю соображать. Ты когда-нибудь уже удалял этот свой полип, Пит?

— Не-а.

— А почему?

— Занят был... А если по-честному, просто побоялся, что какой-то лепила полезет мне в харю со своими острыми железками!

Несмотря на столь откровенное признание, Ши не отставал:

— Ладно, а как посмотришь на то, чтоб удалить этот твой полип не хирургическими, а магическими средствами? Чары, по-моему, здесь нужны не ахти какие, но если мы вернем тебе голос, то сможем взяться за более сильное колдовство.

— Слышь, а это похоже на дело! Но только как ты собираешься раскочегарить все это хозяйство без музыки?

— Думаю, для пустякового заклятия хватит голоса Бельфебы и пары аккордов на арфе. А после, когда под ее аккомпанемент петь будешь уже ты, я смогу приняться за что-нибудь посерьезней. Погоди-ка, сейчас попробую.

Он вновь подступил к окну.

— Аллё, Вуохинен!

— Ну чего тебе опять надобно?

— Знаешь, что такое кантеле?

— Это и дитё малое знает!

— Отлично. Тебя не затруднит принести нам его сюда, чтобы мы скрасили себе последние минуты жизни?

— С какой это стати скрашивать мне последние минуты ваши?

Вуохинен опять демонстративно отвернулся от окошка.

Ши вздохнул.

— Никогда никому не верь — вот главный принцип этого сволочного континуума! — в сердцах воскликнул он.

— А что это за кантеле такое? — уточнил Байярд.

— Арфа в самом своем примитивном варианте. В какой-то из рун оригинального текста этот музыкальный инструмент изобрел Вяйнямёйнен, соорудив его из рыбьей челюсти, но я точно не знаю, в какой именно руне мы оказались,— вот и спросил у этого мерзавца, знает ли он, что это такое.

— Стало быть, будь у нас рыбья челюсть...

— ...То мы бы и сами сделали это чертово кантеле! И без тебя знаю. Но наши шансы разжиться рыбьей челюстью у этой упрямой деревенщины приблизительно такие же, как пробить эти бревенчатые стены лбом.

— Я в курсах, как развести этого лоха,— заявил вдруг Бродский совершенно неожиданно для всех.

— Да ну? — опешил Ши.

— В самом деле? — почти хором с ним вопросил Байярд.

— Об чем базар! — уверенно подтвердил Бродский, опять направляясь к окошку.

— Эй ты, мудила! — позвал он.— Короче, завтра вы нас замочите. Ну и хрен с вами. А как же прощальный банкет?

— Кой толк кормить вас, коли скоро не будет вам вовсе нужды в пище?

— Слышь, мы из Огайо, понял? У нас в стране, когда осужденному к вышке не дают пожрать последний раз в жизни, евонное привидение приходит к тому козлу, который его обломал, чтоб съесть его,— и тот потом всю жизнь сидит на измене!

— Брехня! — высокомерно отозвался Вуохинен, хотя от окошка не отошел и завертел головой, внимательно приглядываясь к остальным. У Ши забилось сердце. Он торжественно кивнул, подтверждая слова детектива.

— Это полная правда! — подтвердил в свою очередь Байярд.

— Эй, братан! — радостно выкликнул Бродский.— Я уже заранее приглядел твои пальчики!

— Уши и нос — вот настоящий деликатес для привидений! — возразил Ши самым что ни на есть серьезным тоном.

— Только не для меня,— тут же откликнулся Бродский.— Жареные свинячьи уши — жрачка на любителя. Мне бы сейчас рыбки!

Башка в окне незамедлительно исчезла. Ши повернулся к Бродскому.

— А ты психолог почище меня! Как это ты вычислил, чем его зацепить?

— А-а, не видывал еще такого качка, который не купился бы на примитивное фу-фу,— скромно отмахнулся Бродский.— Они так боятся всяких непоняток, что сразу поджимают хвост.

Как вскоре выяснилось, детектив, выражаясь его собственным языком, действительно «попал в жилу». Снаружи послышался топот множества ног и зазвучали приглушенные голоса. Брякнули отворенные засовы, тяжеленная дверь распахнулась, и в светлом проеме возник Вуохинен собственной персоной — в окружении целой фаланги чернобородых похъёлских вояк. В руках он держал большое деревянное блюдо.

— Поведал я Хозяйке про обычай ваш чужеземный,— объявил он,— и хоть убеждена она, что чары ее волшебные достаточно сильны для любой защиты, кое-что готова она вам подкинуть!

Швырнув блюдо на пол, он с громким топотом удалился. Ши склонился над блюдом, изучая его содержимое. Вне всякого сомнения, им действительно принесли рыбу — и более того, довольного крупного представителя семейства лососевых.

— Ну что ж, вот вам и арфа,— сказал он.— Уолтер, помогика мне вытащить из этой твари челюсть.

— Чем? Они же отобрали у нас ножи и все такое!

— Пальчиками, Уолтер, пальчиками! Сейчас не до хороших манер. Ш-ш, дайте подумать! Мне нужно сочинить текст для Бельфебы.

— А теперь,— сказал Ши наконец,— тебя не затруднит выдернуть несколько волосков, дорогая?

Бельфеба повиновалась. Ши принялся одну за другой привязывать прядки волос к лососевой челюсти — так, чтобы они заполняли разверстую пасть подобно струнам арфы. В полумраке камеры это отняло порядочно времени.

Наклонив голову поближе, Бельфеба тронула «струны».

— Ужасно мала арфа сия, и голос слаб у нее,— с сомнением проговорила она.— Вряд ли...

— Я уже об этом подумал,— перебил Ши.— А теперь слушай внимательно и запоминай, детка, потому что тебе придется все проделать самой. Петь надо совсем тихо, почти про себя, чтобы не заглушать арфу. А я буду делать пассы — только чтобы лишний раз подстраховаться. Скорее всего, без них можно и обойтись.

Бельфеба уселась на пол, задрав коленки, пристроила на них крошечную арфу, склонилась к ней ухом и тихонько затянула:

Арфа ты из рыбьей пасти,
Кантеле для чар волшебных...

Ши тем временем торопливо делал пассы, которым обучился в Царстве Фей. Поскольку она была оттуда родом, наверняка это должно было помочь. Наконец Бельфеба закончила:

...Стань же больше в десять крат ты!

И тут же завалилась на спину, придавленная пятифутовой арфой из рыбьей челюсти. Ши помог ей подняться, и она принялась перебирать струны.

— Настроить надобно!

— Ладно, тогда настраивай, а я пока сочиню заклинание для полипа. Пит, как зовут твою мать и в какую церковь ты ходишь?

Очень скоро все было готово. Пит расположился прямо перед парочкой, Бельфеба тронула струны арфы и легким, чистым сопрано пропела заклинание, долженствующее удалить полип.

— Ух! — вскричал Бродский.— Чуть башку не оторвало!

Он потрогал себя за нос, и в полутьме (летний день уже клонился к закату) по его физиономии расплылась блаженная улыбка.

— Ну, Ши, да ты...

Однако закончить свою мысль ему так и не удалось. Оконный проем внезапно потемнел, и все четверо опять узрели в нем бородатую физиономию Вуохинена, который был вне себя от злости.

— Откуда вы это взяли? — завопил он.— Волшебство! Волшебство! Я знаю ваши имена! Да я сейчас...

Физиономия мгновенно исчезла.

— Пой! — заорал Ши на Бродского.— Пой первое, что тебе придет в голову! Быстро! Я займусь силлогизмами. Бельфеба, ак-

компанируй ему, а ты, Уолтер, держи его за руку. Итак, если класс А...

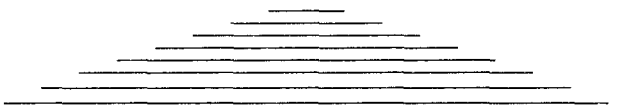
Пит Бродский закинул голову и чистым тенором, который оказал бы честь и самому Джону Маккормаку, завел:

Ирла-а-ндская ди-и-кая роза,
Прекра-а-снее нету цветка...

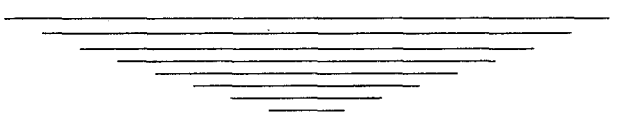
Снаружи, заглушая пронзительный тенор и бряцанье арфы, донеслись крики и топот.

Где бы ты ни искал...

Стены камеры стали все быстрее кружиться вокруг них, словно на невидимой оси,— на месте оставалась только четверка путешественников, сгрудившихся в центре. Голос Пита забирал все выше и выше, и крепкие стены на глазах у них принялись расплываться в серую муть, пока в конце концов окончательно не рассыпались в прах — а вместе с ними и весь мир «Калевалы».

Волшебник Зеленых Холмов

1

В те томительные мгновения, пока серая дымка вихрем закручивалась вокруг них, Гарольд Ши прекрасно сознавал, что, хоть в общем и целом принцип перемещения ему совершенно ясен, промашки даже в самых значимых и ответственных деталях отнюдь не исключены.

Еще бы ему этого не сознавать, поскольку Ши прекрасно помнил слова дока Чалмерса: «Мир, в котором мы живем, складывается из впечатлений, полученных через ощущения. Но возможно и существование бесконечного множества иных миров. И если наши ощущения и разум определенным образом настроить на получение некой иной серии впечатлений, мы неизбежно обнаружим себя живущими в совершенно другом мире». И это стало настоящим торжеством не только для него самого, но и для всей науки в целом, когда ему удалось на деле доказать, что при помощи силлогизмов и формальной логики действительно можно пробить брешь между этими параллельными мирами, которые и впрямь существуют.

Вопрос только в том, как пойдут дела после того, как эту брешь пробьешь и окажешься на месте. Тут уж полагайся только на себя и не зевай, поскольку сразу после пространственно-временного прыжка ты оказываешься в совершенно новой для себя обстановке и хочешь не хочешь, а просто обязан полностью принять местные условия игры. Бессмысленно щелкать курком револьвера, чиркать спичками или включать электрический фонарик в

© Перевод А. Лисочкина.

мире норвежских мифов — все эти штучки не являются частью тамошней мысленной структурной модели и только бесполезным грузом оттягивают карманы. Другое дело магия — с ее помощью...

Серая дымка сгустилась и завертелась еще пуще. Ши почувствовал, что руку Бельфебы вот-вот вырвет у него из пальцев — будто что-то неведомое стремилось унести ее прочь,— и вцепился в нее как клещ.

Еще один рывок напомнил Ши, что после завершения процесса оба рискуют оказаться в совершенно разных местах, поскольку, учитывая тяготение обоих к абсолютно не похожим друг на друга мирам, действие единого заклятия могло распространиться сразу на несколько различных структурных моделей.

— Держись! — из последних сил заорал он, крепче стискивая руку Бельфебы.

Наконец Ши ощутил, что коснулся ногами земли, и в ту же секунду что-то застучало по его голове. Вскоре он догадался, что стоит под проливным дождем, отвесные струи которого обрушивались с небес с такой мощью, что окружающую обстановку, куда ни глянь, можно было различить от силы на несколько ярдов. Первым делом он отыскал взглядом Бельфебу, которая незамедлительно бросилась ему в объятия. Супруги крепко и с чувством поцеловались.

— Наконец-то,— вымолвила она, слегка отстраняясь,— со мною ты, дражайший господин мой, так что бояться теперь нечего!

Они внимательно огляделись по сторонам. С их носов и подбородков вовсю струилась вода. Плотная шерстяная рубаха Ши уже настолько пропиталась влагой, что прилипла к телу, а Бельфеба, всегда аккуратно причесанная, больше походила на вытащенную из воды кошку. Вытянув руку, она воскликнула:

— Вот он!

Ши пригляделся к маячившему неподалеку темному пятну, своими очертаниями смутно напоминавшему Пита Бродского.

— Ши? — донесся едва слышный оклик, и, не дожидаясь ответа, пятно устремилось прямо к ним. В этот момент ливень поутих и немного посветлело.

— Черт бы тебя драл, Ши! — рявкнул Бродский, приблизившись.— Что за штучки? Если б лично я так относился к делу, мне давно бы дали пинка под зад! Куда это мы, к свиньям, угодили?

— Очень надеюсь, что в Огайо,— ответил Ши.— И вот что: завязывай со своими фараонскими штучками! По мне, так здесь всяк лучше, чем там, откуда мы только что прибыли. Извини за дождь, но лично я его не заказывал.

— Единственно могу сказать: молись, чтоб так оно и было,— мрачно пробурчал Бродский.— За похищение полицейского ты рискуешь огрести по полной программе, а я далеко не уверен, что сумею тебя отмазать. А где тот, другой?

Ши осмотрелся по сторонам.

— Уолтер может быть и где-то здесь, но похоже, его все-таки занесло в какое-то другое место. Так ему и надо. А если хочешь знать, то главный вопрос не *куда* мы угодили, а *когда!* Мало радости попасть пусть и в Огайо, но в семисотом году после Рождества Христова — то есть приблизительно в тот самый период, в который мы угодили в Калевалу и благополучно оттуда выбрались. Кончился бы только дождь, и...

Внезапно дождь действительно как отрезало. Небольшие, но сильные ливни стеной удалялись прочь. Среди облаков, плывущих по безостановочному воздушному течению, что леденяще пронизывало промокшую рубаху Ши, стали проявляться отдельные клочки и полоски чистого неба, из которых порой вдруг выстреливал солнечный луч, яркой кистью дотрагиваясь до окружающего пейзажа.

Пейзаж оказался совсем неплох. Ши и его спутники, утопая в траве, стояли на одной из самых высоких точек обширного холмистого пространства. Этот участок местности, в свою очередь, представлял собой нечто вроде плоскогорья, пологим склоном спадавшего вниз. Замшелые валуны уступами громоздились в траве, которую там и сям теснили заросли цветущего пурпурным цветом вереска. На свежем ветерке мотали головками ромашки. Кое-где виднелись и одинокие деревца, хотя далеко в долине, начинающейся у подножия плато, низина сплошь поросла лесом — насколько можно было судить с такого расстояния, березами и дубами. Когда они обернулись, чтобы обозреть всю картину целиком, позади обнаружились голубые верхушки далеких гор.

Покрывало облаков становилось все тоньше, на глазах распадаясь на отдельные клочки. Вскоре воздух очистился настолько, что они разглядели вдали еще две грозовые тучи, которые проносились стороной, волоча за собой серые вуали дождя. И как только с небес дружно брызнули солнечные лучи, окончательно упра-

вившись с последними туманными клочьями, окружающий ландшафт заиграл такой ярчайшей зеленью, какую в Огайо явно не увидишь.

Бродский первым подал голос.

— Если это Огайо, то я не коп, а медвежатник,— буркнул он.— Слышь, Ши, мне еще раз повторить, что со временем у тебя не густо? Если все эти пустобрехи из лавки окружного прокурора за тебя возьмутся, лучше сразу сам вешайся — только время им сэкономишь. Осенью у него выборы, и ему до смерти нужно какое-нибудь громкое дельце, чтобы пыли в глаза напустить. А ребятки из ФБР, те просто обожают дела о похищениях — этих-то ты точно не разжалобишь и не подмажешь. Так что лучше отправляй меня назад, пока там не возникли вопросы!

— Пит, я делаю все возможное! — отозвался Ши не без отчаяния в голосе.— Честно! У меня нет ни малейшего представления, где мы находимся и какой сейчас временной период. Пока я это не выясню, нечего и пытаться переправить нас куда-то еще. Мы получили достаточно высокий магический заряд, когда переносились сюда, а поскольку я знать не знаю, что за магия тут в ходу и на каком она принципе, в результате любого моего заклятия мы можем попросту исчезнуть в никуда или угодить прямиком в ад — понимаешь, в самый натуральный ад с огнем и сковородками, как в церкви расписывают.

— Ладно,— сказал Бродский.— Убедил. Но все равно заруби себе на носу: у тебя не больше недели, чтоб вытащить нас отсюда.

Бельфеба указующе вытянула руку.

— Гляньте, никак отара овечья?

Ши прикрыл глаза ладонью.

— И впрямь, дорогая! — отозвался он в конце концов. Хотя лично его глазу предстало нечто более похожее на рассыпавшихся по зеленому сукну мошек, на феноменальное зрение своей супруги он привык полагаться безоговорочно.

— Овцы,— вымолвил Бродский. Было едва ли не слышно, как в мозгах у него со скрипом проворачиваются шестеренки.— Овцы.

Внезапно по физиономии его расплылось блаженство.

— Ши, это ж надо было так исхитриться! Три, два, один, ноль — и мы в Ирландии! А коли так, то хрен я когда захочу вернуться домой!

Ши проследил за его взглядом.

— Действительно, похоже,— согласился он.— Но когда...

В этот самый момент что-то пронеслось мимо — да так близко, что их обдало волной потревоженного воздуха. Это «что-то» со страшным треском врезалось в валун неподалеку и рассыпалось на куски, которые с визгом разлетелись по сторонам, словно осколки артиллерийского снаряда.

— Ложись! — заорал Ши, падая носом вниз и увлекая за собой Бельфебу.

Бродский припал к земле, плотно сжав губы, и профессионально зашарил глазами по окрестностям в поисках источника загадочного снаряда. Однако продолжения не последовало. Где-то через минуту Ши с Бельфебой поднялись, подошли к валуну и подобрали обломок песчаника фунтов в двенадцать весом.

— Кто-то тут в округе балуется стофунтовыми булыжниками,— объявил Ши.— Это, может, и Ирландия, но очень надеюсь, что не времен Финна Маккула.

— М-да, ситуация,— протянул Бродский.— А я, как назло, без пушки. Ты тоже, кстати сказать, сапожник без сапог! Где это твой шампур, а?

Тут и до самого Ши дошло, что он и впрямь совершенно безоружен и что таковое состояние чревато определенными осложнениями даже вне всякой зависимости от временного периода. Он взобрался на валун, о который расшибся каменный снаряд, и огляделся по сторонам. Нигде не было видно никаких признаков жизни, не считая разве что крошечных овец вдали — да и при тех не наблюдалось ни пастуха, ни даже овчарки.

Он соскользнул обратно, присел на каменный уступ, привалившись к тверди валуна мокрой спиной, и немного поразмыслил.

— Дорогая,— произнес он в конце концов, обращаясь к Бельфебе,— мне кажется, что в каком бы веке мы тут ни оказались, первым делом надо найти людей и сориентироваться. Ты — наш проводник. Какое направление, на твой взгляд, более предпочтительно?

Девушка пожала плечами.

— Лесное мое чутье — ничто вне стволов древесных,— отозвалась она,— но коли так ты вопрос ставишь, перво-наперво спустилась бы я в долину, ибо люди завсегда в низинах обитают, где вода речная струится.

— Неплохая мысль,— сказал Ши.— Давай...

Вз-з-з!

По воздуху пронесся еще один камень, но на сей раз не в их сторону. Он врезался в дерн в сотне ярдов от путешественников, несколько раз неуклюже подпрыгнул и скатился по склону холма, скрывшись из виду. Вокруг по-прежнему не было ни души.

Бродский издал разгневанный рык, а Бельфеба попросту рассмеялась.

— Намекают нам, чтоб убирались мы поскорей,— сказала она.— Пошли, господин мой, внемлем намеку дружескому!

В этот момент послышались еще какие-то звуки. Издавать их могла только гужевая повозка, колеса которой чрезвычайно нуждались в смазке. Под барабанную дробь копыт, звон упряжи и скрип колес перед ними возникла колесница, тарахтящая вверх по склону. Тянули ее две огромные коняги — одна серая, другая черная. Она больше напоминала старинную американскую двуколку, нежели колесницы древних греков и римлян,— сиденье, расположенное сзади, было достаточно широким для двух или даже трех седоков, а боковые стенки низко срезаны к передку, чтоб облегчить посадку. Экипаж был щедро изукрашен золочеными шляпками гвоздей и прочей столь же яркой и столь же незамысловатой мишурой, а из ступиц торчала пара длиннющих острых кос, которыми косят сено.

Правил колесницей долговязый и худой веснушчатый тип с рыжими волосами, спадавшими ему на плечи из-под золотой повязки на лбу. На нем был зеленый килт, а поверх него плащ из оленьей кожи с прорезями для рук на уровне локтей.

Колесница мчалась прямо к Ши и его спутникам, которые при виде торчащих по бокам кос поспешили спрятаться за массивный валун. В самый последний момент возница перевел лошадей на шаг и выкрикнул:

— Ступайте прочь, коли головы на плечах вам дороги!

— С какой это стати? — независимо поинтересовался Ши из-под прикрытия валуна.

— А с такой, что *Сам* в гневе великом! Вырывает деревья он с корнем и каменья швыряет тяжкие, и недобрый час тому, кого повстречает он ныне!

— Кто это *Сам?* — спросил Ши практически одновременно с Бродским, который поинтересовался:

— А ты-то кто такой будешь?

Возница осадил лошадей с выражением искреннего изумления на лице.

— Я Лойг, сын Риангабара, а кто же иной *Самим* быть может, кроме Пса Ульстерского, Славы Ирландии, Кухулина могучего? Убил он недавно сына своего единственного и впал потому в великую ярость. *Ара!* Крушит ныне он весь этот край обитаемый, а вас, фоморов, завидев, еще пуще взъярится!

Возница щелкнул кнутом, и едва только лошади перевалили за вершину холма, как небо запятнала туча комьев земли. Там, откуда прибыла колесница, над горизонтом на мгновение взлетело приличных размеров дерево с болтающимися корнями.

— Двигаем отсюда! — твердо сказал Ши, хватая Бельфебу за руку и устремляясь вниз по склону вслед за колесницей.

— Эй! — крикнул Бродский, без особой охоты пристраиваясь в хвост процессии.— Давайте лучше вернемся и закорешимся с этим парнем. Это же герой номер один в Ирландии!

От земли отскочил еще один камень, а совсем неподалеку послышался невнятный рев.

— Я про него слышал,— заверил Ши,— и если тебе так хочется, можем при случае к нему заскочить, но, по-моему, сейчас не совсем подходящее время для визитов. Мне кажется, в данный момент он настроен не слишком общительно.

Бельфеба на ходу поинтересовалась:

— Именовал ты его героем, и при этом сына он своего умертвил. Как быть такое может?

Бродский, пыхтя, отозвался:

— Просто запутка получилась. У этого Кухулина как-то была подружка — Айфе ее звали. Короче, она залетела, а он возьми да и дай ей отставку, ясно? И когда малыш подрос, она послала его к Кухулину, наложив на него гейс...

— Минуточку,— перебила Бельфеба.— Что это за гейс такой?

— Табу,— подсказал Ши.

— Да никакое там твое табу и рядом не лежало! Бери выше — натуральное колдовство! — горячо уточнил Бродский.— Когда на тебя наложен гейс, ты и пальцем о палец не смеешь стукнуть, даже когда совсем задницу припечет. Так вот, как я уже говорил, на этого пацана, звали его Конла, наклали такой гейс, чтоб он никому не кололся, как его звать и кто его папа. И когда Айфе послала его к Кухулину, тот вызвал мальчишку на бой и без всяких яких его замочил. В общем, нехорошо вышло.

— И впрямь печальна сия история,— согласилась Бельфеба.— Откуда ж столь умудрился ты в материях подобных, мастер Пит? Иль одной вы с ним расы?

— Как бы мне этого ни хотелось, но увы! — честно признался Бродский.— На моей службе это было бы мне только в жилу. Но раз не судьба, я решил зайти с другого боку, ясно? Буду, думаю, долбить все эти ирландские премудрости до тех пор, пока не стану сечь в них почище самих ирландцев. Вот кой-чего и поднабрался, поняла?

Они уже порядочно спустились вниз по склону, путаясь ногами в высокой траве и постепенно приближаясь к безмятежно пасущейся овечьей отаре.

Бельфеба заметила:

— Очень надеюсь я, что люди недалёко. Не то без кормежки протянем мы ножки!

— Не парься,— отозвался Бродский,— это ж Ирландия, лучшая страна в мире. Если у тебя живот подвело, а под боком овцы, выбирай любую, режь, жарь, и всех делов. Все на халяву — у них тут так принято.

— Нету у нас ни ножа, ни огня,— возразила Бельфеба.

— По-моему, огонь мы запросто добудем при помощи кусочка кремня и какой-нибудь железки, которых у нас и на нас полным-полно,— сказал Ши.— А если забьем овцу и разведем костер, зуб даю, что в самом скором времени подгребет и кто-нибудь с ножом, чтобы разделить с нами ужин. Во всяком случае, попробовать стоит.

Подойдя к большому дереву, он подобрал длинный и тяжелый сухой сук, валявшийся у его подножия. Наступив ногой и поднатужившись, он разломил его на две более-менее одинаковые половины, одну из которых вручил Бродскому. Получившиеся дубины на вид особого доверия не внушали, но при отсутствии инструмента рассчитывать на что-то получше не приходилось.

— А теперь,— объявил Ши,— если мы спрячемся вон за тем валуном, а Бельфеба обежит кругом и погонит стадо на нас...

— Уж не вздумали ли вы угнать овец наших, дорогуши? — послышался тут низкий мужской голос.

Ши огляделся. Словно откуда-то ниоткуда вдруг возникла некая компания, с высоты склона с самым что ни есть угрожающим видом разглядывающая путешественников. Всего их было

пятеро, в килтах и в узких штанах, которые обычно носят горцы, а также накидках из оленьих и волчьих шкур, застегнутых у подбородка,— один с окованной медью дубиной, другой с громоздкого вида мечом, а остальные трое с копьями.

Не успел Ши хоть что-нибудь ответить, как тот, что с дубиной, продолжал:

— Мыслится мне, что головы мужей неплохо смотреться будут в зале нашей общей. Девы же касаемо, то чур я первый!

— Бежим! — гаркнул Ши, первым следуя своему собственному совету.

Пятеро незнакомцев немедля бросились за ними вдогонку.

Бельфеба, руки у которой были свободны, вскоре вырвалась вперед. Ши, сжимая свою импровизированную дубинку, горько сожалел, что удирать приходится под гору — в такой ситуации толку от нее было ни на грош. Бродский свою то ли обронил, то ли без толку швырнул назад в преследователей.

— Эй, Ши! — возопил детектив, пыхтя на ходу.— Жми во все лопатки — они меня взяли!

По правде говоря, до этого пока дело не дошло, но было совершенно ясно, что вот-вот дойдет. Ши замедлил бег, обернулся, подхватил камень размером с бейсбольный мячик и швырнул в незнакомцев, едва не угодив Бродскому в лоб. Тип с дротиком, в которого он метил, ловко увернулся, и преследователи, не замедляя темпа, стали обходить их справа и слева, дабы окружить.

— Я... больше... не могу!..— пропыхтел Бродский.— Сматывай, не теряй времени!

— Черта с два! — огрызнулся Ши на бегу.— Без тебя нам дома делать нечего! Давай-ка лучше на пару возьмем в оборот того парня с дубиной!

Два камня описали в воздухе дуги почти одновременно. Обладатель дубины пригнулся было, но опоздал — один из метательных снарядов шмякнул его аккурат по макушке кожаной шапочки, и он кубарем полетел в траву.

Остальные истошно заорали и сомкнулись с совершенно очевидным намерением при помощи оставшихся видов оружия наделать в беглецах дырок и разделать их на котлеты, когда вдруг какой-то страшный шум заставил всех без исключения замереть, приподнявшись на цыпочках. Вниз по склону с громом неслась колесница, которую Ши и его спутники совсем недавно встречали. Долговязый рыжеволосый возница правил стоя и неистово

улюлюкал, а позади него ловко удерживал равновесие какой-то низенький чернявый тип.

Колесница, подскакивая и переваливаясь с боку на бок, стремительно приближалась. Не успел Ши более-менее оценить ситуацию, как один из приделанных к ступицам клинков подкосил одного из копьеносцев, с хирургической точностью отхватив ему обе ноги пониже колена. Тот с дикими воплями повалился наземь, и в ту же секунду коротышка в колеснице, закинув руку назад, пронзил дротиком еще одного преследователя.

— Это же *Сам!* — завопил один из уцелевших, и оба ударились в паническое бегство.

Смуглый коротышка что-то коротко бросил вознице, который тут же придержал лошадей. Кухулин выпрыгнул из экипажа, вытащил из-за пояса пращу и принялся раскручивать ее над головой. Едва только один из бывших преследователей брякнулся оземь, как Кухулин опять привел в действие свой губительный инструмент. Ши подумалось, что на сей раз он уж точно промажет, поскольку уцелевший был уже в доброй сотне ярдов и удалялся с прямо-таки нечеловеческой прытью. Но снаряд стукнул ему точно в башку, и он немедля ткнулся носом в землю.

— Достань-ка мешок для голов и ступай за трофеями моими, дорогуша,— распорядился Кухулин.

2

Лойг, покопавшись в задке колесницы, вытащил огромный мешок и тяжеленный меч, вооружившись которым безмятежно принялся за дело. Бельфеба невольно обернулась, когда спаситель подошел к дереву. Перед Ши предстал человек невысокого роста, не старше его самого, с кудрявыми черными волосами, густыми черными бровями и лишь едва заметным пушком на щеках — в отличие от разбойничьих бород незадачливых преследователей. Он был не только исключительно хорош собой: под свободным одеянием поигрывала внушительная мускулатура. Лицо героя носило выражение непреходящей задумчивой меланхолии, а одет он был в расшитый золотом белый плащ с длинными рукавами поверх красной туники.

— Огромное спасибо! — с чувством произнес Ши.— Если хочешь знать, ты только что спас нам жизнь. Как вышло, что вы оказались поблизости?

— Лойг явился ко мне со сказкою о трех чужестранцах, кои по первому взгляду фоморами могли быть и коим, вероятней всего, скорая стычка с лагенами грозила. Ныне готов драться я с любым в Ирландии, кто время мне готов уделить, а тут эти свиньи лагенские впятером на двоих навалились! Ежели ты только не герой, нелегко при таком раскладе выстоять, вот и пришлось поучить мерзавцев хорошим манерам. А теперь твой черед поведать, кто вы такие, откуда прибыли и куда путь держите. Ежели и вправду вы фоморы, беда невелика — король Конхобар в друзьях с ними в год нынешний, не то бы укоротил я рост твой ровно на голову!

Ши лихорадочно припоминал особенности культурной модели Ирландии времен Кухулина. Стоит в самом начале ляпнуть что-нибудь не то, и они рискуют присоединить свои головы к той коллекции, что постукивала в мешке Лойга словно дыни, которые везут на базар. Поэтому последующее поведение Бродского можно было смело назвать ударом ниже пояса.

— Елки-палки! — гаркнул он с интонациями, которые были понятней всяких слов.— Вот уж не думал не гадал, что мне выпадет шанс поручкаться с таким крутым парнем! Короче, братан, я Пит Бродский, а это мои кореша — Гарольд Ши и его жена Бельфеба!

С этими словами он сунул Кухулину пятерню.

— Мы прибыли не из Фомора, а из Америки — с острова, что лежит далеко за их землями,— поспешно встрял Ши.

В ответ Кухулин оделил Ши сдержанным учтивым кивком. На Бродского он лишь бросил мимолетный взгляд, а протянутую руку проигнорировал. Обращался он по-прежнему к Ши:

— Что понудило тебя в путь пуститься со столь уродливой горою плоти, дорогой мой?

Уголком глаза Ши заметил, что полицейский побагровел и начал угрожающе надуваться, как индюк, поэтому поспешно ответил:

— Он, может, и не особо красив, зато полезен. Это наш слуга и телохранитель, на случай какой-нибудь заварушки ему цены нет... Заткнись, Пит!

У Бродского хватило ума именно так и поступить. Кухулин принял объяснение все с той же отстраненной учтивостью и взмахом руки пригласил их в колесницу.

— Размещайтесь позади, и отвезу я вас в свой лагерь. Надобно подкрепиться вам, прежде чем вновь вы тронетесь в путь.

Сам он уселся на переднее сиденье, в то время как путники без лишних слов вскарабкались на заднее и крепко ухватились за все, что оказалось под рукой. Лойг, пристроив набитый головами мешок, ткнул лошадей золотой заостренной палкой. Колесница тронулась с места. Ши сразу счел такой способ передвижения чудовищно утомительным, поскольку рессоры у экипажа отсутствовали, а дорогу можно было скорей охарактеризовать как отсутствие таковой, хотя Кухулин безмятежно развалился на своем сиденье, явно не испытывая никакого дискомфорта.

Вскоре впереди, в самом низу долины, проглянула небольшая рощица. Над костром поднимался дым. Солнце окончательно решилось ответить на вопрос о времени суток, склонившись к горизонту, и низина погрузилась в тень. Десятка два мужчин совершенно бандитского вида вскочили на ноги и разразились приветственными кликами, как только колесница ворвалась в лагерь. В центре его над огнем булькал огромный железный котел, а на заднем плане возвышался бесформенный навес из кольев, горбыля и обыкновенных веток. Лойг осадил колесницу и поднял над головой увесистый мешок с трофеями, вызвав еще один взрыв ликования.

Кухулин легко соскочил на землю, ответив на приветствия небрежным взмахом руки, и наклонился к Ши.

— Мак-Ши, мыслится мне, что ты и супруга твоя из благородных, да и на вид вы далеко не безобразны, так что трапезничать следует вам в моей компании.

Он махнул рукой:

— Несите еду, дорогуши!

Подельники Кухулина тут же развили бурную деятельность, с громкими криками и воплями бестолково заметавшись во всех мыслимых направлениях. Траектории их передвижений напомнили Ши своей замысловатостью переплетение ниток в старинной детской игре «кошкина колыбелька» — когда их так и сяк крутят на пальцах. Так, к слову, не успел один из разбойничьего вида воинов подхватить низенькую скамеечку и перенести ее на другой конец поляны, как ее незамедлительно подхватил другой и бережно вернул на прежнее место.

— Ужель остановятся они когда-нибудь, дабы животы наши насытить? — негромко промолвила Бельфеба. Но Кухулин лишь

снисходительно взирал на происходящее с едва заметной улыбочкой. Судя по всему, вся эта суматоха немало ему льстила.

После бесконечных уходов, приходов, перебранок и перебежек скамейку наконец торжественно утвердили перед навесом. Кухулин уселся и взмахом руки предложил семейству Ши присесть на землю перед ним. Возница Лойг тоже устроился на земле, все еще влажной после недавнего дождя. Но поскольку просушить одежду им так и не довелось, это не имело особого значения.

Какой-то тип приволок большое деревянное блюдо, на которое была горой навалена поистине чемпионская порция — огромный ломоть вареной свинины, масса хлеба и целый лосось. Кухулин поставил блюдо себе на колени и без промедлений взялся за дело, орудуя попросту пальцами и изредка помогая себе кинжалом. При этом он все с той же едва заметной улыбочкой заметил:

— Согласно обычаю ирландскому, Мак-Ши, можешь бросить вызов ты чемпиону, дабы завладеть его порцией. Муж статей твоих явно ловко мечом владеет, а еще ни разу не доводилось мне с американцами биться!

— Премного благодарствую,— сухо ответил Ши,— во-первых, я далеко не убежден, что столько одолею, а во-вторых, на меня наложен этот, как его — гейс, который не позволяет мне драться с тем, кто сделал для меня что-либо хорошее. Короче, мне так и так нельзя, коли ты нас выручил.

Уделив повышенное внимание собственному ломтю хлеба, на котором рядышком пристроились куски свинины и лосося, он бросил взгляд на Бельфебу и добавил:

— Не будет ли чересчур большим нахальством с нашей стороны одолжить тут пару ножей? Мы собирались, так сказать, в некоторой спешке и ничего с собой не взяли.

На лицо Кухулина набежала тень.

— Не гоже это, чтоб муж благородный без оружия оставался. А ну, поведай-ка без утайки, часом не отобрали ли его у тебя попросту?

Вмешалась Бельфеба:

— Прибыли мы сюда посредством чар магических, и как тебе, вне всяких сомнений, известно, есть средь них и такие, что бессильны в присутствии железа хладного!

— Правда твоя,— согласился Кухулин. Хлопнув в ладоши, он распорядился: — Принесите два ножа, дорогуши. Только железных, а не бронзовых!

Жуя, он поглядывал на Бельфебу.

— И в кои же края теперь путь вы держите, дорогие мои?

— Да пожалуй, обратно в Америку,— отозвался Ши.— Мы просто... э-э... заскочили по дороге, как говорится, чтоб выразить свое почтение величайшему герою Ирландии.

Кухулин явно воспринял подобный комплимент как само собой разумеющееся.

— Не лучшее время избрали вы для визита! Поход мой окончен, и ныне собираюсь я домой, где тихо и спокойно сидеть буду с женою своей Эмер, так что никаких битв да подвигов в ближайшее время не предвидится.

Лойг поднял на него взгляд и с набитым ртом заметил:

— Будешь тих ты и спокоен, Кухук, ежели только Медб-надоеда с Айлилем тебе позволят. Явно пакость некую они затевают, не будь я сыном Риангабара!

— Коли час мне пробьет сраженному быть коннахтами, тогда и погибну я от рук мужей коннахтских,— философски ответствовал Кухулин. Он по-прежнему не отрывал глаз от Бельфебы.

Та небрежно поинтересовалась:

— А кто стоит здесь во главе ремесла магического?

Кухулин ответил:

— А вы, видать, и впрямь не новички в делах волшебных! И нет, и не будет никогда в ремесле упомянутом никого, кто могуществом превзошел бы Катбада Ульстерского, что советником при дворе короля Конхобара. Отправитесь вы со мною поутру в Муртемн, отдохнете, в порядок себя приведете, а после мы вместе и в Эмайн-Маху заглянем, дабы лично его повидать.

Он опять бросил взгляд на Бельфебу и отложил тарелку. Этот коротышка управлялся с едой не хуже, чем с врагами,— там практически ничего не осталось, а было ведь как минимум вдвое больше, чем у Ши.

— Чрезвычайно любезно с твоей стороны,— сказал Ши.— Действительно, очень любезно.

Все это было настолько любезно, что у него зародились смутные подозрения.

— Нисколько,— молвил Кухулин.— Для тех, что красотою одарены, сие по праву причитается!

Он все еще смотрел на Бельфебу, которая подняла взгляд на темнеющее небо.

— Господин мой,— обратилась она к Ши,— утомилась я малость. Не отправиться ли нам на покой?

— Неплохая мысль,— отозвался тот.— Где нам тут можно пристроиться?

Кухулин махнул рукой в сторону рощи.

— Где только пожелаете, дорогуши! Никто не посмеет потревожить вас в лагере Кухулина.— Он хлопнул в ладоши.— Собрать моху помягче для постели друзей моих!

Когда они остались одни, Бельфеба тихонько шепнула:

— Совсем не по вкусу мне его подходцы, хоть и сотворил он нам немало добра. Не мог бы ты применить искусство свое, дабы вернуть нас в Огайо?

Ши ответил:

— С утра попытаю счастья — попробую подобрать подходящие силлогизмы. Не забывай: если мы вернемся одни, ничего хорошего нас не ждет. Надо обязательно забрать Пита, иначе нас обвинят в том, что мы его убили или похитили, а мне как-то неохота шататься середь ночи по этому вертепу, чтоб его отыскать. А потом, чтобы делать пассы, всяк нужен свет.

Рано утром, когда они встали, в лагере уже вовсю кипела жизнь. Ярко пылал костер. Ши с Бельфебой, бродя по лагерю и высматривая Бродского, обратили внимание на необычайную тишину. Вчерашняя суматоха на сей раз протекала под аккомпанемент еле слышного шепота, а кое-кто и вовсе предпочитал изъясняться знаками и мимикой. Ши ухватил за рукав какого-то заросшего бородой головореза, который поспешал мимо с туго набитым мешком, и поинтересовался причиной.

Головорез наклонился к нему нос к носу и бешеным шепотом ответствовал:

— *Сам* в печали и отдыхать изволит. Ежели охота тебе башку потерять, только попробуй шум тут поднять!

— А вот и Пит,— сказала Бельфеба.

Детектив помахал рукой и из-за деревьев направился к ним. Он уже ухитрился где-то разжиться плащом из оленьей кожи, застегнутым под подбородком бронзовой брошью, а вид у него был положительно сияющий.

— Как делишки? — поинтересовался он тем же театральным шепотом, что и остальные, когда подошел ближе.

— Пошли с нами,— махнул головой Ши.— Попробуем вернуться в Огайо. Где это ты раздобыл новые шмотки?

— А-а, один из этих сопляков вбил себе в башку, будто умеет бороться. Пришлось показать ему пару приемчиков, и вот резуль-

тат — плащик выиграл. Слышь, Ши, я передумал. Я остаюсь. Это реальный Маккой!

— Но *мы-то* не желаем оставаться,— твердо сказала Бельфеба,— и сам ты не далее чем вчера твердил, что, ежели без тебя мы объявимся, удел наш далеко не самым приятным будет.

— Слышь, не подымай волны. Я тут теперь в законе, да и муженек твой со своими волшебными фокусами тоже запросто в люди выбьется. По крайней мере, я хотел бы дождаться той главной заварухи.

— Пошли-ка вон туда,— сказал Ши, увлекая детектива на окраину лагеря, где вероятность того, что их голоса станут причиной неприятностей, была несколько меньше.— Какой такой, говоришь, заварухи?

— Я тут почесал репу,— охотно пояснил Пит,— и в итоге вычислил, в какой серии этого ирландского кина мы тут высадились. Аккурат в этот самый момент эти поганцы Медб с Айлилем *под шумок набирают шайку, чтоб надавать Кухулину по башке.* Они уже составили полный список тех, кого он успел замочить, а теперь подзуживают всех ихних родственничков, чтоб те тоже в это дело впаялись. Но главная фишка в том, что для полной гарантии они собрались накласть на него такой гейс, чтобы он в одиночку завелся к ним ко всем до кучи — типа, один с голым задом на цельную стенку полез. При таком раскладе нашему новому другу и крышка. Короче, я хочу побыть здесь еще чуток, чтоб отыграться.

— Послушай,— терпеливо сказал Ши,— ты сам не далее как вчера твердил, что тебя нужно вернуть самое большее через неделю. Забыл? Мол, тебя якобы видели входящим в наш дом, из которого ты больше не вышел.

— Да говорил же, говорил! Не парься — когда мы вернемся, я организую тебе алиби. Но куда нам гнать-то? Я уже вовсю обучаю этих ребят борьбе, а что же до твоей магии, то не исключено, что у тебя выйдет снять этот самый гейс и парень останется цел.

— Не исключено,— согласился Ши.— Похоже, это нечто вроде психологического воздействия, осуществляемого магическими средствами, и на стыке психологии и волшебства у меня это может и выйти. Но нет... Слишком опасно. Если мы останемся, он так и будет строить глазки Бельфебе!

За этим разговором они успели выйти из рощи и оказались на краю склона. Первые солнечные лучи едва успели коснуться ветвей у них над головами. Ши продолжал:

— Мне очень жаль, Пит, но мы с Бельфебой не хотим провести здесь остаток своих дней, и если мы отправляемся, то прямо сейчас. Как ты и предлагал. А теперь возьмитесь за руки. Дай мне другую руку, Бельфеба.

Бродский угрюмо повиновался. Ши прикрыл глаза и начал, отбивая концовки силлогизмов взмахом руки:

— Если либо А, либо В или С верно, а С или D ложно...

Наконец он вновь открыл глаза. Они по-прежнему стояли на краю рощи, на каком-то безвестном ирландском холме, глядя на поднимающийся над костром дым, клубы которого, взмывая над деревьями, ярко озарялись лучами утреннего солнца.

— Что-то не ладится в волшебстве твоем? — встревоженно поинтересовалась Бельфеба.

— Да *не знаю* я! — в отчаянии отозвался Ши.— Если бы у меня было хоть что-нибудь пишущее, можно было бы проверить все шаг за шагом... Хотя нет, постой... Выполнимость задачи полностью зависит от коренной перенастройки чувственных впечатлений в соответствии с правилами формальной логики и магии. Мы точно знаем, что магия здесь действует, так что дело не в ней. Но чтобы эффективно работала формальная логика, необходимо подчиняться производимому ею воздействию — иными словами, желать этого. В тебя, Пит, вес уперлось! Ты просто не хочешь возвращаться.

— Не переводи стрелки! — возмутился Бродский.— Я стараюсь.

— Ладно. Тогда я дополнительно тебе напомню, что мы возвращаемся обратно в Огайо, где у тебя хорошая работа и ты ее любишь. Кроме того, тебе дали задание нас разыскать, что ты и сделал. Лады?

Они опять взялись за руки, и Ши, зажмурившись от напряжения, вновь зачитал силлогизмы, на сей раз заменив посылку-другую, чтобы выработать побольше энергии. Как только он добрался до конца, время словно на мгновение замерло; раздался жуткий треск, и в ближайшее от них дерево ударила яркая голубая молния, расколов его от верхушки до самых корней.

Бельфеба приглушенно ахнула, а из лагеря донесся хор возбужденных голосов.

Уставившись на то, что осталось от дерева, Ши горько произнес:

— По-моему, эта молния была нацелена в нас и просто угодила мимо, так что нам еще дико повезло. А тебе, Пит, повезло еще больше. Мы остаемся здесь по крайней мере до тех пор, пока я побольше не узнаю про законы, которые управляют магией в данном континууме.

Несколько людей Кухулина с копьями на изготовку возбужденно продрались сквозь заросли.

— Чего это там у вас стряслось? — выкрикнул один из них.

— Просто малость попрактиковались в волшебстве, чтоб сноровку не потерять,— безмятежно отозвался Ши.— Ладно, пошли назад, к остальным.

На поляне уже никто не следил за громкостью своей речи, и гвалт там стоял еще почище, чем накануне. Кухулин с надменным и отстраненным видом наблюдал за погрузкой колесницы. При появлении путешественников он сухо заметил:

— Благодарен я тебе, Мак-Ши, равно как и заклинанию твоему, за напоминание своевременное о том, что дома всяк лучше, нежели на чужбине. Отправляемся мы немедля.

— Аллё! — возмутился Бродский.— Лично я еще не завтракал!

Герой с отвращением оглядел его от головы до пят.

— Уж не желаешь ли ты сказать, что должен отложить я отъезд того лишь ради, чтоб какой-то слуга несчастный брюхо себе набил? — молвил он, после чего учтиво повернулся к Ши и Бельфебе: — Поесть можем и на ходу.

На сей раз трясло не так сильно, как в первый раз,— но по той лишь причине, что ехали шагом, дабы от колесницы не отстало прочее войско, движущееся пешим порядком. Завязавшаяся было под скрип колес беседа постепенно прискучила и увяла, тем более что насупившийся Кухулин ее особо не поддерживал. Но восхищения Бельфебы красотой окружающего пейзажа ему явно пришлись по вкусу. К полудню он соизволил развязать язык, обращаясь исключительно к ней, что опять вызвало у Ши определенное беспокойство, хотя при этом он не мог не признать, что изъясняется коротышка складно и всегда подчеркнуто вежливо.

По мере их неспешного продвижения местность вокруг опускалась все ниже и ниже, а складки холмов все более и более разглаживались, покуда с очередного невысокого перевала Ши не углядел ровную, словно проведенную по линейке, серо-синюю полосу

горизонта — море. Время от времени на них, словно по расписанию, обрушивался очередной ливень, отчего колонна промокала до нитки. Но, судя по всему, никто не обращал на это особого внимания, тем более что чистый, пронизанный солнцем воздух очень быстро высушивал пропитанные влагой одежды. Все чаще стали попадаться возделанные поля, хотя пастбищ по-прежнему было заметно больше. Время от времени какой-нибудь похожий на бесформенное пугало раб, единственный наряд которого составляли драная мешковина да толстый слой грязи, отрывался от своих трудов, чтоб проводить взглядом молодцевато шагающую команду Кухулина и нерешительно помахать ей рукою.

Наконец, в очередной раз подняв взгляд над лошадиными гривами, Ши увидел, что они приближаются к крепости, окруженной частоколом из массивных бревен, с огромными двойными воротами.

Оглядев ее критическим взором, Бельфеба шепнула на ухо Ши:

— Взять ее можно запросто — одними только стрелами зажигательными!

— Насколько мне известно, по части стрельбы из лука они тут полные профаны,— прошептал он в ответ.— Надо им к тебе на курсы записаться!

Ворота, створки которых уже расталкивали по сторонам бородатые стражники, со скрипом распахнулись. Стражники радостно орали:

— Привет тебе, Кухук! С удачею, Пес Ульстерский!

Ворота были достаточно широки, чтоб в них пролезла колесница с торчащими по бокам косами и прочим снаряжением. Как только экипаж с громыханием вкатил внутрь, Ши углядел множество строений самого разного облика и калибра, большинство из которых, судя по всему, представляло собой конюшни и амбары. Самое внушительное, крыша которого, крытая толстым слоем соломы, опускалась почти до самой земли, высилось посередине.

Лойг натянул поводья. Кухулин выпрыгнул на землю, взмахнул рукой и крикнул:

— Муртемн приветствует вас, американцы!

Все присутствующие, как один, разразились аплодисментами, словно он изрек нечто особо выдающееся.

Кухулин едва успел повернуться, чтобы перебросится парой слов с каким-то толстяком, одетым явно получше прочих, ко-

гда из центральной усадьбы вышел еще один человек, который быстрым шагом направился к ним. Это был худой мужчина среднего роста, пожилой, но энергичный, немного сутулый, опирающийся то и дело на длинный посох. У него была длинная седая борода, а пурпурный покров укутывал его от головы до пят.

— Лучший из дней тебе, Катбад,— сказал Кухулин.— Счастливый час привел тебя сюда, но где же дражайшая моя Эмер?

— Эмер в Эмайн-Махе,— ответствовал Катбад.— Конхобар призвал ее...

— *Ара!* — рявкнул Кухулин.— Иль раб я ему, коли король может послать за моей женою всякий раз, когда в голову ему это взбредет? Он...

— Окстись, окстись! — замахал на него руками Катбад.— Призывает он также и тебя, и именно с такой целью послал меня, а не Левархам — ибо известно ему, что способен ты и мимо ушей слово ее пустить, ежели вобьешь в голову свою упрямую приглашения ослушаться. Ведомо королю, что одному лишь мне под силу гейс на тебя наложить, чтоб ехал.

— А с чего это *Сам* в Эмайн-Махе возжелал видеть нас столь срочно?

— Мне ли ведать тайны сердца королевского?

— Это вы придворный друид? — встрял Ши.

Катбад только сейчас обратил на него внимание, и Кухулин представил обоих друг другу. Ши пояснил герою:

— Мне кажется, король желает твоего присутствия при дворе для твоей же собственной безопасности — чтоб его друиды не дали колдунам королевы Медб наложить на тебя свои чары. А именно так она и собирается поступить.

— Откуда ведомо тебе сие? — вопросил Катбад.

— От Пита — вот он, неподалеку. Иногда ему дано знать о том, что должно приключиться,— причем здорово задолго до того, как это действительно происходит.

Кухулин сморщил нос.

— Прислужнику сему безобразному?

— Да, ему самому! — сказал Бродский, подходя к собравшимся.— А ты лучше следи за каждым своим шагом, красавчик, потому как кое-кому до смерти охота взять тебя за задницу, а до этого верняк дело дойдет, если ты на этот счет не озаботишься.

— Ежели так предопределено, никто и ничто сего не изменит,— сказал Кухулин.— Фергус! Нагрей воды для купанья! — Он

повернулся к Ши.— Когда будешь ты как следует вымыт и облачен, то вид обретешь вполне достойный, чтобы за стол усесться в доме моем прекрасном. Одолжу я тебе кое-какие одеяния поприличней, ибо невыносим мне вид лохмотьев твоих фоморских!

3

Часть пространства в главной зале усадьбы была отгорожена плетеными ширмами, образующими нечто вроде уединенного алькова. Там и стояла ванна Кухулина — крупное и добротное бронзовое изделие. Процессия служанок, нагруженных кувшинами, потянулась туда от колодца. Кувшины один за другим опорожнялись в ванну, в то время как мужчины суетились возле очага на противоположном конце залы, укладывая в огонь камни в пятьдесят фунтов весом.

Бродский бочком приблизился к Ши, который стоял вместе с Бельфебой и пытался хоть как-то сориентироваться в полутьме.

— Слышь, не хочу зря поднимать шухер, но ты лучше особо не расслабляйся! У них тут такой обычай, что этот парень в своем собственном доме имеет полное право приударить за Бельфебой, и все будет по закону. Жаловаться тут некому.

— Именно этого я и опасаюсь,— с несчастным видом отозвался Ши.— Глянь-ка туда!

«Там» он успел обнаружить ряд деревянных пик, торчащих из стены, и на большинство этих пик были нацеплены человеческие головы. Покуда они беседовали, Лойг притащил свой жуткий мешок и добавил к коллекции последние приобретения, крепко напяливая их на острия. На некоторых более-менее свежих экземплярах, уже имевшихся в этом обширном собрании, еще оставалось немного плоти, хотя большинство провисело здесь так долго, что представляло собой только голые черепа с жалкими клочками волос.

— Эге-ге,— протянул Бродский,— будешь выступать, он и твою башку сюда пришпилит. Дай подумать... Наверняка есть способ, как его по-тихому обломать.

«Дорогу!» — рявкнул какой-то бородатый здоровяк. Все трое едва увернулись, когда он пробегал мимо, придерживая двумя кадушками еще дымящийся камень, только что вынутый из очага. Здоровяк ворвался в альков, вслед за чем незамедлительно последовали всплеск и громкое шипение. Он был уже на обратном

пути к очагу, когда к алькову рысью проследовал другой прислужник со вторым камнем. Через несколько минут все камни уже оказались в ванне. Ши заглянул за ширмы и увидел, что над водой поднимается парок.

Кухулин вразвалочку зашел в альков и пытливо сунул в воду палец.

— Сойдет, дорогуши!

Прислужники при помощи все тех же кадушек извлекли камни из воды и сложили их в углу, после чего исчезли за ширмой. Кухулин принялся было стаскивать тунику, но тут же заметил Ши.

— Я собираюсь раздеться для купанья,— любезно сообщил он.— Надеюсь, что не вздумал ты остаться тут навеки?

Ши поспешно удалился, и как раз в этот самый момент Бродский с довольным видом шлепнул себя кулаком по ладони.

— Просек!

— В каком это смысле — «просек»? — уточнил Ши.

— Как нам и на елку влезть, и зад не исколоть!

Бродский заговорщицки огляделся по сторонам, после чего притянул к себе Ши с Бельфебой.

— Короче, когда этот папик тебя выставил, до меня тут же доперло. В общем, если он к тебе всерьез полезет, Белли, попросту устрой ему небольшой стриптиз. На публике, когда все пялиться станут!

Бельфеба ахнула. Ши спросил:

— Ты что, совсем того? Хочешь добавить масла в огонь?

— А я тебе говорю — отскочит как ошпаренный! — тихо, но настойчиво твердил Бродский.— Как-то раз этот парень вздумал устроить при дворе грандиозный махач, и королю ничего другого не осталось, как выставить на передний край толпу девок с голыми титьками. Пацана чуть кондрашка не хватила!

— Мне сие не по нраву,— твердо заявила Бельфеба, но Ши сразу догадался:

— Табу на обнаженное тело! Такое вполне может быть в культурной модели, все верно. Это их всех касается?

— Угу,— подтвердил Бродский.— От этого можно даже ласты склеить. Так что когда он наладил тебя из ванной перед тем, как разоблачаться, то типа того — услугу тебе оказал.

Кухулин между тем вышел из-за ширм, подпоясывая свежую тунику — изумрудно-зеленую, расшитую золотой нитью. Пока он

вытирал свои длинные волосы полотенцем и орудовал гребнем, ванну успел занять Лойг.

Бельфеба поинтересовалась:

— Ужель одна лишь здесь вода на всех?

Кухулина это замечание ничуть не смутило:

— Полным-полно там травы мыльной. Чистота — красоты залог! — Он искоса бросил взгляд на Бродского.— Слуга искупаться может в корыте на улице.

— Слышь, ты...— начал было Бродский, но Ши быстро накрыл ему руку ладонью и, дабы сменить тему, спросил:

— А ваши друиды не используют волшебство для перемещений — скажем, из одного места в другое?

— Мало что недоступно друиду доброму, но не советовал бы я тебе чары Катбада перенимать — ежели только волшебство твое не геройское,— ибо весьма они могучи!

Он не без мрачноватого удовлетворения отвернулся, наблюдая за приготовлениями к обеду. Вскоре к ним присоединился Лойг, уже намытый и переодетый, а с другой стороны залы появилась одна из женщин с одеждой, которую отнесла в ванную для Ши и Бельфебы. Ши устремился было за женой, но тут же вспомнил слова Бродского про табу и решил не шокировать гостеприимных хозяев. Довольно скоро она вышла в залу в длинном, до пола, плотно облегающем тело платье, и он не без досады отметил, что оно точно такого же зеленого цвета и с точно такой же золотой вышивкой, что и туника Кухулина.

В результате Ши пришлось иметь дело с практически остывшей водой и совершенно сырым полотенцем. Предоставленный ему костюм состоял из желто-оранжевой туники и вязаных штанов в обтяжку. Примерив обновы, Ши пришел к заключению, что они ему вполне к лицу.

Бельфеба наблюдала за женщинами возле очага. Чуть поодаль, в тени под закопченными стропилами устроился Пит Бродский, который безмятежно чистил ногти бронзовым ножом, коренастый тип средних лет — хорошее подспорье на случай какой-нибудь неожиданной заварушки благодаря своему знанию джиу-джитсу и быстрой реакции, да и вообще не такой уж плохой спутник. Хотя все было бы гораздо проще, если б он не испортил чары своим желанием остаться тут навсегда. А может, он был совершенно ни при чем?

Постукивая посохом, подошел старый Катбад.

— Мак-Ши,— провозгласил он,— Пес только что поведал мне, что ты тоже друид, прибывший сюда искусством волшебным из краев далеких и способный молнии вызывать с небес!

— Что верно, то верно,— подтвердил Ши.— Не сомневаюсь, что тебе подобные разновидности волшебства тоже прекрасно известны.

— Воистину известны! — уверенно подтвердил друид, хотя вид у него при этом был несколько хитроватый.— Следует потолковать нам при случае о своем ремесле. Мыслится мне, что в силах наших и кое-чему новенькому друг друга обучить.

Ши нахмурился. Единственные новенькие чары, в которых он был действительно заинтересован,— это те, которые способны вернуть его с Бельфебой, а заодно и Пита назад в Гарейден, штат Огайо, а Катбад наверняка и понятия о них не имел. Из подобного сотрудничества можно было бы разве что извлечь базовые посылки, чтобы потом попытаться выработать на их основе собственную методику.

Вслух же он сказал:

— Я тоже считаю, что мы можем быть полезны друг другу. В Америке, откуда я родом, основополагающие принципы магии проработаны очень даже неплохо, но сам знаешь: в каждом конкретно взятом месте — своя специфика. Чтоб постоянно быть в курсе, лично я просто не вылезаю из командировок.

Катбад покачал головой:

— Высказал ты слово свое — а поелику слово это друида, должно взять мне его на веру,— но все ж весьма мне сомнительно, чтоб друид путешествовать мог средь скифов греческих иль же шотландцев египетских и всех этих богов диковинных, коим они поклоняются, защищенным будучи все теми же чарами, что и на родине своей!

Поначалу Ши заподозрил, что у Катбада явные нелады с географией. Но, немного поразмыслив, пришел к выводу, что схожесть между этим миром и его собственным наверняка лишь самая приблизительная. *Здесь* шотландцы вполне могли обитать и в Египте.

В этот самый момент Кухулин вышел из своих личных покоев и без всяких церемоний уселся во главе стола. Остальные, пе-

реминавшиеся до сей поры с ноги на ногу, тоже бросились рассаживаться, отчего возникла некоторая давка. С одной стороны от героя устроился Лойг, с другой — Катбад. Ши с Бельфебой усадили друг против друга в следующем ряду, прямо за ними — то есть места супругам отвели более чем почетные, если принять во внимание социальный статус возницы с друидом. Миловидная рабыня с убранными на затылок волосами наполнила вином из золотого кувшина огромный золотой кубок Кухулина, серебряные чаши поменьше перед Лойгом и Катбадом и, наконец, медные кружки, поставленные перед Ши с Бельфебой. Публика попроще, расположившаяся дальше по столу, довольствовалась ячменным пивом, наливаемым из кожаного меха.

Кухулин обратился к Катбаду:

— Не соблаговолишь ли жертву принести, дорогуша?

Друид послушно поднялся, плеснул несколько капель вина на пол и нараспев зачитал обращение к богам Билу, Дану и Леру. Ши не был настолько уж уверен, что последовавшее вслед за этим хлопанье крыльев ему только померещилось, и более-менее полноценный душевный покой обрел лишь после того, как в конце концов появились нагруженные подносами прислужники. Как бы там ни было, дело свое Катбад несомненно знал.

Для того, судя по всему, подобный факт тоже не был большим откровением.

— Ну что, разве не прекрасно вышло? — самодовольно заметил он, опускаясь на место рядом с Ши.— А вот ты — ты сумел бы явить что-нибудь из волшебства своего чужеземного, что хоть бы вровень стояло?

Ши призадумался. Не показать ли старому чудаку небольшой демонстрационный опыт из области симпатической магии? Вреда от этого особого не будет, а заодно и поддержит его репутацию. Он торжественно провозгласил:

— Придвинь свою чашу поближе к моей и внемли!

Посредством волшебства он собирался объединить сосуды таким образом, чтобы всякий раз, когда ему вздумается отхлебнуть из своей кружки, вино убавлялось не у него, а у Катбада. Оставалось только подобрать подходящую основу для заклинания, но в тот момент, как назло, у него в голове намертво застрял один только ведьминский припев «Множьтесь, горе и беда — пламя ввысь, варись, бурда!» из «Макбета». Его он в итоге и пробор-

мотал почти про себя, делая пассы, которым обучился в Царстве Фей.

Покончив с заклинанием, он объявил, подхватывая свою кружку и поднося ее к губам:

— А теперь смотрите!

Пш-ш!

Из чаши Катбада, словно в ней был упрятан пожарный брандспойт, вылетел настоящий винный гейзер, который, едва не достигнув потолка, рассыпался на множество блестящих капелек. Спасаясь от непредвиденного душа, сидящие во главе стола гости повскакали со своих мест. Реакция у Катбада оказалась отменной: моментально ухватившись за свой посох, он рассек им тугую струю вина, громко выкликая что-то неразборчивое. В ту же секунду фонтан иссяк, а рабыня бросилась вытирать залитый вином стол.

Кухулин молвил:

— Прекрасное волшебство, Мак-Ши, и мне очень приятно, что общество наше почтил вниманием друид столь выдающийся. Но надеюсь, не было целью твоей лишь на посмешище нас выставить?

При этом в его голосе явственно прозвучали угрожающие нотки.

— Нисколько,— отозвался Ши, который вследствие подобного эффекта собственного колдовства и сам впал в некоторый ступор.— Я просто...

Остального присутствующие, по счастью, так и не расслышали, поскольку откуда-то со двора донесся громкий плаксивый вой, от которого буквально кровь стыла в жилах. Ши дико завертел головой по сторонам, чувствуя, что ситуация каким-то образом выходит из-под контроля. Кухулин лишь привычно отмахнулся:

— Советую попросту не обращать внимания! Это всего лишь Уат, ибо луна достигла главной фазы своей.

— Нич-чего не понимаю! — растерянно пролепетал Ши.

— Девы ульстерские не слишком-то хороши Уату показались и ничего лучше не выдумал он, как в Коннахт стопы свои направить — к дочери Оллгойта-друида свататься. А Оллгойту сему, надобно сказать, никак не можно любезность да манеры обходительные в число добродетелей своих зачислить. Только и твердил он надменно, что никому из уладов вовек его дочери не видать, а когда стал настаивать Уат, наложил он гейс на Уата, от коего при луне полной воет он теперь на нее всю ночь напролет — а заодно

и гейс на дочь свою, отчего воя оного она более не приемлет. Ежели интересно тебе мнение мое о сем происшествии, то башку Оллгойта этого давно уж пора приспела пристроить на месте почетном!

С этими словами Кухулин многозначительно оглядел свою коллекцию.

Малость оправившись от первоначального испуга, Ши сказал:

— И все равно я ничего не понимаю. Если на кого-то можно наложить гейс, то почему нельзя с таким же успехом снять его?

Кухулин помрачнел, Катбад смутился, а Лойга попросту прошиб смех.

— Коли вверг ты Катбада в печаль, а наш дорогой Кухук чересчур уж вежлив, чтоб материи сии обсуждать прилюдно, придется, видать, мне самому факт признать неприятный! Знай же, что оный Оллгойт — друид столь редкостный, что никому не под силу снять чары, что он наложил, а равно как и чары такие наложить, кои он был бы снять не способен.

Со двора опять донесся вой Уата. Кухулин доверительно склонился к Бельфебе:

— Не слишком ли беспокоит он тебя, дорогая? В силах моих удалить его — или же, по желанью твоему, только лишь часть его верхнюю!

По мере того как постепенно пустели блюда и тарелки, Ши заметил, что Кухулин, поглотив несметное количество вина, стал обращаться исключительно к одной Бельфебе. Правда, выпитое вроде не оказало особого действия на героя, если не считать возросшей интенсивности его мрачноватых любезностей. Но когда на столе уже ничего не осталось, он последний раз поднес кубок к губам, осушив его до дна, поглядел через стол на Бельфебу и многозначительно мотнул головой.

Ши немедля вскочил, обежал вокруг стола и положил ей руку на плечо. Уголком глаза он заметил, что Пит Бродский тоже поднялся со своего места. На лице Кухулина появилась едва заметная улыбочка.

— Прошу искренне простить за неудобства, мною причиняемые,— проговорил он,— но нисколь не противно сие обычаю и оспорено быть не может. Так что, Бельфеба, дорогая, не соблаговолишь ли проследовать в покои мои?

Поднявшись, он направился к Бельфебе, которая тоже вскочила и попятилась. Ши сделал попытку вклиниться между ними,

безуспешно силясь выдумать некие чары, способные остановить весь этот кошмар. К этому моменту на ногах оказались уже все до единого, и среди желающих бесплатно полюбоваться нежданным спектаклем даже возникла легкая давка.

— Ужель удумал ты супротив самого меня пойти, дорогой мой Мак-Ши? — вкрадчиво поинтересовался Кухулин.

Голос его звучал по-прежнему мягко, но в том, с какой четкой расстановкой он произносил слова, крылись жесткость и злоба, и Ши вдруг осознал, что перед ним человек с мечом. На дворе жалобно завыл Уат.

Как видно, подобная мысль пришла в голову и Бельфебе, поскольку она немедля скакнула к стене, где было развешано всевозможное оружие, и повисла на одном из мечей всем своим весом — но тщетно. Скобы оказались настолько прочными, что оторвать клинок удалось бы разве что гвоздодером. Кухулин открыто расхохотался.

Откуда-то сзади, чуть слева от Ши, всплыл голос Бродского:

— Белли, не тушуйся, делай, что я сказал!

Она отвернулась и, как только Кухулин шагнул к ней, с застывшим лицом скрестила руки и через голову стащила с себя платье, оставшись в одном белье.

Публика, как один, ахнула, послышались крики ужаса. Кухулин замер, и челюсть у него начала отваливаться сама собой.

— Жми дальше! — вопил Бродский откуда-то из задних рядов.— Задай им жару!

Бельфеба завела руки за спину, чтобы расстегнуть лифчик. Кухулин пошатнулся, словно ему как следует врезали под дых. Резко вскинув правую руку, он залепил ею глаза, другою нащупал стол и уткнулся в него носом, бессильно стуча кулаком по толстым доскам.

— *Ара!* — забубнил он из этой позиции.— Уберите ее! Вздумала сгубить ты меня в доме моем собственном — меня, хозяина, что кров тебе дал да жизнь спас?

— Обещаешь оставить ее в покое? — быстро спросил Ши.

— Обещаю, но только на ночь нынешнюю!

— Лучше прими предложенье сие, Мак-Ши,— посоветовал Лойг, склонившийся над героем и сам малость позеленевший с лица.— Коли впадет он в гнев, никому из нас тут головы не сносить!

— Ладно. Заметано,— отозвался Ши, подавая Бельфебе платье.

Присутствующие дружно вздохнули с облегчением. Кухулин, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Неважно чувствую я себя, дорогуши мои,— убитым голосом объявил он, подхватывая со стола золотой кувшин с вином и направляясь к себе.

4

Многочисленная дворцовая челядь никак не могла угомониться, возбужденно обсуждая детали приключившегося инцидента, но когда Бельфеба с каменным лицом, стараясь не глядеть ни вправо, ни влево, направилась обратно на свое место, все охотно расступились, пропуская Ши и Бродского, которые поспешили к ней присоединиться. Друид, многозначительно поглядев на захлопнувшуюся дверь, заметил:

— Ежели Пес наш любимый выпьет сегодня более, чем следует, как бы в голову ему не взбрело, что подстроили вы все это нарочно, и днем несчастий станет день нынешний! Предупреждаю: ежели выйдет он с геройским венцом сияющим вокруг головы своей, лучше поскорей уносить вам ноги!

— Куда? — откликнулась Бельфеба, по-прежнему ни на кого не глядя.

— Обратно в родные края ваши! Куда ж еще?

Ши задумчиво нахмурился.

— Я далеко не уверен...— начал было он, но тут же инициативу перехватил Бродский:

— Слышь, мужик, твой босс зря полез в бутылку, ты уж мне поверь! Типа, ломало его обламывать, но нам просто некуда было деваться — чисто в натуре.

Катбад резко обернулся к нему:

— По какой такой причине, презренный раб?

— Еще раз вякнешь насчет раба... Короче, на ей чисто реальный гейс. Любой, которому взбредет в башку хоть пальцем ее тронуть, заработает такой понос, что мама не горюй! От такого поноса любой герой запросто коньки откинет. Ейный муж только тем и держится, что сам типа волшебник. Твоему боссу еще дико повезло, что мы его вовремя тормознули и не дали утащить

ее в койку,— иначе щас бы братана в деревянный бушлат одевали!

Брови Катбада взметнулись на лоб, словно крылья взмывающей в воздух чайки.

— Самому следовало бы ведать о сем заранее,— заметил он не без досады.— О, сколь бы меньше крови уходило в землю ирландскую, если б люди тут почаще удосуживались рот свой раскрыть, дабы объяснить суть вещей происходящих, прежде чем за острые предметы хвататься!

Он поднялся, подошел к двери покоев Кухулина и осторожно постучал. В ответ послышалось только невнятное бурчание. Катбад вошел и через несколько минут вернулся вместе с Кухулином. Героя ощутимо штормило, а меланхолия его явно углубилась до самого последнего предела. Не без труда пробравшись к столу, он опять плюхнулся в свое председательское кресло.

— И впрямь не слыхивал я сказки печальней, нежели про супругу твою, что на гейс обречена столь бесчеловечный! В-вечер исп-пор-чен, и все тут! Все коту под хвост! Льщу я себя надеждою, что приступ обещанный минует меня стороною, иначе не видать мне иного спасения, дабы восстановить свою силушку, кроме как крови пролить цельное море да людишек загубить побольше!

Все вокруг опять заохали, Лойг насторожился, но тут вовремя вмешался Катбад, который поспешил дипломатично растолковать герою, что жизнь вовсе не остановилась:

— Вечер нынешний не столь уж плох, как мнится тебе, Кухук! Да, Мак-Ши и впрямь друид и колдун заметный, но, мыслится мне, я-то всяк лучше! Видал ли ты, сколь скоро я фонтан его винный укротил? То-то! Не воспрянет ли сердце твое при виде состязанья небольшого в области магической?

Кухулин, явно оживившись, хлопнул в ладоши.

— Верней слов, тобою высказанных, не слыхивал я доселе! Так приступайте же, дорогуши, не томите душу мою!

— Боюсь, что не смогу гарантировать...— завел было обычную пластинку Ши, но Бельфеба дернула его за рукав и, склонившись прямо над его ухом, горячо зашептала:

— Приступай! Мы в опасности!

— У меня тут все как-то наперекосяк получается! — прошипел Ши в ответ.

Снаружи опять послышался жалобный вой Уата.

— А не испробовать ли тебе на нем психологию свою? — предложила девушка.— Для них это тоже наверняка волшебством будет.

— Для настоящего психоанализа нужно как минимум несколько дней,— вполголоса отозвался Ши.— Хотя постой... Судя по всему, в этом мире истерический тип поведения является нормой. Это говорит о повышенной внушаемости, и, стало быть, можно попробовать чего-нибудь извлечь из постгипнотического внушения.

Кухулин, развалясь во главе стола, капризным тоном напомнил:

— Ужель до самого утра ожидать нам состязанья обещанного?

Ши повернулся к нему и громко, чтобы все слышали, ответил:

— Как посмотришь на то, чтобы я снял гейс с того типа, который сейчас упражняет голосовые связки во дворе? Насколько я понимаю, вылечить этого ресторанного тенора Катбад как раз и не способен.

— Ежели убежден ты, что такое тебе под силу, волшебство подобное стоит того, чтоб на него посмотреть, но в жизни я тебе не поверю, покуда собственными глазами узреть его не удосужусь! — подал голос Катбад, явно уязвленный замечанием конкурента.

— Отлично, тогда по рукам,— сказал Ши.— Ведите его сюда.

— Лойг, дорогуша, сходи за Уатом,— вальяжно распорядился Кухулин. Он отхлебнул из кубка, поглядел на Бельфебу и опять насупился.

— Так-так,— задумчиво поглядел в потолок Ши.— Единственно, что мне потребуется, это какой-нибудь небольшой блестящий предмет. Не дашь ли ненадолго какое-нибудь свое колечко, Кухулин? Вон то, с большим камнем, будет в самый раз.

Кухулин стащил со своих унизанных драгоценными перстнями пальцев запрошенное кольцо и пустил его по столу к Ши. Тем временем вернулся Лойг, таща за рукав слегка упирающегося коренастого молодого человека. Как только оба оказались в дверях, Уат, словно взнузданный, закинул голову назад и испустил леденящий кровь вой. Лойг подтащил его, все еще завывающего, к столу.

Ши повернулся к остальным.

— А теперь, чтобы волшебство получилось, мне нужно побольше свободного места. Не подходите к нам, пока я буду плести заклинания, иначе вас тоже зацепит!

Он отодвинул пару стульев подальше от стола и привязал к перстню нитку.

Лойг силой усадил на один из этих стульев Уата.

— Плохой сейчас на тебе гейс, Уат,— начал Ши,— и я хочу, чтобы ты помог мне тебя от него избавить. Ты будешь делать все, что я тебе скажу, ясно?

Пациент кивнул.

— Смотри сюда,— сказал Ши, поднимая кольцо за нитку и принимаясь вертеть ее в пальцах, так что кольцо тоже стало раскручиваться то в одну сторону, то в другую, в свете факелов рассыпая вокруг мерцающие блики. При этом Ши негромко разговаривал с Уатом, то и дело повторяя слово «спи». Зрители затаили дыхание, и Ши чуть ли не спиной чувствовал атмосферу напряженного ожидания.

Наконец Уат словно окаменел.

— Слышишь меня, Уат? — негромко спросил Ши.

— Слышу.

— Ты сделаешь все, что я прикажу.

— Сделаю.

— Когда ты проснешься, твой гейс перестанет тебя беспокоить, и ты больше не будешь выть по ночам.

— Не буду.

— Чтобы доказать, что так оно и есть, первое, что ты сделаешь, когда проснешься, это хлопнешь Лойга по плечу.

— Хлопну.

Ши повторил указания несколько раз, меняя слова и заставляя Уата повторять их за собой. В подобной ситуации лучше было перестраховаться. Наконец он вывел его из гипнотического транса, попросту щелкнув пальцами у него перед носом и крикнув: «Проснись!»

Уат в замешательстве уставился на него. Потом встал, подошел к столу и хлопнул Лойга по плечу. Присутствующие одобрительно загомонили.

— Как себя чувствуешь, Уат? — спросил Ши.

— Чувствую я себя замечательно. Более не желаю я выть на луну, и мыслится мне, что гейс мой исчез навсегда. Благодарю я тебя за честь, мне оказанную!

Он подошел к столу, схватил руку Ши, поцеловал ее и смешался с толпой челяди у дальнего конца стола.

Катбад сказал:

— Волшебство и впрямь достойное, да и тот гейс добавочный — тоже не из последних. Надо же, и взаправду подошел и Лойга хлопнул! Истинная правда, что не под силу было мне гейс снять с Уата. Но сам знаешь: коли один бегает быстрей, то другой ловчее по горам лазает — что и докажу я немедля, снявши с супруги твоей гейс, с коим сам ты покончить не в силах.

— Я не убежден...— с сомнением в голосе начал Ши.

— Пускай беспокойство тебя оставит,— заверил его Кухулин.— Это не нанесет ей никакого вреда, а в будущем станет вести она себя более любезно в домах приличных, кои посещать будет.

Друид поднялся и нацелил на Бельфебу длинный костлявый палец, принявшись что-то ритмично декламировать — вначале какую-то тарабарщину на совершенно непонятном языке, которую постепенно сменили более-менее понятные слова.

— ...*дубом, ясенем и тисом, красотою Энгус, силою Лера* и властию верховного друида Ульстера да сойдет с тебя гейс твой, Бельфеба! Сгинь! Пропади! Стерт ты, отменен, и чтоб больше про тебя слыхом не слыхивали! — закончил он, напоследок воздел руки над головой и спокойно уселся на свое место.— Как чувствуешь себя, дорогая?

— Сказать по правде, ровно как и прежде,— призналась Бельфеба.— А как надо?

— Откуда знать нам, что чары и впрямь подействовали? — встрял Кухулин.— Ага! Придумал! Пошли со мной.

Вскочив, он быстро обошел вокруг стола, а в ответ на разъяренное восклицание Ши и смятение Бельфебы поспешно добавил:

— Только до дверей! Иль слова я не давал?

Склонившись над Бельфебой, он обнял ее за шею и потянулся было к руке, но тут же отпрянул как ошпаренный, с кряхтением ухватившись обеими руками за живот. Катбад с Лойгом вскочили. Ши, надо сказать, тоже.

Цепляясь за Лойга, Кухулин проковылял несколько шагов, вытер рукавом слезящиеся глаза и страдальческим голосом объявил Катбаду:

— Американцы победили, ибо волшебство твое провалилось — коснувшись ее, едва я жизни не лишился! Не желаешь ли сам попробовать, дорогуша?

Катбад с великой опаской вытянул руку и осторожно дотронулся до Бельфебы кончиком пальца. Ничего не произошло.

Лойг заметил:

— А разве тот раб не говорил, что на волшебников сей гейс не действует?

— Не исключено, что глаголишь ты истину,— отозвался Катбад,— но мыслится мне, иная тут причина. Кухук желал препроводить ее в постель, а я о чем-то таком и не помышлял, ничуть не помышлял!

Кухулин, опять устроившийся во главе стола, обратился к Ши:

— Воистину повезло мне, что заранее ведал я о действии гейса ее губительного! Ужель даже самым могущественным друидам из краев твоих управиться с ним не под силу?

— Куда там! — подтвердил Ши.— Эх, нашелся бы какой-нибудь спец, чтоб покончить с этим делом раз и навсегда!

Сам-то он при виде приключившегося с Кухулином желудочного расстройства поначалу обалдел почище самого героя, но вскоре, малость поразмыслив, все же вычислил, в чем дело. На Бельфебе, ясно и жуку, изначально никаких гейсов не было. Следовательно, когда Катбад попытался набросить на нее чары для снятия несуществующего гейса, то добился совершенно противоположного эффекта — а именно наложил на нее этот самый гейс по полной программе. Если б магию преподавали в школе, такие вещи проходили бы еще в первом классе, и Ши мог только мысленно поблагодарить Катбада, ухитрившегося столь позорно обмишуриться.

Катбад тем временем вещал:

— В Америке вашей, может, и не сыщется искусника такого, но в Ирландии знаю я мужа, у коего и силы, и ума хватит, дабы снять заклятье подобное!

— И кто же это? — спросил Ши.

— Не кто иной, как сам Оллгойт Круаханский, друид при дворе Айлиля и Медб — тот самый, что гейс на Уата наложил!

Откуда-то сбоку негромко подал голос Бродский:

— Это тот старый хрен, который должен запудрить Кухулину мозги перед тем, как вся шайка на него навалится.

— *Вурра!* — воскликнул Катбад и ядовито обратился к Ши: — Прислужник твой, видать, настоящий провидец ясновидящий! Что за чары наложить способен Оллгойт на Пса нашего любимого?

— Слышь, ты, козел,— ответил Бродский, которого подобное замечание явно задело,— повытряси тараканов из башки! Короче, тема такая: эти Медб с Айлилем сейчас подзуживают всех, кто хочет отыграться на Кухулине, а когда соберется шарага побольше, накладут на него такой гейс, чтоб он полез в драку сразу со всеми до кучи — и вот тогда-то ему и крышка!

Катбад пощипал бороду.

— Ежели сие правда...— начал он.

— Ты чё, братан — реальный Маккой! За базар отвечаю!

— Хм-м... Мнение мое таково: даже ежели сие и истина, то новость столь громкая из больно уж ненадежных уст исходит. А окромя того, покуда невдомек мне, как в точности с делом подобным управиться. Касайся оно одного лишь волшебства...

Кухулин с мрачной важностью поддавшего человека молвил:

— И без всяких там гейсов готов я биться хоть с сотней, хоть с тьмою, но ежели судьба мне сраженному быть, тогда и впрямь мне конец!

Катбад повернулся к Ши:

— И сам видишь, что половина бед его в нем же самом и сидит!.. Под силу ли тебе проникнуть ясновидением своим и дальше, прислужник?

— Ладно, старый хрен,— сам напросился! — ответил Бродский.— Сразу после того, как Кухулина пристукнут, начнутся разборки, и по ходу войны практически все друг друга перебьют. Ни тебе самому не жить, ни Айлилю с Медб. Ну что, как тебе это нравится?

— Не более, чем рожу твою пред собою видеть! — раздраженно отозвался Катбад и обратился к Ши: — Можно ль доверять предсказаньям его?

— Не припомню случая, чтоб он ошибался.

Катбад переводил взгляд с одного на другого до тех пор, пока присутствующие чуть ли не наяву услыхали, как у него скрипят мозги. В конце концов он выдал:

— Мыслится мне, Мак-Ши, что есть дела у тебя неотложные при дворе короля Айлиля!

— И что же навело тебя на подобную мысль?

— Ужель не горишь ты желаньем повидать Оллгойта по поводу гейса супруги своей? Не тебе объяснять, что жена с гейсом — все равно что жена с дурным глазом, и не видать тебе в жизни счастья, покуда не снимешь ты сию напасть раз и навсе-

гда. Кстати, заодно можешь прихватить и этого человечка с собою, дабы поведал он Медб свою историю и намекнул тем самым, что в курсе мы всех ее интриг — от коих проку с той поры не более будет, чем сала от хряка, бисером кормленного!

— Соглашайся! — щелкнув пальцами, жарко прошептал откуда-то сбоку Бродский, но Ши тут же запротестовал:

— Аллё, ребята, лично я далеко не так уж горю желанием тащиться ко двору Айлиля! Чего я там не видал? А потом, если эта ваша Медб настолько упертая дамочка, насколько мне представляется, то лично я сильно сомневаюсь, что она бросит все свои затеи только из-за того, что про них кто-то узнал.

— Первым делом,— провозгласил друид,— позволь напомнить, что Кухук и тебе, и спутникам твоим жизнь спас, за кое деяние отблагодарить его следует — не говоря уж про гейс тот губительный. Во-вторых же, на Медб мне по большому счету чихать — узнать о том, что известны нам ее планы, должен в первую голову Оллгойт. Не хуже тебя ведает он, что, ежели прознали мы суть гейсов задуманных — покуда наложить он их не успел,— все друиды придворные короля Конхобара супротив них петь примутся, и с задачею уязвить нас оными гейсами управится он не лучше, чем пес, что яблоко укусить силится!

— Хм-м...— протянул Ши.— Насчет благодарности это ты верно подметил, хотя все остальные аргументы вызывают у меня сильные сомнения. Что же касается желаний, то желание у нас сейчас одно — поскорей оказаться дома.

Он подавил зевок.

— Ладно, утро вечера мудреней. Где тут можно пристроиться?

— Финн проводит вас в покои спальные,— ответил Кухулин.— Мы же с Катбадом побудем здесь еще чуток, дабы поподробней обсудить новость нежданную.

Напоследок он одарил супругов своей обычной улыбкой — обаятельной и слегка меланхолической.

Финн проводил их в гостевую комнату, расположенную на задах здания, вручил Ши тусклую свечу и закрыл дверь. Бельфеба раскинула руки для поцелуя.

В ту же секунду Ши переломился пополам и повалился на пол от диких резей в животе.

Бельфеба склонилась над ним.

— Ужель хворь какая приключилась с тобою, Гарольд? — встревожилась она.

Он не без труда принял сидячее положение, прислонившись спиной к стене.

— Да так... ничего серьезного,— выдавил он.— Все этот чертов гейс! На мужей он, видать, тоже распространяется!

Девушка поразмыслила.

— А разве не в силах ты избавить меня от него таким же манером, каким поступил с тем бедолагой завывающим?

— Могу попробовать,— отозвался Ши,— но с большой долей вероятности могу сказать, что ни черта не выйдет. У тебя, если хочешь знать, слишком уж цельная и здравомыслящая натура — прямая противоположность всем этим местным истерикам. Короче, никакой гипноз с тобой не прокатит.

— Тогда попробуй магией своею!

Ши, цепляясь за стену, окончательно поднялся на ноги.

— И не подумаю, пока не узнаю побольше. Ты что, не заметила, какую лажу я тут гоню всю дорогу — сначала молния, потом фонтан из вина... В этом континууме есть что-то такое, что переворачивает привычную мне магию с ног на голову.

Она хохотнула.

— Ежели и впрямь закономерность такова, вот тебе и выход! Надобно тебе лишь позвать сюда Пита и учинить такое колдовство, чтоб якобы остались мы тут навсегда, и вот фюить! — мы и дома.

— Слишком рискованно, дорогая. Такое может выйти, а может и нет,— а даже если подобный фокус и сработает, то вдруг этот твой гейс такой прилипчивый, что не отцепится от тебя и в Огайо? Что тогда делать будем? Когда перескакиваешь из одного мира в другой, обычно тащишь с собой и все присущие тебе на данный момент личностные характеристики. А кроме того, я действительно не представляю, *как именно* переправить нас в Огайо.

— Что же делать нам тогда? — вопросила девушка.— Наверняка измыслил ты уже некий план, как водится!

— По-моему, нам ничего другого не остается, как принять предложенную Катбадом схему и отправиться повидать этого Оллгойта. По крайней мере, хоть от этого проклятого гейса избавимся!

А пока же, в ожидании этого приятного события, Ши пришлось устраиваться на полу.

5

Наутро Гарольд Ши, Бельфеба и Пит Бродский пустились в путь по Центральной долине Ирландии. Ехали не спеша, большей частью шагом, но практически без остановок: семейство Ши на лошадях, а Бродский на муле, на спину которого детектив взгромоздился явно без всякого воодушевления. Еще одного мула он вел за собой в поводу — тот был нагружен провизией и всевозможным походным скарбом, который всучил им Кухулин. Обмундирование путешественников пополнилось парой вполне приличных палашей, что методично похлопывали Ши и Бродского по ляжкам, и аккуратным кинжальчиком, который Бельфеба пристроила за поясом. Когда она затребовала привычный лук, принесли ей на выбор только какие-то жалкие кривые палки, натянуть которые можно было от силы до груди. Дальнобойность этого, с позволения сказать, оружия ограничивалась лишь полусотней ярдов, так что все предложенные образцы пришлось отвергнуть.

Весь первый день одолевали пологий, но бесконечно длинный подъем к плоскогорью Монагхан. Несколько миль путники следовали причудливым изгибам Эрна, но в конце концов нашли брод и, прошлепав по мелководью на другой берег, углубились в заболоченные равнины западного Кавана. Иногда под копытами намечалась более-менее твердая тропа, но большей частью приходилось не без труда пробираться сквозь заросшие густой травой торфяники, следуя пусть и многословным, но крайне невнятным указаниям встречных крестьян. Когда они огибали по самому краю очередную из небольших рощиц, изредка попадавшихся на пути, прямо перед ними вскочил и умчался прочь олень, а одно время сбоку от них некоторое время трусил волк с высунутым языком, пока окончательно не решил, что тут ему ничего не светит.

Когда стало смеркаться, позади осталась по меньшей мере половина пути. Бродский, который весь день пребывал далеко не в лучшем расположении духа, под влиянием превосходной бивачной стряпни Бельфебы малость ожил и объявил, что древней Ирландии он уже насмотрелся и вполне созрел вернуться домой.

— Одного не просеку,— сказал он,— почему бы тебе попросту не закинуть нас обратно тем же макаром, каким мы здесь очутились?

— Потому что у меня для этого не хватает квалификации — по крайней мере пока,— терпеливо растолковал Ши.— Ты же сам видел, как колдовал Катбад: начал заклинать на каком-то архаическом языке, а закончил нормальными понятными словами. Суть я уловил, но старинного языка-то я не знаю! Придется учить — если только раньше мы не найдем еще кого-нибудь, кто сумеет закинуть нас обратно. Я уже и так и сяк прикидывал, пока совсем голову не сломал. Как ты сам говорил, надо действовать быстро. Что ты, интересно, собираешься рассказывать своим коллегам, когда мы вернемся? Они ведь тебя наверняка ищут.

— А-а, плюнь слюной! — отмахнулся Бродский.— С ними я как-нибудь и сам разберусь. В нашей фараонской системе только и трепа, какая реальная страна эта самая Ирландия и какие там чудеса расчудесные. Короче, можно любой лапши навешать — все прокатит.

— Хочу домой,— тихонько произнесла Бельфеба куда-то в пространство.

— Знаю, детка,— отозвался Ши.— Я тоже. Если б я только знал как!

Наутро, когда солнце поднялось над горизонтом, чуть правей от намеченного маршрута обнаружились горы, среди которых особняком выделялась самая высокая, со скругленной верхушкой. Продвигались путешественники теперь медленней, чем днем ранее,— прежде всего по той причине, что для продолжительных поездок верхом нужна привычка, которой никто из всей троицы обрести еще не успел. Ближе к вечеру они натянули поводья возле какой-то крестьянской лачуги, которая на вид была малость почище прочих, и Бродский с лихвой отплатил ее хозяину за пищу и кров, до ночи потчуя того баснями о быте, нравах и верованиях кельтских племен. Как ни крути, этот псевдоирландец в очередной раз подтвердил свою репутацию весьма полезного спутника.

На следующий день они проснулись под шум дождя, и хотя крестьянин уверял их, что до Круахана не больше двух часов езды, в тумане и под надоедливой моросью компания, как видно, дала крюка. Только далеко за полдень они обогнули по берегу озеро Лох-Кей и оказались на просторах Маг-Ай, Равнины Плодородия. Плащи, которыми их снабдил Кухулин, были из хорошей тонкой шерсти, но к тому времени, как в слегка очистив-

шемся воздухе впереди проглянуло скопление крупных и мелких строений, все трое промокли до нитки и угрюмо молчали.

Домов было примерно столько же, как в более-менее заметном придорожном городке в их собственном мире, а окружал их обычный для здешних мест частокол с широкими воротами — вне всякого сомнения, перед путниками лежал искомый Круахан, столица Коннахта.

Едва они направились к воротам по обсаженной деревьями и кустами аллее, как из зарослей вдруг выскочил какой-то мальчуган лет тринадцати, в накидке и килте, с миниатюрным копьем в руке, выкликая:

— Стойте! Кто вы такие и куда путь держите?

При виде игрушечного копьеца трудно было не рассмеяться, но Ши предпочел сдержать улыбку. На полном серьезе представившись, он в свою очередь поинтересовался:

— А ты кто таков будешь, юный сэр?

— Я Гойштан мак Идха, из юношеского войска круаханского, и лучше вам не вставать у меня на пути!

— Мы прибыли из дальних краев, чтоб повидать короля с королевой и друида Оллгойта,— терпеливо объяснил Ши.

Отвернувшись, мальчуган махнул копьем в сторону вздымающегося над частоколом строения — очень похожего на то, что они уже видели в Муртемне, только куда как более богато отделанного,— после чего гордо возглавил шествие.

У ворот торчали двое волосатых нечесаных воинов, но копья их были прислонены к частоколу, а сами они настолько увлеклись игрой в чет-нечет, подсчитывая костяшки на пальцах, что, судя по всему, даже не заметили проникшую в город процессию. Погода понемногу разгуливалась, и городок за частоколом на глазах оживал. Народ спешил по своим делам, но почти каждый встречный в изумлении останавливался и еще долго провожал взглядом Бродского, который наотрез отказался расстаться с коричневыми костюмными брюками и одет был явно не подобающе случаю.

Большое здание было выстроено из толстенных дубовых бревен и вместо обычной для здешних мест соломы крыто деревянной дранкой. Ши с интересом разглядывал окна с настоящими стеклами — хоть и это были всего лишь крошечные ромбики с пол-ладони размером, слишком неровные и волнистые, чтобы сквозь них можно было что-нибудь разглядеть.

У входа обнаружился привратник, борода которого крайне нуждалась в услугах парикмахера. Был он вдобавок и малость кривоват на правый бок. Ши слез с коня и направился к нему со словами:

— Я Мак-Ши, путник из далеких краев за землями фоморскими, с супругой своею и телохранителем. Дозволено ли нам будет предстать пред светлы очи их королевских величеств и друида их великого Оллгойта?

Привратник долго и с интересом разглядывал компанию, после чего ухмыльнулся.

— Мыслится мне,— ответил он наконец,— что ты, твоя честь, угодишь королеве видом своим — равно как и дама твоя угодит королю. Но ваш телохранитель страхолюдный никому угодить не в силах, а поелику впечатлительны они и ранимы, да и день ныне судный, как бы голова его с плеч не слетела, если примкнуть вздумает он к приличному обществу! Вы-то заходите, а он пущай тут остается да за скакунами вашими приглядывает.

Ши тревожно обернулся. Вскипевший было Бродский на сей раз без дополнительных напоминаний взял себя в руки и с деревянной, ничего не выражающей, типично полицейской физиономией уже помогал Бельфебе слезть с лошади.

Сразу за дверями дворца далеко в обе стороны раскинулась главная зала с обычными для здешних краев мечами и копьями, развешанными на обычных местах, и обычной, как гардеробная вешалка, коллекцией голов — правда не столь обширной, как у Кухулина. Посреди залы, в окружении челяди и вооруженных воинов, которые выдерживали почтительную дистанцию, возвышался дубовый помост, украшенный бронзовыми и серебряными полосками. На нем стояли два больших резных кресла, в которых восседали — именно восседали, а не просто сидели — знаменитые правители Коннахта.

Медб, несмотря на то что ей уже явно перевалило за сорок, была все еще редкостно красива: длинное, бледное, чистое лицо, светло-голубые глаза и соломенные волосы, спадающие на грудь длинными тяжелыми косами. Для блондинки, не пользующейся косметикой, у нее были удивительно красные губы.

Король Айлиль оказался несколько менее впечатляющей фигурой, нежели его царственная супруга,— на несколько дюймов пониже ростом, толстый, с брюшком и клочковатой бороденкой

цвета соли с перцем. Его крошечные, близко поставленные глазки так и бегали по сторонам. Да и вообще король постоянно ерзал и, как видно, не знал, куда девать руки. Холерик, сразу определил Ши,— существуй в этом пространственно-временном континууме сигареты, наверняка бы смолил сейчас одну за другой.

Некий молодой человек в синем килте и расшитой золотом тунике, поверх которой висел короткий меч с серебряной рукоятью,— судя по всему, исполнявший здесь роль распорядителя, задачей которого было строго следить, чтобы никто не протолкался к королевской чете без очереди,— сразу заметил путешественников и устремился к ним.

— Ищете вы аудиенции высокой или же явились, дабы попросту поглазеть на величайшего короля ирландского? — поинтересовался он, взглядом знатока сразу оценивая фигуру Бельфебы.

Ши представился, добавив:

— Прибыли мы, дабы засвидетельствовать свое почтение королю с королевой, уважаемый... э-э...

— Майн мак Айлиль, Майн мо Эперт,— подсказал молодой человек.

Очевидно, это был один из многочисленных сыновей Айлиля и Медб, которых тут всех нарекали одним и тем же именем. Распорядитель продолжал стоять у них на пути, не двигаясь с места.

— Можно нам с ними потолковать? — спросил Ши.

Майн мо Эперт откинул голову назад, аристократически задрав нос.

— Чужеземцами будучи, верно, не ведаете вы обычая коннахтского, что требует прежде одарить человека, что препроводит вас пред монаршьи очи. Но готов простить я невежество ваше!

При этом он обворожительно улыбнулся.

Ши бросил взгляд на Бельфебу, которая смятенно глянула на него в ответ. Никаким имуществом, кроме того, что было на них, они на тот момент не располагали.

— Но нам *очень* нужно с ними переговорить! — с нажимом сказал он.— Может статься, это даже более в их интересах, чем в наших.

Майн мо Эперт опять снисходительно улыбнулся.

— Как насчет классного меча? — в полном отчаянии предложил Ши, хватаясь за свой палаш.

— У меня уже есть, и получше,— отрезал Майн мо Эперт, демонстрируя просителю собственный клинок.— Вот, скажем, камень драгоценный или же...

— А нельзя нам тогда повидать хотя бы Оллгойта-друида?

— Закон таков, что лишь тот повидать его вправе, кого сама королева к нему отошлет!

У Ши возникло острое желание немедля вытащить палаш и отхватить вымогателю башку, но такое поведение даже здесь вряд ли сочли бы особо учтивым. Внезапно сбоку от него подала голос Бельфеба:

— Драгоценных камней нету у нас, сударь, но, судя по взглядам твоим, все же есть кое-что, чего желал бы ты более любых драгоценностей! Убеждена я, что, согласно обычаям вашим, супруг мой с радостью уступит меня тебе на ночь нынешнюю.

Ши аж поперхнулся, но тут же мысленно хлопнул себя по лбу. Гейс, который она тут подцепила, хоть вещь и достаточно неприятная, опять мог сослужить им добрую службу, и до следующего утра его явно снимать не стоило.

Улыбочка Майна мо Эперта превратилась в откровенную ухмылку, отчего Ши еще больше захотелось дать ему в рожу, но тот уже хлопнул в ладоши и принялся энергично прокладывать дорогу в толпе. Ши едва успел шепнуть: «Классная работа, малыш!» — как распорядитель, бесцеремонно спихнув со скамьи двух каких-то просителей, усадил супругов в самом первом ряду, прямо перед королевской четой. В этот момент два вооруженных копьями типа приволокли какого-то раба. Согласно показаниям свидетелей, обвинялся он в краже свиного окорока.

Медб поглядела на Айлиля, который поразмыслил и предложил:

— Кхе-гм! Поелику плут сей с голоду помирал, мыслится мне, что милосердие проявить нам следует — давай отрубим руку ему попросту да отпустим на все четыре стороны!

— Не будь ослом! — прошипела Медб в ответ.— Ничего себе! Это чтоб Коннахта обитатель, земли героев, столь туп оказался, дабы с голоду помирать? Повесить его али сжечь — таков был бы приговор мой, будь я на твоем месте!

— Ладно, дорогуша, как скажешь,— миролюбиво согласился Айлиль.— Повесить так повесить.

Следующими вперед выступили две какие-то компании, злобно поглядывающие друг на друга. Майн мо Эперт принялся было

растолковывать суть конфликта, но не успел он добраться и до середины, как Медб отмахнулась:

— Ведомо мне дело сие, и разбирательство его долгим быть обещает! Прежде чем заслушаем мы его, с большей охотою узнала бы я, что привело к нам пару красавцев чужеземных, кою ты сюда препроводил.

Майн мо Эперт с готовностью ответствовал:

— Пара сия прибыла с острова далекого, Америкой именуемого. Это Мак-Ши и супруга его, Бельфеба. Желают они почтение свое высказать.

— Дозволь им слово молвить,— распорядилась Медб.

Ши подумал, не требуется ли в подобной ситуации пасть ниц или хотя бы отвесить поклон, но поскольку никто из присутствующих до сих пор не выказывал стремления поступить подобным образом, попросту выступил вперед и обратился к Медб:

— Королева, настолько ты знаменита, что даже в далекой Америке про тебя слышали, так что мы не сумели побороть желания увидеть тебя воочию. Также хотелось бы мне повидать и друида твоего прославленного, Оллгойта, ибо моя жена страдает от крайне неприятного гейса, а мне говорили, что он великий специалист по их снятию. Помимо того, есть у меня важная весть для тебя и твоего короля, но высказать ее крайне желательно с глазу на глаз.

Медб, опершись рукой о подбородок, внимательно оглядела его с головы до ног.

— Красавец,— молвила она наконец,— ясно и жуку, но нету опыта у тебя людям головы дурить. Вышивка на одеждах твоих — работы ульстерской, так что выкладывай немедля, что это за весть и откуда она исходит!

— Весть как раз не оттуда,— поспешно отозвался Ши,— хотя сам я действительно не так давно побывал в Ульстере — а если еще точней, то в Муртемне у Кухулина. А суть же ее в том, что твои планы, направленные против него, чреваты неисчислимыми бедствиями.

Пальцы короля Айлиля прекратили свое безостановочное шевеление, а челюсть отвалилась. Брови Медб вытянулись в струнку.

— Кто поведал тебе о планах короля коннахтского? — взвизгнула она.

«Аккуратней,— подумал Ши по себя,— ты ступаешь по тонкому льду». Вслух же он безмятежно ответил:

— А-а, да особо никто, просто я в некотором роде волшебник, вот при помощи волшебства и узнал.

Обстановка, судя по всему, малость разрядилась.

— Волшебство,— задумчиво произнесла Медб.— Красавец, истину глаголил ты насчет того, что весть сию с глазу на глаз поведать надобно. Продолжение позднее мы выслушаем. Разделишь ты с нами трапезу вечернюю — а заодно и с Оллгойтом повидаешься. А покуда же сын наш, Майн Мингор, в покои гостевые тебя проводит.

Она повелительно взмахнула рукой, и Майн Мингор, сошедший, как видно, с того же конвейера, что и Майн мо Эперт и отличающийся от него разве что более свежим годом выпуска, выступил из толпы и поманил их к себе.

— «Красавец»! — тихонько хихикнула Бельфеба уже в дверях.

— Послушай...— начал было Ши.

— Именно этим только и занята я! — заверила его Бельфеба.— И ежели верно я расслышала, то весть твою с глазу на глаз поведать надлежит. Не одной только мне гейс защитный ноне понадобится!

Дождь перестал, и закатное солнце выбрасывало из-за низких туч последние золотые и малиновые лучи. Лошади были привязаны к кольцам, приделанным прямо к стене дворца. Пит поджидал спутников со скукой на лице и откровенно позевывал. Стоило Ши на секундочку отвернуться, чтобы отыскать взглядом энергичного Майна Мингора, как он чуть было не стукнулся лбом о какого-то долговязого смуглого типа, который околачивался у входа явно с подобной целью.

— Выходит, и есть ты тот самый дружок Кухулина муртемнского? — зловеще поинтересовался тип.

— Я с ним знаком, но большими друзьями нас не назовешь,— ответил Ши.— Насколько я понимаю, тебя это интересует не просто из праздного любопытства?

— Воистину не из праздного! Убил он отца моего — в доме его собственном, вот что он сделал! И мыслится мне, самое время приспело, дабы стало у него одним дружком меньше!

Рука типа метнулась к рукояти меча, но тут вмешался Майн Мингор:

— Ступай своею дорогой, Лугайд. Сии чужестранцы — вестники, и под защитою они королевы, матери моей, так что еже-

ли хоть пальцем тронуть их посмеешь, и от богов, и от людей тебе не поздоровится!

— Потолкуем тогда малость погодя, дорогуша Мак-Ши! — многозначительно пообещал Лугайд, с видимой неохотой скрываясь за дверями дворца.

— Сие мне не по нраву,— встревожилась Бельфеба.

— Дорогая,— отозвался Ши,— сама знаешь, в фехтовании я собаку съел. Пусть только попробуют, чайники несчастные!

6

Обед протекал практически по той же схеме, что и в Муртемне, за одним лишь исключением — Медб с Айлилем устроились отдельно, друг против друга за маленьким столиком, стоящим на высоком помосте. Ши с Бельфебой отвели не столь почетные места, как у Кухулина, но сей факт частично компенсировался тем, что за общим столом они оказались как раз напротив Оллгойта-друида.

Компенсация и впрямь оказалась лишь частичной, поскольку очень скоро выяснилось, что Оллгойт — крупный, крепкий мужик с длинными седыми волосами и такой же бородой — относился к той категории людей, которые только делают вид, что их интересует мнение собеседника, а вопросы задают лишь ради того, чтоб возник повод немедля перебить его своими собственными замечаниями и измышлениями. Для затравки именитый друид поинтересовался у Ши, с какими диковинами в волшебной области тому недавно приходилось иметь дело, но не успел воодушевленный бедолага обмолвиться и парой слов об иллюзиях, с которыми ему довелось столкнуться в мире «Калевалы», как его тут же бесцеремонно прервали.

— Эге, никак возомнил ты, будто и впрямь то редкость великая? — вскричал друид, надолго приникая к кружке с ячменным пивом.— Позволь-ка просветить тебя малость, красавец: хоть весь мир обойди, а иллюзионов обманных, коннахтским равных по величию своему да красоте, нипочем не сыщешь! Вот как сейчас помню: взялся я раз некому Лойрдаху корову заколдовать, чтоб молока больше давала,— серенькую такую, мышастую. Короче говоря, и до середины заклятья добраться не успел, как дочка его мимо плывет — да такая красотка, что слова у меня в глотке застряли. Не поверишь: молоко как хлынет! Попадись тут всадник с лошадью, и тот бы утоп! Едва успел я чары свои вспять обратить, покуда иллюзия в реальность не обратилась да полстраны не затопило.

— Э-э... понятно. Поскольку заклятие состоит из...— начал Ши, но Оллгойт немедля пресек его попытки в самом корне:

— Взять вот, к примеру, холм, что за твердынею королевы нашей высится. На вид вроде холм как холм, однако тем он от холмов прочих отличается, что холм это сидов, а заодно и ход потайной в королевство их сокровенное!

— А кто такие...— опять вякнул было Ши, но друид и здесь не дал ему договорить, слегка возвысив голос:

— Ход сей держат они большею частью запертым. Но в такую ночь, как ныне, любой друид опытный — а пускай даже и самый обыкновенный — способен отворить его без всякого труда.

— А почему именно ныне? — с любопытством поинтересовалась Бельфеба из-за плеча супруга.

— А коя ночь теперь, кроме как не ночь Луга? Разве не с этой целью в Круахан вы заявились? А, совсем я позабыл! Простите покорно старичка дряхлого! — Тут Оллгойт даже стукнул себя по лбу, дабы подчеркнуть, сколь позорную ошибку допустил.— Майн мо Эперт говорил же мне, что это меня — меня самого возжелали вы видеть! Более чем разумным считаю я стремленье ваше. Явитесь же в полночь, когда луна высоко встанет, и тогда покажу я вам, коим могуществом Оллгойт-друид обладает!

— Честно говоря...— начал было Ши, но Оллгойт опять оказался быстрей:

— Припоминается мне один муж достойный,— как бишь его звали? — на коем гейс лежал такой, что пред очами оного мужа все сущее двоилось. Сие тоже лишь иллюзией было, и как раз ко мне пришел он с бедою своей. Я...

Но Ши так и не суждено было постичь, каким образом Оллгойт решил проблему зрительного раздвоения, поскольку в этот самый момент король Айлиль треснул по столу рукоятью кинжала и громогласно объявил:

— А теперь заслушаем мы Ферхерта-барда, ибо ныне день Луга и отпраздновать событие такое надлежит на славу!

Рабы поспешно унесли объедки, а скамьи раздвинули по сторонам, чтобы освободить для Ферхерта побольше места. Бардом оказался длинноволосый моложавый малый со скорбным выражением на лице; усевшись на табурет со своей арфой, он на про-

бу пару раз щипнул заунывно отозвавшиеся струны, после чего спотыкающимся баритоном затянул эпическую поэму «Судьба детей Туйренна».

Текст был не особо захватывающий, а исполнение и вовсе отвратное. Ши огляделся по сторонам и заметил, что Бродский начинает раздраженно ерзать всякий раз, когда арфист выпадает из размера или берет фальшивую ноту. Однако остальные были чуть ли не в экстазе и с трудом сдерживали слезу, даже Оллгойт. Наконец, когда Ферхерт с особой чудовищностью дал петуха, кто-то громко и негодующе хрюкнул.

Нерешительно брякнув еще пару раз, арфа умолкла. Ши заметил, что все взгляды в зале направлены исключительно на детектива, который вызывающе поглядывал на всех в ответ.

— Видать, не выносишь ты музыки, дорогуша? — поинтересовалась Медб голосом, который не сулил ничего хорошего.

— Такой — нет! — твердо ответил Бродский.— Ведь просто кишки тянет, гад! У меня и то красивше выйдет!

— Вот это мы сейчас и проверим,— буркнула Медб.— Выходи-ка в круг, уродец! Эйрадх, стань подле типа сего с мечом, и как только сигнал я дам, что обещанье он свое не исполнил, сразу башку мне его неси, да поскорее!

— Аллё!..— завопил было Ши.

— Я слов не знаю! — почти одновременно с ним выкрикнул Бродский.

Но спорить было бесполезно. Крепко ухваченный дюжиной рук, детектив вмиг оказался по соседству с бардом. Эйрадх, долговязый, заросший бородой тип, вытащил меч и встал за спинами певцов, с явным удовольствием предвкушая грядущие события.

Бродский огляделся по сторонам, после чего обернулся к барду.

— Ну чего застыл, как неживой? Давай отматывай на начало последней части и бацай — мне надо ухватить мотив.

Ферхерт послушно забрякал по струнам. Бродский склонился поближе, гудя себе под нос, пока действительно не ухватил достаточно бесхитростную мелодию баллады, после чего выпрямился и призывно махнул аккомпаниатору. Тот опять взял первый аккорд и затянул:

— Ты эти головы прижми к груди своей, о Брайан...

В ту же секунду голос Пита Бродского буквально воспарил над жалкими потугами Ферхерта, сильно и уверенно, и хотя разобрать слова не взялся бы и самый великий знаток местного эпоса, подобного аккомпанемента барду не сумела бы составить ни одна арфа. Выводимая детективом мелодия и сама по себе несла в себе куда больше смысла, нежели любые слова, а уж о том, что бряцанье арфы она напрочь затмевала, и поминать не стоило. Ши, пристально наблюдая за Медб, поначалу заметил, как она сжалась, а после, когда меланхолическая баллада покатилась дальше, не без изумления углядел две крупные слезы, скатившиеся по щекам королевы. Айлиль тоже украдкой расплакался, а большая часть собравшихся всхлипывала уже без всякого стеснения. Короче говоря, ситуация до боли напоминала тот массовый психоз, который можно наблюдать только по ходу особо слюнявой мыльной оперы.

Когда казавшаяся нескончаемой поэма подошла к финалу, Пит ухитрился держать последнюю высокую ноту гораздо дольше быстро умолкнувшей арфы. Король Айлиль, воздев свою царственную длань, без всяких стеснений попросту утер струящиеся из глаз слезы рукавом; королева Медб предпочла воспользоваться для этой цели платочком.

— Сотворил ты даже более обещанного, о прислужник американский! Не припомню я, чтоб большего удовольствия доставила мне «Судьба детей» известная! Эй, выдать тунику ему новую да кольцо золотое! — Она решительно поднялась.— А теперь, красавец, готовы мы заслушать весть твою целиком. Будешь сопутствовать ты нам, покуда прочие танцами себя услаждать будут.

Как только вперед выступили двое волынщиков, дунув на пробу в свои отозвавшиеся заунывным воем инструменты, Медб без лишних слов направилась к неприметной двери, которая вела, как вскоре выяснилось, прямо из главной залы в спальню, обставленную по местным меркам более чем роскошно. Несмотря на множество свечей, внутри царил эдакий полумрак, а у входа застыл вооруженный стражник.

— Эндех! — обратилась к нему Медб.— Повороши-ка уголья, не то сыровато тут после дождя.

Стражник с готовностью отставил копье, быстро покопался кочергой в очаге и был таков. Однако Медб явно не спешила перейти к делу, без всякой цели расхаживая взад и вперед.

— Погляди-ка,— указующе мотнула она головой,— вон череп, принадлежащий некогда Ферадаху мак Конхобару, коего казнить

я велела за то, что дорогого моего Майна Моргора сразил. Видишь, даже глазницы я вызолотила на память.

Ее платье, в более-менее освещенной зале ярко-красное, здесь приобрело мрачноватый кровавый оттенок, плотно облегая пусть и несколько полноватую, но несомненно соблазнительную фигуру. Она повернула голову, и Ши на мгновение ослепил ярко-красный отблеск, отброшенный одним из драгоценных камней с ее короны.

— Не желаешь ли винца испанского отведать для начала?

Ши почувствовал, как по спине у него побежали мурашки, и пожалел, что не остался в компании Оллгойта. Несмотря на все многословие и непомерное самомнение друида, из его хвастливой болтовни вполне можно было бы выудить немало полезного. Судя по приведенным им примерам различных заклятий, он явно был в курсе, как регулировать количественную сторону процесса.

— Благодарю,— вежливо отозвался Ши.

Медб щедрой рукой наполнила два золотых кубка и присела на низенькую скамеечку.

— Придвинься ко мне поближе,— пригласила она,— дабы не перекрикиваться нам, рискуя подслушанными быть. Вот так, молодец. Ну и что же поведать ты вознамерился насчет замыслов наших и бедствий грядущих?

Ши ответил:

— У себя на родине я в некотором роде волшебник — или друид, как вы их тут называете. В общем, при помощи волшебства я случайно узнал о твоей задумке собрать вместе всех врагов Кухулина, а потом наложить на него такой гейс, чтобы ему пришлось сражаться со всеми одновременно.

Она пристально поглядела на него, сузив глаза.

— Чересчур уж много известно тебе, красавец,— проговорила она с явно угрожающими нотками в голосе.— Ну а бедствия — что насчет них?

— Только то, что лучше бы тебе оставить всю эту затею. У тебя и впрямь выйдет одолеть Кухулина, но все закончится грандиозной битвой, после которой и тебе не жить, и мужу твоему, и большинству твоих сыновей.

Она отхлебнула из кубка, после чего вдруг встала и принялась быстро расхаживать от стены к стене, в своем платье похожая на разгулявшуюся между отвесными скалами кровавую волну. Ши

пришло в голову, что этикет наверняка требует от него тоже встать, что он и сделал.

Не глядя на него, Медб рассуждала себе под нос:

— Побывал ты в Муртемне, стало быть... Выходит, и Псу поведал ты, что лапу на него наложить мы задумали... Выходит, и Катбад о сем уже ведает... Ха!

Тут она с проворством и грацией пантеры крутнулась на месте, нос к носу склонившись прямо к физиономии Ши.

— А ну-ка поведай мне, красавец,— часом, не Катбад ли подослал тебя сюда, дабы отвратить нас от цели намеченной? Уж не он ли сказочку про битвы да беды-злосчастья в уста твои вложил?

— Нет, не он. Честно! С Катбадом я действительно на эту тему говорил, и остановить всю эту цепную реакцию он и вправду хочет, но лично я прибыл сюда с несколько иной целью.

Она топнула ногой:

— Не смей врать королеве! Все ясно мне! Катбад не более способен охранить Кухулина от гейсов Оллгойта, чем свинья на дерево взобраться,— вот и послал он тебя сюда со всеми этими разговорчиками про предвиденья твои волшебные!

Ситуация грозила выйти из-под контроля. Ши поспешил заметить:

— Катбад действительно признает, что Оллгойт более квалифицированный друид, чем он сам.

— Спасибо ему на добром слове!

Развернувшись, она энергично пересекла комнату и распахнула большую шкатулку, из которой вытащила золотой браслет.

— А ну, поди-ка сюда!

Ши подошел ближе. Королева, вздернув ему рукав, защелкнула браслет у него на запястье.

— Спасибо,— опешил Ши,— но боюсь, что просто не вправе принять столь...

— А кто ты такой, чтоб о правах своих тут разглагольствовать? Королева его одаривает, а он еще и кочевряжится! Дело это решенное, а с Кухулином договариваться я в жизни не стану — и чихать мне, ежели даже стоить это будет мне жизни и всего прочего!.. Ну ладно, пошли.

Она опять наполнила кубки вином, после чего, крепко ухвативши его за руку, подтащила обратно к скамеечке, усадила и уселась сама, тесно прижавшись к нему бедром.

— Поелику жизнь наша короткою быть обещает, надобно, пока возможность такая есть, все до крошки последней от нее взять!

С этими словами она осушила кубок до дна и откинулась спиной прямо на Ши.

В голове у него с быстротой молнии промелькнула мысль, что, если он отпрянет и даст этой властительной (да при этом и весьма красивой) женщине свалиться на пол, ему точно не сносить головы. Поэтому подхватил он ее за бока исключительно в порядке самообороны. Цапнув его за руку, она немедленно сопроводила ее к своей пышной груди, а нащупав другую, привычным движением направила к поясу.

— Расстегивается здесь,— деловито подсказала она.

В этот прекрасный момент дверь распахнулась, и на пороге возник Майн мо Эперт в сопровождении Бельфебы.

— Матушка и королева!..— провозгласил было молодой человек, но тут же осекся.

Надо отдать Медб должное: на ногах она оказалась хоть и быстро, но с достоинством и без всякого очевидного смущения.

— И всегда ты будешь вести себя, будто дите малое? — требовательно вопросила она.

— Но есть дело у меня для рассмотрения — обвинить я желаю сию женщину! Дала обещанье она мне, твердо дала, а на ней, оказывается, гейс, от коего у мужа достойного все нутро словно ядом едким выжигает!

— Вели Оллгойту снять его, и всех делов,— прохладно заметила Медб.

— Ныне ночь Луга. Не сыскать нигде Оллгойта!

— Вот и ступай спать один,— отрезала Медб, оглядывая Бельфебу с довольно кислым выражением на лице.

— Мыслится мне, что нам тоже пора, Гарольд! — произнесла Бельфеба самым что ни есть жизнерадостным тоном.

7

Едва они выбрались на свежий воздух, Бельфеба заговорила первой:

— Ни слова более! И сама я все ведаю. Платье ее красное столь глаза тебе ослепило, что поспешил ты снять его поскорей!

— Честное слово, Бельфеба, я...— залепетал Ши.

— О, избавь меня от своих пустых сетований! Не первая я жена, верность мужа коей хрупка, как стекло, и не последняя. Чего это там на руке у тебя напялено?

— Послушай, Бельфеба, я тебе сейчас все...

Из скопления теней выступил смутный силуэт, оказавшийся в призрачном лунном свете Оллгойтом.

— Коли желаешь ты на холм сидов взглянуть, Мак-Ши, то самый час теперь! — объявил он.

— Не хочешь присоединиться, детка? — спросил Ши.— По-моему, нам обоим есть смысл немного пройтись.

— Ни чуточки. Лично мне давно уж в постель пора,— нехотя отозвалась она, прикрывая ладошкой воображаемый зевок.— Все эти гейсы ваши, равно как и...

— Послушай, а может, я тогда...— начал было Ши и тут же примолк. Ему до смерти не хотелось оставлять Бельфебу без присмотра в ее теперешнем настроении — независимо от того, насколько оно было обоснованно. Но при этом он прекрасно сознавал, что на сотрудничество с хвастливым друидом нечего и рассчитывать, если постоянно ему не поддакивать и вообще всячески не умасливать. Кровь из носу, а изучить принципы здешней магии требовалось как можно скорей.

— Ну ладно,— решил он наконец.— До встречи, детка.

Он отвернулся и вслед за Оллгойтом решительно зашагал сквозь лабиринты темных улочек. Стражники у ворот, как ни странно, бодрствовали — дань установленной Медб строгой дисциплине,— но без лишних слов выпустили друида и его спутника за городскую черту. Оллгойт, то и дело спотыкаясь на темной тропе, без умолку вещал:

— Короче, про этих самых сидов: владеют они четырьмя величайшими сокровищами Ирландии — котлом Дагда, что никогда человека без пропитанья не оставит, камнем Фала, что насмерть поразит любого, в коего брошен будет, Луга копьем, а также Нуаду мечом смертоубийственным, что сразить способен каждого, кто супротив него встанет, а владельца своего от любой напасти охраняет надежно.

— Круто! — притворно крутил головой Ши.— Кстати, тогда за столом ты чего-то упоминал насчет...

— Дашь ли ты когда-нибудь человеку достойному рассказ свой закончить? — возмутился Оллгойт.— Так вот: самим сидам не дано сокровища сии использовать — лежит на сокровищах оных гейс, согласно которому управиться с ними под силу только

обычному человеку земному. Но и расстаться с сокровищами не спешат сиды — из опасенья, что как бы приобретатель новый супротив них самих приобретением не воспользовался. Короче, готов будь к тому, что гостей незваных встречают они более чем сурово!

— Можно подумать...— опять начал Ши.

— Как сейчас помню: как-то раз проходимец один, Голл его звали, ничтоже сумняшеся проникнуть туда удумал,— как ни в чем не бывало продолжал Оллгойт.— Тем дело кончилось, что сиды оба уха ему отрезали да свиньям скормили. Сам понимаешь — с той поры Голл указанный далеко уж не тот, что раньше был. Да, чудной это народец, и непростым надобно быть человеком, дабы с ним столковаться!

Наконец во тьме перед ними постепенно проступила смутная громада холма, в котором, по словам друида, обитали сиды.

— Ежели глаза свои напряжешь, красавец,— указал Оллгойт,— то слева вон от того деревца углядишь пятно потемнее прочих, что средь каменьев упрятано. Давай-ка поближе подойдем чуток.

Цепляясь друг за друга, они взобрались на подножие холма.

— А теперь, коли стоять будешь, где стоишь, то узришь отраженье света лунного вон оттуда.

Ши пригляделся, вертя головой вправо-влево, и вскоре действительно углядел на плоской поверхности скалы какой-то смутный отблеск, не столь четкий и ясный, как ожидал, а больше похожий на лунную дорожку на поверхности пруда, подернутого легкой рябью,— явно участок наибольшего магического напряжения.

— Далеко не всякому взялся бы я такое показывать,— доверительно сказал Оллгойт,— да что там показывать — даже на словах поминать бы не стал! Но поелику всяк ты обратно в Америку свою собрался, могу я тайну тебе доверить: чары, кои сидами на ворота сии наложены, таковы, что открыть проход выйдет и без знания языка древнего. Гляди!

Он воздел руки вверх и принялся декламировать:

Те, кто направил путь за моря,
Те, кто привел к нам Миля сынов...

Декламировал он не так уж долго и вскоре закончил:

Кто отворит нам проход в Тир на н-Ог?
Только Оллгойт — величайший друид!

На последнем восклицании он резко хлопнул в ладоши. Колеблющийся отблеск исчез, и на его месте перед взором Ши возникла лишь чернота, словно он заглядывал в некий туннель, ведущий в глубь холма.

— Ступай, ступай, не тушуйся,— подбодрил его Оллгойт.— Сомнительно, чтоб сиды навредить сумели столь могущественному друиду, как я!

Ши осторожно подступил ближе. Перед ними и впрямь зиял вход в темный туннель, в дальнем конце которого теплился тусклый свет. Протянув руку к черному пятну в твердом камне, он действительно не встретил никакого сопротивления — только лишь ощутил не совсем приятный холодок.

— И долго эта нора будет открыта? — поинтересовался Ши.

— Достаточно долго, чтоб и туда сходить, и обратно!

— И ты считаешь, я тоже смогу в случае чего ее открыть?

— Коли волшебник ты искушенный, за чем же дело стало? Довольно лишь заклятье должное наизусть выучить. Но баш на баш: желаю получить я и чего-нибудь взамен.

— Об чем речь! — отозвался Ши, практически не задумываясь: для целей обмена вполне годились достаточно простенькие чары, которым он обучился в Царстве Фей.— Хочешь, покажу, как превращать воду в вино?

Если бы он попытался сделать это сам, то наверняка получил бы ром или даже что-нибудь покрепче, но у Оллгойта с количественным контролем, судя по всему, был полный порядок — вот пусть сам и разбирается.

Глаза Оллгойта в свете луны плотоядно заблестели.

— Стоит на эдакое поглядеть! Ну а теперь воздень руки!

Ши пару раз повторил слова заклинания вслед за Оллгойтом, после чего произнес их самостоятельно. Мерцающий отблеск исчез, и вход в туннель показался опять.

— Мыслится мне,— заметил Оллгойт на обратном пути,— что неразумно будет вновь являться туда ночью нынешней. Наверняка услыхали сиды, как ворота их хлопают, то открываясь, то закрываясь, и стражу подле них выставили, и хоть с оружием не густо у них, народцу этому палец в рот не клади!

— Я буду осторожен,— заверил его Ши.

Вернувшись в город, он легонько постучал в дверь гостевого дома.

— Кто там? — послышался голос Бельфебы.

— Это я — Гарольд!

Лязгнул засов, дверь распахнулась, и она возникла на пороге — полностью одетая и встревоженно нахмуренная.

— Господин мой,— произнесла она,— заклинаю великодушно простить меня за гнев мой неоправданный! Ясно мне теперь, что не более виноват ты в происшествии недавнем, нежели я тогда в Муртемне. Но как бы то ни было, надобно нам поспешить!

— Это ты о чем?

Она торопливо собирала их немногочисленные пожитки.

— Только что Пит сюда заглядывал. Грозит нам опасность смертельная — а тебе в первую очередь. Королева дозволенье дала этому Лугайду, что приставал к тебе недавно, голову твою заполучить, коли он этого желает.

Ши воинственно положил руку на рукоять меча.

— Посмотрим, как это у него выйдет!

— Дурачок! Явится он не один, но с целою шайкой — шестеро их будет, а то и с целый десяток. Идем!

С этими словами она решительно потащила его к дверям.

— А сам Пит-то где? Назад нам без него нельзя!

— Коли лишишься ты головы, вообще нам путь обратный закрыт будет,— отозвалась она, осторожно выскальзывая на темную безмолвную улицу.— Что же до Пита, то изо всех сил старается он время нам выиграть — покуда поет он, забыли они про все на свете. Поспешим!

— Честно говоря, пока я не понимаю, что это нам даст, если прямо сейчас так вот попросту исчезнуть,— сказал Ши.— Хотя погоди-ка... В случае чего можно будет уже без всякой спешки связаться с Оллгойтом. Да, ты права.

Ворота охранял только один стражник, но он немедля перегородил им дорогу копьем и объявил Ши:

— Не велено мне выпускать тебя отныне. Приказ королевы!

Бельфеба тихонько ойкнула. Ши полуобернулся и увидал пляшущие вдали яркие искорки. Факела! Он быстро повернулся назад, выхватил свистнувший в воздухе меч и без всяких лишних слов сделал выпад, целясь в шею стражника. Тот ловко вздернул круглый щит. Меч Ши бессильно брякнул по бронзовым украшениям, а стражник, ни секунды не медля, профессионально нацелился в него копьем.

Ши увернулся и отбил копье в сторону, но проклятый щит никак не давал перейти в ответное наступление. Он дважды пытался делать выпады, но всякий раз легкое движение щита показывало, что толку от них не будет. Воин занес копье для нового удара, но тут же пошатнулся, осыпая бранью Бельфебу, которая ухитрилась скользнуть ему за спину и ухватиться за тупой конец копья.

— Хо! Тревога! — завопил он.

Зевать в такой ситуации никак не следовало. Ши нацелился было рубануть стражнику по шее, но тот увернулся, одновременно выпустив копье и оставив его в руках Бельфебы — та от неожиданности повалилась на спину,— и выхватил меч.

Ши молниеносно оценил ситуацию: голова и шея стражника — цель слишком маленькая и надежно прикрытая щитом; торс защищен вдвойне — и щитом, и кольчугой. Ниже!

Первый обманный удар в голову вынудил стражника вздернуть щит, и клинок Ши тотчас метнулся к его бедру повыше колена — чуть пониже каймы килта. Наконец-то Ши почувствовал, как клинок впился в мясо. Нога противника подкосилась, и он рухнул на землю, гремя металлом амуниции и испуская пронзительные вопли.

За спиной у них послышались ответные крики, и рой огненных искорок повернул в их сторону.

— Бежим! — вскричала Бельфеба, устремляясь во тьму. Хоть она по-прежнему сжимала в руках здоровенное копье, отобранное у стражника, на скорости ее бега это ничуть не отразилось. Ши, силясь не отстать от жены, слышал, как крики позади становятся все громче.

— Жми вон к тому холму! — пропыхтел он на бегу. Успокаивало в подобной ситуации лишь то, что в Ирландии тех времен еще не успели додуматься до настоящего дальнобойного лука со стрелами. Чем-то это мешало, но на сей раз было только кстати.

Деревья попадались лишь изредка, но в неверном лунном свете было не так-то легко разобрать дорогу. В очередной раз обернувшись на бегу, Ши заметил, что факельщики уже достигли ворот и теперь рассыпались по сторонам. Времени в запасе практически не оставалось, и главное было ничего не перепутать в тексте заклинания. Какими бы опасностями ни грозила им встреча с сидами, оставаться в Коннахте было равносильно самоубийству.

Он уже начал выдыхаться, хотя Бельфеба бежала рядом с ним все с той же легкостью. Холм темной громадой громоздился прямо перед ними.

— Вон туда! — выдохнул Ши, устремляясь вверх по неровному склону практически в полной тьме: с тех пор как они побывали тут с Оллгойтом, луна успела переместиться по небосводу и знакомый путь скрылся в тени. Вот и та черная скала, отсвечивающая чудным блеском, словно мутное зеркало. Ши воздел руки над головой и принялся декламировать, тяжело дыша и отдуваясь:

Те, кто направил... путь за моря...
Те, кто... привел к нам Миля сынов...

Позади кто-то из преследователей уже их углядел и криками созывал к себе остальных. Краем глаза Ши заметил, как Бельфеба крутнулась на месте и ухватилась за середину копья, намереваясь его бросить, словно дротик, но времени остановить ее и растолковать, что данный вид оружия для этого не предназначен, у него уже не оставалось.

— Только Мак-Ши — величайший друид! — громогласно завершил он.— Пошли!

С этими словами он потащил Бельфебу к открывшейся в скале черной дыре, едва заметной в темноте. Едва они углубились в черноту прохода, как Ши ощутил во всем теле какое-то странное покалывание, словно его слегка ударило током.

В этот же самый миг лунный свет сменился солнечным. Они с Бельфебой стояли на склоне какого-то холма, очень похожего на тот, в который только что вошли. Ши едва успел осознать, что окружающий пейзаж является полной копией того, который они только что оставили, как что-то стукнуло ему по голове и он свалился без чувств.

8

Бриан мак Сметтра, король коннахтских сидов, наклонился в своем резном кресле и внимательно оглядел пленников. Ши с самым что ни есть невозмутимым видом глянул на него в ответ — хоть руки у него были надежно скручены за спиной, а голова буквально раскалывалась от боли. Бриан оказался долговязым худощавым типом с блеклыми светлыми волосами и голубыми глазами, которые, казалось, для его мелковатой физиономии были чересчур велики. Прочие в большинстве своем тоже отличались некоторой хрупкостью телосложения, и с античной простотой были облачены в обернутые вокруг тела туники. Окружающая обстановка была тут явно попроще, чем в той части древней Ирландии, откуда они только что прибыли: так, например, вместо нормального камина с трубой здесь фигурировал открытый очаг, который пылал прямо посреди помещения, а дым уходил попросту сквозь дыру в крыше.

— Не ждет вас ничего доброго, коли продолжать вздумаете в том же духе,— объявил король.— Покуда не вижу я выхода иного, кроме как снять вам головы с плеч, коннахтам злосердечным!

— Никакие мы не коннахты! — возмутился Ши.— Как я уже говорил...

Тут его перебил какой-то здоровяк с черной спутанной шевелюрой:

— Вид у них, как у гаэлов, выговор у них, как у гаэлов, и одеяния у них, как у гаэлов!

— Кому в сем лучше толк знать, как не Нере-чемпиону — кто некогда и сам гаэлом был, покуда не стал одним из нас? — вопросил король.

— Послушай, король,— терпеливо сказал Ши.— Мы можем доказать, что мы не гаэлы, очень простым способом — а именно обучив вас тому, о чем никакие там гаэлы и слыхом не слыхивали!

— Да ну? — скептически отозвался король.— И коего же рода диковинам учить ты нас вздумал?

— Лично я могу показать твоим друидам кое-что новенькое по волшебной части,— ответил Ши, в то время как откуда-то сбоку ему немедленно вторила Бельфеба:

— А я могу показать, как лук смастерить, что ни много ни мало на две сотни ярдов стреляет!

— Ясно теперь, что переполнены вы ложью чудовищной и что только головы нам задурить вздумали,— молвил Бриан.— Общеизвестно, что лучше друидов наших во всем свете не сыщешь, да и лука такого быть не может, чтоб стрелы свои посылал столь далёко. Лишь время решили потянуть вы на наших харчах, покуда обман ваш не вскроется. Хотя не сокрыто от нашего взора, что обман ваш и так ясен. Прощайтесь с головами своими!

Взмахом руки он показал, что все свободны, и начал подниматься. Черноволосый Нера ухватился за рукоять меча:

— Ежели дозволено мне будет...

— Минуточку! — отчаянно вскричал Ши.— Насколько я понимаю, этот малый — ваш местный чемпион? Хорошо, а как насчет того, если я брошу ему вызов?

Король опять опустился в кресло и малость поразмыслил.

— Коли уж так и так с головою тебе расставаться,— заключил он в конце концов,— не вижу препятствий я к тому, чтоб заодно и забаву из казни грядущей не извлечь. Но ведь нет у тебя доспехов?

— А на черта они сдались? — вопросил Ши.— Без всякого лишнего обмундирования мы с ним только быстрей отстреляемся!

Он услышал, как Бельфеба приглушенно ахнула, но даже головы не повернул.

— Ха-ха,— подал голос Нера.— Выпускайте выскочку этого — узрите тогда, как на кусочки мельчайшие я его покрошу!

Кто-то развязал Ши, и он несколько раз согнул и разогнул руки, чтобы восстановить кровообращение. После этого его довольно бесцеремонно вытолкали за дверь, где воины Туата де Данаан уже образовали круг, и сунули ему в руку меч. Это был типичный ирландский клинок, практически без острия на конце и более приспособленный для рубки.

— Эй! — выкрикнул Ши.— Хочу мой собственный меч, который у меня отобрали!

Бриан пару мгновений подозрительно его оглядывал.

— Принесите,— распорядился он в конце концов, после чего крикнул: — Миах!

Принесли палаш, на котором Ши в свое время лично заточил кончик до максимальной остроты. В этот самый момент сквозь толпу протолкался какой-то долговязый старик, седая борода и седая взлохмаченная шевелюра которого придавали ему вид какого-то безвестного поэта старинных времен.

— Проверь, не лежит ли на клинке гейс некий! — распорядился король.

Друид почтительно принял палаш, положил его плоской стороной на ладони и повел вдоль клинка носом, принюхиваясь. Затем поднял взгляд.

— Не чую я тут запаха гейсов волшебных,— признал он, после чего нацелился носом на самого Ши, словно ищейка.— А вот в нем определенно есть кое-что, что ремесло мое затрагивает!

— Это его не спасет,— отрезал Нера, выхватывая меч.— Ступай сюда и умри, гаэл!

Ши едва сумел парировать первый рубящий удар сверху. Этот тип был явно силен, как лошадь, а обращался со своим громоздким тесаком более чем умело. Несколько минут слышались только тяжелое дыхание да звон клинков. Пару раз Ши пришлось отступить; зрители одобрительно загалдели.

В конце концов Нера, привыкший, как видно, восполнять недостаток выносливости ослиным упрямством, выкрикнул: «Ну погоди, трюкач греческий!» — шагнул назад, ухватил рукоять обеими руками и махнул мечом вокруг себя, явно намереваясь без всяких выкрутасов выбить клинок противника за счет одной только грубой силы. В этот самый момент Ши прибег к маневру, известному как «выпад с хода». Этот прием довольно опасен, когда имеешь дело с опытным фехтовальщиком, но в поединке с подобным варваром он вряд ли грозил серьезными последствиями. Короче говоря, едва только Нера успел раскрутить вокруг себя тяжеленный меч, как Ши немедля скакнул с правой ноги вперед, до отказа вытянув руку с клинком. Острие вонзилось упрямому чемпиону прямо в грудь.

При этом Ши намеревался сразу же выдернуть клинок обратно, резко отклонившись вбок, чтобы избежать летящего сверху вниз меча противника. Но острие, как на грех, застряло между ребрами. Спасло Ши лишь то, что раненый соперник был просто не в состоянии воспользоваться секундным преимуществом — его затрепыхавшийся в воздухе и потерявший силу клинок зацепил Ши за плечо, что называется, уже на излете. Не успел он почувствовать жалящий укус стали, как его палаш выскочил из ловушки, и в тот же миг Нера, не вымолвив ни слова, перегнулся пополам и рухнул оземь.

— Ты ранен! — вскричала Бельфеба.— Развяжите меня!

— Царапина! — отмахнулся Ши.— Ну так как по-твоему, король Бриан,— я победил?

— Развяжите женщину,— распорядился король подземных жителей и задумчиво пощипал бороду.— Что ж, и впрямь победил ты! Может, и лжец ты, каких свет не видывал, но также герой и чемпион, и таково правило наше, что отныне следует занять тебе место побежденного. Наверняка возжелаешь ты голову его для украшенья дома, коим обзаведешься вскоре?

— Послушай, король,— терпеливо сказал Ши.— Статус вашего официального чемпиона мне совсем ни к чему, и никакой я не лжец. Могу это легко доказать. Я взял на себя серьезные обязательства. Я действительно родом из тех краев, что расположены столь же далеко от гаэлов, как они сами от Тир на н-Ога, и если я не вернусь туда как можно скорей, меня ждут крупные неприятности.

— Миах! — воззвал король.— Истину ли вещает он?

Друид выступил вперед со словами: «Принесите мне котел с водою!» — а когда затребованный котел принесли, велел Ши обмакнуть в него палец. После этого он сделал несколько пассов — исключительно пальцами, что-то шепча про себя,— и вскоре поднял взгляд.

— По мнению моему,— объявил он,— и впрямь Мак-Ши некими обязательствами обременен, и, ежели не исполнит их в срок, падет на него гейс, сулящий ему стесненья в жизни великие!

— Вопросы сии удобней обсудить будет за кружкою пива доброго,— рассудил король.— Повелеваем мы вам следовать за нами!

Бельфеба, которая тем временем успела кое-как залатать раненое плечо Ши, взяла его за руку, и они пошли вместе. Меч он тоже прихватил с собой. Нести его было не особо удобно, тем более что ножны у него отобрали, но не бросать же на улице хорошую вещь, к которой уже успел привязаться! Когда они зашли обратно во дворец, король Бриан опять уселся на свое место и объявил:

— Дело сие не из простых и немалых раздумий требует, но прежде, чем сужденье мы свое вынесем, потребно знать нам кое-что дополнительно. Итак, что за новое волшебство поминал ты?

— Это так называемое симпатическое волшебство,— охотно ответил Ши.— Я могу показать Миаху, как с ним управляться, но древнего языка я не знаю, так что ему придется слегка мне помочь. Видишь ли... я тут как-то пытался вернуться обратно домой, и как раз по этой самой причине у меня ничего не вышло.

Дальше он подробно растолковал ситуацию: что приключилось при дворе Медб и Айлиля и почему им так необходимо выручить Пита и возвращаться только вместе с ним.

— А теперь,— объявил он,— если кто-нибудь даст мне немного глины или воска, я покажу, что это за штука симпатическая магия!

Миах вышел вперед и с интересом наклонился, когда Ши шлепнул принесенную пригоршню сырой глины на первую подвернувшуюся деревяшку и вылепил из нее грубое и бесформенное подобие сидящего в кресле короля.

— Я собираюсь наложить на эту штуку такие чары, чтоб она ожила — воспарила к жизни, так сказать,— пояснил Ши заинтересованному Миаху.— Только, боюсь, если ты тоже не будешь заклинать, может выйти что-нибудь не то. В общем, когда я начну шевелить руками, начинай.

— Будет сделано,— с готовностью откликнулся Миах.

Из пары строф Шелли вполне могло выйти заклинание для оживления — или, как неосторожно выразился Ши, «воспарения» некоего заколдовываемого предмета. Ши быстро прогнал в голове черновой вариант, после чего ухватился за деревяшку с кустарной скульптурой одной рукой, а другой принялся делать пассы, бормоча про себя слова. Когда он воздел деревяшку вверх, Миах, тоже декламирующий некое заклинание, профессионально возвысил голос.

В этот самый момент все свидетели эксперимента, как один, взвизгнули. Ши почувствовал, как на руку с деревяшкой словно навалилась невероятная тяжесть, а по полу дворца зигзагом пробежала трещина. Полуобернувшись, доморощенный заклинатель не без изумления обнаружил, что королевский дворец вместе со всем его содержимым и обитателями стремительно вздымается ввысь, словно лифт, задевая ветки окружающих деревьев, а на дверном пороге, отчаянно уцепившись в него побелевшими пальцами, висит какой-то незадачливый зритель.

Ши прекратил делать пассы и поспешно повторил последнюю строчку заклинания задом наперед, опустив при этом деревяшку к полу. Дворец послушно брякнулся на место, отчего со стен слетел весь понавешанный на них скарб, а присутствующие бесформенной орущей кучей повалились на пол. Миах застыл с разинутым ртом.

— Пардон,— пролепетал Ши.— По-моему, я...

Утвердив на место завалившуюся набок корону и малость придя в себя, король Бриан поинтересовался:

— Уж не разрушить ли до основанья дворец ты наш удумал?

— О король,— поспешил вмешаться Миах,— таково мнение мое, что сей Мак-Ши учинил не более, чем запрошено было, и волшебство его к самым прекрасным и могучим я бы отнес!

— В силах ли твоих снять гейс с супруги его и возвратить их на родину далекую?

— С той же быстротою, как на крыльях лебедя дикого!

— Тогда внимайте же приговору нашему! — торжественно простер руку король Бриан.— Боги велят нам любую помощь оказывать тем, кто волею судеб обязательствами обременен. Стало быть, таким образом и нам поступить следует. Но сказанному ничуть не противоречит, что за любое деянье равноценным деяньем отплатить следует, и положение сие обойти мы не вправе. Итак, сразил Мак-Ши чемпиона нашего, а место его занять не желает. Дабы равновесие событий соблюсти, велим мы испытать, не сгодится ли взамен обязанностей чемпионских лук тот чудесный супруги его, стрелы коего, ежели только и впрямь не уступает он качеством волшебству его собственному, и впрямь способны холмы да горы насквозь простреливать.

Тут он примолк, на что Ши немедленно кивнул. Звучало все это и впрямь весьма логично и справедливо.

— Второй же вопрос повестки дня нашей,— столь же торжественно продолжал Бриан,— это гейс, от коего супругу его избавить надобно. Взамен предлагаем мы означенному Мак-Ши друида нашего посвятить в последние веяния науки магической. А что же касаемо перемещенья упомянутой пары в их земли исконные, то приговор наш таков будет: отплатить Мак-Ши упомянутому следует за услугу сию тем, что возьмется избавить он нас от синеха, ибо чудище сие великими бедами нам грозит, а сам он и как воитель, и как волшебник славен.

— Минуточку,— деловито вмешался Ши.— Все это хорошо, но только как мы найдем Пита и вернем его домой? Если мы этого не сделаем, нас ждут большие проблемы. А кроме того, не забывайте про Кухулина. Мы, как ни крути, просто обязаны ему хоть чем-нибудь помочь. Медб от своего плана не отступится, это уж как бог свят.

— С превеликим удовольствием помогли бы тебе и в таком деле, но увы — закон отплаты требует, а платить, как мыслится нам, тебе более нечем!

Тут подал голос Миах:

— И все-таки вижу я способ, как все их просьбы законным образом удовлетворить — не считая разве неурядицы с Питом означенным, разыскать коего мне всяк не под силу.

— Поведай-ка о сем подробней,— распорядился Бриан, нахмурившись.

— Гейса касаемо,— обстоятельно начал Миах.— Коли наложен он был по ошибке, а не порядком естественным, то снять его можно только лишь там, где наложили его, и друид, за дело такое ответственный, при том присутствовать должен. Касаемо же синеха, то столь ужасно чудище оное, что даже самому Мак-Ши со всем могуществом его ой как нелегко придется! Из сказанного исходя, дозволь снабдить его великим мечом Нуаду неодолимым. Самим нам применять его гейс возбраняет, а вот ему-то он как раз по руке придется. Ежели управится он с задачей, то вручит его после герою Кухулину — а тот уж сам сообразит, как с его помощью коннахтов проучить, коих мы терпеть не можем! Поскольку же и сам Мак-Ши, и меч означенный под верным надзором у меня будут, сумею приглядеть я, чтоб реликвия сия по назначению вернулась.

Король оперся подбородком о кулак и с минуту хмурился. В конце концов он вымолвил:

— Приказываем учинить все согласно совету твоему!

9

Миах ловил все на лету. С какой-то лишь третьей попытки он успешно превратил некоего типа, которого малость недолюбливал, во множество красивых желтых пятнышек, тут же рассеявшихся по ветру, и на радостях пообещал Ши для охоты на синеха не только меч Нуаду, но и волшебные башмаки Иубдана, в которых можно было расхаживать по воде аки посуху. Растолковал он и причину, по которой колдовство Ши с нудным постоянством приводило к совершенно непредсказуемым результатам: дело было в том, что свои заклинания он произносил не на том языке, каком следовало. Но поскольку без заклинаний того или иного рода магия всяк не действует, а времени учить язык у Ши не оставалось, от подобной консультации вряд ли был какой-либо прок.

Что же касается пресловутого синеха, то тут выяснились куда более интересные вещи, которые зародили у Ши определенные надежды. Предварительно Миах долго ворожил над котлами с водой и колючими ветками терновника, пытаясь предсказать развитие событий. И хоть при своих знаниях магии данного конти-

нуума Ши не углядел ничего, кроме неясного клубящегося шевеления под чистой поверхностью воды в котле, друид заверил его, что в момент прибытия в мир ирландских легенд Ши автоматически стал обладателем гейса, не позволяющего ему вырваться отсюда до тех пор, пока он не внесет в структуру континуума некие достаточно кардинальные изменения.

— Поведай-ка мне, Мак-Ши,— поинтересовался он при этом,— не случалось ли чего-то подобного и в иных краях, в коих ты побывал? Ибо вижу я посредством ворожбы своей, что посетил ты их немало!

Ши, который сразу припомнил, какое деятельное участие он принял в развале Ордена Чародеев в Царстве Фей и чего успел натворить, покуда окончательно не вырвал свою потерявшую память супругу из лап сарацин в «Неистовом Роланде», вынужден был согласиться с подобным утверждением.

— Все так, как поведал я тебе, не изволь сомневаться,— заверил Миах.— И мыслится мне, что на гейс сей обречен ты с самого рождения своего, о факте оном не ведая. Любой из нас хоть какому-нибудь гейсу подвержен. У меня вот, к слову, такой, от коего печень свиную вкушать я не вправе. Хорошо тому живется, кому гейс его хлопот особых не доставляет!

Бельфеба подняла взгляд от стрелы, которую старательно затачивала. Лук у нее вышел хоть куда, но вот с выдержанным деревом для стрел возникли некоторые проблемы.

— И все же, мастер друид,— заметила она,— не меньшие беды грозят нам и тогда, коли запоздаем мы с возвращеньем, а тем более без сотоварища нашего Пита вернемся. И то и другое равно для нас губительно!

— Лично я бы ничуть, ничуть на вашем месте не беспокоился! — поспешил утешить ее Миах.— Ибо такова гейса сего природа, что стоит только условия его исполнить, как докучать он вам более не в силах. Что же до времени, кое доведется вам в стране сидов пробыть, то сравнимо оно от силы с минутою в краях ваших исконных. Так что нет вам нужды на сей счет заботиться — покуда вы опять средь гаэлов не окажетесь.

— Выходит, мы заработали хоть какую-нибудь да отсрочку,— заключил Ши.— Эх, только бы вот с Питом разобраться — и делу конец!

— Покуда узреть я не сподоблюсь его воочию, ничуть не подействует на него моя ворожба,— ответствовал Миах.— А ныне,

мыслится мне, самое время обувку волшебную тебе испытать. Короля Фергуса, помнится, все тот же синех сожрал и не выплюнул, а все из-за того, что пользованию башмаками чудесными обучиться тот не удосужился — была у него, бедолаги, точь-в-точь такая же пара.

Он любезно сопроводил Ши к какому-то маленькому озерцу, в котором синехи, по счастью, не водились, и начинающий водоход, опасливо перебирая ногами, поволокся от берега прочь. Вода под ногами слегка проминалась, образуя вокруг подошв мениски, но чудо-ботинки и впрямь словно превращали озерную воду под собой в некую субстанцию вроде студня — достаточно плотную, чтобы выдержать человеческий вес. Попытки передвигаться обычным шагом особого успеха не имели, но вскоре Ши выяснил, что гораздо удобней скользить как на коньках, шаркая ногами по воде,— хотя прекрасно представлял при этом, что, если он споткнется о какую-нибудь шальную волну, ничего хорошего его не ждет. Стоит только плюхнуться в воду плашмя, как волшебные башмаки не только не спасут, но и попросту не дадут вынырнуть, удерживая ноги на поверхности,— так и будешь висеть под водой головой вниз, пока окончательно не захлебнешься. Но скорость ему удавалось развивать вполне приличную, и он уже вовсю осваивал крутые развороты на месте, пока надвигающаяся ночь окончательно не вынудила его свернуть тренировочный процесс.

Наутро они внушительной процессией выступили к озеру Лох-Гара, обиталищу монстра — с королем Брианом, Бельфебой и разношерстной командой воинов Туата де Данаан. Последние были вооружены копьями, но, судя хотя бы по одному только виду упомянутых вояк, проку от них было бы немного, случись чего-нибудь серьезное. Двое или трое сразу по прибытии на место отбежали в сторонку, уселись в тени деревьев и вдохновенно принялись сочинять поэмы, а прочие с сонным видом разбрелись кто куда.

Миах пробормотал друидическое заклинание, размотал тряпку, в которую был завернут меч Нуаду, и вручил его Ши. Баланс у того оказался получше, чем у его собственного палаша, во многом благодаря конфигурации клинка, который своими контурами походил на лавровый лист. Как на упомянутом листе, имелся здесь и острый кончик. Когда Ши с любопытством взмахнул при-

обретением, по клинку пробежала светящаяся рябь, словно источник света располагался где-то внутри непроницаемой стали.

Ши огляделся по сторонам.

— Послушай, король,— сказал он.— Я тут кое-что придумал. Вон то маленькое дерево нужно повалить, а на верхушку вот этого, соседнего, набросить веревку. Второе дерево мы нагнем, и...

Под его руководством воины быстро управились с первым деревом, а второе принялись пригибать к земле веревкой, зацепив ее за оставшийся пень. По мере того как веревка высвобождалась, Ши аккуратно сматывал ее в кольца.

— Готовы? — крикнул он наконец.

— Истинно так! — подтвердил король Бриан.

Бельфеба приняла свою обычную боевую стойку, аккуратным рядком разложив перед собой стрелы.

Ши покатил на волшебных ботинках в озеро, понемногу отпуская веревку, которая шлепала по воде у него за спиной. Он уже порядочно удалился от берега, но монстр, как видно, не спешил продемонстрировать себя публике.

— Эй! — заорал Ши, теряя терпение.— Где ты, синех? Вылазь, чудище лох-несское!

Словно в ответ, ярдах в пятидесяти от него гладкая поверхность озера раскололась будто треснувшее зеркало, и над водой на мгновение возникло нечто черное, блестящее и упругое. Это резиноподобное нечто тут же исчезло и появилось вновь куда как ближе. Синех несся к охотнику с быстротой, делающей честь его мускулам.

Ши обеими руками уцепился за веревку и выкрикнул:

— Отпускай!

Крошечные фигурки на берегу заметались, и его как следует рвануло — узел на пне развязали, и согнутое дерево распрямилось, как пружина. Увлекаемый веревкой, Ши устремился к берегу, словно воднолыжник за моторкой. Навстречу свистнула стрела, потом еще одна. Ши, начавший было терять скорость, тут же набрал ее опять, поскольку подчиненные короля Бриана, ухватившись за веревку, во весь опор помчались в глубь берега. Задумка Ши заключалась в том, чтобы посадить синеха на мель и в таковом его беспомощном состоянии разделаться с ним объединенными усилиями, задействовав копья воинов и стрелы Бельфебы.

Но как воины ни старались, у них так и не вышло окончательно выбрать слабину, отчего ярдах в двадцати от берега продвижение Ши почти совсем застопорилось. Под ногами у него уже показалось песчаное дно — на вид глубины было не больше ярда.

Он слышал, как у него за спиной бурлит и шипит рассекаемая чудищем вода. Ши, рискнувший бросить взгляд через плечо, мельком углядел огромную тварь, чем-то похожую на мозозавра, с плавниками по бокам. Сразу за вытянутой, как у ящерицы, приподнятой над водой башкой торчали две стрелы. Еще одна угодила в скулу — Бельфеба явно целила в глаз.

Но стоило Ши даже на какой-то миг обернуться, как его ноги вошли в тесное соприкосновение с подвернувшимся на пути валуном, что торчал из воды от силы на дюйм. Охотник на синехов незамедлительно полетел кувырком, со всего маху воткнувшись головой в прибрежные воды. Челюсти чудовища впустую лязгнули, словно захлопывающаяся дверь банковского сейфа,— по счастью, в тот самый момент, когда Ши уже бороздил физиономией песчаное дно. Открыв под водой глаза, он не разглядел ничего, кроме облаков взбаламученного зверем песка. Еще через миг вода вокруг него зашипела и запенилась — синех вслед за ним влетел на отмель и бешено забился, силясь сдвинуться с места.

Башмаки Иубдана надежно удерживали ноги Ши на поверхности, но в конце концов ему удалось нашарить под водой тот самый валун, о который он столь неудачно споткнулся. Хватаясь руками за его бока, ему удалось поднять голову над водой, волоча за собой упорно не желающие тонуть ноги.

Синех по-прежнему сидел на мели, но дело его было далеко не столь уж безнадежно. Тварь делала вполне определенные попытки добраться до Бельфебы, которая героически удерживала вверенную ей позицию, выпуская одну стрелу за другой. Все тем же взглядом Ши определил, что доблестные воины Туата де Данаан давно уже взяли ноги в руки и задали стрекача.

Чудище, всецело поглощенное Бельфебой как единственно заслуживающим внимания противником, угрожающе вытянуло к берегу башку и зашипело, словно выпускающий пары паровоз. Ши, подкатывая к монстру на своих волшебных башмаках, заметил, как его супруга вдруг наклонилась и схватила одно из брошенных копий, дабы отвлечь внимание на себя. Вытащив меч

Нуаду, он нацелился на шею синеха совсем рядом с головой — там, где она наполовину высовывалась из воды, но в этот самый момент покрывающая ее жесткая грива стеной поднялась у него над головой: стоило ему подъехать к чудищу почти вплотную, как ближайший к нему глаз твари его засек, и огромная башка начала откидываться назад, словно на шарнире.

В полной спешке он загнал меч по самую рукоять, надеясь угодить в крупную артерию.

Синех забился, отчего Ши отлетел назад, выдернув меч. Фонтаном хлынула кровь — такая темная, что казалась просто черной, животное еще сильней закинуло назад голову и испустило тоскливый шипящий рев, свидетельствующий о близкой агонии. Ши подкатил в своих магических ботинках поближе, чтобы ткнуть его еще разок, и едва не споткнулся о громадную шею, но в итоге, ухватившись за гриву левой рукой, буквально оседлал монстра и принялся рубить и колоть направо и налево.

Синех резко вздыбился, отчего Ши, который вцепился в него как клещ, в мгновение ока взмыл над водой футов на тридцать. Но удержаться ему все равно не удалось — пучок гривы вырвало у него из руки, а самого его выбросило в воздух, словно из рогатки. Единственное, что ему пришло в голову, пока он задом наперед летел в неизвестность,— это как бы в момент приземления не напороться на собственный меч. Не успел он окончательно сформулировать эту действительно дельную мысль, как с ужасающим шумом и плеском плюхнулся в воду.

Когда, невзирая на сопротивление волшебных ботинок, которые упорно стремились задрать кверху совсем не ту половину тела, ему все-таки удалось поднять голову над водой, извивающийся раздавленным червяком синех уже без толку пенил воду на мелководье. Его длинная башка бессильно молотила о берег, а глаза подернулись стеклянной мутью. Меч Нуаду на все сто подтвердил свою репутацию инструмента, приводящего исключительно к летальному исходу. Ши кое-как, по-собачьи — мешали проклятые ботинки — окольным путем догреб до берега, стараясь держаться подальше от бьющегося в агонии, бессильного, умирающего, но все еще опасного монстра.

Бельфеба, которая по пояс забежала в воду, помогла Ши подняться на ноги. На промокшее платье ей было явно глубоко наплевать. Крепко обняв супруга обеими руками, она одарила его быстрым, но весьма страстным поцелуем, от которого у того

немедленно скрутило живот. Тем временем за спиной у нее из-под прикрытия леса опасливо выбрались сиды во главе с королем Брианом, вид у которого был такой, будто это он сам победил чудище, и Миахом — изумленным и довольным одновременно.

— Теперь дело за тобой! — обратился Ши к друиду.— Ну как по-твоему: этого хватит, чтоб избавить меня от гейса, который, по твоим словам, на мне лежит?

Миах помотал головой:

— Увы, но, по мненью моему, все же не хватит. И впрямь перемену редкостную учинил ты в землях сидов, но принадлежность имеешь ты к краям, в коих обычные люди обитают, и именно там-то потребно учинить тебе то, что учинить следует! Так что давай-ка пустимся в путь без задержки и поглядим, выйдет ли у тебя отвратить тот рок гибельный, что над Кухулином тяготеет.

10

Ши с Бельфебой тряслись в колеснице по маршруту, который пролегал от той области Тир на н-Ог, что соответствовала Коннахту, к потустороннему эквиваленту ульстерского Муртемна. С Миахом, который ехал в другой колеснице, они уже все обсудили и пришли к заключению, что это было разумней, чем делать попытки выбраться назад в обычный мир той же дорогой, какой они проникли в царство сидов: через враждебный Коннахт наверняка пришлось бы пробиваться с боем, что было совсем ни к чему — хоть на поясе у Ши и висел неодолимый меч Нуаду.

Местность вокруг была очень похожа на ту, надземную, из которой они недавно прибыли, хотя дома здесь были на вид гораздо беднее, да и попадались реже. А когда они остановились у скалистого подножия какого-то поросшего дроком холма, жилья поблизости вообще не оказалось. Миах, который и дал сигнал остановки своему вознице, объявил:

— Здесь кроется еще один проход наш тайный. Держитесь-ка подальше, покуда я чары набрасывать буду, ибо не священный день ныне, а самый обыденный, и чересчур уж могучее волшебство потребуется!

Из колесницы Ши только и разглядел, как он резко воздел руки ввысь, да уловил от силы пару слов заклинания, которое тот декламировал на старинном языке. Вскоре у скалистого подножия холма сгустилась чернота, которая, казалось, вобрала в себя

весь дневной свет. Открытый Миахом тайный проход оказался гораздо шире того туннеля, который не так давно удалось распечатать самому Ши. Возницы взяли лошадей под уздцы, и вскоре они оказались на точно таком же склоне, что и были, только с обратной стороны — неподалеку от твердыни Муртемна, из труб которой поднимался дым.

— Странно,— заметил Ши.— Я-то думал, Кухулин сейчас в Эмайн-Махе вместе с королем, но очень похоже, что он опять здесь.

— Вряд ли сие возможно,— задумчиво возразила Бельфеба.— Насколько успела уразуметь я, из тех он мужей упрямых, коими одна лишь собственная их воля правит и кои воле чужой неподвластны. Ежели вобьет такой себе чего в башку, никакими пророчествами гибельными с пути намеченного его не своротишь!

— Лично я не стал бы...— начал было Ши, но тут же примолк, поскольку из лесных зарослей справа от них вдруг галопом выскочил всадник и, ныряя между холмами, унесся в сторону твердыни Кухулина.

— Наверняка часовой то надзиратель! — крикнул из соседней колесницы Миах.— Мыслится мне, что красавец наш гостей ждет и более чем готов встретить их должным образом!

Они спустились по склону в низину — отчего Муртемн ненадолго скрылся из виду за ширмой молодой лесной поросли и гребнем холма — и опять полезли на подъем, но едва впереди проглянул невысокий перевал, как возницы, будто сговорясь, дружно натянули поводья. Бросив взгляд вперед, Ши увидел, что все до единого молоденькие деревца и кусты на нем снесены и длинным беспорядочным валом громоздятся прямо поперек их пути. В тот же самый момент из засады выскочила шеренга воинов с копьями и щитами наготове.

Один из них выступил вперед.

— Кто вы такие,— грубо вопросил он,— и чего вы тут забыли?

— Я — друид из страны сидов,— с достоинством ответствовал Миах,— и направляюсь с друзьями своими в Муртемн, дабы гейс снять, что лежит на одном из них!

— Можешь считать, что зря ты прокатился,— объявил тип.— Ибо строго-настрого приказано нам не пущать за границу сию никакого друида, ежели только не докажет он убедительно, что коннахтов он знать не знает!

— Горе мне! — вскричал Миах, после чего повернулся к Ши.— Сам видишь, как гейс твой событиями правит по-прежнему! Возбраняется мне помочь тебе именно там, где от помощи сей хоть какой-то прок будет!

— А теперь проваливайте отсюдова! — распорядился тип, многозначительно взмахнув копьем.

Прикрывшись ладошкой, Бельфеба прошептала:

— Разве похоже такое на поведенье их обычное?

— Черт возьми, ты сто раз права, детка! — отозвался Ши.— С точки зрения психологии на Кухулина все это ничуть не похоже! — Он вытянул голову к стражнику: — Эй ты, кто отдал тебе приказ и зачем? Кухулин?

— Неведомо мне, по коему праву допрашивать меня ты удумал, но коли столь интересно тебе, дам я ответ: сам Фараон!

Ши внезапно испытал прилив вдохновения.

— Ты хочешь сказать, Пит американец?

— А кто ж еще?

— Мы тоже американцы и раз уже здесь были. Не позовешь его сюда, а? Тогда все в момент разрешится. Скажи, мол, Ши зовет.

Подозрительно оглядев Ши, а еще более подозрительно Миаха, стражник отступил и отрывисто бросил несколько слов одному из своих сотоварищей, который немедля воткнул копье в землю, бросил рядом щит и рысью устремился в сторону Муртемна.

Ши спросил:

— Как это вышло, что Пит имеет право здесь командовать?

— А как же иначе — Фараон как-никак!

— Да уж, титул и впрямь достойный... Не зря его им пожаловали! Но вот чего я действительно не просеку, так это каким образом он ухитрился удрать из Круахана и добраться сюда!

По счастью, от дальнейших рассуждений на эту тему его избавило поскрипывание и побрякивание быстро несущейся колесницы, которая вскоре притормозила с обратной стороны незатейливого фортификационного сооружения. С борта ее не без важности сошел Пит Бродский собственной персоной, успевший преобразиться в некое подобие янки из Коннектикута при дворе короля Артура: из-под ослепительно алой туники с золотой вышивкой вызывающе высовывались до неприличия обтерханные костюмные штаны, на лбу красовалась кожаная повязка, а

на поясе болталась не одна, а целых две дубинки, причем явно кустарного производства. Порядком отросла и борода.

— Елки-палки! — радостно заорал он во всю глотку,— кого я вижу! Не парьтесь, пацаны, пропустите-ка этих ребят! Все свои.

Ши подвинулся на сиденье, и детектив забрался к ним в колесницу. Стражники с копьями почтительно расступились, когда они тронулись с места. Следуя наставлениям Пита, возница осторожно провел колесницу по узкому замысловатому проходу в заградительной линии. Едва только они выбрались на свободное пространство, как Ши спросил:

— Слушай, а как тебе вообще удалось сюда попасть?

— А-а, это-то как раз проще всего! — отмахнулся Пит.— Короче, допелся я в той лавке до того, что чуть кишки себе не надорвал. Когда вконец достало, подобью, думаю, Оллгойта, чтоб закинул меня назад в Огайо. А он хвостом вертит — мол, когда сколотится вся эта кодла, чтоб пристукнуть Кухулина, самое тебе там место. Записывайся к нам, мол, и точка. А я-то в курсах, что всю эту грядку ждет! Лично мне, думаю, башка еще пригодится. В общем, когда вы свалили, я сразу прочухал, что ежели вы куда и дернетесь, то только сюда. Так что в один прекрасный день, когда Оллгойт в очередной раз позвал меня к королю на хату, чтоб похвастаться всякими побрякушками, меня и осенило: вот, думаю, самый момент сделать ручкой, а заодно и разжиться кое-какими сувенирами на память. Короче, дал ему в бубен, прихватил все, что под руку подвернулось, и смылся.

— Ты хочешь сказать, что спер у Айлиля камушки с короны? — обмер Ши.

— А то! Я чё ему — нанятый? В общем, кое-как проскребся сюда. Встречают меня с распростертыми объятиями и мигом посылают за Кухулином. Ну а я ему и выкладываю, каким именно макаром банда Медб собирается навалять ему по башке — как уже раньше говорил,— но только с такой добавкой, что они еще и собираются накласть на всех его пацанов такой гейс, чтоб все они задрыхли как убитые и даже пальцем шевельнуть не смогли, не то что в драку лезть. А это уже другой компот, понял? Тут у всех уже давно руки на Медб чешутся, но как про гейс услыхали, так сразу зачесали репу. А я-то, понимаешь, не день и не два приглядывал за Оллгойтом и просек, что если он не подберется к объекту достаточно близко, то всем этим его колдовским потугам грош цена.

— Эдак ты скоро настоящим спецом в нашем деле станешь,— заметил Ши.— А что, и у Катбада не вышло отправить тебя домой?

— Домой? Это ты о чем — домой? Мне поручили ответственное дело, верховным фараоном всего войска назначили... Видал, какую я тут линию обороны нагромоздил? Армейская выучка, брат, это тебе не фунт изюму! И ты думаешь, что теперь я все брошу и сольюсь обратно в Огайо? Сказал тоже!

— Ну вот что, дружок...— начал было Ши внушительным тоном, но в этот самый момент перед ними показались ворота Муртемна, а подле них Кухулин с Катбадом в компании высокой красавицы — судя по всему, жены Кухулина Эмер.

Герой провозгласил:

— Весьма рад видеть вас вновь, дорогие мои! Хоть красотою не отмечен человек ваш, молю вас уступить мне его, ибо твердо я уверился: только с его подмогою под силу мне избежать той судьбы гибельной, что мне напророчена!

Ши слез с колесницы и помог сойти Бельфебе.

— Послушай,— сказал он,— Пит уже и так сделал для тебя все возможное, а возвращаться без него нам смерти подобно!

— Слышь,— обратился Пит к Ши,— я черкну тебе письмецо или еще там чего, чтоб ты был чист. Дай ты человеку самому определиться, что к чему! Тут я на своем месте!

— Нетушки,— отрезал Ши.— Давай, Миах.

Друид воздел руки над головой, пробормотал словечко-другое и тут же опустил их опять.

— Гейс по-прежнему на тебе, Мак-Ши,— объявил он.— Я бессилен!

— Ой, совсем забыл! — воскликнул Ши, вытаскивая из-за пояса меч.— Держи, Кухулин,— это меч Нуаду. Я одолжил его у сидов специально для тебя, и его надо будет обязательно вернуть, как только ты управишься с коннахтами — они будут здесь с минуты на минуту. Уж поверь мне: он защитит тебя не хуже Пита! Ну что, теперь все по-честному?

— Истинно так! — отозвался Кухулин, восхищенно взмахивая великим мечом, вдоль клинка которого сразу заструилось и зарябило переливчатое свечение.

— Ну давай, Миах! — нетерпеливо сказал Ши.

Миах опять поднял руки.

— Эй, аллё!..— выкрикнул было Пит, но напев друида все усиливался и креп.

Ф-фуш!

Ши, Бельфеба и Бродский вместе с волной потревоженного воздуха очутились прямо в известной гостиной — той, что в Гарейдене, штат Огайо, и общей перепутанной кучей повалились на пол. Позади них дверь рабочего кабинета Ши была широко распахнута. В момент приземления троицы двое каких-то здоровяков с огромными ножищами повернули к ним перепуганные физиономии. Руки у них были заняты бумагами Ши.

— Да вот же они! — опешил один из них.

— Господи Иисуси! — добавил другой.— Никак и Пит Бродский, ирландец наш синтетический? Только глянь, какой обезьяной вырядился — ну чиста клоун!

Оба громко заржали.

— Пошли вы на хрен, козлы,— буркнул Бродский.— Ирландией я теперь сыт по горло. Отныне — *na zdorowie Polska!* Ясно?

Ши едва ли уделил этому диалогу хоть сколько-нибудь внимания. Ему было не до того — он целовался с Бельфебой.

Содержание

РЕВУЩАЯ ТРУБА
Перевод А. Лисочкина 7

МАТЕМАТИКА ВОЛШЕБСТВА
Перевод А. Лисочкина 119

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАМОК
Перевод Ю. Вейсберга, А. Лисочкина 259

СТЕНА ЗМЕЙ
Перевод А. Лисочкина 431

ВОЛШЕБНИК ЗЕЛЕНЫХ ХОЛМОВ
Перевод А. Лисочкина 509

Лайон
СПРЭГ ДЕ КАМП

Флэтчер
ПРЭТТ

L. Sprague de Camp *F. Pratt*

ISBN 978-5-699-24537-6

ры фантастики шедевры фантастики шедевры фант-